Выпускъ 5.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ II.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ

ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ V.

СИБИРСКАЯ ФАУНА.

6.5,7:

VCm
2

289

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эфяджанца и Комп., въ Тифлисѣ.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

V Cm
2

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. Миддендорфа.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ 19 ЛИСТАМИ КАРТЪ, СЪЕМОКЪ И ПЛАНОВЪ.

№ 40802
Инв.

ЧАСТЬ II.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ

ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

V Cm
2

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ
БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эфяинджанца и Комп., въ Тифлисѣ.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмицдорфа, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. ПЕЧАТЬ РУССКОЙ ИМПЕРІИ

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С. Петербургъ, 16 Января 1869 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Сибирская фауна ..... 1 — 310

Бѣдность и однообразіе ея; сходство съ европейскою фауною ..... 1 — 5

Изобилующіе животными оазисы на глубокомъ сѣверѣ, какъ подъ тропиками стр. 2. — Извѣстные сборные пункты въ извѣстные періоды времени, а потому мѣстами и пустыни стр. 4. — Хвойные лѣса также бываютъ пустынны стр. 4. — Лѣсные пожары оживляютъ мѣстность стр. 5.

Сибирскія позвоночныя животныя, попадавшіяся мнѣ на пути ..... 5 — 7

Необходимо отличать два отдѣла путешествія. Южная Сибирь несравненно разнообразнѣе по части животныхъ, чѣмъ глубокій сѣверъ.

Объемъ видоваго понятія ..... 7 — 15

Естествоиспытатели дробятъ и соединяютъ виды стр. 7. — Это привело къ убѣжденію, что одно и тоже животное водится на сѣверѣ какъ древняго, такъ и новаго міра стр. 8. — Слѣдуетъ придерживаться общаго видоваго названія, а географическія уклоненія обозначать только видоизмѣненіями. Противуположности между сѣверо-американскими и весьма сходными съ ними европейско-азіятскими животными стр. 10. — Тщательное наблюденіе существующихъ нынѣ животныхъ необходимо для составленія выводовъ о способности первобытныхъ формъ подвергаться видоизмѣненіямъ стр. 11. — Невозможно заранѣе опредѣлить существенна или несущественна разница въ отличительныхъ признакахъ животныхъ. То что теперь несходно въ видовомъ отношеніи, произошло, можетъ быть, отъ прежнихъ измѣненій одного и того-же вида, и на оборотъ. Болѣе всего нужно имѣть въ виду обобщеніе видовъ стр. 11—12 — По-этому здѣсь видъ животнаго разсматривается въ обширномъ значеніи этого слова стр. 13. — Попытки производитъ плодовитыя помѣси стр. 13. — Опредѣленные и рѣзко-ограниченные виды стр. 15.

Видоизмѣненія Сибирскихъ животныхъ ..... 15 — 41

Видодѣлители и видохранители стр. 15. — Видоизмѣненія не всегда бываютъ послѣдствіемъ климатическихъ условій стр. 16.

Ростъ стр. 17. — Увеличивающее вліяніе Азіятскаго материка; оно не зависитъ отъ лучшей пищи стр. 17. — На глубокомъ сѣверѣ водятся бо́льшая и меньшая разновидности стр. 18. — Меньшія разновидности вѣроятно образуются отъ позднихъ выводокъ стр. 19 и 25. — Большія разновидности на перекоръ климату стр. 20. — Рослость горныхъ животныхъ, съ противность европейскому правилу стр. 21. — Чрезвычайная сложность причинъ. Ростъ животныхъ соотвѣтствуетъ величинѣ материковъ (стр. 18 и 23). — Рослость животныхъ на берегахъ «Берингова пролива» стр. 23. — Зависимость роста отъ питанія стр. 24—26.

Цвѣтъ стр. 27. — Зависимость его отъ свѣта и тепла. Обиліе свѣта въ полярныхъ странахъ во время перемѣны покрова животныхъ. Не смотря на обиліе свѣта на Альпахъ, на нихъ все-таки встрѣчаются разновидности чернаго и тусклаго цвѣта стр. 28. — Блескъ сибирскихъ мѣховъ. Совпаденіе весенняго и осенняго линянія на глубокомъ сѣверѣ стр. 29. — Только за предѣломъ лѣсной растительности преобладаютъ живот-

Стран.

ныя, бѣлѣющія на зиму, стр. 30. — Черныя разновидности часто встрѣчаются между животными, бѣлѣющими на зиму стр. 31. — Сходство цвѣта животныхъ съ цвѣтомъ почвы. Степной цвѣтъ стр. 32—33. — Черныя и темныя разновидности. Причина этихъ цвѣтовъ стр. 34. — Бѣловатость въ противуположность выцвѣтанію стр. 35—36. — Преобладаніе темнаго цвѣта стр. 37—38. — Существованіе климатическихъ разновидностей стр. 39—40.

Единство области распространенія каждаго животнаго ..... 41 — 47

Рѣдкія исключенія изъ этого правила, которыя обыкновенно можно объяснить историческими отдѣленіями, стр. 41—42. — Доказательствомъ этому служитъ Фауна острова Сахалина стр. 42. — Необходимо допустить центры распространенія стр. 44. — *Pica cyana* стр. 45. — Зубръ, норка и миксъ стр. 46—47.

Данныя для исторіи распространенія Сибирскихъ животныхъ ..... 48—129

a) Истребленіе. Исчезли наиболѣе рослыя животныя. Бѣдствія отъ вредныхъ насѣкомыхъ, происходящія вслѣдствіе нарушенія человѣкомъ равновѣсія въ природѣ стр. 48—49. — Страданія, причиняемыя москитами. Истребленіе ихъ посредствомъ уничтоженія болотъ стр. 49—52. — Страданія отъ вшей стр. 53—54. — Истребленіе многихъ млекопитающихъ животныхъ преимущественно на экваторіальныхъ предѣлахъ ихъ въ Европѣ. Травоядныя животныя истреблены прежде другихъ стр. 55—57. — Стеллерова морская корова стр. 56—68. — Морской бобръ, сивучъ и котикъ стр. 61—66. — Морская корова обладала особенными способностями сдѣлаться домашнимъ животнымъ стр. 67. — Истребленіе материковыхъ животныхъ стр. 68—69. — Овца - аргали стр. 70. — Бородастый ягнятникъ стр. 70—71. — Бобръ стр. 71—76. — Соболь стр. 77—84. — Списокъ убитыхъ животныхъ стр. 85. — Дикая кошка стр. 87. — Волки оказываются истребителями лисицъ стр. 88. — Отсутствіе волка въ мѣстностяхъ, отличающихся глубокимъ снѣгомъ. — Дорогу къ нимъ пролагаетъ ему культура стр. 89—90. — Медвѣдь стр. 90. — Лось стр. 91—93. — Сайга стр. 93—94.

b) Сохраненіе исчезающихъ животныхъ, равно какъ самодѣятельное распространеніе и введеніе неводившихся прежде животныхъ. Лося слѣдовало бы сдѣлать домашнимъ животнымъ стр. 95. — Верблюдъ на Алданскомъ хребтѣ стр. 95—96. — Якъ стр. 96—97. — Зоологическій садъ въ Сибири стр. 97—98. — Дѣйствія Сѣверо-Американской Компаніи по части ухода за дикими животными. Морскіе бобры, котики, песцы и суслики стр. 99—100. — Рѣчной ракъ. Стерлядь стр. 101—106. Пасюкъ и черная крыса стр. 107—111. — Водяныя крысы стр. 111—112. — Тараканы стр. 112—115. — Воробьи стр. 115—116. — Совершенно различные виды животныхъ ведутъ совокупную жизнь стр. 117. — Общіе выводы о паразитахъ стр. 117—119. — Области распространенія животныхъ измѣняются вслѣдствіе человѣческой дѣятельности, корыстолюбія, религіозныхъ воззрѣній человѣка и т. д. стр. 120—125. — Измѣненія областей распространенія животныхъ до появленія человѣка стр. 125—128.

Кругополярная фауна. Гиперборейская кругополярная фауна ..... 129—196

Атлантическій и Беринговъ рукава полярнаго водоема стр. 130. — Мѣстность вокругъ полюса чрезвычайно богата животными стр. 131—135 и 141—146. — Дѣйствительные и предполагаемые центры распространенія на самомъ полюсѣ стр. 135. — Виды полярныхъ животныхъ. Атлантитески- и Берингово-полярные виды. Азіатски- и Американски-полярные виды стр. 136. — Кругополярныя безпозвоночныя животныя стр. 138—140. Гиперборейская фауна, въ особенности Сибирская стр. 140. — Она богата видами и особями стр. 141—146.

Гиперборейскія морскія животныя стр. 146. — Бѣлуха стр. 146. — Косатка стр. 149. — Длиннорукій китъ стр. 150. — Нарвалъ стр. 153.

Гиперборейскія ледовитыя животныя стр. 153 — Тюлени стр. 154. — Моржи стр. 154. — Бѣлый медвѣдь стр. 158.

Гиперборейскія материковыя животныя стр. 160. — *a*) Обитатели тундръ стр. 161. — Песецъ стр. 162. — Песцовая копытная мышь стр. 167. — Мускусный быкъ стр. 169. — *b*) Далеко распространенныя гиперборейскія животныя суши стр. 170. — Сѣверный олень стр. 170. — Заяцъ-бѣлякъ стр. 183.

Стран.

Гиперборейскія птицы стр. 185. — *a*) Гиперборейскія водныя птицы стр. 185. — *b*) Гиперборейскія материковыя птицы стр. 187.

Гиперборейскія рыбы стр. 190. — Гиперборейскія низшія морскія животныя стр. 191. — Гиперборейскія низшія прѣсноводныя животныя стр. 193.

Кругоборейскія Сибирскія животныя ..... 197—229

a) Кругоборейскія тундренскія животныя стр. 197. — Обскій леммингъ стр. 198. — Россомаха стр. 201. — Волкъ стр. 204. — Горностай стр. 207. — Маленькая ласка. стр. 207. — Кругоборейскія тундренскія птицы стр. 208.

b) Кругоборейскія лѣсныя животныя стр. 209. — Простая лисица стр. 210. — Обыкновенный бурый медвѣдь стр. 213. — Рѣчная выдра стр. 223. — Рысь стр. 224. — Лось стр. 225. — Бобръ, черная крыса, пасюкъ, домовая мышь стр. 227. — Кругоборейскія лѣсныя птицы стр. 228.

Фауна горныхъ возвышенностей въ сравненіи съ фауною глубокаго сѣвера ..... 230—238

Различіе между полярнымъ и горнымъ климатомъ стр. 230. — Гиперборейскіе виды рядомъ съ своеобразными сибирско-альпійскими видами стр. 232. — Изъ гиперборейскихъ тундренскихъ обитателей ни одно млекопитающее животное не встрѣчается въ тоже время и на альпійскихъ возвышенностяхъ; птицы же встрѣчаются всѣ, безъ исключенія стр. 233. — Прежняя связь между альпійскими животными средней Азіи, Кавказа, Альповъ и Пиренеевъ стр. 234. — «Далеко-распространенныя» гиперборейскія млекопитающія и всѣ кругоборейскія животныя встрѣчаются также на горныхъ высотахъ стр. 236. — Затруднительность разрѣшенія вопроса относительно *Sylvia suecica*, *Al. alpestris*, *Fr. linaria*, *Charadr. morinellus*, были ли это первоначально гиперборейскія или альпійскія птицы стр. 236—237. — *Lagomys alpinus*, *Spermophilus Eversmanni*, *Gypaëtos barbatus* несомнѣнно альпійскія животныя стр. 237—238.

Полярныя и борейскія животныя ..... 238—247

Существованіе полярныхъ видовъ еще подвержено сомнѣнію стр. 239. — Борейскіе виды стр. 241. — Енисей и Уралъ въ качествѣ рубежей стр. 242. — Южно-европейскія степныя животныя стр. 244. — Арало-каспійскія степныя животныя стр. 245. — Средне-азіятскія степныя животныя стр. 246.

Древне-борейскія животныя ..... 248—272

Древне-борейскія млекопитающія и птицы стр. 248. — Древне-борейскія амфибіи стр. 252. — Древне-борейскія рыбы и насѣкомыя стр. 255.

a) Беринго-борейскія животныя стр. 255. — *b*) Ленско-океанійскія животныя стр. 262. — *c*) Енисейско океанійскія, *d*) Иртышско-океанійскія и *e*) Урало-океанійскія животныя стр. 263—264. — *f*) Скандинаво-океанійскія животныя стр. 265. — (Исключительно)-европейскія животныя стр. 269. — Уралъ страдательная пограничная черта стр. 269.

Передвиженія областей распространенія ..... 272—286

Скандинавскія животныя сибирскихъ породъ и германскаго происхожденія стр. 272.— Животныя, которыхъ нѣтъ въ Ирландіи, Крыму, Камчаткѣ и Сахалинѣ стр. 277. — Нарушеніе непрерывности областей распространенія оленя, козули и кабана стр. 278. — Байкальскій тюлень стр. 284.

Общій обзоръ ..... 287—299

Различіе взглядовъ на число видовъ стр. 287. — Распространенныя доселѣ ошибочныя понятія о Сибирской фаунѣ стр. 288. — Неудовлетворительность прежнихъ зоологическо-географическихъ распредѣленій стр. 289. — Сходство въ способѣ распространенія птицъ и мотыльковъ стр. 292. — Первобытная довѣрчивость животныхъ въ безлюдныхъ мѣстностяхъ стр. 293. — Пассивное безстрашіе и сознательная довѣрчивость стр. 298.

Дополненія ..... 300—310

Сибирская фауна.

Es giebt keinen Zufall,
Und was uns blindes Ungefähr nur dünkt,
Gerade das steigt aus den tiefsten Quellen,

Бѣдность и однообразіе Сибирской фауны; сходство ея съ Европейскою.

Представимъ себѣ какого-нибудь неугомонно-предпріимчиваго любителя охоты, который подъ вліяніемъ этой почти непонятной страсти, да на перекоръ цивилизаціи, вздумалъ покинуть нашу черезъ-чуръ образованную Европу и, предаваясь всецѣло своей любимой потѣхи, среди безлюдной первобытной природы дальняго востока, захотѣлъ извѣдать всѣ прелести наслажденія громадною толпою различныхъ дикихъ звѣрей и разнообразіемъ новыхъ животныхъ формъ. За примѣрами ходить не далеко: въ новѣйшее время многіе, особенно Англичане, неоднократно изрыскали дебри и степи Норвегіи, Алжира, центральной Африки, Цейлона и т. д. Описанія такихъ охотничьихъ похожденій, продолжавшихся иногда цѣлые годы, явились въ печати.

И такъ представимъ себѣ, что нашъ страстный охотникъ начнетъ свое странствованіе съ Балтійскихъ береговъ, и день за днемъ, шагъ за шагомъ, станетъ подвигаться все далѣе и далѣе по направленію къ солнечному восходу, пока наконецъ, на крайнемъ востокѣ Сибири, Океанъ преградитъ ему дорогу. Если взять самый прямой путь, примѣрно вдоль 60-го градуса широты, то ему пришлось бы пройти болѣе тысячи географическихъ миль. Цѣлые годы ему нужно бы было употребить на такое предпріятіе, а между тѣмъ онъ все-таки жестоко ошибся бы въ своихъ ожиданіяхъ.

Даже въ самыхъ уединенныхъ частяхъ Сибири онъ по нѣскольку дней сряду встрѣчалъ бы пустынные и безжизненные лѣса; мѣстами даже онъ не встрѣтилъ бы ни

малѣйшихъ признаковъ жизни или, лучше сказать, могъ бы умереть съ голоду, потому что тутъ идетъ рѣчь о такомъ охотникѣ, который питается только тѣмъ, что застрѣлитъ. Притомъ, вплоть до Великаго Океана, охотнику нашему почти непремѣнно попадались бы все тѣже самыя животныя, съ которыми онъ успѣлъ уже ознакомиться досыта у себя дома. Лишь изрѣдка онъ набрелъ бы на новую форму, да и та зачастую совершенно похожа на свою европейскую родню. Еще рѣже случалось бы ему неподвольно замѣчать отсутствіе того или другаго изъ своихъ старинныхъ домашнихъ знакомцевъ.

Но какимъ образомъ возможны такая бѣдность и такое однообразіе животнаго царства на протяженіи болѣе чѣмъ одной трети всей окружности земнаго шара?

Чтобы пріискать на это удовлетворительный отвѣтъ, мы не должны убояться труда вникнуть глубже въ законы распространенія животныхъ вообще по нашей землѣ, тѣмъ болѣе, что тщательное изслѣдованіе Сибирской фауны не мало поможетъ намъ правильно уразумѣть эти законы.

Условія жизненныхъ явленій въ Сибири гораздо проще, главныя, другъ друга объусловливающія, климатическія причины, отъ которыхъ они зависятъ, проявляются тамъ гораздо рѣзче, такъ что самый недостатокъ въ разнообразіи животныхъ формъ способствуетъ лучшему пониманію общихъ законовъ жизни. Да и самая эта бѣдность природы въ состояніи завлечь настоящаго естествоиспытателя гораздо болѣе, чѣмъ заманчивая перспектива, которая ослѣпляетъ большинство, т. е. надежда открыть значительное множество новыхъ животныхъ видовъ, какъ напр. въ изобиліи различныхъ формъ тропической природы.

Среди этого изобилія, изслѣдователь теряется въ разъясненіи безконечнаго разнообразія живыхъ существъ, или въ созерцаніи ихъ чудныхъ формъ, и слѣдовательно не въ состояніи глубже вникнуть въ дѣло, лишается возможности ясно взглянуть на него. Такъ точно пышная листва или широко расползающіяся лозы растеній не позволяютъ взору проникнуть въ чащу тропическихъ лѣсовъ, нерѣдко даже совершенно скрываютъ отъ глазъ вашихъ стволъ и вѣтви тѣхъ самыхъ деревъ, листьями которыхъ вы только что любовались или занимались.

Желая нижеслѣдующія главы посвятить ближайшему изслѣдованію вышеупомянутыхъ законовъ распространенія животной жизни, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что неблагопріятныя климатическія условія, дѣйствующія по близости отъ полюса, никакъ нельзя считать единственною причиною извѣстной бѣдности органической жизни въ сѣверныхъ мѣстностяхъ.

Считаю нелишнимъ въ самомъ началѣ обратить вниманіе на то, что (какъ мы знаемъ изъ предыдущаго ботаническаго отдѣла) подъ такими широтами, которыя подвержены солнечному зною, вліяніе засухи соотвѣтствуетъ дѣйствію полярной стужи. Правда, что наибольшая масса растительныхъ веществъ, способная питать соотвѣтственное множество животныхъ, является только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ къ высокой температурѣ воздуха въ тоже время присоединяется и влажность; правда и то, что близъ

полюса масса органическихъ существъ никогда не бываетъ такъ велика, никогда не возобновляется такъ быстро, какъ въ тропическихъ странахъ — тѣмъ не менѣе однакоже безжизненныя пустыни встрѣчаются не только на сѣверѣ вообще, да на глубокомъ сѣверѣ, но и подъ тропиками, тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, на самомъ крайнемъ сѣверѣ попадаются оазисы или сборныя мѣста, на которыхъ вы найдете чрезвычайное множество животныхъ. Вѣдь повсюду, куда только человѣкъ успѣлъ проникнуть по направленію къ полюсу, повсюду онъ находилъ клочки земли, на которыхъ сходится безчисленное множество животныхъ, — будутъ ли это моллюски, насѣкомыя, рыбы, птицы или млекопитающія — такіе клочки земли, на которыхъ можно было убить сотни мускусныхъ быковъ, оленей, зайцевъ, нѣсколько тысячъ тюленей и моржей, сотни тысячъ голенастыхъ и водяныхъ птицъ [1]). Разнообразіе хищныхъ звѣрей, живущихъ на глубокомъ сѣверѣ, какъ-то: бѣлыхъ медвѣдей, волковъ, лисицъ, песцовъ и росомахъ, также могло бы вполнѣ служить къ объясненію вышеупомянутаго обстоятельства, если бы у насъ не было ближайшихъ непосредственныхъ свѣдѣній по этому предмету.

Кто въ качествѣ охотника порыскалъ по Сибири, хотя бы даже по южнымъ ея предѣламъ, тотъ все-таки смѣло можетъ приняться за чтеніе восхитительныхъ разсказовъ Андерсона [2]) о его охотничьихъ подвигахъ или за подобное тому сочиненіе, и имъ овладѣетъ непреодолимое влеченіе насладиться необыкновенно богатою охотою въ центральной Африкѣ. Передъ вами толпы огромнѣйшихъ колоссовъ животнаго царства, слоновъ, носороговъ, гиппопотамовъ; въ одну ночь убиваютъ восемь носороговъ, въ томъ числѣ три различные вида этого животнаго. Невозможно перечислить и описать множество всевозможныхъ зебръ, квагтъ, жирафовъ, антилопъ и т. п. Сибирякъ приходитъ въ восторгъ отъ подобныхъ описаній. Въ сѣверо-восточной Африкѣ животныя мѣстами по видимому скопляются еще въ большемъ количествѣ, въ особенности птицы, когда ко множеству туземныхъ видовъ, собирающихся почти невѣроятными массами, присоединяется еще большая часть всѣхъ тѣхъ стай и вереницъ, которыя осенью чрезъ Европу улетаютъ на югъ. На полмилю въ окружности отъ своей стоянки Бремъ [3]) встрѣчалъ отъ семидесяти до ста различныхъ видовъ птицъ; встрѣ[illegible] даже безчисленное множество представителей одного и того-же вида. [illegible]

---

[1]) Я самъ имѣлъ случай видѣть это. Врангель говоритъ, что шедшихъ съ сѣвера оленей тысячами караулили въ обычныхъ мѣстахъ, и сотнями убивали при переправѣ чрезъ рѣки. Два Тунгуса, съ которыми мнѣ привелось разговориться, въ одинъ день на Становомъ хребтѣ закололи 600 оленей. Столь-же велико было число животныхъ, убитыхъ Рэемъ (Rae), Кэномъ и другими полярными странствователями срав. Froriep's Notizen 1856, № 18, стр. 281, Kane, Arct. Explorat. I. стр. 302, 304, 437, 461). Гаги сидѣли на своихъ гнѣздахъ такъ близко одна отъ другой, что Кэну (I, стр. 318) почти приходилось наступать на нихъ. Еще подъ 77° с. ш. Кэнъ (Arct. Explor. II, стр. 265) ежед[illegible] бралъ по 1200 гагачьихъ яицъ. И по словамъ [illegible] лэнда (I, стр. 167) скалы до того были покрыты яйца[illegible] что не возможно было ходить, не давя ихъ. Гайсъ (Hayes), который зимовалъ къ сѣверу отъ Александрова мыса, подъ 78° с. ш., встрѣтилъ тамъ огромное множество сѣверныхъ оленей и другихъ животныхъ (Petermann, Mittheil. 1861, стр. 435).

[2]) Reisen in Südwest-Afrika, 1858, напр. стр. 257.

[3]) Reiseskizzen aus Nord-Ost-Afrika, III, стр. 228, 247, 123.

песчаныхъ островахъ онъ увидѣлъ столько отдѣльныхъ стай малаго журавля (*Anthropoides virgo*), что врядъ-ли очень погрѣшилъ, сказавъ, что все количество ихъ простиралось свыше 6000 птицъ.

Бремъ, конечно, имѣлъ полное право сказать, что бѣдность германскихъ лѣсовъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ богатствомъ тропической фауны. Я съ своей стороны прибавлю, что она не можетъ быть сравнена и съ животнымъ царствомъ сѣверо-восточной Азіи. Въ Европѣ животнымъ пришлось отступить передъ губительнымъ натискомъ человѣка; кромѣ того они распредѣлены тамъ какъ-то равномѣрнѣе. Только періодъ перелетовъ напоминаетъ иногда Европейцу признаки прежняго положенія животныхъ, вытѣсненнаго изъ Европы культурою [1]). Въ этомъ отношеніи самыя крайнія полярныя страны гораздо больше похожи на тропики, чѣмъ наша теперешняя Европа. И въ полярныхъ странахъ, какъ подъ тропиками, мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, тѣже самыя условія появленія животныхъ въ огромномъ количествѣ.

Животныя собираются въ такихъ огромныхъ массахъ на извѣстныхъ сборныхъ мѣстахъ и въ извѣстные періоды времени. Но коль скоро мы знаемъ, что у нихъ есть сборные пункты, то мы вправѣ предположить, что мѣстами должны быть и совершенныя пустыни. Подтвержденіе этой догадки я дѣйствительно нахожу въ описаніи нѣкоторыхъ тропическихъ путешествій [2]). Слѣдовательно въ этомъ отношеніи между тропиками и полярными странами только несущественная разница; дѣйствительно въ полярныхъ странахъ не только разнообразіе, но вѣроятно и масса животныхъ гораздо незначительнѣе; за то тамошнія пустыни несравненно обширнѣе счастливыхъ оазисовъ, а потому и сборныя мѣста глубокаго сѣвера иногда едва-ли менѣе обильны животными, чѣмъ сборные пункты подъ тропиками. Съ другой стороны, вслѣдствіе рѣзкихъ переходовъ временъ года, которымъ подвержены полярныя мѣстности, оазисы глубокаго сѣвера пустѣютъ на болѣе продолжительное время, тогда какъ подъ тропиками опустѣніе это, хотя и бываетъ по временамъ, но не продолжается такъ долго. За то ежедневныя странствованія къ водопою и обратно составляютъ подъ тропиками весьма обыкновенное явленіе, какъ во всѣхъ южныхъ степныхъ мѣстностяхъ; на глубокомъ сѣверѣ этого нѣтъ.

Какъ подъ тропиками обнаженная степь является пустынею, такъ и на глубокомъ сѣверѣ обнаженная высокая тундра представляетъ совершенную пустыню (ср. 4-й отд. этой части стр. 707). Но мнѣ хочется обратить тутъ вниманіе на то, что и въ сѣверной и въ южной Сибири однообразный хвойный лѣсъ нерѣдко также оказывается страшною пустынею на необозримыя пространства. Въ дневникѣ моемъ встрѣчаются вопли отчаянія, которыя свидѣтельствуютъ о разочарованіяхъ, наводившихъ на меня уныніе. Правда, что и это явленіе, можетъ быть, составляетъ преимущественно принадлежность высшихъ широтъ и преобладающаго въ нихъ хвойнаго лѣса; тѣмъ не менѣе однакоже у

[1]) Такъ напр. въ окрестностяхъ Готы, въ 1854 году, изъ трехъ охотничьихъ шалашей убито всего до 400 птицъ глубокаго сѣвера, такъ называемыхъ сарычей (*Buteo lagopus*). См. Naumannia, 1856, I, стр. 41.

[2]) Ср. напр. Petermann, Mittheilungen, 1858, V, стр. 210 и др.

меня есть доказательство на то, что нѣчто подобное встрѣчается и подъ болѣе благопріятными широтами Америки [1]). Странно, что какъ тутъ, такъ и тамъ, по близости отъ человѣческаго жилья, около воздѣланныхъ мѣстностей и на рубежѣ лѣсовъ, животныя бываютъ гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Вмѣсто того, чтобы удаляться отъ людей, животныя въ первобытныхъ странахъ какъ будто собираются вокругъ человѣка. Я приписываю это тому, что около человѣка бываетъ больше разнообразія въ пейзажахъ. Гдѣ подобное разнообразіе обусловливалось самою природою, какъ напр. на гористой почвѣ, тамъ я и въ лѣсахъ встрѣчалъ больше животныхъ. Необозримые же, равномѣрно раскинутые лѣса, въ особенности хвойные лѣса, вытѣсняющіе всякое подлѣсье, кустарники, травы и злаки, и покровительствующіе только мхамъ, повидимому отталкиваютъ отъ себя и животныхъ. Одни лишь отшельники первобытныхъ лѣсовъ, дятлы, тѣшатся тамъ надъ гибнущими свидѣтелями минувшихъ вѣковъ.

Мы знаемъ, какъ губительно дѣйствуютъ пожары въ первобытныхъ лѣсахъ (ср. 4-й отд. этой части, стр. 611), превращая цѣлую мѣстность въ пустыню на долгіе годы. Но за то на такихъ пепелищахъ въ свой чередъ появляется невѣданная вѣками растительность, а вслѣдствіе ея мѣстность оживляется такими животными, которыхъ вы тщетно станете искать въ прилегающихъ первобытныхъ лѣсахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Подлѣсье, кустарникъ, и травы и ягоды, выросшія на пригрѣтыхъ солнцемъ мѣстахъ, привлекаютъ къ себѣ животныхъ и птицъ. Я не мало удивился, когда увидѣлъ, что въ южной Сибири не только обиліе ягодъ на прежнихъ пепелищахъ создавало огромное множество травоядныхъ животныхъ и птицъ и что вслѣдъ за ними явились хищныя животныя, но и что между послѣдними бо́льшая часть, какъ напр. медвѣдь, волкъ и соболь, питалась ягодами. Даже лисица, неожиданно потревоженная мною, ясно убѣдила меня въ томъ, что басня, надъ которою я, бывало, какъ охотникъ, всегда посмѣивался, все-таки не даромъ приписывала ей страстишку полакомиться ягодами и виноградомъ.

Сибирскія позвоночныя животныя, попадавшіяся мнѣ на моемъ пути.

Какъ ни простъ составъ Сибирской фауны, все-таки распредѣленіе ея требуетъ не малой сообразительности, если мы хотимъ ясно уразумѣть законы географическаго распространенія животныхъ. И такъ намъ нельзя избѣгнуть ближайшаго ихъ разсмотрѣнія, потому что въ предлежащемъ томѣ мы рѣшились представить очеркъ жизни Сибирскихъ

---

[1]) Ср. напр. Prinz Max Reisen I, стр. 245; II, стр. 149. Ссылаюсь также на Пёппига, хотя и не могу указать относящейся къ этому предмету страницы его сочиненія.

И Гималайскіе путешественники жалуются на отсутствіе животныхъ (Petermann, Mittheilungen, 1861, стр. 10). По словамъ Радде (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs, стр. 471) на Сохондѣ и въ другихъ мѣстахъ лѣса также казались мертвыми.

позвоночныхъ животныхъ [1]). Подобный-же обзоръ безпозвоночныхъ и моллюсковъ Сибири былъ помѣщенъ въ одномъ изъ предыдущихъ томовъ, содержаніе котораго посвящено спеціалистамъ по этой части. При нижеслѣдующихъ объясненіяхъ мы коснемся лишь нѣкоторыхъ главныхъ результатовъ этихъ изслѣдованій на столько, на сколько они относятся къ настоящему предмету.

Прежде всего мы должны начать съ тщательнаго распредѣленія двухъ, существенно различающихся между собою мѣстностей, которымъ я обязанъ зоологическою добычею своего путешествія. Необходимо отличать: 1) Таймырскій край, т. е. широты глубокаго сѣвера, лежащія между 71 и $75\frac{1}{2}$ градусами, подъ тѣми меридіанами, которые дѣлятъ Сибирь на двѣ довольно равныя части, и 2) болѣе отдаленный и самый крайній юго-востокъ Сибири, гористыя окрестности Охотскаго моря, вплоть до Амура, примѣрно между 52° и 62° с. ш. За тѣмъ въ предѣлахъ первой изъ этихъ областей слѣдуетъ отличать обитателей лѣснаго предѣла, подъ 71° с. ш., по рѣкѣ Боганидѣ, отъ обитателей бездревесныхъ тундръ глубокаго сѣвера, между $73\frac{1}{2}$° и $75\frac{1}{2}$° с. ш.

При такомъ распредѣленіи намъ прежде всего бросается въ глаза несравненно большее разнообразіе животныхъ юго-восточной Сибири, сравнительно съ глубокимъ сѣверомъ. Тамъ я встрѣтилъ 44, здѣсь же только 16 различныхъ млекопитающихъ; тамъ было 157 видовъ птицъ, здѣсь лишь 71; тамъ правда оказались только 4 амфибіи, но за то здѣсь не было ни одной. Различіе это увеличивается, какъ скоро мы спускаемся лишь нѣсколько южнѣе, въ непосредственно рѣчную область Амура. Но остановимся нѣсколько на сравненіи обѣихъ половинъ моего пути.

И такъ, среднимъ числомъ около 15 градусовъ широты отъ глубокаго сѣвера, мы нашли въ юго-восточной Сибири вчетверо больше амфибій, почти втрое бо́льшее разнообразіе млекопитающихъ, и болѣе чѣмъ вдвое различныхъ видовъ птицъ. Ясно, что вышеупомянутыя условія соотвѣтствуютъ знобкому покрову совершенно нагихъ или покрытыхъ холодною чешуйчатою бронею амфибій, которыя и безъ того уже, какъ холоднокровныя животныя, должны нуждаться въ большей солнечной теплотѣ. Такимъ-же образомъ не трудно понять, что преобладаніе на самомъ глубокомъ сѣверѣ птицъ съ ихъ теплою оболочкою происходитъ отъ ихъ легкаго, подвижнаго характера. Пока только представляется малѣйшая возможность существовать на сѣверѣ, птицы эти живутъ тамъ также привольно какъ на югѣ, и даже лучше. Если же осенью имъ приходится уже слишкомъ жутко, если онѣ не въ состояніи пріискать себѣ корму, а подбитая новымъ пухомъ шубка все-таки не грѣетъ ихъ, какъ слѣдуетъ, то эти веселые молодцы, также какъ и у насъ, отправляются вслѣдъ за теченіемъ солнца.

Въ такомъ родѣ мы могли бы продолжать свои замѣчанія. Но было бы слишкомъ ограниченно съ нашей стороны, если бы мы вздумали принять въ соображеніе тотъ лишь

---

[1]) Зоологическое описаніе (въ тѣсномъ смыслѣ) и рисунки привезенныхъ мною млекопитающихъ животныхъ находятся, какъ извѣстно, во 2-ой части 2-го тома нѣмецк. изд. этого сочиненія.

матеріалъ, который мы сами собрали во время своего путешествія. Тогда только, когда мы сличимъ его со всѣми другими свѣдѣніями относительно Сибири, а въ случаѣ надобности и относительно всего глубокаго сѣвера, тогда только мы вправѣ вывести болѣе положительныя заключенія. Это необходимо тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ въ зоологическомъ отношеніи все еще не сведены, какъ слѣдуетъ, результаты путешествій, совершенныхъ въ арктической Америкѣ съ небывалою настойчивостью, путешествій, въ которыхъ Американцы съ такимъ успѣхомъ послѣдовали примѣру Англичанъ въ поискахъ за Франклинымъ. Но еще менѣе сличены результаты эти съ сѣверо-азіатскими наблюденіями, т. е. не выяснено: что̀ составляетъ общую принадлежность сѣвера и глубокаго сѣвера и на какихъ законахъ основано это общее свойство.

Но прежде, чѣмъ мы примемся за такую разработку нашего матеріала, намъ необходимо пояснить, какъ мы понимаемъ объемъ видоваго понятія, этой единицы всѣхъ предлагаемыхъ нами сравненій. Для большинства публики легче всего пояснить это на хорошо извѣстныхъ млекопитающихъ животныхъ. Все, что къ нимъ относится, стоитъ только примѣнить и къ прочимъ животнымъ.

Объемъ видоваго понятія.

Умъ человѣческій всегда начинаетъ съ тщательнаго раздробленія и распредѣленія предмета на составныя его части; потомъ только ему удается созидать помощію отвлеченій составляющихъ цѣль его пытливости. Но при нескончаемомъ разнообразіи безчисленныхъ формъ, въ которыхъ проявляется жизнь природы, этому дробленію и распредѣленію нѣтъ конца. По этому-то большинство изслѣдователей по части животнаго царства постоянно все только дробитъ ее посредствомъ новыхъ названій. Съ величайшимъ трудомъ разъединяется то, что̀ съ незапамятныхъ временъ, нерѣдко даже вслѣдствіе обыденнаго наблюденія, положительно сковано было однимъ общимъ названіемъ. Но и труды, употребленные на такое непомѣрное дробленіе, ничуть не потрачены даромъ: они одни только даютъ намъ возможность вполнѣ сознать, а слѣдовательно и понять то, чему мы прежде могли лишь вѣрить, но чего не могли знать, и потому, какъ усвоенное нами знаніе, не могли отстаивать противъ тѣхъ, которые смотрѣли на это иначе. Впрочемъ вслѣдъ за плодотворнымъ дробленіемъ такого рода являются и стѣснительныя его послѣдствія, отъ которыхъ наука въ состояніи освободиться тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сильнѣе основы ея сложились изъ мелочныхъ по-видимому изслѣдованій самыхъ незначительныхъ деталей.

За тѣмъ обыкновенный читатель пойметъ, почему спеціалисты доселѣ рѣдко могутъ согласиться между собою относительно вопроса: какія животныя должны быть причислены къ одному и тому-же виду и какія, напротивъ того, должны быть раздѣлены на нѣсколько видовъ. Онъ пойметъ, что наука съ высшей точки своего развитія по-видимому можетъ вернуться опять къ тому-же, съ чего она начала развиваться уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Тому, кто прежде не всматривался въ этотъ предметъ, конечно

должно казаться непонятнымъ и пожалуй смѣшнымъ, когда ему говорятъ, что зоологи-спеціалисты не согласны даже на счетъ весьма по видимому обыкновеннаго животнаго: принадлежитъ ли оно или нѣтъ къ тому-же самому виду, къ которому относятся нашъ простой заяцъ, или лисица, волкъ, рысь, медвѣдь и т. д. Онъ, конечно, удивится, когда узнаетъ, что въ новѣйшее время, да и въ этой книгѣ, приведены доказательства за доказательствами о необходимости самого добросовѣстнаго соединенія множества такихъ видовъ животнаго царства, которые вслѣдствіе тщательныхъ научныхъ изслѣдованій отторгнуты были отъ общаго союза, искони указаннаго имъ уже народною рѣчью.

Весьма часто это случалось и съ животными глубокаго сѣвера. Изъ множества различныхъ видовъ медвѣдя, на которые постепенно распредѣлили медвѣжью породу, въ настоящее время 8 или 9 видовъ положительно сводятся въ одинъ видъ нашего простаго бураго медвѣдя; наша простая лисица поглотила длинный рядъ различныхъ видовъ своей породы. Давно уже песецъ, съ своей то бѣлой, то синевато-черной шкурой, пріучилъ насъ не придавать особаго значенія тому, что родня его по происхожденію, какъ напр. лисица или волкъ, въ одной мѣстности является въ свѣтлой, и даже совершенно бѣлой шубѣ, въ другомъ же мѣстѣ въ темной, а иногда пожалуй и совершенно черной, хотя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Исландскій песецъ и могъ отстаивать свои мѣстныя аристократическія права подъ именемъ *Canis isatis*. Изъ трехъ видовъ рыси глубокаго сѣвера (*Fel. lynx.*, *virgata*, *cervaria*), не смотря на разнообразіе пятенъ на шкурѣ, ушныхъ кистей и хвостовъ, все-таки образовался одинъ только видъ; изъ 13 видовъ зайца подъ конецъ все-же составились только два вида; во второмъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія приведено множество доводовъ на то, что по крайней мѣрѣ 8 прежнихъ различныхъ видовъ лемминга должны соединиться въ два вида [1]). Но довольно будетъ и этихъ примѣровъ.

По такому усѣянному сомнѣніями пути наука наконецъ, что̀ очень важно, дошла до возможности сказать положительно, что иногда одно и тоже животное водится одновременно на сѣверѣ не только древняго, но и новаго свѣта. На многіе виды животныхъ тезисъ этотъ безусловно простирается уже теперь; въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ видамъ, какъ напр. волкамъ, горностаямъ, сѣвернымъ оленямъ и т. д. съ каждымъ днемъ исчезаетъ сила мнимыхъ отличій. Безъ сомнѣнія нѣкоторые спеціалисты замѣтятъ при этомъ, что даже въ новѣйшее время относительно нѣсколькихъ весьма сходственныхъ животныхъ, водящихся на сѣверѣ древняго и новаго міра, ученые авторитеты положи-

---

[1]) Это совершенно правильно, даже въ такомъ случаѣ, если бы оправдались показанія новѣйшихъ полярныхъ путешественниковъ въ сѣверной Америкѣ, которые, не приводя особыхъ доводовъ, все еще различаютъ въ сѣверной Америкѣ 5 видовъ лемминговъ (см. напр. Rae, стр. 200 и т. д.). Но они не спеціалисты и въ своихъ предположеніяхъ, кажется, слишкомъ слѣпо слѣдуютъ своему старшинѣ, Грэю.

Гибель (Zeitschrift für die gesamm. Naturw. 1858 стр. 310) послѣдній объяснялъ синонимику зайцевъ и, кажется, не ошибается, причисляя *Lep. campicola*, *granatensis*, *mediterraneus*, *meridionalis*, *caspicus*, *aquilonius*, *medius* и *hybridus* къ *Lep. timidus*, а *Lep. alpinus*, *hibernicus*, *glacialis*, *canescens* и *borealis* къ *Lep. variabilis*.

О медвѣдяхъ срав. нѣм. изд. этого соч. т. II, ч. 2, стр. 14. Подтвержденіе этихъ извѣстій мы находимъ у Л. Шренка (Reisen II, стр. 8) и Радде (Reisen, I, стр. 1).

тельно высказали противуположныя мнѣнія. Навѣрное мнѣ напомнятъ о Станніусѣ и Брандтѣ, которые, оставивъ въ сторонѣ внѣшніе видовые признаки, обратились къ болѣе надежному строенію костей. Станніусъ сравнилъ [1]) между собою черепа и зубы моржей и нашелъ, что у моржей Берингова пролива клыки имѣютъ легкій спиральный выгибъ, что они нѣсколько длиннѣе и тоньше, чѣмъ у моржей Атлантическаго Ледовитаго моря. Но его собственное сомнѣніе довольно ясно высказывается въ предложенномъ имъ новомъ названіи, *Trichechus dubius*. Брандтъ [2]), на основаніи новыхъ изслѣдованій, теперь самъ не признаетъ тѣхъ отличій, которыя онъ прежде находилъ между европейско-азіятскимъ и сѣверо-американскимъ бобромъ, особенно въ хвостовыхъ чешуяхъ; съ-виду, утверждаетъ онъ теперь, ихъ нельзя отличить по этимъ признакамъ, но не смотря на то онъ приводитъ опять новыя отличія, говоря, что у сѣверо-американскаго бобра рыльцо, а именно носъ, нѣсколько длиннѣе, передніе зубы шире, и какъ разстояніе одного глаза отъ другаго, такъ и разстояніе ихъ отъ конца носа, нѣсколько болѣе, чѣмъ у европейско-азіятскаго бобра. При всемъ томъ однакоже онъ не рѣшается высказаться положительно въ пользу видоваго различія между европейско-азіятскимъ и сѣверо-американскимъ бобромъ, и даже самъ указываетъ на то, что вѣроятно болѣе старыя европейскія животныя также могутъ имѣть болѣе продолговатыя носовыя кости.

Но всмотритесь хорошенько во всѣ эти насильственныя дробленія предмета въ области самой напряженной научной работы: не проглядываетъ-ли и въ нихъ, хотя и на другомъ поприщѣ, тотъ-же самообманъ, который нѣсколько столѣтій сряду мѣшалъ человѣку ясно познать и всецѣло уразумѣть законы мірозданія, потому только, что ему казалось, что познанія, добытыя по части естественныхъ наукъ, должны подчиняться святости библейскихъ толкованій. Гдѣ же высшая научная побудительная причина, которая давала право приниматься съ такимъ усердіемъ за дробленіе? Не происходитъ-ли часто эта страсть просто отъ ошибочнаго выбора предметовъ для тщательныхъ изслѣдованій, которыя, будучи однажды начаты, должны же были привести къ чему-нибудь?

Спрашивается, слѣдуетъ-ли отличительнымъ признакамъ вообще, хотя бы они и основывались на менѣе измѣнчивыхъ костяхъ, придавать болѣе значенія, чѣмъ напр. отличіямъ, предлагаемымъ Л. Шренкомъ [3]), который, на основаніи одного только внѣшняго вида, пришелъ къ тому заключенію, что сѣверо-американская рысь (*F. canadensis*) не то, что европейско-азіятская рысь (*F. lynx*)? Развѣ намъ уже извѣстны предѣлы измѣняемости формъ костей у одного и того-же вида нашихъ животныхъ? Не доказываютъ-ли выставляемыя на видъ отличія, что мы еще очень мало знакомы съ костями животныхъ, что передъ нами до сихъ поръ было болѣе чучелъ, нежели костей одного и того-же животнаго? Не видимъ-ли мы изъ ежедневно умножающихся наблюденій, что и части костяка измѣняются гораздо больше, чѣмъ прежде можно было предполагать, потому что намъ доселѣ для

[1]) Müller's Archiv, 1842, стр. 390.

[2]) Mém. de l'Acad. de St.-Pétersb. VI Série, sciences naturelles т. VII, стр. 43 и т. д.

[3]) L. Schrenk, Ueber die Luchsarten des Nordens und ihre geographische Verbreitung, 1849.

изслѣдованія предлагались не столько скелеты, сколько чучела? Развѣ указываемыя отличія выдерживаютъ критику и въ географически-переходныхъ странахъ, гдѣ мниморазличные виды соприкасаются другъ съ другомъ, или даже являются одновременно?

Но положимъ, что по нѣкоторымъ несущественнымъ признакамъ дѣйствительно нельзя отрицать отличія, все-таки мы должны спросить себя: развѣ такое-то или такое-то животное нельзя считать моржомъ потому только, что у него клыки нѣсколько длиннѣе, тоньше и спиральнѣе, или бобромъ, потому что носовыя кости у него немногимъ короче, или даже рысью, потому что хвостъ его пальца на два короче и не такъ теменъ, а шкура не такъ пестра? тогда какъ во всемъ остальномъ — по внутреннему и наружному свойству тѣла, по образу жизни, привычкамъ, наклонностямъ — животное рѣшительно моржъ, бобръ или рысь. Отвѣтъ человѣка непредубѣжденнаго освященъ уже давно народною рѣчью. Безъ сомнѣнія, всего удобнѣе придерживаться общаго названія, географическія же уклоненія подчинять имъ и обозначать только уклоненіями.

Вѣдь въ сущности дѣло очевидно состоитъ въ разрѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) что̀ разительнѣе и существеннѣе: подобнаго-ли рода различія между европейско-азіятскими и сѣверо-американскими животными, или величайшія уклоненія европейско-азіятскихъ видовъ одного и того-же животнаго между собою? 2) отличаются-ли такія сѣверо-американскія животныя какими-нибудь признаками, по которымъ въ отношеніи къ сходнымъ европейско-азіятскимъ формамъ, они безусловно могутъ распознаваться сѣверо-американскими?

Что касается до перваго вопроса, на который я отвѣчаю отрицательно, то мы, какъ мнѣ кажется, поступили бы неправильно, если бы разъ стали сравнивать одни только клыки, въ другой разъ однѣ лишь носовыя кости и т. д. Если немногіе остатки бобровъ въ Лифляндіи и Литвѣ живутъ поодиночкѣ въ береговыхъ норахъ, которыя ничѣмъ не лучше норокъ водяныхъ крысъ, то на мой взглядъ это гораздо болѣе отличаетъ ихъ отъ американской братьи (которая живетъ цѣлыми колоніями, для общей пользы дѣлаетъ чрезвычайно искусныя сооруженія и запружаетъ воду въ ручьяхъ), чѣмъ нѣсколько болѣе продолговатыя или широкія носовыя кости. Но у насъ есть самыя положительныя извѣстія, что нѣкогда и въ Европѣ бобры строились точно такъ, какъ они теперь живутъ въ Америкѣ. Съ одной стороны немногіе остатки бобровъ, встрѣчающіеся въ Лапландіи, находятся теперь въ періодѣ перехода отъ семейной жизни къ одиночной, съ другой — бобровыя колоніи, которыя въ послѣднее время искусственно разведены въ Европѣ, по немногу снова достигаютъ прежней ловкости въ устройствѣ себѣ жилищъ.

На другой изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ можно, кажется, отчасти отвѣчать утвердительно. Какъ напр. знатокъ сразу узнаетъ сѣверо-американскую рысь, или сѣверо-американскаго Обскаго лемминга (*Myod. Obensis*) по тому только, что у нихъ цвѣтъ волосъ на брюшкѣ желтоватѣе, такъ и по части нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ отличій болѣе опытный глазъ мѣхопромышленника нерѣдко могъ бы пристыдить зоолога, коль скоро дѣло идетъ о мѣстныхъ отличительныхъ признакахъ. Но изъ нашихъ изслѣдованій ока-

зывается, что животныя приморскихъ частей восточной Сибири соотвѣтствуютъ животнымъ сѣверной Америки, коль скоро послѣднія чѣмъ-нибудь отличаются отъ европейско-азіятскихъ видовъ тѣхъ-же животныхъ. Вслѣдствіе этого не трудно поколебать доводы всѣхъ тѣхъ, которые горою стоятъ за видовыя отличія, если у какихъ-либо животныхъ одной части свѣта, а именно у сѣверо-американскихъ животныхъ, оказываются хотя бы самыя незначительныя отличія въ сравненіи съ животными европейско-азіятской части свѣта. Въ настоящее время уже нельзя болѣе, какъ это дѣлалось прежде, украдкою посматривать на исторію сотворенія новаго міра и, въ противуположность древнему міру, говорить о животныхъ древнѣйшаго и новѣйшаго происхожденія, о сходныхъ видахъ животныхъ на сѣверѣ новаго свѣта, которыя какъ будто отчеканены по типамъ древняго міра, но все-таки отзываются новымъ штемпелемъ.

Мы вообще поступаемъ неправильно, если въ этомъ случаѣ не отдѣляемъ строго настоящаго времени отъ прошедшаго, потому что непосредственными наблюденіями вѣдь нельзя доказать, были-ли созданы первыя американскія пары уже съ самого начала съ тѣми незначительными отличіями, которыми нѣкоторыя американскія животныя отличаются отъ чрезвычайно сходныхъ и въ сущности даже одинаковыхъ съ ними европейско-азіятскихъ животныхъ, и переправились-ли въ древности эти американскія животныя и на приморскія части восточной Сибири, или оба эти, такъ-называемые вида произошли отъ одной и той-же первой пары, которая съ тѣхъ поръ размножилась, распространилась и измѣнилась сообразно съ мѣстностью. Довольствоваться въ этомъ случаѣ догадками и предположеніями нельзя: напротивъ того, изъ самаго тщательнаго наблюденія существующихъ нынѣ животныхъ мы должны дойти до заключенія о способности первоначальныхъ и допотопныхъ формъ вдаваться въ видоизмѣненія. Добраться въ этихъ отношеніяхъ до истины мы можемъ такимъ только путемъ, какимъ напр. я старался дойти до правильнаго уразумѣнія способа опредѣленія видовъ различныхъ допотопныхъ пещерныхъ медвѣдей [1]).

Къ сожалѣнію никакъ нельзя прослѣдить процессъ развитія животнаго въ этомъ отношеніи, начиная съ яйца, а потому и нѣтъ никакой возможности съ какой-нибудь логической точки зрѣнія сказать, что тотъ или другой отличительный признакъ близко сродственныхъ между собою животныхъ имѣетъ существенное или несущественное значеніе. Такъ напр. всѣ зоологи согласны между собою въ томъ, что незначительная разница въ цвѣтѣ едва-ли не самый маловажный признакъ, наиболѣе подлежащій измѣнчивости, и нерѣдко черное и бѣлое животное безусловно причисляются къ одному и тому-же виду, а между тѣмъ нѣкоторыя животныя, напр. птицы, все-таки единогласно и безапелляціонно признаются за особые виды потому только, что нѣкоторыя перья ихъ окрашены нѣсколько иначе, чѣмъ у другихъ, впрочемъ совершенно подобныхъ, имъ птицъ. Отчасти это и основательно, потому что наблюденія въ этихъ случаяхъ ясно показываютъ, что постоянство подмѣченнаго отличительнаго признака никогда не измѣняется

[1]) Reise in dem äussersten Norden und Osten Sibiriens II, 2, стр. 44, и Untersuchungen an Schädeln des gemeinen Landbären въ Verhandlungen der Mineralog. Gesellsch. zu St.-Petersb. 1850—1851, стр. 74.

и что пропасть, отдѣляющая этотъ признакъ отъ соотвѣтствующаго признака ближайшаго вида, не пополняется никакою переходною формою. Дѣло въ томъ, что мы еще рѣшительно не знаемъ, какимъ образомъ развивается окраска. Въ этомъ отношеніи все зависитъ еще отъ успѣховъ науки о тканяхъ и химіи. Пока онѣ не сдѣлали своего дѣла, каждый останется при своихъ прежнихъ или новыхъ вѣрованіяхъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что животныя, которыя теперь единогласно дѣлятся на различные виды, нѣкогда, можетъ быть, были только непостоянными измѣненіями одного и того-же вида, постепенно раздробившагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Но съ другой стороны мы должны согласиться и съ тѣмъ, что у нѣкоторыхъ животныхъ, видовое различіе которыхъ, кажется, слишкомъ опрометчиво утверждено видодѣлителями, со временемъ, хотя и не скоро, различіе это разовьется такъ сильно, что тогда уже не встрѣтитъ болѣе противурѣчія. Въ такомъ случаѣ иной, которому теперь наука докучаетъ опроверженіями, наконецъ сдѣлается пророкомъ. Отъ души желаемъ ему добиться этой чести, точно также какъ теперь не оспариваемъ его убѣжденій.

Но Богъ съ нимъ, съ этимъ забѣгающимъ впередъ ясновидѣніемъ. Лучше оперемся по тверже на дѣйствительность: время уже покажетъ намъ остальное. Отдадимъ справедливость солиднымъ людямъ, въ родѣ А. А. Гульда, которые въ интересѣ зоологической географіи говорятъ, что коль скоро два чрезвычайно сходныхъ между собою вида происходятъ изъ совершенно различныхъ мѣстностей, то они до тѣхъ поръ не должны считаться тождественными, пока это не будетъ доказано самымъ тщательнымъ образомъ. Не слѣдуетъ однакоже забывать, что номенклатура систематической зоологіи могла подвергнуться такому страшному дробленію потому только, что при этомъ упущена была изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей каждой систематики, распредѣленіе и общій обзоръ; упущена была изъ виду зоологическая географія. По этому-то я стою за обобщеніе видовъ.[1])

---

[1]) Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, доказывающій какъ глубоко коренится еще и въ настоящее время страсть къ дѣленію видовъ. Недавно Гульдъ (United States Exploring. Expedit Vol. XII, 1852, Introd. стр. IX и пр.; тоже самое въ Silliman America-Journal 1852, II, стр. 399), которому хорошо извѣстно было мое научно-доказанное возраженіе, замѣтилъ, что на западномъ прибрежьѣ сѣверной Америки отсутствіе *Fusus decemcostatus* составляетъ существенное отличіе его отъ восточнаго прибрежья. Подлинные экземпляры, обязательно присланные мнѣ Гульдомъ, ясно доказываютъ, что на Кадьякѣ водится точно такой-же *Fus. decemcostatus*, какъ на берегахъ Массачусетса.

Что же влечетъ за собою это сомнѣніе Гульда, который весьма справедливо считается важнымъ авторитетомъ въ сѣверной Америкѣ?

Въ недавно изданныхъ «Reports of Explorations and Survey for a Railroad route of the Missisipi river to the Pacific Ocean», Vol. XII, Part. II, Mollusca by W. Cooper, ученый этотъ моему *Fusus decemcostatus Say*, сѣверо-западнаго прибрежья Америки, даетъ названіе *Chrysodomus Middendorffii*, говоря, что этотъ видъ положительно (strikingly) отличается отъ *Fus. decemcostatus Say*, живущаго на восточномъ прибрежьѣ сѣверной Америки. Какіе же у него на это доводы? 1) верхняя сторона послѣдней извилины у западнаго вида будто бы плоская и сходится почти подъ прямымъ угломъ съ ближайшею къ ней сверху извилиною; 2) предпослѣдній оборотъ состоитъ у западнаго вида изъ четырехъ, а остальные изъ трехъ (вмѣсто двухъ) реберъ; 3) первое ребро у западнаго вида не крупнѣе другихъ; 4) на первомъ оборотѣ у западнаго вида 12 реберъ (вмѣсто 7 или 8, рѣже 9).

Діагноза, въ томъ числѣ и это количество реберъ, вполнѣ согласуется съ тою, которая сообщена мною. Онъ ссылается на 130 экземпляровъ восточнаго вида, которые онъ сравнилъ между собою.

Для чего же я въ своихъ Beiträge zu einer Malakozoologia Rossica (II, стр. 137, 138, табл. IV, рис. 15) чрезвычайно подробно изложилъ доводы, почему это одинъ и тотъ-же видъ, для чего я приложилъ точные размѣры

Положимъ напр., что у американской россомахи шкура вообще, можетъ быть, свѣтлѣе, чѣмъ у европейской: мы и укажемъ на это, но все-таки лучше обозначимъ ту и другую названіемъ россомахи. Затѣмъ намъ на помощь являются наблюденія, что и у сибирскихъ россомахъ болѣе бѣлыхъ волосъ, чѣмъ у европейскихъ, и что въ Америкѣ [1]), точно также какъ и на материкѣ древняго міра, врядъ-ли найдутся двѣ россомахи, которыя были бы совершенно похожи одна на другую въ отношеніи степени и распредѣленія окраски ихъ шкуры. Гораздо лучше, по моему мнѣнію, признать одинъ только видъ полярной рыси, и замѣтить при этомъ, что шкуру американской рыси всегда можно отличить отъ шкуры европейско-азіятской рыси. Гораздо лучше также установить одно только видовое названіе для горнаго жаворонка, хотя и есть незначительная разница между сѣверо-американскимъ и сѣверо-азіятскимъ горнымъ жаворонкомъ, а послѣдній опять кое-чѣмъ отличается отъ средне-азіятскаго и т. д. Однимъ словомъ, въ теченіе нижеслѣдующихъ объясненій мы будемъ разсматривать видъ животнаго въ обширномъ объемѣ этого слова, который уже самъ по себѣ открываетъ путь къ обобщенію, потому что облегчаетъ возможность обзора, по возможности устраняетъ блужданіе среди хаотической массы мелочныхъ отличій въ именахъ и дѣлаетъ предметъ доступнымъ для большинства образованной публики.

Мы можемъ даже предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, что и отъявленные противники такого пріема согласятся съ нами, коль скоро сдѣланы будутъ попытки случить такія американскія разновидности съ соотвѣтствующими имъ европейско-азіятскими видами. Едва ли напр. можно сомнѣваться въ томъ, что отъ американской и европейской рыси получатся плодовитые потомки, которые наконецъ представятъ всѣ возможныя переходныя формы и съ которыми вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ всѣ отличительные признаки. Если бы подобнаго рода попытка уже была осуществлена, то противникамъ пришлось бы пристать къ нашему мнѣнію. Весьма желательно, чтобы и эта часть нашего дѣла практически была принята во вниманіе и послужила къ разрѣшенію многихъ сомнительныхъ случаевъ. Приведетъ насъ къ этому учрежденіе новѣйшаго времени — зоологическіе сады, которые начинаютъ распространяться все болѣе и болѣе.

и подробное описаніе, для чего я сказалъ, что сообщенное Гульдомъ весьма точное описаніе восточнаго вида совершенно согласуется съ индивидуумами, собранными мною на сѣверо-западномъ прибрежьѣ, и почти заставляетъ думать, что разсмотрѣнные мною экземпляры западнаго вида служили ему моделью при описаніи восточнаго вида?

Куперъ нашелъ всего только одинъ экземпляръ съ западнаго прибрежья, а между тѣмъ, не опровергая моихъ доводовъ, говоритъ, что этотъ экземпляръ «положительно» отличается отъ восточнаго вида, хотя уже въ моей діагнозѣ западнаго вида я именно говорю о 2 до 3 ребрахъ на каждомъ оборотѣ и о 10 ребрахъ на послѣднемъ оборотѣ, что̀ слѣдовательно обозначаетъ положительно среднюю, если не совершенно тождественную форму. Развѣ Гульдъ уже не упомянулъ о восточной разновидности, у которой 3 ребра (вмѣсто типичныхъ 2 реберъ); развѣ Филиппи не изобразилъ ее?

Слѣдовательно, передъ нами опять одинъ изъ вышеуказанныхъ (стр. 767) случаевъ, гдѣ предположеніе, что моллюски на берегахъ Массачусетса непремѣнно должны отличаться отъ моллюсковъ на берегахъ Орегона, является этимъ господамъ чѣмъ-то въ родѣ библейскаго авторитета, противъ котораго уже никакъ не можетъ устоять точное научное опредѣленіе.

Въ такихъ случаяхъ дѣло рѣшается не общими взглядами о различіи фаунъ противулежащихъ береговъ сѣверной Америки, а только тщательными изслѣдованіями самыхъ предметовъ или по возможности подробными описаніями ихъ.

[1]) Со словъ Ричардсона.

Кромѣ того можетъ статься, что въ предлежащемъ случаѣ подобныя переходныя формы между американскою и европейско-азіятскою рысью уже существуютъ въ природѣ, а именно на восточныхъ берегахъ Сибири. Легко можетъ быть, что онѣ только до сихъ поръ намъ еще не встрѣчались.

Предыдущія объясненія я написалъ вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Сибири, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ путевыхъ моихъ наблюденій. Рукопись эта оставалась въ моей портфели почти 20 лѣтъ. Къ счастію я и теперь не нахожу нужнымъ отречься отъ своихъ тогдашнихъ убѣжденій. Напротивъ того, сильно преобладавшее въ то время и раздраженное господство видодѣлителей должно было на многихъ пунктахъ очистить поле битвы. Съ тѣхъ поръ меня удостоили чести назвать родоначальникомъ новаго ученія [1]). Почетъ этотъ я могу принять только въ томъ смыслѣ, что двадцать лѣтъ сряду неутомимо старался превзойти видодѣлителей въ самомъ тщательномъ различеніи всѣхъ частностей и установить эти детали съ математическою точностію, соотвѣтственно мѣрѣ, числу, вѣсу и т. д. Правда, впрочемъ, что всѣ эти усилія преслѣдовали одну только цѣль — нанести смертельный ударъ дробленію видовъ. Что преемники мои въ Сибири пришли къ тѣмъ-же убѣжденіямъ, къ какимъ я пришелъ, это весьма естественно; по что въ способѣ обработки матеріала они строго держались моего сочиненія, это услуга, оказанная наукѣ, потому что такимъ образомъ матеріалы стали еще доступнѣе для сравненія.

Въ новѣйшее время возникло Дарвиново ученіе, которое увлекло за собою друзей и недруговъ. Вполнѣ признавая великія заслуги Дарвина, я однакоже не въ состояніи увлечься фантастическимъ духомъ времени, потоки котораго выступаютъ изъ береговъ и стремятся по направленію, противуположному тому, какое обнаружилось четверть вѣка тому назадъ. Огромное вліяніе мѣста и времени — климата и тысячелѣтій — на видоизмѣненіе и даже преобразованіе организмовъ не подлежитъ сомнѣнію; не слѣдуетъ только слѣпо поклоняться ему.

Какъ ни заманчива повидимому возможность при помощи теоріи отдѣлаться отъ щекотливой обязанности предположить творческій актъ при появленіи каждаго новаго организма, но въ сущности она приноситъ намъ очень мало пользы, пока мы не въ состояніи объяснить себѣ какой бы то ни было, хотя бы и самый первый творческій актъ, совершившійся нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ. По всей вѣроятности и организмы нашего земнаго шара постепеннымъ развитіемъ и преобразованіемъ своимъ обязаны той-же самой законной силѣ, которая управляла геологическими переворотами, но мы не должны забывать, что смутную догадку эту пока еще нельзя доказать положительными доводами. Если мы не хотимъ морочить самихъ себя и другихъ, то

---

[1]) Troschel, Archiv für Naturgesch. 1860, стр. 21.

намъ, какъ естествоиспытателямъ, необходимо остановиться на томъ, что дѣйствительно есть множество видовъ животныхъ и растеній, которые свидѣтельствуютъ о переходахъ ихъ отъ одного вида къ другому и допускаютъ возможность предположить, даже, пожалуй, и доказать косвеннымъ образомъ, что въ теченіе времени, вслѣдствіе измѣненій, изъ одного какого-нибудь вида образовались два или три различныхъ вида. Это встрѣчается чаще; но бываютъ и такіе случаи, изъ которыхъ можно заключать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что сродственные виды сливаются между собою, да притомъ въ такой степени, что естествоиспытателю по неволѣ приходится предположить помѣсь, и я [1]) даже счелъ необходимымъ предложить особую терминологію для такихъ среднихъ формъ.

Но при всемъ томъ несравненно бо̀льшая часть видовъ имѣетъ свои опредѣленныя и рѣзко-очерченныя границы; всѣ эти виды не сливаются между собою, а отдѣлены другъ отъ друга огромными промежутками, между которыми нѣтъ никакихъ соединительныхъ звеньевъ. Но этому и видодѣлители и видохранители, т. е. практики-зоологи всѣхъ возможныхъ школъ, до поры до времени не могутъ не составить союза противъ Дарвина, который, будучи самъ ренегатомъ, присталъ къ партіи спекулятивныхъ зоологовъ, положивъ въ основу своей теоріи о видоизмѣненіяхъ способность видовъ легко и сильно подвергаться измѣненіямъ, способность, которою, какъ дознано опытомъ, лишь немногіе виды отличаются отъ общей массы.

Видоизмѣненія Сибирскихъ животныхъ.

Вѣрнѣйшимъ средствомъ покончить ожесточенный споръ по части зоологіи, затронутый нами въ предыдущей главѣ, безъ сомнѣнія могло бы служить сочиненіе, цѣль котораго состояла бы въ томъ, чтобы при помощи богатаго матеріала настоящаго времени возобновить прежнюю, весьма похвальную попытку недавно умершаго Глогера. Видоизмѣненіе животныхъ, за общую разработку котораго никто не рѣшался приняться уже въ теченіе двадцати лѣтъ, должно бы было составить главную задачу такого сочиненія, предметъ обширныхъ путешествій и долголѣтнихъ наблюденій на опредѣленныхъ пунктахъ среди мѣстностей, отъ которыхъ можно ожидать особенно богатыхъ результатовъ. Падкіе на нововведенія видодѣлители, эти неугомонные анабаптисты зоологической науки, равно какъ и старовѣры-видохранители, которые порою бываютъ довольно поверхностны, пріобрѣли бы въ этомъ сочиненіи точку опоры, отсутствіе которой пока еще для насъ очень чувствительно. Велика была бы заслуга, но не малы были бы и предварительные труды.

Сибирь, при огромномъ своемъ пространствѣ и съ своими климатическими противуположностями на чрезвычайно отдаленныхъ между собою мѣстностяхъ, Сибирь, говорю я, безспорно принадлежитъ къ самымъ обильнымъ источникамъ, изъ которыхъ мы могли

[1]) Въ моихъ «Beiträge zu einer Malacozoologia Rossica».

бы почерпнуть свѣдѣнія о томъ вліяніи, какое видоизмѣняемость животныхъ въ состояніи оказать въ природѣ на границы видовыхъ признаковъ, независимо отъ человѣка. Еще больше мы вправѣ ожидать отъ сравненія сибирскихъ животныхъ съ европейскими, такъ какъ у обѣихъ странъ множество общихъ животныхъ. И на это обстоятельство уже Глогеръ указывалъ въ свое время, равно какъ и на весьма понятное тѣсное отношеніе всего вопроса къ Россіи и ея Академіи [1]). Но время это по видимому все еще не настало. Не смотря впрочемъ на то, что я совершенно согласенъ съ Глогеромъ на счетъ основныхъ научныхъ взглядовъ и правилъ, мы все-таки не сходимся въ томъ отношеніи [2]), что, сообразно съ моими сибирскими наблюденіями, я гораздо рѣже его принимаю видоизмѣненія животныхъ за неизбѣжныя послѣдствія климатическихъ условій. Убѣжденіе это въ первый разъ развилось во мнѣ при тщательномъ изслѣдованіи моллюсковъ, потому что въ Охотскомъ морѣ встрѣчались тѣже самыя разновидности, которыя намъ уже прежде извѣстны были изъ Атлантическаго Океана. Видоизмѣненія позвоночныхъ животныхъ, въ особенности птицъ, еще болѣе утвердили во мнѣ это убѣжденіе.

Матеріалъ для каждаго видоизмѣненія конечно долженъ вырабатываться изъ внѣшняго вліянія, иначе это видоизмѣненіе столь-же невозможно, какъ невозможна жизнь вообще безъ содѣйствія извнѣ. Но даже при самомъ тщательномъ изученіи климата никакъ нельзя сказать заранѣе, на какой части тѣла и въ какомъ видѣ данный матеріалъ станетъ подвергаться видоизмѣненію. Это останется для насъ загадкою до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится необъяснимая тайна, почему напр. изъ одной ячейки развивается неизмѣнно-опредѣленный видъ птицы, а изъ другой ячейки, которую даже при помощи самого сильнаго микроскопа нельзя отличить отъ первой, выходитъ совершенно другая птица. Почему именно у этой птицы красное пятнышко на шейкѣ, у другой на затылкѣ, а у третьей на крылѣ? Почему лягушка и мышь не достигаютъ величины медвѣдя? Положимъ, что всѣ эти вопросы очень пошлы, но вѣдь за ними-то и скрывается тормазъ всѣхъ нашихъ общихъ выводовъ о видоизмѣненіяхъ. Если же въ добавокъ допустить возможность, что каждый, или по крайней мѣрѣ иной, видъ животныхъ съ самаго начала явился на свѣтъ Божій не въ одной, а въ нѣсколькихъ парахъ, то къ прежнимъ вопросамъ присоединяется еще новый вопросъ о томъ: дѣйствительно ли всѣ первыя пары были совершенно сходны между собою, безъ малѣйшаго видоваго отличія?

Докажемъ мимоходомъ нѣкоторыми наблюденіями надъ сибирскими животными право наше предлагать такіе отчаянные вопросы.

Начнемъ, прежде всего, съ роста, который вообще считается болѣе опредѣленнымъ признакомъ, чѣмъ цвѣтъ животнаго.

Въ лучшихъ нашихъ зоологическихъ сочиненіяхъ, въ особенности по части искуственнаго разведенія животныхъ, говорится, что ростъ любаго вида животныхъ въ дикомъ

---

[1]) Gloger, das Abändern der Vögel durch Einfluss des Klimas, 1833.

[2]) Какъ это признаетъ самъ Глогеръ. Ср. Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, стр. 277.

№ 4а 802

ихъ состояніи, едва-ли существенно измѣняется. Между домашними животными вліяніе человѣка искусственно создало карликовъ и великановъ, которымъ мы удивляемся. Такъ напр. образовались лошадка-пони, всего въ $2\frac{1}{3}$ фута вышины, и пресловутый возовикъ Giant, который былъ втрое выше ея. На вѣсъ онъ былъ въ двѣнадцать разъ тяжелѣе крошечной лошадки, въ которой было едва 200 фунтовъ. Тоже самое мы видимъ и на рогатомъ скотѣ. Еще значительнѣе разница эта между собаками.

Если въ природѣ, какъ справедливо замѣчаютъ, разница въ ростѣ явно бросается въ глаза, такъ это въ гористыхъ мѣстностяхъ, особенно на болѣе значительныхъ горахъ, гдѣ животныя, преимущественно травоядныя, бываютъ меньше тѣхъ животныхъ, которыя водятся на равнинахъ. Вѣроятно, говорятъ, это происходитъ отъ разницы въ кормѣ; извѣстно, что количество и качество корма въ рукахъ человѣка становится главнымъ рычагомъ, при помощи котораго разведеніе животныхъ доходитъ до такихъ необыкновенныхъ результатовъ по части усиленія роста.

Подтверждаются-ли эти положенія сибирскими животными? Напротивъ того, они скорѣе опровергаются ими.

Сибирскія животныя положительно убѣждаютъ насъ въ томъ, что величина животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому-же виду, на свободѣ можетъ измѣняться въ размѣрахъ до $\frac{1}{3}$, а въ вѣсѣ даже до половины и болѣе. Убѣдительными доказательствами служатъ сибирскіе медвѣди, олени, козули, бѣлки и кроты [1]). Азіятскій материкъ повидимому вообще оказываетъ несомнѣнно-увеличивающее вліяніе на многіе виды такихъ животныхъ, которыя водятся и въ Европѣ.

Неужели это происходитъ отъ лучшей и болѣе обильной пищи? Безъ сомнѣнія нѣтъ: иначе напр. въ сѣверо-восточной Сибири медвѣдь безусловно долженъ бы быть меньше европейскаго медвѣдя, потому что ежегодно ему случается оставаться безъ пищи и сосать свои лапы, по крайней мѣрѣ цѣлымъ мѣсяцемъ, а нерѣдко и двумя мѣсяцами долѣе, чѣмъ въ средней Европѣ; а медвѣдицѣ при этомъ недостаткѣ въ пищѣ приходится даже носить и кормить своихъ дѣтенышей, такъ что она совершенно худѣетъ. Такъ точно подъ 71° с. ш., на предѣлѣ лѣсной растительности въ Таймырскомъ краѣ, полярные зайцы гораздо больше тѣхъ, которые водятся 10-ю и даже 20-ю градусами широты южнѣе въ Сибири, гдѣ скудная зима двумя и тремя мѣсяцами короче. Въ такихъ случаяхъ природа безъ сомнѣнія шла не такими путями, какіе могъ выбрать человѣкъ, искусственно разводящій животныхъ. Намъ приходится ссылаться на таинственныя предназначенія первобытнаго сотворенія.

Зоологія указываетъ на тотъ неизмѣнный фактъ, что величина животныхъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ величинѣ материковъ, для которыхъ они созданы. Въ пользу этого мнѣнія дѣйствительно говоритъ Америка, въ которой нѣтъ такихъ живот-

---

[1]) Поэтому уже Фалькъ (Beiträge zur topogr. Kenntniss des Russ. Reichs, 1786, III, стр. 285) обозначилъ сибирскаго крота особымъ названіемъ (*Talpa asiatica*). Между тѣмъ изъ словъ Палласа (Reise II, стр. 209) видно, что кротъ начинаетъ увеличиваться уже на западномъ склонѣ Урала (при Камѣ).

ныхъ-исполиновъ, какія встрѣчаются въ Азіи и въ Африкѣ, а еще болѣе вся островная часть свѣта, въ которой кенгуру играетъ роль великана. Но въ этомъ отношеніи мы еще не вправѣ говорить о законѣ, потому что не можемъ представить себѣ причину, почему величина материковъ находится въ связи съ размѣрами созданныхъ для нихъ животныхъ. Притомъ вѣдь съ самаго начала сотворенія міра не было того, что̀ мы теперь видимъ: нѣкогда американскій мастодонтъ былъ гораздо больше мамонта, да и въ Новой Голландіи въ древности водились своего рода *Hothotherium* и *Diprotodon*, которыя достигали роста нашего рогатаго скота и лошади. И развѣ американскія деревья не въ такой-же мѣрѣ громадно велики, въ какой животныя Америки малы? Развѣ не тамъ-то именно, подъ сравнительно сѣверной широтой, растутъ неслыханно исполинскія мамонтовыя деревья? [1]). Развѣ позвоночныя животныя, моллюски и насѣкомыя Америки не исполины въ сравненіи съ тѣми, которыя водятся въ другихъ частяхъ свѣта? [2]).

И такъ, пока мы своимъ умомъ не можемъ уйти дальше, останемся при тощихъ фактахъ. Для насъ уже и это довольно важно, потому что видовое понятіе служитъ исходною точкою всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ; притомъ мы знаемъ, что палеонтологи, соображаясь съ разницею въ величинѣ, установили разные виды новыхъ животныхъ на томъ основаніи, что у животныхъ въ дикомъ состояніи ростъ не измѣняется. Между тѣмъ мы видѣли, что онъ не всегда остается безъ измѣненія. Неоднократно даже мы убѣдились въ томъ, что и между птицами глубокаго сѣвера бываетъ подобная разница въ величинѣ, встрѣчающаяся въ одной и той-же мѣстности, по-видимому безъ всякой причины. Видиѣе всего это бываетъ у хищныхъ птицъ, какъ-то: морскихъ орловъ, исландскихъ кречетовъ и бѣлыхъ совъ, но едва-ли рѣже случается и съ прочими птицами; напр. съ гребенухой (*Anas spectabilis*), какъ я самъ это наблюдалъ [3]), и съ различными чайками, изъ которыхъ многіе виды, будучи сходны между собою, дѣлятся каждый на большую и меньшую разновидность. Разница въ величинѣ этихъ двухъ разновидностей такъ значительна, что имѣла такое-же право повести къ установленію видовыхъ отличій, по какому въ видовомъ отношеніи бо̀льшая разновидность нашего бураго медвѣдя отличается отъ ея меньшей разновидности [4]). Впрочемъ въ отношеніи птицъ видодѣлители были несравненно болѣе правы, потому что птицы большею частію соединяются попарно, маленькія съ маленькими, а большія съ большими. Случается иногда, что обѣ разновидности живутъ рядомъ въ одинаковомъ множествѣ. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ разница не зависитъ отъ климата и мѣстности. Не будь нѣсколькихъ экземпляровъ, служащихъ среднею переходною формою между двумя такими разновидностями, мы бы даже готовы были принять эту разницу за видовое отличіе, потому что она (какъ и у медвѣдей) очень значительна и мы почти не можемъ себѣ представить, чтобы она обра-

---

[1]) Срав стр. 598.

[2]) Срав. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, ч. I, стр. 450.

[3]) Срав. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, ч. 2, стр. 235.

[4]) Эти наблюденія подтверждены моими преемниками въ Сибири. Срав. между прочимъ соч. Л. Шренка: Reisen und Forschungen im Amurlande, Bd. I, Vögel, стр. 556 и Радде; Reisen im Südosten von Sibirien, Bd. II, стр. 384.

зовалась путемъ постепеннаго видоизмѣненія, — не можемъ себѣ представить это, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы захотѣли воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и предположить, что въ теченіе тысячелѣтій видоизмѣняемость постоянно усиливалась. Остановимся на нѣсколькихъ болѣе поразительныхъ примѣрахъ.

Для отличія отъ сѣверной гагары (*Col. arct.*) другую, несравненно меньшую, гагару на берегахъ Балтійскаго моря, прозвали Балтійскою (*Col. Balticus*). Въ Таймырскомъ краѣ обѣ высиживали яйца рядомъ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что ихъ очевидно неправильно распредѣлили на два вида, но въ такомъ случаѣ вѣдь стоитъ только напомнить о чечеткахъ глубокаго сѣвера, о тамошнихъ альпійскомъ и Шишковомъ зуйкѣ, о гусяхъ гуменникахъ и плехапахъ и пр., чтобы доказать самымъ неопровержимымъ образомъ, что каждую изъ этихъ птицъ многіе знатоки и коноводы орнитологіи дѣлятъ на два вида [1]), которые все-таки въ сущности ясно отличаются другъ отъ друга только величиною. Правда, что тутъ на помощь призываются и нѣкоторые другіе отличительные признаки, но изъ нихъ бо̀льшая часть на столько-же не выдерживаетъ критики и страдаетъ односторонностію, какъ это можно доказать уже въ настоящее время.

Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что поздніе выводки водяныхъ птицъ глубокаго сѣвера, у которыхъ нерѣдко въ Августѣ я находилъ неоперившихся птенцовъ или даже яйца, отчасти должны пропадать, отчасти же, если еще не слишкомъ поздно, или если случится необыкновенно благопріятная осень, не могутъ достигнуть полнаго своего естественнаго роста [2]), потому что во-первыхъ время осенняго линянья наступаетъ чрезвычайно быстро и прежде, нежели птица успѣетъ вырости, какъ слѣдуетъ, а во-вторыхъ дѣйствіе изнутри не столь нѣжнаго осенняго корма и вліяніе извнѣ рѣзкихъ почныхъ переходовъ температуры насильно требуютъ отъ несложившагося еще организма ускоренной зрѣлости. На глубокомъ сѣверѣ, въ области кратковременнаго лѣта, всякая вторая выводка запаздываетъ; дѣйствительно мы и встрѣчали множество такихъ запоздавшихъ выводокъ какъ у водяныхъ, такъ и у материковыхъ птицъ. Особенно замѣчательна была гагара (*Col. arcticus*), величина которой чрезвычайно различна.

---

[1]) Напр. *Fring. Hornemanni* и *linaria; Tringa variabilis* и *Schinzii; Anser segetum* и *arvensis*, можетъ быть и *brachyrhynchus; Anser intermedius*, *albifrons* и *Temminckii*. Не относятся-ли сюда и разновидности глубоко-сѣвернаго ворона (*Corvus littoralis* и *Cacloti*), *Tetrao brachydactylus* и т. д.

[2]) Замѣчательно, что на глубокомъ сѣверѣ мы очень часто встрѣчали выводки, до того запоздавшія, что болѣе или менѣе онѣ должны были пропадать; случалось, что въ началѣ и даже въ концѣ Августа птицы сидѣли еще на свѣжихъ яйцахъ, или что въ половинѣ мѣсяца птенцы все еще были покрыты пухомъ. Срав. напр. въ 2-й части II-го тома нѣмецк. изд. этого сочиненія случаи съ *Col. arcticus*, *Ans. albifrons* и *ruficollis*, *Anas glacialis*, *Larus argentatus* и *Sabinei*, *Sterna macrura*, *Phalaropus rufescens* и т. д.

Кому случалось видѣть, какъ нагло хищныя чайки (разбойники) хозяйничаютъ съ яйцами и птенцами, тотъ легко пойметъ, почему тамъ не рѣдко птицы во второй разъ высиживаютъ яйца. Пупочкѣ, за которой я особенно слѣдилъ и у которой наводненіе, наступившее при вскрытіи льда, уничтожило первыя снесенныя ею яйца, пришлось приняться за вторичное, уже позднее высиживаніе. Вѣроятно это случилось и со множествомъ другихъ птицъ.

Впрочемъ почти невѣроятно, съ какою быстротою нѣкоторые неуклюжіе птенцы оперяются и начинаютъ летать. Такъ какъ напр. я думалъ, что мнѣ придется еще долго ждать, пока оперятся мои маленькіе *Colymbus arcticus*, *Lar. Sabinei*, *Sterna macrura*, а между тѣмъ уже черезъ недѣлю, когда я пришелъ опять взглянуть на нихъ, вся братія вспорхнула и улетѣла.

*

Съ другой стороны, послѣ всѣхъ произведенныхъ доселѣ наблюденій по части физіологіи произрожденія, можно-ли сомнѣваться въ томъ, что въ случаѣ надобности вышеупомянутые бо́льшіе и меньшіе виды могли-бы съ успѣхомъ совокупляться между собою и что выводки ихъ въ свою очередь также могли-бы быть способны къ произведенію потомства? Конечно, въ этомъ не можетъ быть ни какого сомнѣнія. Слѣдовательно мы вправѣ предположить, что со временемъ и эти виды могутъ смѣшаться между собою и единогласно будутъ признаны за разновидности, или напротивъ, что первоначально, можетъ быть, они положительно отличались между собою и составляли различные виды. Или, можетъ быть, большій ростъ былъ созданъ для древней, меньшій для новой части свѣта, а потомъ оба роста смѣшались другъ съ другомъ, перемѣнивъ въ теченіе времени мѣста своего пребыванія вокругъ полюса? Не слились-ли за тѣмъ напр. два въ видовомъ отношеніи различныхъ медвѣдя въ разновидности одного только вида, который мы теперь встрѣчаемъ?

И такъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что между птицами глубокаго сѣвера два видоизмѣненія, бо́льшее и меньшее, почти сдѣлались общимъ правиломъ въ предѣлахъ каждаго вида. Я предвижу, что тоже самое можно будетъ указать даже у безпозвоночныхъ животныхъ. Опыты расположенія этихъ разновидностей между собою могли бы существенно разъяснить наши предположенія [1]). Повторяю однакоже, что причины, по которымъ животныя мѣстами достигаютъ извѣстнаго роста, пока еще остаются неразрѣшенною загадкою. Отчего это въ Забайкальѣ, спрашиваемъ мы съ удивленіемъ, уткородки и жемчужныя раковины достигаютъ такой неслыханно-исполинской величины, какой онѣ на всей землѣ нигдѣ не имѣютъ [2])? Нельзя считать это выраженіемъ общаго закона, потому что въ Забайкальѣ не водится ни слоновъ, ни страусовъ, ни исполинскихъ змѣй, ни подобныхъ имъ величинъ; мало того, рыбы и даже одночерепныя раковины, встрѣчающіяся въ тѣхъ-же самыхъ водахъ, въ которыхъ водятся упомянутыя уткородки и жемчужины, и тѣ не достигаютъ необыкновенной величины. Рядомъ съ ними въ водахъ этихъ являются рѣчные раки, которые крошечны въ сравненіи съ европейскими раками. И такъ исполинскій ростъ этихъ уткородокъ и жемчужныхъ раковинъ вѣроятно зависитъ отъ химическаго свойства воды, въ которой онѣ водятся, но все-таки онѣ становятся исполинами на перекоръ климату, а не вслѣдствіе благопріятнаго дѣйствія климата; притомъ лишь онѣ одинѣ являются тамъ исполинами, очевидно вслѣдствіе прирожденнаго имъ съ самаго начала стремленія къ росту. Онѣ напоминаютъ развѣ только объ исчезнувшей фаунѣ, о прежнихъ исполинахъ мамонтахъ-слонахъ и посорогахъ, жившихъ нѣкогда въ Сибири.

---

[1]) Впрочемъ вѣроятно и въ природѣ можно бы было отыскать добровольныя сочетанія этихъ двухъ разновидностей и прослѣдить ихъ въ процессѣ высиживанія яицъ. Гдѣ соединяются болѣе рѣзкія различія въ цвѣтахъ, тамъ это легче. Такъ напр. я видѣлъ помѣсь отъ *Corv. cornix* и *corone* въ Енисейскѣ, а Паллассъ встрѣтилъ подобную-же помѣсь въ Томскѣ (Reise II, p. 662). Въ этой полосѣ соприкасаются предѣлы распространенія этихъ двухъ птицъ.

[2]) Срав. нѣмецк. изд. этого сочиненія, т. II, 1, стр. 275 и 393; стр. 278 и 452.

Отправимся изъ Забайкалья дальше на востокъ и мы увидимъ, прежде всего, что вдоль прибрежья Охотскаго моря, до Японіи, нѣкоторыя птицы, живущія на сушѣ, меньше европейскихъ птицъ, принадлежащихъ къ однимъ съ ними видамъ [1]). Моллюски же и другія низшія животныя на прибрежьяхъ Охотскаго моря, водящіяся рядомъ съ этими птицами, не отличаются отъ тѣхъ, которыя живутъ въ сѣверной Европѣ, коль скоро они тождественны съ ними въ видовомъ отношеніи. Продолжая обзоръ этотъ все дальше къ востоку, мы наконецъ въ морской фаунѣ Берингова пролива встрѣчаемъ такіе оригинальные виды животныхъ, въ ростѣ которыхъ явно высказывается общее преобладаніе увеличивающей творческой силы. Тутъ мы находимъ величайшаго орла всего свѣта, мѣста пребыванія котораго, что̀ довольно замѣчательно, отчасти совпадаютъ съ мѣстами пребыванія вышеупомянутыхъ меньшихъ птицъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря; тутъ водятся колоссальные виды ластоногихъ млекопитающихъ, сивучи и котики; между огромными морскими водорослями ползаютъ громаднѣйшіе змѣеподобные кольчатые черьви (*Nereis virens*) [2]), раки и крабы, величиною до $3\frac{1}{2}$ футъ въ наибольшомъ поперечникѣ, со включеніемъ протянутыхъ ногъ. Ростъ раковинныхъ животныхъ соотвѣтствуетъ этой увеличивающей творческой силѣ въ такой-же степени и высказывается отчасти въ цѣломъ ряду совершенно особыхъ исполинскихъ видовъ этихъ породъ, отчасти же и въ томъ, что такіе виды, которые водятся и въ Беринговомъ и въ европейскихъ моряхъ, а въ первомъ изъ нихъ достигаютъ необыкновенной величины [3]).

Кто тутъ рѣшитъ, почему природа поступила такъ, а не иначе? А все-таки иной пытливый умъ готовъ предложить кое-какія смѣлыя догадки и скажетъ напр., что меньшій ростъ птицъ, живущихъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря, происходитъ отъ сплошной гористой природы того края. Правда, что на другихъ сибирскихъ хребтахъ это-же уменьшающее вліяніе дѣйствительно отзывается на нѣсколькихъ видахъ птицъ [4]), но ради истины при такихъ догадкахъ должно поступать съ крайнею осторожностью. Тѣ самыя животныя, которыми въ Европѣ объясняли законъ уменьшающаго вліянія горъ, въ Сибирскихъ горахъ являются необыкновенно рослыми животными, какъ напр. олени и лани на Алтайскихъ, Саянскихъ и Становыхъ горныхъ цѣпяхъ, бѣлки въ Байкальскихъ горахъ, медвѣди на сибирскихъ хребтахъ, и даже водяныя крысы и кроты на Алтаѣ. Сѣверный олень въ горахъ больше ростомъ, чѣмъ въ сѣверныхъ тундрахъ и т. п. Даурскій ушастый ежъ величиною до того превосходитъ ежа, встрѣчающагося въ степяхъ западной Сибири, что его пытались причислить къ особому виду [5]).

Можно бы было, пожалуй, прінскать объясненія и для этихъ очевидныхъ исключеній. Кое-что могло бы быть приписано пищѣ и роду жизни вообще и сдѣлало бы честь зна-

---

[1]) Какъ напр. *Str. uralensis* (несправедливо отдѣляемый подъ именемъ *Str. rufescens*), *Aq. albicilla*, *Jynx torquilla* (поэтому неправильно названная *Jynx Japonica Bonap.*), *Parus caudatus* и др.

[2]) Срав. нѣмецк. изд. этого сочин. т. II, ч. I, стр. 7.

[3]) Срав. нѣмецк. изд. этого сочин. т. II, ч. 1, стр. 452.

[4]) Вспомнимъ напр. о *Tetrao urogalloides*, *Accentor Altaicus*, *Emb. schoeniclus Al. alpestris*, (*var. alpina*) и т. д.

[5]) *Erinac. Dahuricus Sundew.*

комству нашему съ особенностями образа жизни каждаго отдѣльнаго животнаго. Но теперь еще не настало время для обобщеній подобнаго рода, потому что только изрѣдка мы можемъ доказать такъ убѣдительно, какъ напр. на кабанѣ, что это животное собственно создано для камышеватыхъ степныхъ низменностей и потому въ Сибири въ однихъ только степныхъ низменностяхъ достигаетъ полнаго своего роста, въ горахъ же постоянно бываетъ меньше [1]). Восточная Сибирь повсемѣстно представляетъ на это самыя убѣдительныя доказательства.

И эта глава объ измѣненіяхъ роста животныхъ въ сущности осталась въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ она написана была почти 20 лѣтъ тому назадъ. Вставлены только мѣстами нѣкоторыя явившіяся впослѣдствіи выраженія и ссылки.

Перечитывая теперь то, что тогда высказано было въ вышеизложенной главѣ, я живо припоминаю то настроеніе духа, въ которомъ возвратился изъ своихъ путешествій. Въ кабинетѣ ученый запасается всѣмъ необходимымъ для него книжнымъ матеріаломъ, сравниваетъ, распредѣляетъ, соединяетъ и мудритъ до тѣхъ поръ, пока все превосходно подчиняется созданнымъ имъ самимъ-же законамъ природы и общимъ взглядамъ. Съ неутолимою жаждою познаній и готовностью къ подвигамъ, да съ запасомъ общихъ взглядовъ вы бросаетесь въ объятія первобытной природы въ надеждѣ заглянуть еще глубже въ эти законы — и вмѣсто того на каждомъ шагу встрѣчаете новыя затрудненія, чѣмъ пристальнѣе вы всматриваетесь въ частные случаи. Наконецъ даже глубоко потрясается ваше довѣріе къ нѣкоторымъ сознаннымъ дома законамъ.

Вглядываясь ближе въ тѣ обстоятельства, при которыхъ возникаютъ подобныя сомнѣнія, вы ясно увидите, что большею частію вы были слишкомъ самоувѣрены, когда, сидя въ кабинетѣ, воображали, что вы постигли причины извѣстныхъ біологическихъ явленій. По большей части причины эти такъ сложны и такъ тѣсно связаны между собою, что тѣ способы толкованія, которые родились въ кабинетѣ и обыкновенно глав-

---

[1]) Нужно быть очень осторожнымъ, когда для такихъ цѣлей, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, употребляютъ чучела. Не только «плоско-или высокоголовость», но и въ особенности величина, слишкомъ зависятъ отъ способа приготовленія чучелъ. По-этому не слѣдуетъ придавать особенное значеніе свѣдѣніямъ, которыя мы встрѣчаемъ въ обыкновенныхъ путевыхъ описаніяхъ. Читая напр., что по словамъ Кибера (Сиб. Вѣстн. I, стр. 140) въ низовьяхъ Колыми соболи отличаются своею величиною, не смотря на то, что мѣхъ ихъ все-таки не дорогъ, мы никакъ не должны принимать это извѣстіе за доказательство того, что тамъ встрѣчается бо̀льшая разновидность соболя. Цѣна мѣховъ зависитъ не только отъ ихъ доброты, но и отъ величины, которой по этому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ухищряются достигать посредстомъ сильнаго растягиванія сыраго мѣха.

Другія извѣстія касаются мѣстныхъ особенностей. Такъ напр. въ Иртышѣ осетры малы, а стерляди, послѣ Обскихъ, самыя большія въ русскомъ государствѣ (Pallas, Reise II, p. 446). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ свѣдѣнія основаны на ошибкахъ. Такъ напр. Степановъ (Енисейская губернія I, 1835, стр. 89) сообщаетъ, что въ Пясинѣ караси бываютъ вѣсомъ въ 40 фунтовъ. Это извѣстіе поразило меня вслѣдствіе сѣвернаго теченія Пясины. Но, прибывъ на мѣсто, я нашелъ, что Пясинскіе рыбаки меньше знали объ этой достопримѣчательности, чѣмъ я съ своею ученостію. Они даже не умѣли мнѣ объяснить, что могло подать поводъ къ этой ошибкѣ.

нымъ образомъ придерживаются одной какой-нибудь простой причины, при наблюденіи природы на самомъ мѣстѣ оказываются чрезвычайно односторонними. Тоже самое случилось со мною и проглядываетъ изъ содержанія предыдущей главы.

И такъ, что касается роста животныхъ, то дѣйствительно не слѣдуетъ упускать изъ виду, что испоконъ вѣковъ, по причинамъ намъ пока совершенно неизвѣстнымъ, величина различныхъ видовъ животныхъ, согласно предопредѣленію, по-видимому произвольно разнообразна и что точно также на земномъ шарѣ въ одной мѣстности родятся сравнительно большія, въ другой — сравнительно малыя животныя.

По-видимому, правда, существуетъ и извѣстнаго рода паралельность между ростомъ животныхъ и объемомъ материковъ, на которыхъ они водятся, хотя мы еще никакъ не можемъ сообразить, въ какой взаимной связи отношенія эти находятся между собою. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность этого положенія гораздо яснѣе, кажется, высказывается въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ, потому что на маленькихъ, самостоятельныхъ островахъ, лежащихъ отдѣльно отъ материковъ, нигдѣ первоначально не было рослыхъ животныхъ, въ особенности между млекопитающими.

Къ этой-же, пока еще необъяснепной, категоріи слѣдуетъ отнести и тотъ указанный мною фактъ, что прибрежья по сю и по ту сторону Берингова пролива, соединяющаго Великій океанъ съ полярнымъ водоемомъ, т. е. берега восточной Сибири и сѣверо-западной Америки, также производятъ особаго рода виды рослыхъ животныхъ. Мы замѣчаемъ, что это увеличивающее вліяніе по-видимому находится въ связи съ моремъ, потому что въ немъ, кромѣ вышеуказанныхъ сивучей и котиковъ, прежде водилась еще морская корова, а сверхъ упомянутыхъ огромныхъ водорослей, кольчатыхъ червей и раковъ, живетъ еще бо̀льшее количество исполинскихъ моллюсковъ, которые въ свое время мною были описаны и перечислены [1]). Это увеличивающее вліяніе моря можно прослѣдить на самыхъ прибрежьяхъ, какъ напр. надъ величайшимъ орломъ въ свѣтѣ, *Aq. pelagica*, и надъ указанною мною Беринговою разновидностью бураго медвѣдя, тѣмъ болѣе, что Л. Шренкъ [2]) привезъ изъ Амурскаго края медвѣжій черепъ, который значительно превосходитъ величиною добытый мною исполинскій и въ то время величайшій экземпляръ нынѣшняго міра.

Этотъ послѣдній случай приводитъ насъ къ другой сторонѣ разсмотрѣннаго доселѣ

---

[1]) См. нѣм. изд. этого соч. т. II, 1, Wirbellose Thiere, стр. 451, 452.

[2]) Reisen und Forschungen im Amur-Lande I, 1858, стр. 12. Шренкъ согласился также принять разстояніе между первыми двумя коренными зубами верхней челюсти за единицу мѣры. Вслѣдствіе этого нашъ матеріалъ лучше поддается сравненію. Но прежде, чѣмъ я по необходимости прибѣгнулъ къ этому, болѣе опредѣлительному измѣренію, я убѣдился (см. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 40), что протяженіе всего черепа въ ширину, равно какъ и ширина затылочнаго отверстія ранѣе всего достигаютъ полнаго своего развитія на медвѣжьемъ черепѣ. Новѣйшими своими изслѣдованіями Вирховъ (Unters. über die Entwickelung des Schädelgrundes, 1856) еще болѣе обобщилъ тогдашній мой взглядъ, доказавъ, что основную кость, т. е. соединеніе затылочной кости съ передней и задней клиновидной костью (*os tribasilare*) должно считать тою частью черепнаго основанія, которая имѣетъ вліяніе не только на всѣ части черепа, но и на личной скелетъ. Слѣдовательно тутъ дѣйствительно заключается самая лучшая единица для вычисленія черепныхъ размѣровъ.

вопроса, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о весьма распространенномъ животномъ, которое встрѣчается и въ Европѣ, но какъ разъ на берегахъ Берингова пролива бываетъ ростомъ больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой мѣстности. Въ такихъ случаяхъ, конечно, всего естественнѣе предположить, что при этомъ главнымъ образомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на способъ пропитанія животныхъ.

Если принять за исходную точку дознанное опытомъ правило, что 1) здоровая, 2) обильная, 3) своевременная и 4) спокойно-съѣдаемая пища, въ связи съ общимъ попеченіемъ о тѣлѣ, служитъ лучшимъ средствомъ, при помощи котораго наше скотоводство достигаетъ такихъ прекрасныхъ результатовъ по части увеличенія роста животныхъ, то въ этомъ отношеніи многое можетъ быть объяснено съ величайшимъ правдоподобіемъ.

Во-первыхъ намъ само собою навязывается объясненіе, что на прибрежьяхъ Берингова пролива медвѣди колоссальнымъ ростомъ своимъ обязаны, можетъ быть, чрезвычайно обильнымъ морскимъ изверженіямъ, выброшеннымъ на берегъ китамъ, дельфинамъ и разнаго рода лакомымъ *frutti di mare*, а въ особенности жирной рыбной пищѣ. Трудно описать ту роскошь пированія въ чрезмѣрномъ избыткѣ, о которомъ мы будемъ говорить по случаю переселеній рыбъ. Во время ихъ мы сами да и собаки наши до того избаловались, что ѣли только лакомыя головки рыбы. Если бы удалось доказать, что напр. и на Амурѣ исполинская Беринговая разновидность бураго медвѣдя простирается вверхъ по рѣкѣ не дальше того мѣста, до котораго простираются переходы лососей, толпами и безпрерывно стремящихся вверхъ по рѣчкамъ на встрѣчу своей погибели, то этотъ способъ объясненія заслуживалъ бы уже гораздо больше вниманія. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи такъ называемые теперь зоотехники, т. е. люди, занимающіеся искусственнымъ разведеніемъ животныхъ по правиламъ науки, еще не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, важность рыбной пищи для роста всеядныхъ животныхъ [1]).

Во-вторыхъ, этимъ-же путемъ можно бы было объяснить, почему ископаемыя животныя Европы повсемѣстно были гораздо больше нынѣ водящихся тамъ животныхъ того-же вида, ростъ котораго слѣдовательно въ теченіе времени постепенно выродился, или почему и въ настоящее время медвѣди, олени и козули сибирскія рослѣе европейскихъ. Вслѣдствіе одного уже постояннаго безпокойства, которому животныя подвержены въ населенной Европѣ, гдѣ имъ вскорѣ предстоитъ совершенное истребленіе, пища, возбужденіе и потребленіе не находятся въ соразмѣрномъ соотношеніи. И можно-ли сомнѣваться относительно медвѣдя, что въ древности европейскія моря, а въ особенности рѣки, должны были отличаться такимъ-же богатствомъ рыбы, какое мы еще теперь отчасти видимъ на европейскихъ прибрежьяхъ Ледовитаго океана, въ полномъ же избыткѣ встрѣчаемъ только въ Сибири? Но и жизненный срокъ животныхъ въ образованныхъ странахъ

---

[1]) Впрочемъ извѣстно, что рыбаки, занимающіеся этимъ ремесломъ наслѣдственно бываютъ большаго роста. Замѣчательнымъ подтвержденіемъ этого обстоятельства служатъ всѣ чухны, живущіе въ мѣстахъ улова и сбыта салакушки по берегамъ нашего прибалтійскаго края, сравнительно съ жителями внутри края, у которыхъ нѣтъ этой пищи.

нахъ подвергается сокращенію; какъ только силы ихъ начинаютъ ослабѣвать, такъ ихъ убиваютъ, прежде чѣмъ кости ихъ успѣютъ достигнуть полнаго развитія, даже прежде чѣмъ они одряхлѣютъ отъ старости.

Въ-третьихъ, указанное выше существованіе на глубокомъ сѣверѣ большей и меньшей разновидности конечно такимъ-же образомъ можно было бы объяснить тѣмъ, что меньшая разновидность вѣроятно происходитъ отъ позднихъ выводокъ, которыя, какъ я замѣтилъ выше, дѣйствительно еще въ состояніи развиваться на глубокомъ сѣверѣ. Тамъ-то именно и должны образовываться меньшія разновидности, тогда какъ у насъ, въ болѣе умѣренномъ климатѣ, даже позднія выводки развиваются довольно нормально. Сочность и питательность корма, которыя, какъ извѣстно, въ нашемъ скотоводствѣ главнымъ образомъ произвели рослыя породы, встрѣчающіяся въ низменностяхъ, выпадаютъ лишь на долю весеннихъ выводокъ; позднія же выводки должны питаться тощими, деревянистыми частями растеній и потому подвержены тѣмъ условіямъ питанія, при помощи которыхъ скотоводъ производитъ болѣе плотныя, компактныя формы. Кромѣ того я считаю необходимымъ также указать на одно обстоятельство, которое должно имѣть еще большее значеніе, но до сихъ поръ не обратило на себя вниманія зоологовъ. Разведеніе животныхъ показываетъ намъ, что молодыя животныя растутъ преимущественно въ продолженіе опредѣленнаго возраста; напр. жеребенокъ въ теченіе перваго года растетъ очень быстро и притомъ больше, чѣмъ во всѣ остальные годы въ сложности, необходимые на достиженіе полнаго роста. Если въ продолженіе этого главнаго времени прироста, не будетъ дано надлежащаго корма или наступятъ продолжительныя простуды, поносы, и т. п., то впослѣдствіи ничѣмъ уже нельзя вознаградить происшедшее упущеніе. Это-то обстоятельство и у дикихъ животныхъ главнымъ образомъ должно обусловливать различіе роста, тѣмъ болѣе, если весь срокъ развитія, какъ напр. у птицъ, ограничивается лишь нѣсколькими недѣлями, слѣдовательно на главное приращеніе приходится еще менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго благопріятная или неблагопріятная погода и другія обстоятельства, болѣзни, линяніе и т. п. дѣйствуютъ въ томъ или другомъ направленіи. Кажется, что если мы все это примемъ въ соображеніе, то разница въ ростѣ должна потерять то значеніе, которое ей приписываютъ видодѣлители [1]), тѣмъ болѣе, что ростъ, какъ дознано, наслѣдственно переходитъ отъ одного индивидуума къ другому.

---

[1]) Что̀ сказать напр. о такомъ видѣ, какъ *Garrulus minor* изъ Алжира (Revue de Zoologie, 1857, p. 439), который потому лишь считается новымъ отдѣльнымъ видомъ, что, не смотря на совершенное сходство съ нашей простой сойкой, только на $^1/_4$ меньше ея. Если же кто захотѣлъ бы придать особый вѣсъ разницѣ въ величинѣ на томъ основаніи, что можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается и незначительная разница въ тонѣ цвѣтовъ, то достаточно напомнить о судьбахъ нѣкогда отдѣленныхъ отъ нашего *Garr. glandarius* разновидностей *G. Brandtii, G. melanocephalus* и т. д. Вѣдь хотѣли же самца *Strix. uralensis* Pall. принять за особый видъ подъ названіемъ *Str. liturata*, потому только, что онъ меньше самки и нѣсколько бѣлѣе ея (*Naumannia* 1852, II, 2, p. 9). Не то-ли самое случилось и съ видами, на которые хотятъ дѣлить *Anser hyperboreus*? (Wiegmann's Archiv, Bericht über die Leist. in der Naturg. der Vögel, одинъ изъ послѣднихъ годовъ, стр. 81). Совпалъ же *Ans. erythropus* L. съ *Ans. Temminckii* Boie и *Ans. minutus* Naumann (The Annals and Magaz. of Natural Hist. 1860, p. 454). Ср. также сказанное выше на стр. 19-ой, примѣч. 1-е и стр. 21, примѣч. 1-е.

Въ-четвертыхъ, если тщательно сообразить условія питанія, то мы должны предположить, что самый совершенный ростъ долженъ встрѣчаться вокругъ центра распространенія животнаго и что, напротивъ того, ростъ будетъ уменьшаться, чѣмъ ближе мы будемъ находиться отъ крайнихъ предѣловъ распространенія этого животнаго, какъ полярныхъ, такъ и экваторіальныхъ. Слѣдовательно въ этомъ смыслѣ должно понимать напр. вышеприведенный примѣръ о кабанѣ, который въ состояніи достигнуть наибольшаго роста лишь подъ болѣе южными широтами, въ болотистыхъ низменностяхъ и камышникахъ, въ окрестностяхъ степныхъ озеръ, въ особенности такихъ озеръ, въ которыхъ вода слегка солоновата. Для такихъ мѣстностей кабанъ какъ-бы созданъ; чѣмъ больше онъ отъ нихъ удаляется, тѣмъ онъ становится малорослѣе, если не можетъ вознаградить себя дубовыми и буковыми желудями, кедровыми шишками и т. д. [1]). Въ этомъ-же смыслѣ должно понимать различія между лѣсными и тундровыми оленями, между лѣснымъ и тундровымъ бизономъ и т. п. или свѣдѣніе о томъ, что въ восточной Сибири степные барсукъ и ежъ гораздо больше горныхъ [2]).

Въ этомъ-же смыслѣ я понимаю фактъ, что горныя животныя, какъ дознано опытомъ, меньше животныхъ того-же вида, водящихся на низменностяхъ. Самый климатъ уже не такъ благопріятенъ; одни только чисто-альпійскія животныя не подходятъ подъ это правило и такимъ образомъ подтверждаютъ наше предположеніе. Поразительно малыя формы не-альпійскихъ животныхъ, встрѣчающихся на высокихъ горныхъ хребтахъ, очевидно соотвѣтствуютъ позднимъ выводкамъ на глубокомъ сѣверѣ.

Наконецъ я объясняю такимъ образомъ и замѣчаніе Брема [3]), что представители одной и той-же формы, свойственной Европѣ и Африкѣ, будучи сравнены между собою, бываютъ обыкновенно въ Африкѣ меньше, но цвѣтистѣе, чѣмъ въ Европѣ [4]). Это относится къ рысямъ, лисицамъ, зайцамъ, бѣлкамъ и ко всѣмъ птицамъ. Животныя эти находятся тамъ на крайнемъ предѣлѣ своего распространенія, который очевидно менѣе соотвѣтствуетъ ихъ организму. Необходимо будетъ произвести самыя тщательныя наблюденія надъ тѣмъ, какія именно обстоятельства вредятъ преуспѣянію каждаго изъ этихъ животныхъ. Въ отношеніи роста конечно нельзя не замѣтить, что испареніе близъ экваторіальнаго предѣла, усиливаемое бо́льшею теплотою, уменьшаетъ ростъ животныхъ; новѣйшія изысканія по части сельско-хозяйственной зоотехники ясно доказали, что рогатый скотъ, поставленный въ хлѣвъ, гдѣ только нѣсколько градусовъ лишняго тепла, тотчасъ-же начинаетъ терять вѣсъ и ростъ и давать меньше молока и мяса. Что однѣ только амфибіи сѣверной Африки больше европейскихъ амфибій того-же самого вида, это служитъ подтвержденіемъ нашего взгляда, потому что тѣ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, въ южной Европѣ какъ-разъ находятся на полярномъ своемъ предѣлѣ.

---

[1]) По словамъ Палласа кабанъ въ Дауріи малаго роста. Это подтверждаетъ и Радде въ отношеніи Саянскаго и Яблоннаго хребтовъ (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 235).

[2]) Радде, тамъ-же, стр. 14.

[3]) Alfr. Brehm, Reiseskizzen III, p. 112.

[4]) Статья въ Revue et Magas. de Zoologie, 1866, p. 244, подтверждаетъ, что и въ Алжирѣ ростъ млекопитающихъ и птицъ кажется уменьшеннымъ

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, которое въ состояніи чрезвычайно усилить ростъ млекопитающаго животнаго, такъ впрочемъ, что ростъ этотъ не можетъ размножаться посредствомъ потомства. Разсказываютъ [1]), что въ луговыхъ степяхъ сѣверной Америки нерѣдко встрѣчаются бизоны, которые оскоплены волками и вслѣдствіе этого достигаютъ необыкновенной величины. По этой-то величинѣ и по болѣе короткой шерсти не трудно, говорятъ, и узнавать ихъ шкуру.

Но довольно будетъ говорить о ростѣ; обратимся теперь къ цвѣту и блеску внѣшняго покрова тѣла.

И въ этомъ отношеніи нѣкоторыя положенія наши преждевременны. Что свѣтъ въ связи съ теплотой усиливаютъ яркость цвѣтовъ, это доказываетъ уже бѣглый обзоръ любаго ботаническаго сада или зоологическаго музея. Щеголи-обитатели благодатныхъ тропиковъ рѣзко отдѣляются отъ одноцвѣтныхъ, блѣдныхъ, какъ будто поблекшихъ полярныхъ животныхъ; это довольно ясно видно и на морскихъ моллюскахъ, поразительнѣе же всего, конечно, на воздушныхъ обитателяхъ, птицахъ и насѣкомыхъ. Но наука ушла еще дальше и утверждаетъ, что блескъ, результатъ сильнаго свѣта и тепла, лучше отражаетъ лучи свѣта и болѣе предохраняетъ тѣло отъ внѣшняго жара, тогда какъ свѣтлый цвѣтъ, результатъ холода и дурной проводникъ тепла, болѣе всего способенъ удерживать внутреннюю теплоту тѣла въ продолженіе холоднаго времени года и согрѣвать тѣло изнутри. Такимъ образомъ это измѣненіе цвѣта, какъ остроумно выразился Бронъ [2]), является послѣдствіемъ неодинаковыхъ и началомъ одинаковыхъ температурныхъ данныхъ.

Будь этотъ общераспространенный телеологическій взглядъ совершенно правиленъ, намъ пришлось бы упрекнуть сѣверъ въ большихъ несообразностяхъ, потому что мѣхъ животныхъ, зимующихъ на глубокомъ сѣверѣ, цѣнится очень высоко именно вслѣдствіе его блеска; сколько тамъ видовъ животныхъ, которые на зиму бѣлѣютъ, столько-же есть видовъ, у которыхъ мѣхъ на зиму темнѣетъ. Даже между озимо-бѣлыми животными часто встрѣчаются разновидности, у которыхъ мѣхъ зимою черенъ. Пояснимъ нашъ взглядъ.

Въ то время, когда на глубокомъ сѣверѣ развиваются покровы животныхъ, вліяніе свѣта вовсе не такъ маловажно, какъ обыкновенно полагаютъ. Хотя лучи лѣтняго солнца падаютъ на полярныя страны только въ косвенномъ направленіи и отчасти теряются въ пасмурномъ воздухѣ, прежде нежели доходятъ до земли, но зато они свѣтятъ непрерывно, днемъ и ночью, не заграждаются тѣнью деревъ или лѣса, и отражаются на сверкающей поверхности снѣга съ невыносимою силою, причиняющею снѣжную слѣпоту. Осенью же, когда наконецъ солнце заходитъ, одежда животныхъ уже отдѣлана, цвѣта ея установились и господствующій полумракъ въ состояніи отразиться на нихъ только тѣмъ, что предохраняетъ ихъ отъ выцвѣтанія. Слѣдовательно глубокій сѣверъ никакъ нельзя приравнивать, какъ нѣкоторые хотѣли, къ тѣмъ морскимъ пучинамъ, въ

---

[1]) Wiegmann's Archiv, Jahresbericht für 1860, p. 107. [2]) Geschichte der Natur, 1843, II, p. 91.

которыхъ на глубинѣ ниже 500′ встрѣчаются безцвѣтныя животныя, потому что падающій сверху свѣтъ поглощается водою. Мы не вправѣ утверждать, что блѣдные цвѣта животныхъ глубокаго сѣвера исключительно или даже преимущественно происходятъ отъ недостатка свѣта. Пусть за насъ говорятъ примѣры. Варакушка глубоко-сѣверная (*S. suecica*), самый крайній форпостъ этого вида птицъ по направленію къ полюсу, ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ варакушки, водящейся на крайнемъ югѣ. Какъ у той, такъ и у другой, шейка и грудь ярко-лазуревато цвѣта, почти съ металлическимъ отливомъ. Тотъ-же самый свѣтъ глубокаго сѣвера, который въ состояніи произвести эту блестящую лазурь на нижней тѣневой сторонѣ тѣла варакушки, несомнѣнно могъ бы окрасить лазурью и все тѣло птицы, въ особенности верхнюю ея сторону, освѣщенную солнцемъ, какъ напр. на старыхъ самцахъ сибирской синехвостки (*Sylv. cyanura*), буде только не было иного предназначенія при первоначальномъ сотвореніи, при первомъ зарожденіи въ яйцѣ. На этомъ-то все дѣло и вертится. И вѣдь не для одного голубаго цвѣта, нѣтъ — и для зеленаго, краснаго, оранжеваго, желтаго, однимъ словомъ для всего ряда цвѣтовъ, глубокій сѣверъ представляетъ намъ подобные-же примѣры; припомнимъ только прекрасный карминный цвѣтъ на шейкѣ камчатскаго пѣвуна [1]), или даже на головкѣ иной чечетки; оранжево-красный, оранжевый и зеленый цвѣта на головѣ гребенухи [2]), которая отъ этого и получила свое названіе; или стоитъ только припомнить великолѣпныя парадныя перья на крыльяхъ сибирской утки моклошки и т. д., чтобы подтвердить слова наши примѣрами. Сравнимъ напр., какъ мы поступили съ варакушкой, сравнимъ ворона изъ-подъ 75° с. ш. съ южно-европейскимъ воропомъ и мы увидимъ, что перья его ни менѣе черны, ни менѣе отливаются металлическимъ синимъ блескомъ.

Если теперь вообще говорятъ [3]), что «на глубокомъ сѣверѣ и на высотахъ, лежащихъ высоко надъ моремъ, нѣтъ ни одной птицы съ блестящими перьями, ни одной пестрой рыбы», то это не безъусловно правильно. На столько-же на сколько это положеніе справедливо, оно врядъ-ли основано на недостаткѣ свѣта на сѣверѣ. Почему-же на Альпахъ рыбы и насѣкомыя становятся тѣмъ темнѣе, чѣмъ выше поясъ, въ которомъ они встрѣчаются. Нетолько увеличивается число черныхъ насѣкомыхъ, но даже и такіе виды, которые на низменностяхъ пестры и блестящи, на высотахъ измѣняются въ тусклыя и черныя разновидности. Развѣ на ясныхъ альпійскихъ высотахъ не достаетъ свѣта? Даже на глубинѣ моря подъ 75° с. ш. щетины и чешуи нѣкоторыхъ кольчатыхъ червей (афродитъ) отличаются какимъ-то чуднымъ блескомъ и великолѣпнѣйшимъ разнообразіемъ радужныхъ цвѣтовъ. Правда, переливы эти происходятъ не отъ какого-нибудь краспльнаго вещества, а по законамъ интерференціи свѣта [4]). Но развѣ тоже самое не повторяется и съ тропическими блестящими птицами?

---

[1]) *Sylvia (calliope) Kamtschatkensis.* Этотъ красный цвѣтъ происходитъ вслѣдствіе выцвѣтанія (Naumannia, 1852, II, 2, p. 29).

[2]) *An. spectabilis.*

[3]) Напр. Agassiz и Gould, Principles of Zoology, Boston, 1848, p. 165.

[4]) Гольбёль пояснилъ это на Гренландскихъ птицахъ (Isis, 1845, p. 747, 769). *Falco, gyrfalco, Str. nyctea, Lestr. pomarina* и *parasita, Larus glaucus, Lar. leucopterus, Procell. glacialis* всѣ относятся сюда.

Наконецъ есть еще одинъ, очень важный фактъ изъ сѣверной природы, который противурѣчитъ предположенію о преобладающемъ вліяніи климата на цвѣтъ тамошнихъ животныхъ. Тамъ не только встрѣчаются рядомъ темныя и бѣлыя разновидности одной и той-же птицы, напр. поморника, но не рѣдко выспѣваются и вскармливаются рядомъ и даже въ одномъ гнѣздѣ двѣ разновидности хищныхъ и водяныхъ птицъ глубочайшаго сѣвера, темныя и свѣтлыя, которыя отличаются другъ отъ друга только до тѣхъ поръ, пока онѣ птенцы. Какъ скоро онѣ начинаютъ линять, такъ перья ихъ получаютъ одинаковый цвѣтъ.

Начиная съ косматой, почти негодной, шкуры бѣлаго медвѣдя до самыхъ дорогихъ шкуръ, отличающихся не только своею легкостію но и способностію удерживать тепло, всѣ сибирскіе мѣха славятся прекраснымъ блестящимъ видомъ своимъ. Баснословно высокія цѣны на лучшіе мѣха зависятъ отъ темнаго цвѣта и шелковистаго блеска этихъ мѣховъ. Тщетно вы станете искать подобнаго блеска на шкурахъ тропическихъ животныхъ. Но мы должны обратить вниманіе на то, что въ Сибири блескъ этотъ развивается не сообразно одной лишь высшей географической широтѣ, подъ которой встрѣчаются пушныя животныя, а усиливается соотвѣтственно температурнымъ крайностямъ въ одной и той-же мѣстности, т. е. соотвѣтственно континентальному климату. Чѣмъ сѣвернѣе, чѣмъ среднеземнѣе, чѣмъ въ тоже время выше въ горахъ водится животное, тѣмъ сильнѣе блескъ его шкуры не только въ Сибири, но вѣроятно и на всѣмъ сѣверѣ. По этому весьма понятно, что по близости моря, нѣкоторымъ образомъ даже вблизи Ледовитаго океана, мѣха пушныхъ животныхъ теряютъ часть своего блеска, а на высочайшихъ хребтахъ восточной Сибири отличаются превосходнымъ своимъ качествомъ. Соболи сѣвернаго Урала — хотя родина ихъ полярный кругъ и горы — не имѣютъ особаго достоинства, потому что хребетъ этотъ граничитъ еще съ прибрежнымъ климатомъ Европы, тогда какъ 15 градусами широты южнѣе, да и далѣе къ востоку, въ развѣтвленіяхъ Становаго хребта, простирающихся до Амура, добываются еще лучшіе соболи. Уже вблизи Охотскаго моря, къ которому круто спускается горный кряжъ, вы опять встрѣтите менѣе цѣнные мѣха; они не въ состояніи улучшиться даже на сѣверныхъ берегахъ Берингова моря, какъ это нетрудно доказать сравнительно на лисицахъ.

Чѣмъ дальше мы станемъ подвигаться къ полюсу или, лучше сказать, чѣмъ долѣе гдѣ-нибудь среднимъ числомъ продолжается зимнее время, тѣмъ долѣе животныя, бѣлѣющія на зиму, сохраняютъ свой зимній нарядъ. До какой степени это справедливо, доказываютъ наши наиболѣе распространенныя сочиненія по части зоологической географіи, въ которыхъ высказано мнѣніе, что въ глубоко-полярныхъ странахъ осеннее линяніе иногда продолжается такъ долго, что весенняго линянія вовсе не бываетъ. Опрометчивость этого заключенія я показалъ на бѣлыхъ куропаткахъ подъ 75° широты; даже у самцевъ послѣдняя половина Іюля и первая половина Августа отдѣляютъ періоды двоякаго линянія [1]).

---

[1]) Срав. нѣм. изд. этого сочиненія т. II, 2, стр. 191.

Въ поношенномъ испачканномъ парядѣ самецъ весною является на свадьбу, въ забавныхъ прыжкахъ и возгласахъ, въ трескущемъ токованіи, въ любезничаньи и ревнивыхъ похожденіяхъ по-пусту проводитъ начало кратковременнаго лѣта и даже Іюнь мѣсяцъ, а потомъ въ Іюлѣ старается запастись лѣтнимъ нарядомъ. Едва только онъ успѣетъ покончить съ нимъ, какъ бѣдному франту уже опять приходится хлопотать о новомъ предохранительномъ средствѣ противъ наступающей зимы, прежде нежели ему удастся пощеголять въ своемъ лѣтнемъ нарядѣ. Что же вы скажете о такъ называемомъ «свадебномъ парядѣ» птицъ, названіи, которое тутъ такъ не кстати, что скажете о всеобще принятомъ ученіи относительно внутренней связи между линяніемъ и процессомъ распложенія?

Правда, что на крайнемъ сѣверѣ животныя почти всѣ безъ исключенія бѣлѣютъ на зиму, но едва-ли можно оправдать мнѣніе, что они принимаютъ этотъ цвѣтъ вслѣдствіе отраженія бѣлаго свѣта отъ снѣговой поверхности и что при этомъ измѣненіи цвѣта природа имѣла въ виду предохранить ихъ отъ стужи. Право, у насъ, ученыхъ, африканскіе негры родились бы на свѣтъ такими-же бѣлыми, какъ наши лѣтнія фуражки и лѣтніе наряды! Не должно забывать, что часто на глубокомъ сѣверѣ мѣхъ, какъ напр. у песца, сохраняетъ свой темный цвѣтъ, и что бѣлая шуба нерѣдко появляется раньше снѣга, какъ напр. у нашихъ зайцевъ, которые осенью съ своею свѣтлою шубою рѣшительно нигдѣ не въ состояніи укрыться среди темнаго фона. Физіологически-химическіе процессы, вслѣдствіе которыхъ животныя на зиму бѣлѣютъ, намъ пока еще совершенно неизвѣстны. По этому и нельзя сказать ничего путнаго объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ довольно очевидно, что почти всѣ животныя, зимующія на глубокомъ сѣверѣ, какъ то: бѣлый медвѣдь, песецъ, полярный заяцъ, горностай, песцовая копытная мышь, бѣлая куропатка, лунь, подорожникъ, даже волкъ и олень глубокаго сѣвера [1]), на зиму становятся бѣлыми. Это до такой степени составляетъ общее правило, что хотя напр. воронъ и зимуетъ обыкновенно подъ 75° с. ш., но мы все-таки вправѣ предположить, что первоначально, въ періодъ сотворенія его, онъ не былъ предназначенъ для такихъ сѣверныхъ широтъ, а только постепенно распространился и далѣе, или по крайней мѣрѣ освоился съ зимою глубокаго сѣвера.

Но уже по близости отъ предѣла лѣсной растительности, хотя и въ снѣговой области глубокаго сѣвера, все болѣе и болѣе преобладаютъ такія животныя, цвѣтъ которыхъ зимою не измѣняется, какъ напр. бурый медвѣдь, обыкновенная лисица, сурокъ, сусликъ, Обскій леммингъ, различныя виды полевокъ и землероекъ и т. д. Даже тамошній волкъ и олень довольно долго сохраняютъ свой темный цвѣтъ. У нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напр. у соболей, темный цвѣтъ мѣха усиливается сообразно степени зимней стужи въ той мѣстности, гдѣ они водятся. На сѣверѣ медвѣди, лисицы, волки и т. д. зимою становятся нѣсколько темнѣе, чѣмъ они были лѣтомъ и зимный нарядъ ихъ

---

[1]) Мѣха, поступающіе въ торговлю съ нижняго Енисея, черезъ Туруханскъ, подъ именемъ Туруханскихъ волчьихъ шкуръ, славятся своей бѣлизной. Парри также встрѣтилъ почти совершенно бѣлыхъ волковъ въ американско-азіятскомъ архипелагѣ (First Voy. p. 116 etc.)

безусловно темнѣе, чѣмъ у тѣхъ-же видовъ, которые водятся ближе къ экваторіальному предѣлу ихъ распространенія. Въ Крыму, въ степяхъ южной Сибири вообще и въ низменностяхъ, прилегающихъ къ Кавказу, у медвѣдей, лисицъ и волковъ зимній мѣхъ желто-красноватѣе, и какъ бы болѣе поблекшій, нежели у этихъ-же животныхъ на глубокомъ сѣверѣ. Слѣдовательно тутъ уже нѣтъ той тѣсной связи между зимнею бѣлизною животныхъ и бѣлымъ покровомъ земли, какой мы не можемъ надивиться напр. у горностая, который на безснѣжномъ югѣ Европы и зимою сохраняетъ свой бурый лѣтній цвѣтъ, а при устьяхъ Волги снимаетъ зимній свой нарядъ уже въ Февралѣ мѣсяцѣ. При всемъ томъ мы вправѣ замѣтить, что между всѣми поименованными сѣверными животными только лисица и волкъ зимою рыщутъ подъ открытымъ небомъ, но что большая часть остальныхъ животныхъ прячется подъ снѣговыми сугробами или въ норкахъ и что не только лисица, но даже волкъ начинаютъ облачаться въ свой зимній нарядъ еще въ то время, когда находятся въ норахъ.

Если бы при самомъ первобытномъ сотвореніи зимняя шерсть бѣлѣющихъ на зиму животныхъ предназначалась для удержанія тепла, то въ исключительныхъ случаяхъ не нормальный цвѣтъ долженъ бы былъ причинять животнымъ больше безпокойствъ, чѣмъ они испытываютъ на самомъ дѣлѣ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ тотъ, что у большей части бѣлѣющихъ на зиму животныхъ снѣжно-бѣлый цвѣтъ не слишкомъ рѣдко превращается въ чернобурый. Вѣроятнѣе всего, что это превращеніе происходитъ отъ незначительной химической перемѣны, которая бываетъ слѣдствіемъ такъ сказать самого пустаго недосмотра во время физіологической варки красокъ, въ родѣ того, какъ напр. сладкій сахарный сокъ можетъ превратиться въ кислый уксусъ. Превращеніе бѣлаго цвѣта составляетъ въ царствѣ животныхъ такой положительный фактъ, что вопреки безконечныхъ споровъ о видахъ и разновидностяхъ, все-таки единогласно признано, что голубой песецъ ничто иное, какъ синевато-черный песецъ, а черный заяцъ, черная бѣлка и черный бурундукъ ничто иное, какъ разновидности полярнаго зайца, простыхъ бѣлокъ и полосатыхъ бурундуковъ. Тоже самое мы должны замѣтить о черныхъ горностаяхъ, лисицахъ, волкахъ, зайцахъ-толаяхъ и пищухахъ (*Lagomys*), хомякахъ [1]) и т. п. Подобнымъ превращеніямъ чаще всего подвержены особенно песцы, такъ что мѣстами большею частію встрѣчаются даже темные песцы, мѣхъ которыхъ цѣнится гораздо дороже [2]). И такъ черный цвѣтъ удается на снѣжномъ покровѣ превосходно и темная шкура предохраняетъ животное отъ стужи не хуже бѣлаго. Мы вправѣ предположить, что голубые песцы не страдаютъ отъ холода, тѣмъ болѣе, что темный цвѣтъ ихъ шерсти и безъ того уже слиш-

---

[1]) По словамъ Палласа (Reise I, p. 128 и Zoogr. Rosso-As.), около Симбирска почти чаще встрѣчаются черные хомяки, чѣмъ обыкновенные. Черный волкъ также, кажется, чаще попадается въ Россіи, чѣмъ въ западной Европѣ.

[2]) Объ обиліи песцовъ можно найти ближайшія свѣдѣнія ниже, въ этой-же части. О черныхъ полярныхъ зайцахъ я говорилъ въ статьѣ своей о русскихъ зайцахъ (Bullet. physico-mathém. de l'Acad. de St. Pétersb. T. IX, № 14, 15, 16). Недавно объ этомъ опять была рѣчь въ Отечеств. Запискахъ за 1848 голъ, VIII, стр. 24. Лангсдорфъ (Reise um die Welt, II, p. 224) упоминаетъ о рѣдкомъ примѣрѣ чернаго горностая (въ Камчаткѣ).

комъ явно выдастъ ихъ на бѣломъ снѣжномъ фонѣ и затрудняетъ существованіе ихъ, облегчая добычѣ ихъ возможность укрываться, а преслѣдователямъ — нападать на нихъ.

Вообще въ отношеніи соотвѣтственности между бѣлою снѣговою поверхностію и зимнею бѣлизною живущихъ на ней животныхъ одно только, кажется, не подлежитъ сомнѣнію: это то, что передъ нами опять проявляется законъ природы, по которому цвѣтъ животныхъ приноравливается къ господствующему цвѣту тѣхъ мѣстностей, гдѣ они водятся. Мы, конечно, вправѣ предположить, что этотъ цвѣтъ, т. е. отраженные почвою лучи свѣта оказываютъ обратное дѣйствіе на образующіеся цвѣта животныхъ; физическіе законы неизбѣжно должны же заявлять свои права; но между тѣмъ, какъ на зло нашему умствованію, все-же опять встрѣчаются нѣкоторые рѣзкіе примѣры, которые доказываютъ противное, и снова такъ ясно свидѣтельствуютъ о неизмѣнности внутренняго предназначенія, даннаго первоначальнымъ типамъ, что бѣдному человѣческому уму со страху приходится воскликнуть: «Неограниченный произволъ перваго творческаго акта!»

Необходимость малозамѣтной разницы между цвѣтомъ животныхъ и цвѣтомъ почвы нигдѣ не высказывается такъ сильно, какъ въ бездревесныхъ, слѣдов. беззащитно-открытыхъ равнинахъ. По этому и на самомъ крайнемъ сѣверѣ животныя лѣтомъ бываютъ цвѣтными, зимою бѣлыми. Такъ напр. въ степяхъ встрѣчаются степнаго цвѣта дикіе ослы, сайги, тушканчики, хомяки, меріоны, бульдуруки и степныя курицы (*Syrrhaptes*, *Pterocles*, *Glareola*), драхвы, жаворонки и т. д. Ближайшія изслѣдованія, какъ напр. наблюденія Эверсмана надъ степными жаворонками, доказываютъ даже, что различные виды преимущественно распредѣлены сообразно сходнымъ съ ними цвѣтамъ почвы. Степные грызуны по цвѣту шерсти до того сходны между собою, что почти невозможно выискать разницу между лежащими рядомъ лоскутками ихъ шкурокъ, хотя бы они были сняты съ животныхъ различныхъ родовъ, какъ напр. тушканчиковъ, меріоновъ или хомяковъ.

Въ связи съ этимъ находится и то обстоятельство, что особаго рода животныя, бѣлѣющія на зиму, встрѣчаются въ такихъ степяхъ, которыя, по географическому своему положенію, не должны бы были зимою окрашивать животныхъ въ бѣлый цвѣтъ, и тѣмъ менѣе слѣдовательно производить особые бѣлѣющіе на зиму типы. Вспомнимъ о зюнгарскомъ хомякѣ.

До чего существованіе животныхъ обезпечивается или обусловливается этимъ сходствомъ ихъ цвѣта съ цвѣтомъ почвы, этому повсюду и ежедневно мы видимъ примѣры, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ животное притаится и собака намъ указываетъ мѣсто, гдѣ оно укрылось, а между тѣмъ на открытой равнинѣ мы все-таки не въ состояніи замѣтить-бекаса штучника, куропатку и даже зайца. Въ пряткахъ этихъ природа нигдѣ не проявила себя такъ сильно, какъ при укрываніи нѣкоторыхъ яицъ, повидимому предоставленныхъ на произволъ судьбы. Кто напр. посмотритъ на яйцо Бюффонова поморника [1]),

[1]) Ср. нѣм. изд. этого соч. т. II, 2, табл. XXIV, рис. 2.

тотъ едва-ли повѣритъ, что его трудно отыскать на плоской тундрѣ. Какъ декораціонная живопись вблизи отвратительно скверна, а на извѣстномъ разстояніи, при извѣстной обстановкѣ и освѣщеніи, чрезвычайно эффектна, такъ и природѣ удалось обезпечить необходимый успѣхъ этихъ яицъ. Среди яснаго лѣта, на небольшомъ клочкѣ голой Таймырской тундры, я чуть-ли не цѣлый часъ съ собакой искалъ яицъ этого поморника, которыхъ мнѣ непремѣнно хотѣлось добыть. Они должны были лежать тамъ, въ этомъ я былъ убѣжденъ, потому что самецъ и самка внѣ себя то спускались на насъ, то съ опущеннымъ крыломъ, бокомъ, какъ будто подстрѣленные, летали надъ болотомъ. Но я ничего не нашелъ и, замѣтивъ себѣ мѣсто, долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ. На другой день я съ 4 товарищами и собакой опять вернулся на это мѣсто и опять проискалъ съ ними почти цѣлый часъ. А между тѣмъ яйца лежали между нами на гладкой открытой равнинѣ, какъ на блюдѣ, и только случайно не попали намъ подъ ноги. И насъ и собаку сбило съ толку встревоженное состояніе и хитрости самца и самки.

Гдѣ цвѣтъ животныхъ не предназначенъ природою для того, чтобы служить красою пейзажа, тамъ онъ главнымъ образомъ служитъ для того, чтобы укрывать животныхъ и предохранять ихъ отъ возможности быть замѣченными. Особое значеніе, конечно, должно имѣть то обстоятельство, что черныя разновидности почти безъ исключенія встрѣчаются только между такими животными, которыя живутъ въ полумракѣ.

Что еще замѣчательнѣе и что безъ сомнѣнія означаетъ высшее развитіе въ этомъ отношеніи, это измѣнчивость или, правильнѣе, способность видоизмѣненія яицъ одной и той-же птицы, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Въ Европѣ въ послѣднее время это обстоятельство было наблюдаемо и разсматриваемо неоднократно, особенно въ отношеніи кукушки, которая кладетъ яйца свои въ разнородныя гнѣзда. Между развитыми позвоночными животными способность эта преимущественно проявляется у животныхъ, которыя водятся въ водѣ, т. е. у рыбъ и амфибій. Что касается сибирскихъ рыбъ, напр. слизистаго палима, то я положительно замѣтилъ, что въ болѣе темной водѣ и цвѣтъ ихъ также былъ темнѣе. Темноцвѣтные палимы въ рѣкѣ Таймырѣ первые обратили мое вниманіе на это обстоятельство [1]). Эти наблюденія и степной цвѣтъ степныхъ животныхъ прямо заставляютъ предполагать, что образованіе цвѣтовъ находится въ связи со свѣтомъ, который отражается почвою.

Но возвратимся къ черными разновидностямъ сибирскихъ млекопитающихъ. Не только вышеуказанныя озимо-бѣлыя животныя, не только волкъ и рѣчная выдра, но и множество другихъ непзмѣняющихся млекопитающихъ животныхъ, которыя на зиму

---

1) Палласъ замѣтилъ этотъ-же фактъ на другихъ рыбахъ (Reise I. p. 50). Въ западной Европѣ онъ также встрѣчается, въ особенности у форелей. Палласъ нашелъ даже (Reise in die südlichen Statthaltersch. des Russischen Reichs), что *Lacerta helioscopa* постоянно была такого-же цвѣта какъ та почва степи, на которой онъ ее встрѣчалъ. Не одинъ только хамелеонъ мѣняетъ свои цвѣта!

сохраняютъ свой темный цвѣтъ, подвержены случайной чернотѣ (см. выше стр. 31). Между ними бѣлки, кажется, болѣе всего могутъ служить къ разъясненію причины, почему цвѣтъ животныхъ становится темнѣе, ибо черноватыя бѣлки составляютъ не столько отдѣльные случаи, распространенные повсюду, сколько общее явленіе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Въ горахъ онѣ постоянно бываютъ чернаго, въ долинахъ же и низменностяхъ — сѣраго цвѣта. Такъ какъ бѣлки принадлежатъ къ странствующимъ животнымъ, то конечно трудно предположить, чтобы эти предѣлы ихъ распространенія не подвергались исключеніямъ, но довольно замѣчательно, что прибрежные жители большихъ сибирскихъ рѣкъ, Енисея и Лены, единогласно, хотя и въ другихъ выраженіяхъ, подтверждаютъ тотъ-же самый фактъ, говоря, что лучшіе и болѣе цѣнные мѣха добываются ими на правомъ, а худшіе на лѣвомъ берегу этихъ рѣкъ. Я не знаю, попадаются-ли черныя бѣлки въ степной части Европейской Россіи; отъ Трансильваніи же на западъ, черезъ горные хребты средней Европы, вплоть до Атлантическаго океана, онѣ встрѣчаются, хотя и не столь исключительно, какъ на нѣкоторыхъ сибирскихъ хребтахъ.

Дѣйствительно-ли темный цвѣтъ этотъ можно приписать обильному питанію маслянистыми кедровыми орѣхами? Вѣдь нѣкоторыя пѣвчія птицы (снигири и щегленята) наконецъ, говорятъ, становятся совершенно черными, если ихъ кормить маслянистыми сѣменами. Я готовъ повѣрить этому, потому что черныя бѣлки дѣйствительно почти совпадаютъ съ предѣлами распространенія кедра и въ особенности преобладаютъ въ восточной Сибири, гдѣ на горныхъ высотахъ кромѣ обыкновенныхъ кедровъ растетъ еще и кустарный кедръ [1]) (слапецъ). Было бы довольно важно разрѣшить этотъ вопросъ посредствомъ опытовъ кормленія; мнѣ они до сихъ поръ ни разу не удавались вслѣдствіе преждевременной гибели тѣхъ животныхъ, которыхъ я откармливалъ. Важно же это было бы во-первыхъ потому, что такимъ образомъ лишились бы послѣдней опоры тѣ, по мнѣнію которыхъ обѣ разновидности бѣлокъ произошли отъ смѣшенія двухъ первоначально и въ видовомъ отношеніи различныхъ животныхъ, альпійской и низовой бѣлки. Во-вторыхъ же это было бы важно и потому именно, что гдѣ въ Сибири встрѣчаются самыя темноцвѣтныя бѣлки, тамъ въ тоже время водятся также самые темные и дорогіе соболи. Или масло кедровыхъ орѣховъ, превратившись въ бѣлячій жиръ, проникаетъ въ мѣхъ соболя, этого кровожаднаго истребителя бѣлки? Въ такомъ случаѣ безсмысленное

[1]) Впрочемъ мнѣ не приходилось слышать о черныхъ бѣлкахъ на сѣверномъ Уралѣ. Во всякомъ случаѣ онѣ встрѣчаются тамъ рѣдко, тогда какъ кедры простираются далеко на западномъ скатѣ Урала. На юго-западныхъ хребтахъ Сибири, вдали отъ Енисея, черныя бѣлки также принадлежатъ къ числу рѣдкостей; нигдѣ въ Сибири бѣлки не встрѣчаются въ такомъ свѣтло-сѣромъ зимнемъ нарядѣ, какъ въ области рѣки Оби. И въ Скандинавіи черныя бѣлки составляютъ лишь отдѣльно встрѣчающіяся, очень рѣдкія исключенія. По мнѣнію Глогера, въ верхней Силезіи черныя бѣлки относятся къ простымъ какъ 1 : 6, даже какъ 1 : 4 (Das Abändern der Vögel, 1833, p. 43). Провѣряя корректуру этой страницы, я нашелъ, что и Радде въ своемъ появившемся между тѣмъ сочиненіи (Reisen im Süden von Ostsibirien, Die Säugethierfauna 1862, p. 134) положительно говоритъ о связи темнаго цвѣта бѣлячьяго съ кедрами и большою влажностью воздуха, которой требуютъ эти деревья. Черныя бѣлки встрѣчаются, говоритъ, уже съ Баунтскихъ горъ; въ Забайкальѣ сиевато-сѣрыя, темныя, длинноволосыя бѣлки также исключительно встрѣчаются на самыхъ высокихъ горныхъ хребтахъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ.

опустошеніе, которымъ кедровыя лѣса подвергаются изъ-за своихъ шишекъ (отд. IV, стр. 521, 613), имѣло бы самыя дурныя послѣдствія и требовало бы настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, самыхъ строгихъ охранительныхъ мѣръ со стороны правительства. Народное и охотничье повѣрье южныхъ Сибиряковъ, по которому бѣлки, смотря по добротѣ ихъ мѣха, называются, соотвѣтственно иминой ихъ пищи, грибными, шишковыми и орѣховыми бѣлками [1]), — повѣрье это положительно говоритъ въ пользу подобнаго вліянія пищи на мѣхъ, хотя и не свидѣтельствуетъ о непосредственномъ дѣйствіи жирныхъ частей пищи. Такъ какъ грибныя бѣлки, вслѣдствіе своей азотистой пищи, могутъ разжирѣть скорѣе другихъ, то развѣ только по этому у нихъ и мѣхъ можетъ быть лучше, если жиръ въ этомъ отношеніи дѣйствительно имѣетъ какое-нибудь значеніе. Но въ такомъ случаѣ трудно понять, почему орѣхи, которые вѣдь также довольно жирны, совершенно остаются на заднемъ планѣ.

Впрочемъ, основываясь на доказанномъ опытами фактѣ, что жиръ дѣйствуетъ на перья и мѣхъ, можно бы было допустить, что и у голубыхъ песцовъ мѣхъ получилъ свой цвѣтъ вслѣдствіе жирной пищи. Они дѣйствительно водятся преимущественно на морскихъ прибрежьяхъ и островахъ.

Обиліе такихъ темноцвѣтныхъ разновидностей млекопитающихъ животныхъ въ восточной Сибири должно поражать насъ тѣмъ болѣе, что Палласъ, а за нимъ и Глогеръ давно уже доказали, что сибирскія птицы отличаются отъ европейскихъ преобладаніемъ бѣлаго цвѣта. Впослѣдствіи Китлицъ [2]) сравнилъ камчатскихъ птицъ съ европейскими и нашелъ, что между многими материковыми птицами, свойственными той и другой странѣ, у одной части нельзя найти ни малѣйшаго отличія въ перьяхъ, тогда какъ другая часть отличается въ Камчаткѣ болѣе бѣловатымъ цвѣтомъ. Китлицъ обратилъ вниманіе на то, что эта бѣловатость составляетъ отличительную черту нѣкоторыхъ птицъ не столько на сѣверѣ, сколько на востокѣ. Это, говоритъ онъ, подтверждается и въ Америкѣ цвѣтомъ тамошнихъ дятловъ, воробьевъ и куръ, у которыхъ на восточномъ берегу несравненно больше бѣлыхъ перьевъ, чѣмъ у тѣхъ-же птицъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки: цвѣтъ ихъ въ нашихъ русскихъ колоніяхъ гораздо темнѣе.

Что материковыя птицы Сибири бѣлѣютъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, но все-таки не вполнѣ исключаетъ процесса темнѣнія, упомянутаго нами въ отношеніи неизмѣняющихся (не бѣлѣющихъ на зиму) млекопитающихъ Сибири, которыя на сибирскомъ сѣверѣ бываютъ темнѣе, чѣмъ къ юго-западу отъ него. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что разсматриваемую нами бѣловатость, которую можно считать несостоявшеюся зимней отбѣлью, необходимо строго отличать отъ выцвѣтанія вслѣдствіе линючести, свойственнаго южнымъ странамъ, болѣе освѣщеннымъ солнцемъ. Это физическое выцвѣтаніе мѣха и перьевъ преимущественно распространяется на темно-

---

[1]) Cp. L. Schrenck, Reisen und Forschungen, Bd. I, p. 122.

[2]) Isis, 1836, p. 768.

ватые цвѣта, которые легко пропадаютъ и принимаютъ красноватые оттѣнки; красный цвѣтъ вообще не линяетъ и развѣ только становится желтѣе или грязнѣе. Нигдѣ цвѣта не разграничены рѣзкою чертою. Впрочемъ въ южныхъ странахъ даже бѣлый цвѣтъ такихъ полинялыхъ покрововъ не совсѣмъ чистъ, а какъ будто бы образовался изъ свѣтложелтаго цвѣта вслѣдствіе линючести.

Бѣловатость же, о которой мы говоримъ, относится преимущественно къ красножелтымъ цвѣтамъ. Напр. что въ Европѣ окрашено желтымъ, бурымъ или краснымъ цвѣтомъ, то въ Сибири оказывается положительно снѣжно-бѣлаго цвѣта, но не полинявшаго, а свѣжаго, яркаго цвѣта, рѣзко отличающагося отъ темныхъ цвѣтовъ — какъ будто выкрашеннаго бѣлою краскою. Темныя части шерсти и перьевъ, какъ напр. стволовыя и кистевыя пятна послѣднихъ, не смотря на то, что животное бѣлѣетъ, сохраняютъ свой цвѣтъ или даже становятся нѣсколько темнѣе; по крайней мѣрѣ, возлѣ рѣзко отличающагося бѣлаго цвѣта, который къ нимъ присоединяется, они кажутся темнѣе обыкновеннаго, въ родѣ темныхъ пятенъ, набросанныхъ на бѣлый фонъ. Такъ какъ бѣлые кончики волосъ и краевъ перьевъ болѣе или менѣе прикрываютъ темную часть покрова, то по общему впечатлѣнію кажется, что цвѣтъ животнаго нѣсколько свѣтлѣе. Положительно бѣлѣе оно оказывается только въ такомъ случаѣ, когда (какъ это нерѣдко бываетъ) бѣлый цвѣтъ увеличивается въ своемъ объемѣ и вытѣсняетъ или замѣняетъ темныя части каждаго отдѣльнаго волоска, каждаго отдѣльнаго пера, равно какъ и тѣла вообще.

На замѣчаніе Китлица мы должны возразить, что эта бѣловатость не составляетъ отличительной черты сѣверныхъ частей восточныхъ прибрежьевъ материковъ, а скорѣе свойственна климатическимъ крайностямъ материковаго климата, и даже, можетъ быть, есть слѣдствіе этихъ крайностей. Поэтому-то самымъ положительнымъ образомъ она высказывается въ альпійскихъ странахъ на сѣверной окраинѣ азіятскаго плоскогорія, гдѣ даже домашнія животныя (якутскія лошади) почти всѣ бѣлаго цвѣта (изрѣдка встрѣчается и блѣдно-желтый цвѣтъ); по этому на крайнемъ востокѣ Сибири въ прибрежныхъ частяхъ Охотскаго моря животныя бываютъ менѣе бѣлаго цвѣта [1]); по этому въ Европейской Россіи, вдали отъ всѣхъ восточныхъ береговъ, неизмѣнно сѣрый заяцъ Европы до того становится бѣлымъ, что нѣкоторые хотѣли принять его за особый видъ зайца [2]); по этому-же бѣлизна преимущественно относится только къ зимнему покрову материковыхъ животныхъ, тогда какъ лѣтній покровъ ихъ постоянно такой-же, какимъ онъ бываетъ въ Европѣ, или даже еще темнѣе; по этому-то мы замѣчаемъ различіе между бѣлизною и выцвѣтаніемъ покрововъ, если сравниваемъ животныхъ сѣверо-восточной Сибири

[1]) Такъ напр. коршунъ (японскій *Milv. melanotis*), пустельга (*Tinnunc. japonicus*), уральская сова (*Str. rufescens*), ушатка (*Otus*) и т. д. Часто они бываютъ тамъ темнѣе своихъ европейскихъ родичей, но и въ этомъ случаѣ о происхожденіи ихъ нерѣдко свидѣтельствуютъ узенькія и совершенно бѣлыя каймы перьевъ и рѣзкое отличіе послѣднихъ отъ необлекшаго темнаго цвѣта, преобладающаго въ стволахъ перьевъ. Ср. также Шренка: Reisen und Forschungen, Bd. I, 2, p. 548.

[2]) Подъ названіемъ *Lep. medius* Nilss. Ср. статью мою въ Bullet. phys.-mathém. de l'Acad. de St. Pétersb. T. IX, № 14—16.

съ видовыми ихъ родичами въ юго-западной Сибири; но еще сильнѣе различіе между сибирскими животными вообще и животными юго-западной Европы.

На бѣловатость животныхъ мы должны смотрѣть (какъ уже выше замѣтили) какъ на переходъ къ зимней бѣлизнѣ [1]).

И тутъ также мы сообщимъ нѣсколько дополненій, какъ мы это сдѣлали выше на стр. 14 и 22. Они тѣмъ необходимѣе, что въ это время появились относящіеся къ этому предмету труды Шренка и Радде, сообщившіе богатый матеріалъ по части видоизмѣненія цвѣтовъ, тогда какъ при обработкѣ вышеприведенной статьи по этому предмету я могъ воспользоваться лишь скудными предварительными свѣдѣніями изъ путевыхъ донесеній этихъ ученыхъ.

Разсмотрѣнная нами бѣловатость сибирско-европейскихъ животныхъ въ области материковаго климата не можетъ быть однимъ только простымъ климатическимъ явленіемъ, такъ какъ мы давно уже знаемъ и Шренкъ [2]) окончательно доказалъ на животныхъ Амурскаго края, что въ восточной Сибири положительно преобладаютъ темные, черноватые оттѣнки, и что покровъ какъ птицъ, такъ и млекопитающихъ становится тамъ темнѣе и подверженъ усиленію темнаго, чернаго, сѣраго и чернобураго пигмента.

Я нахожу, что въ отношеніи къ полярному бассейну это преобладаніе темнаго цвѣта можно считать отличительною чертою прибрежныхъ странъ Берингова пролива и что въ Амурскомъ краѣ оно распространяется необыкновенно далеко во внутрь материка и къ югу. Оно не только преобладаетъ на западныхъ прибрежьяхъ Азіи, но въ такой-же степени господствуетъ и въ сѣверо-западной Америкѣ на восточномъ побережьѣ этого

---

[1]) Изъ сибирскихъ млекопитающихъ животныхъ, которыя, какъ я убѣдился изъ сравненія, положительно бѣлѣютъ, я назову: сѣвернаго оленя (у него прежде всего начинаютъ бѣлѣть плечи и бока), тигра, рысь, волка, лисицу, корсакъ-лисицу и т. д. Въ Палласовыхъ Neue Nord. Beiträge (I, p. 33) прямо говорится, что корсакъ-лисицы на полярномъ предѣлѣ своего распространенія зимою становятся сѣраго, даже сѣро-бѣлаго цвѣта, тогда какъ у живущихъ болѣе къ югу бѣлѣютъ только кончики волосъ, а остальная часть сохраняетъ свой обыкновенный желтый цвѣтъ. Изъ птицъ упомянемъ: *Str. bubo* (бѣлаго цвѣта, подъ названіемъ *Bubo sibiricus* Eversm., онъ является какъ особый видъ и въ Бонапартовомъ Conspectus стр. 49), *Str. uralensis*, *Str. brachyotos*, *F. gyrfalco*, *Buteo lagopus* и *vulgaris*, *Ast. palumbarius*, *Corv. monedula* (подъ назв. *Corv. dahuricus*), *Corv. Cornix* (уже на Оби Мессершмидтъ встрѣчалъ воронъ съ бѣлыми перьями на такихъ частяхъ, которыя у нашихъ воронъ бываютъ пепельнаго цвѣта, Pallas, Zoogr. I, p. 383), *Iynx torquilla*, *Ember. schoeniclus*, *Alauda alpestris*, *Parus major* и т. д.

Сюда-же относится извѣстный фактъ, что въ Сибири самые дорогіе, слѣдов. самые темные мѣха (напр. черныя лисицы и соболи) часто до того испещрены длинными бѣлыми волосами, какъ будто покрыты инеемъ. Различные, встрѣчающіеся въ Сибири повидимому довольно часто, бѣлые соболи, россомахи, бѣлки и выхухоли (Pallas Reise III, p. 12), по моему мнѣнію, не заслуживаютъ тутъ упоминанія, потому что между огромнымъ множествомъ убиваемыхъ животныхъ должно, конечно, встрѣчаться и много альбиносовъ. Но я считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на то, что на Становомъ хребтѣ у глухихъ тетерокъ (*Tetr. urogalloides*, и также *Tetr. canadensis*) бываютъ бѣлыя крапинки, которыхъ у нашихъ тетерекъ нѣтъ, что у огромнаго морскаго орла Берингова моря не только бѣлая голова, какъ у нашихъ морскихъ орловъ, но и бѣлыя плечи и т. д.

Послѣ всего сказаннаго, конечно, нисколько не удивительно, а напротивъ того очень естественно, что лемминга на Оби или рысь на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки можно отличить отъ тѣхъ-же сибирскихъ животныхъ по болѣе желтому цвѣту брюшныхъ волосъ.

[2]) Reisen und Forschungen, Bd I, 1, p. 199; 2, p. 544.

Берингова пролива. По-видимому количество влажности, содержащейся въ воздухѣ, имѣетъ нѣкоторое вліяніе на это проявленіе темнаго цвѣта, но пока еще у насъ слишкомъ мало данныхъ для разъясненія этого вопроса.

По всей вѣроятности тутъ дѣйствуютъ очень сложныя причины. Такъ напр. утемняющее свойство влажнаго воздуха дѣйствуетъ непосредственно столько-же, сколько и посредственно, потому что кедры, шишки которыхъ, вслѣдствіе маслянистости своей, также по видимому производятъ утемнѣніе (стр. 34), являются въ сообществѣ довольно значительной влажности воздуха. Во всякомъ случаѣ мнѣніе наше о подобномъ вліяніи маслянистости орѣховъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе вслѣдствіе свѣдѣнія, сообщаемаго Радде [1]), по словамъ котораго въ окрестностяхъ Байкала и Амура, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бѣлки водятся въ березовыхъ, лиственичныхъ и сосновыхъ лѣсахъ, мѣха ихъ преимущественно бываютъ краснаго цвѣта, и охотники, для обозначенія различныхъ степеней доброты мѣха, дѣлаютъ различіе между лиственичными, сосновыми и кедровыми бѣлками.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, можно бы было конечно доказать далѣе, что (какъ мы уже замѣтили выше) и превосходные черные соболи своимъ чернымъ цвѣтомъ преимущественно обязаны тому-же обстоятельству, т. е. косвенно чернымъ бѣлкамъ, и непосредственно орѣхамъ кустарнаго кедра. Между тѣмъ вопросъ этотъ все-таки еще довольно загадоченъ. Если отъ Олекминскаго и Дзейскаго хребтовъ, на которыхъ, какъ извѣстно, водятся лучшіе черные соболи въ мірѣ, направиться далѣе къ востоку, то качество соболей быстро измѣняется къ худшему по направленію къ морю, за Буреинскимъ хребтомъ; да и на полуостровѣ Сахалинѣ, который Шренкъ [2]) называетъ кедровымъ царствомъ Амурскаго края, потому что онъ покрытъ на большомъ пространствѣ густымъ кедровымъ кустарникомъ, водится, какъ извѣстно, самый плохой соболь. Тутъ, какъ и во всемъ краѣ вокругъ Амурскаго лимана, соболь не только покрытъ болѣе толстыми волосами, но и цвѣтомъ гораздо свѣтлѣе и похожъ на американскаго соболя. Такимъ образомъ и влажный воздухъ и маслянистая пища, вмѣстѣ взятые, все-таки производятъ не черный, а красноватый цвѣтъ. Это обстоятельство необходимо ближе изслѣдовать на мѣстѣ. Что большая влажность воздуха производитъ болѣе темный цвѣтъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что въ Великобританіи мы замѣчаемъ тоже самое, напр. на бѣлой куропаткѣ (*Lagopus scoticus*) и въ особенности на простыхъ воробьяхъ, которые въ сравненіи съ нашими, путешественнику, ѣдущему изъ восточной Европы, сначала кажутся почти черными.

Въ виду новѣйшихъ наблюденій надъ измѣненіемъ цвѣта перьевъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что прежде нежели удастся разъяснить означенные вопросы, намъ придется произвести еще множество предварительныхъ изслѣдованій въ отношеніи измѣненія цвѣтовъ. Во всякомъ случаѣ преобладаніе то чернаго, то бѣлаго или краснаго цвѣта въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ, заслуживаетъ вниманія. Впрочемъ зоологу

[1]) Reisen im Süden von Ostsibirien I, p. 134, 135, 139. [2]) Reisen und Forschungen, I, 1, p. 35.

необходимо зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы его не вводили въ ошибку поддѣлки мѣховъ, которыя очевидно получили начало свое въ Китаѣ и уже нѣсколько вѣковъ сряду [1]) даже въ большомъ ходу у кочующихъ народовъ.

Но во всякомъ случаѣ для меня непонятно, что такой превосходный наблюдатель и описыватель, какъ А. Бремъ, неоднократно могъ твердить о «несуществованіи климатическихъ разновидностей» [2]) и что до сихъ поръ противъ этого не сдѣлано никакихъ возраженій, такъ какъ тутъ идетъ дѣло объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ систематической зоологіи и зоологической географіи.

Уже на стр. 16, 18 и 20 мною сказано, что измѣненія цвѣтовъ я гораздо рѣже Глогера принимаю за неизбѣжное слѣдствіе климатическихъ условій. Между тѣмъ мы поступили бы весьма непослѣдовательно, еслибы, подобно Брему, захотѣли склониться въ противуположную сторону. Слова Брема можно объяснить только тѣмъ, что онъ не имѣлъ случая непосредственно ознакомиться съ рѣзкими климатическими противуположностями, какія напр. преобладаютъ въ Сибири, а преимущественно имѣлъ дѣло съ равномѣрною природою прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря. Впрочемъ выше (стр. 26) уже и эти мѣстности доставили намъ случай замѣтить, что на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря меньшій ростъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ зависитъ отъ климатическихъ причинъ.

Предполагая, что разновидности «существовали въ настоящемъ видѣ испоконъ вѣковъ», Бремъ очевидно разумѣетъ то, что въ зоологіи обыкновенно называется «мѣстными рассами». Едва-ли впрочемъ мѣстная форма почвы гдѣ-либо такъ тѣсно связана съ приправливающимися къ ней животными, какъ въ посѣщенной Бремомъ Испаніи. Но тамъ-то именно и бросается въ глаза взаимная связь между формою почвы и климатомъ, локализація климата, которая съ каждымъ днемъ становится яснѣе.

Впрочемъ между странствующими животными легко можетъ статься, что пришельцы еще долго удерживаютъ и передаютъ потомству своему наслѣдованные ими цвѣта даже при явно-неблагопріятствующемъ климатѣ.

Есть животныя, чрезвычайно упорно сохраняющія такія свойства, которыя по-видимому не имѣютъ никакого значенія, тогда какъ другія свойства измѣняются очень легко. Такъ напр. у бурундука и лисицы корсакъ [3]), въ сравненіи съ ея родичами, простой лисицы и простаго волка, необыкновенно постоянный цвѣтъ, тогда какъ цвѣтъ сроднаго

---

[1]) Уже во время завоеванія Сибири встрѣчались крашеные мѣха. См. Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 501. Я нашелъ, что Тунгусы чернятъ соболи мѣха во-первыхъ посредствомъ дыма, а во-вторыхъ сокомъ отъ *Empetrum nigrum* съ примѣсью рыбнаго жира.

Благодаря успѣхамъ техники, и по этой части поддѣлки усовершенствовались и развились. Такъ чрезъ выщипываніе мелкихъ волосъ и разные другіе пр(емы, мѣха молодыхъ морскихъ котиковъ превращаются въ мѣха обезьянъ, а въ Англіи въ послѣднее время развился особаго рода промыселъ — превращать хомяковыя шкурки въ соболи (Dingler, Polyt. Journal, 1857, p. 320; Polyt. Centralblatt. 1857, p. 1264).

[2]) Allgemeine deutsche naturhistorische Zeitung, 1850, II, 9, p. 322 и Zeitschrift für allgemeine Erdkunde, 1858, p. 89, въ Beiträge zur zoologischen Geographie Spaniens.

[3]) Schrenk, Reisen und Forschungen, I, p. 125 и Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 67.

ей-же *Can. procyonoides* Gray чрезвычайно измѣнчивъ. И въ этомъ случаѣ, конечно, причина вѣроятно кроется глубже, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Барсукъ какъ сумеречное животное, водящееся въ пещерахъ, или корсакъ, который никогда не покидаетъ своей однообразной нагорной степи и постоянно питается столь-же однообразной пищей — степными грызунами — конечно мало подвержены случаямъ измѣненія цвѣта, въ сравненіи съ ихъ кочующими родичами-космополитами. Но положимъ даже, что это обстоятельство дѣйствительно составляетъ причину указаннаго явленія: все-таки нельзя не сознаться въ томъ, что самая эта трудность или легкость измѣняемости въ тоже время происходитъ отъ внутренняго врожденнаго свойства. Мы вѣдь ежедневно видимъ, какъ упорно у нашихъ лошадей и у рогатаго скота нѣкоторыя части тѣла сохраняютъ извѣстныя особенности, встрѣчающіяся иногда повсемѣстно, иногда мѣстами, напр. бѣлыя лысины, звѣздочки на лбу, кончики хвоста, или бѣлыя пятна на оконечностяхъ ногъ.

Во всякомъ случаѣ однакоже нельзя довольствоваться одною только терминологіею, какую намъ представляютъ выраженія: климатохроизмъ, меланохроизмъ, левкохроизмъ и т. д. [1]). Пока намъ не удастся глубже вникнуть въ причину этихъ явленій, до тѣхъ поръ необходимо придерживаться болѣе общихъ зоологически-географическихъ точекъ зрѣнія. Съ этихъ-то точекъ зрѣнія, по моему мнѣнію, гораздо полезнѣе усвоить вновь сложившееся выраженіе «степной цвѣтъ» [2]) и за тѣмъ, въ противуположность ему, дѣлать рѣзкое различіе между появленіемъ бѣлаго цвѣта (тѣсно связаннымъ съ появленіемъ темнаго), какъ слѣдствіемъ материковаго климата въ такихъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ сильная зимняя стужа, и выцвѣтаніемъ, которое обозначаетъ экваторіальный предѣлъ распространенія сѣверныхъ животныхъ и отчасти, можетъ быть, производитъ также степной цвѣтъ. Наконецъ необходимо имѣть въ виду явное вліяніе, которое прибрежныя страны Берингова пролива оказываютъ на выступаніе желтыхъ и красныхъ отливовъ [3]).

---

[1]) Frauenfeld въ Verhandlungen des zoologisch-botanischen Vereines in Wien, III, 1853, p. 39.

[2]) Выраженіе это употреблено Бремомъ и яснѣе всего противурѣчитъ мнѣнію его о несуществованіи климатическихъ разновидностей въ цвѣтахъ.

[3]) Для поясненія предмета присовокупляю еще нѣсколько свѣдѣній къ тѣмъ спеціальнымъ извѣстіямъ, которыя сообщены главнымъ образомъ въ примѣч. 1-мъ, на стр. 37-й. И въ Забайкальскихъ мѣстностяхъ лошади, также какъ у Якутовъ, преимущественно бѣлаго цвѣта, такъ что на 10 лошадей приходится 6 бѣлыхъ коней; остальныя или чалыя или буланыя, но воронихъ никогда не бываетъ (Radde, Reisen I, p. 290; Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs p. 228). Такимъ-же образомъ въ самой сѣверной части Норвегіи я встрѣчалъ только бѣлыхъ коровъ.

Лица, участвовавшія въ поискахъ за Франклиномъ, находили бѣлыхъ волковъ на крайнемъ сѣверѣ Америки. Въ Таймырскомъ краѣ къ этому бѣлому цвѣту примѣшивался положительно черный цвѣтъ многихъ верхнихъ волосъ. На среднемъ Амурѣ эти самые черные волосы иногда преобладаютъ надъ бѣлыми (Radde, тамъ-же, стр. 56; это тѣ темносѣрые «волки», о которыхъ уже говорилъ старикъ Витсенъ [1692, p. 41], упоминая въ первый разъ о леопардахъ на Амурѣ), но на красноватомъ фонѣ, характеризующемъ, какъ мы видѣли, близость экваторіальнаго предѣла и степныхъ волковъ.

Къ этому проявленію бѣлизны я отношу также сѣрый цвѣтъ волосъ, особенно зимнихъ, у сибирскихъ оленей, ланей, ежей и т. д. Свѣтлый же цвѣтъ медвѣдей на Саянскомъ хребтѣ и при рѣкѣ Усури, степныхъ барсуковъ, *Can. procyonoides* у средняго теченія Амура, хорька на югѣ европейской и сибирской Россіи и т. д. я положительно приписываю выцвѣтанію.

Бѣлый филинъ попадается и въ Тибетѣ (Proceed. of Zoolog. Soc. 1860, p. 99), равно какъ и на Алтаѣ. На Уралѣ встрѣчается еще нашъ обыкновенный филинъ. Не слѣдуетъ впрочемъ оставлять безъ вниманія родъ

Климатическія противуположности вызываютъ также болѣе положительныя, болѣе рѣзкія противуположности въ тонахъ цвѣтовъ. Вопросъ: можно-ли появленіе бѣлаго цвѣта принимать за безцвѣтность, пока еще остается нерѣшеннымъ.

Бросивъ нѣсколько взглядовъ на объемъ, который мы отводимъ видовымъ предѣламъ, мы можемъ перейти къ географическому распространенію сибирскихъ животныхъ и разсмотрѣть

Единство области распространенія каждаго вида животныхъ.

Часто нетрудно бываетъ доказать, что не всегда одно только непосредственное вліяніе неблагопріятныхъ климатическихъ условій препятствуетъ существованію животныхъ въ той или другой мѣстности. Нерѣдко животное по природѣ своей вовсе не страшится суроваго климата, а между тѣмъ все-таки отправляется дальше, потому что одна какая-нибудь изъ жизненныхъ его потребностей косвеннымъ образомъ зависитъ отъ болѣе теплаго времени года. Такъ напр. у птицъ питаніе часто, кажется, связано съ періодомъ прозябанія извѣстныхъ растеній или съ пробужденіемъ извѣстныхъ насѣкомыхъ. Каждому животному, помимо притязаній къ климату, указаны извѣстныя особенности въ отношеніи притязаній къ мѣсту его пребыванія, притязаній, которыя съ своей стороны также никакъ не могутъ быть названы произвольными, хотя часто намъ кажутся только мелочными причудами. При тщательномъ изслѣдованіи образа жизни каждаго животнаго оказывается, что подобныя особенности собственно объусловлены всею организаціею, являются жизненными потребностями и потому-то, не смотря на свою мелочность, до того неизмѣнны, что опытный охотникъ по нимъ умѣетъ предсказать, какого рода дичь онъ встрѣтитъ въ той или другой мѣстности извѣстнаго, по-видимому одинаковаго района, и гдѣ одно и тоже животное можно найти утромъ или въ полдень, лѣтомъ или осенью.

Въ предназначеніи каждаго животнаго для извѣстной стихіи мы вправѣ видѣть высшую степень и сосредоточеніе такихъ особенностей. Дѣйствительно мы находимъ, что при образованіи животныхъ ни одному обстоятельству не сдѣлано такихъ уступокъ, какъ тому, къ какой стихіи пріурочена жизнь извѣстнаго животнаго: къ водѣ ли, къ сушѣ или воздушнымъ пространствамъ. Такимъ образомъ зоолого-географу даны три главныхъ отдѣла, на которые онъ безпощадно дробитъ и распредѣляетъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ, со всѣми подраздѣленіями зоологовъ-систематиковъ.

птицъ, какъ это доказываютъ наблюденія Водзицкаго (Naumannia, 1852, II, 2, p. 9), по отзыву котораго самецъ меньше и бѣловатѣе (*Str. liturata*), чѣмъ самка (*Str. Uralensis*).

На берегахъ Берингова пролива желтый и красный цвѣтъ преобладаетъ у лисицы (мѣхопромышленники называютъ ее огневкой), у *Lagomys hyperboreus*, *Mustela vulgaris*, барсука, ежа.

Такъ какъ по особенностямъ своимъ животныя прикованы къ извѣстнымъ мѣстностямъ, которыя они, вслѣдствіе извѣстныхъ жизненныхъ потребностей, предпочитаютъ другимъ мѣстностямъ, принадлежащимъ къ тому-же климату, то распространеніе каждаго вида животныхъ, въ чертѣ общаго района своего распространенія, представляетъ нѣчто въ родѣ острововъ. Эмпирически же мы можемъ считать самымъ существеннымъ основаніемъ зоологической географіи — первоначальное нераздѣльное единство области каждаго вида животныхъ. Всякое по-видимому исключеніе изъ этого правила до поры до времени должно приписать неудовлетворительности нашихъ свѣдѣній или извѣстнымъ условіямъ и измѣненіямъ, проявившимся въ теченіе времени.

Дѣйствительно, на всей поверхности нашей земли ни одно животное не является въ двухъ совершенно отдѣльныхъ, не говорю уже антиподныхъ или даже антимеридіанныхъ, областяхъ распространенія. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда вѣтвь какой-нибудь области распространенія какого-либо вида животныхъ какъ-бы отдѣляется отъ цѣлаго въ видѣ острова, обыкновенно не трудно бываетъ указать, на тѣ, большею частію до-историческія, измѣненія въ образованіи земной поверхности въ слѣдствіе которыхъ это произошло, т. е. на то что подобнаго рода отдѣленіе произошло вслѣдствіе отдѣленія почвы, на которой находился разсматриваемый видъ животныхъ. Такимъ образомъ извѣстный фактъ, что на островахъ, лежащихъ по близости отъ материка, встрѣчается точно такая-же фауна, какъ на ближайшихъ прибрежьяхъ материка, нисколько не противурѣчитъ упомянутому закону; напротивъ того, онъ подтверждаетъ его, потому ли, что геологія очевидно показываетъ или по крайней мѣрѣ позволяетъ предполагать происшедшее нѣкогда отдѣленіе такихъ острововъ отъ близлежащаго материка, или потому, что перерывъ области распространенія материковыхъ животныхъ посредствомъ пролива, отдѣляющаго островъ отъ материка, равняется вышеупомянутому распредѣленію въ видѣ острововъ, которое есть слѣдствіе особенностей каждаго животнаго, т. е. существенной связи его съ извѣстными мѣстностями въ предѣлахъ области его распространенія. Въ этомъ отношеніи Шренкъ представилъ какъ убѣдительный примѣръ островъ Сахалинъ: здѣсь водятся такія млекопитающія Амурскаго края, которыя простираются до той части прибрежья Амурскаго края, гдѣ зимою проливъ замерзаетъ. За то на Сахалинѣ нѣтъ такихъ млекопитающихъ Амурскаго края, которыя водятся на прибрежьѣ Татарскаго пролива, къ югу отъ этой зимней полосы соединенія, т. е. нѣтъ напр. кабана, козули, оленя, *Canis procyonoides* и т. д. Что животное не встрѣчается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно впослѣдствіи съ успѣхомъ можетъ быть разведено, это лучше всего доказываетъ, что животныя разошлись по землѣ изъ извѣстныхъ центровъ распространенія. Стоитъ только припомнить, какъ сильно размножились перевезенныя въ южную Америку лошади и рогатый скотъ, не смотря на всѣ опасности, которыми имъ тутъ угрожаютъ наводненія, хищныя животныя, крокодилы, электрическіе угри, летучія мыши и т. д.

Основной законъ единства области распространенія каждаго вида животныхъ повсюду ясно бросающійся въ глаза, очевидно болѣе всего содѣйствовалъ распростра-

нѣнію мнѣнія о первоначальномъ происхожденіи каждаго отдѣльнаго вида животныхъ отъ одной первобытной пары. Такое мнѣніе, конечно, упрощаетъ дальнѣйшія зоологическо-географическія разсужденія, но, не говоря о многихъ другихъ причинахъ, оно не выдерживаетъ критики уже потому, что въ такомъ случаѣ питательная потребность первобытныхъ паръ различныхъ хищныхъ животныхъ съ самаго начала повлекла бы за собою истребленіе первобытныхъ паръ тѣхъ животныхъ, которыя имъ должны были служить пищею. Пришлось бы развѣ только предположить, что первоначально животныя эти появились не одновременно, а постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ періодовъ. Если же каждое животное произошло отъ незначительнаго лишь числа первоначально созданныхъ первобытныхъ животныхъ, то послѣднія въ то время (въ предѣлахъ нынѣшней области распространенія разсматриваемаго вида) были распространены въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, или, говоря другими словами, географическое распространеніе каждаго вида начиналось съ извѣстнаго центра распространенія. Опредѣлить географическое положеніе хотя бы одного только изъ этихъ зоогенетическихъ или творческихъ центровъ совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что первоначальное распространеніе животныхъ теперешняго творческаго періода по крайней мѣрѣ совпадаетъ со временемъ перваго появленія человѣческаго рода.

Кромѣ того мы не должны упустить изъ виду, что въ теченіе нынѣшняго періода творенія климатъ и внѣшній видъ земной поверхности неоднократно измѣнялись; вмѣстѣ съ ними постепенно должны были передвигаться и предѣлы распространенія извѣстныхъ видовъ животныхъ. Въ 1-ой части на стр. 659 мы уже замѣтили, что въ ботанической географіи является все болѣе и болѣе доказательствъ на то, что между сѣверною Сибирью и сѣверною Америкою существовала нѣкогда довольно обширная, нынѣ провалившаяся полоса земли. Въ пользу такого предположенія все болѣе и болѣе начинаетъ говорить и зоологическая географія.

Кромѣ соображеній относительно временныхъ измѣненій въ географическомъ распространеніи животныхъ, эти данныя свидѣтельствуютъ также о постоянствѣ животныхъ формъ. Въ теченіе тысячелѣтій, которыя необходимы были для совершенія такихъ геологическихъ переворотовъ, виды животныхъ нисколько не измѣнились. Такъ напр. по вырытымъ изъ земли раковинамъ, обитатели которыхъ несомнѣнно существовали гораздо ранѣе, чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ, можно прослѣдить до самыхъ по-видимому мелочныхъ признаковъ, что въ нихъ жили совершенно такія-же животныя, какія свойственны нынѣ существующимъ раковинамъ того-же самого вида, съ признаками составляющими ихъ характеристическое отличіе.

Объемъ и фигура плоскости, покрытой областію распространенія каждаго вида животныхъ, отдѣльно взятаго, имѣетъ для каждаго вида свои особенности и отличительныя свойства. По этому, какъ скоро дѣло идетъ о пріисканіи общаго выраженія для формы областей распространенія различныхъ животныхъ, мы тотчасъ-же убѣждаемся въ неисчерпаемомъ ихъ разнообразіи и неравномѣрности, которыя бываютъ столько-же неизбѣж-

*

нымъ слѣдствіемъ того, что для каждаго вида внѣшнія жизненныя условія постоянно слагаются на новый ладъ, сколько и результатомъ свободнаго проявленія воли, которому каждая животная особь вправѣ слѣдовать. По этому-то фигуры, описываемыя на картѣ предѣлами распространенія каждаго вида животныхъ, бываютъ гораздо неправильнѣе очертаній изоклиматическихъ полосъ земли, хотя климатическія жизненныя условія и занимаютъ первое мѣсто въ числѣ тѣхъ данныхъ, которыя обусловливаютъ предѣлы распространенія животныхъ на поверхности нашей земли. Такъ напр. — возьмемъ рѣзкое доказательство — рядъ неисчерпаемо-разнообразныхъ очертаній морскаго прибрежья составляетъ неодолимый предѣлъ области распространенія животныхъ, водящихся на этомъ прибрежьѣ, съ одной стороны морскихъ, съ другой материковыхъ и прѣсноводныхъ. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ рѣзкія разграниченія пресѣкаютъ существованіе морскихъ, прѣсноводныхъ и материковыхъ животныхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ климатическія различія никакъ не могутъ слѣдовать столь-же рѣзко за всѣми отдѣльными изгибами прибрежья.

Но, не говоря даже о такихъ внѣшнихъ жизненныхъ условіяхъ, уклоненіе предѣловъ распространенія каждаго вида животныхъ отъ предѣловъ той изоклиматической полосы земли, которой видъ этотъ въ сущности соотвѣтствуетъ, будетъ зависѣть, какъ мы уже выше замѣтили, отъ свободной воли животнаго. Представимъ себѣ напр. обширный край, въ которомъ повсюду господствуетъ одинаковый климатъ; положимъ, что посреди этого края будутъ выпущены различные, соотвѣтственные этому климату виды животныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одинъ видъ отправится по одному, другой по другому направленію, что одинъ изберетъ себѣ мѣсто пребыванія въ одномъ, другой въ другомъ углу упомянутаго округа, и оттуда станетъ распространяться во всѣ стороны, даже болѣе или менѣе за предѣлы этого изоклиматическаго края.

Не имѣя возможности пріискать болѣе опредѣлительныхъ выраженій для безконечно разнообразныхъ предѣловъ распространенія каждаго вида животныхъ, мы должны обратить наши разысканія по части зоологической географіи на то, чтобы посредствомъ приблизительнаго опредѣленія извѣстныхъ центровъ распространенія для каждаго отдѣльнаго вида получить краткое характеристическое выраженіе для географическаго его значенія. Впрочемъ центръ распространенія не будетъ въ точности совпадать съ математическимъ центромъ фигуры, описываемой предѣлами распространенія разсматриваемаго вида, а долженъ быть установленъ по соображенію съ такими мѣстностями, на которыхъ данный видъ встрѣчается въ полнѣйшемъ своемъ развитіи, въ наибольшемъ числѣ и въ возможно большей независимости отъ мало соотвѣтствующихъ ему мѣстныхъ обстоятельствъ, потому что въ такомъ случаѣ вредное вліяніе этихъ обстоятельствъ парализуется большею энергіею полной жизненной силы животнаго. За тѣмъ близь-лежащіе центры распространенія соединяются въ болѣе обширныя средоточія цѣлыхъ областей фауны, которыя въ свою очередь, разумѣется, въ сущности должны совпадать съ различными климатическими отдѣлами земной поверхности.

Но главный предметъ этой главы еще далеко не конченъ и противуположное мнѣ-

ніе, что многіе виды животныхъ встрѣчаются въ странахъ, лежащихъ совершенно особнякомъ, въ послѣднее время по-видимому даже очень пошло въ ходъ. Впрочемъ это неудивительно, потому что поборникомъ его являются и новѣйшія компиляціи, какъ напр. сочиненіе Шмарды [1]). Даже теорія Дарвина относится къ этому мнѣнію не совсѣмъ неблагопріятно. Впрочемъ мы вовсе и не намѣрены отрицать нѣсколькихъ случаевъ подобнаго рода, но считаемъ долгомъ обратить особенное вниманіе на то, что это все-таки только исключительные случаи, которые по мѣрѣ расширенія нашихъ познаній постоянно уменьшались какъ въ численномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи значенія своего, и наконецъ совершенно исчезнутъ [2]). То наши зоологическія розысканія приводятъ къ лучшему уразумѣнію дѣла, то ближайшее изслѣдованіе промежуточныхъ полосъ между двумя раздѣльными районами распространенія растенія или животнаго убѣждаютъ насъ, что вслѣдствіе соединительнаго звена обѣ части сливаются въ одно общее, болѣе обширное цѣлое, то видовое понятіе неправильно истолковано. Изслѣдованія мои въ отношеніи распространенія растеній и морскихъ моллюсковъ [3]) впервыя утвердили во мнѣ тотъ взглядъ, котораго я съ тѣхъ поръ и держусь. Онъ подтверждается не только многими фактами распространенія позвоночныхъ животныхъ, но и множествомъ примѣровъ, доказывающихъ, что если нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Японіи къ немалому удивленію открывали какое-нибудь европейское животное, то впослѣдствіи оно обыкновенно находимо было и во всей средней Азіи — большею частію и въ южной Сибири. Это случилось со многими млекопитающими и птицами. Даже единственное загадочное обстоятельство, которое до сихъ поръ еще осталось неразрѣшеннымъ, по-видимому все-таки нѣсколько можетъ быть объяснено. Я разумѣю красивую синюю сороку (*Pica cyana*), которая прежде намъ была извѣстна на дальнемъ юго-востокѣ Сибири, въ Дауріи и Манджуріи, а теперь оказалась также не только въ Японіи, но и въ Испаніи. Какъ тамъ, такъ и тутъ, это несомнѣнно одна и таже птица [4]), отличающаяся такими прекрасными

---

[1]) Die geographische Verbreitung der Thiere, 1853, p. 66 и въ др. мѣст.

[2]) Всякаго внимательнаго наблюдателя должно поразить, что лучшіе естествоиспытатели глубоко убѣждены въ единствѣ круга распространенія каждой породы животныхъ. Даже если они не могли или не хотѣли высказывать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, то убѣжденіе это проглядываетъ въ ихъ сочиненіяхъ. Какъ тщательно напр. Палласъ (Reise III, p. 488) старается объяснить переходъ *S. eriox* изъ Печорской рѣчной системы въ Волжскую посредствомъ связи ихъ у водораздѣловъ! Сталъ-ли бы онъ дѣлать это, если бы его не преслѣдовала таже самая основная мысль? Не теряется ли этотъ отличный и разсудительный наблюдатель въ догадкахъ о томъ, какимъ путемъ сибирскія животныя перебрались въ сѣверную Америку? Впрочемъ тогда это былъ современной вопросъ; ср. Witsen, p. 747 и Müller, Samml. Russ. Gesch. I, p. 223, гдѣ также говорится объ этомъ предметѣ. Тому, кто хочетъ ближе ознакомиться съ этимъ отдѣломъ исторіи развитія нашей науки, (по необходимости шедшему вровень съ разсмотрѣніемъ синонимики), тому стоитъ только въ сочиненіяхъ напр. Бюффона (Hist. nat. redigée par Sonnini, T. XXV, p. 57) или Пеннанта (Thiergeschichte der Polarl. aus dem Engl. d. Zimmermann, 1787, I, p. 211) сыскать перечни такихъ животныхъ, которыя, по мнѣнію ихъ, водятся на томъ и на другомъ материкѣ. Результаты, добытые въ этомъ отношеніи въ теченіе 60 лѣтъ, бросаются въ глаза.

[3]) См. нѣм. изд. этого сочиненія т. II, ч. I, стр. 346.

[4]) Это писано давно. Съ тѣхъ поръ, благодаря Л. Шренку (Reisen und Forschungen I, 2, p. 321), самые завзятые скептики должны были убѣдиться въ несостоятельности видоваго отличія испанской сороки. Было бы непростительно отдѣлываться отъ затрудненія упорнымъ объясненіемъ, что испанская сорока составляетъ особый видъ сороки.

Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien II, p. 205) также соглашается съ доводами Шренка.

перьями, что ее никакъ нельзя было не замѣтить въ промежуточныхъ странахъ. Положимъ даже, что она можетъ встрѣчаться вокругъ южной окраины обширной центральной Азіятской плоскости, до внутреннихъ частей Малой Азіи, все-таки нельзя просто сказать, что, подобно нѣкоторымъ сибирскимъ дроздамъ, сбившись съ пути, она залетѣла въ западную Европу во время осеннихъ своихъ перелетовъ. Совершенно несбыточнымъ дѣломъ, конечно, это также нельзя считать, потому что, во-первыхъ, мы еще ничего не знаемъ о томъ, въ какомъ направленіи она переселяется съ мѣста на мѣсто, а во-вторыхъ у насъ еще въ свѣжей памяти извѣстія о нѣсколькихъ сотняхъ залетѣвшихъ изъ арало-каспійскихъ степей *Syrrhaptes*, которыя во множествѣ распространились по западной Европѣ до Великобританіи и тамъ даже свили гнѣзда. Не легче-ли еще предположить, что, можетъ быть, уже издавна, напр. во времена крестовыхъ походовъ, она привезена въ Испанію изъ внутренней Азіи ради красы своей, а потомъ тамъ размножилась и даже одичала? Не оправдывается-ли это предположеніе ограниченнымъ распространеніемъ этой птицы въ Испаніи [1])! Не указываютъ-ли на это свѣдѣнія, сохранившіяся въ Европѣ относительно невзрачнаго грача, который (по словамъ Томпсена) въ Ирландіи завезенъ лишь въ новѣйшее время и потомъ сталъ распространяться дальше. Даже еще въ 1837 году въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ сѣверной Литвы мнѣ называли его «Корфовой вороной», потому что когда-то баронъ Корфъ завезъ его туда для того, чтобы очистить поля отъ хлѣбнаго червя. Въ мое же время, грачъ этотъ, по своему множеству, уже считался тамъ однимъ изъ мѣстныхъ бѣдствій.

Зубръ, который могъ быть сохраненъ въ Бѣловѣжской пущѣ только благодаря царскому покровительству, недалѣе какъ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ отысканъ и въ нѣкоторыхъ нагорныхъ лѣсахъ Кавказа. Но развѣ это даетъ намъ право утверждать, что первоначально онъ жилъ въ двухъ различныхъ областяхъ распространенія? Въ древности оба эти мѣстонахожденія зубра несомнѣнно сливались между собою, тѣмъ болѣе, что, какъ теперь извѣстно, и во всей средней Европѣ вплоть до Атлантическаго океана, даже до самой Скандинавіи, зубръ былъ красою лѣсовъ и предметомъ геройства отважныхъ охотниковъ.

Зубръ приводитъ насъ въ сѣверную Америку, къ близкому родичу его бизону. Дѣйствительно-ли оба они только разновидности одного и того-же животнаго, какъ, кажется справедливо, стали увѣрять въ послѣднее время [2])? Что же затѣмъ станется съ единствомъ округа распространенія зубровъ, слѣды прежняго существованія которыхъ въ Сибири нельзя указать даже въ западной Сибири [3])? Вопросъ этотъ, кажется, будетъ рѣшенъ еще

---

[1]) Врядъ ли онъ тама распространена даже на столько, на сколько полагаетъ Кёнигъ-Вартгаузенъ (Naumannia, 1854, I, p. 30).

[2]) Вѣдь начинаютъ же уже въ сѣверной Америкѣ дѣлать различіе между луговымъ и лѣснымъ бизономъ, говоря, что будто бы послѣдній, живущій на Скалистыхъ горахъ, по большей величинѣ своей, по болѣе короткой шерсти, болѣе мягкой, некудрявой гривѣ и т. д. скорѣе похожъ на зубра (Wiegmann's Archiv für Naturgesch, v. Troschel, 1860, p. 101). Впрочемъ лѣсной бизонъ зимою, говорятъ, удаляется въ лѣса.

[3]) Единственное извѣстное мнѣ свѣдѣніе о зубрѣ въ Сибири сообщаетъ Белль (Travels p. 211). Хотя онъ и говоритъ, что въ окрестностяхъ Кузнецка встрѣчаются

не скоро. Впрочемъ это не единственный примѣръ. Наша норка (*Must. lutreola*), — хорекъ, напоминающій рѣчную выдру — представляетъ точно такой-же случай. Если сѣверо-американскій минкъ (*Must. vison*) по-видимому дѣйствительно ничто иное, какъ незначительная разновидность норки, то онъ ставитъ зоологическую географію въ такое-же затрудненіе, какъ и бизонъ, потому что въ Сибири норка нигдѣ не встрѣчается, а минкъ очень часто попадается даже на близъ-лежащемъ сѣверо-западномъ прибрежьѣ Америки [1]). Мало того, въ средней Сибири сибирскій хорекъ (*Must. sibirica*, колонокъ) положительно замѣняетъ норку; слѣдовательно, мы не вправѣ предположить, что послѣдняя постепенно вытѣснена. Притомъ распространеніе его находится въ непосредственной зависимости отъ распространенія раковъ, которые также не простираются далѣе Урала.

Такимъ образомъ и тотъ путь, которому мы слѣдуемъ, усѣянъ терномъ и къ скорому устраненію его также не предвидится средствъ. Но если бы мы захотѣли предположить, что постоянное преобладаніе первоначальнаго единства въ области распространенія каждаго вида животныхъ еще нельзя считать закономъ, то ученіе о географическомъ распространеніи животныхъ, которое уже само по себѣ весьма шатко, окончательно лишилось бы своей теперешней опоры. Станемъ же держаться ея, даже въ виду того, что со временемъ эта точка опоры можетъ быть сдвинута съ своего мѣста. Зданіе наше тогда уже будетъ готово, и его сдвинутъ только съ мѣста, но оно не разрушится само собою.

Если бы возможно было наверстать то, что невозвратно упущено или даже вовсе не могло быть сдѣлано, то исторія распространенія животныхъ могла бы окончательно разрѣшить вопросъ о первоначальномъ единствѣ круга распространенія каждаго вида животныхъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, или собственно потому-то именно, мы сообщимъ изъ юной зоологіи нашей въ сущности пока еще первобытной Сибири нѣкоторые наличные матеріалы для подобной исторіи, съ тѣмъ чтобы вокругъ этого незначительнаго ядра со временемъ могли скопиться возможно обильныя свѣдѣнія.

различные дикіе звѣри, въ особенности же «urus or uhr-ox, one of the fiercest animals the world produces and exceeding in size and strenght all the horned species», хотя онъ очень вѣрно характеризуетъ длинношерстаго быка и правильно приводитъ дикихъ коней, дикихъословъ и т. д. — все-таки, мнѣ кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что его ввело въ обманъ сходство названій зубръ и изюбръ, изъ которыхъ послѣднимъ Сибирякъ называетъ оленя.

Отсюда-же безъ всякаго сомнѣнія, получило свое начало неправильное извѣстіе, что зубры водились на берегахъ Оби и Томи, около Кузнецка (Georgi, Beschreibung des Russ. Reiches, III, 6, 1800, p. 1638), и на Амурѣ. Въ подлинникѣ вѣроятно сказано было олени, и зюбры, а Штукенбергъ (Hydrographie des Russ. Reiches, 1344, II, p. 778) перевелъ это «Hirsche und Auerochsen», т. е. олени и зубры. Подобное-же недоразумѣніе по-видимому вкралось и въ Песерманова Mittheilungen (1857, VII, стр. 305, примѣч.), которыхъ у меня теперь нѣтъ подъ рукою. Уже Палласъ Neue Nord. Beitr. I, 1781, p. 4) прямо сказалъ, что во всей Сибири не встрѣчается зубра, прибавивъ: «ни малѣйшіе слѣды, ни даже вѣроятные изъ земли черепа не позволяютъ предполагать, что зубръ нѣкогда водился въ сѣверной Азіи».

Правда, что послѣднее мнѣніе по-видимому опровергается новѣйшими изслѣдованіями Брандта (Mél. biolog. V, 1866, p. 643), по котовымъ оказывается, что — судя по остаткамъ костей — бизонъ (зубръ) нѣкотда водился въ Сибири вмѣстѣ съ мамонтомъ.

[1]) Хвостова и Давыдова, Двукратное путешествіе, II, стр. 170.

Данныя для исторіи распространенія Сибирскихъ животныхъ.

а) Истребленіе.

Изъ документовъ, относящихся къ внутренней исторіи европейскихъ государствъ, въ послѣднее время мѣстами изданы свѣдѣнія о такихъ эпохахъ, когда наиболѣе опасные звѣри были совершенно истреблены, или когда и послѣдніе индивидуумы другихъ цѣнныхъ предметовъ высшей охоты были убиты и слѣдовательно навсегда вытѣснены изъ извѣстныхъ странъ. Эти извѣстія имѣютъ важное значеніе не только для зоологической географіи, но и для геологіи, потому что документально знакомятъ насъ съ новѣйшею исторіею распространенія животныхъ и съ данною человѣку громадною силою измѣнять равновѣсіе природы, возстановленію котораго мы постоянно снова имѣемъ случай удивляться при видѣ такихъ мѣстностей, гдѣ ему не препятствуетъ человѣкъ. Условіе этого равновѣсія видовъ состоитъ въ томъ, что то или другое животное можетъ размножаться чрезъ мѣру, или доходить до истребленія лишь на нѣсколько лѣтъ: за тѣмъ реакція вскорѣ весьма чувствительно высказывается въ чрезвычайномъ размноженіи, въ гибели или исчезновеніи естественныхъ враговъ животнаго или въ появленіи климатическихъ противудѣйствій.

Это замѣчательное равновѣсіе однакоже можетъ быть нарушаемо человѣкомъ до такой степени, что какъ нѣкоторыя вредныя ему животныя, такъ и животныя полезныя, которыя лишь преслѣдуются чрезъ мѣру вслѣдствіе грубаго корыстолюбія, не только уничтожены въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и на обширныхъ пространствахъ, но и совершенно истреблены на земномъ шарѣ. Человѣческій произволъ или, что еще хуже, человѣческая корысть, изгнали этихъ животныхъ изъ нынѣшняго періода въ прошедшій; притомъ изгнаны преимущественно наиболѣе рослыя животныя, которымъ труднѣе было ускользнуть отъ вниманія, хитрости, изобрѣтательности и настойчивости человѣка. Чѣмъ меньше животныя, тѣмъ легче они ускользаютъ отъ преслѣдованія, тѣмъ гибельнѣе для человѣка размножается ихъ число. Они становятся наконецъ опустошительнымъ бичемъ, когда человѣкъ необдуманно безпощаднымъ истребленіемъ ихъ естественныхъ враговъ нарушаетъ равновѣсіе въ природѣ.

Соображеніе о такихъ карающихъ бѣдствіяхъ, постигающихъ человѣка, или, говоря языкомъ зоологіи, обратное дѣйствіе того-же, нарушеннаго человѣкомъ равновѣсія животныхъ на самого человѣка, въ послѣднее время уже заявило себя въ различныхъ формахъ. Въ особенности мы должны упомянуть съ благодарностію о недавно умершемъ Глогерѣ, который въ послѣдніе годы своей жизни старался, на сколько могъ болѣе, знакомить насъ съ животными, полезными для хозяйственнаго быта человѣка, преимущественно со всѣми возможными истребителями насѣкомыхъ, и указывать на необходимость щадить ихъ. За нимъ явился уже длинный рядъ послѣдователей, но пройдетъ

еще много времени, пока убѣжденіе это проложитъ себѣ путь до такой степени, что напр. пощада нашихъ насѣкомоядныхъ пѣвцовъ со стороны злодѣйскихъ замысловъ южныхъ жителей, особенно Италіянцевъ, сдѣлается предметомъ международныхъ договоровъ въ интересѣ блага народовъ!

Съ одной стороны мы сами накликали на себя величайшія бѣдствія нашего сельскаго хозяйства, нарушивъ равновѣсіе природы посредствомъ нашихъ хлѣбныхъ посѣвовъ. Распространивъ ихъ на огромныя сплошныя пространства, мы тѣмъ устроили притоны для размноженія истребителей этихъ плодовъ; съ другой же стороны посредствомъ осушки и обезлѣсенія культурныхъ странъ до того истреблены миріады докучливыхъ насѣкомыхъ, что въ воздѣланныхъ частяхъ Европы мы уже не въ состояніи оцѣнить всю важность этого благодѣянія. Между тѣмъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ центрѣ Европы предки наши должны были претерпѣвать тѣже самыя страданія, которыя такъ ужасно преслѣдуютъ путешественниковъ во всѣхъ первобытныхъ мѣстностяхъ. Въ этомъ отношеніи лѣтъ двѣсти тому назадъ, по словамъ Олеарія, ѣзда по большимъ дорогамъ въ Лифляндіи ничѣмъ не была лучше теперешней ѣзды въ Сибири. Особенно замѣчательно то, что уже въ тогдашнее время западному Европейцу, ѣхавшему въ Лифляндію, контрастъ этотъ казался очень рѣзкимъ [1]). Безчисленные, наполняющіе воздухъ рои слѣпней, жалицъ, а въ особенности москитовъ всякаго рода, принадлежатъ къ числу мученій, о которыхъ трудно составить себѣ ясное понятіе, пока не побываешь въ настоящей ихъ родинѣ. Кровожадные комары, взгромоздившись другъ на друга слоя въ три или въ четыре, густыми массами покрывали наше тѣло, постоянно сондировали его своими жалами, отыскивали всякую дырочку, всякое слабое мѣстечко одежды; они накалывали и татуировали на нашей кожѣ тѣже самыя фигуры, которыя украшали нашу мѣховую одежду, пользуясь игольными проколами въ швахъ и не пропуская ни одного отверстія; они неотступно лезли намъ въ ротъ, носъ, глаза и уши. Нельзя ни глядѣть, ни слышать, ни дышать. Убьешь сразу цѣлую тысячу, глядишь: вмѣсто ея нахлынутъ милліоны. Всѣ научныя наблюденія дѣлались невозможными. Ночью комары забирались подъ одежду, подъ которую мы прятались. Въ лихорадочной тревогѣ нельзя было заснуть, и когда наконецъ усталость брала верхъ, то мы не рады были сну. Съ напухшими губами, нерѣдко даже съ совершенно запухшими глазами, съ раздутымъ, какъ подушка, лицомъ мы просыпались для новыхъ мученій. Сами комары очевидно употребляли самыя отчаянныя усилія: дѣло шло о томъ, чтобы въ теченіе кратковременной ихъ жизни хоть разъ напится досыта. Жажда, которая ихъ мучитъ,

---

[1]) Olearius, Reise стр. 13. У Нieншанца ему удалось отбиться отъ комаровъ только посредствомъ дыма; свѣтованія его похожи на тѣ, которыми наполненъ мой лапландскій и сибирскій дневникъ. См. также стр. 15. Говоря о Нётебургѣ (въ Іюнѣ мѣсяцѣ), онъ замѣчаетъ, что нельзя было видѣть ни одной пяди чистаго воздуха или ходить съ открытымъ лицомъ. Тоже самое повторяетъ онъ на Волховѣ (стр. 22): ... Мы до того страдали отъ комаровъ, мухъ и слѣпней, что ни днемъ ни ночью не могли спокойно ни ѣхать, ни спать.... Гадины этой лѣтомъ во всей Лифляндіи и Россіи столько, что путешественники должны защищаться отъ комаровъ сѣтками или палатками.

едва-ли не ужаснѣе нашихъ страданій, а между тѣмъ миріады этихъ насѣкомыхъ, которыми кишатъ самыя пустынныя, необытаемыя животными мѣста первобытной природы, очевидно должны умирать не вкусивъ вождѣленнаго напитка.

Эти москиты, по моему мнѣнію, составляютъ самое страшное препятствіе для проводниковъ культуры, не только въ холодномъ, но и въ умѣренномъ и тропическомъ поясахъ. Но что хорошо извѣстныя всѣмъ страданія, причиняемыя москитами подъ тропиками, дѣйствительно еще уступаютъ сибирскимъ, это я могу подтвердить словами двухъ авторитетныхъ свидѣтелей. Гумбольдтъ [1]) готовъ былъ промѣнять сибирскія болота Барабинской степи на берега Ориноко, гдѣ воздухъ былъ наполненъ москитами, а Земанъ [2]), который изъ самыхъ дикихъ болотъ Мангля быстро перешелъ въ полярныя страны Берингова моря, нашелъ, что въ послѣднихъ страданія отъ москитовъ еще невыносимѣе, чѣмъ въ первыхъ. Даже у нашего многострадальца Палласа встрѣчаются вопли отчаянія о мукахъ, созданныхъ какъ бы нарочно для мѣста ссылки преступниковъ.

Страданія, причиняемыя москитами, очевидно составляютъ главную причину переходовъ сѣверныхъ оленей и красной дичи съ мѣста на мѣсто, какъ мы это подробнѣе объяснимъ ниже. Москиты преслѣдовали насъ повсюду, на сѣверѣ и на югѣ Сибири. На однихъ только крайнихъ прибрежьяхъ Ледовитаго океана, и среди льда, окружавшаго насъ въ Охотскомъ морѣ и на небольшихъ островныхъ утесахъ его, мы были избавлены отъ москитовъ. На большомъ Шантарскомъ островѣ мы подверглись невыносимымъ мученіямъ, какъ только покинули непосредственно прибрежную полосу. На Богапидѣ, близъ крайняго предѣла лѣсной растительности, подъ 71° с. ш., гдѣ жалкій криворослый лѣсъ служитъ лишь слабою защитою, едва можно было выносить мученія, причиняемыя комарами, тогда какъ почти подъ 74-мъ градусомъ широты, у Таймырскаго озера, хотя по временамъ и показывались еще рои комаровъ, но они очевидно занесены были сюда случайно и имъ самимъ, должно быть, становилось страшно, потому что они потеряли охоту жалить. Лишь при тихой теплой полуденной погодѣ въ началѣ Августа даже подъ $74\frac{1}{2}$° с. ш. комары на сколько мирились съ своею судьбою, что опять принимались за свои кровожадныя привычки, но безъ особеннаго усердія. Только стужа да вѣтеръ, близость моря да альпійскія высоты въ состояніи уберечь отъ москитовъ. Гдѣ оба эти условія соединяются, тамъ нѣтъ москитовъ, а потому-то въ этомъ отношеніи Крымъ и Чиле [3]) пользуются заслуженною репутаціею; потому-то болѣе гористая восточная Сибирь заслуживаетъ предпочтенія предъ западною. Морской вѣтеръ у Охотскаго моря,, который каждую ночь около половины лѣта дулъ съ ледяной стороны во внутрь материка, былъ для насъ истинною отрадой [4]).

---

[1]) Asie centrale, I, p. 81.

[2]) Reise um die Welt, II, p. 31.

[3]) Pöppig, Reise I, p. 343.

[4]) Такимъ образомъ и миссіонеръ, который. по словамъ Гумбольдта (Reisen und Forschungen p. 241), устроилъ себѣ комнатку высоко на пальмовыхъ вѣтьвяхъ, и тѣмъ освободился отъ преслѣдованій москитовъ, послѣднимъ обстоятельствомъ вѣроятно также обязанъ былъ вѣтру.

Притомъ жители болотистыхъ и менѣе подверженныхъ вѣтру, континентальныхъ мѣстностей Сибири, въ

Страданія отъ москитовъ во всѣхъ климатахъ одинаковы. Человѣка, который сомнѣвается въ томъ, дѣйствительно ли культура принесла пользу человѣчеству, стоило бы только отправить въ первобытную природу, къ москитамъ. Всѣ путешественники, подвигавшіеся впередъ, возвращались изъ всѣхъ частей свѣта съ одними и тѣми-же жалобами. Кажется даже, что начиная съ Таймырскаго края и Гренландіи [1]) вплоть до Америки и

которыхъ преимущественно приходится страдать отъ москитовъ, придумали противъ нихъ различныя средства. Первымъ дѣломъ повсюду считаютъ разведеніе небольшихъ дымокуровъ вокругъ мѣстопребыванія людей и скота; нѣкоторые вѣшаютъ даже за шею на плечо горшокъ съ тлѣющею древесною гнилью. Страданія, причиняемыя дымомъ, несносны, потому что глаза отъ него воспаляются, сильно болятъ, слезятся и судорожно сжимаются, но это бѣдствіе, въ сравненіи съ мученіями отъ москитовъ, кажется спасительнымъ облегченіемъ. Остяки и Камчадалки залѣпляютъ себѣ лицо нѣжною кожицею брюшины различныхъ животныхъ, какъ съ удивленіемъ уже разсказывалъ Витсенъ (II, p. 481). Длинныя волосяныя или металлическія сѣтки предъ лицомъ, употребляемыя для защиты отъ комаровъ, все-таки или пропускаютъ ихъ, или при лѣтней жарѣ страшно душны и, кромѣ того, не позволяютъ человѣку свободно глядѣть на окружающіе его предметы. Въ Сибири, гдѣ почва холодна, для ночнаго покоя превосходно употреблять такъ называемый по́логъ, т. е. сшитый изъ неплотной матеріи мѣшокъ въ видѣ гроба, безъ дна. При помощи шнурковъ его привѣшиваютъ къ вѣтвямъ или жердямъ такимъ образомъ, чтобы онъ слегка касался земли; потомъ дымомъ выгоняютъ изъ него комаровъ и влѣзаютъ въ него, тщательно закрывая за собою всѣ отверстія. Путешествуя по тундрѣ, я съ головы до ногъ покрывалъ себя мохомъ: говорятъ, что Индѣйцы подобнымъ-же образомъ зарываются въ песокъ, чтобы спастись отъ москитовъ. Въ полуцивилизованныхъ мѣстностяхъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ всевозможныхъ гадовъ дѣйствительно служитъ холщевой мѣшокъ, въ который влѣзаешь до головы и за тѣмъ затягиваешь его вокругъ шеи.

Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ бываетъ знойное лѣто, полезнѣе всего могли бы быть широкія складистыя рубашки, стягиваемыя вокругъ шеи, и двойныя флёровыя вуали вокругъ головы. Но все-таки это мѣшаетъ производить наблюденія и по всей вѣроятности можно бы было добиться лучшихъ результатовъ посредствомъ тинктуръ. Такъ напр., говорятъ, достаточно одной рѣдкой сѣтки предъ лицомъ, если только она пропитана березовымъ дегтомъ (Georgi, Reise I, p. 192; Pallas, Reise II, p. 222). Еще лучше, можетъ быть, удалось бы добиться той-же цѣли, еслибы прибѣгнуть къ помощи настоя или отвара персидскаго порошка, и имъ намазывать себѣ кожу.

При этомъ случаѣ я считаю нелишнимъ упомянуть о томъ, какъ медленно распространяются подобныя предохранительныя средства противъ человѣческихъ страданій. На персидскій порошокъ, который лишь въ послѣднее время распространился по всей Европѣ, указалъ какъ я вижу, уже Габлицль, почти 100 лѣтъ тому назадъ (Bemerkungen in der persischen Landschaft Gilan, in den Jahren 1773 und 1774, въ Палласовыхъ Neue Nordische Beiträge IV, p. 45), говоря, что это приготовляемый изъ растертыхъ цвѣтковъ *Chrysanthemum inodorum* L. порошокъ противъ блохъ, который въ то время продавался въ Рештѣ по копѣйкѣ за столовую ложку. Въ Туруханскомъ краѣ меня увѣряли, что отваръ растущаго тамъ *Veratrum Lobelianum* Bernh., намазанный на тѣло, также предохраняетъ его отъ укушенія комаровъ.

Впрочемъ сказка о томъ, что у нѣкоторыхъ людей кровь «нѣсколько слаще», по видимому не совсѣмъ лишена основанія. Не говоря о большей или меньшей степени раздражительности, я полагаю, что причина, почему нѣкоторые люди гораздо меньше другихъ страдаютъ отъ насѣкомыхъ, заключается единственно въ томъ, что у нихъ при испаринѣ выдѣляется особый, противный насѣкомымъ, запахъ. Такъ напр. въ жизнеописаніи Шлёцера (1802, p. 33) мы находимъ слѣдующее извѣстіе: «во всѣхъ моихъ путешествіяхъ меня ни разу не тревожили клопы». Что у каждаго человѣка изъ крови выдѣляется особаго рода запахъ, это доказываетъ любая собака, которая въ городѣ среди тысячи разныхъ слѣдовъ въ состояніи отыскать своего господина.

Разъясненіе вопроса, дѣйствительно-ли посредствомъ постепенной акклиматизаціи у иноземца кровь теряетъ свой особый запахъ и, вслѣдствіе того, съ каждымъ годомъ онъ менѣе страдаетъ отъ москитовъ, подобно туземцамъ [монгольскаго племени], разъясненіе этого вопроса предоставляю дальнѣйшимъ изысканіямъ. Мнѣ казалось, что туземцы столько-же страдали отъ москитовъ, сколько и я; вся разница состояла въ томъ, что огрубѣвшая ихъ кожа была менѣе чувствительна. Они спокойно выносили страданія, которыя въ насъ возбуждали лихорадочное раздраженіе.

[1]) P. Остенъ-Сакенъ (Catalogue of the described Diptera of North-America, 1858, p. 1. p. 12) увѣряетъ, что вопросъ о томъ, водится-ли въ Гренландіи *Cul. pipicus*, можетъ подлежать сомнѣнію, тогда какъ *Cul. cas pius* и *Simulium reptans* достовѣрно встрѣчаются въ Гренландіи.

Африки, эти кровожадные разбойники принадлежатъ не только къ однимъ и тѣмъ-же породамъ — *Culex* и *Simulium*, комару и мошкѣ — но даже къ однимъ и тѣмъ-же видамъ — *Culex pipiens* или *caspius* и *Simulium reptans*. Палласъ говоритъ, что въ Каспійской низменности ему приходилось страдать отъ нѣсколько меньшихъ комаровъ едва-ли не болѣе, чѣмъ отъ нашего земляка пѣвуна, и назвалъ ихъ *Cul. caspius*. Впослѣдствій оказалось однакоже, что этотъ видъ водится также въ Таймырскомъ краѣ и полярной Америкѣ въ такой-же степени, какъ и въ болѣе южныхъ странахъ. Третій, нѣсколько большій, желтоватый видъ, названный Палласомъ *Cul. hyrcanus* [1]), составляетъ повидимому особую принадлежность степей и отдѣленъ отъ тундры лѣсной полосой.

Какъ только истекаетъ первая половина лѣта и начинаетъ уменьшаться количество комаровъ, такъ наступаетъ едва-ли не худшая еще пора страданій отъ мошекъ, продолжающаяся до осенних заморозковъ. Эти крошечные, но еще болѣе назойливые, враги справедливо заслужили свое латинское прозвище «ползуновъ», потому что безъ удержу заползаютъ въ ротъ, носъ, глаза и уши. У бѣдныхъ нашихъ, вьючныхъ животныхъ, оленей и лошадей, невыразимо страдавшихъ отъ нихъ на берегахъ Охотскаго моря, глаза, которые сначала слезились и гноились, наконецъ совершенно запухли, и я сталъ понимать какимъ образомъ въ европейскихъ, болотистыхъ низменностяхъ Баната скотъ задыхается сотнями вслѣдствіе опухоли языка и гортани отъ укушенія этихъ едва замѣтныхъ кровопійцевъ.

Отъ страданій, причиняемыхъ москитами, человѣкъ, благодаря культурѣ, успѣлъ нѣсколько освободиться посредствомъ уничтоженія болотъ, также точно какъ ему удалось совладать сначала съ колосальными лѣсами сибирскихъ дебрей не столько посредствомъ вырубки и употребленія ихъ въ дѣло, сколько въ большихъ размѣрахъ помощію лѣсныхъ пожаровъ, о которыхъ уже говорено въ 1-ой части, на стр. 611. Чѣмъ крошечнѣе и проворнѣе вредныя насѣкомыя, тѣмъ лучше имъ можно противудѣйствовать, конечно въ общемъ цѣломъ, посредствомъ такихъ мѣръ, которыя отнимаютъ у нихъ почву для дальнѣйшаго размноженія. Москиты эти и ихъ личинки, равно какъ и моллюски, которыя вмѣстѣ съ ними населяютъ стоячія воды, дѣлаются добычею безчисленныхъ насѣкомоядныхъ и голенастыхъ птицъ, послѣднія же въ свою очередь служатъ пищею различнымъ хищнымъ животнымъ, а такъ какъ въ природѣ вообще все тѣсно связано между собою, то вмѣстѣ съ москитами вѣроятно отсторонилась много другихъ животныхъ, уступивъ въ тоже время мѣсто новымъ животнымъ, которымъ новый видъ природы приходится по сердцу.

Бо̀льшимъ успѣхомъ сопровождаются заботливые труды человѣка въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ истребленіи назойливыхъ домочадцевъ; объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже въ главѣ «о нашествіи иноземныхъ животныхъ». При всемъ томъ истребленіе даже самыхъ близкихъ друзей первобытнаго человѣка въ сущно-

[2]) Pallas, Reise I, p. 422, 423; II, 101, 113. Не есть ли это такъ называемый Имильскій комаръ? Семивскій Повѣствованія о Восточной Сибири, стр. 191.

сти все-таки основано на уничтоженіи почвы для ихъ преуспѣванія. Лишь посредствомъ введенія «бѣлья» человѣку удалось отдѣлаться отъ прародительскихъ обитателей всякаго старинаго кожанаго платья. Мало проку въ томъ, что люди во всѣхъ частяхъ свѣта, Самоѣды и Индѣйцы, Ботокуды и Готтентоты [1]), во время своихъ безпрерывныхъ кочевокъ на каждомъ привалѣ тотчасъ начинаютъ выдѣлывать то, что еще при Страбонѣ подало поводъ назвать сѣверныхъ жителей «ϕτηριόϕαγαμι» и уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ поражало путешественниковъ, ѣхавшихъ съ запада. «Они ищутъ (разсказываютъ по слѣдніе) другъ у друга вшей и ѣдятъ ихъ, говоря: такъ мы поѣдимъ нашихъ враговъ» [2]).

Если и не съ такою прибауткою, то уже навѣрное при сильномъ содѣйствіи языка, жирное лакомство это еще и въ наше время нравится кочевникамъ всего міра, не меньше чѣмъ оно нравилось прежде; при этомъ они врядъ-ли исполняютъ свое дѣло съ меньшимъ чувствомъ сознанія, чѣмъ гастрономы цивилизованныхъ странъ, добирающіеся до кишечнаго кала куликовъ.

Какъ въ тѣ-же времена изображались обнаженныя мужскія фигуры, вертящіяся вокругъ огня, такъ точно еще и въ настоящее время въ сибирскихъ лѣсахъ можно встрѣтить кочующаго дикаря, который подъ открытымъ небомъ, не смотря на замерзаніе ртути, раздѣвается до-гола, чтобы у разведеннаго костра подвергнуть жару и собственную кожу и въ особенности свое исподнее платье. Въ палаткахъ кибиткахъ (и чумахъ) подобная операція совершается каждый вечеръ передъ спаньемъ, и хотя вы тотчасъ-же услышите трескотню въ родѣ перестрѣльной пальбы, какъ только Самоѣдъ нагнетъ голову надъ пылающимъ огонькомъ и станетъ расчесывать пальцами волосы, или, вывернувъ платье на изнанку, вытряхнетъ его надъ огнемъ; хотя нѣсколько человѣкъ разомъ бросаются на туже одежду и въ самое короткое время отыскиваютъ въ ней и убиваютъ сотни дерзкихъ насѣкомыхъ — все-таки нельзя замѣтить уменьшенія ихъ. Лишить ихъ возможности распложаться можно только тогда, когда представляется случай стричь волосы, ежедневно умываться и постоянно мѣнять бѣлье.

Не удивительно, что другъ и спаситель мой, самоѣдскій старшина Тойчумъ, пускаясь въ естество-философскіе разговоры со мною, долженъ былъ развивать слѣдующую самоѣдскую аксіому: «какъ каждое животное и каждая птица надѣлены извѣстными эпизоями, такъ и человѣку выпала особая ихъ доля; безъ этихъ неразлучныхъ спутниковъ нельзя допустить существованіе человѣка». Однажды, такъ говоритъ самоѣдское преданіе, дерзновенный человѣкъ какъ-то успѣлъ отдѣлаться отъ своихъ любезныхъ закадычныхъ друзей, но вслѣдъ за тѣмъ и умеръ. Когда я сталъ увѣрять его, что дома ни у меня, ни у другихъ, подобныхъ мнѣ, людей, нѣтъ такихъ звѣрьковъ, то онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ повѣрить, усомнился въ правдивости моей и наконецъ, какъ бы въ видѣ окончательнаго вывода, сказалъ: «ну, говори, что хочешь, а все-таки по крайней мѣрѣ три

---

[1]) Andersen, Reisen in Südwest-Afrika, 1858, p. 15.
[2]) Münster, Cosmographia 1561, p. 855. Вѣроятно со словъ Плано-Карпини.

вши на тебѣ были, иначе ты умеръ бы»! Впослѣдствіе, во время горловой моей болѣзни, я вспомнилъ про слова стараго моего пріятеля, вспомнилъ про его спасителей жизни, а въ тоже время и про вѣроятность того, что сохрани я на всю жизнь вокругъ шеи — любимаго мѣста пребыванія закадычныхъ друзей — постоянное сильное накожное возбужденіе, которымъ въ то время надѣляли меня добрые мои Самоѣды, мнѣ вѣроятно не пришлось бы ни хворать, ни опасаться близкой смерти.

Это можетъ служитъ новымъ доказательствомъ, до какой степени цивилизація въ состояніи отчуждить насъ отъ прародительскихъ порядковъ, истребить даже крошечныхъ животныхъ, преобразить основныя привычки человѣка и взгляды его на жизнь.

Нѣсколько вѣковъ, а тѣмъ болѣе нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, предѣлы распространенія важнѣйшихъ животныхъ Европы находились, какъ извѣстно, въ другомъ соотношеніи между собою, чѣмъ въ настоящее время. Въ доисторическомъ періодѣ животныя арктическихъ странъ Европы очевидно встрѣчались на 10 или на 15 градусовъ широты южнѣе, чѣмъ нынѣ, и глубоко-сѣверная родина ихъ, посредствомъ непрерывныхъ, шедшихъ на югъ, полосъ, находилась въ связи съ альпійскими горными цѣпями южноевропейскихъ странъ. Этому обстоятельству я придаю особенное значеніе, потому что, не смотря на всю климатическую суровость востока, поразительное различіе между Азіей и Европой все-таки исчезаетъ въ отношеніи распространенія арктическихъ животныхъ къ югу. Тутъ дѣло зависитъ уже не отъ пространства, а отъ различія времени, потому что, соображаясь съ первобытными порядками, и здѣсь и тамъ экваторіальные предѣлы арктическихъ животныхъ доходятъ до 45°, а у нѣкоторыхъ далѣе выдающихся животныхъ даже безъ малаго до 40° с. ш.

Странность дальняго распространенія арктическихъ животныхъ къ югу въ Амурскомъ краѣ и смѣшенія глубоко-сѣверныхъ формъ съ южными, даже тропическими формами, которое должно было поразить преемниковъ моихъ въ тѣхъ мѣстахъ точно также, какъ оно меня поразило, странность эта, говорю я, исчезаетъ сама собою при тщательномъ изученіи переворотовъ случившихся во времена историческія. Въ путевомъ донесеніи своемъ, написанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго мною, я сообщилъ Академіи слѣдующее [1]) «въ зоологическо-географическомъ отношеніи мы постоянно вращались въ «той чрезвычайно любопытной полосѣ земли, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются гербы си«бирскій и бенгальскій, соболь и тигръ, гдѣ эта южная кошка отбиваетъ у рыси сѣвер«наго оленя, гдѣ соперница ея, россомаха, въ одномъ и томъ-же участкѣ истребляетъ «кабана, оленя, лося и козулю, гдѣ медвѣдь насыщается то европейскою морошкою (*Rub. «chamaem.*), то кедровыми орѣхами, гдѣ соболь вчера еще гонялся за тетеровями и куро-

---

[1]) Cp. Bull. phys.-math. de l'Acad. des Scienc. de St.-Pétersb. T. IV. № 16 и Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, IX. p. 638.

«патками, доходящими до запада Европы (*Tetr. urogallus, tetrix* и *bonasia*), сегодня бѣгастъ «за ближайшимъ родственникомъ тетера восточной Америки, а завтра крадется за чисто-«сибирской кабаргой».

Не происходило-ли нѣкогда тоже самое и въ южной Европѣ? Не толпились-ли тамъ рядомъ, подъ тѣми же широтами, тѣже олени, лоси и козули, тѣже медвѣди, рыси, россомахи и куропатки? Не приходилось-ли этимъ глубоко-сѣвернымъ оленямъ, россомахамъ, медвѣдямъ и рысямъ встрѣчаться въ сѣверной Греціи съ шакаломъ и со львомъ (который, такъ извѣстно, нѣкогда водился тамъ), подобно тому, какъ еще теперь въ Амурскомъ краѣ они встрѣчаются съ тигромъ? Правда, что вдвинувшееся тутъ Средиземное море уже съ самого начала затрудняло вторженіе тропическихъ животныхъ въ Европу.

Смотря по болѣе или менѣе благопріятнымъ или неблагопріятнымъ условіямъ мѣстности, и смотря по тому, лучше или хуже она была защищена лѣсами и горами, животныя въ Европѣ истреблялись то тутъ, то тамъ, но прежде и болѣе всего на окружности экваторіальнаго предѣла ихъ распространенія, въ особенности-же на отрѣзанныхъ со всѣхъ сторонъ островахъ, на которыхъ убыль невозможно было замѣнять новымъ приходомъ животныхъ [1]). До какой степени важно имѣть въ виду подобные приходы, снова уравнивающіе убыль, это доказываютъ лежащіе близь материка острова Балтійскаго моря: хотя на нихъ волки и даже лисицы уже истреблены, но отъ времени до времени, благодаря льду, они опять появляются чрезъ нѣсколько лѣтъ и по вскрытіи льда заставляютъ все населеніе ополчаться на истребленіе ихъ.

Травоядныя животныя повсюду очевидно первыя подвергались нападеніямъ со стороны какъ хищныхъ звѣрей, такъ и человѣка. Замѣчательно, что обыкновенный олень могъ удержаться еще нѣсколько столѣтій въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣверный олень, живя на крайнемъ южномъ предѣлѣ своего распространенія и вѣроятно обусловленный лишь извѣстными, исключительно благопріятными мѣстностями, былъ истребленъ уже въ доисторическое время [2]). Уничтоженіе большихъ сѣверныхъ хищныхъ животныхъ въ средней Европѣ большею частію началось лишь съ конца прошлаго столѣтія и продолжается до настоящаго времени. Исходя съ заселенныхъ равнинъ, оно подвигается все далѣе вверхъ къ горамъ и по направленію къ восточнымъ лѣсамъ.

---

[1]) Напр. на Великобританскихъ островахъ, гдѣ медвѣди истреблены были уже въ 1057 году, бобры въ 1188, а потомъ кабаны, волки и глухари. (Penant, Thiergesch. I, p. 4, 7). Такъ и Ф. Шмидтъ (Archiv der Naturk. Liv-, Ehst- und Kurlands, Serie I, Bd. II, p. 88), при помощи найденныхъ въ торфяномъ болотѣ роговъ лося и посредствомъ названій различныхъ мѣстностей, успѣлъ доказать, что еще въ историческія времена на островѣ Эзелѣ водились лоси и медвѣди. Какъ на этомъ островѣ, такъ и на нѣкоторыхъ другихъ островахъ, лежащихъ близь Балтійскаго побережья, очень часто, благодаря зимнему льду, появляются волки. Тотчасъ по вскрытіи льда населеніе истребляетъ ихъ общими силами. Медвѣдь, который пробуждается отъ зимняго сна очень поздно, истребленъ уже давно.

На островѣ Карлэ лежащемъ въ виду Улеоборга я узналъ, что подобныя охоты на волковъ въ началѣ весны и тамъ также считаются общимъ земскимъ дѣломъ. Дошли даже до того, что тамъ совершенно истребили и сорокъ.

[2]) По мнѣнію Гревингка (Das Steinalter der Ostseeprovinzen, 1865, p. 47) сѣверный олень водился въ нашемъ Остзейскомъ краѣ за 2000 лѣтъ тому назадъ, тогда какъ по изслѣдованіяхъ датскихъ ученыхъ сѣверный олень въ Даніи не существовалъ уже 4000 лѣтъ тому назадъ, потому что кости его уже не встрѣчаются въ такъ называемыхъ «кухонныхъ остаткахъ».

Исторія распространенія животныхъ извлечетъ громадную пользу изъ того обстоятельства, что тѣже самые процессы, которые въ Европѣ совершились отчасти въ незапамятныя времена, совершаются въ Сибири лишь нынѣ, подъ бдительнымъ присмотромъ науки. Хотя и въ Сибири очень замѣтно усиливается истребленіе наиболѣе извѣстныхъ ловчихъ животныхъ, но все-таки еще пройдетъ нѣсколько столѣтій, прежде нежели человѣкъ успѣетъ окончательно истребить нѣкоторыхъ животныхъ, и совершающіеся факты удастся спасти отъ забвенія.

Академики наши Бэръ и Брандтъ оказали наукѣ неоцѣнимую услугу тѣмъ, что устранили всякое сомнѣніе относительно перваго весьма важнаго примѣра совершеннаго истребленія человѣкомъ одного вида сибирскихъ животныхъ, такъ называемой Стеллеровой морской коровы (*Rhytina* Stelleri). Для этого необходимы были тѣ тщательныя мѣстно-историческія и зоологическія изысканія, которыя распредѣлили между собою оба изслѣдователя.

Судьбѣ угодно было, чтобы какъ разъ естествоиспытателю, да притомъ такому точному наблюдателю, какъ Стеллеру, во время пребыванія его съ Берингомъ на пустынномъ Беринговомъ островѣ, пришлось принять участіе въ истребленіи морской коровы, получившей отъ него свое названіе. Не случись этого, мы бы ничего не знали объ истребленіи упомянутаго животнаго, точно также, какъ, можетъ быть, по мнѣнію Бэра, уже во времена Стеллера почти совершенно истреблена была неудовлетворительно описанная имъ «морская обезьяна». Стеллеру мы обязаны отчетливымъ указаніемъ отличительныхъ признаковъ морской коровы, измѣреніемъ частей ея тѣла, описаніемъ ея характера и образа жизни. Стеллеру, какъ участнику въ экспедиціи, которая во время своего вторичнаго странствованія находилась у совершенно неизвѣстныхъ береговъ, конечно и во снѣ не могла придти въ голову мысль, что животное это уже находится на канунѣ своего истребленія. Вѣдь еще и въ новѣйшее время, когда академики наши уже дважды произнесли надъ морской коровой надгробное слово, знаменитый Оуэнъ возбудилъ нѣкоторыя сомнѣнія о томъ, дѣйствительно ли ее истребилъ человѣкъ, и этимъ побудилъ Бэра еще разъ высказать свое мнѣніе [1]). При этомъ случаѣ Бэръ не обратилъ вниманія на то, что одинъ изъ здѣшнихъ естествоиспытателей, пользующійся извѣстностію, позволилъ себѣ предположить, что морская корова водится еще гдѣ-нибудь въ Ледовитомъ морѣ. [2]) На такія выходки необходимы способности, какими обладаетъ упомянутый нами уже прежде [3]) французскій флотскій врачъ, который во время Крымской войны былъ въ Камчаткѣ и говоритъ, что морская корова не только жива но настоящее время, но и составляетъ главную пищу Чукчей [4]).

Уже 27 лѣтъ тому назадъ Бэръ самыми тщательными изслѣдованіями доказалъ [5]),

[1]) Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersb. T. III, 1861, p. 370.

[2]) Эйхвальдъ, Палеонтологія Россіи, стр. 173.

[3]) I, стр. 9, примѣч.

[4]) Revue contemporaine, 1857, p. 39.

[5]) Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung und die gänzliche Vertilgung der Seekuh. Gelesen (in der Kais. Acad. der Wissensch. zu St.-Petersburg) den 26 Januar 1838. Mémoires, VI série. T. V.

что Стеллерова морская корова въ первый разъ упоминается въ 1741 году, что только 27 лѣтъ она была въ состояніи противиться корыстолюбивому знакомству съ Европейцами и что, по весьма достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, послѣднее животное этой породы убито было въ 1768 году, въ томъ самомъ году, когда два флотскихъ офицера, посланныхъ русскимъ правительствомъ для съемки Берингова острова, находились на этомъ островѣ.

Акад. Брандту двумя новыми статьями [1]) удалось только подтвердить эти результаты изслѣдованія Бэра. Преміи, которыя назначены были Академіею за дальнѣйшія извѣстія о Стеллеровой морской коровѣ, дѣйствительно послужили къ положительному подтвержденію факта, что животное это вымерло, но вмѣстѣ съ тѣмъ привели къ открытію болѣе или менѣе полныхъ скелетовъ его въ землѣ, подъ морскими розсыпями, заросшими травою. Скелеты эти дали Брандту возможность до послѣднихъ мелочей исправить и дополнить показанія Стеллера [2]).

Первую свою статью о морской коровѣ Бэръ окончилъ слѣдующими словами: «Русскіе естествоиспытатели, которымъ Георгъ Кювье говорилъ, что величайшая услуга, которую они могутъ оказать естествознанію, состояла бы въ новомъ разслѣдованіи сѣверной морской коровы, не могли сдѣлать болѣе того, что ими сдѣлано: Стеллеръ, единственный естествоиспытатель, которому удалось видѣть ее, описалъ это животное соотвѣтственно требованіямъ тѣхъ временъ; Палласъ сохранилъ единственное ея изображеніе, а Брандтъ описалъ единственный несомнѣнный остатокъ ея костей. Оставалось только составить некрологъ, который мы и сообщаемъ».

Какъ Брандту при помощи новыхъ находокъ костей морской коровы удалось во многомъ пополнить свой отдѣлъ этого труда, такъ и мнѣ представляется возможность значительно подвинуть впередъ рѣшеніе задачи, выпавшей на долю Палласа.

Къ несчастію Стеллеръ не сообщилъ намъ рисунка морской коровы, хотя изобразилъ нѣсколько другихъ морскихъ животныхъ. Рисунокъ, который сообщаетъ Палласъ и самъ справедливо называетъ «грубымъ», очень неудовлетворителенъ [3]). Кромѣ того неизвѣстно, откуда рисунокъ этотъ взятъ, а потому Бэръ и называетъ его «неподкрѣпленнымъ доказательствами». Вслѣдствіе этого Брандтъ рѣшился издать «идеальное изображеніе» морской коровы, сдѣланное на основаніи Палласова рисунка, Стеллеровыхъ измѣреній и найденныхъ доселѣ частей скелетовъ, равно какъ по сображенію съ близкосродственными ей манатами.

Тщательный пересмотръ картъ Академическаго архива, — трудъ, къ которому меня побудила помѣщенная въ началѣ перваго тома статья о географіи Сибири — вознаградилъ меня необыкновенною зоологическою находкою: мнѣ удалось открыть, кажется, един-

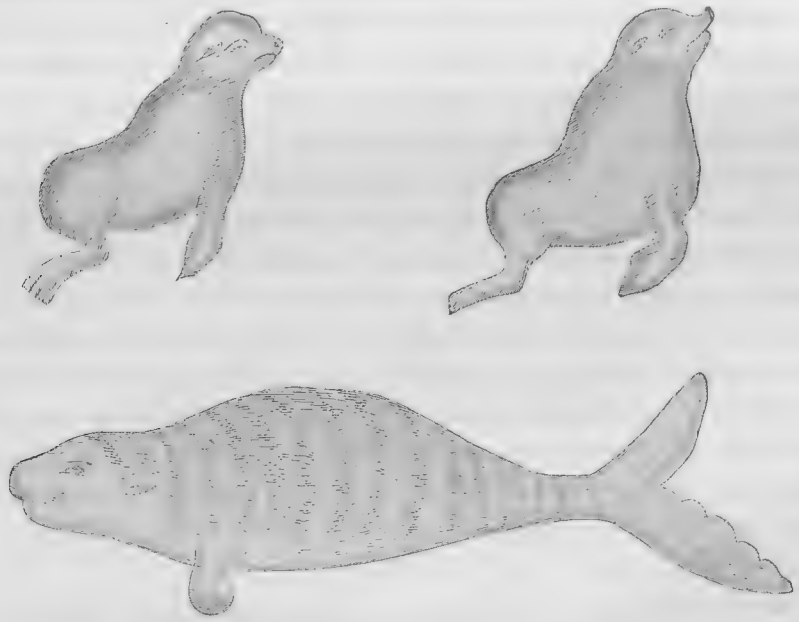
---

[1]) Symbolae Syrenologicae въ Mém. de l'Acad. des Sciences de St.-Pétersbourg, VI série, Sciences naturelles T. V, 1849, и Bullet. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, T. V, p. 388, и слѣд. = Mélanges biologiques, T. IV, livr. 3, p. 269. Ср. также Bullet. T. IV p. 304 и VI, p. 111.

[2]) Кромѣ скелетныхъ частей морской коровы, поступившихъ въ Академическій музей, получены скелеты музеями Московскимъ и Гельсингфорскимъ.

[3]) Вслѣдствіе спинной бороздки, показанной на рисункѣ Палласа, мнѣ кажется, что это долженъ быть исхудавшій зимній экземпляръ, т. е. одинъ изъ такихъ, про которые говоритъ Стеллеръ.

ственное автентичное изображеніе вымершей морской коровы. Съ изображенія этого я сообщаю здѣсь вѣрный снимокъ въ нижеслѣдующемъ политипажѣ. Подлинный рисунокъ той-же величины, набросанный тушью, помѣщенъ возлѣ Берингова Острова на рукописной картѣ, озаглавленной слѣдующимъ образомъ: «Chart of a voyage from Kamtschatka «to discover Nort America, in the Paquett Boot St. Peter, under Command Capt. Commendeur «Bering An. 1741; made of a Journall kept by Swen Waxell, Leutenant of the fleet». Слѣдовательно листокъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, составленъ по подлинному журналу, во время плаванія корабля. Рекомендую этотъ географическій документъ особенному вниманію тѣхъ лицъ, которыя изучаютъ исторію гидрографіи, и считаю достаточнымъ замѣтить, что на Беринговомъ островѣ указано мѣсто, гдѣ Берингъ былъ выброшенъ на берегъ и скончался. Передъ морской коровой нарисованы еще животныя, изображенныя тутъ надъ нею. Существовавшій нѣкогда обычай, наиболѣе поразительные предметы вновь открытыхъ или малоизвѣстныхъ странъ изображать на самыхъ картахъ, среди обыкновенно уже самой по себѣ пустой рамки очертаній такихъ странъ, — обычай этотъ въ настоящемъ случаѣ оказалъ намъ ничѣмъ незамѣнимую услугу.



Стеллерова морская корова.

Что рисовальщикъ — можетъ быть самъ Стеллеръ — не дурно умѣлъ передавать характеристическія черты, это доказываютъ изображенія двухъ сивучей (*Otaria* Stelleri), помѣщенныхъ на рисункѣ. Руководящій художественною набивкою чучелъ для нашего музея консерваторъ Г. Вознесенскій, который долго на мѣстѣ самъ имѣлъ случай наблюдать сивучей и мнѣніе котораго тутъ слѣдовательно особенно важно, находитъ, что

какъ позы, такъ и очертанія этихъ фигуръ, даже самыхъ плавательныхъ перьевъ, необыкновенно характеристичны; онъ вполнѣ согласился также со мною, что вздернутая губа у одного изъ этихъ сивучей изображаетъ тотъ моментъ, когда этотъ старшій самецъ пораженъ нѣкоторымъ пикантнымъ запахомъ, въ такомъ-же точно родѣ, какъ намъ не рѣдко приходится видѣть это на лошадяхъ и рогатомъ скотѣ [1]).

Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣкоторое право думать, что и третій, бо́льшій рисунокъ, изображающій морскую корову, въ точности передаетъ оригиналъ. Въ сравненіи съ прежними изображеніями особенно поучительны изогнутые крюкомъ концы переднихъ оконечностей: рисунокъ ясно показываетъ, что животное оперлось на наружную поверхность согнутаго ручнаго сустава [2]). За тѣмъ видны также весьма сильно-выдающіяся поперечныя бороздки, дѣлющія тѣло на подушки, о которыхъ вдоволь говоритъ и Стеллеръ [3]) и которыя Брандтъ въ своемъ «идеальномъ изображеніи» рѣшился намѣтить лишь слегка. Наконецъ на обращенной къ намъ половинѣ хвостоваго пера очень ясно изображены зарубки, которыя вѣроятно находились и на другой его половинѣ [4]). Хвостовое перо казалось болѣе вилообразнымъ, чѣмъ позволяли предполагать размѣры его.

Принимая за тѣмъ въ соображеніе, что и форма всего тѣла, голова, шея, выдающееся надъ нижнею челюстью рыло, относительное положеніе ушей, глазъ, кончика носа и переднихъ членовъ согласуются съ размѣрами и описаніями, которыя намъ сообщаетъ Стеллеръ, мы должны считать рисунокъ этотъ весьма удовлетворительнымъ и находимъ только нужнымъ замѣтить, что, можетъ быть, голова сдѣлана нѣсколько длиннѣе, а хвостовое перо нѣсколько шире, чѣмъ слѣдовало, и что вѣроятно вслѣдствіе неудовлетворительности кисточки, которою дѣланъ рисунокъ, крошечныя ушныя отверстія вышли слишкомъ большими, а щетинная бородка совсѣмъ не показана [5]).

Что животное это, которое при Стеллерѣ существовало на берегахъ Берингова острова въ безчисленномъ множествѣ, могло быть истреблено въ такое короткое время, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: самъ-же Стеллеръ былъ причиною того, что корабли, которые послѣ него ежегодно во множествѣ отправлялись ко вновь открытымъ сѣверо-американскимъ островамъ и берегамъ, запасались провизіею туда и обратно какъ разъ на Беринговомъ островѣ. Съ 1747 по 1791 годъ отправлено было до 70 кораблей,

---

[1]) Туже самую форму мы встрѣчаемъ впрочемъ и на прекрасныхъ рисункахъ Шориса, Voyage pittoresque autour du monde, 1822; табл. XIV сивучи и табл. XV морскіе коты.

[2]) У Брандта плавательное перо имѣетъ тупой и толстый конецъ. Онъ полагалъ, что верхняя часть плеча была менѣе массивна и тоньше пяточнаго сустава. Извѣстно, что Стеллеръ не нашелъ ни малѣйшаго слѣда пальцевъ, а только пясть и предпястіе.

[3]) «a nucha usque ad caudae pinnam nonnisi rugis circularibus tantisper in superficie inaequalis; in lateribus autem valde scruposa, ac multis acetabulis prominentibus, pezizas referentibus horrida, praecipue circa caput».

[4]) Онѣ позволяютъ принять ихъ за то, что Стеллеръ описываетъ слѣдующими словами: «pinna haec ad unam dodrantem ab extremitate lacera fuit et rudioribus aristis aristata, quodam modo piscium pinnas obscure retulit».

[5]) По словамъ Стеллера ушныя отверстія были едва замѣтны и вообще не толще ствола пера.

У Стеллера голова морской коровы равняется $^1/_{10}$ всей длины ея тѣла, а на нашемъ рисункѣ она равна только $^1/_7$ его.

*

изъ которыхъ нѣкоторые [1]) совершили по нѣскольку рейсовъ. По словамъ же самого Стеллера морскія коровы были не только совершенно беззащитны, но даже до того довѣрчивы, что позволяли дотрогиваться до себя; кромѣ того онѣ отличались чрезвычайною прожорливостью и съ наступленіемъ морскаго прилива гнались до самого берега за водорослями, наносимыми туда волненіемъ. Притомъ самецъ дня два не отходилъ отъ убитой самки своей, а когда одно изъ этихъ животныхъ попадалось подъ носокъ [гарпунъ], то цѣлая толпа являлась на его выручку. Хотя нападенія и заставляли ихъ удаляться въ море, но они опять тотчасъ-же возвращались. Наконецъ у нихъ рождалось за разъ не больше одного дѣтеныша. При выгодной добычѣ, которую представляло животное это, достигавшее 6—7 саженей длины и около 500 центнеровъ вѣсу [2]), при хорошемъ вкусѣ его мяса, которое, питаясь водорослями, выгодно должно было отличаться отъ жира прочихъ морскихъ хищныхъ животныхъ, преслѣдованія конечно производились съ большимъ рвеніемъ и не могли не окончиться совершеннымъ истребленіемъ этого животнаго. Стеллеръ не можетъ нахвалиться противуцынготными свойствами этого мяса. [3]).

Необыкновенно странно одно обстоятельство: когда открыта была морская корова, то она хотя и оказалась въ чрезвычайно большомъ количествѣ, но встрѣчалась только на небольшомъ протяженіи, т. е. на берегахъ Берингова острова. Невольно приходится предположить, что тутъ находился только остатокъ этой породы животныхъ, тогда какъ прежде она была распространена гораздо дальше. Начало ея убыли слѣдуетъ, можетъ быть, отнести къ той эпохѣ, когда исчезла промежуточная полоса земли, служившая нѣкогда переходомъ изъ восточной Азіи въ сѣверо-западную Америку; послѣднее событіе съ каждымъ днемъ становится правдоподобнѣе и подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ молюсковъ Берингова пролива [4]) и флорою восточной Сибири (ч. I, стр. 659). Легко могло статься, что соединительная полоса эта была прорѣзана огромными рѣками, которыя, можетъ быть, представляли морской коровѣ случай, подобно южнымъ ея родичамъ, манатамъ, заходить въ прѣсныя воды. Вѣдь извѣстно, что и на Беринговомъ островѣ Стеллеръ встрѣчалъ морскихъ коровъ преимущественно въ устьяхъ небольшихъ рѣчекъ этого острова.

При всемъ томъ мы не должны упустить изъ виду, что морская корова не была истреблена уже до прибытія Европейцевъ только вслѣдствіе того, что Беринговъ островъ больше другихъ отдаленъ отъ материка и рѣшительно никѣмъ не былъ населенъ. Не улучшенные европейскіе способы ловли сдѣлались пагубою морской коровы, а одно только мореплаваніе, которое вообще привело Европейцевъ на столь дальній островъ. Островъ этотъ въ то время очевидно въ первый разъ былъ посѣщенъ людьми, какъ это также явно показывали наглость песцовъ и довѣрчивость морскихъ бобровъ. Если предположить,

---

[1]) Тридцать первое присужденіе учрежденныхъ Демидовымъ наградъ, 1862, стр. 50.

[2]) Описанныя Брандтомъ кости показываютъ, что онѣ происходятъ отъ животныхъ большихъ, чѣмъ тѣ, которыя измѣрялъ Стеллеръ.

[3]) Pallas, Neue Nordische Beiträge., II, p. 297.

[4]) Ср. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, ч. I, стр. 345, 453 и т. д.

что въ древности морская корова водилась также у береговъ Камчатки и Курильскихъ острововъ, на Алеутахъ и у сѣверо-западнаго берега Америки, то, по извѣстному намъ характеру ея, животное это вскорѣ истребили бы даже самые первобытные народы.

Такимъ образомъ вопросъ о первоначальномъ распространеніи морской коровы могутъ разрѣшить единственно только находки ископаемыхъ костей этого животнаго, которыя намъ откроютъ грядущіе вѣка. А что, если низменныя прибрежныя части тогдашняго времени, вмѣстѣ съ исчезнувшей полосой, ушли на дно морской пучины и на всегда укрылись отъ насъ? Развѣ изъ находки костей морской коровы въ ископаемомъ видѣ мы вправѣ безъ дальнѣйшаго вывести заключеніе, что животное это нѣкогда водилось и тамъ, гдѣ найдены эти кости, какъ напр. на западныхъ Алеутскихъ островахъ? Хотя предположеніе Бэра, который уже въ первой своей статьѣ совершенно исключилъ Камчатку, Курильскіе и Шантарскіе острова, на западныхъ же Алеутскихъ островахъ допускалъ возможность существованія морской коровы въ историческое время, хотя, говорю я, предположеніе это и подтверждается находкою одного ребра на островѣ Атту, но я не могу признать эту находку за окончательное доказательство. Вѣдь найдена же подпѣбная пластинка этого животнаго и въ Гренландіи, и все-таки справедливо признано, что она случайно занесена туда льдинами? Развѣ у насъ нѣтъ извѣстій о томъ, что и у Камчатки бури выбрасывали на берегъ тѣла морской коровы и подали тамъ поводъ назвать это животное капустникомъ? Слѣдовательно, если бы въ Камчаткѣ удалось найти даже цѣльные скелеты морской коровы, то могутъ ли они служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что животное это и прежде тамъ водилось?

Такъ какъ у насъ нѣтъ непосредственныхъ доказательствъ то намъ остается только принять въ соображеніе распространеніе трехъ другихъ млекопитающихъ животныхъ, которыя не только въ одно время съ морской коровой жили у Берингова острова, но еще и въ настоящее время живутъ тамъ, да притомъ распространены гораздо дальше, хотя и самое количество ихъ и число пристанищъ чрезвычайно уменьшилось. Я разумѣю преимущественно морскаго бобра (*Enchydris marina* Schreb.), морскаго льва или сивуча (*Otaria Stelleri* Schleg.) и морскаго медвѣдя или котика (*Otaria ursina* L.).

Между этими тремя морскими животными въ отношеніи распространенія есть очевидно много общаго, такъ что вообще, кажется, мы вправѣ сказать, что 1) всѣ они живутъ на обоихъ — какъ азіятскихъ, такъ и американскихъ — берегахъ той соединительной части, которая ведетъ изъ Великаго Океана къ полярному водоему и названа мною Беринговымъ рукавомъ; 2) къ сѣверу, выдвигаясь въ Берингово море, они простираются до 58° широты, 3) оттуда къ югу вдоль Азіи доходятъ почти до 42° широты, т. е. до Японскихъ острововъ, и на противуположномъ, сѣверо-западномъ, американскомъ берегу даже до 27° широты, т. е. до южной оконечности Калифорнскаго полуострова [1]).

---

[1]) Во всякомъ случаѣ въ прежнее время морскіе бобры не рѣдко пробирались до Іедло и даже до сѣверныхъ береговъ Ниппона (Siebold, Fauna Japonica, Mammalia p. 36 и Nippon VII, p. 180, 182; Schrenk, Reisen

На полярномъ предѣлѣ своего распространенія эти три породы находятся въ совершенно одинаковомъ положеніи. Одна существенная разница между ними состоитъ только въ томъ, что морской бобръ преимущественно береговое животное, которое лишь изрѣдка, или не иначе какъ на плавучихъ льдинахъ, удаляется отъ мѣста своего рожденія [1]), тогда какъ сивучи уже отчасти предпринимаютъ странствованія [2]), а котики положительно переходныя животныя и въ этомъ качествѣ имѣютъ весьма ограниченное число сборныхъ пунктовъ (лежбищъ).

Другое различіе, которое можно замѣтить между ними, заключается въ томъ, что морскіе бобры, а въ меньшей степени и котики, — подобно нѣкоторымъ моллюскамъ —

---

und Forschungen im Amurlande Bd. I, p. 44); должно быть, что они не слишкомъ рѣдко посѣщали даже берега Сахалина, потому что нѣкогда черная бобровая шкура была установлена какъ ежегодный подарокъ, который Карафтеи подносили Манджурцамъ. Уже по словамъ Палласа (Zoogr. I, p. 100), морской бобръ простирался отъ 60-го до 45-го градуса широты.

Что на американскомъ прибрежьѣ морскіе бобры простираются до южной Калифорніи и до Сероскихъ острововъ, это намъ сообщилъ Врангель (Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs I, p. 39). Достовѣрность этого показанія подтверждаютъ и другіе, какъ напр. Давыдовъ и Хвостовъ (Двукр. Путеш. II, стр. 182). Экземпляръ морскаго бобра, описанный въ Путешествіи Эрмана (Verzeichniss von Thieren und Pflanzen, welche auf einer Reise um die Erde gesammelt wurden, von A. Erman, 1835, p. 19), былъ родомъ изъ Санъ-Франциско. Въ путевомъ донесеніи корабля нашего «Благонамѣренный» морской бобръ является также въ числѣ Калифорнскихъ животныхъ (Отечеств. Записки, 1849, Ноябрь, VIII, стр. 22). Такимъ образомъ нельзя считать удовлетворительнымъ показаніе новѣйшихъ американскихъ изслѣдователей (Explorations and surveys for a railrood route from the Missisipi river to the Pacific Ocean, vol. XII, part. II, p. 93, 115), которые принимаютъ 50-ый градусъ широты за экваторіальный предѣлъ и говорятъ, что въ Орегонѣ морской бобръ встрѣчается часто, а при устьѣ рѣки Колумбіи рѣдко.

Сивучъ на азіятскомъ берегу простирается къ югу до того-же предѣла, до котораго доходитъ морской бобръ; такъ говорятъ Темминкъ и Шлегель (Siebold, Fauna Japonica, p. 4). Шемелинъ (Путешест. вокругъ свѣта, стр. 170) также встрѣчалъ его въ большомъ количествѣ въ Лаперузскомъ проливѣ, между островами Сахалиномъ и Іессо.

Мы знаемъ также, что животное это собирается около южныхъ береговъ Охотскаго моря и на различныхъ Курильскихъ островахъ (Neue Nordische Beiträge, IV, p. 118, 123, 128, 130 и Шелеховъ, Первое Странствованіе, 1793, I, стр. 103, 104, 113, 115 и дал.) до 17-го.

По словамъ Темминка и Шлегеля сивучъ на американскомъ берегу доходитъ до Калифорніи; путевое донесеніе Благонамѣреннаго также свидѣтельствуетъ о появленіи его на берегахъ Калифорніи (Отечеств. Записки, 1849, Ноябрь, VIII, стр. 22).

Котики, которые по словамъ Шренка (Reisen und Forschungen im Amurlande I, 1, p. 189) въ чрезвычайно большомъ количествѣ встрѣчаются на восточномъ берегу Сахалина, но попадаются и въ сѣверной части западныхъ береговъ этого острова, простираются или по крайней мѣрѣ простирались на сѣверо-западномъ берегу Америки до Калифорніи, какъ намъ сообщаетъ Врангель (Baer und Helmersen, Beiträge I, p. 39), говоря, что утесистый островъ Ферлонесъ, лежащій на линіи залива Санъ Франциско, былъ мѣстомъ пребыванія котиковъ, которые однакоже совершенно истреблены были Американцами.

[1]) Такъ напр. въ тридцатыхъ годахъ, не смотря на истребленіе морскихъ бобровъ въ Камчаткѣ, все таки однажды онѣ вдругъ показались въ такомъ огромномъ множествѣ, что у охотниковъ не хватило ружейныхъ снарядовъ и имъ пришлось сплавить пуговицы и т. п. Это мнѣ сообщено словесно.

И Словцовъ также говоритъ (Истор. Обозрѣн. Сибири, 1844, II, стр. 138), на основаніи одного изъ нашихъ источниковъ, что въ 1780 году морской бобръ покинулъ Курильскіе острова, а въ 1750 восточный берегъ Камчатки. 1772-ой годъ также показанъ въ числѣ тѣхъ, когда морскіе бобры опять показались у Берингова острова (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 244, 248).

[2]) Уже Стеллеръ говоритъ (Pallas, Neue Nordische Beiträge, II, p. 288), что хотя сивучи во всѣ времена года, а зимою въ небольшомъ числѣ водятся на самыхъ крутыхъ утесистыхъ берегахъ Берингова острова, но что настоящими стадами онѣ являются весною, въ одно время съ котиками, или нѣсколько позднѣе.

Сарычевъ (Путеш. II, стр. 135) говоритъ, что они цѣлый годъ водятся и даже зимуютъ на Алеутскихъ островахъ, напр. Уналашкѣ.

пелагическія животныя, т. е. встрѣчаются только въ прибрежныхъ частяхъ открытаго океана, напр. въ особенности на Курильскихъ островахъ, тогда какъ сивучи встрѣчаются въ водахъ Охотскаго моря, которыя можно уже считать внутренними водоемами [1]).

Въ сравненіи съ произвольно странствующими сивучами, положительно пелагическій характеръ котиковъ можетъ быть приписанъ преимущественно врожденной имъ потребности прикочевывать на другія мѣста, потребности, которая побуждаетъ ихъ собираться стадами и отыскивать извѣстныя, надежныя пристанища. Пелагическій же характеръ морскаго бобра въ особенности зависитъ, кажется, отъ способа его питанія, потому что одни только пелагическія прибрежья богаты большими морскими раками, моллюсками и водорослями.

Хотя морскіе бобры и котики скорѣе, чѣмъ морская корова, увидѣли въ человѣкѣ своего злѣйшаго врага, хотя европейская промышленность и не съумѣла усовершенствовать необыкновенно искусные и сообразные съ цѣлью способы ловли, употребляемые туземцами, все-таки въ теченіи прошлаго столѣтія, количество этихъ животныхъ чрезвычайно уменьшилось, такъ что въ настоящее время предѣлы ихъ распространенія гораздо ограниченнѣе прежнихъ [2]). Морскаго бобра, который цѣлое столѣтіе сряду былъ извѣстенъ

---

[1]) Увѣряютъ даже, что на Курильскихъ островахъ, какъ ни малъ ихъ объемъ, морскіе бобры также почти исключительно живутъ только на восточныхъ берегахъ, обращенныхъ къ Океану, а на берегахъ, обращенныхъ къ Охотскому морю, не водятся, или по крайней мѣрѣ никогда на нихъ долго не остаются.

Не только одна изъ группъ скалистыхъ утесовъ, лежащая къ западу отъ Шантарскихъ острововъ, получила отъ сивучей названіе Сивучаго острова, но и материковый мысъ, находящійся между Охотскомъ и Аяномъ (Сарычева, Путеш. I, 1802, стр. 139, 140, 142, 148). — На почти недоступномъ скалистомъ островѣ Св. Іоны, лежащемъ по среди Охотскаго моря, должно быть множество сивучей, потому что, когда проѣзжали мимо его, то слышенъ былъ громкій ихъ ревъ (Морской Сборникъ, 1856, Апрѣль, ч. неоффиц. стр. 19).

[2]) Стеллеръ говоритъ, что съ 6-го Ноября 1741 до 17 Августа 1742 года онъ и матросы убили на Беринговомъ островѣ болѣе 700 морскихъ бобровъ (Pallas, Neue Nord. Beitr. II, p 281); конечно, они этимъ уничтожили или спугнули животныхъ верстъ на 50 отъ ихъ стоянки. По словамъ Мюллера (Samml. Russ. Gesch. III, p. 244, 248) убито было 900 штукъ, изъ которыхъ на долю одного Стеллера пришлось 300. На Прибыловскихъ островахъ Св. Георгія и Св. Павла менѣе крутые берега усѣяны были морскими бобрами (Тридцать первое присужденіе учрежденныхъ Демидовымъ наградъ, 1862, стр. 49). Въ то время, когда еще каждая небольшая бухта, каждая отмель, каждый утесъ были покрыты морскими бобрами, въ то время на одномъ Кадьякѣ собиралось до 500 лодокъ (байдаръ) для отысканія и ловли морскихъ выдръ.

На берегахъ Камчатки, гдѣ во времена Стеллера животныя стадами прибывали на огромныхъ льдинахъ (тамъ-же, стр. 283), количество морскихъ бобровъ все-таки и тогда уже стало уменьшаться; на одной только южной оконечности полуострова они сохранялись въ значительномъ множествѣ. По словеснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, въ нынѣшнемъ столѣтіи и на южной оконечности Камчатки морскіе бобры встрѣчаются такъ рѣдко, что въ нѣсколько лѣтъ убиваютъ развѣ одного только. Въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, проведенныхъ г. Вознесенскимъ въ Камчаткѣ, на полуостровѣ этомъ не было убито ни одного морскаго бобра. Дѣйствительно, уже въ началѣ этого столѣтія Давыдовъ и Хвостовъ (Двукр. Путеш. I, стр. 166) сообщаютъ, что морской бобръ ловился прежде у Поромушира, втораго Курильскаго острова. Говорятъ, что въ Камчаткѣ морской бобръ истребленъ Сѣверо-Американскою компаніею, вслѣдствіе поселенія Алеутовъ на южной оконечности полуострова. Охота вскорѣ стала такъ неудачна, что ихъ пришлось отозвать оттуда.

Кажется впрочемъ, что уже въ 1710 году морской бобръ лишь временно былъ на первомъ Курильскомъ островѣ. Ср. противурѣчащія извѣстія у Мюллера (Samml. Russ. Gesch. III, 1758, p. 80 и 6-ю страницами дальше) съ тѣмъ, что ниже сказано будетъ въ главѣ нашей «о сохраненіи исчезающихъ и введеніи, равно какъ и самодѣятельномъ движеніи впередъ не существовавшихъ прежде породъ животныхъ».

лишь подъ названіемъ Камчатскаго бобра, вскорѣ нельзя бы было найти ни на берегахъ Камчатки, ни въ другихъ наиболѣе извѣстныхъ мѣстахъ его пребыванія, если бы уже нѣсколько лѣтъ сряду не были принимаемы мѣры къ его сбереженію. На Прибыловскихъ островахъ, гдѣ въ первые годы послѣ открытія ихъ убито 3000 бобровъ, они уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали встрѣчаться очень рѣдко [1]). Тоже самое повторяется повсюду вокругъ этихъ острововъ. Объ истребленіи котиковъ на самомъ южномъ пунктѣ ихъ распространенія мы уже говорили выше [2]).

Одна только обширность области, въ которой распространены были эти животныя, и безлюдіе этихъ мѣстностей позволяютъ намъ догадываться, какимъ образомъ, вопреки непрерывному, безпощадному истребленію упомянутыхъ животныхъ, все-таки по временамъ, то тутъ то тамъ, они появлялись въ поразительномъ множествѣ. Это были пришельцы, животныя, вышедшія изъ незамѣченныхъ закоулковъ отдаленныхъ мѣстностей; но на нихъ тотчасъ-же нападали съ ожесточеніемъ и истребляли. Въ 1802 г. весь фондъ наросшаго издавна животнаго капитала (который до того времени расходовался самымъ грубымъ и безпощаднымъ образомъ) былъ еще такъ великъ, что тогдашній пятилѣтній запасъ Сѣвероамериканской компаніи простирался до 18,000 шкуръ морскихъ бобровъ [3]).

Бурные годы, неблагопріятствовавшіе ловлѣ, по временамъ являлись на выручку тѣснимыхъ со всѣхъ сторонъ остатковъ этихъ животныхъ. При всемъ томъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ въ прежніе годы производилась обильная ловля ихъ, были уже совершенно опустошены [4]). Мѣстами впрочемъ у животныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ преслѣдованія, положительно замѣтно было желаніе возвратиться въ прежнія свои пристанища, какъ скоро совершенное повидимому истребленіе приносило съ собою покой и обращало вниманіе охотниковъ на другія мѣста. Такъ напр. сивучи, послѣ пятилѣтняго отсутствія, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1803 года снова появились у острова Кадьяка [5]).

Вѣроятно окончательное истребленіе этого животнаго начнется съ южнаго предѣла его распространенія. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ о Сахалинѣ (ср. Schmidt's briefliche Mittheilungen, von Schrenck bearbeitet, въ Bullet. de l'Acad. de St.-Pétersb. T. IV, p. 413 и слѣд.), оказывается, что Сахалинскіе Айно знакомы съ морскимъ бобромъ только по имени, хотя онъ и встрѣчается на Курильскомъ островѣ Итурупѣ. Въ связи этого извѣстія съ сообщеннымъ выше (стр. 61, примѣч. 1-е) свѣдѣніемъ заключается, кажется, доказательство, что истребленіе морскоого бобра на южномъ его предѣлѣ уже началось.

Извѣстно, что прежде онъ во множествѣ встрѣчался на всѣхъ Курильскихъ островахъ. О существованіи его на Курильскихъ островахъ въ прошломъ столѣтіи можно сравнить извѣстіе Шелехова (Первое странств. 1793, стр. 93 до 123), который прямо говоритъ, что для ловли морскаго бобра Курильцы ближайшихъ острововъ собирались на Урупѣ. Между тѣмъ, по словамъ Головина (Опис. Курильскихъ острововъ, стр. 28), уже во времена Шелехова число ихъ очень уменьшилось.

Во время бытности Китлица (Denkwürdigkeiten p. 392) въ этихъ мѣстахъ, морскіе бобры еще постоянно ловились у самыхъ сѣверныхъ Курильскихъ острововъ.

[1]) Langsdorff, Reise um die Welt, 1812, II, p. 22. Тоже самое случилось на Уналашкѣ (тамъ-же стр. 44). На небольшихъ, лежащихъ близь Уникака, островахъ Акунѣ и Абатонакѣ уже въ концѣ прошлаго столѣтія не было больше морскихъ бобровъ (Шелехова, Первое Странств. стр. 146).

[2]) Ср. примѣчаніе на стр. 62.

[3]) Langsdorff, Reise um die Welt, 1812, II, p. 22.

[4]) У Кадьяка морской бобръ былъ истребленъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія (Лисянскій, Путеш. вокругъ свѣта, II, стр. 70).

[5]) Давыдовъ и Хвостовъ, Двукратное Путеш. I, стр. 227, 234.

Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что котики и теперь уже были бы почти совершенно истреблены, если бы Сѣверо-американская компанія не приняла ихъ подъ особенное свое покровительство и не установила присмотра за ними, какъ за домашними животными. Если на нѣкоторыхъ островахъ пришлось пріостановить даже ловлю лисицъ и рѣчныхъ выдръ, чтобы дать имъ возможность сильнѣе размножиться, то за котиками дѣйствительно необходимо было ухаживать просто по всѣмъ правиламъ первобытнаго скотоводства. Исполнить это было тѣмъ легче, что животныя эти до того уже истреблены, что стадами имѣютъ теперь свои лежбища единственно только на двухъ Прибыловскихъ островахъ (Св. Георгія и Св. Павла). По новѣйшимъ, собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказывается, что котики, хотя они мѣстами и показываются на берегахъ Камчатки, все-таки нигдѣ не остаются на нихъ для распложенія. Слѣдовательно дѣло почти уже доходило до того, что всѣ котики нашего сѣвернаго полушарія въ теченіи лѣта сходились на одномъ сборномъ пунктѣ. Но тутъ-то именно они находятся во власти человѣка, не хуже любаго домашняго животнаго [1]).

Спокойно дождавшись конца Сентября, за нѣсколько дней до ухода животныхъ, всѣ поселенные на островахъ сторожа съ семействами своими, отъ мала до велика, отправляются къ лежбищамъ, преграждаютъ животнымъ дорогу въ море, стадами гонятъ ихъ передъ собою, во внутрь острова, и сортируютъ животныхъ, отпуская старыхъ самцовъ, и бережно сопровождая самокъ отъ одного до трехъ лѣтъ къ прибрежью, въ море. Телятъ же, безъ различія пола, и съ большими паузами (чтобы не утомить ихъ), понемногу сгоняютъ на мѣсто бойни; вслѣдствіе неуклюжихъ скачковъ, которые дѣлаютъ котики, на это тратится много времени, иногда болѣе сутокъ, когда до бойни дальше $1\frac{1}{2}$ геогр. мили. При каждомъ роздыхѣ уставшія животныя тотчасъ засыпаютъ и начинаютъ громко храпѣть. На мѣстѣ бойни ихъ убиваютъ дубинами. Право, кочевые Сибирскіе дикари несравненно труднѣе справляются съ своими домашними животными, какъ мы увидимъ ниже, гдѣ будетъ говорено о домашнихъ животныхъ.

Но ежегодная добыча начала быстро уменьшаться; Компанія не могла не понять очевидной выгоды бережливой эксплуатаціи сокровища доставшихся ей мѣстностей и приняла соотвѣтствующія мѣры. Повидимому стали опасаться, что этотъ важный источникъ дохода изсякнетъ; въ тоже самое время однакоже продолжали по прежнему, да вѣроятно и доселѣ продолжаютъ истреблять моржей [2]). Убивали до четырехъ тысячъ молодыхъ самцовъ этого животнаго, когда они, будучи вѣроятно гонимы старыми самцами, появлялись вмѣстѣ съ полярнымъ льдомъ. Раскалывали челюсти ихъ, изъ-за клыковъ, но не пользовались ни мясомъ ихъ, ни жиромъ, ни кожей; первая полая вода опять уносила брошенныя тѣла въ море и смывала всякіе слѣды кроваваго истребленія. На слѣдующій

---

[1]) Baer und Helmersen, Beitr. zur Kenntniss des Russ. Reichs I, p. 35 и далѣе.

[2]) Тамъ-же, стр. 53.

годъ сѣверъ высылалъ новыя жертвы на закалываніе. Впрочемъ, уже въ 1849 году слышны были жалобы, что моржи почти перестали собираться у полуострова Аляски [1]).

Не забудемъ, что въ прежніе годы, которые были несравнено богаче морскими бобрами, съ одного Кадьяка отправлялось на ловлю до 500 лодокъ [2]) и что эти экспедиціи простирались почти на 3000 морскихъ миль. Принявъ за тѣмъ въ соображеніе необыкновенную ловкость туземцевъ, превосходныя ихъ лодки, и чрезвычайно искусные способы ловли, на развитіе которыхъ безъ сомнѣнія потребовались многія столѣтія, мы ясно поймемъ, что̀ должно было статься съ морскою коровою Стеллера еще за долго до появленія Русскихъ въ этихъ моряхъ. Чтобы покончить этотъ вопросъ, мы нѣсколько остановимся на тѣхъ главныхъ моментахъ, которые теперь ясно выдаются въ отношеніи морской коровы.

Морская корова Стеллера вовсе не была полярнымъ животнымъ, напр. сотоварищемъ моржа, какъ сначала можно было думать, а была «Берингово-бореальнымъ» животнымъ, въ смыслѣ нижеслѣдующихъ подраздѣленій, т. е. бореальнымъ животнымъ, встрѣчающимся на обоихъ — азіятскомъ и американскомъ — берегахъ самой сѣверной части Великаго Океана. Уже пятьнадцать лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе тщательныхъ изслѣдованій о географическомъ распространеніи моллюсковъ въ этой части Океана, мною предложено было назвать самыя сѣверныя части Великаго Океана «Беринговымъ рукавомъ», а самыя сѣверныя части Атлантическаго Океана «Атлантическимъ рукавомъ» Полярнаго моря. Названія эти тѣмъ необходимѣе, чѣмъ вѣроятнѣе становится предположеніе, что морская корова — это истребленное человѣкомъ Берингово-бореальное животное — оказывается вполнѣ соотвѣтствующимъ противнемъ Атлантическо-бореальнаго «Geirvogel» (*Alca impennis*), также истребленнаго человѣкомъ. По превосходнымъ изслѣдованіямъ Стэнструпа, птица эта нѣкогда также водилась на обоихъ бореальныхъ берегахъ Атлантическаго рукава [3]), сначала также была истреблена въ южной части области ея распространенія и должна была ограничиться мало-доступными островными утесами, пока наконецъ осталось лишь нѣсколько животныхъ этого вида, также на самомъ крайнемъ сѣверномъ пунктѣ своего распространенія. Относительно «Geirvogel» все еще утѣшаютъ себя отчаянною надеждою, что можетъ быть и теперь нѣсколько экземпляровъ его живетъ на недоступныхъ утесахъ Исландскихъ скеръ. Въ отношеніи морской коровы мы положительно лишены этой надежды. Какъ о морской коровѣ, такъ и о птицѣ «Geirvogel» можно сказать, что почва, на которой онѣ встрѣчались, отчасти была чисто вулканическая, и что какъ

---

[1]) Отчетъ Россійской Американской Компаніи за 1849 годъ, стр. 22, и за 1851 годъ, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 35. Они выѣзжали въ море, миль на 6, и становились тамъ въ одну линію, часто на разстояніи 250 саж. одинъ отъ другаго, такъ что уже 20—25 лодокъ командовали мѣстностью на протяженіи $1^1/_2$ геогр. миль. Всякое животное, которое выказывалось изъ воды, тотчасъ же окружали со всѣхъ сторонъ, и преслѣдовали; оно все чаще и чаще должно было выплывать на поверхность воды, чтобы вдохнуть съ себя свѣжій воздухъ, и наконецъ дѣлалось жертвою преслѣдователей.

[3]) Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb. VI, 1863, p. 572. Еще въ 1838 году, говорятъ, убита была *Alca impennis* близъ Фредрикстадта въ Норвегіи (Wallengrén въ Naumannia, 1855, стр. 134).

тутъ, такъ и тамъ, естественныя бѣдствія дѣйствовали за одно съ истребленіемъ отъ руки человѣческой. Относительно котика на Беринговомъ и Курильскихъ островахъ это можно доказать документально [1]).

Что касается до морской коровы, то въ подтвержденіе значительнѣйшаго прежняго ея распространенія вѣроятно нельзя будетъ собрать такія неопровержимыя данныя, какія удалось собрать Стэнструпу въ отношеніи «Geirvogel», тѣмъ болѣе, что въ Берингово-бореальномъ краѣ у насъ нѣтъ пока столь убѣдительныхъ «кухонныхъ остатковъ», которые все-таки одни только могутъ рѣшить вопросъ. Морская корова несомнѣнно водилась лишь тамъ, гдѣ встрѣчаются роскошныя водоросли, а потому мы положительно вправѣ сказать, что это было — пелагическое животное и что прежнее ея распространеніе почти должно было совпадать съ распространеніемъ морскаго бобра.

Что касается до обстоятельствъ ея истребленія, то изъ показаній Стеллера ясно видно, что съ морскою коровою погибло такое животное, которое, безъ всякихъ почти усилій со стороны человѣка, было какъ-то необыкновенно способно сдѣлаться превосходнымъ домашнимъ животнымъ. Питаясь растеніями, она была прикована къ извѣстнымъ мѣстностямъ и непосредственному прибрежью, и притомъ не имѣла ни малѣйшей склонности переходить въ другія мѣста. Кромѣ того въ морской коровѣ въ сильной степени развито было главное условіе хорошаго домашняго животнаго — потребность жить стадами, члены которыхъ были очень привязаны другъ къ другу, спѣшили одинъ другому на помощь и даже, по убіеніи кого-либо изъ нихъ, не скоро покидали убитаго. При такихъ свойствахъ морская корова испоконъ конечно болѣе другихъ должна была подвергнуться истребленію наипростѣйшими туземцами, потому что это было громадное, чрезвычайно вкусное, нисколько нетрусливое и совершенно беззащитное животное. Ей противупоставлялъ Стеллеръ сивучей, о которыхъ отзывался такимъ образомъ: «въ Маѣ наконецъ-то и они стали часто являться, но никто охотно не рѣшался убивать этихъ страшныхъ животныхъ».

Не говоря уже о томъ, что морская корова питалась растеніями и не принадлежала къ странствующимъ животнымъ, мы должны замѣтить, что обстоятельства прежняго ея преслѣдованія и окончательнаго истребленія безъ сомнѣнія чрезвычайно сходны съ изгнаніемъ и истребленіемъ котиковъ, которые теперь, какъ нѣкогда морская корова, встрѣчаются почти только на двухъ недоступныхъ островахъ, на крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ ихъ распространенія. Если бы захотѣли продолжать прежній, невознаградимо-расточительный способъ ловли, то въ теченіи какихъ нибудь двухъ десятковъ лѣтъ не стало бы и котиковъ. Въ одномъ подлинномъ донесеніи даже прямо сказано, что если бы морскіе

---

[1]) Изъ Отчета Росс. Америк. Комп. за 1849 годъ, стр. 23, мы узнаемъ, что въ 1849 году 16-го Октября на Мѣдномъ и Беринговомъ островахъ было сильное землетрясеніе, отъ котораго на Мѣдномъ островѣ обрушилась скалистая стѣна и засыпано или, какъ выражается Отчетъ, «задавлено» было лежбище котиковъ. Девять лѣтъ спустя (Отчетъ за 1858 г., стр. 77) сообщаютъ, что вслѣдствіе землетрясеній и вулканическихъ изверженій пепла сивучи и котики покинули островъ Урупъ.

бобры были привязаны къ мѣсту своего рожденія въ такой-же степени, какъ котики, и подобно послѣднимъ собирались въ нѣсколькихъ только мѣстахъ, то они уже давно были бы совершенно истреблены [1]).

Нельзя, мнѣ кажется, сомнѣваться въ томъ, что животныя, явно истребленныя человѣкомъ, какъ напр. морская корова, «Geirvogel», дронтъ и т. д., преимущественно способны были сдѣлаться домашними животными и потому-то именно такъ быстро сдѣлались добычею человѣческой алчности. Подобно дикому хищному звѣрю, человѣкъ самъ лишилъ себя лучшихъ своихъ подданныхъ. Уже лѣтъ 10 тому назадъ [2]) я старался обратить вниманіе на вопросъ, не должно ли это служить намъ урокомъ впредь разумнѣе эксплуатировать и не столь близкихъ намъ животныхъ, какъ напр. кита. Послѣ истребленія морской коровы Колюшамъ осталось одно только средство извлекать пользу изъ огромныхъ водорослей, растущихъ на ихъ берегахъ: они превращаютъ ихъ уже не въ мясо морской коровы, а въ крахмалъ, потому что принялись за разведеніе картофеля и съ необыкновеннымъ успѣхомъ удобряютъ его посредствомъ морскихъ водорослей. Если же и впредь станутъ истреблять китовъ такъ усердно, какъ теперь [3]), то человѣкъ не будетъ имѣть возможности извлекать такую-же пользу, какъ доселѣ, изъ безчисленныхъ, небольшихъ, наполняющихъ полярныя воды, моллюсковъ и раковъ, которыхъ китъ переработываетъ въ жиръ.

Что касается истребленія материковыхъ животныхъ Сибири, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ изъ нихъ, на которые наибольшій спросъ, съ каждымъ годомъ уменьшаются даже въ неизмѣримыхъ и столь бѣдно-населенныхъ пустыняхъ Сибири, и что предѣлы ихъ распространенія съ года на годъ все болѣе и болѣе съуживаются. Довольно

---

[1]) Отчетъ Росс. Америк. Комп. за 1842 годъ, стр. 53.

[2]) Compte rendu de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb., 1855. Discours de M. l'Acad. Middendorff.

[3]) Если бы уже въ прошломъ столѣтіи удалось осуществить мысль нашей Академіи Наукъ, то теперь, можетъ быть, мы лишены бы были возможности получить ясное понятіе о той безграничной страсти къ истребленію, съ какою человѣкъ уничтожилъ сокровища, накопленныя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Въ сочиненіи «Das veränderte Russland» (1744, III, p. 78) говорится: «Академія изыскивала средства и пути для надежнаго проѣзда къ открытой Голландцами въ началѣ 16-го столѣтія Новой Землѣ, съ тѣмъ чтобы при помощи такого сообщенія извлечь для государства большую пользу изъ китовой ловли, ради которой баронъ Шафировъ посланъ былъ въ Архангельскъ; уже получено было свѣдѣніе, что чѣмъ дальше подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ больше становятся такія рыбы, и что на берегу Великой Тартаріи, которая по всей вѣроятности прилегаетъ къ Новой Землѣ, большая часть китовъ бываетъ въ 100—120 футовъ длины, имѣетъ желтый жиръ, лучше котораго нѣтъ, и притомъ встрѣчается здѣсь гораздо чаще, чѣмъ у Норвегіи».

Едва только, сто лѣтъ спустя, я успѣлъ донести, что дѣйствительно на берегахъ «Великой Тартаріи», т. е. въ Охотскомъ морѣ, водится безчисленное множество китовъ, какъ Сѣвероамериканское правительство уже сочло нужнымъ поддержать въ особенности китовую ловлю въ Охотскомъ морѣ. Съ каждымъ годомъ число китолововъ увеличивалось и спустя лишь пять лѣтъ послѣ моего пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ, въ 1849 и 1850 годахъ, собиралось уже не менѣе 250 трехмачтовыхъ кораблей для китовой ловли въ Охотскомъ морѣ (Журн. Министерства Внутр. Дѣлъ за 1853 годъ, стр. 243 и Отчетъ Генералъ-Губернатора Восточной Сибири за 1850 годъ). Каждый изъ этихъ кораблей вмѣщалъ въ себѣ не менѣе 500 тоннъ и всѣ они вели свои дѣла прекрасно. По словамъ Петермана, ежегодный доходъ простирался до 8 милліоновъ долларовъ. Въ заключеніе считаю нелишнимъ указать еще на весьма точныя извѣстія, найденныя мною въ брошюрѣ: Тридцать третье присужденіе учр. Демидовымъ наградъ, 26-го Іюня 1861 года, стр. 61 и слѣд.

трудно впрочемъ опредѣлить размѣръ этого уменьшенія, которое вслѣдствіе отрывочныхъ и слишкомъ неопредѣленныхъ свѣдѣній, равно какъ и вслѣдствіе постоянныхъ колебаній, связанныхъ съ подобнымъ уменьшеніемъ, бросается въ глаза лишь по временамъ, чрезъ довольно продолжительные промежутки. По этому-то не только поверхностные наблюдатели, но даже и тамошніе охотники, не рѣдко принимаютъ мѣстное истребленіе животныхъ за удаленіе ихъ въ болѣе надежныя части пустыни. И въ Европѣ также неоднократно составляли себѣ объ этомъ ложное мнѣніе [1]). Въ Сибири очень часто приходится слышать выраженіе; «звѣрь [2]) откочнулся»; въ оффиціальныхъ бумагахъ нерѣдко на этомъ основано требованіе кочевыхъ племенъ Россіи дозволить имъ пойти вслѣдъ за звѣремъ, т. е. другими словами, безъ дальнѣйшаго вторгнуться въ нѣкоторыя китайскія области, богатыя дичью и мѣхомъ. Между переходами и переселеніями животныхъ, о которыхъ будетъ говорено ниже, и подобными выраженіями большею частію нѣтъ ничего общаго.

Укажемъ тутъ лишь нѣсколько болѣе замѣтныхъ случаевъ уменьшенія нѣкоторыхъ животныхъ, желая побудить чиновниковъ, сборщиковъ податей и т. п. къ болѣе тщательному собиранію относящихся сюда извѣстій.

Чѣмъ ограниченнѣе область распространенія животнаго, чѣмъ оно больше, довѣрчивѣе и глупѣе, тѣмъ болѣе на него охотятся, тѣмъ легче оно дѣлается жертвою преслѣдованій.

Въ Европѣ нерѣдко въ гористыхъ мѣстностяхъ цѣлые десятки и даже сотни лѣтъ сряду укрываются такіе хищные звѣри, которые давно уже истреблены въ прилегающихъ низменностяхъ. При всемъ томъ отличнѣйшія альпійскія животныя, въ особенности такъ называемыя хребетныя животныя (Grat-Thiere) горныхъ жителей, водящіяся на суровыхъ вершинахъ, гдѣ уже нѣтъ никакой древесной растительности, все-таки, не смотря на недоступность своего пребыванія, принадлежатъ къ числу тѣхъ животныхъ, которыя также очень скоро подвергаются истребленію. Это происходитъ оттого, что предѣлы ихъ распространенія слишкомъ ограничены, мѣсто пребыванія ихъ слишкомъ открыто. У насъ есть множество точныхъ извѣстій о томъ, какъ въ Европѣ козерогу шагъ за шагомъ пришлось отступать передъ человѣкомъ, какъ съ боковыхъ цѣпей европейскаго центральнаго хребта онъ былъ оттѣсненъ на Альпійскій хребетъ и какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему даже кое-какъ удалось уцѣлѣть только благодаря особому покровительству, котораго онъ удостоился. Сернъ и каменныхъ барановъ ожидаетъ такая-же участь.

---

[1]) Такъ напр. въ Magazin für die Literatur des Auslandes, 1857, p. 195, на основаніи русскихъ извѣстій, говорится: «мнѣніе объ уменьшеніи числа пушныхъ животныхъ въ Сибири, совершенно неосновательно; они только удаляются въ другія мѣста». Ср. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1856 годъ, XVI, стр. 11 и Семивскаго. Нов. пов. прим. стр. 83. Это впрочемъ старая сказка, потому что Беллъ (Travels, 1763, I, p. 199) уже въ 1790 году сообщалъ разсказъ, что соболь удаляется отъ дыма человѣческихъ поселеній.

[2]) Подъ словомъ звѣрь преимущественно понимаютъ главный предметъ охоты; то подъ этимъ разумѣютъ соболя, то медвѣдя или россомаху, то животныхъ, принадлежащихъ къ породѣ оленей. Отчасти такое названіе дается безъ всякой задней мысли (точно также, какъ подъ собирательнымъ именемъ «городъ» крестьянинъ обыкновенно разумѣетъ прежде всего мѣсто, гдѣ онъ сбываетъ свой товаръ), отчасти же тутъ примѣшивается и суевѣріе охотника, который не рѣшается назвать животное настоящимъ его именемъ опасаясь, что оно можетъ слышать его и по робкости, либо злобѣ, соображаться съ тѣмъ.

Мною доказано было [1]), что на Становомъ хребтѣ водится не аргали, какъ думалъ Палласъ и какъ по видимому это подтверждалъ Эрманъ, а такъ называемая горная овца (*Aegoc.* (*Ovis*) *montanus* Desm.), главное мѣстопребываніе которой находится въ Камчаткѣ и на горахъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки, слѣдовательно на обоихъ берегахъ Берингова пролива. Въ Удскомъ Острогѣ я нашелъ крайній южный предѣлъ распространенія этой овцы. Оттуда на западъ, на всемъ водораздѣльномъ хребтѣ, не жило дикой овцы; лишь въ Забайкальѣ водился другой, бо́льшій видъ сибирской дикой овцы — аргали. Еще при Паллассѣ (1772) она встрѣчалась тамъ часто на Одончалонскомъ хребтѣ. Съ тѣхъ поръ число ея уменьшилось, а снѣжная зима 1831 года окончательно истребила въ Даурiи послѣдніе остатки этой дикой овцы, такъ что теперь ближайшее мѣсто пребыванія ея слѣдуетъ искать на 20 геогр. миль къ юго-востоку. Радде [2]), которому мы обязаны этими свѣдѣніями, говоритъ слѣдующее: «Почти совер«шенное истребленіе такого большаго и сильнаго животнаго, какъ аргали, вслѣдствіе «этой (очень холодной и снѣжной) зимы, представляетъ интересное доказательство, что и «теперь еще, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ человѣкъ совершенно «безвиненъ, могутъ вымереть даже породы большихъ животныхъ, по крайней мѣрѣ «мѣстами». На это мы должны сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ самъ Радде указываетъ, гдѣ и когда застрѣлены были послѣднія 6 животныхъ, слѣдовательно совершенно безвиннымъ человѣкъ тутъ все-таки не могъ быть. Напротивъ того, мы вправѣ предположить съ большою достовѣрностью, что и остальныя уже прежде были убиты, или пойманы и что снѣгъ да истощеніе животныхъ только облегчили охоту на нихъ; подобнымъ-же образомъ я самъ уже выше [3]) упомянулъ о томъ, что на Алданскомъ хребтѣ два брата Тунгуса въ самое непродолжительное время убили 600 сѣверныхъ оленей, нисколько не думая и не имѣя даже возможности извлечь какую-нибудь пользу изъ ихъ мяса. Глубокій снѣгъ, покрытый стекловидною, разсѣкающею ноги корою, черезъ которую животныя проваливаются, вездѣ сопровождался такими-же послѣдствіями для бо́льшихъ животныхъ. Во-вторыхъ, независимо отъ этой причины, бо́льшія животныя всегда первыя подвергаются истребленію, какъ мы уже на это обратили вниманіе въ началѣ настоящей главы.

Во всякомъ случаѣ фактъ, который сообщаетъ Радде, тѣмъ замѣчательнѣе, что кромѣ аргали и сосѣди ея, зобатая серна (*Ant. gutturosa*) и дикій оселъ джиггетай, также вытѣснены изъ прежнихъ своихъ пастбищъ и врядъ-ли когда нибудь возвратятся туда. Они отступаютъ очевидно предъ усиливающимся вліяніемъ чѣловѣка. Вмѣстѣ съ аргали совершенно исчезъ и спутникъ дикихъ овецъ и каменныхъ барановъ, бородастый ягнятникъ (*Gypaëtos barbatus*), который прежде нерѣдко встрѣчался въ Забайкальи. За крылья его

---

[1]) Sibirische Reise (нѣм. изд.), Bd. II, Th. 2. Wirbelthiere, p. 116.

[2]) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, I, Säugethierfauna, p. 229, 242 и Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, Bd. 23, p. 434.

[3]) Стр. 1-ая, примѣч. 3-е.

дѣйствительно платили большія деньги [1]). Все-таки дѣло опять зависитъ оттого, какъ велика премія, которую торговля назначаетъ за преслѣдованіе извѣстнаго животнаго.

Чрезвычайно интересно было бы прослѣдить исторію истребленія бобра, для которой существуютъ нѣкоторыя данныя какъ въ отношеніи Европейской Россіи, такъ и въ отношеніи Сибири.

Выше (стр. 9) мы обратили вниманіе на то, что по всей вѣроятности сѣверо-американскій бобръ въ видовомъ отношеніи совпадаетъ съ европейскимъ. Въ особенности замѣчателенъ ископаемый, такъ называемый торфяной бобръ, т. е. тотъ, который нѣкогда водился въ сѣверной и средней Европѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ его съ тѣхъ поръ очевидно истребили и теперь тщетно ищутъ живаго: черепъ и части скелета этого бобра повидимому преимущественно сходны съ тѣми-же частями костей сѣверо-американскаго бобра [2]). Въ то время въ Европѣ бобры находились въ такомъ-же положеніи, въ какомъ они еще и теперь находятся въ сѣверной Америкѣ: они достигали бо́льшаго числа лѣтъ, жили совокупно, сооружали себѣ общія, искусныя постройки и т. д. Съ одинаковымъ образомъ жизни связано было и однообразіе ихъ формъ.

Теперешнее быстрое уменьшеніе бобровъ въ сѣверной Америкѣ представляетъ намъ образчикъ того, что происходило въ Европѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Изъ вырытыхъ доселѣ остатковъ можно вывести несомнѣнное заключеніе, что въ древности бобръ вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ простирался до крайняго южнаго предѣла средней Европы; кромѣ того у насъ есть нѣсколько историческихъ извѣстій о томъ, что нѣкогда онъ доходилъ до Испаніи и по крайней мѣрѣ до средней Италіи [3]). Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что въ сѣверной Америкѣ и теперь еще онъ простирается почти на 10 градусовъ широты южнѣе, т. е. до 33° с. ш. [4]). Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе историческихъ данныхъ, мы замѣтимъ только, что на тогдашнихъ южныхъ предѣлахъ своего распространенія, на Альпахъ, бобръ едва-ли уцѣлѣлъ до нашего столѣтія, а окончательно истребленъ тамъ на мѣстѣ [5]). При всемъ томъ, говорятъ, онъ еще до сихъ поръ водится къ востоку и къ югу оттуда, и въ Ронѣ даже сооружаетъ еще значительныя

---

[1]) За бородастаго ягнятника платили, говорятъ, отъ 30 до 50 руб. сер. (Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. 23, p. 467, со словъ Радде). Объ истребленіи антилопы ср. Путешествіе Радде и Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 370.

[2]) О торфяномъ бобрѣ въ Россіи см. Bulletin des Natural. de Moscou 1848, II, p. 541. Съ этими торфяными бобрами случилось тоже, что съ медвѣдями, оленями и т. д., въ древнее время. Подобно сибирскимъ медвѣдямъ (какъ это мною доказано и потомъ подтверждено Шренкомъ), они достигали бо́льшаго числа лѣтъ чѣмъ европейскіе бобры, и отъ этого-то происходитъ часть разницы въ строеніи скелета. Точно также меня увѣряетъ генералъ Кесслеръ, что хотя на Кавказѣ онъ и вилѣлъ много оленьихъ роговъ, но не встрѣчалъ между ними ничего подобнаго 66-ти конечнымъ рогамъ въ Морицбургѣ. При всемъ томъ оленьи рога, которые встрѣчаются на Кавказѣ и на Алтаѣ, значительно превосходятъ рога теперешняго европейскаго оленя. Покровительство, которымъ пользовались эти животныя вслѣдствіе ухода за ними, нѣкогда содѣйствовало также ихъ росту.

[3]) Ср. Брандта въ Mémoires de l'Acad. Impériale des Sc. de St.-Pétersbourg, VI série, Scienc. natur. T. VII, 1855, p. 92 и слѣд.

[4]) Petermann, Mittheilungen, 1855, p. 121. На рѣкѣ Гилѣ и сѣверныхъ ея притокахъ.

[5]) Tschudi, Die Alpenwelt, 1861, p. 119.

семейныя постройки [1]). Къ востоку, вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ, онъ удержался на южномъ своемъ предѣлѣ, на Дунаѣ, а именно въ южныхъ притокахъ этой рѣки [2]).

На равнинахъ же средней Европы, гдѣ до 16-го вѣка бобръ служилъ любимымъ постнымъ блюдомъ, онъ совершенно истребленъ, за исключеніемъ двухъ искуственно поддерживаемыхъ колоній близъ Вѣны и Магдебурга. Истребленіе это подвигалось съ запада на востокъ и началось, какъ извѣстно, съ Великобританскихъ острововъ.

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ бобровъ чаще всего въ пустыняхъ прежняго полярнаго предѣла ихъ распространенія, равно какъ и на восточной половинѣ прежняго ихъ мѣстопребыванія.

Теперь, когда въ Даніи, гдѣ нѣкогда было много бобровъ [3]), животныя эти истреблены уже за нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда и на Скандинавскомъ полуостровѣ ихъ уничтожили вплоть до полярнаго круга, — они успѣли сохраниться лишь въ лежащихъ за нимъ пустыняхъ Финмарковъ и Лапландіи [4]). Отъ этой западной части полярнаго предѣла жалкіе остатки бобра тянутся вдоль рѣчныхъ областей Ледовитаго океана въ область Оби и Таза [5]); но къ востоку оттуда, въ областяхъ большихъ главныхъ рѣкъ Сибири нельзя указать слѣдовъ существованія бобра, ни въ настоящее ни въ прежнее время.

Несравненно точнѣе можно изслѣдовать постепенное истребленіе бобра подъ менѣе сѣверными широтами на западныхъ предѣлахъ Сибири.

Изъ Мекленбурга и Померанін бобръ вытѣсненъ уже въ прошломъ столѣтіи [6]); въ

---

[1]) Cabanis, Journal für Ornithologie, 1856, p. 209. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теченіе быстро и обращено къ берегу. Въ Камаргѣ, говорятъ, и теперь еще встрѣчаютъ сооруженія въ два яруса.

[2]) Gelehrte Anzeigen der kön. Bayer. Acad. der Wissenschaften, 1846, № 81, гдѣ сообщены чрезвычайно точныя свѣдѣнія объ истребленіи въ Баваріи волковъ, медвѣдей, рысей и кабановъ. Ср. также Correspondenzblatt des zoologisch-mineralogischen Vereines in Regensburg, 1862, p. 49, 83 и слѣд. и Wiegman's Archiv, 1843, II, p. 8.

Въ отношеніи Бадена я считаю нелишнимъ указать на Berichte über die Verhandlungen der naturforsch. Gesellschaft zu Freiburg, I, p. 71, 113.

[3]) Ibn Foszlan, стр. 55, 56, примѣч. и стр. 208, 209. На «островѣ», говоритъ онъ, и въ странѣ Вису.

[4]) В. Бетлингкъ привезъ съ озера Ното куски ствола, на которыхъ ясно видны были слѣды бобровыхъ зубовъ. Ал. Шренкъ сообщилъ намъ также извѣстія о существованіи бобровъ въ Лапландіи, а Бэръ привезъ убитаго тамъ бобра; на озерѣ Имандрѣ я самъ охотился на бобра. Въ тоже самое время баронъ Hogguer нашелъ въ Лапландіи бобровую постройку въ три яруса (Reise nach dem nördlichen Schweden und nach Lappland, 1841, p. 196—199 и Archiv für Naturgeschichte von Wiegmann, 1842, II, p. 48), хотя тамъ животное это большею частію уже жило въ одиночку. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Лапландіи въ Стокгольмъ ежегодно среднимъ числомъ привозили 20 бобровыхъ мѣховъ (Buch, Reise durch Norwegen und Schweden, 1810, p. 268—270). — На рѣкѣ Нуорти-Іёкки, равно какъ на впадающихъ въ Ледовитое море рѣкахъ: Туломѣ, Ивдѣ и Паясѣ встрѣчаются, говорятъ, бобры (Stuckenberg, Hydrographie des Russ. Reiches, VI, p. 103 и Арханг. Губ. Вѣдом. за 1845 годъ, стр. 330).

[5]) Хотя бы теперь и казалось, что бобръ не жилъ въ области сѣверной Двины, но все-таки нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣкогда онъ тамъ существовалъ. Въ Мезенскомъ уѣздѣ онъ упоминается (Сѣверная Пчела за 1845 годъ № 232). О существованіи его въ области Печоры я ниже сообщу необходимыя свѣдѣнія.

[6]) Въ Мекленбургѣ послѣдній бобръ убитъ былъ въ 1789 году (Archiv des Vereins zu Mecklenburg, 1856, p. 73); въ Померанін онъ является предметомъ старинныхъ жалованныхъ грамотъ (Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern, 1839, I, p. 71). У Нѣмецкаго ордена онъ составлялъ коронную привилегію (Archiv für Naturgeschichte, 1841, II, p. 46).

восточной Пруссіи истребленіе его совершается въ настоящее время предъ нашими глазами. Ему предшествовало уничтоженіе огромнѣйшихъ лѣсныхъ животныхъ [1]).

Польша и Литва въ наше время еще составляютъ главное мѣстопребываніе бобровъ, хотя и въ безпредѣльныхъ болотистыхъ лѣсахъ этого края они уже быстро приближаются къ погибели. Множество мѣстечекъ и рѣкъ, которыя въ западныхъ губерніяхъ Россіи получили названіе свое отъ бобра, свидѣтельствуютъ уже о разницѣ между прежнимъ и нынѣшнимъ временемъ. Притомъ все болѣе и болѣе съуживается область ихъ распространенія, которая на югѣ еще въ настоящемъ столѣтіи обнимала Волынь и Подолію и простиралась до Херсона, а къ сѣверу шла до Остзейскаго края [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда бобры простирались вплоть до ближайшихъ окрестностей степи; даже въ настоящее время можно отыскать мѣстами слѣды ихъ около самыхъ степей [3]).

---

[1]) Буякъ сообщилъ намъ превосходное описаніе истребленія, которому подверглась краса Прусскихъ лѣсовъ. Еще въ 1612—1619 годахъ на охотахъ маркграфа Іоанна Сигизмунда убито 4935 оленей, 15 зубровъ, 112 лосей и 38 медвѣдей — животныхъ, которыя теперь тамъ уже вовсе не встрѣчаются.

Когда охота на бобра, считавшагося нѣкогда коронным̀ъ достояніемъ, предоставлена была всѣмъ и каждому, то изданный въ 1706 году королевскій указъ уже не могъ болѣе остановить окончательное истребленіе бобра. Въ 1742 году разрушены были старинныя бобровыя плотины, чтобы доставить лодкамъ свободный проходъ (Archiv fur Naturgesch. 1841, II, p. 46). Въ 1800 голу въ Пруссіи были еще двѣ бобровыя постройки (Archiv für Naturgesch., 1837, II, p. 174 и Bujack, Naturgesch. 1837, p. 64); потомъ въ 1830 году въ Ногатѣ убили бобра, котораго уже считали забѣжавшимъ туда изъ Польши. Наконецъ намъ сообщаетъ Станиславъ Констанъ (Froriep's Neue Notizen aus dem Gebiete der Natur- und Heilkunde, 1846, XXXIX, p. 248), что бобръ еще встрѣчается только въ Бугѣ и Вислѣ и держится лишь вслѣдствіе своей пугливости и ночнаго образа жизни. Въ теченіи приблизительно 20 лѣтъ тамъ убито было до 7 бобровъ (Archives des sciences physiques et naturelles, 1846, p. 434).

[2]) Эйхвальдъ (Naturh. Skizzen Lith., Volhyn. u. Podol., 1830, p. 237) упоминаетъ о трехъярусныхъ сооруженіяхъ въ браславскомъ уѣздѣ, но несправедливо отвергаетъ существованіе бобровъ въ Бѣловѣжской пущѣ Гродненской губерніи, гдѣ они еще жили въ 1846 году, когда я поѣхалъ туда охотиться на зубровъ.

[3]) Въ 17-мъ столѣтіи они не только простирались до окрестностей Смоленска (Дополненіе къ актамъ историческимъ, V, стр. 76), въ концѣ прошлаго вѣка они встрѣчались не только на Березинѣ и у Батурина въ рѣчной области Днѣпра (Güldenstädt, Reise, I, p. 394, 411), не только у рѣки Бузулука въ Самарскомъ краѣ, гдѣ козаки истребили ихъ уже въ то время (Pallas, Reise, I, p. 217), у Мияса на обоихъ скатахъ Уральскаго хребта (Pallas, Reise, II, p. 104), у Сарапула (Gmelin, Reise, I, p. 101 и Stuckenberg, Hydrographie des Russ. Reiches II, 562; V, 488, 524, 692; VI, 103, 163, 206); но и до сихъ поръ еще ихъ ловятъ по временамъ въ области Днѣпра, отъ Кіева до самой даже Херсона, напр. въ Украинѣ, какъ говоритъ Андржеіовскій (Bullet. des natural. de Moscou, 1839, p. 14); въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и Подольской (Кесслеръ, Животныя губерній Кіевскаго учебнаго округа, 1850, стр. 77) и около Херсона (Bullet. d. natur. de Moscou, 1839, p. 209). Въ мое время убитъ былъ бобръ въ Кіевской губерніи, на рѣкѣ Іерпани. Въ губерніяхъ Харьковской и Воронежской они давно уже совершенно истреблены (Чернай, О фаунѣ Харьковской губ. 1850, стр. 19 и Сѣверцовъ, Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи, 1855, стр. 16).

Что бобры нѣкогда водились въ центрѣ европейской Россіи, — при бо̀льшемъ вниманіи къ этому предмету не трудно будетъ доказать изъ старинныхъ грамотъ. Встрѣчаемъ же мы уже теперь (Финскій Вѣстникъ за 1846 годъ, № 10, и Paul Oderborn, de Russorum religione) извѣстіе, что съ 14-го до самого 17-го столѣтія бобръ водился въ губерніяхъ Московской, Тверской и Нижегородской, близъ Углича, Владиміра, Бѣлозерска, Новгорода и у Ладожскаго озера. — Для земель, населенныхъ Мордвою и Вотяками, изданы были особые указы (по словамъ Штукенберга въ 1684 году, за № 1074; въ 1685 году, за № 1111), содержавшія распоряженія относительно ловли бобровъ, которая въ то время отдана была на откупъ. Уже въ 1635 году имъ предшествовалъ указъ ловить бобровъ и рѣчныхъ выдръ не въ капканахъ, а на прежній ладъ (Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 357; Москвитянинъ за 1852 годъ, № 17, Отд. III, стр. 19). — Въ отношеніи Коврова на Клязьмѣ въ послѣдній разъ, говорятъ, упоминается въ актахъ о бобрѣ въ 16-мъ столѣтіи (Штукенбергъ по основ. Москов. Губерн. Вѣдом. 1842 г. № 18).

Есть поводъ думать, что эта область распространенія бобра, которая теперь представляетъ собою нѣчто въ родѣ острова, еще въ историческое время находилась въ непрерывной связи съ сѣвернымъ райономъ [1]). Но съ другой стороны существованіе бобра въ Подоліи и близъ Херсони показываетъ намъ, что по первоначальной природѣ своей, онъ вовсе не былъ такимъ глубоко-сѣвернымъ животнымъ, какимъ теперь является и какимъ онъ долженъ будетъ показаться впослѣдствіи, а что приблизительно 50-ый градусъ широты вѣроятно составлялъ центръ его первоначальнаго распространенія [2]). То, что случилось съ другими уже истребленными животными (мы обратили на это вниманіе на стр. 54), тоже самое постигло и бобра: какъ беззащитное животное, осужденное на совершенно опредѣленныя мѣстности, онъ былъ истребленъ въ центрѣ своего первоначальнаго мѣстопребыванія вслѣдствіе увеличенія населенія, уничтоженія лѣсовъ и воздѣлки земли и уцѣлѣлъ только въ пустыняхъ самыхъ сѣверныхъ отраслей первобытной области своего распространенія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ простирается до тѣхъ частей полярнаго круга, гдѣ только находятся такіе лѣса, которые ему необходимо нужны для его домостроительства [3]).

Въ отношеніи всего сказаннаго и распространенія бобра по всей сѣверной, а въ особенности сѣверо-западной Америкѣ, наиболѣе замѣчательно существованіе его въ Сибири, такъ какъ мы имѣли бы право предположить, что бобръ водится въ большей части Сибири. На дѣлѣ однакоже выходитъ не то.

На сѣверномъ Уралѣ, какъ на западныхъ, такъ и на восточныхъ скатахъ его, нѣкогда бобръ безъ сомнѣнія водился повсюду; слѣды связи этого существованія съ существованіемъ его на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова можно найти съ одной стороны

---

[1]) Хотя даже въ сѣверной Финляндіи, около Куопіо, я нашелъ только смутныя воспоминанія о прежнемъ существованіи тамъ бобра, но все-таки въ грамотѣ, упомянутой на стр. 73, примѣч. 3-ье, говорится, что онъ водился на Ладожскомъ озерѣ. Встрѣчался онъ и въ Кареліи (Rein, Specimen historicum de vetere Carelia, p. 45). Въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ онъ исчезъ совершенно лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1804—1805 годахъ въ Курляндіи напечатанъ былъ лѣсной уставъ, въ которомъ заключается такса на дичь и бобръ оцѣненъ въ 3 руб. 20 коп. (по словамъ Штукенберга въ «Physische Geographie Kurlands»). Фишеръ (Versuch einer Naturgeschichte Livlands, 1771, p. 59) говоритъ уже о томъ, что бобры начинаютъ рѣдко встрѣчаться, хотя они еще попадались въ Руенскомъ уѣздѣ и въ Лудѣ и весною 1724 года устроили необыкновенно высокія плотины. Собственные мои распросы привели меня къ тому заключенію, что на послѣдняго бобра въ Лифляндіи охотились около 1840 года, на рѣкѣ Аа, близъ мызы Нейгофъ. При этомъ случаѣ найдены были поваленныя имъ ивовыя деревья толщиною въ руку человѣческую. Въ слѣдующее за тѣмъ лѣто этого бобра убилъ лѣсничій мызы Ааговъ, Неппертъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, говорятъ, бобры водились еще между Феллиномъ и Пернавою, равно какъ на Огерѣ и Эвстѣ, и даже въ области рѣки Эмбахъ. Многія имѣнія и рѣки въ Лифляндіи доселѣ еще называются по имени исчезнувшаго нынѣ бобра.

[2]) Такъ какъ бобръ еще и теперь встрѣчается на Кавказѣ, и даже у Евфрата, то и тутъ опять изученіе исторіи распространенія животныхъ показываетъ, что какъ на древнемъ, такъ и на новомъ материкѣ экваторіальные предѣлы въ древности сложились гораздо соотвѣтственнѣе, нежели теперь. Въ сѣверной Америкѣ бобръ простирается до впаденія рѣки Огейо въ Миссисипи, слѣдовательно приблизительно до 37°, и даже до 33° с. ш. къ югу. Ср стр. 72.

[3]) Но этому-то въ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ на сѣверо-западномъ берегу сѣверной Америки онъ врядъли простирается до полярнаго круга; но вѣроятно встрѣчается во внутреннихъ частяхъ этого края. Подъ 63° с. ш. онъ доходитъ тамъ вплоть до прибрежья (Загоскинъ, Пѣшеходная опись, II, стр. 115, 116.

въ Карелін [1]), съ другой въ Вяткѣ [2]). Рѣчная область Печоры въ древности была богата бобрами; по преданію тамошніе бобры, въ особенности молодые (кошлоки), были даже черніе другихъ и потому вывозились черезъ Уралъ, на встрѣчу торговому потоку, въ Сибирь, для обшивки шапокъ и шубъ [3]). Прежній мой спутникъ Брантъ, который потомъ сопровождалъ Гофмана въ путешествіи на сѣверный Уралъ, увѣрялъ меня, что еще и теперь тамъ встрѣчаются бобры [4]), но не далѣе 65° с. ш.; большею частію, говорятъ, они истреблены уже въ 1847 году, но сохранились еще въ памяти лицъ, видѣвшихъ ихъ своими глазами [5]). При всемъ томъ и на сѣверномъ Уралѣ встрѣчались мѣстности, гдѣ лѣтъ 30 тому назадъ убитому бобру дивились какъ неслыханному баснословному звѣрю.

Во время открытія Сибири, въ рѣчной области Оби водилось много бобровъ вплоть до ея устьевъ; поэтому многія изъ тамошнихъ рѣчекъ названы его именемъ [6]). Еще доселѣ изъ Обдорскаго края привозятся на продажу плохіе бобровые мѣха [7]).

Къ югу отъ упомянутыхъ мѣстъ въ рѣчной области Оби, по стариннымъ извѣстіямъ, можно прослѣдить существованіе бобра близъ Тюмени [8]), въ притокахъ Иртыша [9]), въ Барабинской степи и въ озерѣ Чаны [10]), даже въ окрестностяхъ Семипалатинска [11]).

Далѣе къ востоку бобръ встрѣчался еще на правомъ берегу Енисея, отъ Саянскаго хребта внизъ до Тунгузки [12]). По-видимому не можетъ быть даже сомнѣнія, что бобры

---

[1]) Ср. стр. 74, примѣч. 1-е.

[2]) Акты Археограф. I, стр. 217. Въ нихъ сказано, что въ прежнее время бобра ловили въ рѣкѣ Ченцѣ и въ озерѣ того-же имени. По словамъ Штукенберга, Рычковъ въ продолженіи своего Дневника (1772, стр. 20) говоритъ, что еще въ 1770 году бобръ водился въ Вятской губерніи.

[3]) Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 584. Тоже самое было близъ Чердыни, Пустозерска и т. д. (тамъ-же стр. 504).

[4]) Ср также показанія Брандта въ соч. Гофмана: Der nördliche Ural und das Küstengebirge Pae-Choi, 1856, II, p. 41.

[5]) Напр. на Вышерѣ, при устьѣ Усы. И въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, гдѣ прежде было много бобровъ, они совершенно истреблены, хотя въ началѣ нынѣшняго столѣтія у деревни Вощица, въ 50-ти верстахъ отъ уѣзднаго города, встрѣчались отдѣльные бобры (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1851, XXXIV, стр. 65).

[6]) Напр. у Ирбити (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 440).

[7]) Въ то время, когда Делиль былъ въ Березовѣ, слѣдовательно въ 1740 году, не далѣе какъ въ 25 верстахъ отъ города, было еще много бобровъ. Участвовавшіе въ экспедиціи осматривали ихъ сооруженія и нашли множество выходовъ у нихъ (Записки Импер. Акад. Наукъ, 1865, VI, 2, стр. 22). Въ 1830 году Бѣляевъ нашелъ въ Березовѣ еще 50 бобровыхъ мѣховъ (Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, VII, p. 133).

Въ новѣйшихъ свѣдѣніяхъ говорится, что въ Кондинскомъ и Сургутскомъ округахъ еще и теперь встрѣчаются бобры (Записки И. Р. Геогр. Общества, 1857, кн. XII, стр. 391. Ср. также Erman, Reise um die Erde, I, p. 443). — Кастренъ (Reiseberichte und Briefe, 1845—1849, p. 192, примѣч.) говоритъ, что въ Нарымскомъ округѣ въ 1846 году бобръ почти совершенно исчезъ.

[8]) Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 304. Въ 1628 году бобръ водился близъ Тюмени.

[9]) Ср. Pallas, Reise, II, p. 104.

[10]) Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p 455.

[11]) Gmelin, Reise, I, p. 227, гдѣ даже говорится, что они встрѣчаются очень часто. Въ Тарбагатаѣ, какъ замѣтилъ Риттеръ (II, p. 418). Въ притокахъ Иртыша онъ и теперь еще встрѣчается очень часто (Акклиматизація, 1861, II, стр. 202).

[12]) Въ верхней Тунгускѣ въ 1623 году, по словамъ Мюллера (Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 120) и Палласа (Reise, III, p. 11). На Енисеѣ, подъ 62° с. ш., по моимъ распросамъ, онъ въ настоящее время попадается чрезвычайно рѣдко (ср. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, 2 стр. 115). Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи его продавали на ярмаркѣ въ Енисейскѣ (Сибирскій Вѣстникъ, II, стр. 327). Водился онъ и на Саянскомъ хребтѣ (Ritter, II, стр. 1024), гдѣ его теперь помнятъ только старики и гдѣ даже вскорѣ будутъ истреблены рѣчныя выдры (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1856, XVIII, стр. 27).

*

водились нѣкогда и при истокахъ рѣки Лены, къ востоку отъ Байкала, а можетъ быть даже въ Забайкальи [1]).

Въ послѣднее время къ первоначальному извѣстію Палласа [2]) о томъ, что бобръ жилъ и на правомъ берегу Лены, присоединилось засвидѣтельствованное путешественникомъ Вознесенскимъ показаніе Брандта [3]), что бобръ живетъ также при Охотскомъ морѣ Гижигинскѣ), на Колымѣ и Анадыри; этимъ какъ бы подтверждается непрерывность области распространенія этого животнаго до сосѣднихъ частей Американскяго прибрежья. Но для устраненія всѣхъ сомнѣній по этому предмету, все-таки еще необходимы болѣе положительныя свѣдѣнія, и вотъ почему.

Какъ Шренкъ [4]) такъ и Радде [5]) подтверждаютъ сообщенное мною извѣстіе, что въ Амурскомъ краѣ не встрѣчается бобровъ. Но такъ какъ по свѣдѣніямъ, мною собраннымъ, бобра нѣтъ и на всемъ Становомъ хребтѣ, то я опасаюсь, что показанія Вознесенскаго относятся, можетъ быть, только къ бобровымъ мѣхамъ, которые, какъ это легко можетъ статься, Чукчи при обмѣнѣ товаровъ получили отъ своихъ американскихъ одноплеменниковъ.

Трудно вообразить себѣ, чтобы бобры, если они нѣкогда водились въ низовьяхъ Енисея, въ области Лены, Колыми и т. д., могли быть совершенно истреблены уже въ настоящее время, когда эти мѣстности еще пустынны и чрезвычайно слабо заселены. Такимъ образомъ этотъ пробѣлъ въ распространеніи бобровъ остается неразрѣшенною загадкою, на которую необходимо обратить особенное вниманіе будущихъ посѣтителей тѣхъ мѣстностей. Съ своей стороны считаю нужнымъ замѣтить, что обширная область сѣверной и восточной Сибири, гдѣ не встрѣчается да и въ древности вѣроятно не было бобровъ, вполнѣ совпадаетъ съ областію распространенія ледяной почвы.

Во всякомъ случаѣ исторія прежняго распространенія бобра дастъ намъ превосходныя точки опоры для правильнаго истолкованія факта, что въ настоящее время и нѣкоторыя другія породы европейскихъ животныхъ, которыя также водятся въ Сибири, нерѣдко имѣютъ тамъ нѣсколько иныя формы, такъ что нѣкоторые изслѣдователи усомнились въ видовомъ ихъ тождествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нисколько неудивительно, что въ настоящее время обширныя мѣстности, въ которыхъ извѣстное животное не встрѣчается, разъединяютъ область его распространенія на два совершенно отдѣльныхъ мѣстопребыванія. Во многихъ случаяхъ возможно доказать, что въ древности не было такого разъединенія, что слѣдовательно и тутъ и тамъ только видоизмѣненія одного и того-же животнаго и что

---

[1]) Напр. у Баунтскаго озера, а прежде и во многихъ другихъ рѣкахъ этого края (Georgi, I, p. 161), на рѣкѣ Умелку въ Забайкальи, гдѣ они впрочемъ были истреблены уже во времена Палласа (Reise, II, p. 104 и Neue Nord. Beiträge, VII, p. 213) по словамъ Сиверса, въ 1770 году. Ср. также Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, p. 55.

[2]) Zoographia Rosso-Asiatica, I, p. 143. На Алданѣ и Маи.

[3]) Hoffmann. Der nördliche Ural, 1856, II, p. 41 въ числѣ замѣчаній о позвоночныхъ животныхъ сѣверной части европейской Россіи.

[4]) Reisen und Forschungen im Amur-Lande, I, p. 145. По этому Витсеново (1692, II, p. 7) упоминаніе бобра не можетъ имѣть никакого значенія.

[5]) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, I, p. 206.

многія животныя, которыя встрѣчаются на материкѣ какъ стараго, такъ и новаго свѣта, могутъ быть признаны бореальными. Зоологи-систематики въ послѣднее время очевидно слишкомъ одержимы страхомъ сознаться въ этомъ.

Несравненно медленнѣе совершается истребленіе небольшихъ и болѣе податливыхъ животныхъ, не связанныхъ притомъ необходимостію жить въ средиземныхъ водахъ; но при всемъ томъ и они уменьшаются такъ быстро, что области ихъ распространенія явно съуживаются. Къ поучительнѣйшимъ примѣрамъ этого рода несомнѣнно принадлежитъ сибирскій соболь, на явную убыль котораго указалъ уже Бэръ [1]), замѣтивъ, что соотвѣтственно этой убыли увеличивается количество бѣлокъ, составляющихъ главную пищу соболя. Въ послѣднее время Радде [2]), основываясь на показаніяхъ мѣхопромышленниковъ, попытался опредѣлить и даже наглядно означить на картѣ, количество соболей на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ и въ Байкальскихъ горахъ за свое время и сравнительно за 25—35 лѣтъ передъ тѣмъ. Трудъ этотъ заслуживаетъ благодарности, какъ ни груба метода его, потому что при первобытныхъ порядкахъ трудно добиться правильныхъ показаній. Свѣдѣнія, собранныя мною и Л. Шренкомъ, въ общихъ чертахъ конечно согласуются съ показаніями Радде, результаты которыхъ, по моему мнѣнію, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ словахъ: область устья Амура, отъ Буреинскаго хребта къ востоку, на береговыхъ и островныхъ хребтахъ, окаймляющихъ Татарскій проливъ, въ мое время и до 1856 года, слѣдовательно 12 лѣтъ послѣ меня, заключала въ себѣ въ половину менѣе соболей, чѣмъ всѣ удобныя соболи мѣстности этого края вообще во время перваго открытія Сибири, но при всемъ томъ содержала въ 10 и даже 15 разъ болѣе соболей, чѣмъ нынѣ содержитъ бо́льшая часть безпрепятственно эксплуатируемыхъ пустынь, доставляющихъ въ Сибири соболь на мѣховыя ярмарки.

Дѣйствительно, лишь во время перваго вторженія Русскихъ въ родину соболя, превосходному охотнику въ самомъ счастливомъ случаѣ удавалось убивать въ годъ до 100 соболей. Впрочемъ трудно сказать, сколько изъ собольихъ шкуръ, появившихся въ торговлѣ въ первое время занятія Русскими различныхъ собольихъ мѣстъ, взято было изъ такихъ запасовъ, которые накоплены были дикарями съ незапамятныхъ временъ. Вторгаясь въ Сибирь, Русскіе встрѣчали кочевыя племена, которыя не только носили собольи шубы [3]), но и употребляли собольи и бобровыя шкуры на подошвы лыжъ своихъ [4]), т. е. на такое дѣло, для котораго шкуры эти мало годились и при которомъ онѣ очень скоро портились. За желѣзный котелъ въ то время давали столько соболей, сколько ихъ въ него входило, а за ножъ платили 6 соболей [5]); да при этомъ покупатели еще смѣялись надъ легкомысліемъ продавцовъ. Еще въ 16-мъ столѣтіи, въ европейской

---

[1]) Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, Bd. VII, p. 128.

[2]) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, Bd. I, p, 32, A, p. 322 и карта № 3.

[3]) Даже рыбаки Гиляки (Müller, Sammlung Russ. Geschichte, I, 2, p. 303.)

[4]) Müller, Sammlung Russ. Gesch. VIII, p. 120 и дал.

[5]) Steller, Kamtschatka, p. 119.

Россіи, въ древней Біарміи, дикари платили за топоръ столько собольихъ шкуръ, сколько ихъ пролѣзало въ проушину его [1]).

Впрочемъ ни часто-повторявшіяся потомъ просьбы различныхъ кочевыхъ племенъ освободить ихъ отъ подати, по случаю истребленія соболя, ни податные списки не даютъ намъ возможности правильно опредѣлить постепенное уменьшеніе этого животнаго: просьбы повторялись безпрестанно, иногда же были неосновательны и не рѣдко даже дѣлались по вызову сборщиковъ податей, желавшихъ этимъ прикрыть свои плутни, а въ податныхъ спискахъ подъ названіемъ собольей подати нерѣдко исчислялись лосиныя, оленьи и т. п. шкуры [2]). Въ этомъ отношеніи поучительны показанія Остяковъ на Сымѣ, которые хотѣли увѣрить Кастрена [3]), что въ 1846 году у нихъ уже болѣе не водились соболи. Извѣстіе Кастрена [4]), что въ Нарымскомъ округѣ соболи встрѣчаются только на лѣвомъ берегу, я почти готовъ приписать подобному-же умышленно-ошибочному показанію туземцевъ.

Къ недостовѣрности нашихъ свѣдѣній присоединяется еще то затрудненіе, что рынки, на которыхъ продавались собольи шкуры, часто снабжались, да и доселѣ снабжаются ими, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. О необыкновенномъ дѣйствіи такихъ первобытныхъ легкихъ почтъ у кочевыхъ дикарей, передающихъ предметы изъ однихъ рукъ въ другія (подобно извѣстіямъ, переходящимъ изъ однихъ устъ въ другія), нельзя составить себѣ понятія тому, кто самъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ мы только съ величайшею осторожностію вправѣ говорить о бывшемъ нѣкогда распространеніи соболя въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что съ соболемъ не рѣдко смѣшивали и куницу.

Если финская подать, т. е. мѣховая дань Лапландцевъ сѣверной Скандинавіи, примыкавшая къ мѣховымъ рынкамъ («Finnkaup»), состояла не только изъ бобровыхъ, куньихъ и бѣлячьихъ шкуръ, но и изъ собольихъ мѣховъ [5]), если (особенно въ письменныхъ извѣстіяхъ 16-го вѣка) Пермскій, Югорскій и Печорскій края считались главными мѣстами добыванія, даже родиною соболя [6]), то это еще ничего не значитъ, потому что впервыхъ въ то время сибирская торговля сосредоточивалась въ этихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ и шла чрезъ самые сѣверные перевалы Уральскаго хребта, а во-вторыхъ и самые охотники добывали драгоцѣнное руно болѣе по ту, чѣмъ по сю сторону Урала, во всякомъ же случаѣ охотились на обоихъ склонахъ этого хребта [7]). Географическія свѣдѣнія о

---

1) Paul Jovius, Wahrhaftige Beschreibung, 1576.

2) Pallas, Reise III, p. 12. — Уже въ 1598 году Вогулы просили освободить ихъ отъ подати (Müller, Sammlung Russ. Gesch. VIII, p. 24), хотя въ томъ-же году изъ одного Нелымскаго округа поступило 68 сороковъ собольихъ шкуръ.

3) Reiseberichte und Briefe, 1845—1849, p. 222.— Первоначально Остяки на Кетѣ платили ясакъ по 5—6 соболей съ лука (Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 44, 106).

4) Тамъ-же, стр. 192, примѣч.

5) Weinhold, Altnordisches Leben, p. 100.

6) Павелъ Іовій (1576, стр. 6) говоритъ, что набирающіеся въ Устюгѣ мѣха поступаютъ изъ Пермскаго и Печорскаго края.

7) Еще до сихъ поръ соболи считаются добычею Зырянъ Печорскаго и Удорскаго края; но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что они добываются на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1851, XXXIV, стр. 74).

сѣверо-восточной Европѣ и о Сибири въ то время были еще такъ смутны, что дошедшими до насъ извѣстіями мы должны пользоваться лишь съ величайшею осторожностію. Старинныя свѣдѣнія, которыя мнѣ извѣстны, заставляютъ меня думать, что и въ началѣ 16-го столѣтія, когда соболь началъ играть въ западной Европѣ такую важную роль между предметами роскоши, онъ былъ распространенъ лишь нѣсколько дальше, чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ, даже немногимъ дальше теперешняго. Доходилъ ли онъ когда-нибудь до Литвы, до нашего Остзейскаго края и до сѣвера Скандинавскаго полуострова, вопросъ этотъ останется нерѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока можетъ быть въ старинныхъ актахъ отыщутся на это несомнѣнныя свидѣтельства [1]). По этому я обращаю особенное вниманіе на этотъ пробѣлъ. Зоологіи предстоитъ еще почерпнуть много поясненій изъ историческихъ документовъ.

Но соображаясь, какъ уже сказано было, съ характеромъ и образомъ жизни соболя, я полагаю, что врядъ-ли онъ до такой степени, какъ бобръ, былъ вытѣсненъ посредствомъ истребленія: уже искони будучи сибирскимъ животнымъ, онъ вѣроятно переходилъ за Уралъ лишь въ немногихъ, особенно благопріятныхъ для него, мѣстахъ, и потому мало заходилъ въ Европу. Такимъ образомъ въ теченіе историческаго періода времени первоначальная область его распространенія уменьшилась лишь незначительно [2]). Животное это только стало несравненно рѣже, и въ предѣлахъ области

---

[1]) Хотя въ Литовскомъ Статутѣ (XIII, 2) и назначена пошлина за каждаго убитаго соболя и хотя, по словамъ Штукенберга, гр. Чацкій въ связкѣ старыхъ актовъ временъ Сигизмунда I-го будто бы нашелъ свѣдѣніе о томъ, что близъ Кришына охотники однажды поймали бѣлаго соболя, но мы полагаемъ, не смѣшаны ли тутъ соболи съ куницами. Такъ точно не можетъ еще служить доказательствомъ показаніе Мюнстеровой космографіи (1598), что между разными другими животными въ Россіи водились и соболи.

Въ сочиненіи Геснера (Cünrat Gessner's Thierbuch, Zürich 1563) говорится, правда, что «въ большомъ лѣсу Leucerucca, лежащемъ въ Скандинавіи и простирающемся на 80 миль въ длину» ловятъ соболей, но за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ онъ-же говоритъ, что соболь водится «въ Скиѳской Венгерской землѣ», недалеко отъ «истока рѣки Танаиса, называемаго Daushüls-Ihure (Югрія)». Слѣдовательно необходимы ближайшія свѣдѣнія о Скандинавскомъ лѣсѣ Leucerucca. Стольже незначуще свѣдѣніе Георги (Beschreibung des Russ. Reiches, III, 7, p. 1591) — очень часто сообщающаго ошибочныя извѣстія — что соболи простирались «отъ Колы до Печоры и сѣвернаго Урала».

[2]) Самыя достовѣрныя свѣдѣнія изъ 16-го столѣтія безъ сомнѣнія сообщаетъ намъ почтенный Герберштейнъ (Moskowiter wunderbare Historien, 1567). Не могу найти у него ни одного мѣста, изъ котораго бы видно было, что соболь прежде водился гораздо дальше къ западу, нежели теперь. Напротивъ того, онъ неоднократно указываетъ на то, что соболи, которые въ тогдашнее время обращались въ торговлѣ, большею частію добывались изъ Сибири. Такъ напр. онъ говоритъ на стр. 90: «Что касается Печоры и Чухогоры (Sizuchogòra), по направленію къ Каменному поясу. . . . то у нихъ водится удивительное множество птицъ, да разныхъ замѣчательныхъ животныхъ, какъ-то: соболей, куницъ, бобровъ, горностаевъ, аспреолъ». или на стр. 92: «За этою рѣкою (Печорою). . . . Въ этомъ мѣстѣ растутъ и высокія кедровыя деревья и около нихъ находятъ черныхъ соболей». Въ другомъ мѣстѣ Герберштейнъ прямо говоритъ, что и тогда соболи встрѣчались лишь въ Печорскомъ и самомъ восточномъ Двинскомъ краѣ; напр. стр. 88: «Устюгъ. . . . Въ этомъ мѣстѣ мало собольихъ мѣховъ; если и встрѣчаются нѣкоторые, то они не хороши; но есть у нихъ другіе мѣха отъ дикихъ звѣрей, въ особенности черныхъ лисицъ; стр. 66: «Здѣсь, по сю сторону Устюжскаго и Двинскаго края, они встрѣчаются очень рѣдко, но въ Печорской области бываютъ часто и притомъ самые лучшіе». Какъ мы должны понимать это, объясняетъ стр. 182, гдѣ сказано; «Лучшими собольими мѣхами считаются такіе, у которыхъ мягкіе гладкіе волоса, съ небольшимъ сѣроватымъ отливомъ, и у которыхъ еще сохранился настоящій видъ живаго звѣря» (на стр. 66 кромѣ того говорится: «если на собольихъ мѣхахъ черные длинные и толстые волоса, то это доказываетъ, что соболь достигъ полнаго возраста....

своего распространенія, правда, совершенно исчезло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, которыя мало соотвѣтствовали его характеру. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли возможно было совершенно истребить соболя въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ему было привольно, особенно въ такихъ лѣсахъ, какими еще и въ настоящее время въ Литвѣ и въ области Двины покрыты необозримыя пространства земли. Въ этомъ отношеніи его никакъ нельзя сравнивать съ бобромъ. Небольшаго роста, гибкій, проворный, постоянно движущійся соболь вездѣ бываетъ какъ свой, среди ли расщелинъ голыхъ утесовъ или въ чащѣ зеленаго криворослаго лѣса, въ мышьихъ ли норкахъ и самыхъ узкихъ ходахъ подземныхъ, или подъ кучей деревъ, снесенныхъ горными потоками, подъ обвалившимися стволами первобытнаго лѣса, въ дуплахъ или въ воздушной сферѣ бѣлки, высоко на вѣтвяхъ хвойныхъ деревъ, переходя съ сучка на сучекъ большія лѣсныя пространства, отдыхая и скрываясь въ бѣлячьихъ и вороньихъ гнѣздахъ.

Въ однихъ лишь неудовлетворительныхъ извѣстіяхъ говорится, что кое-гдѣ соболь встрѣчается еще западнѣе тѣхъ мѣстностей, которыя и Палласъ въ свое время признавалъ за западный предѣлъ этого животнаго, т. е. земель, лежащихъ между Камой и Печорой и къ югу вдоль средняго Урала, къ запалу до Уфы [1]) Въ теченіе послѣдняго столѣтія въ этомъ отношеніи почти не было никакихъ измѣненій, чакъ что собственно истребленіе соболя едва было замѣтно [2]).

Во всякомъ случаѣ однакоже соболь сдѣлался гораздо рѣже; онъ долженъ былъ быстро уменьшаться вслѣдствіе чрезвычайно огромной премін, которую за него назначили

тогда они тѣмъ дороже»). . . . Добываются они большею частію отъ Пермяковъ и Печорцевъ, которые получаютъ ихъ также отъ другихъ отдаленныхъ народовъ, живущихъ почти у Океана».

Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. VI, p. 219) увѣряетъ также, что соболи нѣкогда встрѣчались въ Югорскомъ и Печорскомъ краѣ.

Дѣйствительно, когда-то соболь вѣроятно водился въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, но врядъ-ли встрѣчался далѣе на западъ. Хотя въ Петербурскихъ Вѣдомостяхъ (за 1840 годъ, № 79) и говорится, что въ 1833 году въ числѣ охотничьей добычи Архангельской губерніи двѣнадцать соболей доставлено Холмогорскимъ, а два Кемскимъ уѣздомъ, но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, что въ тамошнихъ лѣсахъ водится соболь. Охотники-торговцы изъ тѣхъ мѣстъ предпринимаютъ почти невѣроятно-дальнія странствованія. Столь-же неосновательно, какъ мнѣ позволяютъ судить собранныя мною свѣдѣнія, извѣстіе Гакстгаузена (Studien über Russland, I, p. 282), что и теперь еще соболь встрѣчается въ Вологодской губерніи. По моему мнѣнію они и прежде-то тамъ не водились.

Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, p. 504) говорилъ въ 1738 году: Въ старину водились соболи по сю сторону Сибири, около Чердыни и Пустозера, но ихъ переловили тамъ уже давно. Тоже самое случилось и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого мѣстами соболи до того истреблены, что нельзя найти и слѣда ихъ. Доказательствомъ этого могутъ служить Екатеринбургская область, Исетская губернія и принадлежащіе къ Тобольску слободскіе округи, Краснослободскій, Ялуторовской, Ишимскій и окрестности всѣхъ городовъ.

[1]) Pallas, Spicilegia Zoologica, p. 54 и Reise, II, p. 20, 209. Въ то время соболи встрѣчались близь Уфы рѣдко, у Благодати же еще часто.

Въ Гороблагодатскмъ горномъ округѣ теперь еще существуютъ и по-видимому столь-же нерѣдки соболи, какъ и сто лѣтъ тому назадъ (Лѣсной Журналъ за 1842 годъ).

[2]) Прежній мой спутникъ Брантъ узналъ у живущихъ при устьѣ Вышеры, и подтверждалось это свидѣтелями, что прежде существовавшіе тамъ соболи были совершенно истреблены и встрѣчаются еще только въ Печорскомъ краѣ, гдѣ и Кейзерлингъ (Reise an die Petschora, p. 410) указалъ ихъ въ предгоріяхъ Урала. Въ древнѣйшихъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ постоянно говорится, что въ Пермскомъ и Югорскомъ краѣ соболи встрѣчались рѣдко (Müller, Samml. Russ. Gesch. VI, p. 219).

прихоти человѣческой роскоши уже въ 13-мъ столѣтіи. Изъ Китая — по китайскимъ извѣстіямъ намъ придется разыскать древнѣйшія свѣдѣнія — прихоть на собольи мѣха перешла въ Европу. Уже Марко Поло [1]) говорилъ объ охотничьихъ шатрахъ Китайскаго императора: « . . . внутри они увѣшаны горностаевыми и собольими мѣхами, которые дороже всякаго другаго мѣха; если послѣдніе такъ велики, что изъ нихъ можетъ быть сшито платье, и если въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго порока, то ихъ цѣнятъ въ двѣ тысячи золотыхъ византиновъ (т. е. цехинъ или червонцевъ); если же они не совсѣмъ хороши, то за нихъ даютъ тысячу». Тоже самое подтверждаетъ и Гесперъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Уже въ 1489 году, во время Франкфуртскаго сейма, королю Римскому, Максимиліану, предлагали собольи, горностаевы и бѣлячьи мѣха [2]). Это совпадаетъ со временемъ открытія Америки и съ привозомъ оттуда огромнаго количества золота. Но исторія намъ говоритъ, что уже прежде, около 1400 года, сынъ Дмитрія Донскаго, Василій Дмитріевичъ, завладѣлъ лежавшими на Двинѣ Новгородскими землями, не только изъза «закамскаго серебра», но и ради дорогихъ мѣховъ. Съ этого времени, какъ извѣстно, открылись сѣверныя сухопутныя и водяныя сообщенія въ страну чудесъ — Сибирь — которыя съ каждымъ годомъ пріобрѣтали бо́льшую важность. Голландія и Англія пересѣкали другъ другу дорогу въ Бѣломъ морѣ. Въ 1627 году Исаакъ Масса [3]) сообщалъ слѣдующее; «благосклонный читатель, корысть и надежда на огромные барыши до сихъ поръ часто тревожили сердца людей и побуждали ихъ къ отыскиванію чужихъ земель и народовъ; въ особенности же великолѣпные мѣха и прекрасный пушный товаръ, привезенные въ этотъ край отъ Русскихъ и т. д.» Уже въ началѣ 16-го столѣтія въ Англіи эти дорогіе мѣха составляли принадлежность паряднаго платья, такъ что цѣны на нихъ были страшно высоки [4]). Изъ первыхъ же рукъ, отъ дикарей, и въ особенности на промѣнъ, ихъ можно было получать еще чрезвычайно дешево. Такимъ образомъ, пока мѣха эти, переходя изъ рукъ въ руки, доходили до Европы, наживались огромныя состоянія, и премія, назначенная какъ бы за истребленіе соболя, возвышалась все болѣе и болѣе.

---

[1]) Bürck, Die Reisen des Venez. Marco Polo, 1845, p. 319.

[2]) Hamel, Tradescant, въ Recueil des actes de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersbourg, séance tenue le 29 Déc. 1843, p. 167, 168.

[3]) G. Arthusen von Dantzige, Zwölfte Schiffarth oder kurze Beschreibung der Newen Schiffarth gegen Nord-Osten, p. 3.

[4]) Герберштейнъ (Moscow. wunderb. Histor., 1567, p. 66) говоритъ: «я слышалъ, что въ Москвѣ будто бы встрѣчались собольи мѣха, изъ которыхъ нѣкоторые продавались по 30, другіе по 20 гульденовъ». Такъ какъ онъ въ тоже время сообщаетъ, что лисьи мѣха, въ особенности черные, изъ которыхъ большею частію дѣлаются шлапы, цѣнятся очень дорого, потому-что по временамъ десятокъ продается за 10 гульденовъ, то изъ этого видно, что въ то время соболи въ сравненіи съ лисицами были еще чрезвычайно дороги.

Еще цѣлое столѣтіе позднѣе соболій мѣхъ въ Устьсысольскѣ стоилъ только 45 коп., а до 1700 года цѣнность его дошла до 60 коп., но не была выше рубля. Въ 1696 году тамъ на мѣстѣ 40 собольихъ, 6 выдровыхъ, 11 молодыхъ бобровыхъ и 7 другихъ мѣховъ проданы были за 40 рублей, а 4 собольихъ и 2 куньихъ мѣха за 3 рубля. Уже при Витсенѣ (II, p. 493) вблизи отъ сибирскихъ городовъ дѣйствительно нельзя было найти соболей. Въ настоящее время европейскій соболій мѣхъ доставляетъ охотнику около 6 руб. сер.

Чтобы имѣть возможность опредѣлить, въ какой мѣрѣ соболь постепенно сталъ и все еще продолжаетъ дѣлаться рѣже, намъ необходимо тщательно собрать всѣ относящіяся сюда извѣстія какъ прежняго, такъ и новѣйшаго времени [1]). Для наглядnаго обзора это тѣмъ

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ я сообщаю находящіеся у меня подъ рукою матеріалы для лѣтописнаго сборника, которымъ впредь будетъ засвидѣтельствовано постепенное истребленіе соболя.

Къ корыстолюбію охотниковъ въ Сибири почти повсюду присоединялись еще принудительныя мѣры, состоявшія въ томъ, что съ дикарей взимали слишкомъ высокую подать, не соображаясь съ тѣмъ, что часть мѣховъ у нихъ накопилась издавна, и что число преслѣдуемыхъ животныхъ неминуемо должно было уменьшаться. По этому-то уже вскорѣ послѣ завоеванія Сибири изданы были указы объ уменьшеніи подати собольими мѣхами. Указы эти, само собою разумѣется, начались съ западной Сибири. Такъ напр. уже въ 1598 году царь Борисъ Годуновъ долженъ былъ освободить Остяковъ отъ подати (Словцовъ, Истор. Обозр. Сибири, I, стр. 27, 161), состоявшей тогда изъ 11 соболей съ лука (Müller, Samml. Russ. Gesch. VI, p. 501). Нелымскимъ Вогуламъ уже въ то время пришлось сбавить подать съ 10—12 соболей на 7 съ каждаго лука (Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 28) и т. п. Теперь въ тѣхъ-же мѣстахъ едва ли уже можно бы было отыскать одного соболя. Такъ и Коммиссія, которая въ тридцатыхъ годахъ должна была ревизовать подати кочевыхъ племенъ, нерѣдко встрѣчала такія мѣстности, которыя прежде доставляли соболей въ казну, но гдѣ въ то время Коммиссіи уже нельзя было найти ни одного соболя. Акты этой Коммиссіи, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является Злобинъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по дѣлу о Шергинской шахтѣ, должны содержать самые важные матеріалы по части исторіи истребленія соболя.

Если тогда возможно было требовать отъ приуральскихъ мѣстностей подать въ 12 соболей съ лука (теперь даже при устьяхъ Амура это равнялось бы почти невыносимому притѣсненію), то въ то время каждый охотникъ приуральскаго края вѣроятно и убивалъ не менѣе 40—50 соболей въ годъ, что конечно совершенно ясно указываетъ на истребленіе ихъ. Въ такомъ-же родѣ извѣстія Радде (Reisen im Süden von Ost-Sibirien I, p. 29) относительно Байкальскаго края, Саянскаго хребта и области рѣки Амура свидѣтельствуютъ объ истребленіи соболей.

Я съ своей стороны могу только подтвердить показанія Радде и дополняю ихъ слѣдующими извѣстіями, заимствованными большею частію изъ дневника, веденнаго мною во время путешествія.

На Енисеѣ, особенно въ Туруханскѣ, гдѣ во время моего тамъ пребыванія ничего не хотѣли знать объ убыли рыбъ или бѣлокъ и лисицъ, очень жаловались на уменьшеніе и даже совершенное исчезновеніе соболей. Еще во 2-ой четверти нынѣшняго столѣтія, предпріимчивые поселенцы съ низовьевъ Енисея (вплоть до Дудина) переѣзжали въ рѣчную область Хатанги, на ярмарку у Есейскаго озера, куда Тунгусы привозили множество соболей. Я самъ говорилъ съ поселенцами, чрезъ руки которыхъ этимъ путемъ въ теченіи ихъ дѣятельности прошли многія сотни собольихъ шкуръ. При моемъ проѣздѣ (1842) поѣздки на Есейское озеро совсѣмъ прекратились уже 5 лѣтъ до того времени, потому что соболи были тамъ совершенно истреблены.

Въ самомъ дѣлѣ, быстрѣе всего, кажется, соболь подвергался истребленію на полярномъ предѣлѣ своемъ. Въ настоящее время и на Оби онъ уже не встрѣчается болѣе къ сѣверу отъ Куневатскаго края, а на Югани, на Сосвѣ, на Сургутѣ попадается очень рѣдко (Записки И. Р. Геогр. Общ. 1857 года, кн. XIII, стр. 391, 400, 408). На Колымѣ, говорятъ, его точно также уже въ прошломъ столѣтіи оттѣснили на югъ (Müller, Samml Russ. Gesch. III, p. 510). И Сарычевъ (Путеш. I, стр. 74) говорилъ о томъ, что въ Среднеколымскѣ, гдѣ прежде было множество соболей, число ихъ положительно уменьшается. При всемъ томъ въ 1822 году соболи еще встрѣчались къ западу отъ Лены; мѣстами забѣгали въ Зашиверскій край и на Уяндину (Индигирку), слѣдовательно уже въ чертахъ полярнаго круга (Фигуринъ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, I, стр. 222). Въ тоже самое время водились соболи и у нижней Колымы (см. тамъ-же, стр. 138, со словъ Кибера) и еще дальше къ востоку, но также въ предѣлахъ полярнаго круга. На Анюѣ было чрезвычайно много собольихъ слѣдовъ и въ рѣчной области его ежегодно добывали отъ 200 до 300 соболей.

Что касается до развѣтвленій Станового хребта, то прежде всего я долженъ замѣтить, что еще въ прошломъ столѣтіи, на сѣверномъ скатѣ этого хребта одна мѣстность въ области Лены и Олекмы называлась «богатымъ наволокомъ», потому что хорошій охотникъ могъ разсчитывать на то, что убьетъ тамъ въ годъ отъ 40 до 50 соболей (см. Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 508, а еще болѣе по Сибирск. Вѣстнику, I, стр. 6, въ исторіи плаванія Россіянъ). Судя по тому, что мы теперь тамъ видимъ, мы должны бы были принять такое извѣстіе за басню, если бы въ настоящее время на нашихъ глазахъ не происходило тоже самое въ области устья Амура. Поднимаясь изъ этой области вверхъ по горнымъ рѣкамъ и по южному скату Станового хребта, мы при-

болѣе необходимо, что столь неопредѣленныя свѣдѣнія, въ настоящемъ отрывочномъ своемъ видѣ, не въ состояніи рѣзко обозначить настоящее положеніе дѣла. Этимъ путемъ мы пріобрѣтаемъ сырой матеріалъ, который получитъ свое значеніе лишь со време-

---

ходимъ въ мѣстности, которыя постепенно становятся все бѣднѣе и бѣднѣе соболями, а между тѣмъ нѣкогда были ими столь-же богаты, какъ теперь земли у низовьевъ Амура.

Изъ всѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя я проѣхалъ во время моего путешествія, самую богатую соболями я встрѣтилъ у верхняго Тугура (Буруканъ). Припоминали со всѣми подробностями время (за 20 лѣтъ передъ тѣмъ), когда хорошій охотникъ въ благопріятную зиму могъ убить до 100 соболей. Въ мое время (1844 г.) это уже было немыслимо, и 40—50 соболей составляли верхъ счастія, а 20—30 уже считались чрезвычайно удачною охотою. Одинъ изъ вожатыхъ монхъ, который тамъ лѣтъ за 10 до того убилъ въ одинъ годъ 76 соболей, теперь уже добывалъ не болѣе 6 или 7, и никакъ не свыше 13. Но этому-то и измѣнились наволоки: мѣста, которыя до того времени преимущественно эксплуатировались и за тѣмъ обѣднѣли — вдоль текущихъ съ хребта притоковъ Силимджи, Торомъ и др. — были покинуты и замѣнены новыми мѣстностями въ китайскихъ развѣтвленіяхъ хребта, гдѣ берутъ начало Бурея, Амгунь, Сошура, Тырма и др. Тамъ-же въ 1656 году добыты и тѣ 3000 соболей, которые привезъ съ собою казакъ Степановъ.

Года за два до моего проѣзда Тунгусу выпало даже на долю неслыханное счастіе въ одинъ день убить въ Амгунскомъ краѣ 28 соболей. Это удалось ему, конечно, только потому, что онъ ѣздилъ верхомъ (на сѣверныхъ оленяхъ); пѣшкомъ же онъ не успѣлъ бы такъ скоро обойти свой участокъ.

Количество соболей дѣйствительно быстро уменьшалось, чѣмъ дальше къ западу я подвигался по южному скату Станового хребта. Въ теченіе зимы, предшествовавшей моему проѣзду, въ верховьяхъ Бысалина одинъ Тунгусъ убилъ не болѣе 7, а другой только 6 соболей. Правда, что зима была неблагопріятная, сопровождавшаяся оледенѣвшимъ снѣгомъ. Впрочемъ на Килѣ въ мое время Тунгусы насчитывали еще по 15 соболей въ годъ, которыхъ хорошій охотникъ долженъ былъ убивать при помощи собаки, да еще около 10 соболей, которыхъ онъ добывалъ самострѣлами. При всемъ томъ, по общимъ показаніямъ, тамъ, равно какъ въ верховьяхъ Олдо и Олекмы, число соболей чрезвычайно уменьшилось; они удалились изъ болѣе доступныхъ рѣчныхъ областей и водились еще только въ самыхъ крутыхъ горныхъ долинахъ. Къ западу отъ Дабукыты попадался соболь лишь исключительно, черезъ нѣсколько лѣтъ разъ; поэтому-то китайскіе Бураль-Тунгусы и не убивали соболей. Какъ эти Тунгусы, такъ и Устьстрѣлочные казаки припоминали во время моего проѣзда, что на Уричи водились соболи. Въ 1844 году ихъ уже не было тамъ; даже у истоковъ Олекмы уже лѣтъ пять не встрѣчалось ни одного соболя. И на сѣверномъ скатѣ того-же водораздѣльнаго хребта соболи подверглись совершенному истребленію скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что они (особенно соболи на Темтёнѣ) считались лучшими (ихъ цѣнили по 100 руб. ассиг.). По доброкачественности за ними слѣдовали сперва соболи съ истоковъ Дзеи (до 80 руб.), потомъ съ истоковъ Силимджи и Уды (до 60 руб.) и наконецъ, какъ самые плохіе, соболи съ Амгунскаго и Буреинскаго хребта.

Въ области истоковъ рѣки Алдана производилась богатая охота еще за 20—25 лѣтъ тому назадъ. Въ то время, четыре брата, съ которыми мнѣ привелось говорить, занимаясь охотою за отца своего, ежегодно вмѣстѣ привозили домой болѣе 200 соболей. Собольихъ слѣдовъ было тогда столько-же, сколько и заячьихъ. Другому еще за 10 лѣтъ передъ тѣмъ удалось отыскать болѣе дикую горную мѣстность, въ которой онъ при помощи собаки убилъ 30, а всего въ годъ 50 соболей. Съ тѣхъ поръ ежегодная добыча его уменьшилась до 10—15 мѣховъ. Въ непродолжительномъ времени тамъ также, какъ и въ верховьяхъ Амура, въ рѣчной области Маи и т. д., соболи будутъ окончательно истреблены. Отъ выстрѣловъ они бы еще ушли, но въ хитро-придуманныя ловушки, которыя ставитъ имъ человѣкъ, они все-таки попадаются, хотя опытъ и дѣлаетъ ихъ все болѣе и болѣе осторожными.

Кромѣ этихъ свѣдѣній, добытыхъ на самомъ мѣстѣ, я считаю весьма поучительнымъ пересмотрѣть списки мѣхамъ, которые собирались прежде и теперь еще собираются въ складочныхъ мѣстахъ. Свѣдѣнія въ родѣ напр. Витсенова (II, p. 488), что въ 1558 году ясакъ дошелъ до 18,640 соболей, или въ родѣ такихъ, какія помѣщены въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ Археографической Коммиссіи (1857, VI, стр. 1674, № 116), по которымъ видно и цыфру за цыфрой можно прослѣдить въ отношеніи каждой мѣстности, что въ 1674 году въ Москву изъ восточной Сибири поступило многимъ болѣе 8,000 ясачныхъ соболей, подобныя свѣдѣнія всегда служатъ хорошими точками опоры для сравненія съ теперешнимъ и будущимъ временемъ. Но сколько еще, сверхъ того, ушло торговыми и потаенными путями? Казацкій унтеръ-офицеръ, командовавшій прежде въ Удскомъ Острогѣ, сообщилъ мнѣ навеселѣ, что, включая собственную ловлю и подарки, онъ ежегодно добывалъ до 400 соболей. Я принялъ это за хвастовство, но меня

немъ, но безъ котораго мы не можемъ обойтись и теперь, точно также какъ намъ въ настоящее время постоянно приходится сожалѣть о томъ, что уже прежде не было обращено болѣе вниманія на собираніе такого матеріала. Можетъ быть, все-таки еще не ушло время, и потому мы убѣдительно просимъ, особенно сибирскихъ чиновниковъ, которые могутъ пользоваться извѣстіями объ этомъ предметѣ, не оставлять безъ вниманія никакихъ матеріаловъ подобнаго рода [1]).

Во всякомъ случаѣ истребленіе соболя, бывшее результатомъ историческихъ данныхъ, шло съ сѣверо-запада на юго-востокъ; уже по этому одному, а за тѣмъ конечно и вслѣдствіе юговосточной гористой природы и чрезвычайно благопріятнаго для шишконосныхъ деревьевъ климата, соболь, хотя онъ и сѣверное животное, все-таки, по словамъ Шренка, чаще всего встрѣчается на экваторіальномъ предѣлѣ своего распространенія и къ югу отъ 44-го градуса с. ш. (Усури, южная окопечность Сахалина).

Но довольно говорить о соболѣ.

Въ томъ-же самомъ родѣ, шагъ за шагомъ, слѣдовало бы прослѣдить и уничтоженіе другихъ животныхъ, пока еще не прошло удобное для этого время.

Кабаргѣ, оленю, козулѣ, сѣверному оленю, лосю, кабану на южномъ скатѣ Становаго водораздѣльнаго хребта предстоитъ почти столь-же быстрое и окончательное уничтоженіе. Въ этомъ отношеніи южный скатъ именно и будетъ поучителенъ, потому что

вскорѣ убѣдили въ истинѣ его показаній. Еще въ 1844 году чрезъ Учурскую ярмарку отправлено въ Якутскъ до 3,000, а въ 1849 году до 4,000 соболей. Правда, что это была валовая добыча всѣхъ мѣстностей, лежащихъ къ югу оттуда, на Становомъ хребтѣ. На Маѣ уже въ самое время не было соболей. Впрочемъ для нашего предмета всѣми ясачными списками нужно пользоваться съ величайшею осторожностью. Съ ясакомъ сопряжены были величайшія злоупотребленія и плутни. Весьма назидательна была бы исторія сотней разныхъ узаконеній, которыя должны были устранить злоупотребленія ясачныхъ сборщиковъ, но все-таки опять были безуспѣшны, и чѣмъ явнѣе предназначались для огражденія кочевыхъ племенъ, тѣмъ болѣе служили къ новому притѣсненію ихъ.

Ясакъ не всегда распредѣлялся равномѣрно по числу душъ кочеваго народа: такъ напр. новорожденные освобождались отъ него на 10 лѣтъ (Steller, Kamtschatka, p. 383); или онъ слагался при разныхъ случаяхъ (Steller, Kamtschatka, p. 284), напр. при восшествіи на престолъ уже въ 1601 году (Müller, Samml. Russ. Gesch. VI, p. 508), или въ Иркутской губерніи съ 150 ламъ (жрецовъ) и 79 Тунгусскихъ старшинъ (Семивскій, Новѣйш. повѣствов. 1817, стр. 197).

[1]) Желая отчасти представить образчикъ такого матеріала, мѣстами встрѣчающагося въ Сибири, отчасти же показать, что подобныя свѣдѣнія, которыя безъ сомнѣнія не очень-то точны и во всякомъ случаѣ должны приниматься за минимумъ настоящихъ цифръ, все-таки приносятъ существенную пользу, я сообщаю нижеслѣдующія таблицы, полученныя мною изъ Якутска. Во-первыхъ бросается въ глаза, что въ отношеніи къ нашему предмету десятилѣтній обзоръ, подобный этому, обнимаетъ все еще слишкомъ короткій періодъ времени, а во-вторыхъ становится яснымъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивается количество убиваемыхъ бѣлокъ, какъ это уже доказалъ Бэръ. Рядомъ съ этою прибылью идетъ еще болѣе возрастающее количество убиваемыхъ соболей. Изъ всего выше замѣченнаго оказывается, что это долженъ быть мнимый результатъ, вызванный вѣроятно какими-нибудь случайными обстоятельствами, напр. появленіемъ, можетъ быть, періода, когда соболь сильнѣе размножался вслѣдствіе такихъ годовъ, которые представляли соболямъ болѣе благопріятныя условія питанія; или это усиленіе ловли служитъ именно непосредственнымъ признакомъ, что истребленіе соболя усилилось не только вслѣдствіе усиленія преслѣдованія, но и потому что охотникамъ благопріятствовали метереологическія условія, въ особенности качество выпавшаго снѣга.

Что таблицы эти содержатъ также нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія относительно прочей дичи, въ особенности оленьей породы, это мы увидимъ ниже, гдѣ будетъ говорено о полярныхъ предѣлахъ этихъ животныхъ.

на немъ сходится множество полярныхъ и экваторіальныхъ предѣловъ распространенія пушныхъ звѣрей. Этимъ-то истребленіе не только облегчается, но въ тоже время и съужи-

---

Списокъ животныхъ, убитыхъ съ 1834 по 1844 годъ кочевниками Олекминскаго улуса.

Въ какихъ округахъ.	Какія животныя.	Въ какихъ годахъ.											Всего.
		1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	
Въ I-мъ Мейцкискомъ и Кятчинскомъ	Соболи.....	10	9	13	11	12	14	15	18	20	21	28	171
	Лисицы.....	20	25	30	28	22	30	20	17	19	16	18	245
	Бѣлки	3000	3800	4000	4500	4700	4900	5600	4400	5000	4000	3900	47800
	Медвѣди	15	19	21	16	22	24	19	14	13	16	15	194
	Лоси	4	3	5	4	5	5	6	5	4	4	5	50
	Сѣвер. олени.	5	4	7	5	6	5	5	4	5	3	4	53
	Кабарги.....	30	32	34	33	30	32	28	34	36	21	25	335
	Козули	8	7	5	10	7	15	16	4	6	4	3	85
	Хорьки	28	27	24	26	25	29	20	19	17	14	16	245
	Горностаи...	25	21	36	34	28	32	30	33	34	32	30	335
Во II-мъ Мейцкискомъ	Соболи.....	12	11	15	13	14	20	21	22	25	29	32	214
	Лисицы.....	28	22	30	25	25	40	28	25	23	24	25	295
	Бѣлки	4000	3200	4500	5000	4600	4700	5200	5300	4900	5000	5100	51500
	Медвѣди	16	18	19	17	24	26	21	16	15	18	17	207
	Лоси	4	4	5	4	5	4	3	4	6	1	5	45
	Сѣвер. олени.	5	6	6	4	3	4	5	4	5	4	4	50
	Кабарги.....	35	37	39	38	35	37	33	39	41	18	22	374
	Козули	7	6	4	8	5	10	11	4	6	4	3	68
	Хорьки	32	31	28	30	29	33	24	23	20	17	19	286
	Горностаи...	22	18	41	39	33	37	35	38	39	37	35	374
Въ I-мъ Нерюктейскомъ и Татаканскомъ.....	Соболи.....	14	12	17	11	13	16	15	18	19	30	31	196
	Лисицы.....	22	33	40	38	32	30	19	31	30	40	35	350
	Бѣлки	2500	3400	3300	3700	4400	5200	5100	5200	5400	5200	5400	48800
	Медвѣди	17	20	18	21	19	21	16	11	10	13	12	178
	Лоси	5	4	3	5	4	6	7	6	4	4	5	53
	Сѣвер. олени.	5	4	7	6	7	6	4	5	3	4	5	56
	Кабарги.	30	32	34	33	30	32	28	34	36	22	26	337
	Козули	8	7	5	10	7	10	11	6	8	4	4	80
	Хорьки	30	29	26	29	28	32	23	22	19	16	18	272
	Горностаи...	26	22	36	34	28	32	30	33	34	32	30	337
Во I-мъ Нерюктейскомъ.....	Соболи.....	15	16	19	17	11	17	18	20	20	35	32	220
	Лисицы.....	30	28	32	27	28	25	32	22	24	27	23	298
	Бѣлки	2700	3500	2900	3400	4300	4200	4800	4700	5100	5300	5600	46500
	Медвѣди	18	14	15	17	23	25	20	15	14	17	16	194
	Лоси	6	5	4	6	3	6	6	4	4	4	5	53
	Сѣвер. олени.	5	4	4	4	6	6	3	6	4	5	6	53
	Кабарги.	25	27	29	28	25	27	23	29	31	18	22	284
	Козули	7	6	4	8	5	8	9	2	4	3	3	59
	Хорьки	27	26	23	26	25	29	20	19	16	13	15	239
	Горностаи...	22	18	31	29	23	27	25	28	29	27	25	284
Въ Малжегарскомъ	Соболи.....	24	22	16	13	10	13	16	17	16	25	27	199
	Лисицы.....	50	27	28	12	33	45	21	15	21	23	22	297
	Бѣлки	2800	3100	3300	3400	5000	5800	5000	5400	5600	4500	3500	47400
	Медвѣди	14	14	22	19	27	29	24	19	18	21	20	227
	Лоси	4	6	9	5	4	4	4	5	7	4	5	57
	Сѣвер. олени.	5	4	7	5	8	4	4	5	9	6	6	63
	Кабарги.....	30	32	34	33	25	27	23	34	38	19	25	320
	Козули	5	4	2	4	1	2	3	3	4	5	5	38
	Хорьки	23	22	19	19	18	22	13	12	8	3	7	168
	Горностаи...	25	19	38	34	23	27	25	33	34	32	30	320

ваетъ область распространенія разсматриваемыхъ животныхъ [1]), отторгая другъ отъ друга такихъ, которыя прежде жили вмѣстѣ.

Обзоръ животныхъ, убитыхъ кочевниками Олекминскаго улуса съ 1834 по 1844 годъ.

Какія животныя.	На рѣкахъ		и впадающихъ въ нихъ рѣчкахъ.												Всего.
	Витимѣ.	Олекмѣ.	Мамѣ.	Чарѣ.	Токо.	Молбѣ.	Кичанавѣ.	Сенчѣ.	Тункурчѣ.	Хаѣ.	Умандѣ.	Джугджѣ.	Дириттѣ.	Тунгирѣ.	
Соболи.....	700	150	100	—	—	—	—	50	—	—	—	—	—	—	1000
Лисицы.....	200	500	30	400	100	80	40	20	15	10	20	30	25	15	1485
Бѣлки.....	10000	100000	1000	90000	6000	4000	5000	3000	4000	5000	3500	4000	4000	2500	242000
Медвѣди.....	200	600	25	50	20	10	15	10	10	15	10	15	10	10	1000
Лоси.....	40	100	90	25	25	10	10	—	—	15	10	10	10	10	275
Сѣвер. олени..	40	100	10	25	25	10	10	—	—	15	10	10	10	10	275
Кабарги.....	10	600	5	400	300	25	20	35	50	70	25	60	30	20	1650
Козули.....	—	—	—	200	65	65	—	—	—	—	—	—	—	—	330
Хорьки.....	200	400	10	150	200	40	30	50	40	25	25	20	20	—	1210
Горностаи....	10	600	5	400	300	25	20	35	50	70	25	60	30	20	1650

Между тѣмъ ежегодная добыча соболей на Саянскомъ хребтѣ, поступавшихъ въ торговлю черезъ Минусинскій уѣздъ, еще въ 1856 году, опредѣлялась въ 2.000 штукъ (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. XVIII, стр. 29).

Сходный съ вышеприведенными свѣдѣніями отчетъ по мѣстностямъ у низовьевъ Енисея недавно напечатанъ въ соч. Кривошапкина, Енисейскій Округъ, 1865, Прил. I.

Если сообщенныя здѣсь таблицы сравнить съ тѣми, которыя приложены къ сочиненію Щукина (Поѣздка въ Якутскъ, 1833) и обнимаютъ 1825—1830 годы, то уменьшеніе количества мѣховъ поразительно, въ особенности напр. если мы сообразимъ, что, какъ я уже замѣтилъ выше (стр 84), съ 1844—1849 г. съ Учурской ярмарки ежегодно поступало среднимъ числомъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ соболей, а въ 1825 году ихъ насчитывалось еще 11,000. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что съ тѣхъ поръ, какъ отъ 1825 до 1830 года количество добываемыхъ соболей, быстро уменьшаясь, почти дошло до одной четверти противу прежняго, съ тѣхъ поръ оно осталось и доселѣ еще остается почти въ томъ-же видѣ. Этотъ періодъ равновѣсія дѣйствительно, кажется, продолжается уже давно и, смотря по обстоятельствамъ, служитъ нейтральнымъ основаніемъ для медленнаго истребленія, или также для увеличенія по временамъ количества преслѣдуемыхъ животныхъ.

[1]) Въ мое время у притоковъ Амгуни, и въ области его истоковъ, уже вовсе не было кабарги. Вѣроятно ей не благопріятствовала мѣстность, потому что на Уяконѣ, Малмасинѣ, Буреи было еще множество кабарги. На Удѣ, Шевелеи, Галлламѣ, въ мое время всякій Тунгусъ въ годъ добывалъ отъ 70 до 250 штукъ. Тунгусъ, котораго я встрѣтилъ у истоковъ Бысалина, за годъ передъ тѣмъ добылъ 80 штукъ кабарги, 5 сѣверныхъ оленей и 6 лосей. На Имаканѣ три брата, жившіе вмѣстѣ, за годъ передъ тѣмъ убили и поймали 200 шт. кабарги, 30 сѣверныхъ оленей и 10 лосей. На Джёсѣ цѣлое Тунгуское семейство содержало себя въ году ловлею около 50 штукъ кабарги, отъ 15 до 20 сѣверныхъ оленей либо лосей, 5 оленей и 10 козуль. За исключеніемъ оленей и козуль тоже самое было и у Тунгусовъ на сѣверномъ скатѣ гребня водораздѣльнаго хребта. Почти вездѣ (такъ и на рѣкѣ Килѐ или Гилу̀), гдѣ не было кабарги, дикари на половину питались сѣверными оленями и лосями. Кабарга являлась въ самыхъ крутыхъ частяхъ хребта и очень часто встрѣчалась на Уяконѣ, Малмасинѣ, Буреи; но на притокахъ Амгуни ея вовсе не было. Чѣмъ площе возвышенности и чѣмъ болотистѣе онѣ, тѣмъ болѣе является лосей, а подъ болѣе южными широтами и кабановъ, какъ напр. на среднемъ теченіи Ура. Еще ранѣе кабана являются олень и козуля. На среднемъ Урѣ (Кёрякѣ) пропитаніе Тунгусовъ составляли по равнымъ частямъ лоси, олени и козули; къ нимъ присоединялось въ годъ еще отъ 5 до 7 кабановъ. По правдоподобному извѣстію объ окрестностяхъ Удскаго Острога, относящемуся къ тридцатымъ годамъ этого столѣтія, въ той мѣстности, въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ, добыто 1160 соболей, 15 рысей, 25 выдръ, 80 лисицъ, 700 бѣлокъ, 15 медвѣдей, 320 лосей, 240 сѣверныхъ оленей, 3.700 штукъ кабарги, 730 струй каб. и 26,850 рыбъ. Это былъ хорошій годъ.

Какъ сѣверный олень ловился лишь кое-когда, да и только зимою не дальше одного дня пути къ югу отъ Дабукыта, такъ и Тунгусъ, поселившійся на рѣкѣ Килѐ, въ теченіе цѣлаго года убилъ только одного оленя, но не убилъ и даже не видѣлъ ни одной козули. На Инканѣ олень или козули являлись лишь въ видѣ исключенія; въ низовьяхъ же Тырмы олени, козули и кабаны составляли главное пропитаніе Тунгусовъ.

При недостаткѣ ближайшихъ извѣстій изъ самой Сибири, въ настоящее время болѣе подробное изслѣдованіе спеціальныхъ случаевъ, когда животныя, встрѣчающіяся и въ Сибири, въ европейской Россіи уже вытѣснены изъ нѣкоторыхъ прежнихъ мѣстопребываній своихъ, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. При всемъ томъ мы считаемъ нелишнимъ мимоходомъ сообщить и здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія подобнаго рода, могущія не только расширить нашъ взглядъ на другіе еще предстоящіе тутъ вопросы, но и подготовить нѣкоторые матеріалы для тѣхъ, которые со временемъ займутся разработкою этихъ вопросовъ. Но подобныя свѣдѣнія тогда только пріобрѣтаютъ настоящее значеніе, когда вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ мы приводимъ себѣ на память исторію постепеннаго истребленія того-же самого животнаго въ западной Европѣ. Считаемъ нелишнимъ указать также на помѣщенное нами ниже ближайшее изслѣдованіе теперешнихъ предѣловъ распространенія разсматриваемыхъ животныхъ.

Начиная съ хищныхъ звѣрей, мы находимъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. дикая кошка, окончательно истреблены чрезвычайно быстро. Брандтъ [1]), Кесслеръ [2]) и наконецъ Бельке [3]), объяснили намъ, что животное это, которое прежде водилось во всей Европѣ, теперь повсюду встрѣчается рѣдко и лишь въ немногихъ экземплярахъ сохранилось вдоль западной границы Россіи, т. е. преимущественно въ Польшѣ, да въ видѣ исключенія въ Кіевской и Калужской губерніи [4]). Затѣмъ мы не вправѣ сомнѣваться, что дикая кошка въ скоромъ времени будетъ окончательно истреблена. Главное племя ея, живущее въ Кавказскомъ краѣ и къ югу отъ него, уже совершенно отдѣлено отъ второй области ея распространенія, обнимающей Трансильванію и Польшу. Наконецъ она еще встрѣчается по одиначкѣ, урывчато, на крайнемъ западѣ, въ Шотландіи и Ирландіи. Желая отдать себѣ отчетъ въ томъ, почему именно дикая кошка повсюду такъ быстро подверглась уничтоженію, мы никакъ не вправѣ удовольствоваться однимъ только предположеніемъ, что прорубленные нынѣ и расчищенные лѣса уже не были болѣе въ состояніи оградить ее отъ жестокихъ преслѣдованій. Будь это единственная причина, — рысь, также хищное животное, которое больше кошки и безъ сомнѣнія преслѣдуется столь-же явно, при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ не могла бы удержаться гораздо долѣе [5]). Я полагаю, что дикая кошка подверглась двоякаго рода невыгодамъ. Во-первыхъ привычка ея сейчасъ-же взлѣзать на дерево и ядовитымъ шипѣніемъ выдавать самое себя, да притомъ не убѣгать оттуда съ сучка на сучокъ, какъ это дѣлаетъ куница, а сопротивляться на томъ-же мѣстѣ, эта привычка, говорю я, которая могла бы оградить дикую кошку отъ другихъ враждебныхъ животныхъ, должна именно совершенно губить ее при борьбѣ

---

[1]) Bullet. physico-mathémat. de l'Acad. des Sc. de St.-Pétersbourg, 1853, XI, p. 334.

[2]) Вѣстникъ естественныхъ наукъ, 1856, № 15 и Bullet. des Natur. de Moscou, 1858, p. 569.

[3]) Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1857, XXX, p. 458.

[4]) Въ высокоствольномъ лѣсу Калужской губерніи; ср. Allgem. Deutsche Naturhistorische Zeitung, 1857, III, p. 458.

[5]) Рысь, какъ и прежде (Дополненіе къ актамъ историческимъ, V, p. 76), встрѣчается теперь еще въ лѣсахъ Смоленской и Кіевской губ., равно какъ и въ Лифляндіи даже тамъ, гдѣ лоси и медвѣди давно уже истреблены.

съ человѣкомъ. Самый неопытный стрѣлокъ безъ дальнѣйшихъ хлопотъ убиваетъ ее тутъ-же на деревѣ. Рысь, напротивъ того, бѣжитъ, пока только есть возможность, а взобравшись на дерево, сидитъ на немъ совершенно спокойно. Во-вторыхъ дикую кошку очевидно погубило главнымъ образомъ то, что природный и закоренѣлый врагъ ея, собака, сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ человѣка, тогда какъ собака, особенно въ одиночку, рѣдко рѣшится преслѣдовать опасную ей рысь, если не подготовлена къ этому посредствомъ наслѣдственной или нарочно употребленной на нее дрессировки. Въ-третьихъ мы должны принять въ соображеніе, что въ сравненіи съ такимъ кругополярнымъ животнымъ, какова рысь, область распространенія дикой кошки уже съ самого начала была гораздо ограниченнѣе. Наконецъ мы еще должны возбудить вопросъ: не сама ли рысь также содѣйствовала истребленію дикой кошки? Было бы весьма интересно получить объ этомъ свѣдѣнія изъ такихъ мѣстностей, гдѣ еще встрѣчаются и то и другое животное. Если догадка наша справедлива, то уже это одно обстоятельство служило бы достаточною причиною къ истребленію дикой кошки, потому что рѣдко когда ей удавалось бы уйти отъ рыси.

Этотъ вопросъ родился во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я случайно напалъ на разрѣшеніе другаго вопроса, на который у меня прежде не было отвѣта, хотя я и родился и выросъ охотникомъ въ такомъ краѣ, гдѣ водятся оба животныхъ, о которыхъ я намѣренъ повести рѣчь. Неоднократно я спрашивалъ себя, что препятствуетъ размноженію лисицы въ такихъ, менѣе воздѣланныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нерѣдко человѣкъ мало преслѣдуетъ ее? тогда какъ размноженіе лисицы, этой плодовитой обитательницы поръ, должно было бы совершаться чрезвычайно быстро. Хотя мнѣ очень часто случалось видѣть, что за лисицей, которая ночью кралась за зайцемъ, шли вольчьи слѣды, но привязанность эту я всегда относилъ на счетъ зайца, пока не встрѣтилъ извѣстія [1]), что въ Скандинавіи волки самые завзятые истребители лисицъ. Если это справедливо, то въ самомъ дѣлѣ ясно, почему въ особенности тамъ, гдѣ волки еще рыщутъ цѣлыми стадами, нельзя бы было уцѣлѣть ни одной лисицѣ, которая во-время неуспѣла спастись отъ преслѣдованій этихъ страшныхъ куманьковъ.

Истребленіе тигра, безъ сомнѣнія, быстрѣе всего обнаружится на лѣвомъ берегу Амура, гдѣ доселѣ безпрепятственнымъ своимъ распространеніемъ къ сѣверу онъ обязанъ суевѣрію и плохому вооруженію туземцевъ [2]).

Но возвратимся опять къ волку. Къ удивленію моему, какъ мною уже сообщено выше [3]), отъ Енисейска вплоть до полярнаго круга во всѣхъ селеніяхъ мнѣ постоянно отвѣчали, что тамъ или вовсе нѣтъ волковъ, или что по крайней мѣрѣ они забѣгаютъ

---

[1]) Cabanis, Journal für Ornithologie, 1861, p. 64.

[2]) Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по заведеніи казацкихъ постовъ на Амурѣ, удальцы наши успѣли убить 5 тигровъ (Русскій Вѣстникъ, XLVIII, 1863, стр. 417).

[3]) См. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 70. Уже Мессершмидтъ, какъ я теперь вижу (Neue Nordische Beiträge, 1782, III, p. 138), писалъ о Нарымскомъ краѣ слѣдующее: «замѣчательно, если тутъ дѣйствительно нѣтъ волковъ; кого я ни спрашивалъ, всѣ подтверждали это».

туда чрезвычайно рѣдко, такъ что напр. въ теченіе 30 или 40 лѣтъ было не болѣе одного волка. Точно также и въ развѣтвленіяхъ Становаго хребта волки всегда принадлежали къ величайшимъ рѣдкостямъ и изъ нѣкоторыхъ частей его исчезли уже 12 лѣтъ до моего проѣзда, такъ что впродолженіе всего моего путешествія по этому хребту мнѣ ни разу не привелось видѣть волчьихъ слѣдовъ [1]). Этого я никакъ не ожидалъ послѣ того, что испыталъ въ Лифляндіи, но преемники мои Шренкъ [2]) и Радде [3]) вполнѣ подтвердили тоже самое. Почему же въ Сибири волкъ чуждался большихъ сплошныхъ лѣсовъ, тогда какъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, въ Литвѣ и Польшѣ, онъ преимущественно водится въ лѣсныхъ мѣстностяхъ? Шренкъ замѣтилъ, что это зависитъ отъ рельефнаго вида края, а Радде развилъ эту идею; оба нѣкоторымъ образомъ правы, но все-таки не угадали сущности дѣла. Волкъ, у котораго тѣло гораздо тяжелѣе, чѣмъ у лисицы, боится глубокаго лѣснаго снѣга. Вотъ почему въ Сибири можно проѣхать, подобно мнѣ, нѣсколько тысячь верстъ да не встрѣтить ни одного волчьяго слѣда, и въ сотняхъ поселеній, занимающихся скотоводствомъ, тщетно можно разспрашивать о вредѣ, который причиняютъ волки. Лисица, напротивъ того, повсюду встрѣчается очень часто. Но она безъ труда высматриваетъ и откапываетъ свою добычу въ снѣгу, особенно мышей разнаго рода, не имѣя надобности рыскать слишкомъ далеко. Волкъ же, для утоленія непомѣрнаго голода своего и братьи своей, долженъ отыскивать свою добычу вдали, долженъ преслѣдовать свою жертву, и преслѣдованіемъ пересѣкать ей путь.

Если въ Европѣ волкъ слѣдуетъ за человѣкомъ въ лѣсистыя мѣстности, то къ этому его вынуждаетъ культура страны. Въ Европѣ, гдѣ за убіеніе его назначена премія, онъ уже не въ состояніи держаться въ любимыхъ мѣстахъ своихъ, т. е. въ такихъ мѣстностяхъ, на которыхъ открытыя равнины смѣняются небольшими лазейками, а рыскаетъ по нимъ только мимоходомъ и укрывается въ сплошныхъ лѣсахъ. Выпадетъ зимою мало снѣга, онъ очень доволенъ; а лежитъ снѣгъ глубоко, волкъ преимущественно пользуется повсюду попадающимися ему уѣзженными дорогами. По этому-то его и встрѣчаешь такъ часто, по этому-то и кажется, что онъ водится въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывается [4]). Культура прокладываетъ ему необходимые пути, которыхъ въ малонаселенной Сибири онъ не находитъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ бываетъ пастъ, торный снѣгъ или гдѣ нѣтъ снѣга, въ тундрѣ или въ степи, а въ особенности въ нагорной степи [5]), или въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса вслѣдствіе земледѣлія вырублены, волкъ

---

[1]) Несмотря на то, я вижу, что въ одномъ извѣстіи, сообщенномъ лѣтъ черезъ десять послѣ моего путешествія, упоминается о волкахъ на южномъ берегу Охотскаго моря (на Торомѣ). См. Записки Сибир. Отдѣла Имп. Русс. Геогр. Общ. 1857, смѣсь, стр. 5.

[2]) Reisen und Forschungen im Amurlande, 1858, I, 1, p. 44

[3]) Reisen im Süden von Ostsibirien, 1862, I, p. 55.

[4]) Слѣдовательно въ такіе годы къ японскому волку прекрасно идетъ названіе *Can. hopophilax*, которое ему далъ Темминкъ. Шренкъ сомнѣвается въ видовой его самостоятельности (Reisen und Forschungen im Amurlande, I, p. 46).

[5]) Отсутствіе волка въ такихъ, благопріятныхъ для него, мѣстностяхъ мы въ правѣ приписать его истребленію; такъ напр., по словамъ Гюка (стр. 121), въ степи Гоби Монголы, какъ только увидятъ волка, тотчасъ-же ловятъ его, сдираютъ съ него шкуру и потомъ опять отпускаютъ его на волю. Лѣтомъ, говорятъ, онъ можетъ прожить въ такомъ видѣ еще нѣсколько дней, но зимою тотчасъ-же замерзаетъ.

и въ Сибири становится страшнымъ бѣдствіемъ. Едва только, говоритъ Шренкъ, ближе придвинулись другъ къ другу поселенія на Амурѣ, едва собрались вокругъ нихъ Тунгусы съ своими оленями, какъ появились и волки. Такимъ образомъ основою изслѣдованій о первобытномъ способѣ распространенія животныхъ въ пустыни никакъ не могутъ служить данныя, которыя мы находимъ въ нашей воздѣланной странѣ, Европѣ.

Рельефъ страны самъ по себѣ тутъ ничего не значитъ; горы и сплошныя лѣса должны быть приняты въ соображеніе лишь какъ такія мѣста, на которыхъ образуется обильный снѣгъ [1]). Въ Европѣ волкъ преимущественно держится только въ гористыхъ мѣстностяхъ, а въ Сибири лѣтомъ онъ добровольно уходитъ съ равнинъ на близлежащія горы вслѣдъ за дичью.

Въ разсматриваемомъ нами отношеніи медвѣдь составляетъ рѣшительную противуположность къ волку. Чѣмъ постояннѣе зима, чѣмъ больше снѣга въ мѣстности, тѣмъ теплѣе ложе его, тѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе безмятежный сонъ его, пока наконецъ дѣйствительно наступаетъ весна; его не выманиваютъ и не сбиваютъ съ толку временныя измѣненія погоды. Ему вредитъ не продолжительность сна, а нарушеніе его.

Такъ какъ въ берлогѣ вѣрнѣе всего можно убить медвѣдя, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ принялись за его истребленіе, даже въ Сибири, онъ почти совершенно уничтоженъ, какъ напр. въ мое время у начала рѣки Амура (Устьстрѣлочный), гдѣ впрочемъ еще хорошо помнили, что онъ водился тамъ во множествѣ [2]). Въ Европѣ вамъ не вѣрятъ, если вы разсказываете, что отъ Камчатки до низовьевъ Амура въ извѣстное время года въ одинъ день можно встрѣтить отъ 10 до 20 медвѣдей, а между тѣмъ это буквально справедливо. Въ западной Сибири можно было встрѣчать тоже самое болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда, по словамъ Мессершмидта [3]), Нарымскіе казаки въ одинъ день убили двадцать медвѣдей, а это несравненно значительнѣе, потому что число медвѣдей, которыхъ вы иногда встрѣчаете проѣздомъ (также какъ и волковъ), заставляетъ васъ предполагать, что ихъ гораздо больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ оказывается: и вы и они слѣдуютъ по тѣмъ-же самымъ тропинкамъ, протоптаннымъ преимущественно медвѣдемъ въ непроходимой глуши. Какъ странно покажется нѣкогда нашимъ потомкамъ, что еще доселѣ въ пересѣкаемыхъ желѣзными дорогами окрестностяхъ С. Петербурга, наполненнаго и своими и пріѣзжими любителями охоты, ежегодно убиваютъ отъ 30 до 40 медвѣдей [4]). Замѣните слово Петербургъ словами Берлинъ или Парижъ и вы вполнѣ поймете огромныя измѣненія въ распространеніи животныхъ, измѣненія, которыя приноситъ съ собою время. Количество этихъ животныхъ, убиваемыхъ около Петербруга, повидимому не измѣняется уже нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду; но это все еще

---

[1]) На Гималаѣ дѣйствительно нѣтъ волковъ (Schlagintweit въ Archiv für Naturgeschichte, 1862, p. 253), но за то тамъ, говорятъ, и снѣговыя массы чрезвычайно велики. Въ Тибетѣ волкъ также водится.

[2]) Въ низовьяхъ Амура, у подножья Буреинскаго хребта, слѣдовательно тамъ, гдѣ Радде въ одинъ день встрѣтилъ 15 медвѣдей, вскорѣ повторится тоже самое, потому что туда переселены тѣже самые казаки. Не прошло еще 10 лѣтъ со времени ихъ переселенія, какъ мы уже читаемъ: «медвѣди отступили, тогда какъ прежде въ дубовыхъ лѣсахъ ихъ было чрезвычайно много» (Русскій Вѣстникъ, 1863, XLVIII, стр. 417).

[3]) Neue Nordische Beiträge, III, 1782, p. 157.

[4]) Ср. ниже, гдѣ будетъ говорено о медвѣдѣ.

старый запасъ, накопившійся въ неизмѣримыхъ болотистыхъ лѣсахъ, которые окружаютъ нашу столицу. Запасъ этотъ изсякнетъ вдругъ, но интересно видѣть сколько времени нужно на явное уменьшеніе преслѣдуемыхъ животныхъ, когда у нихъ находятся довольно обширныя мѣстности, въ которыхъ они могутъ укрыться [1]).

Оставляя хищныхъ животныхъ, мы находимъ, что и кабаны истребляются очень скоро въ такихъ мѣстахъ, на которыхъ снѣгъ долго держится, какъ это случилось уже при Палласѣ [2]) на Сакмарѣ, гдѣ казаки быстро уничтожили ихъ. Въ отношеніи этого животнаго не трудно будетъ привести и другіе случаи подобнаго рода [3]).

Къ числу быстро истребляемыхъ животныхъ принадлежатъ также разные виды оленьей породы, и въ особенности самый громадный видъ ея, лось, которому, именно вслѣдствіе величины его, болѣе всего предстоитъ близкая гибель, рядомъ съ извѣстнымъ всему міру примѣромъ зубра, существующаго только благодаря особенному царскому покровительству.

Лось уже оттѣсненъ изъ западной Европы до предѣловъ европейской Россіи и водится тутъ съ трудомъ въ узкой полосѣ земли, идущей вдоль меридіана, которая съ востока ежедневно все болѣе и болѣе съуживается отчасти степями, отчасти же болѣе густымъ населеніемъ и обезлѣсеніемъ центральныхъ частей европейской Россіи. Даже въ Скандинавіи недавно пришлось издать новый законъ для огражденія лося отъ совершеннаго истребленія [4]). Въ Лифляндіи уже давно слѣдовало бы сдѣлать тоже самое, потому что теперь лось водится тамъ лишь въ нѣсколькихъ лѣсахъ. Въ Финляндіи лось оттѣсненъ съ сѣвера до 63° с. ш. [5]). Въ Смоленской и Калужской губерніяхъ, гдѣ прежде часто встрѣчались лоси, имъ также предстоитъ окончательное истребленіе [6]).

---

[1]) Нѣкогда въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ медвѣди простирались вплоть до степныхъ окраинъ, но теперь они тамъ уже давно истреблены (Чернай, О фаунѣ Харьковск. губ. 1850, стр. 19; Сѣверцовъ, Періодическія явленія..... Воронежской губ. 1855, стр. 16).

[2]) Reisen I, p. 211. Эверсманъ (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, X, 1855, p. 268) сообщаетъ, что тамошній глубокій снѣгъ уже самъ по себѣ, безъ содѣйствія охотниковъ, истребляетъ кабановъ.

[3]) На Бухтармѣ они встрѣчались очень рѣдко уже при Геблерѣ (Mém. des Sav. étrangers de l'Acad. de St.-Pétersbourg, 1837, p. 552); на сѣверной сторонѣ хребта послѣдній кабанъ убитъ въ 1832 году. — Въ Смоленскомъ уѣздѣ еще въ 1666 году убиты 2 кабана по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича; обѣщано было убить еще больше. — Въ Кіевской губерніи кабаны исчезаютъ явно съ каждымъ годомъ (Кесслеръ, Животныя губерній Кіевскаго учебнаго округа, 1850, стр. 82). — Въ Харьковской губерніи они уже истреблены (Чернай, О фаунѣ Харьков. губерніи, 1850, стр. 19). — Ср. также статью въ Эрмановомъ Archiv für wissenschaft. Kunde von Russland, 1847, V, p. 433.

Въ Лифляндію въ 1836 году забѣжалъ кабанъ изъ литовскихъ лѣсовъ; его считали уже неслыханною рѣдкостью. Но даже и это не можетъ случиться болѣе близъ Новгорода. Въ цвѣтущее его время великіе князья предоставили себѣ исключительное право охотиться на кабановъ, а именно на 60 верстъ въ окружности города. (Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 303).

[4]) Въ 1853 году, 30-го Сентября. На лося можно охотиться только съ 1-го Августа до 21-го Октября. Положено 50 талеровъ штрафу и 50 талеровъ вознагражденія за животное, если оно не будетъ предъявлено.

[5]) Во время бытности моей въ Куопіо, въ воспоминаніи жителей играло большую роль убіеніе лося три года передъ тѣмъ. Дальше къ сѣверу, въ Кусамо уже и слуховъ не было про лося.

[6]) Въ Смоленскихъ лѣсахъ еще сохранились остатки лося, но въ сосѣдней, Калужской губерніи въ 1854 году убитъ, говорятъ, одинъ изъ послѣднихъ (Deutsche Naturhist. Zeitschrift, 1857, III, p. 185). Въ 16-мъ столѣтіи въ Муромскомъ лѣсу было еще несмѣтное количество лосей (Исторія о Казанскомъ Царствѣ XVI-го столѣтія, 1794, стр. 197). Лосиныя шкуры составляли значительный предметъ вывоза, чрезъ Архангельскъ (De-Bruin, p. 17).

*

Весьма понятно, что въ Сибири лось замѣтнѣе всего исчезъ вблизи полярнаго своего предѣла. Въ Таймырскомъ краѣ первоначально онъ простирался до области криворослыхъ деревъ на предѣлѣ лѣсной растительности (71—72° с. ш.) [1]). Въ мое время не могло быть и рѣчи объ этомъ.

Далѣе на востокъ лось водился въ этомъ столѣтіи и вѣроятно теперь еще водится до 69° с. ш. Тѣмъ болѣе мы должны возстать противъ ошибки, которая легко можетъ укорениться какъ вслѣдствіе авторитетности его виновника, такъ и потому, что она приспособлена къ нашимъ новѣйшимъ ученіямъ о климатѣ. Гумбольдтъ [2]) говоритъ, что въ Скандинавіи лось водится почти десятью градусами сѣвернѣе, чѣмъ въ Сибири, тогда какъ, напротивъ того, въ прошломъ столѣтіи въ Сибири лось заходилъ на сѣверъ еще на два градуса широты дальше, чѣмъ въ Скандинавіи, да и теперь еще въ Сибири простирается столь-же далеко къ полюсу, какъ и въ Скандинавіи. Даже на крайнемъ сѣверовостокѣ, на востокъ отъ Колымы, въ прошломъ столѣтіи лоси водились въ большомъ количествѣ, пока не были вытѣснены огромнымъ лѣснымъ пожаромъ, случившимся въ 1770 году. Какъ только лѣсъ опять успѣлъ подрасти, такъ снова явились и лоси, и уже въ 1812 году рѣдко встрѣчался охотникъ, который въ годъ не убивалъ съ полдюжины этихъ животныхъ. Десять жителей деревни Пантелеевой въ годъ убили 70 лосей. Преслѣдованіе это уменьшило количество лосей такъ быстро, что при Врангелѣ, слѣдовательно въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, убитый лось составлялъ въ томъ краѣ эпоху въ жизни охотниковъ [3]).

Даже у Охотскаго моря въ прежнее время лоси, должно быть, доходили по крайней мѣрѣ до 60-го градуса широты: не только Палласъ говоритъ, что они встрѣчались у Пенжинской губы, но и Редовскій засталъ ихъ тамъ еще въ 1806 году [4]).

Въ южной Сибири, гдѣ вообще повсюду лось встрѣчается нерѣдко, большею частію нельзя замѣтить уменьшеніе его, развѣ только на Байкальскомъ островѣ Олхонѣ, гдѣ онъ водился еще въ прошломъ столѣтіи [5]), а теперь вовсе нѣтъ лосей [6]). Точно также въ мое время говорили, что лоси совершенно истреблены на Алданскомъ хребтѣ, къ сѣверу отъ Половинной. Вслѣдствіе слишкомъ крутыхъ горъ тамъ, можетъ быть, никогда и не было очень много лосей; по этой-же причинѣ, говоритъ Радде, они составляютъ большую рѣдкость и на южной оконечности Буреинскаго хребта [7]). Правда, что тамъ они находятся уже близь экваторіальнаго предѣла своего, но это не можетъ служить

---

[1]) На Хетѣ лось водился еще за сто лѣтъ тому назадъ (Записки Гидрогр. Департамента, IX, стр. 40). — Въ мое время онъ уже рѣдко встрѣчался даже на нижней Тунгускѣ (см. нѣмецк. изд. этого соч. II, 2, p. 121).

[2]) Kosmos, I, p. 376.

[3]) Врангель, Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири, 1841, II, стр. 190. См. также I, стр. 257.

[4]) Хотя въ рукописномъ дневникѣ своемъ Редовскій по случаю Тауйска и говоритъ, что на всей горной цѣпи до Камчатки не встрѣчаются лоси, но впослѣдствіи онъ посѣтилъ у Ямска жертвенное мѣсто Коряковъ, густо обставленное рогами сѣверныхъ оленей, между которыми было и нѣсколько лосиныхъ роговъ.

[5]) Georgi, I, p. 163.

[6]) Radde въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, 1861, p. 249.

[7]) Тамъ-же, стр. 585.

причиною ихъ рѣдкости, потому что они не только встрѣчаются подъ тою-же широтою (49° с. ш.) у Татарскаго пролива, при заливѣ Хаджи, но и достигаютъ экваторіальнаго предѣла своего лишь нѣсколько градусовъ широты южнѣе, у рѣки Усури [1]).

Въ первобытномъ множествѣ, въ мое время да еще и въ бытность Шренка [2]), лось водился въ рѣчной области Эмгюна и Горыни, на лѣво отъ нижняго Амура. До того времени вѣроятно его охраняли тамъ политическія соображенія; потому что рыбаки Гиляки его не трогали, Самагровъ и Гольдовъ, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, было немного, а строгія запрещенія не переходить границъ, запрещенія, о которыхъ постоянно твердили китайскіе подданные тогдашняго времени, нѣсколько удерживали нашихъ русскихъ Тунгусовъ и Якутовъ, самыхъ предпріимчивыхъ истребителей дичи. Неномѣрны были разсказы ихъ о множествѣ лосей въ томъ краѣ. Иной насчитывалъ стада болѣе чѣмъ въ 30 головъ, другой въ теченіе осени и зимы убивалъ болѣе 20 штукъ. При ѣдѣ жаренаго лося, котораго мы сами убили близь Эмгюна, все это казалось какъ-то прекраснымъ и правдоподобнымъ. И въ насъ это возбуждало охоту своротить къ тѣмъ лѣсамъ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ казаки, поселенные тамъ повсюду, да русскіе Тунгусы, вторгнувшіеся туда въ настоящее время, врядъ-ли оставятъ болѣе того, что̀ оставили въ другихъ мѣстахъ южной Сибири. По этому-то я остановился нѣсколько дольше на этомъ предметѣ.

Если съ одной стороны лѣса въ видѣ нашихъ воздѣланныхъ лѣсныхъ дачъ не доставляютъ прежнимъ обитателямъ ея достаточной защиты, то съ другой стороны стѣснительное вторженіе земледѣлія въ степи оказываетъ губительное вліяніе на судьбу степныхъ животныхъ, находившихъ свое спасеніе не въ закоулкахъ, а въ безпредѣльной открытости своихъ обиталищъ. Упомянувъ выше [3]) о томъ, что по положительному свидѣтельству Радде, въ юго-восточномъ углу Забайкалья большія степныя животныя отступаютъ передъ человѣкомъ, мы не вправѣ оставить безъ вниманія сайгу, которая очевидно будетъ истреблена скорѣе другихъ степныхъ животныхъ. Какія огромныя пространства уже пришлось ей совершенно̀ покинуть съ тѣхъ поръ, какъ въ 16-мъ столѣтіи ее такъ прекрасно описалъ Герберштейнъ [4]): «на пустынныхъ поляхъ у рѣкъ Борисѳена, Танаиса и Ра водится дикая овца, которую Поляки называютъ Solhac, а Московиты — Seygack» и т. д. Палласъ и Гюльденштедтъ также, подобно Герберштейну, приводили это животное въ связь съ Поляками. Дѣйствительно, десять лѣтъ передъ тѣмъ, какъ Палласъ описалъ сайгъ, животныя эти, вслѣдствіе степныхъ пожаровъ, большими стадами пытались было снова завладѣть прежнею своею родиною [5]), но уже черезъ два года опять удалились за Волгу; по сю сторону Волги осталось лишь малое число головъ. Такъ какъ Палласъ долго прожилъ на югѣ, то мы должны считать извѣстія его вполнѣ

---

[1]) L. v. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, 1858, p. 174; Petermann, Mittheilungen, 1861, p. 313.

[2]) Могу привести еще болѣе непосредственнаго свидѣтеля того времени, указавъ на Вѣстникъ Р. П. Геогр. Общества (1857, Изслѣд. и Матер. стр. 161).

[3]) Стр. 70.

[4]) Moscowiter wunderbare Historien, 1567, p. 126 См. также Müller, Samml. Russ. Gesch. IX, p. 46.

[5]) По словамъ Сѣверцова (Періодич. явленія.... Воронежской губ. 1855, стр. 16) сайга прежде простиралась до Воронежской губерніи.

достовѣрными. Оказывается впрочемъ, что европейскій остатокъ этихъ животныхъ то прибываетъ, то убываетъ, потому что въ настоящее время [1]) они уже довольно долго опять находятся по эту сторону Волги. Если прошлый вѣкъ давнимъ давно уже вытѣснилъ ихъ изъ Днѣстровскаго и Днѣпровскаго края, то нынѣшнее столѣтіе еще безчеловѣчнѣе отрѣзало ихъ отъ главнаго центра ихъ стадъ, который, къ востоку отъ Каспійскаго моря, можетъ продержаться еще долго. За Волгой, въ волжско-уральскихъ степяхъ, теперь, говорятъ, уже положительно нѣтъ сайги. Слѣдовательно она вогнана между Дономъ и Волгой въ треугольникъ, у котораго на сѣверѣ Царицынъ подъ $48\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. составляетъ вершину, а на югѣ Манычская степь служитъ основаніемъ. Въ концѣ Мая (нов. ст.) форпосты стадъ, которыя лѣтомъ расходятся въ разныя стороны, доходятъ до самого сѣвернаго предѣла своего. На зиму они собираются на югѣ.

Это замѣчательный примѣръ разъединенія области распространенія животнаго на двѣ совершенно отдѣльныя части, разъединенія, которое совершилось на нашихъ глазахъ и позволяетъ выводить въ свою очередь заключенія о томъ, какимъ образомъ должны были происходить подобныя отдѣленія уже въ доисторическое время.

Рядомъ съ большими степными животными, водящимися въ открытой степи, вытѣсняются и истребляются даже нѣкоторые большіе звѣри, прячущіеся въ норахъ. Повсюду мы находимъ напр. доказательства, что байбаки, замѣчательные слѣпыши и тушканчики нѣкогда были распространены дальше теперешняго, въ особенности дальше къ сѣверу [2]).

Гораздо труднѣе уничтоженія млекопитающихъ животныхъ, было бы доказать постепенное истребленіе птицъ и многихъ видовъ изъ другихъ классовъ животнаго царства. Тѣмъ болѣе я считаю необходимымъ указать на важность такихъ свѣдѣній.

Само собою разумѣется, что съ уничтоженіемъ многихъ лѣсныхъ оазисовъ, встрѣчавшихся доселѣ среди степей, истреблены и гнѣздилища многихъ птицъ, водившихся на этихъ деревьяхъ. Такіе лѣсные оазисы постоянно наполнены гнѣздами орлиными, соколиными, въ особенности же гнѣздами маленькихъ кречетовъ, грачей и другихъ птицъ, которыя собственно водятся въ степи, но нуждаются въ лѣсѣ, гдѣ онѣ вьютъ свои гнѣзда [3]). Культура тѣснитъ ихъ все дальше и дальше назадъ, на радость небольшимъ землеройкамъ, столь вреднымъ человѣку. Обращаю вниманіе на прекрасныя изслѣдованія Сѣверцова [4]), который очень подробно наблюдалъ эти и подобные имъ процессы въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ степи переходятъ въ лѣса.

---

[1]) Ср. заслуживающія вниманія извѣстія въ Bulletin des Naturalistes de Moscou, 1865, I, p. 210.

[2]) Кесслеръ, Животныя губ. Кіевскаго учебнаго округа, 1850, стр. 41. — Bulletin des Natural. de Moscou, 1851, p. 127. — Черпай, О фаунѣ Харьковской губ. 1850, стр. 19. — Черняевъ, Описаніе сусликовъ, 1857, стр. 39.

[3]) Въ Самарскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1852 годъ, № 14, говорится, что фазаны, соколы и орлы совершенно исчезли тамъ вслѣдствіе истребленія лѣсныхъ островковъ и окраинъ.

[4]) Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи, 1855. Мнѣ хочется обратить вниманіе на множество спеціальныхъ наблюденій, помѣщенныхъ въ этомъ сочиненіи, которое вѣроятно вслѣдствіе нѣсколько сбивчиваго изложенія предмета, совершенно, кажется, забыто, а между тѣмъ должно бы было служить образчикомъ того, какой богатый матеріалъ для наблюденій представляютъ многіе важные жизненные процессы, происходящіе непосредственно вокругъ насъ.

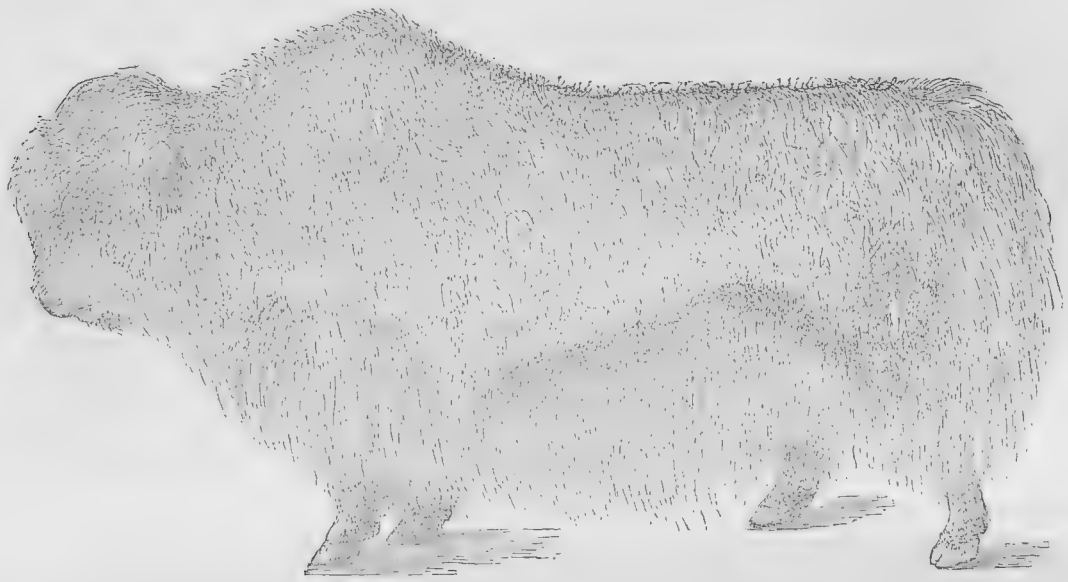
b) Сохраненіе исчезающихъ животныхъ, равно какъ самодѣятельное распространеніе и введеніе неводившихся прежде животныхъ.

Не одно только указаніе данныхъ, какъ нѣкоторыя животныя истреблены человѣкомъ, заслуживаетъ вниманія. Столь-же важно и точное опредѣленіе случаевъ, когда извѣстныя животныя поселялись въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ прежде не было. Въ мало-изслѣдованныхъ и слабо-населенныхъ мѣстахъ это очень трудно сдѣлать, потому что рѣдко можно быть увѣреннымъ въ томъ, не было-ли прежде просто незамѣчено животное, о которомъ говорится. Тѣмъ тщательнѣе слѣдовательно нужно отмѣчать такія заселенія, которыя умышленно устроены были человѣкомъ.

Само собою разумѣется, что Сибирь еще не можетъ указать на попытки такого рода, какія теперь въ Европѣ вошли въ моду по части акклиматизаціи. Чѣмъ необходимѣе однакоже сѣверный олень слѣлался для большой части сибирскихъ дикарей, чѣмъ годнѣе онъ оказался, въ живомъ или мертвомъ видѣ, для упряжи, для возки тяжестей, для верховой ѣзды, или какъ пища и техническій матеріалъ — годный до послѣдняго сухожилія своего, — чѣмъ труднѣе животное, принадлежащее къ породѣ оленей, становится ручнымъ и дѣлается совершенно способнымъ къ дѣлу домашнимъ животнымъ, — тѣмъ выше должно считать заслугу Сибирскихъ кочевыхъ народовъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ успѣли подчинить сѣвернаго оленя человѣческой волѣ и обратить его въ домашнее животное. До сихъ поръ ни одному изъ сѣверо-американскихъ племенъ не удалось добиться этого искусства, хотя бы приблизительно. Даже цивилизованная Европа въ новѣйшее время тщетно пыталась обратить въ полезное домашнее животное лося (который несомнѣнно могъ бы принести огромную пользу), либо другое какое-нибудь млекопитающее животное. Для горныхъ мѣстностей сѣвера и востока, гдѣ нѣтъ проѣзжихъ дорогъ и гдѣ сѣверный олень какъ вьючное и верховое животное не можетъ приносить столько пользы, какъ въ упряжи, — замѣна его лосемъ была бы необыкновеннымъ благодѣяніемъ. Правительству нашему слѣдовало бы всѣми силами содѣйствовать обращенію лося въ домашнее животное. Это такая обязанность, которая, относительно, равняется заботливости объ устройствѣ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ въ болѣе населенныхъ мѣстахъ. Дѣло это очень удобоисполнимо. Велика была бы заслуга, велика была бы и слава, потому что вотъ уже 300 лѣтъ, какъ ни одно новое животное не присоединилось къ числу домашнихъ, не говорю уже вьючныхъ животныхъ.

Ниже, гдѣ мною будетъ говорено о домашнихъ животныхъ у кочевыхъ народовъ, я сообщу также наблюденія свои о сѣверномъ оленѣ, какъ домашнемъ животномъ, равно какъ о возможности приручить и переселить нѣкоторыя сибирскія животныя въ другія мѣстности. Здѣсь я замѣчу только, что и въ Сибири пытались иногда разводить или приручать извѣстныхъ животныхъ, которыя особенно полезны или позволяютъ разсчитывать на пользу. Такъ напр. вздумали разводить верблюда, въ качествѣ вьючнаго

животнаго, на чрезвычайно снѣжкомъ горномъ пути между Якутскомъ и Охотскомъ [1]); но животныя вскорѣ пали; такъ въ Сибири неоднократно, но безуспѣшно, ловили и приручали джиггетая [2]); такъ въ Якутскѣ я встрѣтилъ чернаго, съ бѣлыми пятнами, длинношерстаго быка яка (*Bos grunniens* L.), съ котораго сообщаю тутъ рисунокъ; его



Длинношерстый быкъ въ Якутскѣ.

[1]) Объ этомъ говорятъ Давыдовъ и Хвостовъ (Двукратное Путешестіе, I, стр. 104). Безразсудность состояла не столько въ томъ, что не было обращено вниманія на гористость мѣстности, сколько въ томъ, что не были приняты въ соображеніе ни глубокій снѣгъ, который тамъ выпадаетъ, ни продолжительность зимы и замерзающая до оледенѣнія почва. Крутой скатъ горъ самъ по себѣ не имѣлъ бы значенія, такъ какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что верблюдъ не только свободно идетъ въ гору подъ наклономъ въ 15°, но даже съ тяжестію въ 250 килограммъ могъ взобраться на подъемъ въ 45°, который былъ доступенъ уже не для лошадей, а только для муловъ (Ninth Annual Report of the Smithsonian Institution, 1855, p. 105). — Впрочемъ верблюдовъ съ пользою употребляютъ на высочайшихъ перевалахъ Гималаи (Schlagintweit въ Wiegmann's Archiv für Naturgeschichte, 1862, p. 253); вѣроятно однакоже только въ хорошее время года.

Несравненно успѣшнѣе оттуда-же, т. е. изъ Забайкалья, взяты были верблюды (Гейне, кажется несправедливо, называетъ ихъ дромедарами) для переселенія въ Техасъ (Heine, Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk, 1859, III, p. 244, и Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, 1862, I, p. 238, а въ особенности Ninth annual Report of the Smithsonian Institution, 1855, p. 116). Такъ какъ сразу взято было 30 штукъ, то предпріятіе въ виду солончатыхъ нагорныхъ степей сѣверо-западной Америки было задумано совершенно правильно и можетъ составить эпоху въ дѣлѣ переселенія животныхъ. При этомъ конечно слѣдуетъ замѣтить, что уже во время Палласа (Zoographia, и Neue Nordische Beiträge, I, p. 164), бросался въ глаза значительно меньшій ростъ забайкальскихъ верблюдовъ въ сравненіи съ волжскими; его приписывали продолжительности зимы на востокѣ, въ теченіе которой они питаются, говорятъ, почти однимъ только ивовымъ кустарникомъ.

Дошли ли они благополучно и какія перемѣны вызвали въ нихъ болѣе благопріятныя климатическія условія Новаго Свѣта?

Мы можемъ указать на подобнаго рода удачное переселеніе верблюдовъ въ 15-мъ столѣтіи на островъ Тенериффу (Humboldt, Reisen und Forschungen, p. 27). Верблюды, которые на Тенериффѣ употребляются для перевозки товаровъ, — бѣлаго цвѣта.

[2]) Палласъ (Reise, III, p. 219) говоритъ уже о неуспѣшной попыткѣ подобнаго рода. Между тѣмъ я слышалъ въ Сибири о двухъ случаяхъ, когда смолоду-пойманнаго дикаго осла въ южной Сибири удалось сдѣлать совершенно ручнымъ.

даже хотѣли употребить тамъ для улучшенія рогатаго скота. Небольшія попытки эти, дѣлавшіяся на авось, не привели впрочемъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Потому только, что впослѣдствіи, можетъ быть, потомство яка еще проявится въ Якутскѣ въ позднѣйшемъ приплодѣ, и въ то время важно будетъ имѣть свѣдѣнія о ходѣ дѣла, я сообщаю въ примѣчаніи [1]) все, что нахожу по этому предмету въ своихъ замѣткахъ.

Столь-же безуспѣшны, какъ вышеупомянутое разведеніе верблюда и яка, были нѣкоторыя попытки правительства, не преминувшаго уже съ первой половины прошлаго столѣтія издавать по временамъ постановленія, которыя относятся къ этому предмету и очевидно началомъ своимъ обязаны всеобъемлющему уму Петра Великаго и участію его къ основанной имъ Академіи. Усилія эти, какъ мы сказали, были безуспѣшны, но все-таки интересно прослѣдить ихъ; такъ напр. изъ относящихся къ нимъ свѣдѣній мы узнаемъ, что уже около половины прошлаго столѣтія въ Сибири былъ зоологическій садъ, что въ первую треть нынѣшняго столѣтія у нея было свое зоо-

Голова его.

[1]) Въ 1842 году купецъ Огородниковъ привезъ въ Якутскъ длинношерстаго быка съ коровой, которые по отъѣздѣ его достались чиновнику Валю. Отъ этихъ двухъ животныхъ получили только одну тёлку. Быкъ былъ до того дикъ, что бросался на людей и однажды былъ ослѣпленъ неизвѣстными лицами. Такъ какъ хозяину трудно было цѣлый годъ кормить быка изъ рукъ, то послѣ моей бытности въ Якутскѣ онъ велѣлъ его зарѣзать; мясо оказалось чрезвычайно вкуснымъ. Всѣ попытки скрестить этого быка съ туземными коровами, остались безуспѣшными, какъ мнѣ на запросъ мой сообщилъ г. Якутскій губернаторъ Штубендорфъ. Но кажется, что вслѣдствіе поврежденія, причиненнаго одной коровѣ этимъ слишкомъ здоровымъ быкомъ, предложенные мною опыты скрещиванія не были болѣе повторены. Длинношерстая корова, той-же масти какъ быкъ, произвела, какъ мы сказали, телку, которая была такого-же цвѣта, какъ ея родители. Корова пала въ 1850 году, постоянно отличавшись густымъ и маслянистымъ молокомъ. Упомянутая телка, которой въ то время, когда мнѣ писалъ Штубендорфъ, было 9 лѣтъ, перешла въ руки купца Шилова и отличалась отъ другихъ мѣстныхъ коровъ какъ количествомъ, такъ и качествомъ молока.

Якутская корова, слученная съ длинношерстымъ быкомъ.

Отъ этой коровы втораго поколѣнія происходили два теленка, одинъ такого-же цвѣта, какъ мать, въ то время трехъ лѣтъ, и другой двухлѣтній, бураго цвѣта, какъ отецъ, простой быкъ. У обоихъ хвостъ и грива указывали на помѣсь.

То что намъ сообщается про обиліе молока и необыкновенно длинное туловище животнаго, должны побуждать насъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ

гическое собраніе[1]). Теперь объ этомъ и помину нѣтъ, не смотря на все золото золотыхъ пріисковъ.

Все это впрочемъ не такъ странно, какъ кажется съ перваго взгляда: стоитъ только принять въ соображеніе, что въ первобытномъ состояніи человѣка, а слѣдовательно и при переходѣ его къ высшей культурѣ, охота играетъ очень важную роль. Какъ жалки наши, мимо-новѣйшіе успѣхи по части обратившихся въ моду зоологическихъ садовъ, обществъ акклиматизаціи и т. д., если вспомнить, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ, съ какою практическою, да и дѣйствительно достигнутою цѣлью все это дѣлалось уже у древнихъ Римлянъ. Содержались великолѣпно-устроенные птичники [2]); основывались при виллахъ зоологическіе сады, которые часто занимали нѣсколько десятинъ земли; стѣны ихъ были высоки, гладки и оштукатурены для того, чтобы туда не могли пробираться кошки, волки и другіе хищные звѣри [3]). Дикихъ животныхъ, какъ напр. ланей, антилопъ, оленей, кабановъ и т. д. содержали въ нихъ частію ради удовольствія, частію для дохода [4]). Откармливались животныя всѣхъ родовъ: зайцы, перепела, павлины, журавли, улитки,

---

скрещиванія нашего рогатаго скота съ яком̀ъ. Въ отношеніи климата якъ принадлежитъ къ чрезвычайно крѣпкимъ животнымъ, покрытымъ превосходною шубою.

Карелинъ (Акклиматизація, 1861, II. стр. 201) и Радде (Reise, I, p. 272) говорятъ, что Урянхи и наши пограничные козаки держатъ яка въ большихъ стадахъ. Кажется, что тамъ чаще встрѣчаются и производятся опыты скрещиванія его съ нашимъ домашнимъ скотомъ. Обстоятельство это заслуживаетъ вниманія и сообщенія болѣе подробныхъ свѣдѣній. Подобныя произведенія помѣси, кажется, нерѣдки и на Гималайскомъ хребтѣ, гдѣ якъ лѣтомъ взбирается вверхъ на 17,000 футовъ (Шлагинтвейтъ въ Петермановыхъ Mittheilungen, 1861; Das Ausland, 1857, № 40, p. 948).

Въ Запискахъ Комитета Акклиматизаціи животныхъ, 1859, стр. 146, которыхъ у меня теперь нѣтъ подъ рукою, также сообщенъ случай помѣси яка съ рогатымъ скотомъ.

[1]) Уже въ 1718 году Петръ Великій издалъ указъ на счетъ доставки всѣхъ уродовъ. Указъ этотъ былъ возобновленъ въ 1747 году, съ новымъ обѣщаніемъ наградъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ старались убѣдить народъ, что подобные «куріозы» не могутъ быть произведеніемъ діавола. За уродливое животное была назначена половинная премія, т. е. 5 рублей, или, если оно еще живо, 15 рублей; за живаго человѣческаго урода положено было 100 рублей. Требовали также присылки палеонтологическихъ и археологическихъ предметовъ. Въ архивѣ Удскаго Острога я нашелъ «промеморію Академіи Наукъ» 1752 г., подтверждавшую о присылкѣ въ Тобольскъ живыхъ «куріозныхъ» животныхъ и птицъ, въ случаѣ же нужды и содранныхъ съ нихъ шкуръ. Этотъ приказъ безъ сомнѣнія находился въ связи съ зоологическимъ садомъ, который Георги (Reise, II, p. 320) встрѣтилъ въ Тобольскѣ, и съ указомъ отъ 2-го Октября 1762 года, повелѣвавшимъ доставлять въ Сенатъ изо всей Россіи списки рѣдкимъ животнымъ и птицамъ. Впрочемъ этотъ зоологическій паркъ не долженъ удивлять насъ, потому что уже въ 1716 году въ Москвѣ былъ зоологическій садъ, который лежалъ въ концѣ города и содержалъ живыхъ львовъ, тигровъ, пантеръ, бѣлыхъ медвѣдей, чернобурыхъ лисицъ, рысей, соболей и множество дорогихъ прекрасныхъ птицъ разнаго рода (Das veränderte Russland, 1844, I, p. 146). Это соотвѣтствовало духу того времени и было вызвано страстью бояръ къ охотѣ. Линнѐ описываетъ въ Швеціи сараи, наполнявшіеся кормомъ для оленей и окруженные заборами, чрезъ которые не могли перескакивать «дикія» лошади, а только олени (Reise durch Westgothland, перев. 1765 года, стр. 148). На скандинавскомъ сѣверѣ уже издавна въ извѣстныя времена года прекращалась охота на дичь (Weinhold, Altnordisches Leben, p. 7).

Впрочемъ въ 18-мъ столѣтіи страсть къ зоологическимъ садамъ была только снова возбуждена, потому что, по словамъ Гамеля (Tradescant, p. 167, 204, прим.), уже въ 1488 году Вогулы должны были доставить живаго лося Германскому Императору Фридриху III, а въ 1566 году изъ Россіи дѣйствительно отправленъ былъ живой лось. Вѣроятно однакоже это не былъ единственный случай, потому что въ 1559 году требовалось уже особое позволеніе царя на посылку въ Лондонъ живыхъ сѣверныхъ оленей и лосей.

О публичномъ зоологическомъ музеѣ въ Барнаулѣ говорится въ Bulletin des Natur. de Moscou (1829, p. 51). Я засталъ его еще въ 1842 году.

[2]) Lenz, Zoologie der Griechen und Römer, p. 264, 271 и дал.

[3]) Varro, De re rustica, III, 12.

[4]) Columella, De re rustica, IX, p. 1.

устрицы и т. д.; разводились рыбы при помощи искусственнаго оплодотворенія и посредствомъ его производились помѣси между рыбами, подобно тому, какъ въ настоящее время разводятъ на убой помѣсь рогатаго скота. Съ этою цѣлью употребляли въ дѣло и Азію и Африку: на одномъ изъ олимпійскихъ состязаній убито 600 львовъ, 406 пантеръ и 20 слоновъ. Принялись наконецъ за дрессировку этихъ животныхъ, впрягали львовъ и страусовъ въ тріумфальныя колесницы, учили слоновъ плясать на канатѣ и т. д. Какъ ничтожны въ сравненіи съ ними теперешнія исполненія подобнаго рода?

По этому мнѣ весьма пріятно сообщить извѣстіе о распоряженіи нашей Сѣверо-Американской Компаніи, которое можетъ служить образцомъ для всего цивилизованнаго міра тѣмъ болѣе, что въ сущности тутъ дѣло идетъ объ одномъ изъ будущихъ отдѣловъ политической экономіи. Послѣдней во всякомъ случаѣ необходимо будетъ позаботиться о томъ, чтобы сохраненіе нѣкоторыхъ животныхъ, приносящихъ человѣчеству величайшую пользу, было обезпечено международными договорами, въ особенности сохраненіе такихъ животныхъ, которыя, странствуя по землямъ многихъ государствъ, какъ бы находятся вцѣ всякаго покровительства, и предоставлены самому безумному истребленію. Въ этомъ отношеніи мы уже упоминали выше (стр. 48) объ уничтоженіи насѣкомоядныхъ птицъ, которыя поѣдаютъ враговъ нашихъ пашень, говорили объ истребленіи китовъ, незамѣнимыхъ копителей жира. Остановимся теперь на успѣхахъ нашей Сѣверо-Американской Компаніи (владѣнія которой простирались далеко за прибрежныя полосы Сибири), по части искусственнаго ухода за дикими животными. Успѣхи эти единственны въ своемъ родѣ, а между тѣмъ очень мало извѣстны.

Въ 1830 году обращено было вниманіе на быстрое уменьшеніе котиковъ, которымъ предстояло совершенное истребленіе, потому что ихъ ловили въ непомѣрномъ количествѣ. Объяснялось это тѣмъ, что во внутреннемъ хозяйствѣ Компаніи котики и сивучи [1]), съ своимъ жиромъ, мясомъ, кишками, шкурами, которыя употреблялись для обтягиванія байдаръ, составляли ежегодный доходъ въ 60,000 руб. сер. Кромѣ того уже въ то время шкура молодаго котика цѣнилась въ торговлѣ въ 8 или 9 талеровъ, а по Компанейскимъ книгамъ въ упомянутомъ году значилось уже не менѣе трехъ милліоновъ такихъ шкуръ. Ловля этихъ животныхъ началась еще съ прошлаго столѣтія, за долго до основанія Компаніи, потому что въ 1786 году, когда Прибыловъ въ первый разъ находился на названныхъ по немъ островахъ (Св. Павла и Св. Георгія), онъ добылъ въ теченіе двухъ лѣтъ не менѣе 2320 морскихъ бобровъ, 30,480 котиковъ, 8000 голубыхъ песцовъ и 28,000 фунтовъ моржоваго клыка.

Не мудрено, что числю этихъ животныхъ стало быстро уменьшаться; поэтому-то въ 1830 году положено было сначала беречь котиковъ на островѣ Св. Павла, гдѣ убыль ихъ была особенно замѣтна [2]).

---

[1]) Ежегодно требовались 1500 шкуръ сивучьихъ и 12,000 саж. кишекъ для непромокаемыхъ рубашекъ (камлеи).

[2]) Отчетъ Россійско-Америк. Комп. за 1842 годъ, стр. 52 и за 1843 годъ, стр. 37.

Принявшись за дѣло совершенно раціонально, съ тѣхъ поръ стали убивать только самыхъ старыхъ самцовъ (сѣкачей), которые, будучи въ высшей степени ревнивы, присвоивали себѣ большее число самокъ, нежели это соотвѣтствовало ихъ силамъ. Убивали также бо̀льшую часть двухъ-или трехлѣтнихъ самцовъ, которые при многоженствѣ этихъ животныхъ не только были безполезны, но даже препятствовали распложенію. Такимъ образомъ уже въ 1840 году Компанія дошла до того, что ежегодно въ дѣло и въ торговлю могла употребить 4000 котиковъ, слѣдовательно въ доходахъ не было ущерба. На слѣдующій годъ числю животныхъ, которыхъ можно было убить на островѣ Св. Павла, простиралось уже до 8000. По этому, не причиняя убытка доходамъ, удалось прекратить на время ловлю на островахъ Беринговомъ и Мѣдномъ, гдѣ въ послѣднее время животныя стали уменьшаться чрезвычайно быстро [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и на островѣ Св. Георгія поручено было беречь самокъ, что̀ вмѣстѣ съ срокомъ прекращенія ловли на островахъ Беринговомъ и Мѣдномъ продлено было до 1847 года [2]).

Уже въ 1843 году количество животныхъ, которое ежегодно и безостановочно въ теченіе долгаго времени можно было убивать на островѣ Св. Павла, исчислено было въ 12,000; но такъ какъ черезъ два года [3]) число это опять возросло до 15,000 продажныхъ мѣховъ, то ясно видно, что исчисленіе было сдѣлано неправильно. Дѣйствительно [4]), въ слѣдующемъ году на островѣ Св. Павла пришлось убить 4000 молодыхъ самцовъ только для того, чтобы очистить мѣсто для другихъ. Не смотря на это, котики выбрали себѣ новое лежбище на небольшомъ островѣ Амакѣ. Слѣдовательно они уже начали распространяться.

Съ этого времени число котиковъ ежегодно стало увеличиваться до того, что въ теченіе лѣта 1861 года на обоихъ островахъ Св. Павла и Св. Георгія могло быть убито 47,960 котиковъ [5]). Какое неизмѣримо щедрое вознагражденіе за разумное ограниченіе свирѣпой кровожадности, свойственной человѣку! Объ устройствѣ фонда для подобнаго предпріятія не нужно было и хлопотать; сама природа повсюду давала и даетъ его; но не смотря на то являются огромные проценты и нарастающіе на нихъ новые проценты въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ земля сама по себѣ не имѣетъ значенія, потому что не заселена.

Такіе необыкновенные результаты разумнаго обереганія невольно должны были заставить Компанію распространить эту мѣру и на другихъ животныхъ, а именно на морскаго бобра, песца, рѣчную выдру и суслика [6]), шкурки которыхъ также составляютъ предметъ торговли. Вскорѣ даже сдѣлана была еще новая попытка. Чтобы воспрепятствовать истребленію лучшихъ, дорогихъ сортовъ песца, такъ называемыхъ голубыхъ песцовъ, ихъ стали ловить въ тѣхъ лишь мѣстахъ, гдѣ онѣ еще встрѣчались не рѣдко, и перевозили на

---

[1]) Отчетъ Россійско-Амер. Комп. за 1842 годъ, стр. 52.

[2]) Отчетъ за 1844 годъ, стр. 28; за 1845 годъ, стр. 36; за 1847 годъ, стр. 39.

[3]) Отчетъ за 1845 годъ, стр. 36.

[4]) Отчетъ за 1846 годъ, стр. 44.

[5]) Отчетъ за 1861 годъ, стр. 35.

[6]) Отчеты за 1849 годъ, стр. 22; за 1850 годъ, 22; за 1851 годъ, стр. 25; за 1859 и за 1860 годъ, стр. 60.

такіе острова, на которыхъ имъ уже предстояла окончательная гибель [1]). Успѣхъ повсюду былъ очень удовлетворителенъ [2]), не исключая даже острова Урупа, гдѣ постоянныя вулканическія изверженія нарушали покой животныхъ. Убѣдившись въ томъ, что на мелкихъ островахъ охота три года сряду была слишкомъ ощутительна для животныхъ, установили рядъ оберегательныхъ мѣръ [3]) и вскорѣ увидѣли, что трехгодичное спокойствіе имѣло превосходное вліяніе, даже въ Ситхѣ [4]), гдѣ морскіе бобры попадались уже чрезвычайно рѣдко. Вслѣдствіе этого Камчатка, острова Беринговъ и Мѣдный опять населились морскими бобрами, котиками, голубыми песцами и т. д.

Замѣчательно, что при всемъ томъ Компанія безостановочно и безубыточно могла продолжать свою мѣховую торговлю, потому что она еще во-время принялась за приведеніе въ порядокъ своего хозяйства. Не менѣе замѣчательно и другое обстоятельство: въ то самое время, когда другія животныя усиливаются, моржи, которымъ, какъ пришельцамъ изъ чужихъ, сѣверныхъ странъ, не было пощады, оставляютъ прежнія свои пристанища на полуостровѣ Аляскѣ [5]).

Результаты эти, которые могутъ быть выражены въ такихъ огромныхъ денежныхъ суммахъ, должны получить еще большее значеніе, когда просвѣщенныя правительства обратятъ вниманіе на необходимость международныхъ договоровъ относительно оберегательныхъ мѣръ для животныхъ — мѣръ, отъ которыхъ зависитъ весь успѣхъ земледѣлія (срав. стр. 48). Послѣ всего сказаннаго я позволю себѣ упомянуть еще объ одномъ практически-важномъ переселеніи, которое имѣетъ большой зоологическій интересъ и, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, увѣнчалось успѣхомъ. Извѣстно, что въ Сибири, за исключеніемъ одного лишь Амурскаго края [6]), вовсе нѣтъ раковъ. Они не простираются дальше водораздѣла Уральскаго хребта, хотя на западномъ его скатѣ и заходятъ довольно далеко [7]). Прекрасныя монографіи Герстфельда [8]) освобождаютъ меня отъ труда вхо-

---

[1]) Отчетъ за 1857 годъ, стр. 31. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая удержать мѣхопромышленниковъ отъ ловли голубыхъ песцовъ, имъ платили за нихъ столько-же, сколько за простыхъ, бѣлыхъ песцовъ.

Если въ этомъ отношеніи вѣрить Хвостову и Давыдову, то первоначально на Андреяновскихъ островахъ не было песцовъ, а были они туда завезены уже Берингомъ (Двукрат. путеш. II, стр. 168).

[2]) Берегли морскаго бобра сперва на Курильскомъ островѣ Урупѣ, да въ Уналашкѣ и Атхѣ (Отчетъ Росс. Америк. Комп. за 1845 годъ, стр. 35, 36). Уже въ 1846 году на Урупѣ было столько морскихъ бобровъ, что для ловли ихъ туда переселены были Алеуты, въ то время какъ на Симусирѣ приказано было не убивать ихъ (Отчетъ Комп. за 1846 годъ, стр. 43).

[3]) Отчеты Компаніи за 1847 годъ, стр. 38; за 1848 годъ, стр. 39, 40; за 1849 годъ, стр. 32; за 1850 годъ, стр. 22; за 1851 годъ, стр. 25; за 1852 и 1853 г., стр. 26; 1854—1855; 1858, стр. 45; за 1859 годъ, стр 77.

[4]) Уже въ 1805 году Лисянскій (Путеш. вокругъ свѣта, 1812, II, стр. 70) сообщалъ, что морскіе бобры нѣсколько лѣтъ до того встрѣчались около Ситхи но теперь ушли далеко, сѣрые же котики совершенно исчезли.

[5]) Отчетъ Росс.-Америк. Комп. за 1850 годъ, стр. 22.

[6]) Что въ области Амура не только Забайкалье, но и Манджурія богаты раками (*Astac. dauricus*), это видно изъ новѣйшихъ свѣдѣній; срав. напр. Записки Имп. Росс. Геогр. Общ. XII, 1857, стр. 53.

[7]) Уже Георги (Reise, II, p. 575) писалъ, что раки простираются до рѣки Утки, которая, какъ извѣстно, принадлежитъ чрезъ Чусовую и Каму къ Волжской системѣ и проходитъ примѣрно подъ 57° с. ш. вблизи большой сибирской дороги, тамъ, гдѣ послѣдняя ведетъ въ Екатеринбургъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ Волжской системѣ рѣчные раки простираются до 60° с. ш., т. е. до Чердыни и нѣсколько дальше.

[8]) Ueber einige zum Theil neue Arten Platoden, Anneliden, Myriapoden und Crustaceen Sibiriens (Mémoires

дить въ ближайшее изслѣдованіе вопроса о видовыхъ различіяхъ европейскихъ раковъ, а потому упомяну только въ общихъ чертахъ о томъ, что Герстфельдъ оставилъ безъ разсмотрѣнія.

Прежде всего мы должны замѣтить, что по примѣру Эрихсона, Герстфельдтъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: въ Европѣ рѣзко отличаются преимущественно только два вида рѣчнаго рака: простой ракъ низменныхъ странъ (*Astacus fluviatilis arct.*) и каменный или горный ракъ (*Ast. torrentium Schrank*). Но такъ какъ къ числу легкозамѣтныхъ признаковъ каменнаго рака относится также меньшая его величина и болѣе свѣтлый цвѣтъ, то нельзя не замѣтить, что каменный ракъ можетъ встрѣчаться и на Уралѣ [1]).

Съ другой стороны намъ извѣстно, что рѣчной ракъ, водящійся во всей западной Европѣ, въ Россіи почти исключительно встрѣчается въ рѣчной области Балтійскаго моря, между тѣмъ какъ въ рѣчныхъ системахъ морей Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго водится другое видоизмѣненіе простаго рѣчнаго рака (*Astac. leptodactylus Escholz.*), которое отличается болѣе острымъ рыльцемъ, болѣе шероховатою скорлупою и болѣе плоскими, продолговатыми клещами. Назовемъ послѣднее видизмѣненіе восточно-европейскимъ а первое — западно-европейскимъ.

Восточно-европейская разновидность водится почти въ одной только Россіи, потому что, сколько извѣстно, встрѣчается еще лишь въ Венгріи, т. е. вѣроятно въ низовьяхъ Дуная, слѣдовательно въ водоемѣ Чернаго моря. Притомъ восточно-европейская разновидность положительно попадается только въ восточной части рѣчной области Волги; слѣдовательно можно предсказать навѣрное, что Уральскій каменный ракъ долженъ быть видоизмѣненіемъ лептодактильнаго вида, т. е. горною формою этой разновидности. Само собою разумѣется, — я это предвижу — этимъ будетъ потрясено все различіе упомянутыхъ двухъ видовъ, *Ast. fluviatilis* и *torrentium*.

Съ своей зоологически-географической точки зрѣнія я готовъ разсматривать это дѣло слѣдующимъ образомъ, и прошу г. г. систематиковъ, которые подвергнутъ рѣчныхъ раковъ новой, безъ сомнѣнія весьма необходимой, ревизіи, имѣть въ виду и обсудить при своихъ изслѣдованіяхъ мои предположенія.

Не существовали ли, какъ мнѣ кажется, два нѣкогда болѣе отличавшіеся другъ отъ друга географическіе вида или видоизмѣненія рѣчнаго рака, изъ которыхъ каждый съ переходомъ изъ равнины въ быстрые потоки усвоилъ себѣ извѣстныя горныя особенности. Гдѣ объ эти разновидности — западно и восточно-европейская — соприкасались одна съ другой и потомъ даже слились между собою вслѣдствіе большей доступности нѣкоторыхъ водораздѣловъ, тамъ развились переходныя формы, которыя потому-то и уничтожаютъ всякое разграниченіе между ними. Если же мы сравнимъ съ одной стороны

---

des Sav. étrangers de l'Acad. de St.-Pétersb. T. VIII, 1858, p. 261) и Ueber die Flusskrebse Europa's (Mém. des Sav. étr. de l'Acad. de St.-Pétersb. T. IX, 1859, p. 551).

[1]) Георги, (Reise, II, p. 575) прямо говоритъ, что въ р. Уткѣ раки «мелки и свѣтлокрасны».

экземпляры дальняго запада, а съ другой — экземпляры съ низовьевъ Волги или Сѣв. Двины, то между ними ясно видна рѣшительная разница. Это смѣшеніе съ каждымъ годомъ должно усиливаться.

Замѣтимъ во-первыхъ, что по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ не въ одной только Сибири совершенно нѣтъ раковъ: въ этомъ отношеніи на сѣверѣ европейской Россіи вся рѣчная область Печоры также должна быть причислена къ Сибири. На это до сихъ поръ не было обращено вниманія. Можете представить себѣ мое весьма понятное удивленіе, когда въ Архангельскѣ, подъ слишкомъ 64° с. ш. и въ области ледянаго Бѣлаго моря, тамошній рѣчной ракъ оказался хорошо-знакомымъ мнѣ еще по Кіеву животнымъ, на которое Эшшольцъ и Эйхвальдтъ первые намъ указали, какъ на обитателя Чернаго и Каспійскаго морей. Открытыя впослѣдствіи промежуточныя мѣста обитанія его въ то время еще не были извѣстны. Какъ попали сюда эти животныя? Этотъ вопросъ конечно тогда тотчасъ-же представился мнѣ.

Мнѣ кажется, что это обстоятельство, рядомъ съ замѣчательнымъ отсутствіемъ раковъ въ Сибири, приведетъ насъ къ ясному закону, если предположить, что рѣчнаго рака сначала вовсе не было во всѣхъ рѣкахъ впадающихъ въ Ледовитый океанъ обоихъ сѣверныхъ материковъ, слѣдовательно въ притокахъ полярнаго водоема. Въ теченіе времени изъ Волги онъ могъ перейти въ рѣчную область Сѣверной Двины тѣмъ легче, что весь водораздѣлъ отъ Вологды къ востоку, на югъ отъ 60-ти градуса широты, представляетъ также плоскую и низменную мѣстность, въ противуположность Печорѣ. Перебраться туда онъ могъ или добровольно, или въ видѣ икры, занесенной напримѣръ перелетными птицами, которыя преимущественно летятъ въ этомъ направленіи.

Къ возможности этого способа распространенія мы впрочемъ должны присоединить еще два другіе: во-первыхъ непосредственныя сообщенія, которыя представляютъ системы каналовъ, а во-вторыхъ умышленное перенесеніе человѣкомъ. Что касается перваго обстоятельства, то мы знаемъ, что изъ Каспійскаго и Чернаго морей по каналамъ, посредствомъ рѣчныхъ судовъ и плотовъ двустворчатая раковина, *Dreissena polymorpha* перешла въ западную Европу. Дѣйствительно, какъ-разъ въ области этихъ рѣчныхъ сообщеній мы уже теперь встрѣчаемъ признаки смѣшенія западно- и восточно-европейской разновидностей рѣчнаго рака; напр. въ губерніяхъ Московской, Могилевской, Курляндской [1]) и вѣроятно также въ рѣчной области Дуная.

---

[1]) Въ Московской губерніи, по словамъ Герстфельдта (стр. 588). Близъ Могилева, въ рѣчкѣ Горы-горецкаго Земледѣльческаго училища я самъ встрѣтилъ западно-европейскій видъ рака. — При поѣздкѣ, совершенной мною лѣтомъ нынѣшняго года въ Москву, я убѣдился въ томъ, что *Astacus leptodactylus* уже на Волховѣ повсюду подается къ столу. Такимъ образомъ, чрезъ каналы онъ приближается и къ Балтійскому водосему, которому до сихъ поръ извѣстенъ былъ только *Ast. fluviatilis* западной Европы.

Существованіе восточно-европейской разновидности въ Курляндіи (по Эрихсону) можетъ служить яснымъ доказательствомъ тѣмъ болѣе, что въ Лифляндіи, которая принадлежитъ къ другой системѣ водныхъ сообщеній, чѣмъ южная Курляндія, разновидность эта навѣрное нигдѣ не встрѣчается. Подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ переходныхъ мѣстностяхъ, въ особенности также о Финляндіи и Скандинавіи, становятся положительно потребностью.

Кромѣ того у насъ есть непосредственныя извѣстія относительно дальнѣйшаго распространенія стерлядей изъ рѣчной области Волги въ рѣчныя области Невы и Сѣверной Двины. Палласъ [1]) говоритъ, что стерляди появились въ Ладожскомъ озерѣ и Невѣ вскорѣ послѣ того, какъ разбилось одно изъ судовъ, которые уже въ то время должны были привести живыхъ стерлядей изъ Волги въ Петербургъ.

Еще въ 1840 году Блазіусъ [2]), собирая свѣдѣнія въ Вытегрѣ, могъ сказать, что кромѣ Сибири стерлядь встрѣчается лишь въ рѣчной области Волги, хотя у него области этой отведены слишкомъ тѣсные предѣлы. Палласъ указалъ уже положительно, что стерляди нѣтъ ни въ Мезени, ни въ Печорѣ. Между тѣмъ въ 1847 году въ Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ [3]) встрѣчается извѣстіе, что лишь недавно въ притокахъ Двинской области стали показываться стерляди, сначала въ Вычегдѣ, потомъ внизъ отъ нея въ Двинѣ, а теперь вверхъ по теченію въ Сухонѣ до Тотьмы, и притомъ годъ отъ году все дальше вверхъ по рѣкѣ. Появленіе ихъ въ рѣчной области Сѣверной Двины совпало съ удаленіемъ шлюзовъ Екатерининскаго канала, который былъ оставленъ и за тѣмъ открылъ совершенно свободный проходъ изъ Камы (рѣчной области Волги) въ Вычегду (область рѣки Двины). Гофманъ [4]) говоритъ, что Зыряне, находя въ сѣтяхъ стерлядей, тотчасъ-же бросали въ воду это, тогда имъ совершенно еще неизвѣстное «долгоносое бѣсовское отродье», что вѣроятно много содѣйствовало спокойному и быстрому расположенію стерлядей, которыя въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ водились, совершенно, говорятъ, истреблены [5]). Нельзя не согласиться, что если распространеніе столь доходной и дорогой рыбы, какъ стерлядь, совершилось такъ незамѣтно (а безъ сомнѣнія она ловилась уже ранѣе нашего извѣстія, слѣдовательно должна была начать свое переселеніе чрезъ водораздѣлъ еще до уничтоженія шлюзовъ), то мы еще болѣе вправѣ допустить тоже самое въ отношеніи рака [6]).

Умышленно человѣкъ могъ заносить рака изъ одного мѣста въ другое довольно часто, хотя объ этомъ и не сохранилось свѣдѣній. Между печатными извѣстіями мнѣ встрѣ-

---

[1]) Zoographia Rosso-Asiatica, III, 1831, p. 103.

[2]) Reise im Europäischen Russland, 1844, I, p. 125. Стерляди водятся въ рѣчныхъ областяхъ всѣхъ Каспійскихъ и Черноморскихъ рѣкъ.

[3]) Ср. С. Петербургскія вѣдомости за 1847 годъ, № 220. До 1846 года они являются въ значительномъ количествѣ близъ Устюга, а въ 1847 году уже вверхъ по рѣкѣ дальше Тотьмы. Они были вѣсомъ отъ 2 до 20 фунтовъ, перевозились живыми изъ Вычегды въ Архангельскъ и, уже въ 1846 году, принесли Тотемскимъ рыбакамъ 600 руб. дохода.

[4]) Der Nördliche Ural und Pae-Choi, 1856, II, p. 12.

[5]) Напр. въ Окѣ, 60 верстъ ниже Орёла. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ можно было ловить тамъ еще по дюжинамъ за разъ. Съ 1825 года онѣ стали встрѣчаться рѣже и попадались въ сѣти только по одиночку. Въ послѣднее десятилѣтіе тамъ уже не поймано болѣе ни одной такой рыбы (Тарачковъ, Научныя сообщенія читанныя въ собраніи естествоиспытателей, бывшемъ въ Кіевѣ, 1861 года, стр. 10).

[6]) Стерлядь, должно быть, начала свое переселеніе гораздо раньше; это я могу еще подтвердить тѣмъ, что А. Шренкъ (Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, 1848, I, p. 58) встрѣтилъ ее уже въ 1838 г. въ Усть-Пинегѣ, слѣдоват. въ низовьяхъ Сѣв. Двины. Шренкъ говоритъ также, что рыба эта зашла туда и сначала была совершенно неизвѣстна рыбакамъ. Но въ его время за стерлядь въ аршинъ длины платили 30 руб. асс. Дѣйствительно въ то время рыба эта встрѣчалась только въ Сѣв. Двинѣ, при впаденіи Пинеги, и не пробралась еше въ эту рѣку, какъ Шренкъ сообщаетъ ниже (стр. 62).

тились только два случая занесенія рака [1]), не имѣющіе никакого значенія въ хозяйственномъ отношеніи.

Тѣмъ замѣчательнѣе становится оказавшаяся между рукописями моими записка на русскомъ языкѣ (къ сожалѣнію безъ означенія, откуда она взята), въ которой сказано, что въ 1805 году въ Екатеринбургѣ, и въ тридцатыхъ годахъ въ Златоустѣ въ видахъ разведенія раковъ было разсыпано ихъ нѣсколько сотъ боченковъ. Въ Екатеринбургъ они привезены были изъ Чусовой, а въ Златоустъ изъ Пермской губерніи. Но все это, говорится въ запискѣ, было совершенно безуспѣшно. Такъ какъ извѣстіе это можетъ служитъ подтвержденіемъ стариннаго предразсудка, что переселеніе въ Сибирь раковъ, мышей и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ столь-же невозможно, какъ разведеніе нерастущихъ тамъ дубовъ, орѣшниковъ, яблонь и т. д., то я очень радъ, что на основаніи собственныхъ распросовъ могу сообщить слѣдующее: въ послѣднее время какой-то купецъ привезъ рѣчныхъ раковъ въ Шадринскъ, который лежитъ гораздо ниже Екатеринбурга, на томъ-же притокѣ Тоболя (Исети), подъ 56° с. ш., и тамъ теперь развелось ихъ большое количество [2]). Въ возможность успѣха этого предпріятія я вѣрю тѣмъ болѣе, что самъ убѣдился вотъ въ чемъ: въ то время, какъ на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера нигдѣ болѣе не встрѣчалось раковъ (потому что тамъ очевидно мы уже перешли за первоначальный полярный предѣлъ ихъ), все-таки подъ $61\frac{3}{4}$° с. ш. у Сердоболя (Sordavala) между двумя плотинами рѣки, находился выдвинувшійся форпостъ этого животнаго. Оказалось, что уже задолго передъ тѣмъ раки посажены были туда г. Нюгреномъ, съ которымъ я лично говорилъ объ этомъ; съ тѣхъ поръ они очень размножились, но все-же не перешли за предѣлы плотинъ.

Въ зоологическомъ отношеніи распространеніе раковъ изъ Шадринска могло бы заслужить вниманія, тѣмъ болѣе что отсутствіе норки (*Must. lutreola*) въ Сибири уже Палласъ приводилъ въ связь съ отсутствіемъ раковъ, главной ея пищи (срав. стр. 47). Замѣчаніе Блазіуса [3]), что это обстоятельство не можетъ служить норкѣ препятствіемъ переходить въ Сибирь, потому что она питается также лягушками, рыбами, моллюсками, водяными насѣкомыми, водяными птицами и водяными крысами, замѣчаніе это главнымъ образомъ относится только до водяной крысы, такъ какъ лягушекъ, моллюсковъ и водяныхъ насѣкомыхъ въ сибирскихъ горныхъ рѣкахъ очень мало, а водяныя птицы встрѣ-

---

[1]) Палласъ (Reise, III, p. 563) упоминаетъ о переселеніи раковъ въ Сарпу, на который лежитъ Сарепта; Рюсъ (стр. 287) говоритъ о разведеніи раковъ въ южной Финляндіи.

[2]) Но что сказать о другомъ переселеніи рѣчныхъ раковъ въ Тоболь, о которомъ упоминаетъ Георги (Beschreibung des Russ. Reichs, 1800, III, 6, p. 2174), со словъ Палласа? Говорятъ, что они встрѣчаются на южномъ Уралѣ, въ Уѣ, но рѣдко. Спрашивается, должно ли тутъ разумѣть рѣчныхъ раковъ или ракообразныхъ животныхъ, потому что тутъ-же говорится и о ракахъ въ Камчаткѣ, гдѣ какъ извѣстно, вовсе нѣтъ рѣчныхъ раковъ. — Изъ замѣтки, сдѣланной въ прежнее время, я вижу, что одинъ изъ первыхъ Академическихъ путешественниковъ нашихъ (вѣроятно Палласъ) встрѣчалъ раковъ въ Яикѣ до самыхъ истоковъ этой рѣки, тогда какъ въ прилегающихъ Миясѣ и Истетѣ ихъ нѣтъ. Это еще несомнѣннѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что во всѣхъ рѣчныхъ системахъ Ледовитаго океана первоначально не было раковъ (срав. стр. 103).

[3]) Fauna der Wirbelthiere Deutschlands, 1857.

чаются тамъ только въ лѣтнее время. Водяная-же крыса, которая (подъ именемъ крота) въ низменностяхъ главныхъ сибирскихъ рѣкъ составляетъ одно изъ бѣдствій тамошнихъ жителей, встрѣчается очень рѣдко въ гористой переходной области восточнаго ската Уральскаго хребта. Если бы въ низовьяхъ Оби и Енисея жители захотѣли развести у себя норку [1]), то она безъ сомнѣнія расплодилась бы тамъ очень скоро, потому что не встрѣтила бы недостатка въ обильной пищѣ. Можетъ быть, въ теченіе будущихъ столѣтій, она добровольно послѣдуетъ за перенесенными въ Шадринскъ раками, если они тамъ распространятся.

Во всякомъ случаѣ, кажется, существованію раковъ въ Сибири препятствуетъ какое-нибудь климатическое условіе. Легко можетъ быть, что въ области ледяной почвы ракъ вообще не въ состояніи укорениться. Какъ сильны должны быть препятствія, затрудняющія переселеніе рака въ Сибирь, особенно ясно видно, если мы обратимъ вниманіе на легкость, съ какою рыбы появляются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не было.

Дюжинами можно привести извѣстія о томъ, что въ Сибири то исчезали, то появлялись всевозможнаго рода рыбы, отчасти вслѣдствіе того, что прежде существовавшія озера высыхали, или что вода ихъ становилась соленою, и что мало по малу, начиная съ болѣе нѣжныхъ видовъ, прежде водившіяся въ ней рыбы вымирали, отчасти же оттого, что образуются совершенно новыя озера [2]), или что вода соленыхъ озеръ становится прѣсною. Притомъ туть рѣчь идетъ не о живучихъ карасяхъ или другихъ породахъ карповъ, не объ окуняхъ, щукахъ, налимахъ, но и о разныхъ видахъ лососей, не исключая даже нѣжныхъ форелей и харіусовъ. Нерѣдко черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ образованія такого озера, въ немъ опять уже ловятъ рыбу. Простой народъ, которому появленіе рыбъ кажется непонятно быстрымъ, объясняетъ это догадкою о подземныхъ сообщеніяхъ воды.

Видя, что попытки, а еще болѣе результаты разведенія новыхъ домашнихъ животныхъ были такъ ничтожны [3]), мы должны обратиться за разъясненіемъ вопроса къ домашнимъ животнымъ, но не къ такимъ, какихъ мы обыкновенно понимаемъ подъ этимъ словомъ. Я разумѣю гадину, которая тѣсно связана съ домовитостію человѣка и, какъ это можно доказать исторически, только до тѣхъ поръ не выходила изъ тѣсныхъ пре-

---

[1]) Насъ не должно смущать извѣстіе Палласа (Südliche Statthalterschaften, p. 34), которому разсказывали, что животное это никогда не дѣлается ручнымъ и вскорѣ умираетъ.

[2]) Какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдователей, я сообщаю тутъ нѣкоторыя данныя, находящіяся у меня подъ рукою. Гмелинъ (Flora Sibirica, Praefatio, p. XXIII, XXV) первый упомянулъ о нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода. Палласъ (напр. Reise, II, p. 103, 104, 385, 386, 392, 392, 407) приводитъ нѣсколько другихъ такихъ случаевъ. Сиверсъ (въ Палласовыхъ Neue Nordische Beiträge, VII, p. 169) сообщаетъ очень интересное извѣстіе, относящееся къ этому предмету. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ (II, стр. 10, 44) и Сѣверномъ Обозрѣніи (1850, Январь, стр. 125) указаны подобные-же случаи.

Въ этомъ сочиненіи (Растительность Сибири, Прил. № IV, стр. XXII) мною приведены примѣры образованія и исчезанія озеръ, богатыхъ рыбою.

Чрезвычайно любопытны свѣдѣнія, недавно сообщенныя Радде (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 354, 357) объ огромномъ озерѣ Тарей (длиною въ 40, шириною 20—25 верстъ), которое при Палласѣ въ 1772 году было сухо, потомъ наполнилось водою и снова высохло за 5 лѣтъ до пріѣзда Радде.

[3]) При этомъ случаѣ мы считаемъ нелишнимъ спросить, что̀ сталось съ фазанами, которые при Палласѣ были высажены на Волжскомъ островѣ Черепаховѣ, близъ Астрахани? См. Südliche Statthalterschaften, p. 191.

дѣловъ своего первоначальнаго распространенія, пока человѣкъ въ тѣхъ мѣстностяхъ сохранялъ свои первобытныя кочевыя привычки. Какъ только онъ дѣлается осѣдлымъ, такъ животныя эти, слѣдуя за поселеніями, безъ удержи рвутся впередъ отъ одного мѣста къ другому и нерѣдко такимъ образомъ обходили весь шаръ земной. Это такъ называемые

Паразиты,

которые идутъ вслѣдъ за зарождающеюся культурою, селятся вмѣстѣ съ нею и лишь впослѣдствіи могутъ быть вытѣснены мѣрами, сопровождающими дальнѣйшее развитіе культуры.

Между этими паразитами лучше всякаго другаго животнаго можно прослѣдить заселеніе и постепенное распространеніе

Крысъ.

Палласъ [1]), какъ извѣстно, оставилъ намъ краткое, но важное извѣстіе о томъ, что осенью 1727 года во время землетрясенія, постигшаго прикаспійскій край, бурые пасюки (*Mus decumanus*) изъ Кумской степи ворвались въ европейскую Россію. Идя изъ Персіи и переправляясь стадами чрезъ Волгу, они вторгнулись въ Астрахань и впослѣдствіи считались провозвѣстниками чумы, которая вскорѣ послѣ того появилась въ Астрахани.

Фактъ этотъ можно бы было принять за извѣстіе объ одномъ изъ весьма часто повторяющихся случаевъ (животныя мышинаго рода, послѣ весьма-сильнаго размноженія, обыкновенно начинаютъ переселяться въ другія мѣста), если бы нельзя было прослѣдить постепенные переходы этого назойливаго паразита отъ одного мѣста къ другому, начиная съ даннаго пункта, Астрахани и съ даннаго 1727 года. Въ самой Астрахани животное это составляло тягостное бѣдствіе уже во второй половинѣ того-же столѣтія [2]). Въ 1774 году его еще не было въ Сарептѣ, но когда Палласъ 19 лѣтъ позднѣе [3]) опять посѣтилъ это мѣсто, то пасюкъ уже стадами, черезъ Сарепту, отправился вверхъ по рѣкѣ въ Царицынъ. Это переселеніе было до того общее, что осталось лишь нѣсколько животныхъ, которыя впрочемъ вслѣдствіе преслѣдованій, кажется, были совершенно истреблены; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ въ 1793 году въ Сарептѣ встрѣчались опять только черныя домовыя крысы.

Изъ другаго извѣстія однакоже мы узнаемъ, что это переселеніе въ Царицынъ было лишь второстепенное странствованіе. Дѣйствительно передвиженіе животнаго, столь быстро проникающаго впередъ, какъ пасюкъ (извѣстно, что онъ преимущественно держится около воды, болѣе всего любитъ перебираться на суда и по такому оживленному водяному пути, какъ Волга, никогда не могъ встрѣтить остановки въ дальнѣйшемъ странствованіи своемъ), передвиженіе этого животнаго не продолжалось бы столько времени.

---

[1]) Въ Zoographia Rosso-Asiatica I, p. 165, говорится, что онѣ появились послѣ землетрясенія, а въ нѣсколько болѣе подробномъ извѣстіи: Novae species e glirium ordine, 1778, p. 92, сказано, что онѣ показались до землетрясенія. Это подтверждаетъ и Фалькъ (Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russ. Reiches, III, 1786, p. 307), который еще не умѣлъ отличать пасюка отъ простой крысы.

[2]) А именно въ 1769 году, по словамъ Гмелина (Reise, II, 1774, p. 162).

[3]) Въ 1793 году, ср. Pallas, Südliche Statthalterschaften, 1799, I, p. 81.

Подтвержденіе этой догадки мы находимъ въ извѣстіи, что въ 1766 году пасюкъ не только пробрался гораздо выше, т. е. въ Самару, но и будучи гонимъ оттуда страшною засухою, огромными стадами направился на востокъ къ рѣкѣ Уралу и вторгнулся въ Уральскъ; здѣсь еще три года спустя онъ водился только въ восточной половинѣ города, не переходя черезъ главную улицу, которая раздѣляла Уральскъ на двѣ части [1]).

Это другое замѣчательное свидѣтельство, потому что вообще пасюкъ подвигался впередъ очень медленно, по проселочнымъ дорогамъ, такъ что въ европейской Россіи, какъ мнѣ кажется, распространился только въ теченіе нынѣшняго столѣтія, даже можетъ быть лишь въ новѣйшее время. Во всякомъ случаѣ въ мое время, т. е. съ 1839 до 1842 года, въ Кіевѣ не было пасюковъ, а встрѣчались только въ большомъ количествѣ домовыя крысы, такъ что появленіе въ Кіевѣ пасюка довольно опредѣлительно можетъ быть отнесено къ 1848 году [2]).

Принимая въ соображеніе, что Кіевъ лежитъ на значительномъ водяномъ пути и что за долго до того пасюкъ проникъ въ небольшіе города вокругъ Кіева, мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло едва-ли съ первоначальнымъ переселеніемъ этого животнаго, а съ однимъ изъ тѣхъ загадочныхъ колебаній въ исчезаніи и появленіи этого животнаго, которыя годъ отъ году все яснѣе оказываются именно одними только колебаніями. Въ отношеніи появленія черной домовой крысы эти колебанія особенно замѣчательны, потому что ее, какъ извѣстно, вытѣсняетъ и мѣстами повидимому даже совершенно истребляетъ пасюкъ, а потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ все-таки она опять является во множествѣ [3]). Въ такихъ случаяхъ это очевидно происходитъ только отъ непостижимо-быстраго размноженія, къ которому всѣ животныя мышинаго рода способны при благопріятныхъ условіяхъ. Такіе случаи необходимо отмѣчать самымъ точнымъ образомъ, чтобы въ этомъ обманчивомъ колебаніи не упустить изъ виду времени дѣйствительнаго истребленія животнаго.

Судя по теперешнему положенію этого вопроса, почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что еще въ историческое время въ Европѣ вовсе не было крысъ; иначе древніе писатели, которые часто говорятъ о мыши, не преминули бы сообщить намъ свѣдѣнія объ этомъ бѣдствіи. Обыкновенно полагаютъ, что первыя крысы завезены въ Европу вслѣдствіе крестовыхъ походовъ. Сколько мнѣ извѣстно, до Альберта Великаго, слѣдовательно до первой половины 13-го столѣтія, о крысѣ нигдѣ не упоминается. Во всякомъ случаѣ это была черная домовая крыса, которая въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ распространилась по Европѣ и теперь еще хозяйничаетъ одна въ глуши внутреннихъ частей нѣкоторыхъ изолированныхъ мѣстностей, даже по видимому еще не успѣла проникнуть въ нѣкоторыя дальнія мѣста [4]). Не знаю я также, встрѣчается ли черная крыса гдѣ-либо въ Сибири.

---

[1]) Pallas, Reise, 1771, I, p. 304.

[2]) Кесслеръ, Животныя губерній Кіевскаго Учебнаго Округа, 1850, стр. 56.

[3]) Съ запада сообщаютъ тоже самое; ср. Der zoologische Garten, 1864, Febr. № II, p. 59.

[4]) Такъ напр. въ 1847 году, въ городѣ Куопіо (подъ 63° с. ш.), который никакъ не лежитъ за полярнымъ предѣломъ крысъ, ихъ вовсе не было, хотя внутри Финляндіи черная крыса теперь еще распространена и преобладаетъ (Лундаль въ Вигмановомъ Archiv für Naturgeschichte, 1853, I, p. 36).

Но навѣрное это не происходитъ вслѣдствіе какой-нибудь климатической причины, какъ нѣкоторые могутъ заключить изъ словъ Кокрена [1]), который говоритъ, что по увѣренію людей, живущихъ на водораздѣлѣ Урала, всѣ мыши, заносимыя съ европейской стороны Урала на сибирскую, дохнутъ, точно также какъ тутъ гибнетъ европейскій дубъ. Въ отношеніи мышей извѣстіе это ложно, а относительно черной крысы мы должны предположить, что во время своего передвиженія съ запада на востокъ ей не удалось еще пробраться такъ далеко. Между тѣмъ главный ея соперникъ, пасюкъ, успѣлъ двинуться вверхъ по Волгѣ и совершенно отрѣзалъ черную крысу отъ Сибири.

Гдѣ ни являлся пасюкъ, вездѣ, какъ извѣстно, онъ выживалъ черную крысу [2]) и по крайней мѣрѣ одерживалъ надъ нею верхъ, если не вполнѣ уничтожалъ свою соперницу. Въ Россіи, гдѣ это случилось позднѣе, всю катастрофу можно еще прослѣдить по свѣжимъ слѣдамъ [3]). Крысы навѣрное истребили бы и домовую мышь, если бы ее не спасла тѣснота ея порокъ.

Впрочемъ Волга не единственный путь, которымъ пасюкъ проникъ въ Европу: чрезъ мѣру размножась въ южной и западной Азіи въ концѣ второй четверти прошлаго столѣтія, онъ почти одновременно прибылъ съ одной стороны въ низовья Волги, съ другой — въ 1730 году — прямо изъ Азіи на корабляхъ въ Англію, и такимъ образомъ въ одно время накинулся на Европу съ востока и запада [4]).

Съ тѣхъ поръ мы вправѣ считать пасюка вывѣскою оживленной торговли, и сказать, что мѣстность, гдѣ его нѣтъ, исключена изъ всемірной торговли. Лѣтъ черезъ десять или двадцать послѣ прибытія своего въ Англію, онъ вторгнулся въ Парижъ [5]). Сто лѣтъ спустя, между 1849 и 1854 годами, въ Парижѣ пришлось принять самыя энергическія мѣры для уничтоженія крысъ, непомѣрно размножившихся въ бойняхъ и клоакахъ. Дюпенъ въ то время исчислилъ количество ихъ въ 5 милліоновъ штукъ; рядомъ съ пасюкомъ тогда сохранилась и черная крыса, которую соперники ея вѣроятно терпѣли вслѣдствіе избытка въ продовольствіи.

---

[1]) Cochrane, Fussreise durch Russland und die Sibirische Tartarei, 1825, p. 52.

[2]) Недавно намъ это сообщено и изъ Испаніи (Zeitschrift für allgemeine Erdkunde p. 97).

[3]) Еще въ 1793 году пасюка не было въ Пензѣ, которая лежитъ такъ близко отъ Волги и Самары (Pallas, Reise in die südlichen Statthalterschaften, 1799, I, p. 81). За то теперь уже сообщаютъ изъ всѣхъ внутреннихъ мѣстъ европейской Россіи, что черную крысу вытѣсняетъ еще худшее зло, пасюкъ, напр. въ Кіевѣ, какъ мы уже замѣтили выше (стр. 108); въ Москвѣ (Asmuss, Archiv für Naturgesch. 1858, II, p. 36; Nouveaux Mémoires des Naturalistes de Moscou, T. X, 1855, p. 270); въ губерніяхъ Калужской, Тамбовской (Allgemeine deutsche naturhist. Zeitung, 1857, III, p. 185) и т. д. Около Дерпта водятся еще оба вида, какъ мнѣ приходится видѣть ежедневно.

Въ Волжскихъ мѣстностяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, нельзя болѣе встрѣтить черную крысу (по словамъ Эверсмана уже лѣтъ тридцать). Но Эверсманъ (Nouv. Mém. des Natur. de Moscou, X, p. 270) говоритъ еще, что въ рѣчной области Урала нѣтъ ни *M. rattus* ни *M. decumanus*. Такъ какъ это почти противурѣчитъ извѣстію Палласа (срав. выше стр. 108), то я обращаю вниманіе на необходимость точнаго изслѣдованія этого обстоятельства.

[4]) Мнѣ кажется впрочемъ, что изображенная у Себы (Thesaurus, II, p. 64, Taf. 63) крыса *(mus cinero fuscus)* уже была пасюкъ. Самая фигура животнаго говоритъ въ пользу этой догадки.

[5]) По Линку (II, p. 163), если не ошибаюсь, уже въ 1740, по Боатару (Jardin des Plantes. p. 305, 333) лишь въ 1750 году.

Завладѣвъ, какъ мы сказали, всемірною торговлею, пасюкъ сталъ бичемъ кораблей (изъ которыхъ нѣкоторые, при выкуриваніи этого животнаго, сдѣлались жертвою пламени) и быстро занялъ всѣ гавани на земномъ шарѣ [1]). Врядъ-ли можно опредѣлить мѣстности въ Россіи, гдѣ переселеніе пасюка, шедшее съ востока, столкнулось съ западнымъ его наплывомъ. Приморскіе города Финляндіи, въ которыхъ я встрѣчалъ пасюка до Улеоборга и Торнео (внутри края господствуетъ еще черная крыса), равно какъ и Архангельскъ, безспорно заняты имъ съ моря. Уже въ началѣ теперешняго столѣтія пасюкъ водился въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, а въ 1777 году чрезвычайно часто встрѣчался въ Петербургѣ [2]), куда онъ могъ проникнуть и съ востока и съ запада.

Что касается до Сибири, то въ концѣ прошлаго столѣтія въ ней еще не было пасюка [3]).

Въ мое же время пасюкъ встрѣчался уже по всей западной Сибири, въ Байкальскомъ и Забайкальскомъ краѣ, но на Енисеѣ простирался не дальше $58\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., т. е. до Енисейска [4]).

На Амурѣ онъ также тотчасъ-же являлся повсюду, гдѣ только успѣвали завести поселеніе [5]); но тамъ онъ былъ бичемъ деревень и вѣроятно пробрался туда изъ Китая, еще прежде нежели Русскіе заняли Амуръ. Замѣчательно, что на Амурѣ, по словамъ Шренка, туземцы, для предохраненія запасовъ своихъ отъ крысъ, прибѣгнули къ тому-же самому средству, на которое указываетъ высшая сельско-хозяйственная предусмотрительность, встрѣчающаяся въ Европѣ въ одной только Англіи: кладовыя устраиваются на сваяхъ, на которыя, вмѣсто опрокинутыхъ чугунныхъ колпаковъ, употребляемыхъ въ Англіи, кладутъ большой кусокъ древесной коры.

Что же касается Камчатки, то въ Петропавловскій гавани, какъ извѣстно, пасюкъ уже давно составляетъ мѣстное бѣдствіе. Г. Вознесенскій говорилъ мнѣ, что тамъ крысы протоптали себѣ глубокія дорожки изъ магазиновъ къ своимъ водопоямъ, около которыхъ можно видѣть стада въ тысячу и болѣе головъ.

---

[1]) Замѣчательно, что тогда какъ пасюки занесены на всѣ населенные острова Тихаго Океана, ихъ доселѣ нѣтъ на тѣхъ островахъ, гдѣ не живутъ люди (United Stated Exploring Expedition, vol. VII, 1848, p. 47).

Какъ въ Россіи, такъ, кажется, и въ сѣверной Америкѣ можно бы было прослѣдить ходъ переселенія пасюка. Такъ напр. принцъ Максимиліанъ (II, p. 72). говоритъ, что во время его путешествія крыса эта въ Фортахъ встрѣчалась чрезвычайно часто, въ деревняхъ же у Индѣйцевъ не могла расплодиться, потому что прибывающихъ туда крысъ тотчасъ истребляли. Бердъ (Catalogue of North-American Mammals, 1857, p. 14) сообщаетъ, что по всей сѣверной Америкѣ и теперь еще водятся домовая мышь и крыса рядомъ съ пасюкомъ.

[2]) Pallas, Novae Species e glirium ordine, 1778, p. 92.

[3]) Pallas, Novae Species e glirium ordine, 1778, p. 92. и Zoographia I, p. 164. Georgi, Beschreibung des Russ. Reiches, III, 6, p. 1558. И по словамъ Гмелина (Reise, I, p. 315) въ то время въ Томскѣ не было пасюка. Замѣчаніе, сдѣланное Палласомъ мимоходомъ въ другомъ мѣстѣ (Reise, 1771, I, p. 304): »животное это, часто встрѣчающееся въ сѣверныхъ частяхъ Россіи и въ Сибири», замѣчаніе это положительно должно считать недосмотромъ съ его стороны.

[4]) По распросамъ. Такъ какъ мнѣ самому не удалось добыть его, то я не помѣстилъ его въ спеціальномъ, зоологическомъ отдѣлѣ этого сочиненія, а сберегъ свѣдѣнія о немъ для этого мѣста; это привело Блазіуса (Wirbelthiere Deutschlands, 1857, p. 314) къ ошибочному предположенію, что и теперь еще въ Сибири нѣтъ пасюка.

[5]) L. v. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amurlande, 1858, I, 1, p. 128, и Radde, Reise im Süden von Ost-Sibirien, 1862, I, p. 179.

Бэръ полагаетъ [1]), что въ Камчатку первыя крысы завезены кораблемъ Надеждою. Но онѣ развелись тамъ гораздо раньше. Сарычевъ [2]), кажется, правъ, говоря, что одинъ изъ японскихъ кораблей (которыя часто прибивались въ моря Камчатки) завезъ крысъ на Алеутскіе острова, изъ которыхъ вслѣдствіе этого одна часть получила названіе Крысьихъ острововъ. При томъ оживленномъ мореходствѣ, которое происходило тамъ уже съ первой половины 18-го столѣтія, крысы быстро распространились и развелись, говорятъ, на западномъ берегу Камчатки гораздо раньше, чѣмъ на восточномъ [3]).

Домовыя мыши, какъ мы выше замѣтили, уже были извѣстны древнимъ и потому ходъ ихъ переселенія нельзя болѣе прослѣдить. Нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе болѣе древняго происхожденія своего, а затѣмъ и вслѣдствіе меньшей величины своей — позволяющей легче заносить ихъ въ другія мѣста и облегчающей имъ воможность отыскивать потаенныя и теплыя зимою лазейки — онѣ распространились гораздо больше крысъ [4]). Въ Сибири онѣ являются съ перваго-же времени ея открытія [5]), и я встрѣчалъ ее тамъ, напр. на Енисеѣ, нѣсколькими градусами широты сѣвернѣе, чѣмъ крысу, а именно до полярнаго круга, въ Туруханскѣ [6]).

Повидимому крысы, вышедшія изъ-подъ болѣе южныхъ широтъ, не совсѣмъ хорошо выносятъ сѣверный климатъ; и потому-то, вѣроятно, домовыя мыши, которыя, какъ мы замѣтили, легче большей своей братьи отыскиваютъ себѣ уголокъ въ тепломъ человѣческомъ жильѣ самого первобытнаго устройства, простираются далѣе къ полюсу. Но при всемъ томъ не слѣдуетъ полагать, что въ предѣлахъ полярнаго круга человѣкъ совершенно освобожденъ отъ крысъ. Напротивъ того, онѣ являются здѣсь въ совершенно особой, мѣстной формѣ. Правда, что тамъ нѣтъ назойливыхъ пришельцевъ, но какъ только наступаетъ зима, такъ и на предѣлѣ лѣсной растительности ваши запасы подвергаются нападеніямъ непризванныхъ посѣтителей. Въ нашихъ ловушкахъ, даже въ Таймырской тундрѣ, мы находили самыхъ нахальныхъ паразитовъ-буторковъ, къ которымъ иногда присоединялись даже полевки (*Arv. obscurus*) и леммингн (*Myod. obensis*).

На глубокомъ сѣверѣ, внизъ по большимъ рѣкамъ, почти до Ледовитаго океана, простыхъ крысъ замѣняютъ водяныя. Начиная отъ Енисейска, гдѣ обыкновенныя крысы

---

[1]) Bulletin scientif. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, 1836, I, p. 154.

[2]) Путешествіе, II, стр. 5, замѣч.

[3]) По словамъ Вознесенскаго, въ Камчаткѣ считается дѣломъ рѣшеннымъ, что въ Большерѣцкѣ крыса водилась съ незапамятныхъ временъ и уже гораздо позднѣе завезена оттуда въ Петропавловскъ. Теперь же, прибавилъ онъ, въ Большерѣцкѣ ихъ очень мало, потому что жители устраиваютъ на нихъ самую тщательную охоту, въ которой участвуютъ и старики и молодежь.

[4]) Въ Куопіо, гдѣ, какъ было сказано, я не встрѣтилъ крысъ, водилась домовая мышь. Очень поучительно быстрое ея распространеніе на Амурѣ, гдѣ Шренкъ (I, p. 129) еще не встрѣчалъ ее, а Радде (I, p. 180), всего 2 года спустя, уже имѣлъ случай упомнпать о ней.

[5]) Такъ напр. Гмелинъ (Reise, I, p. 315) встрѣтилъ ее въ Томскѣ, когда тамъ еще не было крысъ. И въ Камчаткѣ, во время Стеллера, она можетъ быть появилась раньше крысъ; такъ по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать замѣчаніе Стеллера (Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 131).

[6]) Такъ и на Оби она доходитъ до Березова.

прекращаются, внизъ по рѣкѣ [1]), мнѣ приходилось выслушивать отчаянныя жалобы на водяную крысу, которая не только рытьемъ своимъ портитъ огороды, но и опустошаетъ картофельныя грядки до такой степени, что во время сбора картофеля жители часто вытаскиваютъ изъ земли одни только голые стебельки и корни. Не рѣдко впрочемъ они успѣваютъ отыскать запасные склады водяныхъ крысъ и опять завладѣть несъѣденною частью своей собственности [2]). Устраивая на зиму свои запасы, эти водяныя крысы, менѣе чѣмъ мыши и простыя крысы, льнутъ къ человѣку.

Паразитъ совершенно другаго рода (изъ числа насѣкомыхъ) при ближайшемъ разсмотрѣніи, имѣетъ нѣкоторое поразительное сходство съ крысами въ отношеніи вышеизложенныхъ переселеній. Я разумѣю извѣстныхъ въ Россіи

Таракановъ.

Проѣзжая по большому сибирскому тракту и не добравшись еще до Урала, путешественникъ очень часто непріятно удивленъ тѣмъ, что во время самыхъ сильныхъ морозовъ подъѣзжаетъ не къ гостепріимному, теплому дому, а къ мерзлымъ, голымъ стѣнамъ. Вы страшно прозябли и среди темной ночи съ трудомъ отыскали дорогу по наметаннымъ всюду громаднѣйшимъ сугробамъ снѣга; наконецъ окоченѣвшій ямщикъ вашъ весело поворачиваетъ коней къ хорошо знакомой хатѣ, но тщетно путники громче и громче стучатся зъ закрытыя двери — въ окнахъ нигдѣ не показывается огонька.

«А, да они тараканничаютъ» (морятъ, вымораживаютъ таракановъ), говоритъ наконецъ ямщикъ, и дѣйствительно: хозяева перебрались изъ жилаго дома въ какой-нибудь уголокъ, уйдя отъ своихъ мучителей, расплодившихся уже черезъ мѣру, и смотря по степени мороза, или по тому, удачно или неудачно они избѣгли наступающей иногда оттепели, черезъ недѣлю опять возвращаютя въ свой домъ, довольные тѣмъ, что «оттатараканились». Впрочемъ, совершенно достаточно, кажется, неполныхъ 10 градусовъ, чтобы до тла истребить эту гадину; необходимо только, чтобы морозъ успѣлъ проникнуть въ самыя глубокія щели и уничтожить яйца.

Эта неспособность выносить морозъ очевидно составляетъ причину, почему тараканы, при всей привязанности своей къ человѣческому жилью, достигаютъ крайняго сѣвернаго предѣла своего болѣе или менѣе далеко отъ полярнаго круга [3]), и явно показываетъ, что они — пришельцы изъ дальнихъ странъ.

---

[1]) Срав. нѣмец. изд. этого соч. II, 2, стр. 109. Наибольшее бѣдствіе они причинили въ Микулинѣ и Тонковѣ. Говорили впрочемъ уже въ Дудинѣ, слѣдов. подъ $69\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., что эти такъ-называемые кроты иногда весною приплываютъ со льдомъ, но вслѣдствіе мерзлой почвы и недостатка норъ тотчасъ истребляются собаками, такъ что имъ не удается размножиться.

[2]) Тоже самое, по словамъ Мальмгрена, повторяется и въ Финской Лапландіи, гдѣ пасюкъ заходитъ до 70° с. ш.

[3]) Тогда какъ у Бѣлаго моря *Blatta laponica* простирается до Мезени, слѣдоват. до 66° с. ш. (A. Schrenck, Reise, I, p. 711), — далѣе на востокъ деревня Фадина въ Чердынскомъ уѣздѣ (слѣдовательно примѣрно подъ $60\frac{3}{4}^\circ$ с. ш.) является самымъ сѣвернымъ пунктомъ, куда доходятъ прусаки, которые еще не встрѣчаются во всемъ Печорскомъ краѣ (Землед. Газета, 1855, № 33, стр. 130).

На Иртышѣ при Палласѣ (Reise, III, p. 17) прусаки простирались до Самарова (приблизительно $58\frac{1}{2}^\circ$ с. ш.) и не встрѣчались дальше внизъ на Оби.

Хотя на Енисеѣ я встрѣтилъ прусаковъ (*Bl. Germanica*) въ Осиновкѣ и Ярцовѣ (не дальше $60\frac{1}{2}^\circ$ с. ш.), но по-видимому имъ было такъ плохо въ этихъ поселеніяхъ, что они врядъ ли могли сдѣлаться тамъ бѣдствіемъ.

Дѣйствительно постепенное передвиженіе ихъ можно прослѣдить также, какъ переселеніе крысъ, за которыми они шли такъ сказать по пятамъ. Какъ въ породѣ крысъ, такъ и тутъ можно отличать одинъ крупный видъ, или большаго чернобураго таракана, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (*Blatta orientalis*), и другой, мелкій видъ, который можно сравнить съ домовою мышью, или свѣтлобураго прусака (*Bl. germanica*). Какъ на глубокомъ сѣверѣ простыя крысы смѣняются подобными имъ, не менѣе докучливыми животными, т. е. водяными крысами, которыя тамъ принадлежатъ къ мѣстнымъ животнымъ, такъ на сѣверѣ Европы живетъ другое мелкое, очень похожее на прусака насѣкомое, *Blatta laponica*, которое тамъ, говорятъ, также мѣстное, не переселившееся животное. Какъ между крысами одна порода является истребительницею другой, такъ точно повидимому изгоняютъ другъ друга тараканы и прусаки; но замѣчательно, что меньшій прусакъ, кажется, вытѣсняетъ бо́льшаго таракана, что̀ заслуживаетъ ближайшаго изслѣдованія [1]).

Ранѣе прусака, кажется, развелся таракапъ. Еще въ 17-мъ столѣтіи польско-литовское посольство, отправившееся въ 1678 году въ Москву, жаловалось на это насѣкомое. Протрѣзвившись послѣ хорошей попойки, господа эти замѣтили, что лицо и руки ихъ были разъѣдены неизвѣстнымъ насѣкомымъ, которое тамъ называется караканомъ и туземцамъ не причиняетъ никакого зла [2]). Рисунокъ, приложенный для удостовѣренія, ясно показываетъ, что это былъ тараканъ (*Blatta orientalis*). Слѣдовательно по всей вѣроятности онъ перешелъ въ Европу также съ юго-востока черезъ Россію [3]), но распространился меньше прусака и, можетъ быть, дѣйствительно отступаетъ передъ непомѣрнымъ наплывомъ прусаковъ. По-видимому и въ Сибири тараканъ уже существовалъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія [4]). Можетъ быть, онъ рано удалился оттуда передъ вторгнувшимися туда прусаками.

Что касается до прусаковъ, то во-первыхъ я считаю нелишнимъ замѣтить, что *Blatta lapponica* дѣйствительно, кажется, первоначально водилась на сѣверѣ, потому что тамъ она преимущественно встрѣчается въ глуши и — точно также какъ водяная крыса — только

---

[1]) Я бы не обратилъ вниманія на это преданіе, если бы его съ разныхъ сторонъ не признавали за фактъ. Такъ напр. на кораблѣ, отправленномъ для отысканія Лаперуза (Labilladière, Voyage à la recherche de La Pérouse, I, p. 377), таракана *(Blatta orientalis)* быстро замѣнилъ прусакъ *(Bl. germanica)*; такимъ-же образомъ Палласъ говоритъ (Südl. Statthalterschaften p. 15), что на Волгѣ прусаки повсюду гонятъ передъ собою таракановъ. Тоже самое сообщаетъ А. Шренкъ (Reise nach d. Nordosten des europ. Russl. I, p. 711), какъ наблюденіе, сдѣланное крестьянами въ самыхъ дальнихъ частяхъ европейскаго сѣвера.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ замѣтить что на кораблѣ Нева тараканы въ безчисленномъ множествѣ завезены были на островъ Кадьякъ, но тѣмъ не менѣе они вскорѣ вымерли тамъ по неизвѣстной причинѣ (Langsdorff, Reise II, p. 67).

[2]) Legatio Polono-lithuanica in Moscoviam, anno 1678 feliciter suscepta. Descriptio a teste oculato Bernhardo Leopoldo Francisco Tannero, Norimbergae, 1689, p. 34.

[3]) Въ концѣ 18-го столѣтія наши академики нашли, что на Волгѣ тараканы были очень распространены. Напр. по словамъ Палласа, въ Царицынѣ. (Reise, III, p. 650). Ср. также Georgi, Reise, I, p. 189.

[4]) По крайней мѣрѣ Гмелинъ (Reise durch Sibirien, I, 1751, p. 178) уже въ 1734 году хвалилъ Тару за то, «что въ этомъ городѣ нѣтъ зла, безъ котораго мы пока еще нигдѣ не обходились. Тутъ нѣтъ таракановъ и говорятъ, что ихъ нѣтъ болѣе и дальше вверхъ по Иртышу».

по временамъ становится въ тягость человѣку. Едва ли была бы какая-нибудь польза отъ «вытаракашиванія» ея. Но этому-то ее, но только ее, а не прусака, какъ это часто дѣлается [1]), можно считать насѣкомымъ, которое водится въ сѣверной Европѣ. Въ отношеніи этой *Blatta laponica* нужно бы было изслѣдовать, на сколько она распространена къ югу. Мнѣ кажется, что большая часть взводимыхъ на нее обвиненій, между которыми заключается и то, что она является также въ Баваріи, со временемъ окажется недоразумѣніемъ и смѣшеніемъ ея съ прусакомъ (*Bl. germanica*) [2]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прусаку несправедливо дано систематическое названіе его *Blatta germanica*, и что несравненно лучше было бы оставить за нимъ первоначальныя его прозвища: *Blatta daurica Laxmann* или *Blatta asiatica Pallas*. Сосѣднія страны не рѣдко на перерывъ стараются навязать одна другой вину въ причиненіи разныхъ бѣдствій. Вотъ почему, соотвѣтственно систематическому названію *Blatta germanica*, русскій народъ назвалъ это насѣкомое «Прусакомъ», тогда какъ въ Пруссіи его называютъ «Русскимъ» [3]).

Но что прусакъ, подобно таракану, зашелъ въ Европу съ востока, это можетъ быть доказано самымъ положительнымъ образомъ, на перекоръ всѣмъ названіямъ.

Лаксманъ [4]) говоритъ, что прусакъ (названіе это дано ему лишь впослѣдствіи) первоначально зашелъ изъ Китая путемъ торговли съ Амурскимъ краемъ, а именно въ Нерчинскъ. Оттуда въ 1757 году тогдашній воевода завезъ его въ Верхнеудинскъ, Селенгинскъ и Кяхту. Другаго вельможу при всемъ уваженіи, какимъ онъ пользовался, обвиняли въ томъ, что въ 1760 году онъ завезъ это животное изъ Забайкалья въ Иркутскъ, очевидно чрезъ многочисленные обозы, которые въ то время сопровождали воеводъ. Не прошло 8 лѣтъ, какъ прусаки завелись сначала въ Томскѣ, а потомъ въ Ачинскѣ, и размножились необыкновенно быстро [5]). Впрочемъ насѣкомое это, можетъ быть, вторгнулось въ Сибирь и другимъ путемъ, который въ то время былъ очень оживленъ, т. е. завезено съ товаромъ изъ Ташкента, внизъ по Иртышу [6]). Третій путь шелъ вслѣдъ за переселеніемъ крысъ изъ Астрахани, вверхъ по Волгѣ [7]). По-видимому прусаки быстро зашли

---

[1]) Тунбергъ въ Mémoires de l'Acad. de St.-Pétersb. T. X, p. 275.

[2]) Такъ напр. въ 1834 году (Axis, Intelligenzblatt zum Faunus, № 2, p. 5) сообщено извѣстіе, что *Bl. lapponica* пробралась въ Баварію и сдѣлалась несокрушимымъ бѣдствіемъ. По словамъ Лепехина (Путешествіе, I, стр. 133), въ его время она стала являться по крестьянскимъ избамъ въ Симбирской губерніи, а Гмелинъ (Reise, I, p. 8, примѣч.) говоритъ даже, что всѣ тараканы происходятъ изъ Финскихъ земель и распространились оттуда на востокъ. Это все-таки опять можетъ относиться только къ *Bl. lapponica*.

[3]) Во всякомъ случаѣ замѣчательно, какъ скоро послѣ перваго появленія своего въ Сибири насѣкомыя эти получили названіе «прусаковъ». Мы неоднократно находимъ его у Палласа; (Reise II, p. 236; III, p. 263; Südliche Statthalterschaften, p. 15).

[4]) Sibirische Briefe, p. 48, 54; Сибирскій Вѣстникъ I, стр. 46, 80. Извѣстіе это подтверждаютъ Палласъ (Reise, III, p. 263) и Георги (p. 189).

[5]) Pallas, Reise, II, p. 659, 668.

[6]) Между 1760 и 1770 годами прусаки появились еще въ Усть-Каменогорскѣ (Pallas, Reise, II, p. 543). Что переселеніе шло и этимъ путемъ, становится тѣмъ вѣроятнѣе, что уже долго послѣ того, какъ прусаки успѣли развестись въ Омскѣ и Ачинскѣ, ихъ все-таки еще не было дальше внизъ по Иртышу, между Тоболемъ и Ишимомъ, и на Чулымѣ (Pallas, Reise, II, p. 441, 668).

[7]) Чрезъ Царицынъ (Pallas, Reise, III, p. 651) и Пензу (Pallas, Südliche Statthalterschaften, p. 15).

даже въ западную Европу [1]), гдѣ впрочемъ опрятность, соединенная съ высшей культурой, нигдѣ не позволила имъ расплодиться и въ разное время истребила ихъ.

Въ заключеніе мы считаемъ нелишнимъ упомянуть, что къ этимъ насѣкомымъ, зашедшимъ къ намъ съ востока, недавно хотѣлъ-было присоединиться родичъ ихъ, пришедшій въ противуположномъ направленіи, съ запада, а именно прямо изъ Америки въ сообществѣ нѣсколькихъ растеній въ Императорскій Ботаническій садъ въ Петербургѣ. Это такъ называемая *Blatta americana*, которая однакоже повидимому опять вымерла въ новомъ своемъ пріютѣ [2]).

Пояснивъ на животныхъ мышиной породы и на таракапахъ примѣры переселенія млекопитающихъ животныхъ и насѣкомыхъ вслѣдъ за человѣкомъ въ Сибирь и Европу, я позволю себѣ упомянуть еще объ одномъ паразитѣ между птицами, который также находится въ самой тѣсной связи съ осѣдлымъ человѣкомъ и повидимому только высматриваетъ новое мѣстечко, которое въ дебри расчищаютъ подъ пашню, чтобы тотчасъ-же послѣдовать за поселенцемъ и занять мѣсто подъ кровлею новаго его жилья. Я разумѣю

Воробья.

Дѣйствительно, до занятія Сибири Русскими тамъ не было воробьевъ, по крайней мѣрѣ не на такомъ протяженіи, какъ теперь, потому что тогда еще не было введено земледѣліе, которое, какъ извѣстно, въ то время существовало только на крайнемъ юго-западѣ и юго-востокѣ Сибири. Въ первое время воробей распространялся такъ медленно, что Мессершмидтъ могъ еще сообщить годъ его появленія на теперешнемъ полярномъ предѣлѣ его въ рѣчной области Оби, а именно въ Березовѣ подъ 64° с. ш. (1735) и въ Нарымѣ, подъ 59° с. ш. (1739) [3]).

Какъ въ то время воробей показался тамъ одновременно съ первыми попытками введенія хлѣбопашества на крайнемъ полярномъ предѣлѣ земледѣлія, такъ и въ наше время онъ является на вновь выдвинувшихся аванпостахъ земледѣлія въ Алтаѣ вскорѣ послѣ занятія этихъ постовъ. Уже на второй годъ послѣ основанія поселенія Уймонска явилась домашняя ласточка [4]), а на седьмой годъ — простой воробей [5]). Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ переселеніе начинается иногда съ одной пары. Это появленіе воробья на Алтаѣ, вслѣдъ за сохою, нельзя вполнѣ сравнивать съ подобными случаями, замѣченными въ послѣднее время въ Швейцарскихъ Альпахъ [6]), потому что поселеніе Уймонскъ при осно-

---

[1]) J. Beckmann, примѣч. къ стр. 52. Съ платьями и товарами уже въ то время прусаки зашли въ Данію и расплодились въ нѣкоторыхъ домахъ, а въ особенности въ одной винокурнѣ до такой степени, что два года сряду тщетно пытались истребить ихъ.

[2]) Полученныя мною отъ Траутфеттера свѣдѣнія противурѣчатъ дошедшимъ до меня разсказамъ о распространеніи этого насѣкомаго и указываютъ на сообщенное въ Регелевой Gartenflora, Jahrg. VII, p. 187, вредное распространеніе *Thrips Dracaenae Reg.*

[3]) Pallas, Zoographia Rosso-Asiatica, II, p. 30.

[4]) Также вслѣдъ за основаніемъ первыхъ поселеній и на Амурѣ (Радде, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, 1863, p. 278)

[5]) Геблеръ въ Mémoires des Sav. étrangers de l'Acad. des Sc. de St.-Pétersbourg, T. III, 1837, p. 526. На разстояніи 30 верстъ отъ старинныхъ жилищъ появился воробей въ горахъ уже на другой годъ послѣ устройства поселенія. Въ другихъ мѣстахъ (Трыкалка) онъ показался лишь черезъ 10 лѣтъ послѣ учрежденія поселенія.

[6]) Tschudi, Das Thierleben der Alpenwelt, 1858, p. 81.

ваніи своемъ отстояло на 120 верстъ (17 географ. миль) отъ ближайшихъ деревень, изъ которыхъ туда переселились воробьи. Впрочемъ воробьи перелетаютъ еще бо́льшія разстоянія; въ Бѣломъ морѣ они поселились даже на Соловецкомъ островѣ [1]), не смотря на то, что онъ лежитъ около полярнаго круга. Но точно также и среди дебрей сѣвернаго Урала онъ послѣдовалъ за самыми крайними попытками введенія хлѣбопашества, подъ 66° с. ш., на рѣкѣ Усѣ [2]).

Чтобы возвратиться къ Сибири, я замѣчу еще, что и на Енисеѣ я встрѣчалъ воробья до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ простиралось земледѣліе (до 61° с. ш.).

На югѣ Сибири воробьи первоначально стали подвигаться впередъ быстрѣе, чѣмъ на полярномъ его предѣлѣ, потому что уже въ 1710 г. они переселились изъ окрестностей Иркутска въ область истоковъ Лены [3]), а въ Витимскій край ($59\frac{1}{2}$° с. ш.) проникли лишь въ 1781 г. одновременно со введеніемъ тамъ земледѣлія [4]).

По всему прибрежью Охотскаго моря и даже въ Удскомъ острогѣ воробья [5]) въ мое время еще не было [6]); въ 1859 году онъ не встрѣчался ни въ одномъ русскомъ поселеніи на Амурѣ [7]). Впрочемъ онъ недолго заставитъ ждать себя.

Интересны два приведенные у Радде случая, въ которыхъ домашній воробей послѣдовалъ за человѣкомъ, не смотря на то, что еще не было введено земледѣлія. Одинъ изъ нихъ Радде объясняетъ появленіемъ пышныхъ хепоподій, другой привозомъ овса для казацкихъ лошадей [8]). Слѣдовательно домашній воробей принималъ тамъ роль полеваго воробья, который, какъ извѣстно, менѣе зависитъ отъ человѣческаго жилья, любитъ водиться болѣе въ сообществѣ другихъ зерноядныхъ птицъ, чѣмъ съ домашнимъ воробьемъ, забирается выше въ горы, преобладаетъ въ юго-восточной Сибири, а на Амурѣ до сихъ поръ царствуетъ одинъ. Я нашелъ его также въ Удскомъ Острогѣ; здѣсь онъ являлся такъ сказать старою вывѣскою производившагося тамъ нѣкогда хлѣбопашества, которое въ видѣ острова, окруженнаго большими горными цѣпями, находилось на разстояніи почти 1000 верстъ отъ постояннаго и доселѣ продолжающагося земледѣлія. Вѣроятно это полевой-же воробей, который на Енисеѣ простирается за нѣсколько градусовъ широты дальше полярнаго предѣла домашняго воробья и по временамъ встрѣчается тамъ подъ полярнымъ кругомъ [9]).

---

[1]) Досиѳея, Соловецкой монастырь, стр. 32.

[2]) Brandt, Bemerkungen über die Wirbelthiere des nördlichen europäischen Russlands, p. 65, въ соч. Гофмана: Der nördliche Ural und Pae-Choi. 1856, II.

[3]) Pallas, Zoographia Rosso-Asiatica, II, p. 30.

[4]) Sauer, Voyage traduit par Castéra, 1802. I, p. 42. До Неледуя, первой станціи ниже Витимска.

Считаю долгомъ замѣтить, что положительно я не знаю, существуетъ-ли домашній воробей въ настоящее время въ Якутскѣ и Амгинскѣ.

[5]) Уже Сарычевъ (Путешествіе, I, стр. 48) замѣтилъ, что въ Охотскѣ нѣтъ воробья.

[6]) Земанъ (Reise, II, p. 31) должно быть ошибся, сказавъ, что онъ видѣлъ тамъ воробьевъ.

[7]) L. v. Schrenk, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, I, 2, p. 290, и Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, II, p. 180.

[8]) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, II, p. 180. Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 207. На Байкальскомъ островѣ Ольхонѣ и въ Хангинскомъ пограничномъ постѣ на Саянскомъ хребтѣ.

[9]) Ср. нѣмецкое изданіе этого сочиненія, т. II, ч. II, 2, стр. 148.

Во всякомъ случаѣ мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что какъ воробьи льнутъ къ человѣку изъ чисто-эгоистической причины, такъ подобныя соединенія нѣсколькихъ животныхъ между собою также, должно быть, обязаны своимъ началомъ выгодамъ, которыя происходятъ отъ совокупной жизни. Въ послѣднее лишь время африканскіе путешественники сообщили намъ извѣстіе, что страусы и квагги потому живутъ вмѣстѣ, что первые ѣдятъ жуковъ, которые водятся въ навозѣ этихъ дикихъ ословъ; съ своей стороны они приносятъ послѣднимъ пользу какъ охранители ихъ безопасности. Такимъ-же образомъ Юнгхунгъ въ малоизвѣстномъ анонимномъ сочиненіи [1]) указалъ неразрывные узы, соединяющіе въ Явѣ павлина съ тигромъ до того, что павлинъ, который болѣе всего любитъ лѣсныя чащи жаркихъ низменныхъ долинъ, чрезвычайно часто встрѣчается даже на скудно покрытой лѣсомъ плоской возвышенности, на высотѣ 9000 футовъ, гдѣ тигръ (въ низменностяхъ по большей части питающійся кабанами, живущими въ камышахъ) преслѣдуетъ безчисленныхъ олепей, наслаждающихся тутъ сочною травою. Дѣло въ томъ, что павлины не довольствуются одними плодами, но и большіе охотники до кишечныхъ глистовъ и червячковъ, развивающихся въ остаткахъ олеией, которыхъ пожираетъ тигръ. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ павлинъ занимаетъ при тигрѣ такую-же роль, какую шакалъ, какъ извѣстно, играетъ при львѣ, а на крайнемъ сѣверѣ песецъ и отчасти россомаха, исполняютъ при бѣломъ медвѣдѣ. Они убираютъ объѣдки у вельможъ, вслѣдъ за которыми они тянутся.

Такова-же должна быть причина (только ее труднѣе дознать), почему на глубокомъ сѣверѣ лѣсная, а въ Таймырскомъ краѣ, какъ я замѣтилъ, и краснобрюхая семендюха [2]) по временамъ живетъ съ чернозрудкой (*Tr. cinclus* L.), такъ что передъ періодомъ совокупленія обѣ эти птицы соединяются попарно и чернозрудка какъ бы становится предводительницею семендюхи, указывая ей, когда слѣдуетъ полетѣть, когда спуститься на землю. Въ Исландіи это странное соотношеніе доставило чернозрудкѣ, такъ какъ она гораздо меньше, прозваніе «рабыни семендюхи» [3]). Помню, что Сѣверцовъ [4]) говоритъ о подобной связи между *Charadrius minor* и *Sterna minuta*, равно какъ между *Falco vespertinus* и *Sterna leucoptera*. На Алданскомъ хребтѣ весною подобнымъ-же образомъ горлица до того сдружается съ кукушкой, что мнѣ нерѣдко случалось подкрадываться къ одной изъ нихъ и, къ немалому удивленію моему, поднимая застрѣленную мною птицу, держать въ рукахъ ея спутницу.

Разставаясь съ сибирскими паразитами, и бросая еще разъ взглядъ на выяснившіеся факты, мы вправѣ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Къ счастію зоологія въ состояніи доказать исторически, что паразиты шли вслѣдъ за человѣкомъ.

---

[1]) Licht- und Schattenbilder aus dem Inneren von Java, Amsterdam, 1853, Drittes Stück, p. 230, примѣч.

[2]) Срав. нѣмецк. изд. этого сочиненія, II, 2, p. 211.

[3]) Faber, Ueber das Leben der hochnordischen Vögel, 1825, I, p. 38; Naumannia, 1857, p. 16.

[4]) Періодическія явленія... Воронежской губ. 1855.

Какъ съ одной стороны движеніе это продолжается еще на нашихъ глазахъ и не совершилось окончательно, такъ съ другой стороны мы вправѣ предположить, что оно началось уже давно, въ доисторическое время, и измѣнило предѣлы распространенія извѣстныхъ животныхъ [1]).

Нерѣдко переселеніе это происходило съ разныхъ сторонъ, разными путями, а иногда и скачками.

Часто довольно трудно дознаться, какимъ образомъ совершалось распространеніе паразитовъ; но это не должно удивлять насъ, если принять въ соображеніе, какихъ трудовъ стоило напр. прослѣдить ходъ заразительныхъ болѣзней (чему долго не вѣрили) между скотомъ и людьми. Но вѣдь на подобныя разысканія и употреблено громадное количество историческихъ и статистически-полицейскихъ средствъ.

2) Паразиты зашли къ намъ изъ центральной Азіи, преимущественно чрезъ земли, прилегающія къ устьямъ Волги. Они перешли за климатическіе полярные предѣлы свои по направленію къ полюсу. Чѣмъ дальше они подвигались къ полюсу, тѣмъ больше слѣдовательно они льнули къ человѣку. Человѣкъ посредствомъ культуры превращаетъ въ паразиты дикихъ животныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, паразиты преимущественно сдѣлались паразитами лишь по мѣрѣ удаленія отъ своей родины. Тамъ, т. е. у себя на родинѣ, они мало отличаются образомъ жизни отъ дикихъ животныхъ [2]). Заходя въ неблагопріятный для нихъ климатъ, они по неволѣ, по крайней мѣрѣ въ суровое время года, должны льнуть къ человѣку.

---

[1]) Вошь, о которой нами уже говорено было на стр. 52-й, до такой степени положительно эпизоотическое животное, рожденное вмѣстѣ съ человѣкомъ и на немъ, что ее, само собою разумѣется, можно встрѣтить въ любомъ климатѣ, въ собственной или чужой шубѣ человѣка.

Но откуда взялся домашній клопъ? Нерѣдко встрѣчается извѣстіе (переходившее чрезъ списываніе этого свѣдѣнія однимъ у другаго все далѣе и далѣе), что въ 17-мъ столѣтіи онъ завезенъ изъ Америки. Можетъ быть, это и такъ (ср. стр. 115 относительно *Blatta americana*), но мнѣ не извѣстны ближайшія доказательства на это.

Во всякомъ случаѣ въ Сибирь клопъ занесенъ ранѣе таракановъ. Палласъ (Reise, II, p. 441) встрѣтилъ его на Иртышѣ и Ишимѣ повсемѣстно. Уже до 1740 года клопъ чрезъ Якутскъ и Охотскъ зашелъ на западный берегъ Камчатки, но на восточномъ ея берегѣ не былъ еще нѣсколько лѣтъ спустя (Steller, Kamtschatka, 1774, p. 198).

[2]) Гмелинъ открылъ пасюка въ первый разъ въ Персіи, на открытомъ полѣ (Pallas, Zoographia Rosso-Asiatica, I, p, 154 и Novae species e glirium ordine, 1778, p. 92). Въ Дауріи и Лапландіи прусаки водятся на открытомъ воздухѣ.

Подъ болѣе южными широтами блохи наскакиваютъ на васъ въ ненаселенныхъ мѣстахъ, и уже въ низовьяхъ Волги до того, говорятъ, облѣпляютъ губы насущагося скота, что послѣднія кажутся черными (Эверсманъ, Естеств. Ист. Оренбургскаго края, 1840, стр. 73), а подъ болѣе сѣверными широтами укрываются въ домахъ. Тоже самое мы находимъ даже на южномъ берегу Охотскаго моря, гдѣ вѣроятно холодъ почвы заставляетъ ихъ жить въ домахъ. Когда я тамъ однажды захотѣлъ ближе осмотрѣть и описать гиляцкое зимнее жилье, которое до зимы оставалось не занятымъ, то блохи положительно заставили меня обратиться въ бѣгство и отказаться отъ моего намѣренія. Какъ густая, черная каша они расползлись по мнѣ: слитная бродящая масса, которая, поднимаясь вверхъ по моей одеждѣ, разлилась по мнѣ. Въ предѣлахъ полярнаго круга для истребленія блохъ достаточно безпрерывно измѣнять температуру. Какъ скоро онѣ соскочили съ теплаго тѣла, такъ онѣ бо́льшею частію уже и пропали.

Вслѣдствіе разведенія совокупныхъ растеній, и вслѣдствіе земледѣлія не только чрезмѣрно размножаются вредныя насѣкомыя, не только являются всевозможныя мыши, хомяки, суслики и т. д. въ такомъ огромномъ количествѣ, въ какомъ они врядъ-ли распложаются самостоятельно въ самыхъ плодородныхъ первобытныхъ степяхъ, но и нарождается въ культурныхъ странахъ такое множество зайцевъ, куропатокъ, жаворонковъ и т. д., какое въ первобытной природѣ нигдѣ не встрѣчалось.

Чѣмъ дальше къ полюсу, тѣмъ благопріятнѣе должны быть условія, которыя человѣкъ можетъ предложить своимъ южанамъ-паразитамъ. Вообще паразиты съ большимъ трудомъ пробираются до полярнаго круга [1]). Въ предѣлахъ его нѣкоторые изъ нихъ замѣняются другими, болѣе освоившимися тамъ животными, въ такіе годы, которые благопріятствуютъ размноженію послѣднихъ.

Въ глазахъ зоолога Волжскій путь пріобрѣтаетъ особое значеніе, если вспомнить, что этимъ путемъ, какъ извѣстно [2]), распространились по Европѣ не только млекопитающія и насѣкомыя, но и прѣсноводныя животныя, которыя обыкновенно водятся въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, если вспомнить, что это одинъ изъ главнѣйшихъ путей перелетныхъ птицъ, ежегодно наводняющихъ сѣверъ древняго материка, и что этимъ-же самымъ путемъ совершилось переселеніе народовъ, нахлынувшихъ на Европу.

3) Чѣмъ меньше животное, тѣмъ легче человѣкъ неумышленно распространяетъ его, въ особенности при помощи мореплаванія, служащаго посредникомъ всемірной торговли [3]).

4) Естественное противудѣйствіе чрезмѣрно усиливающагося паразита является вскорѣ въ образѣ другаго паразита, хотя послѣдній и не есть естественный врагъ перваго.

Крыса вытѣсняетъ мышь, пасюкъ черную крысу, прусакъ таракана, воробей ласточку, хотя въ первобытномъ своемъ положеніи между этими соперниками нѣтъ ничего общаго. Вражда между ними возникаетъ лишь тогда, когда они уже успѣли обратиться въ паразитовъ. Слѣдовательно природа не довольствуется тѣмъ, что въ виду богатой

---

[1]) Убѣдительнымъ доказательствомъ того, что при благопріятныхъ условіяхъ, такіе южные обитатели въ состояніи слѣдовать за человѣкомъ очень далеко, служитъ экспедиція Кэна, который, какъ извѣстно, обратилъ корабль свой въ жилье, когда ему пришлось прозимовать въ виду 80-го градуса широты. Все это время крысы составляли одно изъ величайшихъ бѣдствій его пребыванія, разорили незамѣнимое собраніе пауковъ и пчелъ, а наконецъ служили явившеюся кстати свѣжею мясною пищею (Kane, Arctic Explorat. I, p. 394; II, p. 61).

Блохи, наводнившія Чили, извѣстное по отсутствію насѣкомыхъ (потому что лежитъ въ благопріятномъ климатѣ), въ Сибири ограничиваются тѣмъ, что весьма слабые крайніе форпосты ихъ находятся въ Туруханскѣ, Верхоянскѣ, Жиганскѣ, Зашиверскѣ. За этимъ предѣломъ они исчезаютъ и даже двѣ лягавыя собаки наши въ Таймырскомъ краѣ вскорѣ лишились всѣхъ привезенныхъ съ собою постояльцъ.

[2]) У насъ есть рядъ самыхъ достовѣрныхъ извѣстій о томъ, что волжская раковина Dreissena polymorpha, не зашедшая, правда, въ Сибирь, распространилась по всей Европѣ вслѣдствіе того, что прицѣплялась къ рѣчнымъ судамъ.

Какъ при распространеніи стерляди (стр. 104), такъ и въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ должно было дѣйствовать соединеніе различныхъ рѣчныхъ системъ посредствомъ каналовъ.

[3]) Мнѣ встрѣтилась даже замѣтка (Die Natur, VI, p. 232), что комары занесены на Сандвичевы острова посредствомъ мореплаванія. Такъ ли это?

добычи вслѣдъ за чрезмѣрнымъ размноженіемъ паразитовъ увеличивается и число ихъ истребителей и естественныхъ враговъ, которые противудѣйствуютъ наставшему бѣдствію. Нѣтъ, вслѣдствіе столкновенія жизненныхъ интересовъ, вслѣдствіе соперничества въ насущной пищѣ, появляются совершенно новые враги.

Какъ воробей составляетъ переходъ отъ паразита къ такимъ спутникамъ человѣка, которые приносятъ пользу его хозяйству, или по крайней мѣрѣ не вредятъ ему, такъ мы въ заключеніе не считаемъ себя вправѣ умолчать и о нѣкоторыхъ другихъ наиболѣе замѣтныхъ животныхъ, находящихся также въ числѣ подобныхъ спутниковъ человѣка. Если воробей идетъ вслѣдъ за земледѣліемъ для того, чтобы непосредственно поживиться около него, то мы должны предположить, что ласточка ищетъ ближайшаго сосѣдства человѣка по случаю размноженія насѣкомыхъ, которыя бываютъ слѣдствіемъ разведенія растеній, скотоводства, нечистотъ и т. д. Выше мы уже замѣтили (стр. 115), что она является въ новомъ поселеніи человѣка прежде, чѣмъ его успѣетъ замѣтить воробей.

Куропатки размножаются сообразно ходу земледѣлія и подвигаются все далѣе вслѣдъ за вырубкою лѣса, по направленію къ полюсу; въ тѣхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проходитъ теперешній полярный предѣлъ куропатки, это не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть даже доказано фактически [1]). Еще яснѣе это видно на перепелкѣ, которая стала появляться въ Лифляндіи въ то время, когда я былъ самымъ страстнымъ охотникомъ. Птица эта, крикъ которой намъ прежде извѣстенъ былъ только по разсказамъ, лѣтомъ 1835 года явилась около Дерпта въ большомъ количествѣ и съ тѣхъ поръ не покидала насъ [2]).

---

[1]) Въ отношеніи куропатокъ это особенно замѣтно въ Финляндіи. По словамъ Рюса (стр. 285), куропатки разведены въ Петербургѣ Императрицею Елисаветою, и оттуда лишь въ 1770 году зашли въ Финляндію (Саволаксъ). Тамъ дѣйствительно я встрѣчалъ ихъ даже подъ $61\frac{3}{4}^\circ$ с. ш. у Сордовалы; внутри Финляндіи онѣ едва ли попадутся подъ этою широтою, тогда какъ въ древнемъ культурномъ краѣ у Ботническаго залива онѣ пробрались даже до 65° с. ш. (Улеоборга). — Въ 1834 году Клеркъ (Magaz. of Natural Hist., 1839, p. 142) увѣрялъ, что *Perdrix rubra*, которая въ 1790 г. завезена была въ Англію, повсюду вытѣсняетъ *Pedrix cinerea*. Если бы съ тѣхъ поръ обстоятельство это подтвердилось, то прибавился бы новый интересный фактъ къ безчисленному множеству свидѣтельствъ о вліяніи человѣка на распространеніе животныхъ.

Съ 1838 и 1839 г. рябчики снова, говорятъ, разведены и расплодились въ Шотландіи, гдѣ они до того времени были совершенно истреблены.

[2]) Какъ у насъ подъ 58—59° с. ш., такъ и въ Швеціи сначала подъ 56°, а теперь уже подъ $59\frac{1}{3}^\circ$ с. ш., перепелка распространилась лишь въ послѣднее время (Naumannia, III, p. 7; Lilgeborg, Observationes Zoologicae, 1844, p. 53, и близъ Эребро по словамъ Сундевалля; см. Giebel und Heintz, Zeitschrift für die gesammten Naturwissenschaften, 1857, p. 119). Странно и несогласно съ сказаннымъ то, что онъ доходитъ чрезъ южную и среднюю Финляндію до 63-го градуса широты (Kyonio). См. Oeföersigt of Finska Vetenskaps-Societetens Förhandlingar, II, 1853—1855, p. 72). Впрочемъ онъ очевидно встрѣчается тамъ рѣдко, какъ это видно не только изъ непосредственнаго свидѣтельства (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1864, p. 371), но и изъ того, что его нѣтъ въ числѣ птицъ, перечисленныхъ въ моихъ Изслѣдованіяхъ (стр. 83 оттиска изъ Mémoires de l'Acad. des Sc. de St.-Pétersbourg, VI-me série, sciences naturelles, T. VIII).

Согласно съ существованіемъ въ Скандинавіи и нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, перепелка съ недавняго времени распространилась и далѣе на востокъ въ европейской Россіи, до 60° с. ш. въ Вологодской губерніи. По свѣдѣнію, взятому мною, если не ошибаюсь, изъ Bulletin des Natur. de Moscou, въ 1841 году перепела показались тамъ во множествѣ подъ $59\frac{1}{4}^\circ$ с. ш. Въ 1852 г. они не явились, несмотря на теплое лѣто, но въ 1853, 1854, а въ особенности 1855 году, они прилетѣли въ большомъ количествѣ.

Вмѣстѣ съ куропатками и перепелами подвигаются къ сѣверу и сѣрые зайцы, тогда какъ бѣлые зайцы съ уничтоженіемъ лѣсовъ вытѣсняются и отодвигаются къ полюсу. Жаворонки, не встрѣчающіеся въ ненаселенныхъ мѣстахъ, распространились, должно быть, такимъ-же образомъ уже задолго до появленія зайцевъ и куропатокъ.

Разные виды воронъ очевидно распространились также вслѣдъ за человѣкомъ, потому что въ ненаселенныхъ мѣстахъ ихъ нѣтъ; не исключая даже сороки, которая впрочемъ не является стаями. Какъ только вы оставите за собою пустынныя мѣста, такъ на крайнихъ аванпостахъ культуры вы встрѣтите сороку. Не заходя въ первобытные лѣса, она не является и въ степи до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не заведетъ тамъ постоянныхъ поселеній.

Въ Лифляндіи аистъ медленно, но постоянно подается впередъ. Во времена старика Олеарія [1]) онъ еще не перешелъ за Западную Двину, и даже еще лѣтъ десять тому назадъ водился только въ латышской части Лифляндіи. Около Дерпта же ($58\frac{1}{3}^\circ$ с. ш.) аистъ появился года два тому назадъ. Такимъ образомъ годъ отъ году онъ подается все далѣе и далѣе къ полюсу.

Но и такія животныя, которыя не находятся въ явныхъ отношеніяхъ къ человѣку, напр. выпь [2]), *Fringilla erythrina* [3]), нашъ простой дроздъ [4]), бакланъ [5]), козуля [6]) и т. д. все далѣе подвигаются впередъ и постоянно измѣняютъ предѣлы своего распространенія.

Сѣверцовъ (Періодическія явленія ..... 1855, стр. 96) также говоритъ о томъ, что земледѣліе содѣйствуетъ размноженію перепела внутри Россіи. До чего напр. онъ опередилъ разведенія проса, которому уже Паллассъ (Zoographia) приписывалъ особенное притягательное вліяніе на перепела Въ Лифляндіи ему повидимому благопріятствуетъ разведеніе клевера и картофеля.

[1]) Reise, p. 156 и Büttner въ Zeitschrift für Erdkunde, 1847, VI, p. 168. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ аистъ пробрался до Чудскаго озера при устьѣ Великой ($47\frac{3}{4}^\circ$ с. ш.).

Такъ какъ нѣкоторые лазутчики и холостяки на нѣсколько лѣтъ опережаютъ птицъ, вьющихъ гнѣзда, и потому аистъ извѣстенъ не только до $58\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., но и за предѣлами Лифляндіи, въ Эстляндіи, то у Эстовъ онъ носитъ особое названіе: «Tone Kurg», т. е. журавль бога смерти Тони. Это божество смерти Тони — миѳическое лицо, значеніе котораго совершенно непонятно нынѣшнимъ Эстамъ и могло быть разъяснено учеными лингвистами лишь чрезъ сравненіе съ финскимъ языкомъ. Не слѣдуетъ ли, можетъ быть, считать это доказательствомъ, что аистъ нѣкогда уже водился дальше къ сѣверу, чѣмъ онъ нынѣ встрѣчается, а потомъ удалился, и теперь снова начинаетъ возвращаться въ прежнія свои мѣста.

На южныхъ берегахъ Финляндіи встрѣчаются аисты, какъ бѣлые, такъ и черные, около Борго и Пермо ($60\frac{1}{2}^\circ$ с. ш.); но вѣроятно они не вьютъ тамъ гнѣздъ (Oefversight of Finska Vetenskapo-Societetens Förhandlingar, II, 1853—1855. p. 72).

Далѣе на востокъ, близъ Вологды, черный аистъ также появляется ежегодно, но никогда не вьетъ тамъ гнѣздъ.

[2]) Въ новѣйшее лишь время она стала чаще встрѣчаться въ Лифляндіи и дошла уже до Петербурга (60° с. ш.). И въ Шонніи она добралась до 56-го градуса широты всего лѣтъ десять тому назадъ (Naumannia, 1852, III, p. 8).

[3]) Въ южной Финляндіи 30 лѣтъ тому назадъ она еще не была извѣстна, а теперь очень обыкновенная птица, вьющая тамъ свое гнѣздо (Nordmann, Bulletin des Natur. de Moscou, 1860, p. 16). Въ Лифляндіи она открыта въ 1803 г. (Meyer, Vögel Liv- und Ehstlands, 1815, p. 78).

[4]) Онъ подвигается къ югу (Naumannia; 1854, p. 156).

[5]) Онъ истребленъ въ Даніи, а теперь является на Одерѣ и начинаетъ тамъ распространяться (Naumannia, 1850, II, p. 19; III, p. 51).

[6]) По словамъ Бютнера (Zeitschrift für Erdkunde, 1847, VI, p. 168) она зашла въ Курляндію изъ Польши въ 1795 году, и лишь по окончаніи первой четверти нынѣшняго столѣтія перешла за Западную Двину. Дѣйствительно годъ отъ году она все чаще и чаще начинаетъ являться въ Лифляндіи и уже съ 1840 года встрѣчалась за Петербургомъ у Ладожскаго озера. — Впрочемъ Фишеръ (Naturgesch. Livlands, p. 160) уже сообщалъ, что въ его время она стала встрѣчаться въ Лифляндіи рѣже, чѣмъ прежде.

Какъ ни отрывочны сообщенныя выше свѣдѣнія, но, впредь до дальнѣйшихъ пополненій, они достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что предѣлы распространенія разныхъ видовъ животныхъ вовсе не составляютъ постоянной величины, а напротивъ того постоянно измѣняются, то съуживаясь, то раздвигаясь, то дробясь или даже совершенно исчезая вслѣдствіе окончательнаго истребленія извѣстнаго вида животныхъ и уничтоженія его съ лица земли.

Хотя мы и не можемъ дать себѣ отчета въ первомъ появленіи животныхъ на землѣ, но все-же намъ даже не приходитъ на умъ предполагать, что видъ животныхъ, который однажды уже окончательно вымеръ, можетъ появиться снова, какъ бы благопріятны ни были условія для его существованія. Также точно мы не замѣчаемъ, что за исчезнувшія животныя поверхность земли вознаграждается новыми заступающими ихъ формами. Слѣдовательно нельзя отрицать оскудѣнія фауны по части видовыхъ формъ, хотя Бюффонъ и имѣлъ право сказать,что сумма жизни все-таки остается прежняя. Спрашивается только, что̀ мы будемъ разумѣть подъ этою суммою жизни.

Во всякомъ случаѣ нетрудно замѣтить, что разсматривая любую страну Европы, особенно же западной, въ отношеніи измѣненій, которыя произошли въ ея фаунѣ, мы вскорѣ увидимъ, что часть самыхъ рослыхъ и наболѣе поразительныхъ формъ высшихъ отдѣловъ животныхъ исчезла въ историческое время, не говоря уже о прежнемъ, равно какъ и дочеловѣческомъ періодѣ. Все это такія животныя, въ которыхъ обыкновенный образованный человѣкъ не усомнится признать лучшія и какъ бы болѣе важныя формы фауны. Въ западной Европѣ исчезли не только хищныя животныя, вредныя человѣку, какъ-то: львы, тигры, рыси, дикія кошки, медвѣди, волки, лѣсныя куницы и т. д., но и зубры, дикія овцы, лоси, обыкновенные и сѣверные олени, козули, кабаны, бобры, драхвы, глухари, лебеди и т. д. Кромѣ нѣкоторыхъ, впрочемъ очень немногихъ домашнихъ животныхъ, о размноженіи которыхъ заботится человѣкъ, въ замѣнъ исчезнувшихъ величинъ явилась одна только мелкая чернь и крошечные паразиты. Съ теченіемъ времени фауны страшно обѣднѣли и стали однообразнѣе.

Съ этой точки зрѣнія разумные законы объ охраненіи животныхъ принадлежатъ къ числу великихъ благодѣяній, и особое царское покровительство, оказываемое животнымъ, которымъ уже угрожаетъ окончательная гибель, какъ напр. у насъ зубру, должно считаться важною заслугою передъ человѣчествомъ. Само собою разумѣется, что скорѣе всего истреблены такія животныя, которыя были наиболѣе способны сдѣлаться полезными домашними животными (стр. 67). Чего бы мы не дали за возможность воскресить Стеллерову морскую корову? Какую громадную пользу можно было бы извлечь изъ нея, изъ китовъ, моржей, тюленей и т. д., если бы поступать съ ними по тому-же принципу, о которомъ мы говорили выше по случаю котиковъ.

Въ теченіе времени очевидно многія животныя добровольно все ближе и ближе примыкали къ человѣку. Вникая въ причины, почему это такъ происходило, мы находимъ, что въ этомъ случаѣ у птицъ, кромѣ потребности питаться, болѣе всего дѣйствовало,

кажется, побужденіе вить гнѣзда, и что преимущественно такія птицы, которымъ въ ненаселенныхъ мѣстахъ приходилось гнѣздиться на недоступныхъ скалахъ и утесахъ, а за тѣмъ и на большихъ деревьяхъ, — при переходѣ на плоскія мѣстности выбрали мѣстопребываніемъ своимъ сначала построенныя человѣкомъ зданія, а потомъ, вѣроятно лишь мало по малу, и жилыя строенія человѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи даже совершенно разучились устраивать гнѣзда въ прежнихъ мѣстахъ своего обитанія (напр. ласточки наши), очевидно потому, что вблизи человѣка они находятъ себѣ и самую обильную пищу.

Доказательства этому представляетъ намъ Сибирь. Палласъ [1]) находилъ гнѣзда домашней ласточки въ обрывахъ рѣчныхъ береговъ Иртыша; мнѣ самому приходилось видѣть [2]), что скалистые утесы Енисея были усѣяны гнѣздами ласточекъ. Палласъ часто встрѣчалъ гнѣзда домашняго и полеваго воробья на береговыхъ утесахъ Опона и Аргуни [3]); подобнымъ-же образомъ Радде [4]) находилъ гнѣзда даурской галки на береговыхъ утесахъ Байкальскаго озера. Весьма поучительно извѣстіе, что въ дуплахъ старыхъ деревьевъ птицы эти вьютъ гнѣзда свои лишь въ крайнихъ случаяхъ, за неимѣніемъ годныхъ на это скалъ. Также поступаютъ вѣроятно и бакланы.

Стоитъ сдѣлать только шагъ далѣе, чтобы увидѣть подобныхъ птицъ въ пустынныхъ развалинахъ, крѣпостныхъ веркахъ и оборонительныхъ башняхъ. Сдѣлайте еще шагъ и къ крайнему удивленію вашему вы найдете, что такія первическія птицы, какъ напр. галки, голуби [5]), косатки, пустельги, коршуны, совы [6]), летучія мыши и т. п., не смотря на страшный трезвонъ, живутъ на колокольняхъ, въ особенности тамъ гдѣ ихъ очень много. Наконецъ, если только животныхъ этихъ не преслѣдуютъ, то вы встрѣчаете ихъ подъ гостепріимнымъ кровомъ человѣка, куда за ними вскорѣ переселяются даже неукротимыя животныя въ родѣ хорька и домашней куницы [7]). Не будь голубятникъ столь вреденъ человѣку, по всей вѣроятности онъ также скорѣе рѣшился бы вить гнѣзда свои рядомъ съ пустельгой, чѣмъ на ровной землѣ, къ которой такія высокорожденныя птицы прибѣгаютъ по-видимому въ крайнемъ случаѣ [8]).

---

[1]) Zoographia Rosso-Asiatica, I, p. 532 и Reise II, p. 454, 563. — Интересный случай сообщаетъ Сѣверцовъ (Періодич. явленія, 1855, стр. 68), разсказывая, что одна отдѣльно стоявшая сосна была усѣяна гнѣздами домашней ласточки.

[2]) См. нѣмецк. изд. этого соч. II, стр. 189.

[3]) Zoographia, II, p. 29.

[4]) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, II, p. 209. Ср. также наблюденіе, сдѣланное Сѣверцовымъ, въ примѣч.

[5]) Въ Воронежской губерніи *Col. oenas* съ немногими исключеніями, а *Col. livia* безъ исключенія домашнее животное (Сѣверцовъ, Період. явленія, 1855, стр. 26, 68, 111). У Байкальскаго озера *Col. livia* водится еще на береговыхъ утесахъ, въ ненаселенныхъ мѣстахъ, но посѣщаетъ крестьянскіе токи.

[6]) За отсутствіемъ обрывовъ меловыхъ скалъ въ Воронежской губерніи, ночная сова становится домашнимъ животнымъ (Сѣверцовъ, Періодическія явленія, 1855, стр. 110); у насъ въ Лифляндіи домашними животными являются сычъ и ночная сова; въ Германіи огненная сова (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1854, I, p. 91).

[7]) Необходимо отмѣчать отдѣльные случаи, доказывающіе, до чего можетъ доходить въ такихъ случаяхъ довѣрчивость нѣкоторыхъ животныхъ. Такъ напр. мы можемъ указать на случай съ *Certhia familiaris*, упомянутый въ Naumannia, 1857, p. 82. Въ одной части Фроріповыхъ Notizen, p. 132, сообщено извѣстіе, что славка свила гнѣздо въ люстрѣ Берлинскаго Элизіума.

[8]) См. нѣм. изд. этого соч. II, 2, p. 127 и Naumannia, 1857, p. 181.

*

На основаніи вышесказаннаго мы, кажется, вправѣ сдѣлать обратное заключеніе въ отношеніи доисторическихъ временъ и признать весьма вѣроятнымъ, что большая часть тѣхъ животныхъ, которыя стали вить гнѣзда свои вблизи человѣка, первоначально водились въ горныхъ мѣстностяхъ и съ тѣхъ поръ распространились по ровнымъ мѣстамъ далеко за первоначальные предѣлы своего пребыванія. По этой-же причинѣ такъ велика притягательная сила, которую проявляетъ человѣкъ, выставляя домики для скворцовъ, синицъ, поползней и даже утокъ [1]). Иногда человѣку стоитъ только не преслѣдовать животныхъ, какъ это доказываютъ гаги въ Исландіи: на гнѣздахъ, которыя они устраиваютъ между самыми домами, ихъ можно ощупывать и гладить; все это только потому, что за умерщвленіе гаги назначенъ штрафъ въ 30 талеровъ [2]). Такъ на островѣ Боргольмѣ дикія гуси понемногу стали довѣрчивы къ человѣку [3]).

Такимъ образомъ въ значительныхъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ географическомъ распространеніи животныхъ, человѣкъ въ одинаковой степени принимаетъ живѣйшее участіе либо непосредственно, вслѣдствіе своихъ хищническихъ и корыстолюбивыхъ наклонностей, либо косвенно, посредствомъ земледѣлія, уничтоженія лѣсовъ и болотъ, разведенія садовъ и огородовъ, возведенія строеній и т. д. Даже посредствомъ незначительныхъ по видимому особенностей, суевѣрныхъ взглядовъ или привычекъ человѣкъ невѣроятно сильно вліяетъ на географію и статику животныхъ. Такъ напр. самые первобытные народы считали ласточку священною птицею, приносящею человѣку счастіе [4]); вслѣдствіе того она теперь повсюду льнетъ къ человѣку и подъ охраною тѣхъ мѣръ, которыя человѣкъ принимаетъ для огражденія домашнихъ птицъ своихъ отъ хищныхъ животныхъ, расплодилась и распространилась непомѣрно. Тоже самое случилось съ аистомъ и голубемъ, который доселѣ еще пользуется въ Европѣ преимуществомъ возбуждать къ себѣ религіозное уваженіе. Вслѣдствіе того, что религіозное уваженіе къ водной стихіи запрещаетъ обитателямъ безводныхъ степей, Монголамъ, убивать птицъ на водѣ, — самыя дикія водяныя птицы у нихъ бываютъ чрезвычайно смирны и водятся въ большомъ количествѣ [5]); такимъ образомъ неразлучнымъ спутникомъ рыбаковъ Самоѣдовъ въ Таймырскомъ краѣ является *Lestris Buffonii*, а спутниками рыбаковъ вообще бываютъ различныя чайки и приморскія ласточки (мортышки). Но у послѣднихъ уже отъ природы жадный и наглый характеръ, чего о вышеупомянутыхъ птицахъ сказать нельзя.

Отрасль тѣхъ самыхъ Монголовъ, которые питаютъ такое глубокое уваженіе къ водѣ, обращена въ магометанство (потому что занимаетъ самыя западныя части мѣстопребыванія Монголовъ) и потому не смѣетъ ѣсть свинину. Непосредственнымъ послѣд-

---

[1]) Въ сѣверной Финляндіи мнѣ привелось видѣть прикрѣпленныя къ деревьямъ искуственныя гнѣзда для *An. clangula*, *An. boschas*, *An. fusca* и *Mergus serrator*, съ успѣхомъ выставляемыя тамъ для собиранія яицъ.

[2]) Mackenzie, Reise nach Irland, 1810, p. 37.

[3]) Потому что пухъ составляетъ тамъ доходъ коменданта (Изъ дневника графа Г. Канкрина, 1865, I. p. 17).

[4]) Въ низовьяхъ Амура туземцы привѣшиваютъ къ стропиламъ куски древесной коры различной величины, чтобы облегчить ласточкамъ возможность вить гнѣзда.

[5]) Радде въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 420.

ствіемъ этого оказывается непомѣрное размноженіе кабановъ [1]), а гдѣ въ Сибири много кабановъ, тамъ всегда понемногу являлся и тигръ.

Всѣмъ извѣстно благодѣтельная роль, которую сипы и коршуны играютъ въ большихъ городахъ тропическихъ странъ на обоихъ материкахъ, въ качествѣ санитарной полиціи. Какъ равнодушіе жителей и происходящая оттого нечистота улицъ вызвали этихъ истребителей падали изъ глуши ненаселенныхъ мѣстъ, гдѣ первоначально они также, должно быть, прибирали объѣдки хищныхъ звѣрей (срав. стр. 117 и ниже статьи о песцѣ и россомахѣ), такъ при постепенно развивающемся порядкѣ голодъ нѣкогда по необходимости заставитъ ихъ переселиться сначала изъ большихъ городовъ въ маленькіе, а потомъ и въ деревню. Представитель такой породы животныхъ встрѣчается во всей Сибири и на югѣ европейской Россіи: это такъ называемый черный коршунъ. Города, въ которыхъ онъ часто попадается [2]), принимаютъ, въ глазахъ зоолога, положительно восточный характеръ, потому что онъ съ величайшею наглостію спускается во дворы строеній за падалью и кухонными остатками. На улицахъ съ поразительною быстротою онъ на лету разрываетъ добычу свою и пожираетъ ее. Въ Кіевѣ иногда, какъ мнѣ случалось видѣть самому, онъ бросался на пресмыкающихся животныхъ и тѣмъ обнаруживалъ, какимъ ремесломъ онъ занимался прежде нежели соединился съ товарищами по ремеслу, т. е. съ птицами изъ вороньей породы, и сдѣлался спутникомъ человѣка.

Но измѣненіе условій вблизи человѣка неминуемо влечетъ за собою нѣкоторыя измѣненія въ образѣ жизни и свойствахъ животныхъ, и нерѣдко дѣйствуетъ на характеръ этихъ животныхъ. У себя дома намъ конечно кажется, что волку преимущественно приходится питаться овцами, но когда овцы въ первый разъ разведены были на Амурѣ, то волки ихъ не трогали [3]). Такимъ образомъ тамъ передъ нашими глазами повторяется тоже самое, что намъ сообщаютъ въ исторіи заселенія Канады, т. е. что проходили годы, прежде нежели волки рѣшились пробраться въ такія помѣстья, въ которыя въ первый разъ изъ Европы привезены были овцы. Волки не знали еще новыхъ, шероховатыхъ рогоносцевъ и страшно боялись ихъ — до тѣхъ поръ пока умудрились опытомъ. Съ животными въ этомъ случаѣ происходитъ тоже самое, что съ человѣкомъ. Смѣльчаки-охотники на медвѣдей, Гиляки, на южномъ берегу Охотскаго моря, къ которымъ мы пріѣхали верхомъ на тунгузскихъ оленяхъ, съ удивленіемъ глядѣли на нашихъ невинныхъ, но конечно страшно рогатыхъ животныхъ; когда мы съ нихъ слѣзли, то каждый разъ, какъ они только шевелились, Гиляки тотчасъ-же разбѣгались передъ ними самымъ смѣшнымъ образомъ.

Но спрашивается: въ какомъ положеніи находились предѣлы распространенія животныхъ въ то время, когда человѣкъ еще не успѣлъ размножиться до такой степени, какъ теперь, и присвоить себѣ господство надъ всѣмъ?

---

[1]) Nouv. Mém. de Soc. des Natur. de Moscou, X. 1853, p. 268. и Москвѣ.

[2]) Въ особенности онъ бросился мнѣ въ глаза въ Кіевѣ

[3]) Radde, Reise im Süden von Ost-Sibirien, I, p. 59.

Безъ всякаго сомнѣнія уже и тогда природа проявляла свои страшныя силы еще гораздо больше, чѣмъ это могъ сдѣлать человѣкъ, даже при помощи взаимной вражды животныхъ и стихій между собою. Вслѣдствіе размноженія человѣка дикіе сѣверные олени съ громадной равнины Большеземельской тундры Самоѣдовъ уходятъ въ горы [1]), будучи тѣснимы стадами домашнихъ сѣверныхъ оленей, которыя до такой степени стравливаютъ мхи и лишайники, что встревоженнымъ дикимъ родичамъ ихъ не достаетъ пищи. По этому-то [2]), да еще и потому, кажется, что сѣверные олени не только уничтожаютъ мохъ и растаптываютъ почву, но и очень падки на лемминговъ, которыхъ они поѣдаютъ (повидимому это невѣроятно, но я самъ неоднократно замѣчалъ это), по всему этому, говорю я, и число леммпнговъ начинаетъ уменьшаться, странствованія ихъ прекращаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ не являются и слѣдующіе за ними лисицы и песцы.

Человѣкъ бываетъ также виною страшныхъ степныхъ и лѣсныхъ пожаровъ: въ одномъ мѣстѣ огонь заставляетъ цѣлыя стада антилопъ искать новыхъ убѣжищъ (стр. 93), въ другомъ зажженный зимою степной камышникъ гонитъ вдаль всѣхъ кабановъ [3]). Впрочемъ пожары не только отгоняютъ, но и привлекаютъ животныхъ. Радде [4]) говоритъ, что вслѣдъ за луговымъ «паломъ» на берегахъ Амура являются хищные звѣри (не исключая даже тигра), для уничтоженія лишенныхъ убѣжища мышиныхъ обитателей поръ. Такимъ-же образомъ по прежде сообщеннымъ мною свѣдѣніямъ (ч. I, стр. 663 и II, стр. 5) извѣстно, что вслѣдствіе необыкновеннаго изобилія ягодъ, бывающаго послѣ пожаровъ, всѣ лѣсные хищники: медвѣди, лисицы и соболи, не говоря уже о тетеревахъ, гусяхъ и т. д., приходятъ въ такія мѣста, гдѣ ихъ прежде вовсе не было: дѣло въ томъ, что и преслѣдователи и преслѣдуемые хотятъ насладиться ягодами. Въ такихъ мѣстностяхъ вы найдете, что всякое животное, которое вы застрѣлите, по горло набито ягодами.

Какъ въ этихъ случаяхъ при содѣйствіи стихій вліяніе человѣка проявляется въ громадныхъ размѣрахъ и разомъ охватываетъ такія пространства земли, которыя объемомъ своимъ превосходятъ большія европейскія государства, такъ и сама природа измѣняетъ предѣлы распространенія животныхъ въ столь-же громадныхъ размѣрахъ. Если рядомъ съ дѣйствіемъ природы мы все-таки принимаемъ въ соображеніе и могущество человѣка, то это происходитъ оттого, что измѣненія, производимыя природою, обыкновенно носятъ на себѣ болѣе мѣстный характеръ, тогда какъ дѣятельность человѣка опутала сѣтью своею весь шаръ земной.

Какъ ни громадны, можетъ быть, измѣненія, происходящія на нашихъ глазахъ по части распространенія животныхъ независимо отъ человѣка, все-таки они болѣе мѣстнаго свойства. Дѣйствуя даже губительно, они врядъ-ли до такой степени могутъ совпадать

---

[1]) A. Schrenck (Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, 1848, I, p. 449). Это мнѣ подтвердилъ положительно бывшій спутникъ мой Брантъ, побывавъ съ Гофманомъ на сѣверномъ Уралѣ.

[2]) A. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, 1848, I, p. 303.

[3]) Nouv. Mém. de la Soc. des Nat. de Moscou, 1855, X, p. 265.

[4]) Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 612.

съ предѣлами распространенія животнаго, чтобы нѣкоторымъ экземплярамъ даннаго вида не удалось ускользнуть отъ истребленія. Окончательное уничтоженіе какого-нибудь вида животныхъ, помимо человѣка, могло бы совершиться только вслѣдствіе необыкновенныхъ катастрофъ.

Наступитъ, положимъ, нежданно морозъ и убьетъ сотни, даже тысячи перелетныхъ птицъ [1]); примерзнетъ, ночуя на льду, и погибнетъ безчисленное множество водяныхъ птицъ, вслѣдствіе внезапной прибыли воды; можетъ случиться иной разъ, что сибирская зимняя стужа не подъ силу даже самымъ закаленнымъ животнымъ, что страшные бураны загонятъ цѣлыя стада степныхъ животныхъ въ пропасти и въ море; что лѣсные обитатели, проваливаясь черезъ ледяную кору снѣговаго покрова, сдѣлаются жертвою хищныхъ звѣрей, или вслѣдствіе глубокаго снѣга либо гололедицы не найдутъ себѣ пищи и сдохнутъ отъ голода; запрудятъ бобры рѣки до такой степени, что большая часть долинъ для нихъ-же станетъ необитаемою [2]); вторгнутся огромныя стада рыбъ въ тѣсныя бухты въ такомъ количествѣ, что должны погибнуть въ нихъ, заражая воду и воздухъ и уничтожая въ бухтѣ всѣ остальные организмы [3]); задавитъ обвалъ скалы лежбище цѣлаго рода котиковъ (стр. 67-я, примѣч. 1-е); выселятся цѣлыя племена животныхъ, убѣгая отъ землетрясеній; погибнутъ, положимъ, съ исчезновеніемъ или появленіемъ острововъ на вулканическомъ основаніи, всѣ животныя морскія и земноводныя — все-же событія этого рода врядъ-ли могли совершенно уничтожить съ лица земли какой нибудь видъ животныхъ.

Если допустить, что это могло случиться, то съ другой стороны придется предположить, что предѣлы распространенія такого вида животныхъ были чрезвычайно ограничены, какъ напр. предѣлы *Proteus anguinus* и собратьи его между низшими животными, которыя водятся въ однихъ только Крайнскихъ пещерахъ.

Но постоянная перемѣна всѣхъ явленій, происходящихъ на землѣ, оказываетъ очень сильное вліяніе на передвиженіе предѣловъ распространенія животныхъ, главнымъ образомъ впрочемъ только косвенно, вслѣдствіе вліянія на волю животныхъ недостатка въ пищѣ, половаго побужденія, заставляющаго самцевъ весною предпринимать дальнія странствованія, и т. п.

Между причинами, дѣйствующими непосредственно, одно изъ первыхъ мѣстъ очевидно занимаетъ постепенное выступаніе, вверхъ, морскаго дна изъ водной пучины. Въ

---

[1]) Какъ напр. въ интересномъ случаѣ, который намъ сообщилъ Радде изъ Таврической губерніи (Thierleben am Faulen Meere, 1855, p. 20).

[2]) Чрезвычайно любопытное наблюденіе такого рода сообщено Мильтономъ и Чидлемъ (Cheadle) въ Report of the British Association for the advancement of science, 1864, p. 141. Экспедиція, цѣль которой было отысканіе кратчайшаго пути чрезъ Скалистыя горы въ Британскую Колумбію, нашла, что на востокѣ этого хребта большая часть мѣстности совершенно потеряла свой первоначальный характеръ вслѣдствіе невѣроятнаго числа находившихся тамъ прежде бобровъ. Всѣ рѣчки обратились въ длинные ряды неглубокихъ озеръ, которыя въ свою очередь превратились въ болота, такъ что на разстояніи 200 миль кромѣ главной рѣки врядъ-ли можно было отыскать еще какой-нибудь притокъ; такимъ образомъ бобры сами уничтожили воды, необходимыя для ихъ преуспѣянія.

[3]) Брандтъ въ Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, III, p. 84.

Сибири обширная полоса земли, справедливо заподозрѣнная въ томъ, что и послѣ появленія человѣка она соединяла вдоль подножія восточнаго ската Уральскаго хребта Ледовитый океанъ съ Арало-Каспійскою низменностію [1]), — ждетъ, чтобы надъ нею произнесенъ былъ столь-же рѣшительный приговоръ, какой состоялся относительно Сахары [2]). Если же степи образовались въ новѣйшее время, то онѣ навѣрное населились не вслѣдствіе преобразованія, произведеннаго степнымъ вліяніемъ на животныхъ, первоначально не созданныхъ для степи, а отъ переселенія туда такихъ животныхъ, которыя существовали уже прежде въ степяхъ древнѣйшаго происхожденія и образовались сообразно степной природѣ, а потомъ быстро размножились на благопріятной почвѣ [3]). Съ разведеніемъ лѣсовъ въ такихъ степяхъ, что неизбѣжно при развитіи культуры, человѣкъ опять вытѣсняетъ переселенцевъ, а вслѣдъ за нимъ вскорѣ являются лѣсныя животныя, которыя въ прежнее время тамъ были немыслимы. Такъ напр. дятлы стали доходить до Одессы лишь въ послѣднее время.

За свѣдѣніями, сообщенными въ предыдущей главѣ, естественнѣе всего, конечно, было бы помѣстить изслѣдованіе о кочеваніи сибирскихъ животныхъ; но для лучшаго уразумѣнія этихъ переходовъ, я предпочелъ сначала сибирскую фауну, и въ особенности фауну глубокаго сѣвера соединить въ географическія группы. При этомъ представится случай сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о разсматриваемыхъ нами животныхъ.

Мы указали на значительныя измѣненія, происшедшія въ теченіи времени въ предѣлахъ распространенія нѣкоторыхъ животныхъ, и убѣдились въ томъ, что животныя, находящіяся не въ столь близкихъ отношеніяхъ къ человѣку, также подвержены подобнымъ измѣненіямъ, потому что прирожденная имъ страсть къ кочеванію, обусловленныя стихіями отклоненія отъ правильнаго пути этого кочеванія, преслѣдованіе, истребленіе, чрезмѣрное размноженіе, голодъ, холодъ, сухость воздуха и почвы, уничтоженіе или появленіе лѣсовъ и т. п. измѣняютъ предѣлы распространенія несравненно болѣе подвижнаго царства животныхъ еще гораздо значительнѣе, чѣмъ передвигаются предѣлы растительнаго

---

[1]) Ср. второй выпускъ этого сочиненія.

[2]) Предсказаніе Риттера, что Сахара приподнялась со дна морскаго лишь въ послѣ-третичномъ періодѣ, теперь несомнѣнно доказали Лоранъ, Эшеръ фонъ деръ Линтъ, Дезоръ и Мартинсъ. Песокъ Сахары тождественъ съ морскимъ пескомъ на ближайшихъ берегахъ Средиземнаго моря. Водящіяся доселѣ черепокожныя животныя, а именно *Card. edule*, жили прежде въ Сахарѣ и теперь еще добываются тамъ при буреніи на глубинѣ 20′; говорятъ даже, что они до сихъ поръ живутъ въ нѣкоторыхъ соляныхъ озерахъ Сахары. Отысканы берега и островные утесы Сахарскаго моря, отдѣлявшаго нѣкогда Марокко, Тунисъ и Алжиръ отъ Африки; найдены въ Сахарѣ слѣды *Card. edule* не только на высотѣ 900′, но и на глубинѣ 300′ ниже поверхности моря. Замѣчательно, что сходство между окрестностями Арало-Каспійской низменности и окрестностями Сахары становится тѣмъ поразительнѣе, что и часть Сахары оказывается осѣвшею на нѣсколько сотъ футовъ ниже поверхности моря (The Report of the British Association for the advancement of science, 1864, p. LXX).

[3]) На перекоръ Пюшерану (Revue de Zoologie, p. 98), который и степной цвѣтъ, и развитые слуховые органы, даже широкія глазныя впадины и широкія ноги Калмыковъ производитъ отъ какой-то «*harmonie postétablie*». Вліяніе Дарвинизма заставило его безъ нужды прибѣгнуть къ болѣе трудному объясненію факта.

царства. Всѣ эти обстоятельства должны были убѣдить насъ, что при изслѣдованіи вопроса о распространеніи животныхъ историческій моментъ имѣетъ весьма важное значеніе. Тогда только, когда мы постоянно будемъ имѣть въ виду эту точку зрѣнія, намъ нѣкоторымъ образомъ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что основываясь на теперешнихъ предѣлахъ распространенія животныхъ, мы не будемъ дѣлать ложныхъ заключеній объ отношеніи ихъ къ климату.

Вслѣдствіе этой неопредѣленности предѣловъ распространенія мы не должны, кажется, такъ упорно держаться обыкновеннаго, принятаго въ ботаникѣ, распредѣленія на поясы и области. Поэтому я попытаюсь пойти своимъ собственнымъ путемъ и, согласно съ прежними общими соображеніями нашими, хочу преимущественно основываться на изслѣдованіи зоографическихъ центровъ распространенія.

Вслѣдствіе этого я не довольствуюсь обыкновенными, неоднократно измѣненными подраздѣленіями животныхъ на глубоко-сѣверныхъ и сѣверныхъ, какъ это напр. недавно опять сдѣлалъ Торелль [1]); онъ дѣлитъ арктическую фауну на 3 пояса: полярный, ледяной и гиперборейскій, изъ которыхъ послѣдній, какъ-то странно, занимаетъ у него южную полосу, простирающуюся отъ 65-го до 68-го градуса широты.

Начнемъ съ

Кругополярной фауны.

Она состоитъ изъ такихъ кругополярныхъ видовъ животныхъ, которые предъ всѣми другими представляютъ намъ ту выгоду, что принимая за исходный пунктъ данную географическую точку, мы въ ней получаемъ какъ бы общій центръ для распространенія животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легче можемъ отдать себѣ отчетъ въ цѣломъ.

Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ полюсу, тѣмъ больше становится число градусовъ долготы, обнимающихъ область распространенія разныхъ видовъ животныхъ; на глубокомъ сѣверѣ мы встрѣчаемъ наконецъ такіе виды, которые вокругъ всего полушарія встрѣчаются подъ всѣми долготами, т. е. окружаютъ полюсъ въ видѣ совершенно сомкнутаго пояса и потому смѣло могутъ быть названы кругополярными видами. Такой видъ животныхъ, которой водится близь самого полюса, мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ кругополярнымъ, потому что долготы чрезвычайно близко сходятся и климатическія условія совершенно уравниваются.

Въ предѣлахъ кругополярной фауны мы должны различать болѣе тѣсные и болѣе обширные круги и начинаемъ съ

Гиперборейской кругополярной фауны.

Подъ этимъ названіемъ я разумѣю такіе виды животныхъ, которые водятся близь самого полюса.

Въ какомъ положеніи находятся эти животныя?

---

[1]) Petermann, Mittheilungen, 1861, p. 54.

До сихъ поръ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ на основаніи непосредственныхъ наблюденій, потому что самые смѣлые изслѣдователи, не смотря на крайнія свои усилія и на постоянное содѣйствіе чрезвычайно энергической націи, уже нѣсколько вѣковъ сряду хлопочущей объ изслѣдованіи полюса, все-таки не доходили до него болѣе чѣмъ на 7 градусовъ широты [1]); между тѣмъ крайнимъ хорошо-изслѣдованнымъ полярнымъ предѣломъ глубоко-сѣверныхъ организмовъ можно считать никакъ не менѣе, какъ вдвое большее разстояніе. Здѣсь — просимъ обратить вниманіе на это обстоятельство — мы будемъ разсматривать болѣе извѣстный сѣверный полярный край, который вмѣстѣ съ тѣмъ и благопріятнѣе для органическихъ существъ, тогда какъ съ южнымъ полюсомъ земнаго шара мы гораздо менѣе знакомы.

Если для большей наглядности прибѣгнуть къ кругополярной картѣ, то мы увидимъ, что водящееся подъ 70° с. ш., слѣдовательно уже глубоко-сѣверное, кругополярное животное, находящееся отъ экватора въ три раза дальше, чѣмъ отъ полюса, все-таки распространено около послѣдняго на весьма далекомъ отъ него разстояніи.

Взглядъ на кругополярную карту указываетъ намъ на чрезвычайно сильное преобладаніе моря въ предѣлахъ круга, образуемаго 70-мъ градусомъ широты и вообще наиболѣе соотвѣтствующаго той средней широтѣ, подъ которою мы должны представить себѣ полярные берега нашихъ сѣверныхъ материковъ. Эти полярные берега окаймляютъ громадный морской водоемъ — полярный бассейнъ — который впрочемъ, какъ извѣстно, не совершенно замкнутъ, а соединенъ съ океанами посредствомъ двухъ антимеридіанныхъ проливовъ (т. е. лежащихъ почти подъ діаметрально противуположными градусами долготы) — Атлантическаго и Берингова [2]). Слѣдовательно гиперборейская кругополярная фауна преимущественно должна состоять изъ морскихъ животныхъ; дѣйствительно, послѣдніе уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ до нашего времени привлекаютъ къ полюсу корыстолюбивыхъ мореходцевъ. Вслѣдствіе этого и благодаря успѣхамъ открыть ближайшій торговый путь въ Остъ-Индію, мы вскорѣ, не смотря на ледяную негостепріимность морей Гренландіи и Шпицбергена, успѣли ознакомиться съ ними точнѣе, чѣмъ со многими другими частями земли, пользующимся гораздо лучшимъ положеніемъ.

---

[1]) Капитанъ В. Парри (Narrative of an Attempt to reach the North Pole, 1827, p. 99 и 104; онъ дошелъ до $82^3/_4{}^\circ$ с. ш.) и въ недавнее время Кэнъ спорятъ между собою о томъ, кто изъ нихъ пробрался дальше.

[2]) Въ зоологической географіи мы должны различать для каждаго изъ этихъ двухъ проливовъ восточный и западный берегъ. Берега Гренландіи съ восточнымъ берегомъ сѣверной Америки (у Лабрадора, Ньюфоундленда, Новой Шотландіи и т. д. на югъ составляютъ, слѣдовательно, западный берегъ Атлантическаго пролива, а сѣверо-западный берегъ Европы (берега Норвегіи и т. д.) служатъ восточнымъ прибрежьемъ Атлантическаго пролива. Съ другой стороны Берингово море занимаетъ бо́льшую часть Берингова пролива, западный берегъ котораго тянется вдоль Камчатки и береговъ Охотскаго моря къ югу, а восточный берегъ идетъ вдоль противулежащаго сѣверо-американскаго материка черезъ полуостровъ Аляску, на югъ.

Уже двадцать лѣтъ тому назадъ я говорилъ о необходимости этого взгляда съ зоо-географической точки зрѣнія (Bulletin physico-mathém. de l'Acád. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, To. VIII, № 5); 15 лѣтъ тому назадъ я привелъ дальнѣйшія доказательства въ подтвержденіе этой необходимости (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 319); не смотря на это, кажется, потребуется еще больше времени на усвоеніе моего взгляда. А что онъ будетъ принятъ, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, потому что онъ сообразенъ съ законами природы.

При всемъ томъ отважные полярные странствователи издавна единогласно изображали глубокій сѣверъ бѣднымъ и малооживленнымъ краемъ; лишь первой половинѣ нынѣшняго столѣтія удалось открыть безусловную истину и въ этомъ отношеніи. Благодаря трудамъ основательныхъ естествоиспытателей, глубоко-полярные берега ледовитыхъ морей, которые еще лѣтъ двадцать тому назадъ на нашихъ картахъ обозначались чертою непроходимаго снѣга и заклеймены были названіемъ вѣчно-мертвыхъ морозныхъ степей или обнаженная скалистая почва которыхъ будто-бы носила на себѣ только жалкіе слѣды нѣсколькихъ приземистыхъ мховъ и лишайниковъ, въ настоящее время покрылись болѣе развитымъ растительнымъ царствомъ. Даже объ окруженныхъ льдомъ Мельвилевыхъ островахъ намъ теперь извѣстно, что тамъ, почти подъ 75° с. ш., почва покрыта флорою не менѣе чѣмъ въ 66 видовъ растеній, одаренныхъ высшею организаціею (явнобрачныхъ). Между ними находится такое огромное количество противуцынготныхъ овощей (*Cochlearia* и *Rumex*), что англійскіе полярные путешественники цѣлыми корзинами могли собирать ихъ къ каждому обѣду.

Въ томъ-же смыслѣ, хотя и менѣе положительно, расширились наши понятія относительно животныхъ глубокаго сѣвера. Даже вблизи 80° сѣв. широты, Скорсби, Кройеръ, Голбёль и другіе въ моряхъ Шпицбергенскихъ, посреди самыхъ неблагопріятныхъ мѣстностей, окруженныхъ массами льда, нашли такое множество медузъ и раковидныхъ животныхъ,какое едва-ли встрѣчается подъ болѣе благопріятными широтами. Скорсби, какъ извѣстно, насчитывалъ по 100,000 мелкихъ медузъ на каждый кубическій футъ воды; онѣ придаютъ морю и льду зеленый цвѣтъ и тѣ части моря, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, отыскивающіе ихъ китоловы стольже удачно, сколько и вѣрно въ противуположномъ смыслѣ, называютъ «китовыми лугами». Микроскопическіе рачки и инфузоріи кишмя кишатъ тамъ до того [1]), что рѣшетами можно начерпать ихъ цѣлыя бочки. Милліоны нѣсколько бо̀льшихъ рачковъ — морскія сколопендры или морскіе креветы (*амфиподы*) — въ самое непродолжительное время очищаютъ море отъ труповъ его исполинскихъ чудовищъ [2]) и до того прожорливы, что подъ полярнымъ кругомъ [3]), еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, совершенно разгрызаютъ сѣти, которыми ловятъ преслѣдователей ихъ, лохообразныхъ рыбъ. Даже погруженіе нитокъ въ крѣпкій табачный отваръ не удерживалъ волчьяго ихъ апетита. Густо усѣянныя раковинныя отмели устилаютъ (въ полномъ смыслѣ этого слова) морское дно глубочайшаго сѣвера, представляя обильную пищу необозримымъ стаямъ рыбъ, которыхъ въ свою очередь преслѣдуютъ безчисленное множество тюленей, нарваловъ и бѣлухъ. Послѣднія впрочемъ не затрудняются въ пріисканіи себѣ пищи и послѣ ухода рыбъ: въ такія времена года желудки ихъ наполнены неудобосваримыми, роговыми — какъ у попугаевъ — клювами каракатицъ, которыхъ въ Гренландіи

---

[1]) Кройеръ (Isis, 1844, p. 808) и Голбёлль (Isis. 1848, p. 749) нашли въ Баффиновомъ заливѣ, подъ 73° с. ш., море до того было наполнено раковидными животными, что почти ничего нельзя было видѣть чрезъ воду.

[2]) Когда Парри зимовалъ на Мельвилевомъ полуостровѣ на разстояніи 400 ярдовъ отъ материка, то они въ 24 часа отлично очистили цѣлый скелетъ.

[3]) Въ Repulse-Bay; по словамъ Rae.

*

отыскано уже пять различныхъ видовъ [1]). Если бы уже по непосредственнымъ наблюденіямъ мы не были знакомы съ безчисленнымъ количествомъ мелкихъ животныхъ, наполняющихъ полярное море, то о многомъ можно бы было догадываться по несмѣтному количеству водящихся тамъ хищниковъ, нуждающихся въ пропитаніи.

---

[1]) Нахтусовъ (Записки Гидрограф. Департ. 1842, I, стр. 219) еще почти подъ $73^1/_2{}^\circ$ с. ш. на берегахъ Новой Земли, встрѣтилъ морскія звѣзды, морскихъ ежей, медузъ и множество моллюсковъ. — Даже въ остаткѣ собраннаго капитаномъ Парри льда, плававшаго въ круглыхъ кускахъ подъ $78^1/_6{}^\circ$ юж. ш. и впослѣдствіи окончательно растаявшаго, Эренбергъ (Ueber das Verhalten des kleinsten Lebens in dem Weltmeere, wie in dem Eise der Polärlander) встрѣтилъ болѣе 50 видовъ кремнекожныхъ инфузорій *(полигастровъ* и даже *косцинодисковъ)*. Россъ (Voyage in the soutern and antarctic Regions, 1847, II, p. 161) готовъ даже предположить, что около арктическаго полюса, тамъ, гдѣ окончательный предѣлъ морской растительной жизни, все-таки невообразимое множество инфузорій, наполняющихъ океанъ, служитъ пищею маленькимъ рачкамъ и пелагическимъ моллюскамъ, которые въ свою очередь составляютъ добычу китородныхъ животныхъ и рыбъ, а послѣднія опять поѣдаются тюленями, пингвинами, альбатросами и т. д. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, на глубокомъ сѣверѣ происходитъ циркуляція животной матеріи чрезъ самыя разнообразныя видоизмѣненія. Противъ этого взгляда конечно можно сдѣлать различныя возраженія. — Бичи (Beechey, Voyage. 1831, I, p. 244) подъ Чукотскимъ Носомъ въ Беринговомъ проливѣ вытащилъ съ морскаго дна еще огромное множество безпозвоночныхъ животныхъ, въ томъ числѣ астерій, голотурій, морскихъ ежей, амфитритъ, перендъ, асцидій, актиній, эвріаловъ, мурексовъ, хитоновъ, гаммаровъ, пагуровъ. Дальше, у Ледянаго мыса (подъ 70° с. ш.) было множество моллюсковъ. Самый сѣверный пунктъ въ меридіанѣ Берингова пролива, достигнутый снаряженнымъ для открытій кораблемъ Геральдомъ, почти подъ 73° с. ш., съ самаго дна морскаго доставилъ еще нѣсколько простыхъ и двустворчатыхъ раковинъ (Seemann, Reise um die Welt, 1853, II, p. 117). Земанъ (тамъ-же, стр. 31) говоритъ: «полярное море наполнено несмѣтнымъ множествомъ раковинъ, морскихъ звѣздъ, крабовъ, креветовъ и лучистыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже берегъ усѣянъ раковинами (Ср. далѣе примѣч. 1, на стр. 138). Песчаный берегъ рѣдко освобождающагося отъ льда морскаго залива, въ который впадаетъ Back-River. на каждомъ шагу былъ покрытъ мелкими двустворчатыми раковинами; на сѣверъ оттуда, подъ 75° с. ш., у Мельвилевыхъ острововъ экспедиція Парри (First Voyage, 1821. p. 59, 61 и Supplement to the Appendix to the first Voyage, p. 220 и дал.) посреди льда еще вытаскивала со дна морскія звѣзды *(Aster polaris)*, наидъ *(Nais ciliata)*, кольчатыхъ червей *(Polynoe cirrhata* и *scabra)*, раковъ *(Nymphon grossipes* и *hirsutus*, *Phoxilhilus proboscideus*, *Idotea Entomon*, *Crangon boreas*, *Alpheus aculeatus* и *polaris)* и множество моллюсковъ.»

Впрочемъ на крайнемъ сѣверѣ не одни только морскія животныя встрѣчаются въ такомъ необыкновенномъ количествѣ. Подъ 76° с. ш. въ Веллингтоновомъ проливѣ водились моржи и множество бѣлыхъ медвѣдей, полярные зайцы, волки, песцы, сѣверные олени и водяныя птицы (Richardson, Searching Expedition, 1851, II, p. 423 и Arctic Miscellanies, 1852, p. 309). Впослѣдствіи Кэпъ передвинулъ эти факты даже за 80-й градусъ широты къ полюсу.

Всѣ арктическіе мореплаватели разсказываютъ о безчисленномъ множествѣ маленькихъ гагарокъ *(Mergulus alle)*. Франклинъ и Буканъ (Buchan), наблюденія которыхъ изданы Бичеемъ, встрѣчали ихъ въ такомъ количествѣ въ Шпицбергенскомъ Магдалинномъ заливѣ, куда они затерты были льдомъ, что крикъ ихъ былъ слышенъ почти за географическую милю. По ихъ разсчету, за одинъ разъ летѣли по крайней мѣрѣ 4 милліона этихъ птицъ. Осборну (Stray leaves, p. 84), по словамъ котораго, вслѣдствіе множества *Mergulus alle*, ледъ подъ 76° с. ш. на нѣсколько миль былъ чернаго цвѣта, казалось, что на глубокомъ сѣверѣ число видѣнныхъ имъ птицъ было несравненно болѣе того количества, которое онъ прежде видѣлъ на мѣстахъ добыванія гуано въ Перу, и которое, какъ онъ тогда полагалъ, уже нельзя было болѣе превзойти. Джонъ Россъ въ Баффиновомъ заливѣ отправилъ двѣ лодки для заготовки свѣжихъ съѣстныхъ припасовъ изъ маленькихъ гагарокъ. Среднимъ числомъ на каждый выстрѣлъ приходилось 13 штукъ; одна лодка въ день привезла ихъ 1500 штукъ. — На берегахъ Баффинова залива, подъ 75° с. ш., Снау (Snow, Voyage of the Prince Albert, 1851, p. 162) напалъ на нѣсколько тысячъ *Mergulus alle* и *Uria grylle*. Гудсиръ (Goodsir, Arctic Voyage, 1850, p. 55) сообщаетъ, что гдѣ только во льду находилось небольшое отверстіе, тамъ навѣрное его наполнялъ *Mergulus alle*. Въ теченіе 1—2 часовъ онъ часто убивалъ ихъ отъ 400 до 500. На Мельвилевомъ островѣ отдѣлъ одной изъ послѣднихъ экспедицій въ одну ночь убилъ 14 зайцевъ и множество морскихъ чаекъ *(Lar. glaucus)*. — Подъ $66^1/_2{}^\circ$ с. ш. въ Баффиновомъ заливѣ вода покрыта была буквально миріадами гребенухъ *(Somat. spectabilis)*. См. Goodsir, An arctic voyage, 1850, p. 5.

Старинная пѣсня о жалкихъ, малорослыхъ формахъ растеній и животныхъ, являющихся будто бы слѣдствіемъ оцѣпенѣнія жизненной силы подъ неблагопріятнымъ дѣйствіемъ полярной природы, въ глазахъ полярныхъ путешественниковъ нашего времени болѣе чѣмъ смѣшна. Сотни громадныхъ моржей окружаютъ одновременно корабль въ Атлантическомъ ледовитомъ морѣ, гдѣ ихъ истребляютъ уже цѣлыя сотни лѣтъ; тысячи, даже сотни тысячъ встрѣчаются въ Беринговомъ ледовитомъ морѣ, гдѣ еще болѣе жизни [1]). Въ этихъ безчисленныхъ стадахъ каждое животное массивностію не уступитъ даже огромнѣйшему обитателю тропиковъ, слону; между тѣмъ самый большой взрослый великанъ изъ моржей по величинѣ едва можетъ равняться съ младенцемъ наигромаднѣйшаго колосса всего нашего животнаго царства, кита, котораго человѣческая жадность преслѣдуетъ вплоть до его «ледяныхъ полей» и «ледяныхъ садовъ». Ежедневно онъ поглощаетъ милліоны вышеупомянутыхъ медузъ и рачковъ, или несмѣтное количество «китоваго корма», какъ китоловы называютъ безчисленное множество мелкихъ, отчасти покрытыхъ нѣжною скорлупою улитокъ (*Clio borealis*, *Limacina arctica*), которыя плаваютъ толчками по Ледовитому морю [2]).

Матросы Макъ-Клюра, въ теченіе замѣчательнаго плаванія своего для открытія восточнаго полярнаго пути, въ $2\,/_2$ года, впрочемъ вообще только при случаѣ, убили 7 мускусовыхъ быковъ, 110 сѣверныхъ оленей, 169 зайцевъ, 486 бѣлыхъ куропатокъ, 198 утокъ, 29 гусей, 2 волка, 4 бѣлыхъ медвѣдей, слѣдов. болѣе 1000 штукъ дичи, давшихъ около 12,000 фунтовъ мяса (Athenaeum, 1853, Nov. p. 1324).

Джемсъ Россъ подъ 70° с. ш. за одинъ разъ поймалъ до $3\,^1/_2$ тысячъ лохообразныхъ рыбъ.

Джемсъ Манглсъ (Papers and despatches relating to the Arctic Searching Expedition, London, 1852, second edition, p. 8) перечислилъ случаи, когда искатели Франклина въ американско-арктическомъ архипелагѣ встрѣчали особенное изобиліе животныхъ организмовъ.

Это богатство глубокаго сѣвера по части животныхъ и было въ 17-мъ столѣтіи причиною, по которой Голландцы поселились на Шпицбергенѣ, а Датчане на западномъ берегу Гренландіи. При этомъ случаѣ считаю также необходимымъ привести слѣдующее мѣсто изъ путеваго описанія М. Клюра (Discovery of the North-West Passage, 1856; срав. Froriep's Notizen 1856 Bd. IV, № 17. p. 281). Поразительны, говоритъ онъ, были стада сѣверныхъ оленей и зайцевъ, ежедневно окружавшія насъ въ Мегсу-Bay. Они да бѣлыя куропатки не покидали насъ даже среди зимы. Одна только стужа и темнота мѣшали намъ охотиться на нихъ каждый день.

Зайцы стадами въ 150 и болѣе штукъ (вѣроятно они жили большими толпами ради теплоты, подобно сѣвернымъ оленямъ) при своихъ странствованіяхъ плотно утаптывали снѣгъ. Сколько мнѣ извѣстно, прежде никто не упоминалъ о такомъ появленіи зайцевъ стадами.

[1]) Еще въ 1606 году на Медвѣжьемъ или Черри островѣ, между Нордкапомъ и Шпицбергеномъ, въ нѣсколько часовъ убито было 700, а на слѣдующій годъ 900 моржей. Теперь тамъ нельзя найти ни одного моржа. Но въ Бѣломъ морѣ мнѣ случилось говорить съ моржеловами, которые много лѣтъ передъ тѣмъ, на берегахъ Новой Земли въ нѣсколько часовъ закололи 300 моржей. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ извѣстіемъ Гюльзена изъ Берингова пролива (Отечеств. Записки за 1849 годъ, Октябрь, VIII, стр. 224, 226, 230, 232). Въ 1821 году онъ видѣлъ тамъ въ Декабрѣ тысячи, а въ концѣ Іюня сотни тысячъ моржей за разъ; они оглашали воздухъ своими стонами, а нѣкоторые изъ нихъ, тщетно скребя, старались вскарабкаться вверхъ, на корабль.

[2]) Съ научной стороны Агассизъ (Silliman, The American Journal, 1850, p. 371) прекрасно доказалъ, что въ каждомъ изъ 4-хъ отдѣловъ животнаго царства, даже во всѣхъ подраздѣленіяхъ его и во всѣхъ семействахъ, водныя животныя въ отношеніи организмовъ стоятъ ниже животныхъ суши, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда массивнѣе ихъ; вообще животное бываетъ тѣмъ массивнѣе, чѣмъ ниже оно занимаетъ мѣсто въ извѣстномъ отдѣлѣ. Такъ куколка и личинка массивнѣе насѣкомаго, водныя млекопитающія и водныя птицы массивнѣе животныхъ суши. Поэтому глубокій сѣверъ отличается массивными животными. Для передвиженія громадныхъ массъ вода представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ суша, а тѣмъ болѣе эластически-жидкая стихія воздуха.

За этими великанами млекопитающими слѣдуютъ достойные ихъ спутники въ образѣ дельфиновъ-косатокъ (похожихъ на маленькихъ китовъ), тюленей и акулъ, которыя также населяютъ Полярное море [1]). Но и между низкими животными глубокаго сѣвера не всѣ такъ крошечны, какъ прежде думали. Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ этому предмету, мною сообщены во 2-мъ томѣ нѣмец. изданія нашего сочиненія [2]). Отсылая къ нимъ читателей своихъ, я упомяну здѣсь только о документальныхъ извѣстіяхъ относительно неслыханно громадныхъ моллюскахъ, каракатицахъ, которыя въ прошломъ и запрошломъ столѣтіяхъ выброшены были на берега Исландіи. Туловища ихъ, говорятъ, были длиною въ $3\frac{1}{2}$, руки болѣе чѣмъ въ 3 саж.

Сообщенныя тутъ данныя въ связи съ тѣмъ, что нами сказано было на стр. 3-ей, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что до сихъ поръ огромному вліянію и важности жизненной силы вообще придавали слишкомъ мало значенія, даже въ отношеніи неблагопріятныхъ условій полярныхъ странъ. Конечно, въ полярныхъ странахъ кругъ дѣйствія этой жизненной силы гораздо ограниченнѣе, соотвѣтственно тому тезису, которымъ Бэръ [3]) выразилъ результаты своихъ изслѣдованій о сѣверныхъ животныхъ, сказавъ: «Подъ тропиками органическій міръ болѣе всего возвышается надъ почвою; чѣмъ дальше мы подвигаемся къ полюсу, тѣмъ болѣе онъ спускается вглубь».

Это положеніе характеризуетъ окрестности полюса, въ связи съ тезисомъ зоогеографіи, по которому разнообразіе животныхъ видовъ тѣмъ болѣе уменьшается, чѣмъ далѣе мы станемъ подвигаться къ полюсу. Главнымъ образомъ это относится также къ животнымъ, которыя водятся на сушѣ.

Спрашивается однакоже, неужели близъ самого полюса органическая жизнь совершенно уходитъ подъ поверхность воды, такъ что на сушѣ ничего болѣе не остается?

Къ сожалѣнію, какъ уже выше было замѣчено, у насъ нѣтъ непосредственныхъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Море ли находится на полюсѣ, суша ли — можетъ быть большой полярный материкъ — объ этомъ мы пока ничего не знаемъ; не говорю уже объ обитателяхъ такого предполагаемаго материка. При всемъ томъ мы вправѣ составить себѣ идеи объ этомъ предметѣ, которыя должны быть довольно похожи на дѣйствительность.

Съ тѣхъ поръ, какъ намъ извѣстно, что магнитные и климатическіе полюсы не совпадаютъ съ полюсами нашей земной оси, съ тѣхъ поръ должны были исчезнуть ложныя фантазіи о невообразимо страшномъ зимнемъ характерѣ послѣднихъ; мы смѣло можемъ сказать, что для животныхъ, которыя въ состояніи жить подъ извѣстными намъ полю-

---

[1]) Срав. Petermann, Athenaeum, 1852, Sept. p. 1016.

[2]) См. нѣм. изд. этого соч. II, 1, p. 450 и слѣд. Къ сообщеннымъ тамъ свѣдѣніямъ я могу теперь прибавить еще извѣстіе Тилинга о пойманной у Ситхи каракатицѣ, длина которой съ распростертыми руками составляетъ, говорятъ, 2—3 сажени (Gumprecht, Zeitschr. für Allg. Erdkunde, 1855, p. 494). Гейне (Exped. in die Seen von China, Japan und Ochotsk, p. 234) говоритъ объ исполинскомъ крабѣ на западномъ берегу Камчатки, имѣвшемъ въ длину отъ оконечности одной ноги до другой 3 фута 2 дюйма.

[3]) Recueil des actes de la séance publique de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb., tenue le 29 Déc. 1848, p. 153.

сами сильнѣйшей зимней стужи, климатъ подъ сѣвернымъ полюсомъ не можетъ быть слишкомъ суровъ. Съ животными же этихъ климатическихъ полюсовъ мы достаточно знакомы въ Америкѣ, благодаря усиліямъ Англичанъ, а въ Сибири по моему путешествію. Такимъ образомъ, и при помощи множества другихъ полярныхъ путешествій, мы вправѣ вывести довольно вѣрныя заключенія о животныхъ около самого полюса.

Неоспоримая заслуга моего сибирскаго путешествія состоитъ именно въ томъ, что оно составляетъ противуположность къ прочимъ полярнымъ путешествіямъ; врядъ-ли ее превзойдетъ точное изслѣдованіе внутреннихъ частей сѣверной Гренландіи, о которыхъ впрочемъ мы до сихъ поръ не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Въ ожиданіи такого изслѣдованія предлежащее сибирское путешествіе одно только даетъ намъ мѣрило для опредѣленія органической жизни въ предѣлахъ материковаго полярнаго края, мѣрило, которое на столько-же расширило наши прежнія понятія о животныхъ суши глубочайшаго сѣвера, на сколько оно отодвинуло къ полюсу предѣлъ лѣсной растительности. Такъ какъ прежнія путешествія, наиболѣе приближавшіяся къ полюсу, были исключительно морскія, то и прежнія изслѣдованія о гиперборейскихъ животныхъ суши ограничивались лишь окрестностями морскихъ береговъ, въ высшей степени бѣдныхъ органическими существами. Отъ этого происходила непомѣрная бѣдность нашихъ взглядовъ. Теперь мы вправѣ предсказать съ большою достовѣрностью, что если подъ сѣвернымъ полюсомъ находится материковая ровная страна, то внутреннія части ея также оживлены организмами.

Дѣйствительные и предполагаемые центры распространенія на самомъ полюсѣ.

Море ли, суша ли окажется на полюсѣ, ни въ какомъ случаѣ болѣе мы не можемъ считать его безразличною точкою жизни, а должны допустить существованіе небольшаго числа животныхъ, дѣйствительный центръ распространенія которыхъ мы вправѣ предположить на земномъ полюсѣ или вблизи его. Не безъ намѣренія я дѣлаю различіе между дѣйствительнымъ центромъ распространенія и предполагаемымъ. Какъ скоро средоточіе распространенія извѣстнаго вида приблизительно приходится въ математическій центръ фигуры, описываемой предѣлами распространенія этого вида, такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что центры распространенія всѣхъ кругополярныхъ видовъ, равно какъ и всей кругополярной фауны, придутся около полюса.

Въ дѣйствительности же это случится только съ извѣстною долею кругополярной фауны. Если бы слѣд. оказалось, что сѣверный полюсъ покрытъ водою, какъ это стало вѣроятнымъ въ новѣйшее время [1]), то онъ могъ бы быть доступенъ только для морскихъ

---

[1]) Какъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ Веллингтонова пролива (Penny), такъ и въ Смитсаундѣ и проливѣ Кеннеди передъ арктическими изслѣдователями открылось пространство воды довольно свободное отъ льда; по мнѣнію ихъ, она должна вести въ непокрытое льдомъ Полярное море, которое вѣроятно простирается почти до сибирскихъ береговъ (Врангелева полынья) и до сѣверныхъ береговъ Новосибирскихъ острововъ. Извѣстно, что

животныхъ; кругополярныя же животныя суши не могли бы простираться къ сѣверу далѣе прибрежья полярнаго бассейна. Тогда центръ распространенія ихъ былъ бы только предполагаемый и намъ слѣдовало бы лучше ясно высказаться, что въ такомъ случаѣ не существуетъ центра распространенія, а что его замѣняетъ центральная безразличная мѣстность, окруженная внутреннею каймою распространенія, которая соотвѣтствуетъ значенію обыкновеннаго центра распространенія. Для такихъ кругополярныхъ животныхъ, жизненныя условія которыхъ связаны съ лѣсною растительностію, центральная безразличная мѣстность распространенія будетъ еще обширнѣе, потому что, какъ извѣстно, отъ береговъ Ледовитаго моря лѣса отстоятъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Если же мы вообразимъ себѣ на полюсѣ нераздѣльную обширную полярную страну, то все, что нами сказано было относительно животныхъ суши, придется отнести къ морскимъ животнымъ.

Виды полярныхъ животныхъ.

Атлантически- и Берингово-полярные виды. Азіятски- и Американски-полярные виды.

Гдѣ была первоначально исходная точка для такихъ животныхъ, на долю которыхъ приходится центральная безразличная мѣстность распространенія?

Для разрѣшенія этого и многихъ другихъ, подобныхъ ему вопросовъ, я нѣсколько лѣтъ сряду обращалъ особенное вниманіе на отдѣлъ сѣверныхъ раковинныхъ животныхъ и изслѣдованія свои сообщилъ во 2-мъ томѣ нѣмец. изданія этого сочиненія. Попытаюсь представить здѣсь результаты этихъ изслѣдованій въ общемъ популярномъ обзорѣ и считаю необходимымъ замѣтить при этомъ, что раковинныя животныя наиболѣе пригодны для такихъ изслѣдованій, какъ потому что глубокій сѣверъ извѣстенъ своимъ разнообразіемъ по части морскихъ животныхъ, такъ и потому, что раковинныя животныя, хотя они въ развитомъ состояніи довольно неподвижны, все-таки очень способны распространяться посредствомъ теченій въ такое время, когда они только-что успѣли вылупиться изъ яйца.

При сравненіи раковинныхъ животныхъ, встрѣченныхъ мною въ Охотскомъ морѣ, съ тѣми, которыя водятся на глубокомъ сѣверѣ Европы и Америки, и съ немногими раковинами, найденными мною въ Таймырскомъ краѣ, я былъ пораженъ множествомъ видовъ, которые одинаково встрѣчаются во всѣхъ этихъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстахъ, окружающихъ полюсъ, слѣдовательно кругополярны. Наскоро составленныя мною коллекціи уже дали возможность указать 52 различныхъ вида раковинныхъ

Кенъ (Arctic Explor. I, p. 305; American Journal, 1858, p. 305, 384) одинъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ мнѣнія о существованіи полярнаго бассейна.—Въ пользу противуположнаго мнѣнія также не мало защитниковъ, которые допускаютъ только открытыя мѣста (ср. напр. Petermann, Mittheilungen, 1861, p. 435).

кругополярныхъ животныхъ, т. е. такихъ, которыя въ одно время встрѣчаются въ Атлантическомъ и Беринговомъ рукавахъ, равно какъ въ лежащихъ между ними, ближе изслѣдованныхъ частяхъ полярнаго бассейна.

Кромѣ ихъ, въ настоящее время извѣстно по крайней мѣрѣ 80 видовъ раковинныхъ животныхъ, существованіе которыхъ на глубокомъ сѣверѣ, въ Атлантическомъ рукавѣ, вмѣстѣ съ кругополярными видами, свидѣтельствуетъ о не менѣе климатически-крѣпкой природѣ; по этому мы вправѣ назвать ихъ Атлантически-полярными видами. Въ антимеридіанномъ къ нимъ направленіи, въ Беринговомъ рукавѣ, также можно встрѣтить полярные (Берингово-полярные) виды, которыхъ вслѣдствіе неудовлетворительнаго изслѣдованія Берингова моря мнѣ удалось насчитать не болѣе 26 видовъ [1]).

Относительно этихъ полярныхъ видовъ ближе всего, конечно, предположить, что число ихъ будетъ уменьшаться все болѣе и болѣе, когда предстоящее современемъ точное изслѣдованіе всѣхъ глубоко-сѣверныхъ морей мало по малу докажетъ, что многіе виды, которые теперь вѣроятно только кажутся полярными, также должны быть причислены къ кругополярнымъ. Говоря другими словами, мы вправѣ пока предположить, что выраженіе «полярные виды» можно считать только названіемъ такихъ видовъ, область распространенія которыхъ намъ еще не вполнѣ извѣстна или извѣстна съ одной лишь стороны, какъ напр. мы это докажемъ ниже на моржѣ.

Нѣкоторыя же соображенія, въ особенности разсмотрѣніе хорошо-изслѣдованнаго способа распространенія всѣхъ глубоко-сѣверныхъ растеній земнаго шара, привели меня къ другому предположенію, для подтвержденія или рѣшительнаго опроверженія котораго впрочемъ еще требуются неоднократныя мѣстныя изысканія. При обработкѣ собранной мною коллекціи растеній Таймырскаго края, Траутфеттеръ [2]) замѣтилъ, что $\frac{2}{3}$ всей явноцвѣтной флоры Мельвилевыхъ острововъ встрѣчаются и во флорѣ хотя столь-же полярнаго, но антимеридіанно лежащаго Таймырскаго края; онъ нашелъ, что въ самой сѣверной Америкѣ недостаетъ только $\frac{1}{4}$ Таймырскихъ растеній, и такимъ образомъ пришелъ къ заключенію, что не болѣе $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ явноцвѣтной Таймырской флоры составляетъ отличительную принадлежность Таймырскаго края. Но оставимъ пока въ сторонѣ это совпаденіе $\frac{4}{5}$ или $\frac{5}{6}$ обѣихъ флоръ, и обратимъ вниманіе наше на остальные $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$. Если такая доля дѣйствительно составляетъ исключительную принадлежность Таймырскаго края, и если на глубокомъ сѣверѣ Америки въ свою очередь встрѣчается также извѣстное число особыхъ видовъ растеній, то на нашемъ земномъ шарѣ не только по-видимому, а на самомъ дѣлѣ, существуютъ полярные виды.

Эти полярные виды, кажется, принадлежатъ къ двумъ разъединеннымъ между собою областямъ фауны и встрѣчаются около двухъ центровъ распространенія, изъ которыхъ каждый лежитъ около меридіана, дѣлящаго примѣрно на половину самыя сѣвер-

---

[1]) Это было въ то время. Теперь англійскія и сѣверо-американскія экспедиціи вѣроятно могутъ дать уже гораздо болѣе обильный матеріалъ.

[2]) См. нѣм. изд. этого соч. I, 2, p. 141, 143.

ныя части Азіи и Америки. Такимъ образомъ оба центра распространенія полярныхъ видовъ приходятся по близости отъ магнитныхъ полюсовъ и полюсовъ стужи. Можетъ быть тѣсная и взаимно объусловливающаяся связь между органическою жизнію съ одной стороны и гальвано-магнетическими, да теплородными явленіями нашего земнаго шара съ другой, въ первобытныя времена доходила до того, что со временемъ удастся доказать существованіе совершенно особаго отношенія полюсовъ стужи (а вмѣстѣ съ тѣмъ и магнитныхъ *полюсовъ*) къ *первоначальнымъ* или *первосозданнымъ центрамъ* распространенія нашихъ глубоко-сѣверныхъ видовъ. Въ такомъ случаѣ мы вправѣ предположить, что первоначально вообще не было кругополярныхъ видовъ, а существовали только полярные виды, соотвѣтствующіе двумъ полярнымъ первосозданнымъ центрамъ — т. е. либо Азіятски-полярные либо Американски-полярные виды; въ теченіе тысячелѣтій, которыя уже существуетъ теперешній органическій міръ, нѣкоторые изъ этихъ видовъ постепенно распространились вокругъ всего полярнаго пояса, стали кругополярными, слѣдуя за равномѣрнымъ дѣйствіемъ температуры подъ всѣми широтами полярнаго пояса, поверхность котораго притомъ въ пять разъ меньше поверхности экваторіальнаго пояса.

Какъ бы то ни было, но число извѣстныхъ доселѣ кругополярныхъ раковинныхъ животныхъ довольно велико и значительно превосходитъ все, что до сихъ поръ можно было ожидать по этой части. Кромѣ того, не говоря о растеніяхъ, въ этомъ отношеніи раковинныя животныя никакъ не являются особнякомъ; напротивъ того, тутъ дѣло идетъ о постоянномъ законѣ распространенія органическихъ существъ. Если прослѣдить остальные классы животныхъ, то мы встрѣтимъ въ нихъ большее или меньшее число кругополярныхъ видовъ, которые уже теперь образуютъ итогъ примѣрно въ 250 различныхъ животныхъ [1]); списокъ ихъ со временемъ непремѣнно увеличится по крайней мѣрѣ вдвое.

---

[1]) Такъ какъ ниже будутъ приняты въ соображеніе одни только позвоночныя животныя, то я считаю нелишнимъ представить здѣсь перечень извѣстныхъ мнѣ кругополярныхъ безпозвоночныхъ животныхъ. Болѣе свѣжія силы, чѣмъ мои, пересмотрятъ и навѣрное болѣе чѣмъ вдвое умножатъ этотъ списокъ.

Въ нѣмец. изданіи этого сочиненія (II, 1, стр. 319 и слѣд.) поименованы тѣ 52 вида моллюсковъ, которые встрѣчаются въ морѣ вокругъ полюса. Къ нимъ слѣдуетъ еще прибавять около 11 видовъ прѣсноводныхъ и материковыхъ моллюсковъ, перечисленныхъ мною тамъ же (стр. 419) и прежде, въ томъ числѣ 5 видовъ моллюсковъ суши. Срав. также дополненія мои къ замѣткамъ Маака въ Mélanges biologiques, T. II.

Труднѣе розыскать кругополярныхъ животныхъ между прочими безпозвоночными. Отчасти нѣтъ достаточнаго матеріала на это, отчасти же наличный матеріалъ не обработанъ какъ слѣдуетъ.

Многіе виды роговыхъ коралловъ Берингова пролива и даже Охотскаго моря уже при предварительномъ пересмотрѣ признаны мною за несомнѣнно кругополярные. Къ сожалѣнію, относящійся къ этому предмету матеріалъ, собранный мною во время путешествія, до сихъ поръ остался необработаннымъ.

Между 10 различными видами кольчатыхъ червей, привезенными мною изъ Охотскаго моря, 8 уже прежде были извѣстны изъ разныхъ мѣстъ Атлантическаго пролива, и притомъ нѣсколько видовъ какъ съ восточныхъ, такъ и съ западныхъ береговъ. Затѣмъ къ кругополярнымъ животнымъ должны быть отнесены: *Polynoë cirrata*, *Nereis pelagica*, *N. virens*, *N. vexillosa*, *N. arctica*, *Eteone longa*, *Cirratulus borealis*, *Siphonostomum villosum* и *Arenicola piscatorum*. Въ кругополярности ихъ нельзя сомнѣваться тѣмъ болѣе, что изъ числа ихъ *Polynoë cirrata*, *Nereis vexillosa* и *Cirratulus borealis* уже найдены также на восточныхъ берегахъ Берингова пролива, около Ситхи.

Вѣроятно и немалое число инфузорій распространено вокругъ полюса. По части роговыхъ коралловъ, кольчатыхъ червей, медузъ, морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей, рачковъ и рыбъ мы на каждый отдѣлъ можемъ положить общимъ числомъ по 10, всего слѣдовательно около 70 кругополярныхъ видовъ. Если сюда прибавить до 120 насѣкомыхъ,

---

Съ такимъ-же успѣхомъ мы принимаемъ въ соображеніе раковидныхъ животныхъ, водящихся въ Охотскомъ морѣ (ср. нѣм. изд. этого соч. II, 1). Изъ 15 найденныхъ тамъ видовъ 8 (*Hyas araneus*, *H. coarctatus*, *Pagurus Bernhardus*, *Hyppolyte aculeata*, *Pandalus borealis*, *Anonyx ampulla*, *Gammarus locusta* и *Idotea Entomon*) имѣютъ кругополярное распространеніе. Къ нимъ можно прибавить еще 3 несомнѣнно кругополярныхъ вида (*Pagurus pubescens*, *Crangon boreas* и *Anonyx Edwardsii*), которыхъ я не нашелъ въ Охотскомъ морѣ. Вѣроятно даже прѣсноводный рачекъ *Branchipus Middendorffianus* (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 153) встрѣчается вокругъ полюса и совпадаетъ съ *Branch. paludossus Müll.* (Gruber, Bemerkungen über die Phyllopoden, Berlin, 1853, p. 73). Мохнопогіе ракообразные, собранные мною во время путешествія, ближе еще не изслѣдованы, но мы знаемъ, какъ должно смотрѣть на кругополярность ихъ, потому что изъ нихъ *Diadema balaenaris* и *Otion auritum* являются паразитами на кругополярныхъ видахъ китовъ (*Bal. longimana*).

И между иглокожими мы уже теперь можемъ указать кругополярные виды, напр. *Cuvieria (Holothuria) squamata* (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 450 прим.), въ который безъ сомнѣнія, какъ синонимъ должна быть включена *Cuvieria Sitchaensis Brandt* (Prodromus Descriptionis animalium a Mertensio observatorum, 1835, p. 47). Далѣе къ кругополярнымъ видамъ принадлежатъ: *Echinaster Eschrichtii*, *Solaster endeca* (Prodr. Descr. animal. и H. Mertensio observ. auct. Brandt Fasc. I, 1835, p. 71) и *Echinus neglectus*.

Множество свободно-плавающихъ медузъ, далеко распространяемыхъ морскими теченіями, несомнѣнно также принадлежитъ къ круглополярнымъ видамъ, хотя до сихъ поръ это еще не можетъ быть ясно опредѣлено. Впрочемъ Шпицбергенская *Beroë compressa* уже находима была въ Беринговомъ проливѣ. Можетъ быть сюда слѣдуетъ отнести также *Aurelia aurita* и *Cyanea capillata* (ср. Mertens, въ Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb. VI-e série, sc. math. phys. et natur., To. II, 1833, p. 521). *Appendicularia flagellum* (или *Oicopleura Chamissonis Mertens-Brandt*), которую Шамиссо открылъ въ Беринговомъ проливѣ, описана Іог. Мюллеромъ подъ названіемъ *Vexillaria flabellum* изъ Нѣмецкаго моря.

Въ числѣ безпозвоночныхъ животныхъ, дышащихъ воздухомъ, должно быть множество кругополярныхъ насѣкомыхъ, но для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса еще чувствуется сильный недостатокъ въ предварительныхъ энтомологическихъ трудахъ. Въ самой сѣверной Америкѣ англійскіе полярные странствователи страдали отъ нашего сибирскаго комара, *Culex Caspius*. Чайльдренъ объявилъ уже прежде (J. Back, Reise durch Nord-America, aus dem Englichen von Dr. K. Andrée, Leipzig 1836, Anhang, p. LXXIV; тоже самое въ соч. P. Кинга, Narration of a Journey to the shores of the arctic Ozean, under the command of Capt. Back, vol. II, p. 202), что внутри полярныхъ странъ сѣверной Америки несомнѣнно встрѣчается европейская *Formica herculanea* (недавно это подтверждено Ричардсономъ въ Searching Expedit., 1851, p. 361). Эрихсонъ, достаточный, кажется, авторитетъ, уже въ 1836 году прямо замѣтилъ, что собранные Палласомъ виды сибирскихъ шмелей, *Bombus equestris* и *B. villosus* встрѣчаются также въ сѣверной Америкѣ (Wiegmann, Archiv für Naturgeschichte, 1836, II, 1, p. 287). Прибавимъ сюда еще *Bomb. Kirbiellus*, который Россомъ встрѣченъ на сѣверо-американскомъ берегу Ледовитаго моря, а мною — въ Сибири, подъ тою-же почти широтою, на Боганидѣ. Недавно мнѣ попался въ руки небольшой трудъ Меклина (Mäklin: Bidrag till kännedom om insekternas geografiska utbredning i norden: Helsingfors, 1853), имѣющій особенное значеніе для географическаго распространенія сибирскихъ насѣкомыхъ. Хотя Меклинъ и не принялъ въ соображеніе ни двукрылыхъ, очень часто встрѣчающихся на глубокомъ сѣверѣ, ни полукрылыхъ насѣкомыхъ, но все-таки въ сочиненіи его перечислено болѣе 100 видовъ, которые, кажется, мы вправѣ считать кругополярными. Многіе изъ видовъ, перечисленныхъ Меклиномъ, встрѣчаются въ числѣ тѣхъ, которые собраны были во время моей сибирской экспедиціи, какъ то: *Silpha lapponica* (Маннергеймъ, въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1853, III, стр. 114 и слѣд. говоритъ, что въ предѣлахъ всего сѣвернаго полярнаго круга она повсюду является вслѣдъ за народами, питающимися рыбою), *Colymbetes dolabratus*, *Argynnis frigga*, *Arg. polaris*, *Monohammus sutor*, *Asemum striatum*, *Packyta sexmaculata*, *Gonioctena viminalis*, *Vanessa antiope*, *Van. cardui*. Изъ нихъ 4 первые вида встрѣчаются въ предѣлахъ полярнаго круга, а прочіе въ юго-восточной Сибири. Слѣдовательно водяной жукъ *Colymbetes dolabratus* представляетъ намъ также прѣсноводное кругополярное насѣкомое глубокаго сѣвера.

Это уже само по себѣ порядочное количество кругополярныхъ насѣкомыхъ должно значительно увеличиться при дальнѣйшихъ розысканіяхъ. Послѣднее путешествіе Ричардсона (Searching Expedit. II, p. 357) даетъ намъ

*

болѣе 60 моллюсковъ, болѣе дюжины рыбъ [1]), почти полсотню птицъ, да свыше четверти сотни различныхъ млекопитающихъ, то вышеуказанное число болѣе чѣмъ подтверждается, хотя мы никакъ не можемъ похвалиться точнымъ зоологическимъ изслѣдованіемъ глубокаго сѣвера. По всей вѣроятности намъ доселѣ извѣстна только меньшая половина всѣхъ кругополярныхъ животныхъ. Если къ этому значительному количеству прибавить еще большее число климатически равнозначущихъ имъ полярныхъ видовъ, то сѣверная фауна получаетъ поразительное разнообразіе.

Но если бы мы захотѣли предположить, что и ближайшія окрестности полюса населены всѣми этими кругополярными и полярными животными, то мы жестоко ошиблись бы, потому что, какъ уже сказано было выше, мы должны отличать такіе виды, у которыхъ есть дѣйствительный центръ, отъ такихъ, у которыхъ только предполагаемый центръ распространенія близь полюса. Мы такъ и поступаемъ, отличая въ предѣлахъ области кругополярной фауны отдѣлъ гиперборейскихъ кругополярныхъ животныхъ, доходящихъ до центральнаго пространства этой области, отъ отдѣла кругоборейскихъ, поясъ распространенія которыхъ обнимаетъ полюсъ на извѣстномъ разстояніи отъ него.

Гиперборейская фауна, въ особенности сибирская.

Наша благодатная Европа ежегодно никакъ не можетъ извернуться своими собственными средствами. Горю ея не могли вполнѣ помочь ни рипсъ ни рапсъ, ни льняное ни конопляное сѣмя, ни подсолнечникъ, ни макъ или мадія. Поэтому то, какъ въ теченіе прошедшихъ столѣтій, такъ и теперь еще, мы ежегодно отправляемъ нѣсколько сотъ громаднѣйшихъ судовъ въ жалкія пустыни глубокаго сѣвера, добывать себѣ необходимые припасы въ этой пищепски-бѣдной природѣ. Ледяныя поля глубокаго сѣвера, на которыхъ, правда, не растетъ ни единаго зерна, при всемъ томъ уже давно должны были въ полной мѣрѣ заслужить почетное названіе жиротопень Европы.

Такія, почти невѣроятныя, массы жира, какія мы тамъ встрѣчаемъ, заставляютъ предполагать большое изобиліе пищи. Вѣдь что̀ такое киты, дельфины, моржи и тюлени, какъ не огромныя пловучія массы жира, со включеніемъ необходимаго для отдѣленія его

понятіе о сравнительномъ богатствѣ глубочайшаго сѣвера Америки по части насѣкомыхъ. Мы встрѣчаемъ тутъ, между прочимъ, не только подтвержденіе прежнихъ извѣстій о кругополярности нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, но и сибирскихъ друзей, какъ напр. *Notiophilus sibiricus Mosch.* Если еще прибавить паразитовъ, то число кругополярныхъ насѣкомыхъ значительно увеличится. Какъ сѣверо-американскіе сѣверные олени изнуряются личинками того-же самаго *Oestr. Tarandi*, который встрѣчается на сибирскихъ сѣверныхъ оленяхъ, такъ вѣроятно и паразиты на кругополярныхъ млекопитающихъ и птицахъ повсюду одни и тѣже. Я полагаю, что между вшами сибирскихъ куропатокъ, описанными въ нашемъ сочиненіи (ср. стр. 473 *Nirmus cameratus*, стр. 484 *Goniodes tetraonis*, стр. 485 *Lipeurus tetraonis*, стр. 491 *Menopon lagopi*) должны скрываться виды пирмусовъ, встрѣчающіеся на американскихъ куропаткахъ и описанные Чайльдрепомъ въ сочиненіяхъ Бака (loc. cit. p. LXIX) и Кинга, и т. д.

[1]) Срав. то, что ниже сказано о гиперборейскихъ рыбахъ.

дестилатора? Нужно же всю эту массу наполнить чѣмъ-нибудь! Слѣдовательно тамъ должно быть несмѣтное множество мелкихъ питательныхъ животныхъ. Не будь у насъ другихъ данныхъ, уже это одно можетъ дать удовлетворительное понятіе о массѣ животныхъ организмовъ любой величины на глубокомъ сѣверѣ.

Въ самомъ дѣлѣ это такъ и оказывается. Куда ни проникали самые отважные полярные мореплаватели, гдѣ только море въ состояніи какъ-нибудь сбросить съ себя свой ледяный покровъ, повсюду мореходцы встрѣчали обиліе животныхъ организмовъ. Уже въ прошломъ столѣтіи Фипсъ [1]) сообщилъ извѣстіе о 7 различныхъ видахъ млекопитающихъ, 12 видахъ птицъ, 2 видахъ рыбъ и множествѣ низкихъ животныхъ, добытыхъ имъ отчасти къ сѣверу отъ 80-го градуса широты. Несправедливо осужденный адмиралъ нашъ Чичаговъ [2]) подъ 79° с. ш. видѣлъ рѣдкихъ птицъ разнаго рода, и множество лежавшихъ на льду тюленей, нерповъ и морскихъ зайцевъ. Лейнгъ [3]) разсказываетъ, какъ подъ 81° с. ш. пила-рыба ухватилась за китовый жиръ, который хотѣли поднять на корабль, и какъ ее втащили туда вмѣстѣ съ жиромъ. Сутерландъ [4]) подъ 76° с. ш. въ Веллингтоновомъ проливѣ видѣлъ какъ медвѣди, лисицы, чайки, утки, казарки направлялись все дальше къ сѣверу. Парри [5]), котораго недавно только Кэнъ превзошелъ въ дальности странствованія къ полюсу, подъ $81\frac{2}{3}$° с. ш., къ сѣверу отъ Шпицбергена, встрѣтилъ бѣлыхъ мѣдвѣдей, нарваловъ и сотни морскихъ птицъ, маленькихъ гагарокъ (*Uria* (*Mergulus*) *alle*), которыя попадались въ каждой полыньѣ. Къ сѣверу отъ 82° по льду шаталось множество бѣлыхъ медвѣдей. Подъ $82\frac{1}{4}$° встрѣчалось еще много небольшихъ тюленей и даже до $82\frac{3}{4}$°, т. е. до крайняго предѣла своего полярнаго путешествія, Парри находилъ гагарокъ, нѣсколько видовъ чаекъ, бурныхъ птицъ, тюленей и выброшенную рыбу. Въ самомъ дѣлѣ для всѣхъ этихъ животныхъ было тутъ вдоволь пищи, потому что море было наполнено рачками, моллюсками и медузами [6]). Новѣйшія донесенія Кэна, конечно, у всѣхъ еще такъ свѣжи въ памяти, что я не считаю нужнымъ входить здѣсь въ подробности.

Но что даже близъ самого полюса органическая жизнь должна быть несравненно разнообразнѣе, чѣмъ предполагали по прежнимъ извѣстіямъ, въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ не только Кэнъ, лишившійся части своихъ коллекцій [7]), но и новѣйшія, болѣе точныя изслѣдованія искателей Франклина. Еще за 78-мъ градусомъ широты найдены различные виды морскихъ звѣздъ, двустворчатыя раковины [8]) и мелкіе рачки, даже

---

[1]) Voyage towards the North-Pole, London, 1774, p. 184 и слѣд. Во время полярнаго путешествія, совершеннаго подъ начальствомъ капитана Буканана, Бичи добылъ съ морской глубины морскую звѣзду, рака, морскую губку и коралловую вѣтку.

[2]) См. вышеприв. соч. стр. 78.

[3]) Laing, стр. 104.

[4]) Journal of aVoyage in Baffins Bay and Barrow straits, 1852, II, p. 88.

[5]) Attempt to reach the North-Pole, London, 1828, p. 98, 107, 110, 114—116, 118, 191, 195, 202—204.

[6]) *Uria grylle*, *Larus Rossii*, *Lar. tridactylus*, *Lar. eburneus*, *Procellaria glacialis*, *Phoca foetida*, *Gammarus boreas* и *ampulla*, *Clio borealis*, *Argonauta arctica*, *Beroe pileus*, *Asterias glacialis*.

[7]) Smithsonian Report, 1853, p. 47.

[8]) Inglefield, A Summer Search for Sir John Franklin, London, 1853, p. 66 и 200; The Litterary Gazette, 1853. p. 902.

«китовый кормъ» въ большемъ и лучшемъ видѣ, чѣмъ гдѣ-либо. Столь-же далеко простираются очевидно и разнообразныя животныя, добытыя неподалеку отъ 75° градуса широты. Когда настало время и нашелся нужный человѣкъ для точнаго изслѣдованія моря, то оказалось, что оно наполнено множествомъ видовъ разнообразныхъ породъ иглокожихъ, раковинныхъ, суставчатыхъ и раковидныхъ животныхъ, инфузоріи и діатомей. Встрѣчались даже полипы. Число низшихъ морскихъ животныхъ, добытыхъ Сутерландомъ подъ $74\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., содержитъ гораздо болѣе сотни разныхъ видовъ.

Мы вправѣ предсказать съ увѣренностію, что и въ нашемъ сибирскомъ ледовитомъ морѣ должно повторяться тоже самое. На самыхъ сѣверныхъ Ново-Сибирскихъ островахъ, которые описалъ Анжу, подъ 75° с. ш., оказались слѣды бѣлыхъ медвѣдей, бѣлыхъ куропатокъ и гусиныя гнѣзда; Геденштрэмъ [1]) говоритъ о трехъ видахъ водящихся тамъ рыбъ. Подъ $75\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. у Таймырскаго залива я встрѣтилъ еще довольно много организмовъ [2]); мимо меня, какъ и мимо крайнихъ передовыхъ искателей Франклина [3]), весною огромныя стаи птицъ тысячами неслись все дальше на сѣверъ. На предѣлѣ крайней въ то время возможности прониканія человѣка къ сѣверу, я радостно привѣтствовалъ въ тѣхъ мѣстностяхъ старыхъ знакомыхъ, послѣдовавшихъ за мною до конца свѣта, но онѣ безпощадно покидали меня и мчались все дальше и дальше.

Такъ-то оживляются ближайшія окрестности полюса въ короткое лѣтнее время! Но, думаете вы, отъ длинной, морозной ночи, которая настаетъ вслѣдъ за тѣмъ, уходитъ все, что только владѣетъ крыльями, плавательными перьями и ногами; зимою, кажется вамъ, около полюса все пустѣетъ и вымираетъ. Ничуть не бывало: являются даже водяныя птицы, которыя до того освоились съ полюсомъ, что только шагъ за шагомъ отступаютъ передъ усиливающимся льдомъ, съ крайнею настойчивостью выжидая время, когда огромная ледяная кора, растягиваемая морозомъ и волненіемъ воды, ломается отъ собственной тяжести, то тутъ то тамъ. Черезъ такое окошечко тотчасъ-же проглядываетъ жизнь, всплываетъ изъ глубины морской, вдыхаетъ въ себя воздухъ, и тутъ-же начинается исконная наслѣдственная война за истребленіе. Вслѣдъ за слабымъ является болѣе сильный, чтобы поглотить его. Не одни только морскія птицы въ состояніи зимовать на крайнемъ сѣверѣ; нѣтъ, тюлени да моржи, какъ это превосходно описываетъ Кэнъ, также выплываютъ зимою изъ подъ ледяной коры на тѣхъ крайнихъ предѣлахъ, до которыхъ этотъ смѣлый мореходецъ успѣлъ проникнуть по направленію къ полюсу.

Дѣйствительно, мы уже теперь вправѣ сказать положительно, что на крайнемъ сѣверѣ земнаго шара между животными суши нѣтъ ни одного вида, бо̀льшая часть представителей

---

[1]) Сибирскій Вѣстникъ I, стр. 41, разные виды *Anarhichas* и *Cottus*.

[2]) Между 75 и $75\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. я встрѣтилъ еще слѣдующихъ птицъ: *Str. nyctea*, *F. gyrfalco*, *Aq. albicilla*, *Plectroph. nivalis* и *lapponica*, *Lagop. alpinus*, *Tr. maritima*, *cinclus*, *minuta*, *Calidris arenaria*, *Strepsilas interpres*, *Char. pluvialis*, *morinellus*, *hiaticula*, *Phalaropus rufescens*, *Lestr. parasita*, *Lar. Sabinei*, *glaucus*, *leucopterus*, *St. macrura*, *Eudytes septentrionalis* и *glacialis*, *An. spectabilis*, *Anser bernicla* и *albifrons*.

[3]) Ср. напр. Osborn, Stray leaves from an Arctic Journal. 1852, p. 255 и Southerland, Journal of a voyage, 1852, II, p. 270. Въ Веллингтоновомъ проливѣ тысячами тянулись къ сѣверу гаги и гребенухи.

котораго на холодное время года не добирается до предѣла лѣсной растительности, чтобы укрыться отъ суровой зимы. Мы вправѣ прибавить, что большее число различныхъ птицъ глубокаго сѣвера, очистивъ все до тла, на зиму совершенно удаляется. Впрочемъ не только млекопитающія, но и нѣкоторыя птицы крайняго глубокаго сѣвера на зиму остаются на мѣстѣ. Бо̀льшая же часть животныхъ однихъ съ ними видовъ покидаетъ глубокій сѣверъ на это время; остается лишь нѣсколько, иногда впрочемъ не мало, отдѣльныхъ представителей этихъ видовъ, которые по неизвѣстнымъ причинамъ и не смотря на возможность легкаго передвиженія, отдаютъ себя на жертву безпріютной зимѣ, и скудно оживляютъ мѣстность, пока весна увеличиваетъ число ихъ новыми пришельцами.

Какъ въ арктической Америкѣ, такъ и въ Сибири встрѣчались въ одиночку бѣлые медвѣди, волки, песцы, горностаи, полярные зайцы [1]), сѣверные олени и песцовыя копытныя мыши подъ самыми дальними широтами, гдѣ только человѣку до сихъ поръ воз-

---

[1]) Саундерсъ, который, сколько мнѣ извѣстно, еще до Кэна, на кораблѣ North-Star, въ 1849—1850 г. зимовалъ на самой сѣверной части западнаго берега Гренландіи, подъ $76\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., въ теченіе зимы, не смотря на эту дальнюю широту, убилъ до 50 зайцевъ. Песцы зимовали тамъ также въ значительномъ количествѣ.

Когда въ 1851 году Остинъ (Austin) провелъ зиму почти подъ 75° с. ш., недалеко отъ острововъ Парри, то тамъ было очень много даже жирныхъ песцовъ (Arctic Miscellanies, 1852, p. 186); встрѣчались часто и слѣды леммпнговъ, но самыхъ животныхъ поймано было мало.

Въ продолженіе зимы, проведенной близъ Port-Bowen, подъ 73° с. ш., усмотрѣно и поймано было много бѣлыхъ медвѣдей, нѣсколько песцовъ, полярныхъ зайцовъ, леммпнговъ и даже горностай, не смотря на то, что по словамъ Парри это именно пространство было чрезвычайно пустынно (Parry, Third Voyage, 1826, p. 78 и Appendix, p. 92).

Подъ 75° с. ш. волки и песцы на зиму оставались на Мельвилевыхъ островахъ; найдены были слѣды леммпнговъ (Parry, First Voyage, p. 116, 158 и слѣд. и Supplement to the Appendix, p. 185 и 187). Тоже самое замѣтили въ послѣдніе годы искатели Франклина во время зимовокъ (ср. Arctic Miscellanies, 1852, p. 347).

Въ Boothia felix нѣкоторые сѣверные олени остаются на зиму, но бо̀льшая часть ихъ уходитъ (Ross, Appendix to the Second Voyage, p. XVII). Тоже самое замѣтилъ Rae (Narrative of an Expedition to the shores of the Arctic Sea, 1850, p. 84): подъ полярнымъ кругомъ онъ сначала полагалъ, что въ Декабрѣ все ушло (стр. 82), а 7-го Января неожиданно нашелъ слѣды нѣсколькихъ сѣверныхъ оленей. Слѣдовательно мнѣніе, распространенное со времени перваго сухопутнаго путешествія Франклина, будто бы съ глубочайшаго сѣвера Америки сѣверные олени на зиму всѣ уходятъ въ лѣса, мнѣніе это было слишкомъ исключительно. Макъ-Клюръ говоритъ также, что подъ $73\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., въ теченіе всей зимы встрѣчали и убивали мускусныхъ быковъ, зайцевъ и бѣлыхъ куропатокъ, жирныхъ и съ полными зобами, не смотря на то, что была очень холодная зима и стужа доходила до 50°, даже до 57° (Athenaeum, 1863, Nov. p. 1324).

Тоже самое подтверждаетъ и Бакъ (Reise durch Nord-Amerika, übers. v. Andrée, 1836, p. 178), который нашелъ, что подъ 70° с. ш., при такихъ морозахъ, что ртуть замерзала, въ Январѣ, когда улетѣли и бѣлыя куропатки, сѣверные олени все-таки оставались, хотя и переходили съ мѣста на мѣсто. Даже въ Январѣ онъ видѣлъ ворона.

Впрочемъ воронъ оставался на зиму и подъ 73° с. ш. (Kennedy, Second Voyage of the Prince Albert, 1853, p. 87 и p. 104; на островѣ Регента), гдѣ его встрѣчали 10-го Ноября и 8-го Января; подъ 74° с. ш. (Россъ и Парри: Third. Voyage), даже подъ 75° с. ш. (на Мельвилевыхъ сстровахъ; Appendix to Parry's Second Voyage, p. 343 и 377 и Supplement to the Appendix, p. 194).

Лунь по словамъ Росса (Wiegmann, Archiv für Naturgesch. 1836, I, p. 173; Victoria Harbour) оставалась на зиму подъ 70° с. ш. Тоже самое она дѣлаетъ на Новой Землѣ (Baer, Bullet. scientif de l'Acad. des Sc. de St.-Pétersbourg, III, 1838, p. 352).

Остаются даже иногда (но въ видѣ исключенія) нѣкоторыя бѣлыя куропатки, а именно альпійскія, подъ 73° с. ш. Парри (Third Voyage, p. 80) случилось видѣть нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ 23-го Декабря и 18-го Февраля; онъ полагаетъ даже что это была таловка (*Lagopus albus*), которая питалась преимущественно сѣменами *Saxifraga oppositifolia*. Въ Сибири бѣлая куропатка зимуетъ около Нижнеколымска, подъ $68\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. (Киберъ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, I, стр. 122).

можно было зимовать. Слѣдовательно это были представители всѣхъ безъ исключенія видовъ животныхъ суши, оживляющихъ крайній сѣверъ въ лѣтнее время.

Даже большія птицы суши рѣшаются зимовать тамъ, напр. лунь, воронъ, альпійская куропатка. Притомъ воронъ преимущественно является зимою, безъ сомнѣнія потому, что для пріисканія корма въ то время ему приходится пролетать бо́льшія пространства, и потому также, что тамъ, какъ у насъ зимою, главнымъ образомъ онъ прилетаетъ къ человѣческому жилью. Въ Якутскѣ вороны также являются только зимою. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что это зимующія перелетныя птицы; можетъ быть, онѣ только прилетѣли изъ окрестности.

Что касается до водяныхъ млекопитающихъ животныхъ, то мы уже давно знаемъ, что тюлени и моржи, равно какъ нарвалы и бѣлухи, умѣютъ сохранять себѣ во льду продушины и такимъ образомъ не совсѣмъ уходятъ изъ тѣхъ морей, которыя зимою покрываются сплошною ледяною корою. Но изъ достовѣрныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что существуетъ даже водяная птица, которая зимою въ состояніи жить на крайнемъ сѣверѣ, пользуясь широкими трещинами во льду и образующимися вслѣдствіе того отверстіями и полыньями полярныхъ морей. Это такъ называемая гагарка, *Uria grylle* [1]).

---

[1]) Гагарка, *Uria grylle*, оставалась на зиму почти подъ 70° с. ш. (Парри; подробное указаніе мною затеряно), а подъ 74° Барровъ проливъ не замерзалъ въ теченіе всей зимы, такъ что тамъ зимовало безчисленное множество морскихъ птицъ (Parry, Third Voyage, p, 84). — Если слѣдовательно, какъ мы вправѣ предполагать, близъ полюса находится не замерзающій зимою водоемъ, то по всей вѣроятности тамъ зимуетъ множество морскихъ животныхъ и даже морскихъ птицъ. Но этому я никакъ не могу согласиться съ Бергманомъ (Ueber das Verhalt. der Wärmeökonomie der Thiere, p. 32), который полагаетъ, что гдѣ морская вода достигаетъ наибольшаго холода, тамъ не могутъ существовать теплоизмѣнныя (холоднокровныя, нисшія) животныя, которыми питаются киты. — При ближайшемъ ознакомленіи съ глубочайшимъ сѣверомъ, къ этимъ примѣрамъ безъ сомнѣнія удастся присоединить еще бо́льшее число видовъ. Такъ напр. говоритъ Голбэлль (Isis, 1845, p. 746), что подъ 69° с. ш., на западномъ берегу Гренландіи зимуютъ въ нѣсколькихъ лишь экземплярахъ: *Corv. corax*, *Falco islandicus*, *Str. nyctea*, *Plectr. calcarata* (стр. 537); а постоянно *Lagopus alpinus*, *Plectrophanes nivalis*, *Fringilla* (*Linota Hornemanni*) *canescens*, *Tringa maritima* (стр. 764), *Uria Brünnichii*, *alle* и *grylle*, равно какъ молодыя соматеріи (*mollissima* и *spectabilis*). Чрезвычайно рѣдко впрочемъ встрѣчается и чайка (*Larus glaucus*, стр. 770).

Такъ это бываетъ не только въ американско-арктическомъ архипелагѣ, но и на древнемъ материкѣ на самыхъ сѣверныхъ берегахъ Ледовитаго моря, что́ можетъ быть доказано даже теперь, на основаніи скудныхъ доселѣ извѣстій, которыя у насъ имѣются.

Петерманъ (The search for Franklin, et Suggestion, 1852, p. 21), пользуясь дневникомъ старика Баренца, снова напомнилъ о томъ, что на сѣверной оконечности Новой Земли, подъ болѣе чѣмъ 76° с. ш., цѣлую зиму водились бѣлые медвѣди, а въ особенности много песцовъ.

Подъ 71° с. ш. Пахтусовъ и Моисеевъ (Записки Гидрогр. Департамента, I, стр. 78, III, стр. 74, 76) въ Январѣ мѣсяцѣ на берегу Новой Земли видѣли гагарокъ и чаекъ. Пахтусовъ прямо говоритъ, что на южномъ берегу Новой Земли зимовали луни, большія бѣлыя чайки (*eburneus*?), *Uria grylle* и другія уріи, равно какъ и небольшіе зуйки (loc. it., стр. 217). Циволка видѣлъ тамъ-же въ Февралѣ небольшое бѣлое животное въ родѣ ласки, безъ сомнѣнія горностая, либо песцовую копытную мышь въ зимнемъ нарядѣ.

Уже у Лепехина (Путешествіе IV, стр. 173) я встрѣтилъ первое извѣстіе о томъ, что лунь остается на зиму и на Новой Землѣ. Впослѣдствіи это подтверждено Бэромъ (Bullet. scientif. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, III, p. 381).

Волки и сѣверные олени зимуютъ постоянно подъ 75° с. ш. на Новосибирскихъ островахъ (Врангель, Путешествіе, II, стр. 12, 44). Въ тундрахъ по берегамъ Ледовитаго моря также встрѣчаются осѣдлые сѣверные олени, которые и зимою небольшими стадами остаются внѣ предѣла лѣсной растительности (Сарычевъ, Путешествіе I, стр. 90, и Врангель, Путеш. II, стр. 249).

Изъ упомянутыхъ животныхъ мы въ особенности должны указать на бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ и полярныхъ зайцевъ, какъ на постоянныхъ обитателей глубокаго сѣвера, такъ что въ благопріятныхъ мѣстностяхъ иногда среди зимы удается поймать съ полсотни зайцевъ и песцовъ. Зимою 1848/49 г. Джемсъ Россъ старался воспользоваться этимъ обстоятелствомъ, чтобы увѣдомить Франклина о попыткахъ, которыя дѣлались для его освобожденія, и о запасахъ, оставленныхъ для него въ разныхъ мѣстахъ. Съ этою цѣлью во время зимовки своей въ проливѣ Барро, подъ 74° с. ш., онъ велѣлъ устроить изъ пустыхъ бочекъ ловушки и пойманную такимъ образомъ въ теченіе зимы полсотню живыхъ песцовъ употребилъ для отправленія почтовой службы. Почтальонамъ этимъ навѣшаны были на шею письма въ видѣ мѣдныхъ ошейниковъ, на которыхъ вырѣзаны были необходимыя свѣдѣнія.

Впрочемъ описанія, сообщенныя въ послѣднее время искателями Франклина, даютъ ложное, преувеличенное понятіе объ изобиліи животныхъ на глубокомъ сѣверѣ, буде мы захотѣли бы увлечься этими описаніями, не сдѣлавъ въ нихъ необходимыхъ поправокъ. Напр. въ предварительныхъ извѣстіяхъ Макъ Клюра говорится, что въ теченіи зимовокъ подъ $73\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. матросы его убили множество сѣверныхъ оленей и полярныхъ зайцевъ и что добытыя охотою животныя увеличили мясной запасъ не менѣе, какъ на 12,000 фунтовъ. Это нужно понимать точно также, какъ свѣдѣнія Rae [1]), который во время своего путешествія по льду, на Мельвилевомъ полуостровѣ вообще убилъ 162 сѣверныхъ оленя и 200 бѣлыхъ куропатокъ. Безъ сомнѣнія эти необыкновенно богатые запасы не были добыты изъ числа зимовавшихъ тамъ животныхъ, а образовались потому, что начавшееся весеннее переселеніе на сѣверъ чрезвычайно оживило эти пустынныя мѣстности. На крайнемъ сѣверѣ не остается на зиму даже значительное количество бѣлыхъ альпійскихъ куропатокъ. Съ рѣки Таймыра почти всѣ они исчезли уже въ Сентябрѣ, а по увѣренію поселенцевъ, живущихъ на Боганидѣ, подъ 71° с. ш., птицы эти остаются тамъ на зиму въ такомъ маломъ количествѣ, что поймать ихъ можно только совершенно случайно. Изъ лежащаго передъ нами полнаго описанія путешествія Rae видно, что это были животныя, убитыя во время весенняго своего переселенія, да еще на томъ пути, по которому они переселяются [2]).

Что касается до множества бѣлыхъ медвѣдей, то мы вправѣ предположить, что это были зимовавшія осѣдлыя животныя, которыя Врангелю, а въ особенности Геденштрэму дали возможность проникнуть дальше, чѣмъ они въ противномъ случаѣ успѣли бы пройти по ледяному покрову сибирскаго Ледовитаго моря. Собакъ, запряженныхъ въ ихъ сани, они кормили мясомъ бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ спутники Геденштрэма успѣли убить 15 штукъ [3]).

---

[1]) Zeitschr. für allgem. Erdkunde, 1853, I, 6, p. LVII.

[2]) Во время втораго своего путешествія подъ $68\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., онъ убилъ 10 зайцевъ лишь мимоходомъ, производя свои наблюденія надъ широтами, и могъ убить гораздо больше, если бы у него только хватало время на это. Встрѣчавшіяся нерѣдка бѣлыя куропатки были притомъ очень дики — вѣрный признакъ, что это были перелетныя птицы. — И подъ 70° с. ш., они могли настрѣлять сколько угодно сѣверныхъ оленей (The Journal of the Royal Geographical Society of London, 1852, Vol. XXII, p. 73, 75, 77, 83, 84, 91, 95).

[3]) Отрывки о Сибири, 1830, стр. 130.

Мы не имѣли бы надобности приводить всѣ эти свидѣтельства, если бы могли удовольствоваться разсмотрѣніемъ одного только, замкнутаго со всѣхъ сторонъ Шпицбергена, на которомъ до 80° широты постоянно живутъ бѣлые медвѣди, песцы, сѣверные олени и моржи [1]). Въ теченіе всего года они встрѣчаются тутъ въ такомъ большомъ количествѣ, что извѣстные русскіе матросы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе и не имѣвшіе не только ружей, но и другихъ вспомогательныхъ средствъ, могли прокормить себя тамъ 7 лѣтъ сряду [2]). Франклинъ и Буканъ впродолженіе краткаго пребыванія своего на небольшомъ островѣ Фогельзангѣ (лежащемъ возлѣ Шпицбергена) убили 40 сѣверныхъ оленей.

Впрочемъ зимованіе упомянутыхъ млекопитающихъ можно объяснить себѣ, въ видѣ исключенія, островнымъ климатомъ Шпицбергена, на которомъ, не смотря на дальную широту, нерѣдко въ Декабрѣ и Январѣ, а въ особенности около Рождества, бываетъ дождь. Кромѣ того скептическіе изслѣдователи могутъ отрицать добровольную зимовку млекопитающихъ на Шпицбергенѣ; поэтому для насъ важно было привести примѣры изъ такихъ странъ, которыя отъ ближайшихъ къ нимъ южныхъ земель не отдѣлены открытымъ моремъ, и млекопитающія которыхъ только отчасти уходятъ на югъ, тогда какъ другія животныя того-же вида предпочитаютъ зимовать на мѣстѣ. Случается даже, какъ мы увидимъ, что животныя глубокаго сѣвера зимою уходятъ по направленію къ полюсу.

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе гиперборейскую фауну и начнемъ съ млекопитающихъ животныхъ.

а) Гиперборейскія морскія животныя.

Въ Таймырскомъ краѣ, подъ $75\frac{1}{2}°$ с. ш., я пробылъ такое короткое время и посѣтилъ такое незначительное пространство его, что не могу сообщить особыхъ свѣдѣній о тамошнихъ морскихъ животныхъ. Хотя со всѣхъ сторонъ насъ и окружали разные, довольно большіе, тюлени, въ томъ числѣ вѣроятно и бородатый тюлень (*Phoca barbata*), но намъ ни одного не удалось поймать. На слѣдующее же лѣто, почти 20 градусами широты южнѣе, т. е. на южномъ берегу Охотскаго моря, я производилъ наблюденія надъ нѣсколькими несомнѣнно гиперборейскими морскими животными, которыя жили тутъ вблизи экваторіальнаго предѣла своего распространенія. Между ними извѣстная глубоко-сѣверная

1) Бѣлуха (*Delph. leucas*) встрѣчается чаще другихъ. Она обращаетъ на себя вниманіе не только яркимъ цвѣтомъ своимъ, отъ котораго и получила свое названіе какъ на русскомъ [3]) такъ и на большей части другихъ языковъ, но и тѣмъ, что довольствуется

---

[1]) Кромѣ извѣстныхъ западно-европейскихъ источниковъ, ср. также соч. Чичагова, стр. 74.

[2]) Фактъ этотъ подтверждали многіе береговые жители Бѣлаго моря, зимовавшіе на Шпицбергенѣ (такъ называемые Грумаланне изъ Поморцевъ Архангельской губерніи). Есть и печатныя свидѣтельства въ извѣстіи вышеупомянутыхъ Робинсоновъ (Le Roy Relation des aventures arrivées à 4 matelots, p. 50; Parry, Attempt. p. 138).

[3]) Не слѣдуетъ смѣшивать ее съ бѣлугой (дающей икру), какъ это довольно часто дѣлаютъ и Русскіе.

неглубокою береговою водою и даже чрезвычайно охотно входитъ въ рѣки за лохами. Послѣдніе-то, безъ сомнѣнія, ежегодно и завлекаютъ бѣлуху изъ Ледовитаго моря на нѣсколько сотъ верстъ въ большія рѣки. Поэтому иногда, хотя рѣдко, случается, что бѣлухи въ одиночку, почти неслыханнымъ морскимъ чудомъ, заходятъ вверхъ по рѣкѣ внутрь края верстъ за 1000, какъ это напр. случилось въ Енисеѣ, въ 1825 году [1]). Въ Амурѣ, по словамъ Шренка, она встрѣчается довольно часто въ 200 верстахъ отъ устья, и въ рѣдкихъ случаяхъ въ 400 верстахъ вверхъ по рѣкѣ [2]). Но это не должно удивлять насъ, такъ какъ при устьѣ небольшихъ горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Охотское море, животныя эти, при всей неуклюжести тѣла своего все-таки достигающія почти 3-хъ саженъ длины, съ наступленіемъ морскаго прилива стадами заходятъ все дальше и дальше внутрь страны. Иногда уже начинается отливъ моря, а смѣлыя разбойницы еще плещутся тамъ, гдѣ лишь нѣсколько часовъ тому назадъ вы бродили пѣшкомъ, или переходили рѣчку вбродъ ниже колѣнъ. Вы разсчитываете уже на хорошую добычу, но прежде нежели отмель, запружающая устье рѣчки, успѣетъ звгородить имъ путь, хитрая бѣлуха уплываетъ, укрываясь въ настоящей своей стихіи.

Въ концѣ Іюня въ устьѣ Уды мы уже встрѣтили небольшія отдѣльныя стаи бѣлухъ; въ началѣ Іюля лазутчицы эти исчезли. «Наконецъ-то идетъ давножеланная Кетарыба!» въ восторгѣ кричали проголадавшіеся Якуты и Тунгусы на морскомъ берегу. Гдѣ, гдѣ? повторялъ я, глядя въ открытое море и отыскивая въ охотничьей сумѣ зрительную трубу свою. «Погоди, ты еще не скоро увидишь его», отвѣчали они мнѣ къ немалому моему огорченію. Но на этотъ разъ издѣвалась надо мною не зоркость тунгусскихъ соколиныхъ глазъ, а знаніе моихъ спутниковъ. «Бѣлуха (такъ потомъ они объяснили мнѣ дѣло) ушла на встрѣчу лохамъ, которые теперь вскорѣ явятся, чтобы подняться въ горные потоки для метанія икры». Цѣлыхъ 9 дней прошло въ безполезныхъ ожиданіяхъ; наконецъ, 12-го Іюля, утромъ рано, явилась стая въ 10—15 бѣлухъ. За тѣмъ шла стая за стаей. Въ нѣкоторыхъ я насчитывалъ до 30 штукъ. Цѣлые 6 часовъ, пользуясь приливомъ, онѣ плыли къ западу, на такомъ близкомъ разстояніи отъ берега, что люди мои, для потѣхи, стали бросать въ нихъ камнями, когда я запрѣтилъ безполезное стрѣляніе, потому что необходимо было сберечь нашъ запасъ пороха.

Подобно дельфинамъ, онѣ то плыли подъ водою, то являлись на поверхности ея, чтобы дохнуть воздухомъ, и при этомъ стонали и фыркали такъ громко, что шумъ этотъ еще совершенно явственно доходилъ до меня, на высоту 800—1000 футовъ береговаго хребта. Вблизи онъ былъ похожъ на пыхтѣніе огромнѣйшей собаки, захлебнувшейся во время плаванія.

Мимо насъ проплыло по меньшей мѣрѣ 1000 бѣлухъ, но вѣроятно ихъ было вдвое болѣе. Съ наступленіемъ отлива вся эта ватага опять возвратилась назадъ, къ востоку. Большая часть была чисто-бѣлаго, немногія свинцоваго цвѣта или въ яблокахъ, молодыя — свинцоваго или даже аспидно-сѣраго цвѣта. Выплывая наверхъ, многія имѣли пре-

[1]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 122.

[2]) Reisen und Forschungen im Amurlande, 1858, I, p. 191.

странный видъ, потому что дѣтямъ своимъ, крѣпко прицѣпившимся къ ихъ спинѣ, служили какъ бы верховыми конями.

Даже въ одиночку онѣ нисколько не были пугливы, и однажды я серьозно опасался, что байдару нашу опрокинутъ плывшія подъ нею бѣлухи.

При бѣгломъ осмотрѣ можно было только разглядѣть необыкновенно малый объемъ глазныхъ и ушныхъ отверстій, изъ которыхъ въ послѣднія едва ли можно было просунуть стволъ вороньяго пера. По всему боку до шеи шелъ пакожный мускулъ, который свѣтлымъ цвѣтомъ своимъ отличался отъ черноватой краснoты прочихъ мускуловъ. Ударъ пожемъ снизу, нѣсколько позади груднаго плавательнаго пера, попалъ какъ разъ въ сердце. Четыре желудка слѣдовали одинъ за другимъ; первый внутри былъ покрытъ желѣзковидными бугорками, второй полонъ складокъ, похожихъ на складки человѣческаго мозга. Бугорки и складки рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга въ мѣстѣ прикосновенія обоихъ желудковъ. Въ третьемъ желудкѣ внутренняя поверхность была ровна; между нимъ и четвертымъ желудкомъ находился мѣшочекъ, въ яблоко величины, входъ и выходъ котораго были не толще мизинца. Такимъ образомъ у бѣлухи по-видимому всего пять желудковъ. Печепочныя вены растягиваются въ мѣшочки величиною въ цѣлковый; млечные сосуды пищепріемнаго канала сильно развиты. Дыхательное горло дѣлится на три вѣтви. Поперечникъ удлиненнаго мозга едва ли не меньше дѣтскаго.

Изслѣдовавъ содержаніе желудка, я нашелъ, что въ Беринговомъ морѣ по временамъ бѣлухи питаются каракатицами (*Onychia Bergii* и *Kamtschatica*).

Экваторіальный предѣлъ бѣлухи можно опредѣлить приблизительно. Онъ окружаетъ полюсъ на далекомъ разстояніи, простираясь по обоимъ берегамъ Берингова рукава примѣрно до 45° широты [1]), т. е. до южныхъ Курильскихъ острововъ и до рѣки Колумбіи [2]). Въ Атлантическомъ рукавѣ животныя эти простираются у его западныхъ береговъ, кажется, почти до тѣхъ-же широтъ, слѣдоват. до залива Св. Лаврентія [3]); на восточномъ берегу прекращаются уже 20-ью градусами сѣвернѣе, а на Норвежскомъ прибрежьѣ доходятъ на югъ не дальше, чѣмъ въ Бѣломъ морѣ, гдѣ они доходятъ до Онежскаго залива, подъ 64° с.ш.

---

[1]) Палласъ (Zoographia, I, p. 274) слишкомъ ограничиваетъ предѣлы распространенія бѣлухи, говоря, что въ Беринговомъ проливѣ она заходитъ на югъ не дальше 56-го градуса широты. Уже Мюллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, p. 254) сообщилъ достовѣрныя извѣстія о томъ, что бѣлуха заходитъ въ рѣку Удь. И по словамъ Шренка (Reisen und Forschungen im Amur-Lande. p. 191) экваторіальный предѣлъ бѣлухи доходитъ въ Амурскомъ лиманѣ до 52°, а въ самомъ Амурѣ до 51° с. ш. Къ сожалѣнію я не могу указать, откуда у меня взято извѣстіе, но въ замѣткахъ моихъ именно сказано, что бѣлуху встрѣчали и у южныхъ Курильскихъ острововъ. Хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но могло случиться, что за бѣлуху принятъ былъ *Delphinaterus borealis*.

[2]) Зибольдъ не говоритъ о ней въ своей Fauna Japonica. Описанный Пилемъ (Peale) *Delphinapterus borealis* (Charles Wilkes, United States Exploring Expedition, 1848), встрѣчающійся въ Великомъ океанѣ подъ 46° с. ш., есть, кажется, ничто иное, какъ Берингo-борейская замѣняющая форма нашего *Delp. leucas*.

Въ Новой Калифорніи она иногда попадается (Baer und Helmersen, Beiträge, I, p. 113), а въ Кенайскомъ заливѣ (60° с. ш.) встрѣчается очень часто (Хвостовъ и Давыдовъ, II, стр. 203), равно какъ и при устьѣ всѣхъ сѣверныхъ американскихъ рѣкъ (Загоскинъ, II, стр. 113).

[3]) У Де-Кея (De Kay) мы уже тщетно станемъ искать бѣлуху въ числѣ животныхъ Ньюіоркскаго округа.

Встрѣчаясь у Шпицбергена и Новой Земли, бѣлухи входятъ также во всѣ сибирскія рѣки, впадающія въ азіатское Ледовитое море [1]), равно какъ и въ рѣки западныхъ береговъ Берингова рукава, къ югу до Амура.

2) Косатка [2]) (*Phocaena Orca*), по величинѣ равняется небольшому киту. Эту страшнѣйшую изъ всѣхъ морскихъ хищницъ не трудно узнать уже на самомъ большомъ разстояніи по быстрымъ, урывистымъ движеніямъ ея. Во время плаванія у нея высоко надъ водою выдаются странныя спинныя перья, въ видѣ треугольника, какъ парусъ. При ближайшемъ ея разсмотрѣніи васъ поразитъ бѣлое пятно за каждымъ глазомъ, подавшее Русскимъ поводъ назвать ее бѣлоглазой.

Подобно волкамъ, онѣ сходятся большими стаями и сообща охотятся за своею добычею. Едва только 13-го Іюля онѣ успѣли показаться въ открытомъ морѣ, какъ не только тюленями, но и китами видимо овладѣло безпокойство. Послѣдніе съ страшною быстротою носились то туда, то сюда; нѣкоторые громко стопали, всѣмъ тѣломъ своимъ выдавались изъ воды, изо всей силы ударяли хвостами по морю и за тѣмъ снова погружались въ свою стихію, которая съ громкимъ гуломъ смыкалась надъ ними. Наконецъ семь встревоженныхъ колосовъ стали искать убѣжища около самого берега, покрытаго утесами. Они доходили до насъ шаговъ на 50, и одинъ изъ нихъ засѣлъ между скалистыми отмелями, но благодаря исполинскимъ усиліямъ своимъ успѣлъ опять высвободиться. Такимъ образомъ мы лишились зрѣлища, трагическій конецъ котораго мнѣ нерѣдко приходилось видѣть на всѣхъ сѣверныхъ берегахъ. Недавно Де-Ке несправедливо усомнился въ томъ, что косатка нападаетъ на кита.

Извѣстно было уже по прежнимъ свѣдѣніямъ, что касатка часто встрѣчается у Ку-

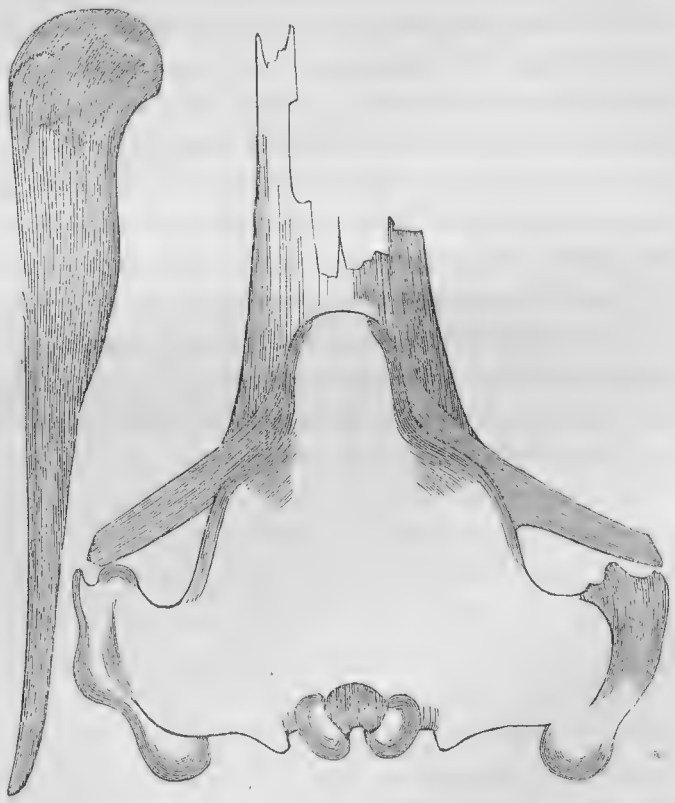
---

[1]) Напр. въ Яну и Лену, по словамъ Фигурина (Сибир. Вѣсти. I, стр. 229). О томъ, что она во множествѣ встрѣчается при устьѣ Улы, сообщили уже первые отряды проникшихъ туда казаковъ (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 234 и слѣд.). У Шпицбергена она бываетъ при устьяхъ большихъ рѣкъ (Malmgrén, Spitsbergens Fiskfauna, 1865, p. 491).

[2]) Шмарда (Die geographische Verbreitung der Thiere, 1853, p. 644) поступилъ, кажется, немного опромѣтчиво, сказавъ, что морская свинка (*Delph. phocaena* или *Phocaena communis*) принадлежитъ къ обитателямъ морей Новой Земли и Сибири. Конечно, это возможно, потому что о морской свинкѣ неоднократно говорится въ описаніяхъ глубоко-сѣверныхъ морскихъ путешествій, которыя совершались въ Атлантическомъ рукавѣ. Но все, что намъ извѣстно о существованіи ея близъ Новой Земли, основано единственно только на неопредѣленномъ выраженіи Лепехина (Путешеств. IV, стр. 136) «морскія свиньи», которое можетъ означать любаго дельфина, и на томъ, что Бэръ (Bullet. scientif. de l'Acad. de St.-Pétersb. III, p. 351) говоритъ о *Delph. delphis* или *phocaena*. Изъ этихъ двухъ видовъ, мнѣ кажется, *Delph. delphis* нѣсколько болѣе южная форма, чѣмъ *D. phocaena*, но Эшрихтъ (Zool.-anat.-physiolog. Unters. über die nord. Walthiere, 1849. p. 194) упоминаетъ о похожемъ на *delphis* дельфинѣ, который встрѣчается близъ Гренландіи. Де-Ке же (Natur. Hist. of New-York, I, p. 133) говоритъ, что *Delph. delphis* встрѣчается въ открытомъ морѣ, тогда какъ *D. phocaena* въ Нью-іоркскомъ округѣ такъ часто заходитъ вверхъ по рѣкамъ, что для ловли ея дѣлаются особыя приспособленія. По словамъ Ратке (Beiträge zur Fauna der Krymm, p. 297), *D. phocaena* встрѣчается и въ Черномъ морѣ, въ которомъ водятся не болѣе 2—3 видовъ кругополярныхъ низшихъ морскихъ животныхъ. Точному опредѣленію распространенія *D. phocaena* я придаю особенное значеніе потому, что не считаю ее кругополярнымъ животнымъ, какъ приходилось бы заключать изъ словъ Стеллера (стр. 148) и Палласа (Zoogr. I, стр. 284), которые говорятъ, что она встрѣчается и въ Беринговомъ проливѣ. До сихъ поръ мы не знаемъ еще положительно, слѣдуетъ ли *D. phocaena* причислять къ сибирскимъ животнымъ, или нѣтъ.

рильскихъ острововъ [1]) и въ Охотскомъ морѣ [2]). Мнѣ она явилась здѣсь старою знакомою съ береговъ Русской Лапландіи, гдѣ китоловы и рыбаки также разсказывали о томъ, что она охотится на китовъ. По словамъ Зибольда [3]) косатка простирается на югъ до Японіи.

3) Длиннорукій китъ (*Bal. longimana*). Хотя кромѣ него въ Охотскомъ морѣ встрѣчались еще два другихъ вида большихъ китовъ, какъ-то потъ-рыба (*Physeter macrocephalus*) и *Balaena australis Desm.* [4]), но чаще всего попадался меньшій между ними, длиннорукій китъ. Уше во 2-мъ отдѣлѣ 2-ой части нѣм. изданія этого сочиненія сказано, что мнѣ не удалось опредѣлить достовѣрно, дѣйствительно ли это былъ *Bal. longimana*. Сообщаю при этомъ рисунокъ съ обломка черепа и части нижней челюсти одного изъ этихъ животныхъ, которыя я велѣлъ отвезти въ Удской Острогъ и оставить тамъ на сохраненіе. Порознь *Bal. longimana* встрѣчался въ концѣ Іюля на южномъ берегу Охотскаго моря, спокойно плавалъ то туда, то сюда, или, крѣпко заснувъ, отдавалъ себя на произволъ теченія воды. Но 13-го Іюля мимо насъ стали проноситься цѣлыя стаи, одна за другой, каждая въ 30—40 китовъ, такъ что общимъ числомъ въ этотъ день мы насчитали по крайней мѣрѣ 800 штукъ; но вѣроятно ихъ было гораздо болѣе.



Я узналъ о 7 китахъ, выброшенныхъ на берегъ въ теченіе лѣта [5]), и отправился къ двумъ изъ нихъ. Днемъ Тунгусы, Гиляки, собаки и стаи чаекъ, а ночью медвѣди, волки и другіе хищники спорятъ между собою за право на добычу; первые громко кричатъ, воятъ, пищатъ и кудахтаютъ, такъ что шумъ оглушаетъ васъ, вторые подкрадываются изподтишка и тайкомъ наслаждаются своею добычею.

---

[1]) Головнинъ, Путеш. для описанія Курильск. Остров. стр. 14; Хвостовъ и Давыдовъ, II, стр. 201.

[2]) Тилезіусъ въ Палласовой Зоографіи.

[3]) Fauna Japonica, Mammalia, p. 25.

[4]) Cp. L. von Schrenck, Reisen und Forschungen im Amurlande 1858, I, p. 193

[5]) И въ сѣверной половинѣ Охотскаго моря киты часто выбрасываются водою на берегъ. Редовскій въ 1806 году записалъ въ своемъ дневникѣ (рукоп.), что у Ямска ежегодно выбрасываются на берегъ одинъ или два кита.

Нѣкоторыя мѣстности повидимому особенно благопріятствуютъ выбрасыванію китовъ на берегъ и какъ бы заманиваютъ ихъ въ естественныя ловушки. Этому содѣйствуетъ сильное повышеніе воды во время морскаго прилива, особенно въ такихъ случаяхъ, когда берегъ на нѣсколько верстъ довольно горизонталенъ или хотя слегка повышается къ морю, но все-таки такъ низокъ, что во время отлива совершенно сухъ, а при сильномъ приливѣ находится сажени на три подъ водою. При этомъ имѣетъ еще важное значеніе сильноутесистое свойство дна или присутствіе вязкаго, глинистаго ила, который волнами то сбивается въ кучи, то размывается. Такими китовыми ловушками богатъ южный берегъ Охотскаго моря, какъ напр. мѣстность при устьяхъ Уды и Алы, въ основаніи Тугурскаго залива, въ двухъ бухтахъ Академическаго залива, въ Сегнекинскомъ заливѣ и т. д. [1]). Если въ такихъ мѣстахъ во время прилива, въ особенности при сильномъ приливѣ, китъ подходитъ слишкомъ близко къ берегу и немного только замедлитъ или при наступленіи отлива хотя на минуту застрянетъ между небольшими отмелями, то онъ непремѣнно остается на сушѣ и во время полнаго отлива оказывается на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ морской воды. Когда за тѣмъ послѣдуютъ менѣе сильные приливы, накопляющіе лишь илъ вокругъ изнемогшаго между тѣмъ кита, или когда туземцамъ удастся заткнуть отверстія, чрезъ которыя онъ дышетъ, или прикрѣпить кита къ якорю, тогда его существованію конецъ и пожива жиромъ обезпечена.

Другаго рода громадными естественными ловушками китовъ можно считать нѣкоторые довольно большіе морскіе водоемы съ узкимъ проходомъ, которые хотя и находятся въ соприкосновеніи съ областью распространенія китовъ, но вслѣдствіе льда не даютъ имъ достаточной пищи и мѣста для свободнаго движенія. Такимъ образомъ весною 1850 года, близъ Ревеля, мнѣ привелось ближе изслѣдовать того-же самого длиннорукаго кита, родичей котораго я нѣкогда встрѣчалъ въ большомъ количествѣ въ Охотскомъ морѣ. Для него все Балтійское море сдѣлалось ловушкой, изъ которой онъ не съумѣлъ найти себѣ выходъ. Обнаруживая всѣ признаки истощенія, вслѣдствіе неудовлетворительнаго корма, онъ льдомъ былъ затертъ и выброшенъ на берегъ близъ Ревеля, какъ феноменъ, повторяющійся никакъ не болѣе раза въ теченіе одного или двухъ столѣтій [2]).

Гораздо чаще, чуть-ли не ежегодно, и во всякомъ случаѣ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, киты проникаютъ въ кувшинообразное Бѣлое море и въ основаніи его выбрасываются, впрочемъ довольно рѣдко, на берегъ. Такъ напр. къ числу замѣчательныхъ событій Соловецкаго монастыря (лежащаго на островѣ) относится и то, что въ 1799 году выброшенъ былъ на берегъ китъ между Соловецкими островами [3]).

---

[1]) Подобныя китовыя ловушки находятся и въ Русской Лапландіи, на берегу Ледовитаго моря. Недалеко отъ Кольскаго залива, къ западу отъ него, одна бухта называется Китовою (иногда ее неправильно называютъ Титовою). Лѣтомъ 1840 года тамъ лежало три китовыхъ остова; одинъ изъ нихъ я смѣрилъ: въ немъ было болѣе 80 англ. футовъ. И на Шпицбергенѣ по словамъ нашихъ груманцевъ (русскихъ моржелововъ), есть подобная Китовая бухта.

[2]) Th. Huebner, Populär-Naturhistorisches über das Walthier *Balaena longimana*, Reval, 1852.

[3]) Досиѳей, Соловецкій монастырь. стр. 191.

Теперь, когда вопросъ почти уже порѣшенъ, достаточно только мелькомъ упомянуть о томъ, что при дыханіи китъ выбрасываетъ вверхъ струю густаго водянаго тумана, Кромѣ водянаго пара изъ легкихъ, выходитъ мелкими брызгами часть морской воды. въ особенности та, которая находится въ верхней части дыхалъ. Чѣмъ воздухъ холоднѣе и чище, тѣмъ явственнѣе и столбовиднѣе струя тумана, вслѣдствія сгущенія теплаго дыхательнаго пара. При благопріятныхъ обстоятельствахъ шумъ отъ испусканія струй до того ясно слышенъ на разстояніи полумили географической и болѣе, что вамъ кажется, будтобы вблизи открытъ клапанъ пароваго котла. «Китъ палитъ» говоритъ русскій мореходецъ.

Нѣкоторые сомнѣвались въ существованіи китовъ въ азіятскомъ Ледовитомъ морѣ. Правда, что киты рѣдко подходятъ къ сибирскимъ берегамъ Ледовитаго моря, но вѣдь это можно было сказать заранѣе, принявъ въ соображеніе мелководіе этихъ береговъ, большею частію покрытыхъ льдомъ. Съ другой стороны столь-же достовѣрно можно было предсказать, что и тамъ киты должны встрѣчаться въ открытомъ морѣ, если бы не было прямыхъ, указывающихъ на это извѣстій, изъ которыхъ мы впрочемъ можемъ привести нѣкоторыя. Уже старикъ Витсенъ [1]) справедливо замѣтилъ, что при устьѣ Енисея иногда выбрасываются на берегъ киты и моржи [2]). Сарычевъ [3]) и Зауеръ [4]) видѣли бѣлухъ и кита въ Ледовитомъ морѣ, около устья Колыми. Съ глубокаго сѣвера они вѣроятно лишь изрѣдка подплываютъ къ сибирскому берегу, потому что въ Врангелевой полыньи и къ сѣверу отъ Новосибирскихъ острововъ передъ ними свободно лежитъ болѣе открытое море. Дѣйствительно къ западу отъ Новосибирскаго Котельнаго острова Санниковъ [5]) постоянно находилъ открытое море, а на берегахъ его китовыя кости. Такимъ образомъ слѣдуетъ исправить извѣстіе распространенное въ Германіи Геденштрэмомъ [6]), о томъ, что въ этихъ моряхъ никогда не встрѣчались киты [7]).

Къ числу важнѣйшихъ успѣховъ по части зоологической географіи принадлежитъ то обстоятельство, что благодаря соединеннымъ усиліямъ зоологовъ, статистиковъ и политико-экономовъ, обращающихъ вниманіе на китовую ловлю, равно какъ и изслѣдователямъ по части физической географіи, начинаютъ разъясняться китовыя странствованія и непосредственныя отношенія ихъ къ морскимъ теченіямъ.

Экваторіальные предѣлы китовъ повидимому въ цѣломъ совпадаютъ съ экваторіальными предѣлами бѣлухъ.

---

[1]) Nord- en Ost-Tartarye, 1705, p. 770.

[2]) Впрочемъ Нахтусовъ (Зап. Гидрогр. Департ. I, стр. 218) прямо говоритъ, что на восточномъ берегу Новой Земли онъ не видѣлъ китовъ, а что они встрѣчаются только на западномъ берегу этого острова. При всемъ томъ моряки наши въ прошломъ столѣтіи видѣли кита между восточнымъ берегомъ Новой Земли и входомъ въ Обскій заливъ, подъ 74° с. ш. (Зап. Гидрогр. Департ. IX, стр. 282).

[3]) Путешествіе, I, стр. 95.

[4]) I, стр. 143.

[5]) Сибирскій Вѣстникъ, III, стр. 177.

[6]) Berghaus, Annalen, Alte Serie, Band V, 1832, p. 268. — Геденштремъ, Отрывки, стр. 113, и Фигуринъ, въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 229.

[7]) Недавно сообщено, напротивъ того, что у мыса Баранова ежегодно являются киты, и что въ 1851 году въ одной Чаунской бухтѣ выброшено было на берегъ 7 китовъ (Записки Сиб. Отд. Геогр. Общ. III, стр. 100).

4) Три нарвала (*Monod. monoceros*) во времена Геденштрэма были выброшены на берегъ при устьѣ Яны. Животное это должно часто встрѣчаться въ сибирскомъ Ледовитомъ морѣ, потому что изъ сѣверной Сибири нерѣдко присылались клыки его. Захаровъ [1]) видѣлъ нарвала при устьѣ Колымы.

Извѣстно, что нарвала постоянно находили подъ самыми дальними широтами, до которыхъ до сихъ поръ удавалось доходить [2]).

b) Гиперборейскія ледовитыя животныя.

Такъ я называю группу гиперборейскихъ млекопитающихъ, составляющую второстепенный отдѣлъ такихъ береговыхъ животныхъ, жизненнымъ условіямъ которыхъ открытое море не вполнѣ удовлетворяетъ, потому что по временамъ, въ особенности же для распложенія своего, они должны выходить изъ влажной стихіи. Между береговыми животными ледовитыя животныя въ свою очередь оказываются такими, которыя не зависятъ отъ присутствія дѣйствительнаго материка. Мѣстами отдохновенія ихъ служатъ лишь съ виду скоротечныя, но въ сущности чрезвычайно постоянныя скалы сплошной воды, характеризующія полярный бассейнъ, т. е. огромныя ледяныя горы, богатыя утесами ледяныя поля, которыя то лежатъ неподвижно, то подобно льдинамъ уносятся водою морскихъ теченій. На этихъ-то обильныхъ разнообразіемъ островныхъ архипелагахъ, иногда перемѣняющихъ даже свое мѣсто, ледовитыя животныя предаются покою и любви и лелѣютъ своихъ новорожденныхъ. Вслѣдствіе этого они, подобно морскимъ животнымъ, способны доходить до полюса на столько, на сколько будетъ открыто море, а между тѣмъ непосредственно не зависятъ отъ того, существуетъ-ли тамъ материкъ или нѣтъ. Вслѣдствіе свойственнаго, какъ извѣстно, тюленямъ умѣнія сохранять отверстія во льду для дыханія (Кэнъ очень наглядно представилъ это на рисункѣ, изображающемъ ловлю моржей, которою занимались матросы его близъ самого полюса), ледовитыя животныя въ состояніи даже сами содѣйствовать тому, чтобы ледяная кора моря не закрывалась.

Ледовитыя животныя составляютъ переходъ отъ морскихъ животныхъ къ материковымъ; между ними тюлени примыкаютъ къ первымъ, а бѣлые медвѣди къ послѣднимъ. Между тюленями моржъ, питающійся отчасти водорослями, но болѣе всего береговыми моллюсками (*Mya; Saxicava*), еще болѣе чѣмъ бѣлый медвѣдь связанъ необходимостію жить на берегу.

Сообразно всему сказанному экваторіальный предѣлъ ледовитыхъ животныхъ почти совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ массивнаго полярнаго льда. То онъ идетъ вверхъ къ полюсу, то внизъ на югъ, вмѣстѣ со льдомъ и вслѣдствіе полярныхъ теченій, уносящихъ ледъ съ собою.

---

[1]) Сибирскій Вѣст. VI, стр. 9.

[2]) Напр. подъ 78° с. ш. въ Smith-Sound; Petermann, Mittheilungen, 1856, p. 383.

Наибольшая лѣтняя теплота воздуха, къ которой они привыкли, доходитъ лишь до нѣсколькихъ градусовъ выше точки замерзанія. Наша комнатная теплота невыносима напр. для бѣлаго медвѣдя въ звѣринцѣ. Онъ изнемогаетъ отъ жары и сухости воздуха и безпрестаннымъ качаніемъ головы старается доставить себѣ прохладу.

Окраина полярнаго льда служитъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ ледовитыхъ и морскихъ животныхъ, даже морскихъ птицъ, а слѣдовательно и рыбъ и низшихъ животныхъ, которыя дѣлаются добычею всего этого ряда хищниковъ. Туда-же за ними тянется еще болѣе хищный человѣкъ, увѣренный, что онъ найдетъ тамъ безчисленное множество животныхъ, тогда какъ въ открытомъ морѣ часто приходится тщетно рыскать по обширнымъ пустынямъ. Это снова напоминаетъ намъ первобытные лѣса, гдѣ въ однообразныхъ сплошныхъ частяхъ, какъ мною сказано, также не встрѣчается животныхъ.

Непосредственная зависимость ледовитыхъ животныхъ отъ морскихъ теченій обнаруживается тѣмъ, что въ различныя времена заблудившіеся экземпляры заносятся льдомъ на одни и тѣже пункты; такъ напр. (срав. ниже) на сѣверо-западномъ берегу Америки бѣлый медвѣдь въ видѣ совершеннаго исключенія является именно тамъ, гдѣ замѣченъ былъ неслыханный случай появленія моржа; такъ напр. въ нѣсколько вѣковъ разъ бѣлые медвѣди заносятся въ Японію и притомъ сразу до 37° с. ш. и т. д.

1) 2) и 3). По крайней мѣрѣ три вида тюле́ней, а можетъ быть и болѣе, кажется, могутъ считаться кругополярными животными. Точнѣйшее распредѣленіе ихъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій, но мы, конечно, не ошибемся, если отнесемъ сюда Гренландскаго (*Ph. groenlandica*) и бородатаго тюленя (*Ph. barbata*). Третьимъ я назову еще вонючаго тюленя (*Ph. foetida Fabr.*), который зимою составляетъ главную пищу эскимосовъ [1]).

Экваторіальный предѣлъ этихъ гиперборейскихъ тюленей повидимому почти совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ гиперборейскихъ китовъ и бѣлухи.

Кэнъ [2]) встрѣчалъ на крайнемъ сѣверѣ преимущественно *Ph. hispida*, рѣже *Ph. barbata*.

Тюленей, которыхъ я видѣлъ въ Таймырскомъ заливѣ, мнѣ, какъ уже сказано было, не удалось изслѣдовать подробнѣе.

4) Моржъ (*Trichechus Rosmarus*). Существованіе двухъ видовъ моржей предполагалъ не только Станніусъ, какъ мы замѣтили выше на стр. 9-ой, но и Фремри, который дѣлитъ ихъ даже на три вида [3]).

Превосходная монографія Бэра [4]) служитъ хотя и не прямымъ, но весьма сильнымъ

---

[1]) Небольшой видъ тюленей, встрѣчающійся при устьѣ Лены, Фигуринъ (Сибир. Вѣст. I, стр. 228) называетъ *Ph. vitulina*. Ошибка эта встрѣчается и во многихъ описаніяхъ англійскихъ полярныхъ путешествій. Животное это, говорятъ, называется тамъ лысцой. У Бѣлаго моря, казалось мнѣ, лысцой называлась *Ph. barbata*. Симашко (Русская Фауна, млекопитающія, стр. 1003) пишетъ лиса вм. лысая, т. е. голая перпа.

[2]) Arctic Explorations, I, 1856, p. 260.

[3]) Blasius, Die Wirbelthiere Deutschlands, 1857, p. 268.

[4]) Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersbourg, VIe série, sciences naturelles, T. II, 1838, p. 172.

подкрѣпленіемъ мнѣнія о двухъ видахъ моржей, именно потому, что совершенно другимъ путемъ изслѣдованія приходитъ къ одинаковому заключенію. Опровергая прежнее, безспорно принятое мнѣніе, Бэръ доказываетъ, что моржъ занимаетъ двѣ отдѣленныя другъ отъ друга области распространенія, которыя очень наглядно изображены на картѣ, приложенной къ его изслѣдованіямъ. По чрезвычайно тщательнымъ разысканіямъ Бэра, основаннымъ на рѣдкомъ изученіи источниковъ, оказывается, что по всей сѣверной окраинѣ Сибири, начиная съ Енисея (Пясина) къ востоку почти до Берингова пролива (Колючина острова), будто бы не встрѣчается моржей, также какъ и по берегамъ Ледовитаго моря у сѣверной Америки, отъ окрестностей Берингова пролива (Point Barrow) до западнаго берега Гудзонова залива.

Такъ какъ я имѣю возможность доказать по мало доступнымъ источникамъ, что въ упомянутыхъ мѣстахъ все-таки водятся моржи, то становится гораздо вѣроятнѣе не только мнѣніе о существованіи одного лишь вида моржей, но и наше предположеніе о томъ, что моржъ принадлежитъ къ кругополярнымъ животнымъ.

Изъ неподлежащихъ сомнѣнію источниковъ у меня есть самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что моржи встрѣчаются на протяженіи берега между Енисеемъ и Беринговымъ проливомъ [1]) и что слѣдовательно у нихъ одна только область распространенія. Но въ сѣверной Америкѣ по берегу Ледовитаго моря, кажется, также не прерывается существованіе моржей, какъ полагалъ Бэръ.

---

[1]) Уже неутомимый Витсенъ собралъ свѣдѣнія о томъ, что при устьѣ Енисея встрѣчаются моржи; онъ говоритъ: «Daer word gezegt dat de Walrussen in Zekertyd van't Jaer in groote menigte aen de Zee-oevers, omtrent de Rivier Jenisea als in slap leggen, wanneer zy veel worden betrapt, en gedoot» и далѣе: «Het geheurt dikmael dat omtrent de Vliet Jenisea aen de Zee-oevers Walrussen en Walvischen stranden, die van de Beeren worden gegeten».

Что у насъ нѣтъ свѣдѣній о существованіи моржей по берегамъ, лежащимъ къ востоку отъ Енисея, происходитъ оттого, что берега эти вообще почти вовсе неизвѣстны; въ немногихъ же свѣдѣніяхъ, которыя до насъ дошли о нихъ, постоянно говорится о моржахъ. Такъ напр. мнѣ разсказывалъ о нихъ переводчикъ мой, прозимовавшій при устьѣ Пясины (случай этотъ врядъ-ли еще повторится). Въ Таймырскомъ заливѣ я самъ правда не видѣлъ моржей, но и льда не видѣлъ. Столѣтіемъ же раньше Прончищевъ (Записки Гидрогр. Департ. IX, стр. 293) встрѣчалъ моржей на берегахъ Таймырскаго края, почти подъ 77° с. ш. Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописныхъ корабельныхъ журналахъ Прончищева записано подъ 19-мъ числомъ Августа мѣсяца 1736 года, что онъ встрѣтилъ множество моржей въ виду Фадѣевой бухты, на восточномъ Таймырскомъ полуостровѣ, между $76\frac{1}{2}$ и $77\frac{1}{2}$° с. ш. «Между островами (сказано тамъ) много видѣли морскихъ рыбъ белугъ, такожъ и моржей, и видно много летящихъ чаекъ .... птицъ около острововъ одинѣ чайки .... и во льду ходячихъ медвѣдей многое число».

Три года спустя тоже самое подтверждаетъ преемникъ Прончищева, Харитонъ Лаптевъ. Въ рукописномъ его журналѣ, 15-го Августа 1739 года, когда онъ плавалъ у входа въ Хатангскій заливъ, между 74° 49′ и 76° с. ш., сказано: «видѣли звѣрей моржей великое множество .... видѣли моржей на льдинахъ и въ водѣ много». — Свѣдѣніе это мною сообщено было Бэру и приведено также, но въ фальшивомъ смыслѣ, въ первомъ томѣ нѣм. изд. этого сочин., I, стр. IX, примѣч. Что Лаптевъ видѣлъ тамъ множество моржей, это уже давно сообщено и въ Сибир. Вѣстникѣ, I, стр. 78. Я самъ узналъ на Хатангѣ, что у поселенца, живущаго внизъ по рѣкѣ, на Болохнѣ, есть особый снарядъ для ловли моржей и бѣлыхъ медвѣдей, но что въ послѣдніе годы ему удалось ихъ поймать очень мало. Впрочемъ въ низовьяхъ Хатанги считалось любимымъ занятіемъ переѣзжать уже въ Февралѣ мѣсяцѣ на островъ Преображенія, лежащій при входѣ въ Хатангскій заливъ, для отысканія бѣлыхъ медвѣдей. Въ рѣдкихъ случаяхъ тамъ оставались и для ловли моржей.

Дальше къ востоку, около устьевъ Лены, Прончищевъ также видѣлъ моржей. Подъ 73° 24′ въ рукописномъ журналѣ его сказано 20-го Августа 1735 года:

Если же при всемъ томъ у нѣкоторыхъ частей береговъ Ледовитаго моря по видимому нѣтъ моржей, то это, можетъ быть, происходитъ отъ того, что мѣста эти, по самому характеру своему, имъ не по-нутру, какъ напр. такъ называемые мною мамонтовые берега (срав. ч. I, стр. 273), образующіе какъ-бы очень мелководное средиземное море, берега котораго пловаты. Внѣ этого средиземнаго моря, напр. у сѣверныхъ береговъ Новосибирскихъ острововъ, вѣроятно, какъ я полагаю, можно опять встрѣтить моржей. Въ подобныхъ мѣстностяхъ нѣтъ не только моржей, но и водорослей, которыми они питаются непосредственно или чрезъ посредство водящихся въ нихъ раковинныхъ животныхъ [1]). Распространеніе двухъ кругополярныхъ раковинныхъ животныхъ *Mya truncata* и *Saxicava rugosa*, которыя, какъ говоритъ Мальмгренъ [2]), моржъ чрезвычайно искусно вылупливаетъ изъ раковинъ, и которыя составляютъ существеннѣйшую пищу моржа у Шпицбергена (см. 2-ой томъ нѣм. изд. этого сочиненія), одинаково съ распространеніемъ моржа, на доступной для насъ глубинѣ. Даже киты избѣгаютъ упомянутыя мѣстности. Такимъ образомъ мы вправѣ предположить, что моржи встрѣчаются преимущественно у скалистыхъ береговъ.

За тѣмъ мы должны принять въ соображеніе еще и то обстоятельство, что въ прежнее время моржи водились во многихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ теперь нѣтъ. Съ одной стороны страшное истребленіе, а съ другой доказанный недавно фактъ, что моржи кормятъ дѣтей своихъ въ теченіи двухъ лѣтъ (такъ что въ это время въ желудкѣ ихъ встрѣчается только молоко [3]), должны чрезвычайно ускорить уменьшеніе количества этихъ животныхъ, какъ скоро убыль эта однажды началась. Самъ Бэръ указываетъ на истребленіе и изгнаніе моржей въ Баффиновомъ и Гудзоновомъ заливахъ. При всемъ томъ въ послѣднее время моржи встрѣчались и къ западу отъ Гудзонова залива, гдѣ какъ говорили, вовсе нѣтъ моржей [4]).

Скорѣе можно замѣтить, что моржи не любятъ тѣсныхъ, наполняющихся ледяными глыбами протоковъ американско-арктическаго архипелага, погубившихъ и корабли

«точію нерпы довольно моржей.... токмо видѣли около берегу нерповъ довольное число и трехъ моржей». Въ самомъ дѣлѣ, когда Адамсъ привезъ нашего знаменитаго мамонта, Шумаховъ при устьѣ Лены, вблизи отъ мамонта, нашелъ моржовый остовъ. (Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersbourg, 1815, T. V, p. 438 и Сибир. Вѣст. III, стр. 10). Докторъ Фигуринъ свидѣтельствуетъ также, что моржи нерѣдко встрѣчаются на берегахъ острововъ, лежащихъ въ дельтѣ рѣки Лены.

Что касается береговъ сибирскаго Ледовитаго моря, лежащихъ далѣе на востокъ, то правда извѣстно, что въ болѣе значительномъ количествѣ моржи Берингова моря простираются къ западу не дальше Колючина острова, но по новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что предѣла этого преимущественно держится большинство самцовъ, самки же доходятъ почти до устья Колымы (Мысы Барановъ и Шелагскій). См. Зап. Сибир. Отд. Географ. Общ. III, 1851, стр. 100.

[1]) Еще въ Чаунской бухтѣ встрѣчается много водорослей («морская капуста въ большомъ количествѣ» по Запискамъ Сиб. Отд. Геогр. Общ. кн. III, стр. 83 и Врангеля, Путеш. II, стр. 251). Къ востоку оттуда водоросли встрѣчаются лишь изрѣдка, какъ говоритъ Врангель (тамъ-же, II, стр. 209).

[2]) Archiv für Naturgesch. 1864, p. 64.

[3]) Мальмгренъ въ Archiv für Naturgesch. 1864, Jahrg. XXX, Heft I, p. 71.

[4]) Напр. въ сѣверо-восточной половинѣ Веллингтонова пролива (Queen-Channel), примѣрно подъ 76° с. ш. (Richardson, Searching Expedition, 1851, II, p. 423. — Sutherland, Journal of a voyage II, p. 106, 190, 263, 313 и I, p. 347, 356.

Франклина, и стараются имѣть свободной выходъ въ открытое море. Потому-то, какъ теперь оказывается, замѣчаніе Бэра о томъ, что за $80\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. еще не встрѣчали ни одного моржа, характеризуетъ только тогдашнее положеніе нашихъ знаній по части глубокаго сѣвера: подъ самыми сѣверными широтами, достигнутыми Кэномъ въ Смитъ-Зундѣ, даже въ виду полярнаго бассейна, до котораго, какъ онъ полагалъ, ему удалось дойти, встрѣчалось чрезвычайно большое количество моржей; они-то и объусловливаютъ существованіе самыхъ сѣверныхъ полярныхъ жителей, составляя главную ихъ пищу [1]); и сырое мясо моржей главнымъ образомъ послужило къ исцѣленію матросовъ Кэна отъ цынги.

Такимъ образомъ съ одной стороны подтверждается догадка моя, что полярный предѣлъ распространенія моржа совпадаетъ съ самимъ полюсомъ, а съ другой оказывается, что экваторіальный предѣлъ его въ сравненіи съ теперешнимъ своимъ положеніемъ также долженъ быть отодвинутъ далѣе къ югу.

Сообразно условіямъ температуры и движенію льда, моржи и на западныхъ берегахъ Атлантическаго рукава (заливъ Св. Лаврентія) простираются, кажется, на 10, и даже на 20 градусовъ широты южнѣе, чѣмъ на восточныхъ берегахъ. Если при всемъ томъ они чрезвычайно рѣдко встрѣчаются на скандинавскихъ и европейско-русскихъ берегахъ Ледовитаго моря, то въ этомъ мы должны винить не только скандинавскую вѣтвь Гольфштрома, но и близость губительной культуры Европы. То и другое дѣйствовало совокупно и такимъ образомъ повело къ столь значительному разстоянію между градусами широты. Нѣкогда моржи въ чрезвычайно большомъ количествѣ водились на островахъ Черри, лежащихъ между Скандинавіею и Шпицбергеномъ, и не очень рѣдко встрѣчались на берегахъ Лапландіи, но рѣдко, кажется, заходили во внутреннія части Бѣлаго моря [2]).

Въ Беринговомъ рукавѣ полярнаго водоема экваторіальный предѣлъ соотвѣтствуетъ направленію экваторіальнаго его предѣла въ Атлантическомъ рукавѣ. Въ общемъ цѣломъ мы, кажется, вправѣ сказать, что тутъ распространеніе моржей ограничено предѣлами

---

[1]) Срав. описаніе путешествія Кэна и Petermann, Mittheilungen, 1856, X, p. 38.

[2]) Что касается до заблудившихся экземпляровъ, убитыхъ примѣрно подъ 60° с. ш. въ 1817 году на Гебридскихъ, и въ 1825 году на Оркнейскихъ островахъ (Blasius, Wirbelthiere Deutschlands, 1857, p. 268 и Thompson, Report of the British Association, tenth meeting, 1841, p. 363), то спрашивается, не могутъ ли они намъ служить признакомъ, что и тамъ нѣкогда животныя эти являлись въ большемъ количествѣ. Съ исторіею истребленія моржей на островахъ Черри познакомилъ насъ Бэръ. Срав. выше стр. 133 примѣч.

Когда въ 1840 году я путешествовалъ по Русской Лапландіи, то тамошніе рыбаки, занимающіеся ловлею тюленей, сообщили мнѣ, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на небольшомъ Медвѣжьемъ островѣ близъ Килдина, убитъ былъ моржъ, который во время отлива повисъ на крутомъ скатѣ береговаго утеса. Во время прилива онъ вышелъ на берегъ, клыками своими вцѣпился въ щель скалы и не могъ выпутаться, когда съ убылью воды вся тяжесть тѣла повисла на клыкахъ. Другаго моржа на слѣдующій годъ убилъ нашъ рулевой на самомъ Килдинѣ; эти отдѣльные случаи мы тѣмъ болѣе имѣемъ право принять не за заброды, а за свидѣтельства прежнихъ пристанищъ, что одинъ изъ острововъ близъ Килдина издавна называется «Морковымъ». Лѣтъ за 10 до моего пріѣзда, въ Бѣломъ морѣ убитъ былъ моржъ близъ Трехъ-острововъ. Это согласно съ извѣстіемъ Гамеля (Tradescant p. 165, примѣч.) о томъ, что на восточномъ берегу Бѣлаго моря, между мысомъ Канинымъ и Кіей, въ урочищахъ Салицы и Большія Бугряницы убито было много моржей.

Берингова моря, но легко можетъ быть, что и въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ они были оттѣснены, прежде же находились далѣе къ югу и, какъ я вижу изъ достовѣрнаго источника, водились даже въ сѣверной половинѣ Охотскаго моря [1]).

Моржи явно начинаютъ удаляться и съ восточныхъ береговъ Берингова рукава, съ сѣверо-западныхъ береговъ Америки, гдѣ, какъ мы прежде замѣтили (стр. 101), ежегодно до самого послѣдняго времени ихъ убивали тысячами.

Мнѣ извѣстенъ одинъ только случай, при которомъ говорится, что у этихъ сѣверо-западныхъ береговъ найденъ былъ моржъ къ югу отъ Берингова моря [2]).

5) Бѣлый медвѣдь (*Urs. maritimus*). Хотя по строенію тѣла онъ настоящее хищное животное и ближайшій родичъ бураго медвѣдя, но онъ чуждается суши и является на ней только тогда, когда стихія его, ледъ, соприкасается съ нею. Ни одно животное не сродилось въ такой степени со льдомъ какъ бѣлый медвѣдь. Сама по себѣ подвижная льдина служитъ ему судномъ, на которомъ онъ предпринимаетъ самыя дальнія путешествія; не нравится ему одна, онъ переплываетъ на другую; на льду онъ находитъ свои равнины и свои горы. Съ высоты 50 футовъ онъ смѣло бросается въ волны морскія съ крутой ледяной скалы, какъ это случилось видѣть Джону Россу во время поисковъ его за Франклиномъ. Въ снѣгу, между смерзнувшимися льдинами, онъ выкапываетъ себѣ нору, въ сажень глубины, въ которой проводитъ зиму и рождаются дѣти его. На льду передъ продушинами тюленей онъ устраиваетъ небольшіе валы изъ снѣга въ видѣ брустверовъ, за которыми высматриваетъ свою добычу, иногда даже [3]), когда подползаетъ къ тюленямъ [4]), подвигаетъ передъ собою льдину для прикрытія своего.

Въ такомъ только случаѣ, когда на берегу Ледовитаго моря бѣлый медвѣдь, сытно наѣвшись выброшеннаго на берегъ кита, погрузится въ глубокій сонъ, а ледъ между

---

[1]) Бэръ принимаетъ за экваторіальный предѣлъ 59° с. ш. близъ Камчатки (Карагинской) и $56^2/_3$° с. ш. на сѣверо-западномъ берегу Америки (сѣвер. берегъ Аляски).

Уже Стеллеръ говоритъ, что моржа, убитаго въ 1742 году на южной оконечности Камчатки (Лопаткѣ), приняли за «великое чудо». При всемъ томъ старикъ Витсенъ, свѣдѣнія котораго все болѣе и болѣе подтверждаются, узналъ (2-е изд., стр. 112), что: «Tuschen de Rivier Uda en Ogota, aen ne Ooster Indiaensche Zee, valt veel Wal-vish, zoo ook de geheele Kust langs, tot aen de Ys Zee, als mede Walrussen en Zeerobben» Какъ ни оправдалось это множество китовъ, но «Walrussen» я готовъ бы отнести къ Ледовитому морю, если бы не явился другой позднѣйшій свидѣтель. Въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ (III, стр. 348) находится слѣдующее подлинное донесеніе: «ходили съ Охоты рѣки на новую мотыхлей рѣку, съ усть-Охоты моремъ подлѣ землю парусным погодьемъ бѣжали сутки, до моржеваго мысу и на томъ-де, государь, на моржевомъ мысу версты на двѣ и больше, звѣря моржу лежитъ на берегу добрѣ много; да съ усть де мотыхлея рѣки въ виду островы». Замѣтивъ что и на этихъ островахъ много моржей, писавшій донесеніе прибавляетъ: «мы которымъ за обычайно тотъ моржевый промыселъ .... и зубу будетъ рыбья много».

И такъ всего на разстояніи сутокъ отъ Охотска тогда, во время первыхъ посѣщеній Русскихъ, на берегу и на островахъ, находилось множество моржей и люди положительно говорятъ, что тутъ не можетъ быть ошибки, такъ какъ они хорошо знакомы съ моржевымъ промысломъ, и потому вправѣ обѣщать, что тутъ можно будетъ собрать много моржевыхъ зубовъ.

[2]) Давыдовъ и Хвостовъ (Двукр. Путешест.) сообщаютъ свѣдѣніе о моржѣ, застрѣленномъ въ Кенайскомъ заливѣ.

[3]) Врангель, Путеш. II, стр. 37. Тоже самое, по слухамъ, сообщилъ уже прежде Эрманъ, Reise um die Erde, I, p. 654.

[4]) Markham, Franklin's footsteps, London, 1853, p. 65.

тѣмъ успѣетъ скрыться изъ виду — въ такомъ только случаѣ онъ остается на берегу, выжидаетъ льдинъ, нерѣдко голодая, и забирается даже въ лѣсъ [1]). Впрочемъ это случается чрезвычайно рѣдко, не смотря на то, что при нуждѣ бѣлый мѣдвѣдь, подобно бурому, утоляетъ голодъ растеніями.

Даже подъ $75\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. я не встрѣчалъ бѣлаго медвѣдя у Таймырскаго залива, потому что въ то время море (на сколько его можно было видѣть) нигдѣ не было покрыто льдомъ. Лѣтняя теплота тѣхъ широтъ была слишкомъ жгуча для бѣлаго медвѣдя. Не знали его и пріятели мои, Асся-Самоѣды, самые сѣверные обитатели Сибири. Юраки же у Енисейскаго залива убиваютъ его копьями, а Долганы при устьѣ Хатанги тщательно берегутъ его клыки, продавая ихъ живущимъ у верховьевъ рѣки землякамъ своимъ, какъ хорошее предохранительное средство противъ нападеній простаго бураго медвѣдя. Говорятъ, что племянникъ послушно преклоняется предъ такими указками страшнаго дядискалозуба, которыя привѣшиваются сзади къ головному покрову. Вблизи ледяныхъ береговъ Таймырскаго края бѣлый медвѣдь очевидно встрѣчается не рѣже, чѣмъ у Новосибирскихъ острововъ, гдѣ искатели мамонтовъ навѣрное разсчитываютъ найти бѣлыхъ медвѣдей; послѣдніе должны пополнять собою часть провизіи этихъ искателей и ихъ собакъ, которыя иначе должны терпѣть голодъ [2]).

На сѣверѣ Сибири подтверждается извѣстіе (которое сначала получено было съ американскаго сѣвера) о томъ, что зимней спячкѣ предаются только тяжелыя самки и чрезвычайно жирные самцы [3]). Шатунами называются яловыя самки да сухощавые бѣлые медвѣди обоего пола, которые цѣлую зиму бываютъ на ногахъ. Забывъ во-время набить пузо свое запасомъ пищи, — жиромъ, — они должны голодать и работать, между тѣмъ какъ предусмотрительная братья ихъ спитъ и отдыхаетъ.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что бѣлый медвѣдь не спѣшитъ на помощь товарищамъ своимъ, подвергающимся нападенію, а обыкновенно сидитъ и спокойно смотритъ, и тогда только убѣгаетъ, когда товарищъ его убитъ [4]), но едва-ли когда-нибудь бросается на своихъ непріятелей. Дикари считаютъ это необыкновеннымъ благородствомъ съ его стороны, своего рода рыцарскою чертою въ честномъ бою. Въ глазахъ дикарей у бѣлаго медвѣдя весьма много сходства съ человѣкомъ; не смотря на то при наступленіи на непріятеля онъ никогда не становится на заднія лапы, какъ это почти всегда дѣлаетъ бурый медвѣдь. Длинное тѣло его безъ сомнѣнія не безъ затрудненія принимаетъ такую позицію.

Предѣлы распространенія бѣлаго медвѣдя и моржа почти одни и тѣже. Нѣкоторые, правда, говорятъ [5]), что бѣлый медвѣдь составляетъ принадлежность одного только вос-

---

[1]) Такъ напр. Гофманъ (Das nördliche Uralgebirge, p. 35) говоритъ, что 8 и 10 лѣтъ до него въ европейской Россіи застрѣленъ былъ бѣлый медвѣдь ниже Усть-цылмы, нѣсколько сотъ верстъ отъ берега, въ лѣсу.

[2]) Въ Августѣ мѣсяцѣ 1736 года Прончищевъ въ восточной части Таймырскаго полуострова видѣлъ бѣлыхъ: «ходячихъ медвѣдей многое число» (рукоп. журн.).

[3]) Съ Ноября до начала Марта, когда самки являются съ своими новорожденными (Геденштрэма, Отрывки 1830, стр. 180).

[4]) Такой случай привелось видѣть и Геденштрэму (Сибир. Вѣсти. III, стр. 146).

[5]) А. Вагнеръ въ послѣднемъ сводѣ естественной исторіи бѣлаго медвѣдя (Die Säugethiere von Schreber, Supplementband II, 1841, p. 152).

точнаго прибрежья сѣверной Америки, но все-таки онъ на столько-же, на сколько и моржъ, водится также въ Беринговомъ проливѣ и имѣетъ тамъ одинаковое съ нимъ распространеніе [1]). На берегахъ Лабрадора и Гудзонова залива, говорятъ, онъ простирается къ югу также не далѣе 55° с. ш., но и тамъ вѣроятно онъ не покидаетъ своего товарища, моржа, съ которымъ впрочемъ иногда, какъ разсказываютъ, вступаетъ въ страшныя товарищескія схватки.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему въ Таймырскомъ краѣ самый лѣтній экваторіальный предѣлъ бѣлаго медвѣдя не доходитъ даже до 75-го градуса широты. Подъ этою широтою вода при отсутствіи льда должна казаться бѣлому медвѣдю непріятно-теплою.

Впрочемъ въ видѣ неслыханнаго исключенія въ 1690 году нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей показалось подъ 37° с. ш. въ Японіи, куда безъ сомнѣнія они могли быть занесены только какимъ-нибудь ловучимъ ледянымъ островомъ [2]).

Слухъ о бѣломъ медвѣдѣ уже очень рано проникъ чрезвычайно далеко. Марко-Поло, которому ничего не было извѣстно о прибрежныхъ туземцахъ Сибири, все-таки говоритъ о медвѣдяхъ бѣлаго цвѣта, которые необыкновенно длинны, врядъ-ли менѣе 20-ти пядей [3]).

c) Гиперборейскія материковыя животныя.

Они водятся на материкѣ. Изъ нихъ лишь нѣкоторыя, хищныя животныя, какъ-то: волки, россомахи и песцы, побуждаемыя голодомъ, бродятъ по льду, обыкновенно въ качествѣ паразитовъ, за объѣдками бѣлаго медвѣдя, вслѣдъ за которымъ они постоянно и шатаются. По-видимому они противурѣчатъ общему закону переселеній животныхъ, отправляясь зимою къ полюсу. Это обстоятельство можно сравнивать съ тѣмъ, что животныя, принадлежащія къ породѣ оленей, кабарги мускусныя, куропатки и т. д. зимою близь полярнаго предѣла своего преимущественно живутъ на вершинахъ скалъ. Среди снѣжной равнины они остаются только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ не можетъ оставаться, а сдувается вѣтромъ. Всѣ вышеупомянутыя животныя рыщутъ только за пищею, высматривая, что̀ выкинуло море, потому что не находятъ ничего на материкѣ, лѣтними обитателями котораго они досыта кормились въ теченіе благопріятнаго времени года. Но такимъ гиперборейскимъ удовольствіямъ предаются лишь нѣкоторые чудаки, между тѣмъ какъ бо̀льшая часть индивидуумовъ той-же породы, родившіеся также на глубокомъ сѣ-

---

[1]) Парри убилъ на Мельвилевомъ островѣ двухъ бѣлыхъ медвѣдей: одного въ Августѣ, другаго въ Октябрѣ (Supplem. to the Appendix of Parry's Voyage, 1824, p. 184). — Зауеръ (Voyage du Commod. Billings, trad. par Castéra, II, p. 73) говоритъ, что въ его время было много бѣлыхъ медвѣдей на небольшомъ островѣ Гореѣ или Св. Матѳея въ Беринговомъ морѣ. По словамъ Сарычева (Путеш. II, стр. 88), Давыдова и Хвостова (Двукр. Путеш. II, стр. 161), Лангсдорфа (Reise, II, p. 21) бѣлый медвѣдь встрѣчается на Прибыловскихъ островахъ (подъ 57° с. ш), а Бичи (The Zoology of Beechey's Voyage, 1839, p. 3) сообщаетъ даже, что бѣлый медвѣдь показался за Беринговомъ моремъ въ Принцъ-Вилліамъ-Зундѣ, слѣдовательно какъ разъ тамъ, гдѣ встрѣтился также заблудившійся моржъ.

[2]) Siebold, Fauna Japonica, Mammalia, p. 30.

[3]) Bürck, Reise des Venez. Marco-Polo, 1845, p. 592.

верѣ, постоянно удаляются вслѣдъ за уходящими гостями глубокаго сѣвера. Какъ заботливые пастухи они бредутъ за тянущимися къ югу стадами, гонятъ ихъ передъ собою и распоряжаются отсталыми. Такія животныя ведутъ роскошную жизнь.

Но что же удерживаетъ тѣхъ чудаковъ, о которыхъ мы говорили? квасной ли патріотизмъ, или слишкомъ долгое промедленіе на мѣстѣ, вслѣдствіе чего они потомъ, отправившись въ путь слишкомъ поздно, не находятъ себѣ по дорогѣ корму, который весь уже поѣденъ другими, либо погодою и потому опять ворочаются туда, гдѣ память рисовала передъ ними лѣтнее раздолье? Или это такія животныя, которыя потеряли компасъ свой? Кто въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ [1])!

По сферѣ своего распространенія гиперборейскія животныя должны быть раздѣлены на два отдѣла. Къ первому принадлежатъ

а) Обитатели тундръ

т. е. гиперборейскія животныя суши, предѣлы распространенія которыхъ нѣсколько ограниченнѣе.

Родина ихъ — бездревесное прибрежье полярнаго бассейна, съ котораго они либо вовсе не сходятъ, или удаляются на предѣлъ древеснаго произрастанія для того только, чтобы въ криволѣсьѣ укрыться отъ самой сильной зимней стужи. Слѣдовательно предѣлъ высокоствольной лѣсной растительности совпадаетъ съ экваторіальнымъ ихъ предѣломъ, за который переходятъ случайно лишь нѣкоторыя личности, и то только на время.

По этому-то ни одного изъ такихъ обитателей тундры нельзя встрѣтить на альпійскихъ вершинахъ, возвышающихся внутри предѣловъ лѣсной растительности.

Какъ древесная растительность составляетъ жизненную потребность лѣсныхъ животныхъ, такъ бездревесная равнина принадлежитъ къ числу жизненныхъ условій разсматриваемыхъ нами животныхъ, которыя въ состояніи жить только на ней. Въ этомъ случаѣ климатъ, самъ по себѣ, значитъ несравненно меньше. Отсюда-то происходитъ большое сходство между фауною тундръ, или ледяныхъ степей, и фауною настоящихъ степей, на замѣчательную взаимную аналогію которыхъ мы имѣли случай указать уже прежде (ч. I, стр. 711).

Гдѣ отъ природы, т. е. первоначально бездревесныя обширныя равнины являются среди лѣсныхъ мѣстностей, слѣдовательно на большомъ разстояніи къ югу отъ полярныхъ странъ, тамъ дѣйствительно мы тотчасъ-же встрѣчаемъ фауну, сходную съ фауною сѣверныхъ тундръ. Такъ напр. даже подъ 58° с. ш. на моховыхъ болотахъ Лифляндіи, окаймленныхъ положительно криворослыми соснами, встрѣчаются полярныя насѣкомыя,

[1]) Наука несправедливо назвала полярныя страны царствомъ пушныхъ звѣрей, присовокупивъ при этомъ, что въ отношеніи растительности оно съ юга ограничивается полярнымъ предѣломъ земледѣлія и рѣдко переходитъ за изотерму 0° .Срав. напр. новѣйшее, по впрочемъ хорошее изслѣдованіе (Schmarda, Geographische Verbreitung der Thiere, 1853, II, стр. 225 и слѣд.), основанное на современныхъ научныхъ данныхъ. Одинъ только южный поясъ полярнаго края, область лѣсной растительности, можетъ служить царствомъ пушныхъ животныхъ. За предѣлъ древесной растительности изъ числа настоящихъ пушныхъ звѣрей, т. е. такихъ, мѣхъ которыхъ цѣнится высоко, заходятъ только немногіе, да и тѣ только въ видѣ исключенія, такъ что не могутъ составлять тамъ предметы охоты.

а вмѣстѣ съ ними и такія-же птицы: *Falco peregrinus*, *F. aesalon*, *Larus argentatus*, *Eudytes septentrionalis*, *Lagopus albus*, которыя населяютъ полярную тундру. Правда, что тутъ и мохъ присоединяется въ качествѣ полярнаго элемента, потому что подъ нимъ зимній ледъ сохраняется среди самого лѣта, напоминая ледяную почву и дѣйствуя въ свою очередь на климатъ этихъ равнинъ. Во всякомъ случаѣ эти южныя миніатюрныя картины тундры холодно-сырымъ климатомъ своимъ отличаются отъ степей, къ которымъ они составляютъ переходъ въ географическомъ отношеніи.

6) Песецъ (*Can. lagopus*) — нѣсколько меньше своей кумы-лисы; уши его округлены; онъ цвѣта бѣлаго, какъ наши собаки; крикъ его также похожъ на собачій лай, и потому онъ справедливо заслужилъ свое названіе. На дѣлѣ же песца вѣрнѣе всего можно бы было назвать сѣвернымъ шакаломъ. Подобно ему, онъ выходитъ только въ сумерки, но при сумеречной натурѣ глубокаго сѣвера поставленъ въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ шакалъ южныхъ странъ. Подобно ему, онъ является на пиршествахъ большихъ звѣрей непрошеннымъ гостемъ и дерзкимъ нахаломъ, который не знаетъ страха, потому что онъ невыразимо-ловкій воръ и пролаза. Подобно шакалу, песецъ прожорливое и ничѣмъ не брезгающее животное, которое убираетъ послѣднія объѣдки, если не успѣетъ во-время попасть на пиръ. Вы встрѣтите его повсюду въ сѣверныхъ пустыняхъ, гдѣ онъ большею частію рыскаетъ невидимцемъ, вынюхивая себѣ добычу. Благодаря густымъ волосамъ, которыми покрыты ступни его, вы совершенно не слышите приближенія этого прощыры; и не будь на снѣгѣ слѣдовъ его ногъ, вы бы вовсе не замѣтили присутствія его, потому что однообразный, бѣлый какъ снѣгъ, мѣхъ его, подобно волшебному покрову, скрываетъ его отъ глазъ вашихъ, безъ того уже ослѣпленныхъ отблескомъ снѣга.

Слѣдовательно съ удвоенною хитростію долженъ дѣйствовать высокоцѣнимый голубой песецъ, который покрытъ не бѣлымъ, а свинцовато-сизымъ мѣхомъ и потому видѣнъ уже издалека. Голубой песецъ-дворянинъ безъ сомнѣнія ничто иное, какъ облагороженный издавна простой песецъ, который благородство своего мѣха передаетъ и потомкамъ своимъ. Туземцы увѣряютъ, что въ гнѣздѣ между дѣтенышами одной и той-же самки, встрѣчаются и бѣлые и голубые песцы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ-за почетной шубы бѣдному голубому песцу жутко приходится и въ отношеніи добыванія пищи, и въ отношеніи преслѣдователей. Вѣроятно уже по этой причинѣ голубой песецъ встрѣчается такъ рѣдко, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ сѣверной Сибири, на 100 бѣлыхъ песцовъ можно считать примѣрно круглымъ числомъ отъ 3 — 4 голубыхъ [1]). Впро-

[1]) Въ половинѣ прошлаго столѣтія, полагаю я, голубые песцы встрѣчались на сѣверѣ Сибири чаще, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, 1758, p. 541) сообщалъ въ то время, что въ торговлѣ на 1000 бѣлыхъ песцовъ приходится около 50 голубыхъ.

Киберъ (Сибир. Вѣст. III, стр. 53) узналъ, что въ рѣчной области Колымы на 5000—7000 бѣлыхъ песцовъ ловится только отъ 20 до 30 голубыхъ, что составляетъ не болѣе полупроцента.

Нахтусовъ на Новой Землѣ поймалъ изъ 42 бѣлыхъ песцовъ только одного голубаго (Записки Гидрогр. Департ. 1842, I, стр. 90 и 220). Зимующіе сѣверные мореходцы съ Бѣлаго моря, которыхъ я разспрашивалъ объ этомъ, утверждали, что на Новую Землю можно считать около 3 — 4 процентовъ голубыхъ песцовъ, на Шпицбергенъ не менѣе 15, и даже 30%.

Въ Исландіи, какъ извѣстно, бо́льшая часть песцовъ голубаго цвѣта; тоже самое встрѣчается (или лучше сказать встрѣчалось) на островахъ Берингова пролива.

чемъ отношеніе этихъ двухъ разновидностей другъ къ другу до такой степени зависитъ отъ мѣстностей, что старикъ хозяинъ мой въ Дудинѣ на Енисеѣ, подъ $69\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., во всю жизнь свою въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ бѣлыхъ песцовъ не поймалъ ни одного голубаго. Это совпаденіе распространенія песца во внутреннихъ частяхъ страны съ бѣлымъ его цвѣтомъ вполнѣ согласуется съ предположеніями, высказанными мною на стр. 31, 34 и слѣд.

Весьма замѣчательны показанія Хвостова и Давыдова [1]), увѣряющихъ, что на полуостровѣ Аляскѣ водятся только бѣлые песцы, а на Прибыловскихъ островахъ, при открытіи ихъ, сперва встрѣчались лишь голубые песцы, бѣлые же занесены льдомъ уже нѣсколько лѣтъ спустя. На островахъ Беринговомъ и Мѣдномъ водятся и бѣлые и голубые песцы, но кажется, что, пропорціонально, въ Беринговомъ морѣ число послѣднихъ несравненно значительнѣе, вслѣдствіе чего оказывается большее сходство съ сѣверной Америкой, гдѣ количество голубыхъ песцовъ, говорятъ, составляетъ примѣрно 6 процентовъ [2]). Во всякомъ случаѣ, кажется, Шпицбергенъ по части голубыхъ песцовъ богаче другихъ, или по крайней мѣрѣ болѣе всѣхъ походитъ на берега Берингова пролива.

Подъ 75° с. ш. я еще встрѣтилъ голубаго песца въ Таймырскомъ краѣ; животное это попадается и на Новосибирскихъ островахъ [3]), слѣдовательно въ самомъ близкомъ разстояніи отъ полюса.

Такимъ образомъ нельзя предполагать, что цвѣтъ песца вблизи экваторіальнаго его предѣла чаще становится темнѣе. Скорѣе можно бы было предположить противное, а именно потому, что близость прибрежья, какъ мы замѣтили, способствуетъ образованію синяго цвѣта. И такъ, голубой песецъ преимущественно оказывается принадлежностью рѣзко проявляющагося береговаго климата; притомъ въ теченіе времени онъ сильно истребленъ [4]), потому что столь цѣнный его мѣхъ, бросающійся въ глаза, во всѣхъ отношеніяхъ подвергаетъ его большей опасности, чѣмъ бѣлаго песца.

Самый крошечный уголокъ на какомъ-нибудь островѣ глубочайшаго сѣвера Ледовитаго моря, самая пустынная скала служатъ песцу убѣжищемъ, гдѣ онъ уютно устраиваетъ свое гнѣздо. Куда ни проникалъ человѣкъ въ сѣверныя полярныя страны, повсюду, гдѣ только встрѣчался материкъ, онъ находилъ и песца.

На тундрахъ Таймырскаго края я постоянно встрѣчалъ жилища песца только въ холмахъ, которые отдѣляются отъ ближайшей къ нимъ мѣстности такимъ образомъ, что отъ нея вода не можетъ проникнуть въ жилище. Множество ходовъ идетъ съ разныхъ сторонъ ската во внутрь ледяной крѣпостцы. Твердость замерзшей почвы не позволила мнѣ проникнуть далѣе сажени. Не смотря на то, что это было среди лѣта, ходы не имѣли

---

[1]) Двукратное Путешествіе II, стр. 168. — На это свѣдѣніе будущимъ наблюдателямъ придется обратить особенное вниманіе тѣмъ болѣе, что по словамъ Бэра (въ его монографіи) песецъ не встрѣчается на полуостровѣ Аляскѣ.

[2]) Ross, Append. p. VIII, и Wiegmann, Archiv für Naturgeschichte, 1861, p. 131.

На Беринговомъ островѣ въ прошломъ столѣтіи, говорятъ, было даже больше голубыхъ, чѣмъ бѣлыхъ песцовъ (Samml. Russ. Gesch. III, p. 245).

[3]) Геденштрэмъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 41.

[4]) Срав. выше стр. 101, гдѣ уже было говорено о ихъ истребленіи и переселеніи.

привлекательнаго вида, потому что съ потолковъ ихъ висѣли, какъ сталактиты, ледяныя сосульки, которыя по временамъ, должно быть, очень докучаютъ хозяину, потому что на нихъ были частицы примерзшей шерсти: зимніе волосы, которые сосульки срывали съ входящихъ и выходящихъ песцовъ. При этомъ распространялся невыносимо рѣзкій запахъ, поражающій носъ и глаза и происходящій отчасти отъ остатковъ пищи, отчасти отъ испраженій, и въ особенности отъ мочи. Въ этомъ отношеніи у песца одинъ вкусъ съ лисой, нору которой, во время выводки дѣтей, изъ-подъ вѣтра также можно узнать уже издали по ея запаху. Но въ противуположность нашимъ лисицамъ, самка песца даже во время родовъ остается при температурѣ ниже нуля. Въ первый разъ, говорятъ Самоѣды, она родитъ въ то время, когда гуси начинаютъ прилетать большими стаями. Это — природосообразное показаніе по новому стилю. Слѣдовательно по нашему календарю у песца подъ 73° с. ш. родятся дѣти около половины и конца Мая, а дальше къ сѣверу въ началѣ Іюня. Какъ только сойдетъ снѣгъ, такъ чета занимаетъ и устраиваетъ свое жилище. Не трудно представить себѣ, какихъ хлопотъ должно стоить этимъ маленькимъ звѣркамъ устройство жилья въ крѣпко-замерзшей почвѣ. Перемираетъ можетъ быть нѣсколько поколѣній прежде, нежели палаты при помощи постепеннаго оттаиванія дойдутъ до положенія такихъ поръ, въ которыя я тщетно старался проникнуть. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что песцы въ настоящее время еще занимаютъ наслѣдственные замки своихъ предковъ; если бы послѣдніе могли воскреснуть и взглянуть на теперешній бытъ своихъ потомковъ, то они, вѣроятно, подобно нашимъ предкамъ, смутились бы отъ удивленія передъ роскошью новѣйшаго времени.

По-видимому иногда въ одномъ и томъ-же жильѣ поселяются по крайней мѣрѣ двѣ самки, потому что случается, говорятъ, что осенью изъ одной и той-же норы вынимаютъ болѣе двадцати, а именно до 23 и 24 щенятъ. Наибольшее число щенятъ, рождающихся за одинъ разъ, составляетъ, кажется, 8 штукъ [1]); если слѣдовательно всѣхъ считать щенятами одной и той-же матери, то пришлось бы предположить (а это невѣроятно), что въ теченіе одного лѣта она ощенилась три раза.

Мнѣ самому удалось вынуть изъ одного гнѣзда не больше 5 щенятъ, но можетъ быть я успѣлъ захватить далеко не всѣхъ, которые находились въ немъ. Мои собственныя наблюденія также заставляютъ меня предполагать, что у песца въ теченіи лѣта самка щенится два раза, потому что подъ $73\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. щенята пищали въ норѣ уже въ концѣ Іюня, между тѣмъ какъ самецъ и самка убѣгали на ближайшій холмъ, и остановившись отъ меня шаговъ на 100, тявкали, заливаясь высокимъ сопраномъ.

Подъ $74\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. 28 Іюля мы нашли гнѣздо молодыхъ песцовъ, которые старались укрыться между скалами и были величиною въ годовалую кошку. Если и преположить, что между ними были ровесники Іюнскаго помета, то гораздо меньшіе песцы, пойманные

---

[1]) Фигуринъ (Сиб. Вѣстн. I, стр. 224) увѣряетъ, что у песца бываетъ отъ 7 до 17 дѣтенышей. Желательно, чтобы будущіе изслѣдователи обратили особенное вниманіе на этотъ предметъ.

собакою моею нѣсколько сѣвернѣе, 9-го и 15-го Августа, должны быть отнесены къ позднѣйшему помету. Мнѣнію этому придаетъ еще большую вѣроятность слѣдующее обстоятельство: при возвращеніи моемъ съ сѣвера, Самоѣды на рѣкахъ Новой и Боганидѣ, между 72° и 71° с. ш., въ Октябрѣ мѣсяцѣ поймали молодыхъ песцовъ (норниковъ), которые были немногимъ больше песцовъ, пойманныхъ мною тремя мѣсяцами раньше на глубокомъ сѣверѣ.

Легко можетъ быть, что плодовитость этихъ животныхъ измѣняется съ годами и соображается съ предшествовавшимъ недостаткомъ или изобиліемъ въ кормѣ. Въ неопредѣлимые сроки, то черезъ два или три года, то черезъ шесть лѣтъ [1]), они являются въ большемъ количествѣ, такъ что въ хорошій годъ родится примѣрно втрое больше, чѣмъ въ обыкновенный годъ.

Въ мое время въ Таймырскомъ краѣ прекрасно уродились какъ песцы, такъ и главная пища ихъ, лемминги. Въ низменностяхъ на каждомъ шагу оказывался такой обильный кормъ, что песцамъ оставалось только брать то, что имъ попадалось на пути. При всемъ томъ, они не упускали случая полакомиться, таскали птицъ изъ гнѣздъ и по временамъ до того зарились на пирушку, что на Быррангинскомъ хребтѣ мнѣ привелось съ высоты сдѣлаться свидѣтелемъ зрѣлища, которое такъ часто приводитъ въ отчаяніе нашихъ охотниковъ, когда собака ихъ пускается на подобную продѣлку. Въ долинѣ, которая растилалась передо мною, песецъ очень искусно слѣдилъ альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ. То онъ медленно подкрадывался, чтобы лучше разнюхать слѣдъ ихъ, то, отыскавъ его, быстро скользилъ впередъ, чтобы напасть въ расплохъ на бѣжавшую передъ нимъ цѣпь. Игра эта продолжалась нѣсколько времени, какъ вдругъ молодыя куропатки, недавно лишь оперившіяся, вспорхнули во всѣ стороны и поднялись высоко въ воздухъ, старуха-самка же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ песца опять упала на землю; кудахтая, она стала страшно хлопать крыльями, какъ будто уже насталъ конецъ ея, и шумомъ этимъ обратила на себя все вниманіе жаднаго разбойника; между тѣмъ птенцы стали укрываться въ своихъ убѣжищахъ. Песецъ кидается на самку; она вспархиваетъ бокомъ, потомъ опять падаетъ, потягиваетъ то одно, то другое крыло, какъ будто оно расшиблено, бросается то туда, то сюда, опрокидывается, но каждый разъ ускользаетъ отъ горячо-преслѣдующаго ее песца, который наконецъ въ громкомъ сопрановомъ лаѣ изливаетъ свой гнѣвъ и быстро устремляется на хитрую птицу, улетающую надъ самою землею въ прямомъ направленіи отъ гнѣзда. Наконецъ, когда запыхавшійся песецъ въ пылу преслѣдованія успѣлъ ускакать на далекое разстояніе отъ молодыхъ куропатокъ, самка улетаетъ высоко по воздуху, большою дугой.

Когда песецъ приблизился ко мнѣ и, выбившись изъ силъ, остановился, я спустилъ свою бѣлую собаку, которая съ громкимъ лаемъ напустилась на него. Принялъ ли онъ

---

[1]) Врангель (Путешест. II, стр. 213) узналъ, что на рѣкѣ Колыми песцы являются въ большомъ количествѣ черезъ каждые два года въ третій.

эту, никогда невиданную имъ прежде, фигуру по-просту за особую породу волка, вдался ли онъ, можетъ быть, въ болѣе подробныя физіономическія отличія — не знаю, но песецъ мой снова опустилъ пушистый хвостъ свой, ударился въ бѣгство и быстро исчезъ въ расщелинахъ скалъ.

Наѣвшись до-сыта лемминговъ, песецъ въ хорошее время года занимается охотою или самъ вызываетъ другихъ на охоту за нимъ, чисто изъ одной шалости. За то зимою ему приходится очень жутко. Онъ довольствуется тогда любымъ съѣдомымъ кусочкомъ, попадается на рыбную приманку въ самую простую ловушку и преспокойно съѣдаетъ трупы прежде поиманныхъ товарищей своихъ. Иногда пустота желудка ожесточаетъ его до того, что, подобно волку, онъ бросается даже на живущихъ еще собратьевъ, которые попали въ ловушку и вслѣдствіе того стали беззащитными. Злодѣянія подобнаго рода хорошо извѣстны по всѣмъ тундрамъ [1]).

Со временемъ необходимо обратить особенное вниманіе на то, какъ должно понимать извѣстія Баренца [2]), по дневнику котораго оказывается, что на самомъ глубокомъ сѣверѣ Новой Земли на всю зиму песцы исчезали, прежде нежели появлялись бѣлые медвѣди (въ началѣ Ноября). Потомъ они возвращались опять тотчасъ же по уходѣ бѣлыхъ мѣдвѣдей (въ началѣ Февраля). Въ голодное время, сколько мнѣ извѣстно, песецъ выказываетъ большую привязанность къ бѣлому медвѣдю.

Въ началѣ Іюня песцы въ Таймырскомъ краѣ уже до того полиняли, что на снѣговыхъ равнинахъ, по которымъ они бѣгали, потертый лѣтній мѣхъ ихъ казался совершенно черными.

Хотя предѣлы распространенія песца по направленію къ полюсу неограничены, но экваторіальнымъ предѣломъ его тѣмъ рѣзче служитъ высокоствольный лѣсъ. Бэръ совершенно справедливо замѣтилъ, что нору песца никогда нельзя встрѣтить въ виду пашни [3]). Въ отношеніи распространенія песца существенное значеніе имѣютъ не тѣ температурныя и жизненныя условія, отъ которыхъ зависитъ полярный предѣлъ земледѣлія, а тѣ условія, какъ мы уже замѣтили, отъ которыхъ зависитъ полярный предѣлъ произрастанія высокоствольнаго лѣса. За тѣмъ вѣроятно должна быть принята въ соображеніе не одна только изотера, но и главнымъ образомъ изогеотера животнаго, которое подобно корнямъ деревьевъ проникаетъ въ землю глубже, нежели хлѣбныя растенія.

Я уже говорилъ о томъ, что случайно-заблудившихся песцовъ (напр. въ мое время убиты были три песца къ югу отъ полярнаго круга, около Туруханска) врядъ-ли можно бы было встрѣтить въ лѣсахъ, лежащихъ подъ тѣми-же широтами. Только такія безлѣсныя пространства, какъ напр. большая ледяная равнина Енисея, побуждаютъ песца

---

[1]) Тоже самое привелось видѣть и Пахтусову на Новой Землѣ (Записки Гидрограф. Департ. I, стр. 84).

[2]) Петерманъ въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ своихъ Mittheilungen, стр. 21 и слѣд.

[3]) Возможность сослаться на превосходную монографію Бэра о географическомъ распространеніи песца освобождаетъ меня отъ труда подробнаго разъясненія экваторіальнаго предѣла песца (Срав. Bulletin scientif. publ. par l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, T. IX, 1841, p. 89).

предпринимать столь дальнія странствованія на югъ. Уже Палласъ получилъ песца изъ Туруханска; говорятъ, что онъ встрѣчался даже близь Енисейска.

Подобными-же путями, вдоль морскаго прибрежья, шли вѣроятно и тѣ песцы, которые въ видѣ исключенія убиваемы были на берегахъ Финскаго залива, даже въ Курляндіи, подъ 56° с. ш. [1]). Впрочемъ по наведеннымъ мною справкамъ исключеніе это даже на южныхъ берегахъ Финляндіи вовсе не такъ рѣдко, какъ позволяетъ предполагать скудость извѣстныхъ доселѣ свѣдѣній по этому предмету.

Въ сѣверной Америкѣ песецъ также заходитъ очень далеко на югъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ моря окаймлены безлѣсными берегами. На восточномъ прибрежьѣ Америки, равно какъ и на восточномъ берегу Азіи (въ Камчаткѣ и на первомъ Курильскомъ островѣ) песцы встрѣчались близь 50-го градуса широты. На западномъ же берегу сѣверной Америки, даже 8-ью градусами сѣвернѣе, на островѣ Кадьякѣ, еще никогда не находили песцовъ, потому именно, что тамъ нѣтъ соединительнаго ледянаго перехода [2]).

7) Песцовая копытная мышь (*Myodes torquatus*), прехорошенькій звѣрекъ, величиною въ небольшую водяную крысу, черноватому лѣтнему мѣху котораго съ пріятной бурокрасной каймой шелковистый блескъ волосъ на спинѣ придаетъ чрезвычайно-красивый видъ. Такъ какъ по наблюденіямъ, произведеннымъ мною во время путешествія, песцовая копытная мышь на зиму становится бѣлой, то наружный видъ ея значительно измѣняется сообразно 4 различнымъ временамъ года. Такимъ образомъ мнѣ привелось доказать его кругополярность, посредствомъ сокращенія нѣсколькихъ видовъ въ одинъ и тотъ-же видъ.

Мышь эта замѣчательна тѣмъ, что у нѣкоторыхъ старыхъ самцевъ оба средніе пальца переднихъ ногъ, имѣющіе обыкновенно форму слившагося двойнаго ногтя, становятся чѣмъ-то въ родѣ копыта чудовищной величины. При какихъ обстоятельствахъ и съ какою цѣлью это происходитъ, для насъ пока еще совершенно загадочно.

Въ Таймырскомъ краѣ песцовая копытная мышь встрѣчалась вмѣстѣ съ Обскимъ леммингомъ, но (что замѣчательно) повсюду попадалась только въ небольшомъ числѣ, тогда какъ Обскій леммингъ въ то лѣто по всей мѣстности былъ распространенъ въ чрезвычайно большомъ количествѣ. Не зависитъ ли преуспѣяніе этихъ двухъ, очень близко сродныхъ между собою видовъ отъ столь противуположныхъ обстоятельствъ, что изобиліе одного вида всегда влечетъ за собою уменьшеніе другого? случается ли также, что оба вида наводняютъ край въ одинаковомъ множествѣ? или песцовая копытная мышь никогда не встрѣчается въ такомъ значительномъ количествѣ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ мы должны предоставить будущности.

Впрочемъ песцовая копытная мышь отличается отъ Обскаго лемминга не только болѣе шелковистымъ волосомъ и болѣе граціознымъ обликомъ, но, сообразно съ этимъ,

---

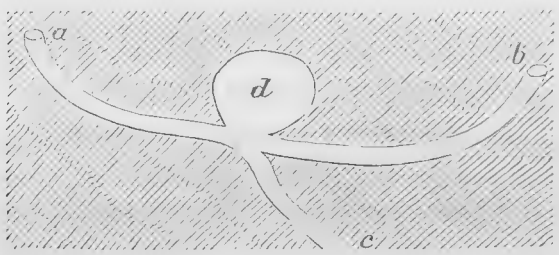
[1]) Срав. Bulletin de la Classe physico-mathém. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, II, 1844, p. 47.

[2]) А. Нордманъ (Archiv für Naturgesch. 1861, p. 131). опровергаетъ извѣстія Шренка, по которымъ песецъ не встрѣчается даже на Курильскихъ островахъ, не говоря уже о Сахалинѣ. Если Нордманъ правъ, то все-таки можетъ быть рѣчь только о рѣдкомъ, случайно занесенномъ песцѣ при устьѣ Амура.

и нѣжнымъ, спокойнымъ характеромъ своимъ. Если вы захотите ее схватить, то она не старается уйти, и не сопротивляется такъ рѣшительно, какъ Обскій леммингъ, а остается довольно покойною, пока вы ее схватите. За тѣмъ однакоже она начинаетъ биться изо всѣхъ силъ, но вообще не огрызается; только нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно со страха, щелкаютъ зубами, какъ будто зябнутъ.

При всемъ томъ и въ этомъ тихомъ характерѣ кроются наклонности къ звѣрскимъ поступкамъ. Не говоря уже объ извѣстной сильной половой страсти грызуновъ, вслѣдствіе которой зайцы и кролики въ свое время становятся даже дѣтоубійцами, наклонность къ такому противоестественному побужденію могла развиться вслѣдствіе частаго страшнаго голода, постигающаго гиперборейцевъ. Если нѣсколько песцовыхъ копытныхъ мышей запереть въ одно мѣсто, то онѣ не только загрызаютъ другъ друга, но побѣдительницы пожираютъ убитыхъ, хотя бы и не было недостатка въ пищѣ.

Песцовая копытная мышь повидимому устраиваетъ свои норы въ землѣ глубже, чѣмъ Обскій леммингъ, и потому весною просыпается позже его. Не смотря на то, норы его заходятъ подъ поверхность земли не дальше $\frac{1}{2}$ фута, потому что мерзлая почва не позволяетъ вести ихъ глубже. Нора, которую мнѣ удалось изслѣдовать ближе, имѣла изображенную здѣсь фигуру. Къ устланному мягкимъ снѣгомъ котлу *d*, имѣвшему въ поперечникѣ не болѣе маленькой пяди, вели снизу три хода *a*, *b*, *c*, изъ которыхъ первый простирался въ длину на 1 футъ. Прекращался ли ходъ *c* въ землѣ, или, что всего вѣроятнѣе, велъ также къ поверхности, это мнѣ не удалось разсмотрѣть.



Въ отношеніи къ Обскому леммингу, песцовую копытную мышь, даже подъ дальними широтами, несомнѣнно должно признать за животное, свойственное высотамъ и скаламъ, и потому лишь чрезвычайно рѣдко встрѣчающееся въ низменностяхъ.

Предѣлы ея распространенія почти совпадаютъ съ предѣлами распространенія песца, но во всякомъ случаѣ менѣе обширны, потому что песцовая копытная мышь не забирается на ледъ къ сѣверу, и, сколько доселѣ извѣстно, не простирается до высокостольнаго лѣса. Притомъ она прекращается, кажется, на восточномъ берегу Бѣлаго моря, и не заходитъ на западные его берега.

При всемъ томъ я не считаю себя вправѣ утверждать, что полярный ея предѣлъ ограниченнѣе полярнаго предѣла песца [1]). Она встрѣчается на Новосибирскихъ островахъ и на Новой Землѣ. Въ основаніи Таймырскаго залива я поймалъ одну подъ $75\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. на островѣ Бэра. Парри и преемники его нашли песцовую копытную мышь на островахъ полярнаго моря [2]), а скелетъ ея даже еще на полярномъ льду подъ 82° с. ш.

[1]) Слѣд. по моему мнѣнію Шмарда (см. вышеприведенное сочиненіе, III), ошибается, обозначая полярный предѣлъ *M. torquatus* отдѣльно.

[2]) Parry, Supplem. to the Appendix p. 188 и Arctic Miscellanies, 1852, p. 347, 186. На Мельвилевыхъ островахъ.

Песцовыя копытныя мыши Быррангинскаго хребта въ Таймырскомъ краѣ (74° с. ш.) были всѣ значительно меньше тѣхъ, которыя пойманы были на Боганидѣ.

Линяніе совершается, кажется, очень скоро, а время наступленія его зависитъ отъ тѣхъ градусовъ широты, подъ которыми водится песцовая копытная мышь, потому что подъ 73° с. ш. я уже 6-го Октября поймалъ совершенно бѣлое животное, тогда какъ подъ 71° с. ш., десятью днями позднѣе, другіе лемминги той-же породы еще находились въ полузимнемъ костюмѣ.

8) Мускусный быкъ (*Bos moschatus*) имѣетъ для насъ весьма важное значеніе, потому что не встрѣчается на древнемъ материкѣ, а водится только на глубокомъ сѣверѣ новаго материка, да въ американско-арктическомъ архипелагѣ, гдѣ предѣлы его сравнительно даже очень ограничены.

Кромѣ Мельвилевыхъ острововъ (75° с. ш.), на которыхъ Парри [1]) первый нашелъ мускуснаго быка, животное это, по словамъ Кэна [2]), встрѣчается только еще въ Smith-Sound на западномъ берегу Гренландіи, на самомъ глубокомъ сѣверѣ, а именно до 79° с. ш. Но тамъ оно уже чувствуетъ себя совершенно привольнымъ и водится большими стадами, такъ что его убито было болѣе 1500 штукъ, въ томъ числѣ блестяще-бѣлый быкъ. При всемъ томъ мускусный быкъ встрѣчается только на весьма ограниченныхъ пространствахъ земли, по которымъ онъ бродитъ съ мѣста на мѣсто [3]).

Какъ глубоко-сѣверное пребываніе его, такъ и полярный предѣлъ его распространенія положительно свидѣтельствуютъ, что это — чисто гиперборейское животное. Хотя и нѣтъ никакого сомнѣнія, что вслѣдствіе натиска человѣка мускусный быкъ оттѣсненъ къ полюсу, но онъ никогда не заходитъ за тундры до предѣла лѣсной растительности, а при всѣхъ своихъ дальнихъ странствованіяхъ добирается на западѣ до полярнаго круга и только на востокѣ, въ безлѣсныхъ береговыхъ мѣстностяхъ Гудзонова залива, заходитъ до 60-го градуса широты. Къ предѣлу лѣсной растительности мускусный быкъ относится точно также, какъ песецъ.

Въ зоологическо-географическомъ отношеніи мускусный быкъ важенъ для насъ потому, что встрѣчается только на сѣверѣ новаго материка и представляетъ единственный примѣръ гиперборейскаго, не кругополярнаго млекопитающаго. Такимъ образомъ мускусный быкъ единственное млекопитающее животное, которое говоритъ въ пользу упомянутой выше (стр. 138) возможности существованія двухъ первоначальныхъ центровъ образованія кругополярной фауны. Этому односторонне-американско-гиперборейскому млекопитающему мы не можемъ противупоставить ни одно подобное азіятско-гиперборейское млекопитающее животное.

---

[1]) First Voyage (Griper и Hecla), 1821, p. 78 и слѣд.

[2]) Arctic Expedit. I, p. 456, 459; Petermann, Mittheilungen, 1856, X, p. 383, 385.

[3]) См. Sutherland, Journal, 1852, II, p. 194, 195, и Markham, Franklin's footsteps, 1853, p. 96, 109.

Обращаясь даже къ фаунѣ прежнихъ временъ, мы доселѣ не находимъ отвѣта на занимающій насъ вопросъ, который заслуживаетъ со временемъ сдѣлаться предметомъ подробныхъ изслѣдованій.

Во 2-мъ отдѣлѣ (стр. 118) втораго тома нѣм. изданія этого сочиненія сказано, что у низовья рѣки Таймыра, слѣдовательно примѣрно подъ 75° с. ш., я нашелъ полный черепъ *Bos Pallasii Dekay*, вымытый весенними водами. Отдѣльныя части черепа этого вида животныхъ я нѣсколько разъ находилъ на Таймырской тундрѣ. Во всякомъ случаѣ эти сибирскіе черепа совершенно сходны съ черепами того-же вида животныхъ, неоднократно найденныхъ въ послѣднее время въ самой сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ *Bos Pallasii*, если только въ Сибирь онъ не занесенъ льдомъ [1]), былъ кругополярное и, безъ сомнѣнія, гиперборейское животное, подобно мускусному быку.

Такъ какъ между этими ископаемыми остатками *Bos Pallasii Dek.* и костями нынѣ живущаго мускуснаго быка разница незначительна и по крайней мѣрѣ не вполнѣ доказана, то остается еще рѣшить вопросъ, не произошелъ ли мускусный быкъ нашего времени отъ Палласова быка?

Въ отношеніи къ ископаемымъ остаткамъ исполинскихъ животныхъ мускусный быкъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ доказываютъ, какъ неправильно было неоднократно [2]) высказанное мнѣніе, что великорослыя животныя заставляютъ предполагать существованіе пышной растительности огромныхъ растеній, въ особенности деревъ. На основаніи этого мнѣнія менѣе всего можно утверждать, что большія животныя, въ родѣ мамонтовъ и носороговъ, не могли жить ни въ средней, ни въ южной Сибири. Какъ сибирскій лось зимою почти исключительно питается листвою хвойныхъ деревъ, такъ ею могли питаться и мамонты, которые, если судить по ихъ устройству, еще болѣе должны были питаться древесною листвою.

b) Далеко-распространенныя гиперборейскія животныя суши.

9) Сѣверный олень (*Cerv. tarandus*). Въ домашнемъ быту глубокаго сѣвера животное это играетъ такую важную роль, что мы можемъ сослаться только на всю уже прежде накопившуюся литературу о немъ. Здѣсь же мы ограничимся только сообщеніемъ нѣкоторыхъ дополненій къ собраннымъ доселѣ свѣдѣніямъ.

Во-первыхъ вспомнимъ о странномъ, постоянно отвергаемомъ естество-испытателями сказаніи [3]), будто бы сѣверный олень ѣстъ лемминговъ. Въ новѣйшее время и А. Шренкъ [4]) упомянулъ о такой страстишкѣ сѣвернаго оленя, какъ о «національномъ предразсудкѣ Самоѣдовъ». Лѣтомъ довольно трудно убѣдиться въ правильности или неправильности этого показанія; притомъ въ это время мнѣ не представлялось случая произво-

---

[1]) Вѣроятно, какъ и тотъ, который былъ найденъ Фабриціусомъ (Fauna Grönlandica) въ южной Гренландіи.

[2]) Недавно повторено опять Шмардою.

[3]) Мартинсъ (Guérin, Revue Zoologique, 1840, p. 202) привелъ свидѣтельства, относящіяся къ этому предмету.

[4]) Reise im Nordosten des europäischen Russlands, I, p. 337.

дить подобныя наблюденія. Въ Октябрѣ же и Ноябрѣ я нѣсколько разъ своими глазами видѣлъ, какъ сѣверные олени преслѣдовали и хватали леммингов, которыхъ они, при отыскиваніи мха, случайно выкапывали изъ норокъ, проложенныхъ ими въ снѣгу. Окончательно убѣдился я въ этомъ, когда увидѣлъ однажды экземпляръ песцовой копытной мыши, переходный нарядъ которой меня чрезвычайно заинтересовалъ: съ трудомъ я могъ отбить ее у совершенно неожиданнаго соперника моего по части зоологическихъ изысканій, который до тѣхъ поръ вблизи отъ меня, въ качествѣ мирнаго и исключительнаго ботаника, собиралъ оленій мохъ. Впослѣдствіе подобныя плотскія страстишки этого мирнаго жвачнаго животнаго поражали меня уже гораздо менѣе. Химическія составныя части самихъ лишайниковъ и моховъ по временамъ, можетъ быть, возбуждаютъ въ сѣверныхъ оленяхъ непреодолимое желаніе найти азотистыя питательныя вещества. Этимъ можно объяснить себѣ причину, почему сѣверные олени охотно ѣдятъ грибы, почему отъ нихъ приходится тщательно прятать рыбные запасы, почему они жадно бросаются на любой клочекъ снѣга, который человѣкъ смочилъ при отправленіи естественной потребности, или почему вы поставлены въ самое странное положеніе, когда выходите изъ палатки съ извѣстною цѣлью. Стадо оленей тѣснымъ кружкомъ напираетъ на васъ все болѣе и болѣе въ то самое время, когда вы находитесь въ самой неловкой позѣ. Въ этомъ случаѣ вамъ не поможетъ никакая дубина, потому что ею вы можете сначала удержать только самыхъ ярыхъ лакомокъ переднихъ рядовъ, но не въ состояніи отразить натискъ и удары рогами нѣсколькихъ сотъ другихъ оленей сзади, изъ дальнѣйшихъ рядовъ. Вы считаете себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, когда вамъ наконецъ удалось высвободиться изъ центра этого очарованнаго круга, на который устремляется цѣлый лѣсъ роговъ.

Рѣзкій запахъ жидкости, которую пойманный леммингъ испускаетъ изъ пузыря со страху, вѣроятно также возбуждаетъ аппетитъ сѣвернаго оленя, а желудокъ его радъ поглощенной мясной пищѣ.

Во-вторыхъ я долженъ принять на себя трудъ защитить видовое единство сѣверныхъ оленей, которое нѣкоторые также старались подвергнуть сомнѣнію. Кингъ первый сталъ говорить о различіи между сѣверными оленями на предѣлѣ лѣсной растительности и сѣверными оленями на бездревесныхъ равнинахъ сѣверной Америки. Ричардсонъ [1]) недавно подтвердилъ это и въ свою очередь предполагаетъ между сѣверными оленями видовое отличіе по той причинѣ, что тундренскіе сѣверные олени, возвращаясь осенью на югъ, бываютъ жирны, и потому не могутъ быть малорослыми отъ недостатка корма. Но онъ ничего не упоминаетъ о невѣроятно сильномъ различіи, которое, по словамъ Кинга (Journey to the shores of the arctic ocean, 1836, II, p. 207), заключается въ томъ, что у тундренскихъ сѣверныхъ оленей будто бы нѣтъ желчнаго пузыря.

Въ величинѣ сѣверныхъ оленей дѣйствительно есть разница, но разница эта не видовая и не ограничивается одною только Америкою. На всемъ сѣверѣ нашей земли

[1]) Searching Expedition, II, p. 83.

лѣсные (по сибирски таежные) сѣверные олени отличаются отъ тундренскихъ (у Англичанъ Barrenground). Первые вообще на столько больше ростомъ, что въ нихъ почти вдвое больше вѣсу, чѣмъ въ тундренскихъ, а длина ихъ отъ конца морды до корня хвоста относится къ такой-же длинѣ тундренскихъ оленей примѣрно, какъ 6 къ 5. Кромѣ того, зимою они никогда не бываютъ такого бѣлаго цвѣта, какъ тундренскіе олени. Въ сѣверной Америкѣ въ этомъ отношеніи повторяется тоже самое, что мы видимъ въ Сибири [1]). Собственныя мои наблюденія и распросы говорили въ пользу меньшаго, безъ исключенія, роста тундренскихъ сѣверныхъ оленей какъ въ Лапландіи, такъ и на Уралѣ и въ Сибири. Но все-таки встрѣчаются исключенія, которыя не позволяютъ намъ предполагать, что эта разница въ величинѣ непремѣнно должна находиться въ связи съ лѣсистостію или безлѣсностью; иногда преобладаетъ вліяніе мѣстныхъ условій, такъ что кое-гдѣ наблюденія, говорятъ, доказали противное [2]).

Трудность окончательнаго разъясненія этого предмета происходитъ оттого, что тундренскіе сѣверные олени укрываются отъ зимнихъ бурь въ лѣсахъ, а лѣсные или таежные олени съ лѣсной окраины лѣтомъ уходятъ на ближайшія тундры, чтобы спастись отъ комаровъ и слѣпней. Такимъ образомъ эти двѣ разновидности соединяются и скрещиваются въ свойственныхъ имъ мѣстахъ пребыванія; по-этому убитый въ лѣсу сѣверный олень все-таки еще не лѣсной олень, и на оборотъ. Впрочемъ тундренскіе олени никогда не заходятъ далеко въ лѣсъ, а остаются около опушки его. Даже зимою они пользуются каждымъ случаемъ, чтобы при хорошей погодѣ побывать въ любезной своей безграничной снѣжной пустыни тундры. Во всякомъ случаѣ они телятся всегда среди самой тундры.

---

[1]) Чрезвычайно точный матеріалъ для сравненій представляютъ размѣры костей американскаго тундренскаго оленя — small or Barren-ground variety, — сообщенные Форбесомъ (The Zoology of the Voyage of HMS. Herald, 1852, Mammalia, p. 115 и слѣд.).

Самые большіе сѣверные олени встрѣчаются на Скалистыхъ горахъ сѣверной Америки (тамъ-же, стр. 20). Средними между ними и вышеупомянутыми считаются сѣверные олени Руппертовой Земли.

[2]) Мнимое исключеніе составляетъ напр. извѣстіе Геденштрема (Отрывки, стр. 114; Сибир. Вѣст. I, стр. 30, 41; Путеществ. Врангеля, I, стр. 141), что на Новосибирскихъ островахъ сѣверные олени ростомъ больше, чѣмъ на сибирскомъ материкѣ. Врангель (Путеш. I, стр. 252) говоритъ также, что тундренскіе сѣверные олени больше лѣсныхъ, но это чуть ли не недоразумѣніе, какъ мнѣ кажется, если сравнить это извѣстіе съ болѣе подробными показаніями Кибера (Сиб. Вѣст. I, стр. 130). — По словамъ Росса (Append. p. XVII), въ сѣверныхъ оленяхъ безлѣсной Boothia было вдвое больше вѣсу (250 фунт.), чѣмъ въ Шпицбергенскихъ. Правда, что послѣдніе, какъ онъ говоритъ, были чрезвычайно худощавы, тогда какъ наши гуманляне увѣряли меня, что на Шпицбергенѣ сѣверные олени несравненно жирнѣе, чѣмъ на материковыхъ берегахъ нашего европейскаго Ледовитаго моря, хотя еще меньше ростомъ, нежели сѣверные олени на Новой Землѣ. Ричардсонъ (Searching Expedition, II, p. 83) подтверждаетъ разницу (сообщенную уже прежде во время перваго Франклинова путешествія), по которой въ выпотрошенномъ тундренскомъ сѣверномъ оленѣ-самцѣ рѣдко болѣе 150, въ лѣсныхъ же сѣверныхъ оленяхъ отъ 200 до 300 фунтовъ вѣса. Срав. также Back, Reise, übers. von Andrée, Anhang, p. XXX.

Вѣсъ сѣв. оленицы, убитой въ Іюнѣ мѣсяцѣ близь предѣла лѣсной растительности на сѣверо-западномъ берегу (примѣрно 65°), Загоскинъ (Пѣшеходная Опись, 1847, I, стр. 142) опредѣлялъ въ 120 фунтовъ. Молода ли она была? или тамошніе лѣсные сѣверные олени также меньше ростомъ? Дѣйствительно въ Чукотскомъ краѣ сѣверные олени гораздо меньше, чѣмъ въ остальной Сибири и въ здоровомъ оленѣ на Анадырѣ, говорятъ, не болѣе 160, а въ оленицѣ не болѣе 100 фунтовъ вѣсу (Pallas, Neue Nordische Beiträge I, p. 244).

Въ Чукотскомъ краѣ сѣверные олени дѣйствительно должны быть очень малаго роста (Сиб. Вѣсти. I, стр. 129).

На горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, какъ напр. на Становомъ хребтѣ, сѣверные олени сходны съ полярными лѣсными оленями [1]).

Впрочемъ прежде замѣчена была разница также въ величинѣ европейскихъ сѣверныхъ оленей [2]). Я съ своей стороны не могу придать этой разницѣ видовое значеніе, потому что у сѣверныхъ зайцовъ и домашнихъ сѣверныхъ оленей сибирскихъ дикарей замѣчалъ чрезвычайныя отличія въ отношеніи роста. Часто въ одномъ и томъ-же стадѣ встрѣчается величайшая разница въ величинѣ. Если дикіе сѣверные олени иногда до того измучены голодомъ, что падаютъ отъ изнеможенія, какъ я уже имѣлъ случай сообщить [3]), то и между ними вѣроятно можно встрѣтить такое-же различіе въ ростѣ, какое мы ежедневно видимъ у себя дома на лошадяхъ и на рогатомъ скотѣ.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что на Шпицбергенѣ и въ Чукотской землѣ должны быть самые маленькіе сѣверные олени [4]). За ними слѣдуютъ сѣверные олени Новой Земли, а потомъ глубоко-сѣверныхъ тундръ, какъ древняго, такъ и новаго материка. Такимъ образомъ они, кажется, служатъ вообще подтвержденіемъ извѣстнаго правила, что островныя животныя ростомъ меньше другихъ. По-видимому ростъ уменьшается также по мѣрѣ приближенія къ полюсу.

Отчего зависитъ разница въ величинѣ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, намъ доселѣ еще неизвѣстно, но съ мнѣніемъ Ричардсона, которое по видимому очень правдоподобно, я не могу согласиться (срав. стр. 171). По его мнѣнію потому именно, что животныя жирны, но все-таки малорослы, и слѣдуетъ предположить видовое различіе. Мальмгренъ указываетъ даже, какъ на существенное различіе, что у Шпицбергенскихъ сѣверныхъ оленей на спинѣ образуется слой жиру въ 2 или 3 дюйма толщины, чего у скандинавскихъ сѣверныхъ оленей никогда не бываетъ [5]). Эту особенность я могу подтвердить и въ отношеніи сѣверныхъ оленей Таймырскаго края. Вслѣдъ за нашею первою общею охотою Самоѣды принесли мнѣ спинной жиръ убитаго мною сѣвернаго оленя, предлагая мнѣ съѣсть его въ сыромъ видѣ. Онъ наростаетъ у сѣверныхъ оленей поздно осенью и расходуется до наступленія первой весны.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ сильнѣе развивается этотъ слой жира, но между нимъ и видовыми отличіями навѣрное нѣтъ ничего общаго. Вѣроятно онъ зависитъ отъ весьма неравномѣрнаго питанія, смотря по временамъ года и годовымъ періодамъ [6]), вслѣдствіе чего голодъ смѣняетъ изобиліе и на оборотъ, тогда какъ при менѣе суровомъ

---

[1]) Замѣчательно, что по словамъ Ричардсона (Searching Expedition, II, p. 83) и на Скалистыхъ горахъ, въ предѣлахъ полярнаго круга, тамъ гдѣ вслѣдствіе близости Ледовитаго моря онѣ уже не покрыты лѣсомъ, сѣверные олени такого-же роста, какъ лѣсные.

[2]) Напр. Меллинъ въ извѣстной своей статьѣ говоритъ, что русскіе сѣверные олени больше шведскихъ. По словамъ Лилѣборга (Observationes Zoologicae, 1844, p. 23), на восточномъ скатѣ Скандинавскаго хребта сѣверные олени больше, чѣмъ на атлантическомъ.

[3]) См. нѣмецк. изд. этого соч. II, 2. стр. 120.

[4]) Кромѣ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ (стр. 172 примѣч. 2-е) я могу еще сослаться на новѣйшія извѣстія Мальмгрена (Archiv für Naturg. 1864).

[5]) Уже Гоффбергъ въ своей «Dissertatio Zoologica, Cervus Rheno, 1754», защищенной подъ предсѣдательствомъ Линне, говоритъ, что у домашняго Скандинавскаго сѣвернаго оленя жиръ расходится по всему мясу.

[6]) Срав. нѣм. изд. этого соч. I, 2, стр. 120.

климатѣ питаніе происходитъ равномѣрнѣе, содѣйствуетъ развитію роста и нарощенію жира не сверху, а между остальными тканями. При подобныхъ условіяхъ можно замѣтить такія-же отличія и на нашемъ домашнемъ скотѣ. Такъ напр. у свиней и прочихъ домашнихъ животныхъ простыхъ породъ жиръ наростаетъ толстымъ слоемъ, тогда какъ у англійскихъ улучшенныхъ породъ жиръ проникаетъ все мясо. Указаніе на то, какимъ образомъ дѣйствуетъ различное свойство пищи, мы находимъ между прочимъ и въ извѣстіи, которое сообщаетъ Мальмгренъ, говоря, что Шпицбергенскіе сѣверные олени, по недостатку оленьяго мха, преимущественно должны питаться травой и другими явнобцвѣтными растеніями, и въ Маѣ да въ началѣ Іюня бываютъ чрезвычайно худощавы. Легко можетъ быть, что при недостаткѣ горьковато-крѣпительнаго мха ростъ сѣверныхъ оленей уменьшается.

Замѣчаніе, что сѣверные олени съ слоемъ жира, даже при недостаткѣ въ пищи, лучше переносятъ сильную зимнюю стужу и что тѣло ихъ питается на счетъ этого слоя, совершенно справедливо. Но это еще никакъ не даетъ намъ права предполагать существованіе отдѣльнаго вида глубоко-сѣверныхъ оленей, обладающихъ особымъ организмомъ,при которомъ они легче переносятъ холодъ и голодъ.

За тѣмъ мы должны упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое имѣетъ большое вліяніе на ростъ домашнихъ сѣверныхъ оленей. На вопросъ мой, не употребляютъ ли дикари въ упряжь дикихъ сѣверныхъ оленей, пойманныхъ молодыми, мнѣ отвѣтили, что такія животныя всегда остаются слишкомъ дикими, но что нерѣдко домашнихъ оленицъ выгоняютъ на тундру для совокупленія съ дикими оленями, потому что въ этомъ случаѣ отъ нихъ бываютъ болѣе рослые телята. Такого происхожденія, говорили мнѣ, былъ необыкновенно большой олень, на которомъ я ѣздилъ верхомъ; о справедливости этого показанія свидѣтельствовалъ дикій характеръ этого оленя, свойственный, какъ говорятъ, животнымъ подобнаго происхожденія. Однажды онъ такъ сильно сталъ напирать на меня своими рогами, что мнѣ пришлось изо всѣхъ силъ бить его палкою по рогамъ до тѣхъ поръ, пока я обломалъ одинъ главный стволъ надъ глазными отростками Объ этомъ-же обстоятельствѣ, т. е. объ укрѣпленіи домашнихъ животныхъ чрезъ смѣшеніе ихъ съ дикими и о происходящей оттого неукротимости сообщается также извѣстіе изъ Лапландіи, напечатанное въ какомъ-то сочиненіи, которое я имѣлъ случай просматривать.

За прирученіе сѣвернаго оленя, должно быть, принялись чрезвычайно рано, потому что кроткій характеръ его можетъ быть только результатомъ наслѣдственно перешедшаго на него вліянія человѣка. Кротость эта, казалось мнѣ, была такъ непостоянна, что я приписывалъ ее трусости животнаго, пока не увидѣлъ, съ какою боязнію Самоѣды подходили къ подстрѣленному самцу и какъ осторожно они разбѣгались при малѣйшемъ движеніи его. До того времени я считалъ опасными только оленей во время течки, да подстрѣленныхъ самцевъ лосей. Впрочемъ какъ на Мауперціуса, такъ и на Кастрена [1]) напали ихъ собственные упряжные олени.

[1]) Reise-Erinnerungen, p. 136.

То, что бывало во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безполезно пытались дробить какую-нибудь породу животныхъ на нѣсколько видовъ, тоже самое случилось и съ сѣвернымъ оленемъ. Увидѣвъ, что признаки роста все-таки слишкомъ неудовлетворительны, стали отыскивать болѣе рѣзкія отличія и обратились за помощію сначала къ отдѣльнымъ частямъ скелета и къ географическому распространенію. За сочетаніе всѣхъ этихъ отличій и держатся до тѣхъ поръ, пока наконецъ все искуственно возведенное зданіе разрушается само собою. Демарѐ замѣтилъ рѣзкія отличія въ формѣ роговъ. Камперъ отличалъ по черепамъ особую форму, у которой голова была короче, ротъ шире, лобный уступъ сильнѣе. Фроликъ [1]), основываясь на этой-же формѣ черепа, призналъ видовое отличіе за несомнѣнный фактъ и предложилъ особое названіе для каждаго изъ двухъ видовъ.

Случайно два единственные черепа, которые Фролику удалось изслѣдовать, были одинъ изъ Норвегіи, другой изъ Лапландіи, слѣдовательно въ строгомъ смыслѣ изъ одного и того-же мѣста нахожденія.

Аллеману [2]) въ этомъ отношеніи посчастливилось болѣе, потому что ему удалось изслѣдовать американскаго сѣвернаго оленя. Хотя онъ и не могъ указать никакихъ отличительныхъ признаковъ, но все-же признавалъ различіе между американскимъ видомъ сѣвернаго оленя и обыкновеннымъ европейскимъ видомъ.

Этимъ-то путемъ американскіе естествоиспытатели дошли до того, что лѣсныхъ сѣверныхъ оленей своихъ, извѣстныхъ тамъ подъ именемъ Caribou, въ видовомъ отношеніи отличаютъ отъ тундренскихъ, которые, по ихъ мнѣнію, могутъ быть тождественны съ нашими сѣвернымъ оленями древняго материка [3]).

Чтобы скорѣе покончить дѣло съ этими дробленіями, мы только замѣтимъ, какъ уже было сказано, что и на новомъ и на древнемъ материкѣ встрѣчаются сѣверные олени двухъ различныхъ величинъ, что, подобно другимъ дикимъ животнымъ [4]), сѣверные олени вообще очень различны между собою въ отношеніи роста, что Камперъ и Фроликъ рѣшились сдѣлать выводы на основаніи двухъ единственныхъ череповъ, что Фроликъ не хотѣлъ даже обратить вниманіе на то, что болѣе сильный лобный уступъ у одного изъ этихъ череповъ, который онъ самъ признаетъ за черепъ очень стараго оленя составляетъ именно принадлежность старыхъ животныхъ; что большая длина второй

---

[1]) Nieuwe Verhandelingen van het Konigl. Nederlandsche Institut van Wetenschappen, первый классъ, 1823, II, 2, стр. 153. — Въ заглавіи онъ говоритъ о «vermoedeligk tweede soort van Renndier», но въ продолженіи статьи предположеніе его обращается уже въ несомнѣнный фактъ и полную достовѣрность. Онъ предлагаетъ названія *Cerv. tarandus* и *Cerv. platyrhynchus*.

[2]) Buffon, Supplément., 1771, III, p. 133.

[3]) Напр. Спенсеръ Ф. Бэрдъ (Catalogue of North-American Mammals, chiefly in the Museum of the Smithsonian Inststitution, 1857, p. 18; Mammals of North-Amerika, 1859, p. 632 и Archiv für Naturg. 1860, p. 26) и Россъ (Canadian Naturalist, VI, 1861, p. 438). Первый называетъ тундренскаго сѣвернаго оленя (стр. 635) *Rangifer groenlandicus*, послѣдній *R. arcticus*. Чѣмъ ближе разсматриваешь ихъ доводы, тѣмъ несостоятельнѣе они оказываются.

Меня особенно радуетъ, что именно Грей (The Proceed. of the Zoolog. Society of London, 1850, III, p. 224), который, сколько мнѣ извѣстно, долго занимался сравненіемъ сѣверныхъ оленей и лосей древняго и новаго материка и уже никакъ не можетъ быть обвиненъ въ желаніи сводить виды въ цѣлое, что именно Грей не могъ найти ни малѣйшаго видоваго отличія между этими животными.

[4]) Ср. выше стр. 17.

головы зависѣла отъ морды, самой измѣнчивой части черепа; что г. г. естествоиспытатели не хотѣли даже принять въ соображеніе, черепа ли эти дикихъ или домашнихъ животныхъ; что американскіе сѣверные олени сравнивались односторонне только съ лапландскими, а не съ сибирскими.

Хотя Бэрдъ, охотникъ до видодѣленій, и говоритъ самъ, что между цѣлымъ рядомъ сравненныхъ имъ оленьихъ роговъ изъ Швеціи и Америки нельзя было найти никакихъ признаковъ видоваго отличія, но тѣмъ не менѣе я считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на то, что повсюду, а по изслѣдованіямъ Бэрда и въ Америкѣ, у тундренскихъ сѣверныхъ оленей рога положительно больше, чѣмъ у лѣсныхъ въ сравненіи съ ростомъ животнаго. Это общее правило для всѣхъ видовъ оленьей породы; притомъ замѣчено, что у горныхъ оленей рога меньше, но крѣпче, чѣмъ у другихъ.

Сообщаю при этомъ лицевой и боковой видъ роговъ сѣвернаго оленя-самца, убитаго мною въ Таймырской тундрѣ подъ $72\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. Онъ былъ вожакомъ цѣлаго стада оленей. Рога чрезвычайно правильны и прекрасно развиты [1]).

[1]) Указываю для сравненія на прекрасное изображеніе, сообщенное Форбесомъ въ Zoology of the Voyage of H. M. S. Herald, 1852, Plate XXIII.

Если Блазіусъ [1]) замѣтилъ уже въ отношеніи оленьихъ роговъ, что для естество-историческихъ изслѣдованій важнѣе знать форму роговъ, и положеніе отростковъ, чѣмъ число послѣднихъ, то это еще съ большимъ правомъ можно сказать о рогахъ сѣвернаго оленя, обѣ половины которыхъ часто, даже большею частію, неравны.

Оба глазныхъ отростка чаще бываютъ неодинаковы, чѣмъ одинаковы. Изображенный здѣсь случай, въ которомъ одинъ глазной отростокъ принялъ видъ рожка, встрѣчается чаще равномѣрной лопатообразной формы обоихъ отростковъ. Бываютъ впрочемъ и такіе случаи, что оба глазныхъ отростка имѣютъ видъ рожковъ; но такой видъ обыкновенно принимаетъ лѣвый отростокъ.

Торчащія надъ глазными отростками ледяныя вѣтви, которыхъ у оленей часто не бываетъ, у сѣверныхъ оленей, казалось мнѣ, развиваются правильнѣе глазныхъ и большею частію превосходятъ послѣдніе своимъ развитіемъ. Встрѣчаются даже такіе ледяные отростки, которые дѣлятся на двѣ части, прежде нежели оканчиваются лопатами. У самокъ же ледяныя вѣтви нерѣдко превращаются въ рожки, или находятся на одной только сторонѣ.

Средняя вѣтвь, которая у оленя, подобно остальнымъ отросткамъ, выходитъ съ передней стороны главнаго ствола, у сѣвернаго оленя замѣняется однимъ, большею частію короткимъ, шпорообразно-выдающимся назадъ рожкомъ, котораго иногда не достаетъ на одной, либо на обѣихъ половинахъ, какъ и у оленя. Средній отростокъ этотъ обыкновенно находится между первою и второю третью всей длины роговъ и означаетъ мѣсто сгиба главнаго ствола. Самый большой средній отростокъ, который мнѣ привелось видѣть, былъ длиною въ 240 миллиметровъ.

Главный стволъ то стоитъ торчмя вверхъ, то сильно наклоненъ назадъ. Даже у

---

1) Wirbelthiere Deutschlands, 1857, p. 445.

однихъ и тѣхъ-же роговъ положеніе, направленіе и длина обоихъ главныхъ стволовъ не всегда одинаковы.

Самыя причудливые изгибы и отклоненія встрѣчаются у самокъ; дикія оленицы, кажется, чаще встрѣчаются даже вовсе безъ роговъ, чѣмъ съ рогами.

Для тѣхъ, которые сомнѣваются въ разнообразіи вида и положенія роговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ доказательство значительно большей величины роговъ у тундренскихъ оленей, я сообщаю нижеслѣдующіе размѣры [1]).

Замѣчаніе Эверсмана [2]), что у домашнихъ сѣверныхъ оленей бываютъ лапчатыя, правильнѣе кажется пальцевидныя, а у дикихъ сѣверныхъ оленей Казанской губерніи — лопатообразныя верхушки, не подтверждается повсемѣстно, хотя у сибирскихъ сѣверныхъ оленей, правда, чаще встрѣчаются пальцевидныя верхушки, чѣмъ у лапландскихъ.

Что касается предѣловъ распространенія, то сѣверный олень, подобно остальнымъ гиперборейскимъ животнымъ, встрѣчался по направленію къ полюсу вездѣ, куда только простирается материкъ. Само собою разумѣется, что на такихъ островкахъ, какими довольствуются песцы, онъ не находитъ потребнаго для себя количества пищи; но при всемъ томъ онъ водится почти на всѣхъ тѣхъ островахъ Ледовитаго моря, на которыхъ въ случаѣ нужды можетъ найти себѣ пищу, а легкость и охота, съ которою онъ переплываетъ большія водныя пространства, по-видимому служатъ ему прекраснымъ средствомъ къ большому распространенію. Мнѣ случалось видѣть, что при самомъ незначительномъ поводѣ онъ бросался въ Таймырское озеро и проплывалъ болѣе двухъ географическихъ миль. Часто парусные корабли ловили его въ морѣ, вдали отъ всякихъ бере-

---

[1]) Нижеслѣдующіе размѣры сообщены въ миллиметрахъ; въ такихъ случаяхъ, гдѣ касаются продольной мѣры, они считались всегда прямо, не слѣдуя изгибамъ роговъ.

	Домашній сѣв. олень - самецъ изъ Русс. Лапландіи.	Дикіе сѣверн. олени - самцы изъ Таймырской тундры.		Дикіе сѣверн. олени - самцы съ сѣвернаго Урала.		Необыкновен. формы рога изъ, откуда.	Дикая олениха съ сѣверн. Урала.
		a.	*b.*	*a.*	*b.*		
1) Вся длина роговъ отъ вѣнца до конца верхушки	960	878	856	670	790	613	480
2) Длина главнаго ствола отъ вѣнца до верхушки	878	844	806	600	—	562	—
3) Длина бо́льшаго глазнаго отростка	400	328	405	330	—	217	—
4) Длина бо́льшаго ледянаго отростка	374	380	418	390	402	308	—
5) Длина бо́льшаго средняго отростка	—	—	—	—	—	—	—
6) Наибольшее разстояніе между двумя главными стволами	946	922	853	380	—	—	—
7) Разстояніе между двумя главными стволами у среднихъ отростковъ	—	—	—	370	330	—	—
8) Внутреннее разстояніе между верхушками обѣихъ половинъ роговъ	960	—	—	312	790	—	402
9) Объемъ роговъ надъ самымъ вѣнцомъ	164	138	181	165	—	139	—
10) Объемъ главнаго ствола	110	125	131	125	—	127	—
11) Объемъ глазнаго отростка	67	87	96	95	—	89	—
12) Объемъ ледянаго отростка	84	96	115	100	—	107	—
13) Ширина большей лопаты глазныхъ отростковъ	—	—	—	—	277	—	—
14) Длина верхушки	—	—	—	405	507	—	—

[2]) Bulletin de la Société des Natur. de Moscou, 1840, I, p. 59, и Archiv für Naturg. 1842, II, p. 42.

говъ. Будучи преслѣдуемъ охотниками или волками, онъ даже, не обпуясь, пщетъ убѣжища на льдинахъ, плавающихъ по морю [1]). Какъ Парри [2]) встрѣтилъ слѣды сѣверныхъ оленей къ сѣверу отъ Шпицбергена на малыхъ Семи островахъ (Seven-Islands), подъ $80\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., такъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ о Новосибирскихъ островахъ говорится, что на нихъ водятся сѣверные олени [3]). Матросы Санникова питались тамъ преимущественно сѣверными оленями и гусями. По всей вѣроятности сѣверные олени проводятъ тамъ и зиму [4]). Они зимуютъ и на малыхъ Скалистыхъ островахъ, лежащихъ въ виду западнаго Таймырскаго полуострова, примѣрно подъ $76\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. [5]).

Съ такъ называемой Санниковой земли, которая наконецъ приведена въ извѣстность, благодаря усиліямъ Англичанъ, и форпостами которой теперь на нашихъ картахъ значутся острова Геральдъ и Пловеръ, нѣкогда заходили въ Чукотскій край большія стада сѣверныхъ оленей [6]). Они проходили по морскому льду до 20 геогр. миль по прямой линіи. Еще подъ $75\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. я встрѣтилъ слѣды сѣверныхъ оленей на островѣ Бэра, въ основаніи Таймырскаго залива.

Даже Кэнъ, кажется, не дошелъ до полярнаго предѣла сѣвернаго оленя [7]).

Экваторіальный предѣлъ распространенія сѣвернаго оленя въ общей связи до сихъ поръ опредѣленъ неправильно. Даже Бэръ высказалъ невѣрный взглядъ по этому предмету, также какъ Гумбольдтъ о полярномъ предѣлѣ лося. «Сѣверный олень, принадлежащій также къ полярнымъ животнымъ, — говоритъ Бэръ [8]) — заходитъ довольно далеко въ лѣсъ; экваторіальный предѣлъ его прикасается полярнаго предѣла лося, а мѣстами нѣсколько пересѣкаетъ его». Если бы Бэръ назвалъ пограничнымъ сосѣдомъ сѣвернаго оленя не лося, а оленя, то онъ выразился бы правильно, потому что въ Скандинавіи предѣлы распространенія простаго сѣвернаго оленя соприкасаются между собою, на Алтаѣ и Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ до Великаго Океана они соприкасаются и пересѣкаютъ другъ друга (послѣднее только въ незначительной степени); на Уралѣ же предѣлы распространенія простаго и сѣвернаго оленя очень значительно пересѣкаютъ другъ друга, потому что еще въ настоящее время то и другое животное встрѣчается совокупно почти подъ 5 градусами широты; лѣтъ сто тому назадъ они водились вмѣстѣ болѣе чѣмъ на протяженіи 10 градусовъ широты.

Не должно упустить изъ виду, что въ сѣверной Америкѣ простой и сѣверный олени живутъ совокупно на несравненно большемъ пространствѣ, а именно почти на протяженіи 20 градусовъ широты [9]). Въ сѣверной Америкѣ полярный предѣлъ обыкновеннаго оленя

---

[1]) Срав. напр. Врангеля, Путеш. II, стр. 200; Rae, Exped. to the shores of the arctic sea, 1850, p. 54.

[2]) Attempt, p. 47.

[3]) Samml. Russ. Gesch. III, p. 46.

[4]) Врангеля, Путеш. II, стр. 12, 44.

[5]) Ср. Записки Гидрограф. Департамента IX, стр. 23. Тамъ, говорятъ, преимущественно растетъ черный мохъ, который имъ служитъ пищею.

[6]) Врангеля, Путеш. II, стр. 292. — Georgi, Beschr. des Russ. Reiches, III, 1800. p. 1610.

[7]) Petermann, Mittheilungen, 1856, p. 383.

[8]) Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, IX, p. 92.

[9]) Тамъ водится, правда, другой видъ оленей, нежели европейскій, а именно замѣняющій его видъ *Cerv. strongyloceros*. Полярный предѣлъ его прекращается при впаде-

доходитъ до того-же самого градуса широты, какъ въ Европѣ (62° с. ш. въ Скандинавіи), такъ что совокупное пребываніе этихъ животныхъ на новомъ материкѣ происходитъ отъ болѣе дальняго распространенія сѣвернаго оленя къ югу, что въ свою очередь зависѣло отъ меридіональнаго протяженія Скалистаго хребта.

Полярный же предѣлъ лося повсюду заходитъ глубоко въ область распространенія сѣвернаго оленя, такъ что $\frac{2}{3}$ пространства, приходящагося на распространеніе лося, совпадаютъ съ областью распространенія сѣвернаго оленя. По этому тотъ, кто охотится на лѣсныхъ сѣверныхъ оленей, большею частію привыкъ убивать и лосей; обыкновенныхъ же оленей онъ встрѣчаетъ въ тоже время лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Впрочемъ приблизительно вѣрное изображеніе экваторіальныхъ предѣловъ сѣвернаго оленя на древнемъ материкѣ нанесено А. Вагнеромъ на карту 20 лѣтъ тому назадъ, преимущественно по моимъ указаніямъ [1]).

Въ сѣверной Америкѣ, гдѣ впрочемъ экваторіальный предѣлъ сѣверныхъ оленей въ сравненіи съ прежнимъ отодвинутъ назадъ, а именно градуса на 3, теперешній экваторіальный предѣлъ долженъ быть проведенъ примѣрно вдоль 45-го градуса широты, а на сѣверо-западномъ берегу градусами двумя сѣвернѣе [2]).

За исключеніемъ Исландіи, гдѣ нѣтъ сѣверныхъ оленей, этотъ экваторіальный предѣлъ идетъ чрезъ южный берегъ Шпицбергена, въ меридіональномъ и даже юго-западномъ направленіи, сначала вдоль Норвежскаго прибрежья, а далѣе къ югу вдоль Скандинавскаго хребта до 60-го градуса широты. На шведской сторонѣ хребта онъ доходитъ уже до 62° с. ш. [3]), обходитъ берега Ботническаго залива, сначала на довольно большомъ, а потомъ на меньшемъ разстояніи, и въ Финляндіи снова доходитъ до 62-го градуса широты [4]). За тѣмъ онъ язычкомъ врѣзывается въ пространство земли, окруженное озерами Онежскимъ, Ладожскимъ, Бѣлымъ и Ильменемъ [5]), далѣе къ югу, до 58° с. ш.,

---

ніи Горной рѣки (River of the mountains) въ Мекензи (Fort Simpson) примѣрно, подъ 62° с. ш. (Richardson, Searching Expedit. I, p. 170).

Мимоходомъ замѣтимъ, что сѣверо-американскій олень по-видимому едва-ли достигаетъ величины сибирскаго оленя.

[1]) Abhandl. der Mathem.-physikal. Klasse der Kön. Bayer. Akad. der Wiss. 1846, IV, Karte VIII. Такъ какъ текстъ (стр. II) былъ напечатанъ раньше, то онъ не сходится съ моими поправками къ картѣ.

[2]) Richardson, Searching Expedition, II, p. 51. Триста лѣтъ тому назадъ это животное встрѣчалось чаще другой дичи, къ югу до 42° с. ш. Теперь оно не только оттѣснено, но и стало рѣже.

По словамъ Земана (Reise um die Welt, 1853, II, p. 28), сѣверный олень на сѣверо-западномъ берегу Америки къ югу доходитъ до Портонъ-Зунда (64° с. ш.). Подъ этимъ разумѣются, можетъ быть, самыя ближайшія береговыя мѣстности, потому что по устнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что тамъ сѣверный олень встрѣчается еще нѣсколько градусовъ южнѣе. По Франклину (II) онъ доходитъ до 62° с. ш. (Yellow-knife-river). Между тѣмъ въ Natural History of New-York (1842, I, p. 122, сказано, что на западъ отъ Скалистаго хребта сѣверный олень простирается до притоковъ рѣки Колумбіи, слѣдов. примѣрно до 47° с. ш.

[3]) Nilsson, Skandinavisk Fauna, 1847, p. 505.

[4]) По собственнымъ распросамъ. Ср. также соч. Рюса, (стр. 371 и 376). По его словамъ сѣверные олени зимою большими стадами приходятъ изъ Лапмаркена, чрезъ Сѣверную Карелію, и расходятся по Саволаксу.

[5]) A. Schrenk, Reise in den Nordosten des Europ. Russlands, I, 1848, p. 22.

нѣсколько пересѣкая даже Петербургско-Московское шоссе [1]). Лѣтъ сто тому назадъ сѣверный олень простирался еще на одинъ градусъ широты южнѣе, до Твери [2]).

Поднявшись за тѣмъ опять примѣрно на градусъ широты, предѣлъ этотъ въ Казанской губерніи вдругъ, въ меридіональномъ направленіи, мимо Уфы ($54\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш.) [3]), вдоль Уральскаго хребта, спускается до 52-го градуса широты, около Оренбурга. Но столѣтіе тому назадъ онъ доходилъ тутъ даже до 46° с. ш. [4]).

Добравшись до Азіи, этотъ экваторіальный предѣлъ, опять въ видѣ язычка, тянется вдоль восточнаго ската Уральскаго хребта. Пройдя близь Тюмени и къ сѣверу отъ Тобольска, онъ простирается здѣсь почти до 60-го градуса широты и, направляясь къ востоку, переходитъ черезъ Обь [5]). Обойдя такимъ образомъ большою дугою степную полосу Тоболя, Ишима и Иртыша, линія наша въ гористой мѣстности на правомъ берегу Оби снова спускается почти въ меридіональномъ направленіи къ югу на Алтай, примѣрно до 50°, вѣроятно даже до 49° с. ш. [6]).

Вдоль этихъ градусовъ широты экваторіальный предѣлъ сѣвернаго оленя идетъ за тѣмъ на востокъ [7]), чрезъ Саянскій, Тангнускій и Хангайскій хребты и чрезъ Забайкальскія горы, потомъ вдоль лѣваго берега Шилки доходитъ къ сѣверу до 53-го, и отчасти до 54-го градуса широты, окружаетъ подъ этими широтами большую луговую низменность нижняго теченія Дзеи [8]), круто понижается къ югу по Быррангинскому хребту, пересѣкаетъ его, а далѣе на востокъ и Амуръ (ниже устья Усури), примѣрно подъ

---

[1]) Изъ собственныхъ сношеній моихъ съ охотниками, которые тамъ ежегодно бьютъ сѣвернаго оленя, мнѣ извѣстно, что и теперь еще онъ встрѣчается въ обширныхъ болотахъ, идущихъ между рѣками Волховомъ и Сясью, къ югу отъ Ладоги, а именно до широтъ сѣверной оконечности Ильменскаго озера.

[2]) Sam. Gmelin, Reise, p. 13.

[3]) Pallas, Reise, III, p. 470.

[4]) Pallas, Reise, III, p. 597. Въ новѣйшее время Эверсманъ (Bullet. des Natur. de Moscou, 1840, p. 59) сообщилъ, что сѣверные олени встрѣчаются около Оренбурга, а Гельмерсену (Ural und Kirgisensteppe, p. 163) привелось видѣть, что близь мѣдноплавильнаго завода Преображенскаго, въ 1829 году, убито было 5 сѣв. оленей. Къ этимъ свѣдѣніямъ слѣдуетъ присоединить прежнія извѣстія Палласа (Reise, II, p. 30, 257).

[5]) Pallas, Reise, III p. 467. — Нетерманъ (Mittheilungen, 1856, p. 201, Taf. XIII) тщательно означилъ эту часть экваторіальнаго предѣла сѣвернаго оленя. Только ниже Нарыма сѣверный олень, кажется, переходитъ и на лѣвый берегъ Оби, и еще въ мое время въ этихъ мѣстахъ простирался почти на два градуса къ сѣверу отъ Омска, слѣдов. примѣрно до 57° с. ш. Теперь, говорятъ, увеличившееся населеніе вытѣснило его и оттуда; во время же моего проѣзда по Барабинской степи, онъ каждую зиму являлся даже въ этой степи подъ 55° с. ш.

[6]) По словамъ Геблера сѣверный олень едва-ли можетъ быть причисленъ къ животнымъ Катунскаго хребта, но встрѣчается часто къ сѣверу отъ Чулышмака, текущаго на югъ въ Телецкое озеро. По тому-же вѣроятно источнику ср. тоже самое въ Гумбольдтовой Asie Centrale, (I, p. 341). Вѣроятно онъ встрѣчается и у притоковъ Аргаута.

[7]) Срав. Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, I, p. 286 съ терогеографическою картою юга восточной Сибири, и Petermann, Mittheilungen, 1860, p. 482. — Радде приводитъ много свидѣтельствъ быстраго уменьшенія сѣверныхъ оленей на экваторіальномъ ихъ предѣлѣ.

Въ мое время сѣверный олень встрѣчался еще въ горахъ близь Верхнеудинска. По словамъ Радде, въ 80 верстахъ ниже Горбицы, на лѣвомъ берегу Шилки.

[8]) Уже въ мое время Тунгусы увѣряли, что при рѣкахъ Тепарѣ и Ливерѣ, впадающихъ въ Амуръ выше Албазина, они никогда не встрѣчаютъ ни сѣверныхъ оленей, ни даже слѣдовъ этихъ животныхъ. Дальше на востокъ у Нары (притока Силимджи) я уже встрѣтилъ много слѣдовъ сѣверныхъ оленей. Радде ошибся, полагая, что сѣверный олень не встрѣчается на южныхъ скатахъ Станового водораздѣльнаго хребта (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, стр. 585, примѣч).

49° с. ш. и къ югу отъ залива Хаджи переходитъ чрезъ морской проливъ къ южной оконечности Сахалина [1]).

Слѣдуя за направленіемъ экваторіальнаго предѣла сѣвернаго оленя по Амурскому краю, мы пропустили одно, нынѣ по всей вѣроятности островное мѣсто пребыванія этого животнаго. Извѣстіе Палласа [2]), что сѣверный олень встрѣчается и при верховьѣ Амура, на правомъ его берегу, въ Хинганскомъ хребтѣ, между Аргунью, Амуромъ и притоками Нонни, извѣстіе это подтвердили мнѣ Тунгусы, имѣющіе обыкновеніе охотиться у истоковъ Панги и Комара. Вѣроятно это мѣстопребываніе нѣкогда находилось въ связи съ главною областью распространенія сѣверныхъ оленей такимъ образомъ, что и на лѣвомъ берегу верховьевъ Амура сѣверный олень доходилъ до рѣки. Въ мое время этого уже не было. Онъ очевидно вытѣсненъ также изъ пространства, лежащаго между Шилкою и Аргунью.

Прибѣгая къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя намъ говорятъ, что въ древности сѣверный олень безъ сомнѣнія былъ распространенъ по всей средней Европѣ [3]), мы находимъ, что сильное отклоненіе экваторіальнаго его предѣла къ югу у береговъ Великаго Океана вовсе не такъ необыкновенно, какъ кажется съ виду, и что въ Европѣ нѣкогда сѣверный олень простирался еще южнѣе, чѣмъ столѣтія два тому назадъ въ сѣверной Америкѣ.

Кухонные остатки каменнаго періода, въ особенности дополненные остатками, найденными въ свайныхъ постройкахъ, представляютъ намъ ясныя доказательства, которыя въ глазахъ прежняго спутника сибирскихъ дикарей получаютъ огромное значеніе, когда онъ припоминаетъ, какъ послѣ удачной охоты всѣ сидѣли вмѣстѣ и занимались распусканіемъ во рту мозга изъ трубчатыхъ костей, этого величайшаго лакомства дикарей. Съ неподражаемымъ искусствомъ Самоѣды обухомъ ножа съ одного удара раскалываютъ толстыя трубчатыя кости сѣверныхъ оленей — слѣдовательно обращаютъ ихъ въ точно такіе-же осколки, какіе встрѣчаются въ упомянутыхъ древнѣйшихъ кухонныхъ остаткахъ. Женамъ ихъ удается лишь съ большимъ нахальствомъ добывать себѣ также долю этого и головнаго мозга, безъ котораго онѣ не могутъ обходиться при выдѣлкѣ кожъ.

---

[1]) Срав. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amurlande, I, 1, p. 167 и карту въ концѣ его сочиненія. Уже Зибольдъ (Nippon, 1853, p. 190) сообщилъ свѣдѣнія о томъ, что сѣверный олень преимущественно встрѣчается на восточномъ берегу Сахалина.

Я еще встрѣтилъ сѣверныхъ оленей при сліяніи Нимана съ Буреей и Тунгузы мнѣ разсказывали, что животное это водится на Буреинскомъ хребтѣ, повсюду, куда только они заходятъ во время странствованій своихъ на югъ. Радде же съ устья Буреи отсылали къ Амуру, 15—20 дней пути вверхъ по рѣкѣ, говоря, что сѣверныхъ оленей можно встрѣтить лишь въ горахъ (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 385).

Какъ Шренкъ встрѣтилъ множество сѣверныхъ оленей при устьяхъ Амура, такъ это извѣстіе подтверждается и съ другой стороны въ Запискахъ Сибир. Отдѣла И. Русск. Геогр, Общества, 1857, III (Смѣсь, стр. 3). На южномъ берегу Охотскаго моря я самъ убилъ сѣвернаго оленя.

[2]) Zoographia, Rosso-Asiatica, I, 208. — Шренкъ также находитъ это свѣдѣніе весьма вѣроятнымъ, а Радде, на основаніи собственныхъ распросовъ, нанесъ эту мѣстность на свою карту.

[3]) Акад. Брандтъ недавно представилъ Минералогическому Обществу въ С.-Петербургѣ статью объ этомъ предметѣ, еще не явившуюся въ печати. Содержаніе ея мнѣ не извѣстно.

Чрезвычайно интересно описаніе сѣвернаго оленя, составленное Гастономъ Фёбусомъ въ началѣ 17-го столѣтія [1]). Почти невозможно допустить, что его *Rangier* или *Ranglier* могло быть другое животное, а потому очень вѣроятно, что онъ либо самъ, либо по воспоминаніямъ свидѣтелей, нашелъ въ Пиренеяхъ слѣды сѣвернаго оленя.

Неоднократныя попытки разведенія вновь сѣвернаго оленя въ сѣверной Германіи [2]), Лифляндіи [3]), и даже въ Исландіи [4]), доказываютъ только, какъ трудно сохраняются отдѣльные остатки истребленныхъ видовъ. Виною неудачи были впрочемъ не одни только наступившія измѣненія климата, потому что напр. животныя, завезенныя въ Исландію въ 1773 году, въ теченіи 40 лѣтъ успѣли размножиться на нѣсколько стадъ, по 40—100 штукъ въ каждомъ. Языкообразно-выдающіяся къ югу части экваторіальнаго предѣла сѣвернаго оленя, происшедшія отъ меридіональнаго протяженія нѣкоторыхъ горныхъ хребтовъ, въ теченіе времени, вслѣдствіе отступленія сѣверныхъ оленей, обрисовались еще рѣзче. Въ настоящее время мы должны отличать пять такихъ выступовъ, соотвѣтствующихъ Скалистому и Скандинавскому хребтамъ, Уралу, Хингану и Усурійскому береговому кряжу съ Сахалинымъ.

Такъ какъ выше мы приняли въ разсчетъ и прежнее распространеніе сѣвернаго оленя, то было бы весьма интересно, если бы біологъ рѣшился принять на себя трудъ изслѣдовать вопросъ о томъ, не совпадаетъ ли географическое распространеніе оленьяго мха съ первоначальнымъ, прежнимъ распространеніемъ сѣвернаго оленя.

Изъ деревьевъ лиственица дальше всѣхъ сопутствуетъ сѣверному оленю, хотя и не находится къ нему въ непосредственномъ отношеніи.

10. Заяцъ-бѣлякъ. (*Lep. variabilis*). Въ распространеніи своемъ къ полюсу онъ, кажется, не уступаетъ сѣверному оленю; это для него и не составляетъ труда, потому что тѣло его не велико, слѣдовательно легче можетъ прокормиться.

Въ противуположность тому, что мы замѣтили о сѣверномъ оленѣ, въ зайцахъ на низменностяхъ и глубоко-сѣверной тундрѣ, по единогласнымъ извѣстіямъ, бываетъ вдвое больше вѣса, чѣмъ въ зайцахъ сибирскихъ горныхъ хребтовъ [5]). Въ послѣднее лишь время приведенъ былъ примѣръ, доказывающій противное [6]). При всемъ томъ я нисколько не затрудняюсь признать видовое единство Сибирскаго зайца-бѣляка. Стоило бы на мѣстѣ и не торопясь заняться самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса на множествѣ экземпляровъ и съ соображеніемъ всѣхъ частностей, въ особенности устройства черепа. Тогда только можно бы было рѣшить окончательно, какъ должно смотрѣть на мнимое различіе бѣляка сѣв. Америки. (*Lep. glacialis Leach.*).

---

[1]) La vénerie, imprimée en suite de celle de Jacques Dufoilloux, Paris 1614, p. 97. со словъ Меллина, Naturgeschichte des Rennthierhirsches, въ Schriften der Gesellschaft naturforschender Freunde, Bd. I, p. 7.

[2]) Ср. Меллина, въ вышеприв. соч. стр. 9.

[3]) Fischer, Naturgeschichte Livlands, p. 125.

[4]) Pennant, Thiergeschichte, I, p. 63, и Schmarda, p. 191.

[5]) Ср. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 115.

[6]) Кэнъ (Arctic Explorations I, 1856, p. 123) нашелъ, что въ зайцахъ Smith-Sound'a было только 9 фунтовъ вѣсу; слѣдов. они были гораздо меньше тѣхъ зайцевъ сѣверныхъ береговъ Америки, въ которыхъ, по словамъ Ричардсона, было по 14 фунтовъ.

Впрочемъ зоологическія извѣстія, сообщаемыя изъ сѣверной Америки, упоминаютъ о такихъ-же отличіяхъ въ величинѣ американскихъ бѣляковъ [1]).

Во всякомъ случаѣ чрезвычайно важно то обстоятельство, что по единогласнымъ извѣстіямъ въ густыхъ лѣсахъ сѣверной Америки вовсе нѣтъ бѣляка, тогда какъ онъ очень часто встрѣчается на тамошнихъ тундрахъ (barren-grounds) [2]).

Всѣ полярныя экспедиціи Англичанъ сообщаютъ единогласно, что американскіе бѣляки зимуютъ также на самомъ глубокомъ сѣверѣ. Ихъ убивали въ теченіе всей зимы и встрѣчали повсюду, куда только удавалось проникнуть въ сѣверномъ направленіи, даже на Мельвилевыхъ островахъ, иногда цѣлыми сотнями [3]).

Относительно экваторіальнаго предѣла распространенія этого животнаго я высказалъ свое мнѣніе въ особой статьѣ [4]). Онъ почти совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ сѣвернаго оленя, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сталкивается съ низменностями, идетъ значительно дальше на югъ. Это объясняется меньшею величиною зайца, въ такомъ даже случаѣ, если бы у обоихъ, по части физіологическаго ихъ отношенія къ климату, были совершенно одинаковыя природныя свойства.

Предсказаніе мое, что *Lep. canescens* ничто иное, какъ *Lep. variabilis* въ костюмѣ берегового климата, стало несомнѣннымъ фактомъ вслѣдствіе наблюденій Шренка и Радде, произведенныхъ на самомъ дальнемъ востокѣ и вполнѣ подтвердившихъ мои слова.

Въ Амурскомъ краѣ полярный предѣлъ зайца-бѣляка заходитъ даже за 46-ой градусъ широты къ югу; но подъ 48° с. ш. количество этого животнаго уже уменьшается [5]).

Въ предыдущихъ главахъ мы ознакомились съ тѣми млекопитающими животными, которыя водятся на самомъ глубокомъ сѣверѣ.

---

[1]) Ричардсонъ въ Append. to Parry's Sec. Voy. p. 323. Въ зайцахъ, убитыхъ во время зимовки Аустина въ Вольстенгольмъ-Зундѣ и на небольшомъ островѣ Гриффитъ, было только по 4 фунта (Arct. Miscellanies, 1852, p. 186). Вѣсъ зайцевъ съ Мельвилева полуострова и Мельвилевыхъ острововъ, лежащихъ близъ острова Гриффитъ, опредѣляется въ 7—9 фунтовъ. Но въ иныхъ было и болѣе 10 фунтовъ (Arctic Miscellanies, 1852, p. 347), а именно 11 фунтовъ (Sutherland, Journal, 1852, I, p. 310) подъ $74^1/_4$° с. ш. У Port Bowen (73° с. ш.) въ нихъ было отъ 6 до $8^3/_4$ фунтовъ (Parry, Third voyage, p. 78). Гирнъ (Hearne) же увѣряетъ, что къ югу отъ Чорчилля (56° с. ш.) зайцы нерѣдко вѣсятъ отъ 14 до 15 фунтовъ. Ср. также King, I, p. 302 и Back's Reise, übers. von Andrée, 1836, Anhang, p. XXIX. — Столько же вѣсу (14—15 фунт.) было въ зайцахъ Берингова пролива, на безлѣсномъ островѣ Хорисѣ, лежащемъ подъ полярнымъ кругомъ (Seeman's Reise um die Welt, 1853, II, p. 29).

[2]) Richardson, loc. cit. p. 321.

[3]) M'Clure Discovery of the North-West-Passage, 1856, и Froriep, Notizen, 1856, Bd. Bd. IV, N° 17, p. 281.

[4]) Bullet. physico-mathém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb. T. IX, № 14—16, p 230. Mélanges biologiques I, p. 245. — Мои взгляды на географическое распространеніе зайца-бѣляка и на значеніе, которое имѣетъ въ этомъ отношеніи *Lep. canescens* Nills., переданы Блазіусомъ (Die Wirbelthiere Deutschlands, 1857, p. 406) въ искаженномъ видѣ. Обращаю вниманіе на это, потому что Радде и Шренкъ встрѣтили *Lep. canescens* въ Амурскомъ краѣ и нашли, что и тамъ, на столь дальнемъ разстояніи, взгляды мои вполнѣ оправдываются (L. v. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amurlande. 1858, p. 14 и Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, I, p. 208).

[5]) Радде въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 586.

Такимъ образомъ мы вправѣ предположить, что на самомъ полюсѣ и въ ближайшихъ его окрестностяхъ окажется 6 видовъ млекопитающихъ животныхъ суши, а именно: бѣлый медвѣдь, песецъ, песцовая копытная мышь, полярный заецъ, сѣверный олень и мускусный быкъ. Если же у полюса не окажется материка, то мы вѣроятно встрѣтимъ въ тамошнихъ моряхъ примѣрно вдвое болѣе млекопитающихъ животныхъ, изъ которыхъ $\frac{1}{3}$ (тюлени и моржи) будутъ имѣть видъ млекопитающихъ, а около $\frac{2}{3}$ (киты и дельфины) рыбоподобный видъ.

При всемъ томъ на глубокомъ сѣверѣ разнообразіе по части животныхъ суши гораздо значительнѣе, чѣмъ можно заключить изъ вышесказаннаго, потому что многія кругоборейскія млекопитающія заходятъ далеко къ полюсу, какъ мы ниже покажемъ, когда будемъ говорить о россомахѣ, волкѣ, горностаѣ и нѣкоторыхъ другихъ млекопитающихъ животныхъ.

За тѣмъ бросимъ взглядъ на

Гиперборейскихъ птицъ.

Такъ какъ ни одна птица не выводитъ своихъ дѣтей на льду или на водѣ, то между птицами нельзя отыскать такихъ, которыя соотвѣтствуютъ ледовитымъ и морскимъ животнымъ между гиперборейскими млекопитающими. Впрочемъ и въ отношеніи птицъ мы постараемся придержаться общепринятаго распредѣленія на водныхъ и материковыхъ птицъ, согласно ихъ образу жизни.

а) Гиперборейскія водныя птицы.

Противупоставляя ихъ материковымъ птицамъ, мы соединяемъ въ одинъ отдѣлъ голенастыхъ и плавающихъ птицъ, связанныхъ между собою образомъ жизни, тѣмъ болѣе, что на глубокомъ сѣверѣ онѣ большею частію вьютъ гнѣзда на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ.

Было бы конечно желательно подраздѣлить (на особые отдѣлы) птицъ, живущихъ на средиземныхъ прѣсныхъ водахъ, и морскихъ птицъ, но это невозможно, потому что бо̀льшая часть гиперборейскихъ водныхъ птицъ живетъ и выводитъ дѣтей своихъ какъ на берегу моря, такъ и у прѣсныхъ водъ.

Постоянное исключеніе составляютъ однѣ только гагарки, которыя, какъ извѣстно, строго придерживаются моря, тогда какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи домашняго быта гиперборейскихъ птицъ оказывается, что тѣ изъ нихъ, которыя несомнѣнно отличаются пристрастіемъ къ самому близкому сосѣдству моря, какъ напр. *Tr. (Calidris) arenaria*, *Tr. canutus*, *Tr. maritima*, *Anser hyperboreus*, *Anas mollissima*, *An. spectabilis*, *Procellaria glacialis*, *Larus tridactylus* и т. д., все-таки выводятъ своихъ дѣтей и среди глубоко-сѣверныхъ мѣстностей, при прѣсныхъ водахъ [1]).

[1]) Въ отношеніи подобныхъ подраздѣленій нельзя быть достаточно осторожнымъ. Передъ моею поѣздкою въ Таймырскій край, *Ans. bernicla*, *Anas spectabilis*, *Str. interpes* и т. д. должны были считаться исключи-

Тщательно пересмотрѣвъ описанія путешествій, совершенныхъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ, я полагаю, что слѣдующія водныя птицы могутъ быть признаны гиперборейскими на томъ основаніи, что онѣ или попадались всѣмъ полярнымъ путешественникамъ [1]), повсюду, куда только человѣку доселѣ удалось пробраться по направленію къ полюсу, или, если и встрѣчались лишь нѣсколькимъ полярнымъ путешественникамъ, то все-таки являлись на глубокомъ сѣверѣ при такихъ условіяхъ, которыя не позволяютъ сомнѣваться въ гиперборейской натурѣ ихъ.

1) *Charadrius pluvialis*
2) » *hiaticula*
3) » *squatarola* [2])
4) *Strepsilas interpres*
5) *Phalaropus rufescens*
6) » *cinereus*
7) *Tringa canutus* [3])
8) » *maritima*
9) » *cinclus*
10) *Tringa (Calidris) arenaria* [4])
11) *Cygnus musicus* [5])
12) *Anser bernicla*
13) » *hyperboreus* [6])
14) *Anas spectabilis*
15) » *mollissima*
16) » *glacialis*
17) *Uria grylle*
18) » *Brünnichii*
19) *Uria (Mergulus) alle*
20) *Procellaria glacialis*
21) *Lestris parasita*
22) » *Richardsoni*
23) *Larus Sabinei* [7])
24) » *eburneus*
25) » *tridactylus*
26) » *leucopterus* [8])
27) » *glaucus*.

тельно морскими птицами; но я нашелъ, что ихъ отдѣляли отъ моря не только $2^1/_2$ градуса широты, но даже и высокій горный хребетъ (Быррангинскій). Какъ до моей поѣздки полагали, что *An. spectabilis* несомнѣнно водится близь открытаго моря, такъ и доселѣ еще, по всѣмъ единогласнымъ свидѣтельствамъ и собственнымъ моимъ наблюденіямъ, я считалъ бы гагу безусловно морскою птицею, если бы не открылъ важнаго свидѣтеля (Richardson, Searching Expedition, 1852, I, p. 269), который говоритъ, что изрѣдка гага встрѣчается и во внутреннихъ частяхъ сѣверной Америки.

[1]) Превосходныя указанія нашлись при пересмотрѣ путешествій искателей Франклина. Помимо извѣстныхъ всѣмъ путевыхъ описаній, я считаю полезнымъ обратить вниманіе тѣхъ, которые пожелаютъ продолжать мой трудъ, на нѣкоторыя, почти забытыя сочиненія, какъ напр. Arctic Miscellanies, 1852; Markham, Franklins footsteps; Sutherland, Journal, 1852, вмѣстѣ съ приложеніемъ и т. д.

Необходимо принимать въ соображеніе всѣ источники, иначе вы не въ состояніи освободиться отъ тѣснаго кругозора отдѣльныхъ наблюдателей. Такъ напр. въ Journal of the Dublin Society (1860, стр. 61 и слѣд.) исчислены по Макъ-Клинтоку градусы широты, до которыхъ по сдѣланнымъ наблюденіямъ встрѣчался каждый видъ птицъ. Наблюденія эти чрезвычайно важны, но не всегда правильны. Точно также въ Кабанисовомъ Journal für Ornithologie (1856, p. 304) помѣщено извѣстіе Мюллера о крайнихъ полярныхъ предѣлахъ глубоко-сѣверныхъ птицъ, по наблюденіямъ Кэна. При всемъ томъ мы вдались бы въ односторонность, если бы захотѣли пользоваться исключительно этими свѣдѣніями. Необходимо выдѣлять случайности.

[2]) Встрѣчается и въ Гренландіи (Isis, 1848, p. 251).

[3]) Встрѣчается и въ Гренландіи (Isis, 1848, p. 251).

[4]) Встрѣчается и въ Гренландіи (Isis, 1848, p. 251).

[5]) *Cygnus Bewickii* также, можетъ быть, гиперборейская птица; но дѣло въ томъ, что ее до сихъ поръ не умѣли отличать, какъ слѣдуетъ.

[6]) Мальмгренъ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1863, p. 451) правда доказалъ, что до сихъ поръ *Lar. Sabinei*, *Lar. Rossii*, *Lar marinus* и *Alca torda* несправедливо считались птицами, которыхъ видѣли въ Шпицбергенѣ. Но этимъ еще не сказано, что всѣ эти 4 вида не могутъ встрѣчаться въ Шпицбергенѣ. Хотя Ричардсонъ (Searching Expedition, I, p. 262), нашелшій одно мѣсто высиживанія яицъ этой чайки, и объявилъ, что это самый западный предѣлъ пребыванія *Lar. Sabinei*, но я смѣло предсказываю, что эту чайку встрѣтятъ и въ Беринговомъ проливѣ.

[7]) Высиживаетъ яйца на Волластоновой землѣ въ американско-арктическомъ архипелагѣ, подъ 70° с. ш. (Richardson, Searching Expedition, I, p. 320). Хотя Наласъ и полагалъ, что птица эта чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ Камчаткѣ, но г. Вознесенскій увѣрялъ меня въ противномъ.

[8]) Встрѣчается и на берегахъ Гренландіи (Isis, 1848, p. 252).

Изъ всѣхъ этихъ птицъ *Anser bernicla* и *Uria alle* повидимому принадлежатъ къ тѣмъ, которыя болѣе всего чувствуютъ непреодолимое влеченіе къ полюсу, въ самыя дикія мѣста. Цѣлыя тучи ихъ затемняютъ воздухъ послѣ каждаго выстрѣла даже на самомъ глубокомъ сѣверѣ.

Птицы эти и зимою отступаютъ только шагъ за шагомъ, когда среди ледяныхъ массъ, передвигаемыхъ бурями и теченіями, уже нѣтъ рѣшительно никакой возможности отыскать открытыя мѣста, дающія возможность найти пищу. Онѣ зимуютъ далеко въ Баффиновомъ заливѣ [1]) и безъ особой побудительной причины не заходятъ за южный предѣлъ полярныхъ ледяныхъ массъ.

Что гиперборейскія голенастыя птицы зимою принуждены отступать на югъ дальше гиперборейскихъ морскихъ птицъ, это понятно само по себѣ. Но и между ними уже теперь можно отличить такихъ, которыя сообразно мѣстамъ, гдѣ онѣ выводятъ дѣтей своихъ, подобно многимъ морскимъ птицамъ (напр. *Uria alle*, *Anser bernicla* и *hyperboreus*, разные виды *Lestris*, *Larus Sabinei*, *Larus eburneus* и т. д.), въ качествѣ

Обитателей тундръ

(напр. *Char. morinellus*, *Tr. canutus*, *Tr. maritima*, *Tr. subarquata* и т. д.), могли бы быть отдѣлены отъ другихъ подъ названіемъ

Далеко-распространенныхъ гиперборейскихъ водныхъ птицъ.

Впрочемъ у птицъ часто бываютъ исключенія, основанныя на подвижности ихъ натуры и потому, мнѣ кажется, лучше ограничиться указаніемъ на это раздѣленіе, чѣмъ развивать его здѣсь со всею строгостію. Намъ ниже еще представится случай вернуться опять къ этому предмету.

b) Гиперборейскія материковыя птицы.

Не только одни насѣкомоядныя птицы остаются на далекомъ разстояніи отъ полюса (по недостатку насѣкомыхъ, которыми онѣ питаются), но и всѣ вообще лѣсныя птицы не выходятъ изъ-за предѣла высокоствольнаго лѣса, такъ что къ числу гиперборейскихъ материковыхъ птицъ мы можемъ отнести только 6 видовъ.

Два изъ нихъ, питающіеся насѣкомыми только при случаѣ, преимущественно питаются растительными веществами; изъ остальныхъ трехъ видовъ одинъ принадлежитъ къ ночнымъ, другой къ дневнымъ хищникамъ; третій къ всеяднымъ птицамъ. Виды эти слѣдующіе:

---

[1]) Kane, Arctic Explorations, I, p. 461. Это была *Uria grylle*. Гаги несмѣтными стаями собираются въ европейскомъ Ледовитомъ морѣ на предѣлѣ полярныхъ ледяныхъ массъ (Capell Brook, Winter in Lappland, p. 332, 368).

a) Обитатели тундръ (во время высиживанія яицъ).

1) Альпійская бѣлая куропатка [1])
2) Подорожникъ
3) Исландскій кречетъ [2])
4) Лунь.

b) Далеко-распространенныя гиперборейскія материковыя птицы.

5) Воронъ [3]).

Изъ этихъ птицъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ зимуютъ только въ видѣ исключенія всеядный воронъ, а еще рѣже лунь; остальныя на зиму улетаютъ на югъ, и остается развѣ только нѣсколько альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ и исландскихъ кречетовъ [4]). Ворона полярные путешественники встрѣчали на каждомъ зимовьѣ [5]). Гнѣзда свои, за неимѣніемъ деревьевъ, онъ вьетъ на скалахъ. Климатъ не наноситъ вреда его высиживанію на яйцахъ, потому что и у насъ онъ привыкъ насиживать среди Февральской зимней стужи и только подъ 78° с. ш. отлагаетъ это занятіе до Мая и Іюня [6]). Впрочемъ гнѣзда тѣхъ вороновъ, которые посѣщали самыя крайнія зимовья полярныхъ путешественниковъ, слѣдуетъ, кажется, искать не подъ тѣми-же широтами, а южнѣе.

Лунь, которая, какъ извѣстно, зимою улетаетъ къ югу, все-таки иногда встрѣчали зимующей и на ея глубоко-сѣверныхъ мѣстахъ вывода дѣтей [7]). Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ нужды она, пожалуй, можетъ питаться леммингами, полярными зайцами, а при сильномъ голодѣ какимъ-нибудь истощавшимъ песцомъ. Главнымъ препятствіемъ, кажется мнѣ, служитъ не столько безжизненность глубокаго сѣвера зимою, сколько тем-

---

[1]) Продолжавшіяся до послѣдняго времени попытки раздробить этотъ видъ на нѣсколько другихъ видовъ, до сихъ поръ постоянно рушились сами собою. Шпицбергенская (и Гренландская) бѣлая куропатка, являющаяся подъ названіемъ *Lagop. Islandorum*, *Lagop. Reinhardtii*, *Lagopus hyperborea* и наконецъ *Lagop. hemileucurus* (Gould въ Annals and Magaz. of Natural History, 1859, p. 57, и Archiv für Naturgesch., 1859, p. 53) все-таки ничто иное, какъ *Lagop. alpinus* (Срав. напр. Malmgrén въ Archiv für Naturgesch., 1864, p. 194 и Cabanis, Journal für Ornithologie, 1863, p. 456).

Подобныя попытки дробленія видовъ, какъ извѣстно, не составляютъ отдѣльнаго явленія. Развѣсъ исландскимъ кречетомъ не случилось тоже самое (срав. напр. B. Blasius, въ Naumannia, 1857, p. 242, 248, 261, и опроверженіе въ Cabanis, Journal für Ornithologie, 1862, p. 43, 57).

Кэнъ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1856, p. 304) нашелъ, что *Lagop. alpinus* высиживаетъ яйца до 81° с. ш.

[2]) Исландскаго кречета Кэнъ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1856, p. 304 и слѣд.) нашелъ еще подъ 78° с. ш.

[3]) Ворона, съ которымъ Парри первый насъ познакомилъ подъ 72° (The Journal of the Royal Dublin Society, 1860, p. 61), Кэнъ (Arctic Explorat. I, p. 342) встрѣтилъ подъ $78\frac{1}{2}$° с. ш. 15-го Августа. На пустынномъ островѣ Св. Лаврентія въ Беринговомъ проливѣ также водятся вороны (Heine, Expedition, 1859, III, p. 169).

[4]) Дѣлаю эту оговорку, потому что Мюллеръ, по словеснымъ сообщеніямъ Кэна, причисляетъ и этихъ двухъ птицъ къ осѣдлымъ подъ 79° с. ш. Относительно кречета мнѣ кажется это невѣроятнымъ.

[5]) Ниже въ главѣ о странствованіи и въ особенности о зимованіи птицъ, мы сообщимъ ближайшія свѣдѣнія о томъ, гдѣ именно воронъ являлся зимою на глубокомъ сѣверѣ. Впрочемъ однимъ изъ самыхъ сѣверныхъ гнѣздилищъ было, кажется, то, о которомъ упоминаетъ Парри (Third Voyage, p. 97).

[6]) По Кэну въ Кабанисовомъ Journal für Ornithologie, 1856, p. 304 и слѣд.

[7]) Такъ напр. по словамъ Парри на Мельвилевыхъ островахъ явилась птица этого вида въ Февралѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ тамъ не Январь, а Февраль самый холодный мѣсяцъ, означающій половину зимы, и луни возвращаются на этотъ островъ лишь въ Маѣ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно зимовала тамъ.

нота, господствующая въ это время года, и долгая полярная ночь, что̀ не составляетъ препятствія для луни, которую не смущаетъ свѣтъ пасмурныхъ лѣтнихъ дней въ полярныхъ странахъ. Въ Сибири лунь также встрѣчали повсюду, куда только удавалось проникнуть по направленію къ сѣверу [1]).

Исландскій кречетъ, который лѣтомъ встрѣчается тамъ-же, гдѣ бываетъ и лунь, не въ состояніи проводить зиму на глубокомъ сѣверѣ. Уже лѣтомъ онъ по-видимому не находитъ разсчета оставаться на полярныхъ скалахъ, населенныхъ тысячами птицъ; по крайней мѣрѣ экспедиціи, отыскивавшія Франклина, не встрѣчали ни одной хищной птицы, такъ что гагаркамъ и другимъ морскимъ птицамъ нечего было опасаться враговъ [2]).

И такъ лунь, главный врагъ лемминговъ, одна только можетъ считаться настоящею гиперборейскою хищною птицею. Съ приближеніемъ къ полюсу число хищныхъ птицъ уменьшается быстрѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, быстрѣе, чѣмъ того требуетъ наличная богатая добыча. Причина этого явленія еще не разгадана.

Замѣчательно, что гиперборейскія птицы суши, которыя очевидно не настоящія типичныя странствующія птицы, а болѣе похожи на отлетныхъ птицъ, потому что не уходятъ отъ стужи, а скорѣе по необходимости отыскиваютъ мѣстности, гдѣ зимою условія питанія болѣе благопріятны, замѣчательно, говорю я, что эти гиперборейскія птицы, тронувшись однажды въ путь, пролетаютъ чрезвычайно огромныя пространства, такъ что въ этомъ отношеніи не уступаютъ настоящимъ странствующимъ птицамъ. Онѣ улетаютъ иногда за 20, за 30, можетъ быть даже за 40 градусовъ широты.

При этомъ онѣ залетаютъ въ самыя обширныя лѣсныя мѣстности, которыя имъ положительно не попутру, и гдѣ онѣ даже не умѣютъ отдыхать на вѣткахъ. Для нихъ лѣсъ служитъ не защитой, а препятствіемъ. Альпійская куропатка, я видѣлъ это своими глазами, среди огромныхъ лиственицъ, прокапываетъ себѣ въ снѣгу норку для отдыха, или, встрѣчаясь на лету съ хищною птицею, ныряетъ въ рыхлый глубокій снѣгъ. Подорожникъ у насъ является на большихъ проѣзжихъ дорогахъ, по направленію которыхъ и летаетъ. Даже лунь такъ неловка, что, будучи поймана, не садится на готовую жердочку, а охотнѣе остается на землѣ, на дождѣ и въ грязи [3]).

Первые пять видовъ гиперборейскихъ птицъ суши названы мною обитателями тундръ, потому что въ самомъ дѣлѣ гнѣзда свои устроиваютъ не иначе, какъ въ бездревесныхъ мѣстностяхъ, слѣдовательно или на тундрѣ глубокаго сѣвера, или на бездревесныхъ вершинахъ горъ, возвышающихся за предѣлъ лѣсной растительности. Исландскій кречетъ, который въ тоже время прибрежная птица, устраиваетъ гнѣздо свое ближе другихъ къ лѣсу, но все-таки еще составляетъ противуположность вòрону, котораго наши лѣса считаютъ своею родною птицею.

---

[1]) Въ Таймырскомъ краѣ, на Новосибирскихъ островахъ (Сибир. Вѣстн. I, стр. 41 и Врангеля, Путеш. I, стр. 141), при устьѣ Яны (Сибир. Вѣстн. I, стр. 229), на Новой Землѣ (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, II, p. 150).

[2]) Arctic Miscellanies, 1852, p. 272, 347.

[3]) Annals and Magaz. of Natural History 1839, III, p. 107.

Впрочемъ въ такихъ мѣстностяхъ и даже мѣстахъ, гдѣ исчисленныя нами гиперборейскія тундренскія птицы высиживаютъ яйца свои, нерѣдко гнѣздятся и многія другія птицы, которыя также залетаютъ на сѣверъ чрезвычайно далеко — чуть ли не до 73° с. ш. — и притомъ распространены вокругъ полюса, но которыхъ при всемъ томъ, впредь до ближайшихъ извѣстій объ окрестностяхъ полюса, я предпочитаю отнести къ слѣдующему отдѣлу.

Въ заключеніе мы сообщимъ еще нѣсколько свѣдѣній о гиперборейскихъ животныхъ, принадлежащихъ къ прочимъ отдѣламъ.

Само собою разумѣется, что къ гиперборейской фаунѣ не принадлежитъ ни одно изъ пресмыкающихся и земноводныхъ животныхъ.

Между рыбами, безъ сомнѣнія, должно быть нѣсколько гиперборейскихъ видовъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ Рейнгардтъ [1]) попытался противупоставить Гренландскихъ рыбъ рыбамъ Берингова моря и пришелъ къ тому результату, что 7 видовъ встрѣчаются въ той и другой мѣстности. При ближайшемъ изслѣдованіи отношеніе это вскорѣ должно было измѣниться, какъ мы видимъ изъ недавняго отзыва Торелля [2]), который вслѣдствіе поѣздки на Шпицбергенъ сообщилъ, что вся рыбная фауна этого острова едва-ли содержитъ болѣе 10 видовъ. Четыре года спустя Мальмгренъ [3]) писалъ, что у Шпицбергена встрѣчается отъ 22 до 23 видовъ рыбъ. Изъ нихъ 12 видовъ водятся также въ сѣверной Европѣ, въ томъ числѣ особый видъ трески сайды (*Boreogadus polaris*), извѣстный по всѣмъ берегамъ Русской Лапландіи до Бѣлаго моря. Такъ какъ рыбу эту не только встрѣчаютъ у Новой Земли, и часто ловили искатели Франклина, но и Парри находилъ даже подъ $82\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш. на предѣлѣ самого крайняго проникапія къ полюсу, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что видъ этотъ долженъ быть причисленъ къ гиперборейскимъ [4]).

Мы обязаны Мальмгрену очень важнымъ указаніемъ на необходимость отличать въ рыбной фаунѣ Шпицбергена два отдѣла, имѣющіе весьма различное географическое значеніе. Одинъ изъ нихъ, обнимающій атлантическо-борейскихъ рыбъ, водится на западныхъ берегахъ и, подобно растеніямъ этого западнаго прибрежья, очевидно обусловливается теченіемъ Гольфштрома до этихъ береговъ Шпицбергена. До насъ касается не этотъ отдѣлъ, а второй — арктическо-ледяной. Изъ 14 видовъ этого отдѣла, живущихъ въ Гренландіи, въ американско-арктическомъ архипелагѣ и т. д., уже въ

---

[1]) Isis, 1848, p. 277.

[2]) Petermann, Mittheilungen, 1861, p. 54.

[3]) Om Spetzbergens Fiskfauna, 1856, p. 492. 494, 532.

[4]) При этомъ случаѣ сообщаю нѣсколько дополненій къ сказанному мною на 353-й стр. нѣм. изд. 1-го отд. 2-го тома этого сочиненія, гдѣ говорится о моллюскахъ. Высказанная мною тамъ догадка, что Вудъ на глубинѣ 80′ могъ различать предметы на днѣ морскомъ, повидимому подтверждается наблюденіемъ Земана (Reise um die Welt, 1853, II, p. 17), который также на глубинѣ 80′ отличалъ бѣлое пятно на днѣ Ледовитаго моря. Во всякомъ случаѣ у полюса море, кажется, бываетъ прозрачнѣе, чѣмъ подъ тропиками. Шлагинтвейтъ (Comptes rendus de Paris, 1857, p. 521) находилъ, что подъ тропиками бѣлый камень, опущенный въ глубь, постоянно исчезалъ изъ виду на глубинѣ 33′, у Корфу же на глубинѣ 53′.

настоящее время извѣстно 11 или 12 видовъ, встрѣчающихся также у Шпицбергена, гдѣ они водятся на сѣверныхъ и восточныхъ берегахъ. Между ними находится *Salmo alpinus*, который заходитъ далеко въ рѣки и водится также около всего прибрежья древняго материка, слѣдов. безспорно принадлежитъ къ кругополярнымъ рыбамъ [1]). Въ Таймырскомъ краѣ немногія рыбы этого вида, которыхъ мы ловили, спасли насъ отъ голодной смерти, когда намъ уже приходилось очень плохо.

Еще подъ $78\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. Кэпъ [2]) нашелъ лоховъ въ средиземномъ озерѣ.

Относительно писшихъ животныхъ, которыя могутъ быть причислены къ гиперборейскимъ, мы выше (примѣч. къ стр. 132, 133, 138 и 139) сообщили свѣдѣнія, которыя каждый спеціалистъ по относящейся до него части уже теперь въ состояніи значительно пополнить. Считаемъ нелишнимъ указать еще разъ на богатую находку Сутерленда, упомянутую на стр. 142 [3]).

Не только глубоко-сѣверные морскіе берега питаютъ, какъ мы видѣли, писшихъ животныхъ и притомъ въ большомъ количествѣ [4]), но, что безъ сомнѣнія покажется еще гораздо невѣроятнѣе, и въ прѣсныхъ водахъ, большею частію замерзающихъ до самого

---

[1]) Въ Лапландіи извѣстенъ подъ названіемъ кунджи, въ случаѣ если будущія точныя изслѣдованія подтвердятъ тождественность кунджи и голеца. Въ Сибири онъ преимущественно называется голецомъ. Я слышалъ тамъ только это названіе, но вижу изъ сочиненія Кривошапкина (Енисейскій Округъ и его жизнь, 1865, II, стр. 168), что въ южныхъ частяхъ посѣщеннаго и мною Туруханскаго округа опять называется кунджой и простирается до Норильскихъ озеръ, слѣдовательно по крайней мѣрѣ до 69° с. ш. къ югу. Чрезъ рѣку Пясину озера эти находятся въ связи съ Ледовитымъ моремъ.

Въ рѣкѣ Таймырѣ водились этого рода рыбы необыкновенной величины. И далѣе къ востоку на полярномъ берегу Сибири въ нихъ, говорятъ, бываетъ фунтовъ 30 вѣсу (Записки Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. 1859, III, стр. 98). Въ Камчаткѣ Китлицъ (Denkwürdigkeiten, II, p. 201) встрѣтилъ его въ новѣйшее время, послѣ того какъ Стеллеръ (Kamtschatka, 1774, p. 160, 163) подробно говорилъ о немъ.

Въ Новой Землѣ голецъ, какъ извѣстно, составляетъ главный предметъ рыбной ловли.

[2]) Arctic Explorations, II, p. 208.

[3]) Этими важными данными мы обязаны просвѣщенному усердію Сутерланда. На стр. CCI приложенія къ своему важному путевому описанію (Journal of a Voyage in Baffin's Bay and Barrow Straits, London, 1852, II) онъ перечисляетъ свою добычу; но и въ теченіе путеваго описанія мы находимъ свѣдѣнія о балянусѣ въ 1″ ширины, объ актиніяхъ, асцидіяхъ и эшареллахъ (II, стр. 290); о трехъ видахъ голотурій (II, стр. 289); о морскихъ ежахъ, морскихъ звѣздахъ, множествѣ офіуръ, теребеллъ, амфитритъ, нереидъ и другихъ кольчатыхъ червей (II, стр. 211); о раковистыхъ животныхъ разнаго рода, серпулахъ и діатомеяхъ (I, стр. 321). — Кромѣ того Инглфильдъ (A Summer Search, 1853, p. 177) упоминаетъ о разныхъ моллюскахъ, пойманныхъ подъ 76° с. ш. въ Мельвилевомъ заливѣ. Добыча Макъ-Клинтока перечислена въ Journal of the Dublin Society. 1860, p. 61.

Къ примѣчаніямъ на стр. 132 я считаю нелишнимъ добавить, что по изслѣдованіямъ Мальмгрена (Nordiska Hafs Annulater, 1865, p. 75) *Antinoë Sarsii* далеко распространена на глубокомъ сѣверѣ (въ Финмаркенѣ, Шпицбергенѣ, Гренландіи). Тамъ-же онъ дѣлаетъ различіе между *Heteronereis arctica Oersted* и тою, которую Грубе описалъ въ этомъ сочиненіи (нѣм. изд. II, 1, стр. 11, табл. 1, рис. 7) и принялъ за тотъ-же видъ. Послѣднюю онъ называетъ *Het. Middendorffii*.

[4]) Такъ какъ я тутъ вѣроятно навсегда разстаюсь съ писшими животными, то я считаю нелишнимъ добавить нѣсколько свѣдѣній, оказавшихся у меня послѣ обработки моллюсковъ. Полагаю, что свѣдѣнія эти могутъ пригодиться позднѣйшимъ изслѣдователямъ этого предмета.

Палласъ (Reise, III, p. 34) получилъ чрезъ Зуева писшихъ морскихъ животныхъ, выброшенныхъ Карскимъ моремъ. Словцóвъ (Истор. Обозрѣніе Сибири I, стр. 529), упоминаетъ о *споліи* съ устья Енисея.

Между прежними моими цитатами я не встрѣчаю Франклиновой (II, стр. 200) находки мелкихъ раковинъ на сѣверо-американскомъ берегу Ледовитаго моря и Scoresby's Account (for the arctic regions, Edinburg, 1820, p. 544, 545, 555, Plate XVI), гдѣ упоминается о нѣсколькихъ глубоко-сѣверныхъ раковистыхъ животныхъ и моллюскахъ. Съ писшими гиперборейскими мор-

дна, встрѣчаются какъ растенія (ч. I, стр. 668), такъ и животныя; даже поверхность постоянно замерзшей ледяной почвы оживлена крошечными и нѣжными организмами.

скими животными скорѣе и полнѣе всего навѣрное можно будетъ ознакомиться посредствомъ тщательнаго изслѣдованія пищи, содержащейся въ желудкѣ поѣдающихъ ихъ хищниковъ. Каракатицы, найденныя въ желудкахъ нарваловъ (Scoresby. Account, p. 544 и Journal of a voyage to the Northern Whalefischery, 1823, p. 423) доказываютъ, что онѣ водятся въ большомъ количествѣ и чрезвычайно далеко на сѣверъ. Мальмгренъ (Jaktagelser och anteckningar till Finnmarkens, och Spetsbergens Däggdjursfauna, 1863, Febr. 11) нашелъ, что исключительною пищею кита служатъ *Mya truncata* и *Saxicava rugosa*, гиперборейская и кругополярная натура которыхъ такимъ образомъ ясно засвидѣтельствована. Въ желудкѣ *Phoca barbata* оказались *Crangon boreas*, *Sabinea septemcarinata*, *Hyppolite polaris*, *H. Sowerbaei*, и *H. polaris*, *Tritonium*, *Natica clausa*, *Cottus tricuspis* и т. д.

Новые виды низшихъ морскихъ животныхъ, открытые въ Беринговомъ морѣ послѣ появленія 1-го отдѣла 2-го тома этого сочиненія, посвященнаго моллюскамъ и раковистымъ животнымъ, всѣ безъ сомнѣнія будутъ исчислены въ чрезвычайно тщательномъ трудѣ Л. Шренка, который вѣроятно появится въ печати въ одно время съ предлежащимъ выпускомъ. Но этому я считаю почти лишнимъ замѣтить, что въ Proceedings of the Academy of Natural Sciences of Philadelphia, February, 1857, и въ Prodromus Descript. animal. evertebrat. quae in exped. ad Ocean. Pacif. septentrional. observavit et descripsit W. Stimpson, авторъ этотъ приводитъ цѣлый рядъ морскихъ животныхъ (*Chionoecetes Beringianus*, *Hyas latifrons*, *Typlocolax acuminatus*, *Fovia trilobata*, *Cerebratulus impressus*, *Cosmocephala Beringiana* и т. д.), которыя очевидно должны принадлежать къ глубоко-сѣвернымъ животнымъ. И въ своей Synopsis of the Marine Invertebrata of Grand Manan, 1853, Стимпсонъ сообщилъ разныя свѣдѣнія, которыя относятся къ этому предмету. Въ связи съ тѣмъ, что въ моемъ сочиненіи сказано о географическомъ распространеніи сѣверныхъ и кругополярныхъ морскихъ животныхъ, я обращаю особенное вниманіе на упомянутые Стимпсономъ: *Chirodota laevis* (стр. 17), *Bryozoa*, *Flustra truncata* и т. д. Весьма важно, что (стр. 24) тамъ найдено *Triton. decemcostatum* (срав. выше стр. 12, примѣч.).

Считаю необходимымъ напомнить также о небольшомъ сочиненіи Стимпсона: Shells of New-England, Boston, 1851, которое мнѣ прежде было неизвѣстно.

Адамсъ (Annals and Magaz. of Natur. History, 1861, p. 241) описалъ нѣсколько моллюсковъ Охотскаго моря. Въ Reports of Explorations and Survey for a railroad route from the Mississipi river to the Pacific Ocean, Vol. XII, Part. II, Mollusca by Cooper, упомянуты многіе изъ сообщенныхъ мною моллюсковъ Берингова пролива, и въ особенности выдвинутъ впередъ экваторіальный предѣлъ ихъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки, какъ напр. стр. 369 *Trit. Oregonense (cancellatum)*; стр. 371 *Chrysodonnus Sitchensis*, *Purpura lactuca* и *lapillus;* стр. 374 *Turritella Eschrichtii;* стр. 375 *Trochus filosus;* стр. 376 разные виды *акмей* и *хитоновъ;* стр. 382 *Card. Nuttallii*, *Venus staminea (Venerupis Petitii)* и *Saxidomus Nuttalii*, *(Venerupis gigantea);* стр. 384 *Lutraria maxima*, *Tellina nasuta*, *edentula*, *Machaera patula (M. costata)* и т. д. Впрочемъ моллюски той-же фауны подробнѣе всего обработаны Карпентеромъ (Report of the 26 meeting of the British Association for the Advancement of sciences held 1856, 1857, p. 159, 173, 174. 214, 321, 347) и трудъ его не можетъ оставить безъ вниманія никто изъ занимающихся этимъ предметомъ. Онъ несправедливо обвиняетъ меня въ томъ, будто бы я хотѣлъ отказаться отъ терминологіи Линнѐ, тогда какъ я именно старался обойти изобиліе родовъ, созданныхъ въ новѣйшее время, и обратиться къ прежнимъ родовымъ названіямъ, которыя менѣе обременяютъ память и менѣе затемняютъ общій обзоръ, слѣдуя при моллюскахъ тому-же порядку, какъ напр. при птицахъ. За тѣмъ спеціалистамъ предоставляется слѣдовать подраздѣленіямъ. Мое описаніе видовъ Карпентеръ повидимому находитъ слишкомъ подробнымъ. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что такое подробное описаніе очень важно — но какъ переходная мѣра, пока дробленіе на виды прекратится и подчинится высшимъ зоологически-географическимъ точкамъ зрѣнія. Потому именно, что Карпентеръ не представилъ такого описанія въ отношеніи критическихъ и спорныхъ видовъ, сводъ его и не имѣетъ полной доказательной силы для всѣхъ сомнительныхъ случаевъ, не смотря на то, что онъ имѣлъ случай сравнивать между собою сотни и тысячи индивидуумовъ одного и того-же вида. Неужели Карпентеръ требуетъ, чтобы мы слѣпо вѣрили ему на слово?

Но именно потому, что мы такъ мало симпатизируемъ съ Карпентеромъ, меня чрезвычайно радуетъ, что въ главѣ «Boreal Fauna» онъ находитъ себя вынужденнымъ признать безспорно-кругополярныхъ моллюсковъ. Онъ признаетъ даже такіе виды, которые свойственны обоимъ, т. е. какъ восточнымъ, такъ и западнымъ берегамъ Панамскаго перешейка, утверждая, что только виды Атлантическаго океана перешли на Тихій океанъ, какъ это можно было ожидать вслѣдствіе большей высоты морскаго уровня на Атлантическомъ берегу Панамскаго перешейка.

Что касается до низшихъ морскихъ животныхъ, то я долженъ замѣтить, что мы смѣло можемъ ожидать извѣстій о существованіи въ полярномъ бассейнѣ множества медузъ, актиній, асцидій и различнаго вида коралловъ. Какъ у Нордкапа, такъ и въ Охотскомъ морѣ я видѣлъ много медузъ около самыхъ громадныхъ ледяныхъ массъ; тоже самое встрѣтилъ Зуевъ (Pallas, Reise, III, p. 20) въ Карскомъ морѣ. Въ концѣ Августа море блестѣло очень сильно послѣ каждаго удара нашихъ веселъ, и свѣтившаяся волна сохраняла свой блескъ нѣсколько секундъ.

Что животныя водятся и въ прѣсныхъ водахъ глубокаго сѣвера, гдѣ меньше всего можно было ожидать ихъ — объ этомъ свидѣтельствуетъ, впрочемъ какъ весьма исключительное явленіе, кругополярная *Physa hypnorum*, которую доселѣ не встрѣчали къ сѣверу отъ Аландскихъ острововъ. Мнѣ привелось найти ее, при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, въ Таймырскомъ краѣ, подъ $73\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. въ лужѣ, дно которой еще 27-го Іюня (слѣдов. 9-го Іюля нов. ст.) было покрыто льдомъ (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 428) [1]). Подъ тою-же широтою и при совершенно сходныхъ условіяхъ я встрѣтилъ множество экземпляровъ *Branchipus claviger* (см. тамъ-же, стр. 149) и *Branchipus Middendorffianus*

Изслѣдованіе о моллюскахъ въ моемъ путешествіи кромѣ того разбирается въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Lovén, Berättelse om Framstegen i Molluskernas, Crustaceernas etc. 1845—1848, p. 131 и 219; 2) Mittheilungen der Naturforschenden Gesellschaft in Bern, aus dem Jahre 1853, p. 169, 193; 3) Würtembergische naturwissenschaftliche Jahreshefte, 1855, p. 132, 174; 4) Mencke und Pfeiffer, Malacozoologische Blätter, 1856, p. 97, 108; 1858, Bd. V, p. 65, 89, 125; 5) Siebold, Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, 1857, p. 12; 6) Troschel, Archiv für Naturgesch. 1858, p. 145, гдѣ описанъ видъ моллюсковъ, близкій къ моей *Velutina coriacaea*, тогда какъ я готовъ согласиться, что меня ввела въ ошибку разросшаяся *спонгія;* — 1860, p. 334, гдѣ порода *Pilidium* (такъ какъ названіе это уже было замѣщено, перекрещена Ловеномъ въ *Piliscus* и обогащена другимъ видомъ изъ Шпицбергена; — p. 337 *Buccinum (Volutharpa) Mörchiana* изъ Сибири; 1857, p. 320, Jahresbericht: Torrel, über nordische Mollusken; 7) Froriep's Notizen, 1858, № 8, p. 114.

Изъ относящихся сюда наблюденій, которыя впослѣдствіи еще оказались разбросанными въ моемъ дневникѣ, я считаю необходимъ сообщить слѣдующее:

a) На Шантарскомъ островѣ Эге я нашелъ маленькаго *Limax*.

b) Кромѣ *Cyanea* и двухъ видовъ, принадлежащихъ по видимому къ роду *Berenice*, я разсматривалъ въ Охотскомъ морѣ еще нѣсколько подробнѣе медузу, которую принималъ за *Geryonia*. Она имѣла видъ колокольчика, была студениста, прозрачна и въ поперечникѣ не больше 1 дюйма. На краю колокольчика были 4 питкообразныхъ щупальца, на равномъ разстояніи одно отъ другаго. Ось животнаго — соотвѣтствующую слѣдовательно какъ бы язычку колокольчика — занималъ цилиндрическій каналъ (желудочная кишка), который во время плаванія животнаго и послѣ смерти его становился нѣсколько длиннѣе и оканчивался плоскимъ расширеннымъ ртомъ. Противуположная часть этой кишки, находившаяся внутри колокольчика, вдругъ съуживался и повидимому оканчивался наружу въ ямочкѣ на срединѣ колокольчика (задній проходъ?). При всемъ томъ отъ этой тонкой кишки, вдоль внутренней стѣнки колокольчика, казалось, шли два пересѣкающіе другъ друга канала, оканчивавшіеся на краю колокольчика 4 круглыми, синими узелками, на которыхъ сидѣли щупальцы и которые послѣ смерти животнаго приняли видъ пустыхъ пузырковъ. Узелки находились въ зарубкахъ колокольнаго края. На внѣшней поверхности видны были слабыя бороздки, которыя шли отъ центра колокольчика къ краю его, посреди двухъ узелковъ, и слѣдовательно образовывали на колокольчикѣ слабыя дыневидныя углубленія. Я не могъ разглядѣть, были ли это только углубленныя бороздки, или находились на днѣ ихъ также тонкіе каналы; если они существовали, то во всякомъ случаѣ они находились на внѣшней сторонѣ колокольчика. Животное плавало, стягивая колокольчикъ. Желудочная кишка была лазуревато цвѣта и непрозрачна; ротъ тогоже цвѣта, но нѣсколько свѣтлѣе.

[1]) Сколько мы вправѣ ожидать еще отъ будущихъ точнѣйшихъ изслѣдованій сѣвера по части прѣсноводныхъ и водяныхъ улитокъ, это намъ доказываетъ Валенбергъ (De Molluscis Lapponiae Lulensis. Diss. inaug. Berolin. 1858), которому удалось отыскать еще много новаго на сѣверѣ столь хорошо извѣстнаго Скандинавскаго полуострова. Предѣлы распространенія нѣкоторыхъ видовъ отодвинуты имъ дальше на сѣверъ.

(тамъ-же, стр. 153), изъ которыхъ послѣдній уже прежде былъ открытъ мною въ Лапландіи и принятъ за новый видъ, потому что я засталъ его тамъ въ періодъ его совокупленія и онъ былъ въ половину меньше *Branchipus*, водящагося около Кіева. Онъ очевидно распространенъ по крайней мѣрѣ по всему сѣверу древняго материка. Вмѣстѣ съ нимъ я встрѣчалъ въ Таймырскомъ краѣ *Polyartemia forcipata* (тамъ-же, стр. 154), *Daphnia Middendorffiana* (тамъ-же, стр. 157) и *Cyclopsine borealis*.

Къ сожалѣнію вмѣстѣ съ лодкою моею погибъ *Apus*, котораго 28-го Іюля я поймалъ у Таймырскаго озера въ прѣсныхъ водахъ глубокаго сѣвера. Вѣроятно это тотъ-же самый видъ, который разумѣлъ Палласъ [1]), говоря, что у Ледовитаго моря во всѣхъ озерахъ водится множество *Monoculus arcticus*, служащихъ пищею уткамъ и по-видимому дѣйствительно весьма распространенныхъ на глубокомъ сѣверѣ [2]). Вмѣстѣ съ *Apus*'омъ Таймырскаго озера въ томъ-же пруду мною найдена *Hydrachna*.

Изъ Таймырскаго края привезенъ мною также *Gammarus pulex* [3]). Но въ огромномъ множествѣ, даже до крайняго сѣвера Таймырскаго края, во мху, окружающемъ пруды наносныхъ острововъ, встрѣчались желтые въ $\frac{3}{4}$ дюйма длины личинки (двукрыльника? *Chironomus?*), которыхъ я прежде не замѣчалъ, пока не увидѣлъ, что ими наполнены были зобы и желудки чаекъ *(Larus Sabinei)*. Впрочемъ подъ 70° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ встрѣчались еще 4 вида водяныхъ жуковъ [4]), изъ которыхъ одинъ видъ сопровождалъ меня до самой рѣки Таймыра подъ 75° с. ш.

Мальмгренъ [5]) правда еще недавно замѣтилъ, что до сихъ поръ, не смотря на весьма тщательныя и обширныя изслѣдованія, на островѣ Шпицбергенѣ не открыты представители жесткокрылыхъ *(Coleoptera)*, пыльнокрылыхъ *(Lepidoptera)*, полукрылыхъ *(Hemiptera)* и прямокрылыхъ *(Orthoptera)* насѣкомыхъ, а только двукрылыя *(Diptera)* и перепончатокрылыя *(Hymenoptera)*, равно какъ нѣсколько видовъ *Thysanura* и одинъ видъ *Phryganea*. Но это очевидно слишкомъ жалкая картина фауны насѣкомыхъ самаго глубокаго сѣвера, особенно въ сравненіи съ средиземнымъ Таймырскимъ краемъ. Не говорю уже о томъ, что тутъ, на самомъ крайнемъ сѣверѣ, комары [6]), мухи, поплевки и жалицы

Впрочемъ для *Physa hypnorum* Таймырскаго края открылся еще въ другомъ направленіи, чѣмъ въ Европѣ, переходъ къ ядру ея распространенія. Герстфельдтъ въ статьѣ своей (Ueber Land- und Süsswasser-Mollusken Sibiriens und des Amur-Gebietes, Mémoires des Sav. étrang. de l'Acad. Imp. de St.-Pétersb. T. IX, 1858, p. 523, 542), столь важной для сибирской фауны, сообщаетъ намъ, что Маакъ встрѣтилъ эту улитку на Байкалѣ, на Вилюѣ и у Красноярска, слѣдов. за 60-мъ градусомъ широты.

[1]) Reise, III, p. 31. — *Apus*, какъ я узналъ, встрѣчается и въ Селенгѣ.

[2]) Такъ напр. Кройеръ (Naturhistorisk Tidskrift, 1847, p. 431) описываетъ *Apus glacialis*, а въ Annals of the Lyceum of Natural History of New-York, 1846, № 5, p. 155 описанъ новый глубоко-сѣверный *Apus* Новаго материка.

[3]) Нѣмецк. изд. этого соч. II, 1, p. 137.

[4]) Нѣмецк. изд. этого соч. II, 1, p. 52: *Colymbetes dolabratus*, *Agabus congener*. *Hydroporus Schönherri* и *Hydroporus Lapponum*.

[5]) Cabanis, Journal für Ornithologie, 1863, и Anteckningar till Spetsbergens Fogel-Fauna, 1863, p. 95.

[6]) По разсказамъ Самоѣдовъ, къ югу отъ 73-го градуса широты, гдѣ меня комары столь же мало тревожили, какъ и дальше къ полюсу, лѣтомъ 1842 года, были страшные рои комаровъ, и притомъ весьма кровожадныхъ. До 7-го Іюля я не замѣчалъ тамъ комаровъ.

У Охотскаго моря комары пропали, когда 21-го Сентября ночной морозъ дошелъ до 7° Р.; при всемъ томъ 24-го Сентября меня ужалилъ комаръ, и 2-го Октября, по случаю хорошаго осенняго дня, мошки съ обычнымъ нахальствомъ лезли въ носъ, глаза и уши.

мучили насъ столько-же, сколько плоскокрылыя мухи *(Leptis scolopacea?)* докучаютъ птицамъ, а оводы сѣвернымъ оленямъ, но уже 20-го Мая стар. ст. подъ слишкомъ 72° с. ш. среди снѣжнаго покрова, разстилавшагося по землѣ, на нѣсколькихъ мѣстахъ, обнаженныхъ дѣйствіемъ весенняго солнца по скатамъ горной цѣпи Шайтанъ, во мху наслаждались полнымъ раздольемъ гусеницы *Argynnis polaris*, покрытыя густыми волосами, какъ-бы шубою. Куда я ни пробирался далѣе къ полюсу, повсюду на высотахъ Бырранги скаго хребта я встрѣчалъ безчисленное множество этихъ гусеницъ, которыя начали впрядываться лишь 18-го Іюля стар. стиля. 17-го Іюля я увидѣлъ первую бабочку, вылупившуюся изъ куколки. Вѣроятно это произошло бы ранѣе, если бы большая часть гусеницъ не была уничтожена паразитами ихъ, наѣздниками *(Ichneumon)*, и притомъ еще двумя видами [1]), которые съ неумолимою привязанностію слѣдовали за ними даже за 75 градусъ широты. Наѣздники *(Ichneumon)* вылупились уже 17-го Іюля. Впрочемъ имъ не приходилось довольствоваться гусеницами одной этой бабочки, потому что 29-го Іюля я поймалъ также ночную бабочку, которая при крушеніи нашей лодки погибла вмѣстѣ съ *Apus*'омъ [2]).

Позднѣе гусеницъ, но раньше бабочекъ закопошились у рѣки Таймыра различные жуки. Первые пробудились уже 2-го Іюня; вскорѣ послѣ того набралось ихъ 7 видовъ [3]), въ томъ числѣ прекрасный, блестящій *Lyperophorus costatus*. Въ то время я очень удивлялся, что встрѣчалъ преимущественно хищныхъ жуковъ.

Уже 10-го Іюня я поймалъ небольшаго чернобураго паука и муравья *(Formica pubescens)*, но лишь 22-го появилась первая земляная пчела, да и та была еще полуокоченѣвшая [4]). Но уже недѣлю спустя земляныя пчелы жужжали повсюду, добывая пищу свою преимущественно изъ желтыхъ вѣнчиковъ потентиллъ и вѣнчиковъ *Saussurea*. Кромѣ наиболѣе распространеннаго *B. verticosus* я поймалъ у рѣки Таймыра еще другой, гораздо меньшій видъ, который погибъ вмѣстѣ съ лодкою моей [5]). 8-го Августа я видѣлъ по-

---

[1]) *Ichneumon Middendorffii* и *Ichn. figulus* (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 63).

[2]) Можетъ быть это была *Amphidasys unifasciata*, которая такъ часто встрѣчается на Богашидѣ, подъ 70° с. ш. (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 58).

[3]) *Lyperophorus costatus*, *Argutor ochoticus*, *breviusculus*, *ochropus*, *subtilis*, *Platysma borealis*, *Leirus alpinus*.

[4]) И на Новой Землѣ мухи и пчелы начинаютъ летать, когда все кругомъ еще покрыто снѣгомъ (Записки Гидрогр. Департ. I, стр. 118). Единственный жукъ, котораго Бэръ привезъ съ Новой Земли, былъ новый видъ: *Chrysomela septentrionalis* (см. нѣм. изд. этого соч. II, 1, стр. 73). Это можетъ дать намъ понятіе о томъ, какъ въ будущемъ непремѣнно измѣнится предложенный Бэромъ (стр. 157) масштабъ, по которому на Новой Землѣ только 3 вида крылатыхъ насѣкомыхъ и между ними нѣтъ ни одного мотылька.

[5]) Какъ мало моя, случайно и наскоро собранная въ Таймырскомъ краѣ коллекція насѣкомыхъ можетъ служить мѣриломъ, въ этомъ можно убѣдиться относительно земляныхъ пчелъ при взглядѣ на Ниландеровы Adnotationes in expositionem monographicam apium borealium (Notiser ur Sällskapets pro Fauna Fennica Förhandlingar, 1848, p. 165). Не совпадаетъ-ли Эрихсоновъ *Bomb. verticosus* съ однимъ изъ исчисленныхъ тамъ видовъ? Его *Bomb. calidus* и безъ того уже принимаютъ за одно съ *B. hypnorum Fabr.* (Bulletin des Natur. de Moscou, 1859, p. 479, 484).

Парри (First Voyage p. 26) привезъ *Bomb.* съ 74° с. ш. Баффинова залива.

слѣднюю пчелу, такъ что жизнь и дѣятельность тамошнихъ пчелъ продолжалась не болѣе 5 недѣль [1]).

О комарахъ на крайнемъ сѣверѣ Таймырскаго края говорено было уже прежде. Сожитель нашъ, *Cul. pipiens*, по-видимому простирается къ полюсу дальше, чѣмъ *Cul. caspius*, который чрезвычайно докучалъ намъ на Боганидѣ (71° с. ш.). По крайней мѣрѣ мнѣ удалось поймать у рѣки Таймыра только моего перваго земляка. Долгоногая *Tipula* появилась среди лѣта въ довольно большомъ количествѣ, но 3-го Августа сѣверо-восточный вѣтеръ нагналъ на рѣку Таймыръ подъ $74\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., огромными роями, миріады маленькой *Mycetophila* (?). Повсюду, на сколько мы могли разглядѣть, вода была покрыта утонавшими насѣкомыми этими, изъ которыхъ примѣрно по 2 приходилось на каждый квадратный дюймъ поверхности рѣки. Они набились въ ботикъ нашъ и неслись по воздуху въ такомъ огромномъ количествѣ, что мѣшали мнѣ правильно управлять рулемъ. Нѣсколько времени мы плыли среди тучи, которую образовали эти насѣкомыя.

Такъ какъ коллекція насѣкомыхъ, собранная мною во второй половинѣ лѣта при рѣкѣ Таймырѣ, погибла съ лодкою моею, то мы должны ограничиться вышеприведенными свѣдѣніями, чтобы доказать, что вопреки короткому лѣту, глубокій сѣверъ относительно можетъ быть богатъ и по части насѣкомыхъ, коль скоро на нѣсколько недѣль будетъ досточное количество теплоты, для огражденія нѣжныхъ животныхъ отъ окоченѣнія. Самую суровую зимнюю стужу они безопасно переносятъ въ образѣ личинокъ; согласно съ изслѣдователями Альповъ я полагаю, что подобно указанному мною уже прежде образованію плодовъ глубоко-сѣверной лиственицы, насѣкомыя при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ глубокаго сѣвера также не довольствуются срокомъ одного лишь короткаго лѣта, для совершенія своихъ сложныхъ превращеній. Впрочемъ не только въ спокойномъ видѣ, но даже среди полной жизненной дѣятельности нѣжныя насѣкомыя въ состояніи переносить сѣверные морозы, потому что при мнѣ *Chionea araneoides*, не смотря на десятиградусный морозъ, около Туруханска, на длинныхъ ногахъ своихъ храбро шагала по снѣгу, и безчисленные *подуры* (вѣроятно *Pod. hiemalis*) весело копошились въ снѣгу глубокаго сѣвера [2]). Если мы за тѣмъ припомнимъ красный снѣгъ и найденныхъ вмѣстѣ съ его гематококкосомъ на европейскихъ Альпахъ червячковъ, круговертокъ, инфузорій и т. д. [3]), то мы получимъ цѣлый рядъ насѣкомыхъ, жизнь которыхъ повидимому обречена на снѣжныя ледяныя поля.

Ничуть не думаю, что всѣ вышесчисленныя мною писшія прѣсноводныя и воздушныя животныя принадлежатъ къ числу гиперборейскихъ, но все-таки (а это для меня и

---

[1]) Подъ всѣми долготами глубокій сѣверъ остается неизмѣнно однимъ и тѣмъ-же. Парри (Third Voyage, 1826, Appendix, p. 114) встрѣтилъ 2 пауковъ (*Lycosa saccata* и *Salticus scenicus)* на самомъ глубокомъ сѣверѣ Америки. На сѣверо-западныхъ берегахъ этого материка Земанъ (Reise um die Welt, 1853, II, p. 31) также нашелъ скачущаго паука, 2 жуковъ, пчелу, мотылька и москитовъ.

[2]) Даже подъ $82\frac{3}{4}^{\circ}$, среди полярныхъ ледяныхъ полей, Парри встрѣтилъ *Aphis (A. borealis Curti)* въ нѣсколькихъ экземплярахъ (Attempt, p. 201).

[3]) О насѣкомыхъ, водящихся на снѣгѣ и на льдѣ, срав. Froriep's Tagesberichte, 1850, Febr., p. 25 и 1852, Juni p. 88.

важно) мнѣ удалось показать вѣроятность того, что со временемъ и между этими крошечными созданіями можно будетъ отыскать гиперборейскую фауну, способную переносить полярныя климатическія невзгоды. Таймырскій же край, соотвѣтственно богатству своему по части цвѣтовъ, оказывается также необыкновенно богатымъ по части насѣкомыхъ, въ особенности если принять въ соображеніе (что̀ выше не было сдѣлано) насѣкомыя, живущія въ предѣлахъ 70-го градуса широты на Богапидѣ [1]).

Кругоборейскія животныя Сибири.

Подобно гиперборейскимъ животнымъ (стр. 129) и кругоборейскія также встрѣчаются кругополярно, но не имѣютъ неограниченнаго круга распространенія на глубокомъ сѣверѣ, а подъ извѣстными широтами достигаютъ полярнаго своего предѣла, далѣе котораго они доселѣ еще не встрѣчались, такъ что ихъ нельзя предполагать и въ тѣхъ полярныхъ странахъ, которыя еще могутъ быть открыты со временемъ.

Жизненныя условія ихъ по видимому болѣе или менѣе связаны съ жизненными условіями лѣсной растительности, хотя полярный предѣлъ ихъ нисколько не совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ произрастанія лѣсовъ. Напротивъ того, всѣ кругоборейскія хищныя животныя, частію порознь, частію въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, постоянно заходятъ по направленію къ полюсу за предѣлъ лѣсной растительности; между этими видами животныхъ встрѣчаются даже такіе, которые иногда преимущественно остаются на зиму за предѣломъ лѣсной растительности, отыскивая и находя себя пропитаніе у береговъ Ледовитыхъ морей. Иногда они идутъ паразитами вслѣдъ за гиперборейскимъ ледовитымъ животнымъ, за бѣлымъ медвѣдемъ. При бѣдственномъ по временамъ положеніи, съ которымъ сопряжено ихъ существованіе на глубокомъ сѣверѣ, они не могутъ быть такъ жадны до свѣжаго мяса, какъ кошки менѣе сѣверныхъ странъ; жевательные зубы и вкусъ ихъ болѣе тупы, они ѣдятъ, что попадается — почти всеядны.

Связь ихъ съ лѣсомъ обнаруживается тѣмъ, что они никогда не встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напр. на полярныхъ островахъ, нѣтъ непрерывной связи съ областію лѣсной растительности.

а) Кругоборейскія тундренскія животныя.

Во-первыхъ эти кругоборейскія животныя заходятъ за предѣлъ лѣсной растительности въ тундру, — чего съ прочими никогда не бываетъ — а во-вторыхъ нѣкоторыя особи этого отдѣла даже рождаютъ дѣтей своихъ на тундрѣ.

Экваторіальный ихъ предѣлъ, о которомъ будетъ говорено ниже, совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ гиперборейскихъ животныхъ.

---

[1]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, стр. 45 и слѣд. Впрочемъ достойнымъ соперникомъ его можетъ служить пустынный берегъ Ледовитаго моря при устьѣ рѣки Маккензи. Ричардсонъ (Searching Expedition, 1851, II, p. 357) встрѣтилъ тамъ $^1/_4$ сотни насѣкомыхъ, въ томъ числѣ 5 различныхъ шмелей, осу и 9 мотыльковъ.

Обскій леммингъ *(Myod. Obensis)*. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ болѣе всего сходенъ съ извѣстнымъ простымъ, такъ называемымъ Норвежскимъ или Лапландскимъ леммингомъ. Такъ какъ Обскій леммингъ кругоборейское животное, но никогда не встрѣчается на Скандинавскомъ полуостровѣ, то мы должны предположить, что Норвежскій леммингъ въ западной Европѣ заступаетъ мѣсто Обскаго. Слѣдовательно, почти безпримѣрно ограниченное распространеніе Норвежскаго лемминга въ полярномъ поясѣ тѣмъ болѣе должно обратить на себя особенное вниманіе наше.

По мѣху оба названныхъ животныхъ очень сходны между собою; вся разница состоитъ только въ томъ, что у Обскаго лемминга черный цвѣтъ головы не заходитъ, какъ у другаго, на верхнюю часть спины. На зиму у нихъ не бѣлѣетъ мѣхъ, какъ у гиперборейской песцовой копытной мыши, а только нѣсколько выцвѣтаетъ оранжевый лѣтній нарядъ; при этомъ и черный цвѣтъ ограничивается меньшимъ пространствомъ.

Въ сравненіи съ песцовой копытной мышью у обоихъ разсматриваемыхъ нами животныхъ монгольскій типъ лица, такъ какъ скуловыя дуги ихъ череповъ болѣе плоски и выступаютъ сильнѣе; вслѣдствіе этого глазныя впадины кажутся болѣе угловатыми, такъ что физіономія головы, а въ особенности лица, кажется площе, шире и угловатѣе.

Въ соотвѣтствіе этому свирѣпому виду, Обскій леммингъ оказывается такимъ-же отчаяннымъ забіякой и храбрецомъ, какъ Лапландскій леммингъ. Если вы спокойно проходите мимо мѣста, гдѣ Обскій леммингъ тайно укрылся въ своей норѣ, то маленькій бѣсенокъ, страшно визжа и ворча, выскакиваетъ изъ нея, а иногда даже съ такою яростію бросается на высокіе сапоги ваши, какъ будто этотъ крошечный зубоскалъ добирается прямо до вашей головы. Не зная въ чемъ дѣло, вы сначала сбрасываете ружье съ плеча, но вскорѣ привыкаете къ этимъ нападеніямъ. Если вы захотите схватить лемминга, то храбрый забіяка отступаетъ, правда, передъ превосходствомъ силъ, и убѣгаетъ на нѣсколько шаговъ, но въ это время часто ложится на спину, подпрыгиваетъ, дрыгаетъ ногами, щелкаетъ зубами и выказываетъ самую похвальную готовность защищаться. Я часто жалѣлъ, что такая геройская отвага обречена на столь крошечныя силы.

Кромѣ этой черты, Обскій леммингъ болѣе всего отличается своею прожорливостію. Едва только успѣешь его поймать и засадить, какъ онъ уже начинаетъ ѣсть и ѣстъ почти не переставая; при первомъ удобномъ случаѣ онъ съѣдаетъ даже заключенныхъ вмѣстѣ съ нимъ сотоварищей своихъ. При такихъ необыкновенныхъ задаткахъ онъ вскорѣ сдѣлался бы страшнымъ бичемъ хлѣбныхъ запасовъ, если бы жилъ близь постоянной осѣдлости человѣческой.

При всемъ томъ подъ 70° с. ш. намъ удалось поймать мало такихъ лемминговъ въ мышеловкахъ, которыя мы разставили въ концѣ Апрѣля и началѣ Мая, замѣтивъ, что наши мѣшки съ мукой было подгрызаны. Удобство, съ которымъ они повсюду находятъ себѣ пищу подъ снѣгомъ, не побуждало ихъ, можетъ быть, докучать намъ еще болѣе.

Они въ полномъ смыслѣ проѣдаютъ [1]) свою жизнь. Куда ни посмотришь, вездѣ земля покрыта ходами леммпнговъ, а загляпувъ въ нихъ, вы увидите, что они плотно усѣяны продолговато-круглымъ каломъ этихъ животныхъ.

Подо мхомъ какой нибудь кочки, нерѣдко подъ прикрытіемъ малорослой ивы или березки устроено гнѣздо этого животнаго: слегка прогрызанное во мху углубленіе, устланное кое-какъ сложенными въ кучу прошлогодними травами. Отъ такихъ гнѣздъ, неправильными радіусами идутъ ходы, которые либо въ видѣ желобковъ проложены во мху и дернѣ, либо иногда на короткія пространства какъ разъ опускаются на столько, что образуютъ трубочки. Такимъ образомъ они устроены поверхностнѣе, чѣмъ ходы и гнѣзда песцовой копытной мыши.

Сходство Обскаго леммпнга съ песцовою копытною мышью заключается еще и въ томъ, что оба преимущественно водятся на низменностяхъ. Для меня до сихъ поръ непонятно, какимъ образомъ они укрываются отъ наводненій. Весною, въ теченіе Апрѣля и Мая, когда мы подвигались къ сѣверу отъ 70-го къ $73\frac{1}{2}°$ с. ш., мы не встрѣчали ни одного леммпнга. У рѣки Таймыра подъ $73\frac{3}{4}°$ я его также не замѣчалъ, пока наконецъ 10-го Іюня земля мѣстами, въ видѣ небольшихъ островковъ, высвободилась изъ подъ общаго снѣжнаго покрова. Но за тѣмъ число ихъ стало увеличиваться со дня на день, а черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ перваго появленія у нихъ уже оказались дѣти, которымъ было, можетъ быть, недѣли двѣ и которыя слѣдовательно родились подъ снѣгомъ. Даже самые молодые, которымъ вѣроятно было не болѣе нѣсколькихъ дней, хотя и слѣпые, но уже быстро бѣгали во всѣ стороны, и старались укрываться въ норкахъ, когда я случайно находилъ гнѣздо и мать большими скачками убѣгала отъ меня.

Подобно Лапландскому леммпнгу и Обскій также попадался мнѣ почти только на низменностяхъ, съ которыхъ онъ рѣдко заходитъ на горные скаты, и только въ видѣ исключенія взбирается на вершины горъ и плоскія возвышенности. Гнѣзда свои онъ устраиваетъ подъ кочками, охотнѣе всего подъ защитою малорослыхъ ивъ и березокъ, покрывающихъ низменности непроходимымъ кустарникомъ, который вамъ едва хватаетъ до колѣнъ. Такимъ образомъ главное мѣстопребываніе Обскихъ леммпнговъ ежегодно затопляется весеннею водою, такъ что послѣ стока ея на всѣхъ кустахъ торчатъ размытыя гнѣзда.

Не этимъ ли обстоятельствомъ можно объяснить себѣ, почему въ нѣкоторые годы бываетъ безчисленное множество леммпнговъ, а въ иные очень мало?

Если весною вода поднимается на столько, что затопляетъ даже островообразныя возвышенія среди гнѣздилищъ леммпнговъ, то послѣдніе, а въ особенности новорожденные, большею частію конечно должны погибнуть. Хотя, какъ я уже сообщалъ изъ Лапландіи, леммпнги плаваютъ легко и смѣло, даже чрезъ быстрыя горныя рѣчки, но они

---

[1]) Тоже самое я уже прежде сообщилъ о Лапландскомъ леммпнгѣ (Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches).

скоро устаютъ, потому что, подобно всѣмъ мышамъ, гребутъ очень скоро, и за тѣмъ уносятся теченіемъ воды. Кромѣ того ихъ подхватываютъ лохи и налимы, которые въ то время огромными стаями поднимаются вверхъ по рѣкамъ.

Съ другой стороны не трудно понять, почему два благопріятныхъ лѣта сряду въ состояніи распространить по тундрѣ милліоны новыхъ леммпнговъ: отъ каждой самки въ теченіе одного лѣта рождается до 20 леммпнговъ, т. е. среднимъ число по крайней мѣрѣ 4 раза по 5 штукъ. Къ зимѣ же новорожденные уже достигаютъ полнаго роста.

Какъ самое крошечное и слабое изъ млекопитающихъ животныхъ своего края, бѣдный леммпнгъ не можетъ уберечься ни отъ одного хищнаго животнаго, будетъ ли оно млекопитающее, рыба или птица. Даже въ норкѣ своей онъ не можетъ жить спокойно, потому что и тамъ преслѣдуетъ его привязанность чрезвычайно преданной ему вши. Экспедиціи моей выпало на долю счастіе обременить отнынѣ память ученыхъ и названіемъ этой вши, потому что пріятель мой Грубе окрестилъ ее именемъ *Pediculus hispidus*, упустивъ при этомъ прекрасный случай прославить въ наукѣ имя какого-нибудь изъ своихъ покровителей. Паразитъ этотъ ведетъ по крайней мѣрѣ осѣдлую жизнь и остается спокойно на одномъ мѣстѣ, но и этимъ не удовольствовалась природа, а надѣлила бѣднаго леммпнга еще множествомъ мелкихъ безпокойныхъ кровопійцъ, принадлежащихъ къ породѣ небольшихъ клещей *(Laelaps Lemmi)*, которые докучали мнѣ даже при снпманіи мною шкуры съ прежняго ихъ хозяина, чрезвычайно быстро бѣгая по моимъ рукамъ и стараясь погибшаго соперника замѣнить новымъ живымъ субъектомъ, съ свѣжею кровью. Не отъ этихъ ли клещей, какъ дальнихъ родичей чесоточнаго клеща, происходитъ шелудивая сыпь, которая является у старыхъ леммпнговъ на нижней части спины и надъ основаніемъ хвоста и по видимому производитъ страшный зудъ? Такую-же сыпь я замѣтилъ уже прежде на Лапландскомъ леммпнгѣ и на спинѣ сурковъ. Вѣроятно ее можно встрѣтить у всѣхъ пещерниковъ. Указаніе всѣхъ бѣдствій, которымъ подверженъ совершенно безвинно маленькій леммпнгъ, можетъ быть, послужитъ утѣшеніемъ и для другихъ смертныхъ, обремененныхъ тѣмъ-же горемъ, возбудивъ въ нихъ какъ-то странно дѣйствующее отрадное сознаніе, что они страдаютъ не одни.

Во всякомъ случаѣ леммпнгъ водится южнѣе, чѣмъ песцовая копытная мышь. Хотя на сѣверной окраинѣ Сибири онъ по-видимому и доходитъ до береговъ Ледовитаго моря (тамъ, гдѣ оно омываетъ низменность, нѣсколько дальше 70° с. ш.), но въ Таймырскомъ краѣ я встрѣчалъ его не далѣе 74° с. ш. Притомъ онъ охотно и во множествѣ укрывается между криволѣсьемъ, окружающимъ предѣлъ древесной растительности, тогда какъ песцовая копытная мышь подъ тѣми-же широтами водится только на бездревесныхъ горныхъ вершинахъ.

Экваторіальный предѣлъ его намъ неизвѣстенъ, но вѣроятно совпадаетъ почти съ предѣломъ высокоствольнаго лѣса. Замѣчательно, что на Шпицбергенѣ вовсе не встрѣ-

чается леммингов[1]). При изслѣдованіи прежняго распространенія лемминга въ Европѣ было бы весьма важно (а теперь это не трудно) опредѣлить, какого рода леммингъ — Норвежскій или Обскій — нѣкогда былъ распространенъ гораздо южнѣе [2]). Въ сѣверной Америкѣ Обскій леммингъ, говорятъ, простирается внизъ до 56° с. ш.

2) Россомаха *(Gulo borealis)*. Безъ всякой научной спѣси Тунгусъ[3]) Становаго хребта объяснялъ мнѣ, что россомаху нужно причислить къ медвѣдямъ, какъ это съ перваго-же взгляда показываютъ слѣды его ступней и валкая его походка. Совершенно же убѣдиться въ этомъ можно при сравненіи самого остова и отдѣльныхъ костей, равно какъ и вкуса мяса обоихъ животныхъ. Въ опредѣленіи этого послѣдняго отличительнаго признака мой Тунгусскій систематикъ- Линнѐ положительно опередилъ насъ, европейскихъ зоологовъ.

Россомаха далеко не геніальна, а одарена чрезвычайно посредственными хищническими способностями, такъ что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ не легко добудетъ себѣ что-нибудь, тѣмъ болѣе, что даже въ сѣверной Америкѣ повидимому рѣшительно не поддается духу общественной предпріимчивости, который такъ сильно овладѣлъ нашимъ вѣкомъ, и между волками распространился уже издавна. За хорошимъ примѣромъ ей ходить не далеко, потому что землякъ ея, волкъ, извлекаетъ страшные барыши изъ общественныхъ охотъ. Эта изолированность россомахи происходитъ вѣроятно отъ неуживчивости ея характера.

Въ случаѣ затрудненій, особенно когда изсякаетъ ея добыча — сѣверный олень — россомаха прибѣгаетъ къ двоякаго рода уловкамъ. Во-первыхъ она, какъ настоящая прощалыга, заставляетъ ловить за себя другихъ. Гдѣ только появится россомаха, тамъ слѣды ея рѣдко попадаются отдѣльно, а болѣе всего идутъ рядомъ съ слѣдами бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ, лисицъ и волковъ, за которыми она бродитъ съ неутомимымъ постоянствомъ. На пирушкахъ этихъ ловкихъ разбойниковъ она является непрошенной гостьей и тѣ изъ нихъ, которыя по слабѣе, нерѣдко, говорятъ, собственнымъ тѣломъ должны пополнять недостатокъ награбленной добычи. Наѣстся, положимъ, бѣдная лисица до-сыта послѣ продолжительнаго поста и утомительной охоты, да приляжетъ гдѣ-нибудь для отдыха и спокойнаго сваренія пищи, — какъ разъ тутъ явится изголодавшаяся россомаха и безпощадно губитъ отяжелѣвшую кумушку. Однажды, во время мягкаго снѣга, я поступилъ подобно россомахѣ и уставшая отъ охоты лиса, лежа на кочкѣ, спала такъ крѣпко, что проснулась тогда только, когда я уже совершенно подошелъ къ ней.

Во-вторыхъ россомаха еще гораздо больше эксплуатируетъ человѣка, и по всему сибирскому сѣверу извѣстна подъ разными бранными названіями, какъ напр. накостницы,

---

[1]) Въ отношеніи Новой Земли, гдѣ лемминги хотя и попадаются, но въ очень незначительномъ количествѣ, я долженъ обратить вниманіе на ошибку, въ которую впалъ нашъ основательный географъ Петерманъ. Въ превосходной своей статьѣ (The search for Franklin, 1852, p. 15) онъ говоритъ, что по словамъ Бэра китоловъ на Новой Землѣ въ нѣсколько часовъ поймалъ 30,000 леммингов. Это были не лемминги, а гагарки (Lummen), т. е. морскія птицы изъ породы *Uria*.

[2]) Ср. Hensel въ Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft, 1853, p. 491, 496 и Allgemeine naturhistorische Zeitung. II, 1856, p. 80.

[3]) Ламуты (морскіе Тунгусы) называли россомаху онаки, а Учурскіе Тунгусы — няптаки.

блудницы, прокуды и т. п. Обыкновенная ея уловка состоитъ въ томъ, что она считаетъ себя собственницею всѣхъ ловушекъ, разставленныхъ тысячами вдоль и поперекъ тундръ. Она обходитъ ловушки, прибираетъ пойманныхъ песцовъ, или по крайней мѣрѣ съѣдаетъ приманку, такъ что жители самыхъ сѣверныхъ поселеній страшно жаловались на ея нахальство [1]) и съ отчаяніемъ говорили, что не могутъ разставлять свои ловушки до тѣхъ поръ, пока еще встрѣчаются слѣды россомахи [2]).

Болѣе силою, чѣмъ хитростію, она ускользаетъ отъ наказанія и не только не боится легкихъ песцовыхъ ловушекъ, но и безъ особеннаго труда перегрызаетъ 5-ти и 6-ти дюймовыя бревна предназначенныхъ для нея западней. При озерѣ Пясинѣ мнѣ показывали амбаръ, въ которомъ россомаха прогрызла два бревна и устроила себѣ ложе въ этомъ удобномъ помѣщеніи, прекрасно снабженномъ съѣстными припасами. Нѣсколько недѣль спустя законные владѣльцы нашли и убили ее въ амбарѣ.

Подобнымъ-же образомъ и въ сѣверной Америкѣ россомаха выкапывала изъ земли съѣстные припасы, зарытые англійскими сухопутными экспедиціями, и при этомъ выказывала такую силу, что сдвигала камни, которые могли своротить только два человѣка [3]), прогрызалась черезъ стѣны ящиковъ, сколоченныхъ въ видѣ блокгаузовъ, разъѣдала запасы на куски и уносила ихъ чрезъ отверстіе. Страшный голодъ вѣроятно заставилъ ее подъ 70° с. ш. зимою, не смотря на ходившихъ кругомъ людей, забраться на палубу замерзшаго во льду корабля Росса, гдѣ ей во время ѣды накинули на голову петлю.

Но вообще безстыдницу эту никакъ нельзя назвать беззаботною: нѣкоторые поселенцы на предѣлѣ лѣсной растительности разсказывали мнѣ, что въ хорошее время она собираетъ большіе запасы, въ особенности когда ловушки даютъ обильную добычу. Такъ одинъ поселенецъ разсказывалъ мнѣ, что, когда началъ таять снѣгъ, то онъ выкопалъ 8 зарытыхъ песцовъ, которые были еще въ хорошей сохранности; другой нашелъ до 20 песцовъ, которые однакоже уже начали гнить; по разсказамъ третьяго будто бы вытащено было болѣе 100 бѣлыхъ куропатокъ изъ поръ россомахи, находившихся на снѣжной полянѣ, наметенной зимою въ крутой изгибъ рѣки. Притомъ россомаха принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ животнымъ, которыя, благодаря своей осторожности, большею частію ускользаютъ отъ преслѣдованій дикарей.

Хотя систематики и отводятъ россомахѣ мѣсто между медвѣдями и куницами, но въ зоологически-географическомъ отношеніи она не только менѣе куницы, но и менѣе медвѣдя, связана съ древеснымъ произрастаніемъ и вѣроятно даже рождаетъ дѣтей своихъ какъ на тундрѣ, такъ и въ самомъ густомъ лѣсу.

---

[1]) «Коститъ»! съ затаенною досадою жаловались жители повсюду, въ особенности на Хатангѣ. — «Extremely annoying находятъ ее и сѣверо-американскіе поселенцы, разставляющіе ловушки.

[2]) И на Саянскомъ хребтѣ онъ столь-же нагло ревизуетъ ловушки и силки (Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, p. 19).

[3]) Back, Reise, übers. von Andrée, p. 361, 375; Richard son, Searching Expedition, II, p. 85.

Вышеизложенныя свойства ея, преимущественно должно быть вслѣдствіе заботы о пропитаніи, заставляютъ ее забираться на тундры глубокаго сѣвера въ такую даль, что въ этомъ отношеніи она едва-ли уступаетъ гиперборейскимъ животнымъ.

Впрочемъ не въ одной только сѣверной Америкѣ, какъ повидимому полагаетъ А. Вагнеръ [1]), она заходитъ по направленію къ полюсу такъ далеко, что зимою ее встрѣчали и неоднократно ловили тамъ подъ 70° с. ш. [2]), а черепъ россомахи найденъ былъ даже подъ 75° на Мельвилевомъ островѣ [3]); тоже самое повторяется и въ Сибири. Даже на Новосибирскихъ островахъ, слѣдовательно около 76° с. ш., встрѣчали слѣды росссомахи [4]). Самыя сѣверныя мѣстности, гдѣ ее недавно нашли, — западный берегъ Гренландіи до $76\frac{1}{2}$° с. ш. (Wostenholme-Sound) [5]). Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что и въ Таймырскомъ краѣ она простирается къ полюсу столь-же далеко, но мнѣ удалось замѣтить послѣдніе слѣды ея лишь подъ 72° с. ш. у рѣки Новой. — Въ восточной Сибири она заходитъ до береговъ Ледовитаго моря [6]) и, судя по образу ея пропитанія, нетрудно понять, что, забравшись однажды такъ далеко на сѣверъ, она зимою бродитъ даже по льду морскому и доходитъ до острововъ къ сѣверу оттуда.

Это глубоко-сѣверное свойство она сохраняетъ и на горной окраинѣ южной Сибири. По этому Радде [7]), встрѣчавшійся съ нею лишь въ самыхъ возвышенныхъ областяхъ лишайниковъ Саянскаго хребта, говоритъ о связи россомахи съ кабаргой, а не съ сѣвернымъ оленемъ, что во всякомъ случаѣ правильнѣе. Но такъ какъ первоначальною исходною точкою распространенія россомахи все-таки служилъ лѣсъ, то не смотря на гиперборейскій полярный предѣлъ ея, она не встрѣчается на Шпицбергенѣ, отрѣзанномъ отъ всякаго лѣса. Даже на Новой Землѣ ея нѣтъ, хотя легко можетъ быть, да и довольно вѣроятно, что въ исключительныхъ случаяхъ она забирается и туда, равно какъ и на Курильскіе острова, гдѣ, по словамъ Палласа [8]), она не встрѣчается. По первымъ извѣстіямъ, россомахи не было и въ Камчаткѣ [9]), но нѣтъ никакого сомнѣнія, что она водится тамъ, и притомъ въ тѣмъ большемъ количествѣ, чѣмъ дальше мы станемъ подвигаться къ сѣверу [10]).

---

[1]) Die geographische Verbreitung der Säugethiere, p. 46.

[2]) Ross, Append. to the second voyage, 1835, p. VIII и Voyage, p. 343.

[3]) Parry, Supplem. to the Appendix p. 184. Кэпъ также говоритъ (Arctic Explor. I, p. 459), что россомаха не встрѣчается къ сѣверу отъ Ланкастерскаго пролива.

[4]) Геденштрэмъ въ Сибир. Вѣсти. I, стр. 41. Тоже самое у Врангеля, Путешест. I, стр. 141.

[5]) Arctic Miscellanies, 1852, p. 226.

[6]) Киберъ въ Сибир. Вѣст. I, стр. 137, и Фигуринъ, тамъ-же, стр. 225.

[7]) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, I. p. 17.

[8]) Spicil. Zool. XIV, p. 33.

[9]) Samml. Russ. Gesch. III, p. 350.

[10]) Steller, Kamtschatka, 1774, p. 118, Langsdorff, Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, III, p. 101. — Весьма интересно, если подтвердится извѣстіе, которое недавно Бельке сообщилъ въ Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou 1866, стр. 492. По его словамъ, россомаха еще доселѣ водится въ Радомысльскомъ уѣздѣ въ Кіевской губерніи. Не будь поименно перечислены лѣса, мы могли бы усомниться въ правильности извѣстія.

Такимъ образомъ оказывается, что въ доисторическія времена Европы, близъ южнаго предѣла россомахи, доселѣ сохранилось нѣсколько семействъ этого вида животныхъ, тогда какъ вокругъ нихъ остальные видовые родичи ихъ истреблены уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ и россомаха повсюду оттѣснена на самый крайній сѣверъ.

Послѣ истребленія россомахи въ Саксоніи, Польшѣ, Волыни, Литвѣ, Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ она встрѣчалась еще въ прошломъ столѣтіи [1]), экваторіальный предѣлъ ея въ Финляндіи и во всей европейской Россіи оттѣсненъ къ сѣверу примѣрно до 63° с. ш. [2]). Только на Уралѣ она заходитъ дальше на югъ, да и по всему юго-востоку Сибири простирается до самого южнаго предѣла распространенія сѣвернаго оленя [3]), такъ что экваторіальные предѣлы этихъ двухъ животныхъ очевидно совпадаютъ другъ съ другомъ. Даже на островѣ Сахалинѣ россомаха встрѣчается вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ.

Подъ тѣми-же широтами мы находимъ ее и на противулежащихъ сѣверо-западныхъ берегахъ Америки [4]).

3) Волкъ *(Can. lupus)*. Въ возлѣланной части Европы волкъ принадлежитъ къ животнымъ горныхъ и лѣсныхъ мѣстностей. Тамъ только онъ и въ состояніи укрываться отъ общаго преслѣдованія. Какъ скоро онъ на продолжительное время спускается на равнины, такъ онъ и погибаетъ. Кто не вспомнитъ при этомъ хищныхъ горныхъ племенъ Кавказа. Въ Лифляндіи вамъ стоитъ только съ возлѣланныхъ равнинъ заѣхать въ лѣсныя помѣстья и вы встрѣтите множество волковъ. Если же вы заберетесь въ необозримыя лѣсныя пространства безлюдныхъ сѣверныхъ и восточныхъ мѣстностей Россіи, то вы удивитесь, что не только нѣсколько дней, но и нѣсколько мѣсяцевъ сряду, не увидите, не говорю уже волка, но и ни одного волчьяго слѣда.

Въ продолженіе всего, почти пятимѣсячнаго проѣзда моего чрезъ горные лѣса Манджуріи я не встрѣтилъ ни малѣйшаго волчьяго слѣда; между 60-мъ градусомъ широты и Туруханскомъ [5]), на протяженіи болѣе 600 верстъ, поселенцы единогласно разсказывали мнѣ, что въ теченіе 38 лѣтъ у нихъ показался всего одинъ только волкъ. Тоже самое повторяется на сѣверѣ европейской Россіи и въ лѣсистыхъ мѣстахъ Архангельской губерніи, равно какъ и въ сѣверной Финляндіи [6]). На изобилующемъ снѣгомъ Уралѣ меня увѣряли, что вовсе не знаютъ волка.

Тѣмъ чаще волкъ водится на равнинахъ, окружающихъ лѣсъ на сѣверѣ въ видѣ тундръ, на югѣ въ видѣ степей. Въ предѣлахъ полярнаго круга тамъ, гдѣ лѣсъ становится рѣже и снѣгъ выпадаетъ въ меньшемъ количествѣ, да свободно дующими по равнинѣ вѣтрами сбивается въ твердую массу или дѣлается торнымъ, какъ выражаются мѣстные жители, поселенцы не знаютъ врага страшнѣе волка даже тамъ, гдѣ отъявлен-

---

[1]) Fischer, Naturgesch. Livlands, p. 141; Eichwald, Naturhist. Skizzen, p. 237; Ratschinski, Auctuarium hist. nat. p. 311.

[2]) Въ сѣверной Финляндіи (Кусамо) и русской Лапландіи мнѣ говорили, что россомаха встрѣчается тамъ даже чаще рыси.

[3]) На Алтаѣ по Ледебуру, Reise, I, p. 208; p 478; Геблеру въ Mém. de l'Acad. Imp. de St.-Pétersbourg, par div. savans, 1837, p. 338; Карелину въ Bullet. de la Soc. der Natur. de Moscou, 1840, p. 500; Георги, Reise, p. 160, и Радде. Самъ я встрѣтилъ ее у Нимана, въ тогдашней китайской Манджуріи, а Шренкъ нашелъ ее даже на берегу нижняго праваго Амура (срав. карту его). Что она встрѣчается и въ верховьяхъ Амура на правомъ его берегу на Хинганскомъ хребтѣ, въ этомъ увѣряли меня Тунгусы на лѣвомъ берегу Амура, разсказывая, что они у охотящихся тамъ дикарей покупаютъ мѣха россомахъ.

[4]) Врангель въ Baer und Helmersen's Beiträge, I, p. 74. — На островѣ Кадьякѣ и на противулежащемъ материкѣ онѣ доходятъ до самого берега моря (Langsdorf, Reise, II, p. 66).

[5]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 71.

[6]) Даже вверхъ до Кусамо, близъ границы Лапландіи.

пая его соперница, собака, составляетъ единственное домашнее животное. Онъ наводитъ на нихъ больше страха, чѣмъ медвѣдь, отъ котораго по крайней мѣрѣ зимою бываетъ покой, тогда какъ волки въ это-то, самое темное время болѣе всего голодны и дерзки.

Объ этой зависимости появленія волка отъ брода или твердаго снѣга, отъ изобилія или недостатка снѣга, мною уже говорено подробно на стр. 89. Этимъ только и можно объяснить недоразумѣніе, которое заключается въ замѣткѣ Палласа [1]), что у Красноярска въ то время, когда Сибирь была еще безлюднѣе, чѣмъ теперь, волки будто-бы почти уже были истреблены.

Такъ какъ нѣкоторые изслѣдователи, на основаніи незначительныхъ отличій, старались, да и теперь еще продолжаютъ [2]) дѣлать различіе между сѣверо-американскимъ и европейскимъ волкомъ, то я считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на то, что между русскими волками бываетъ значительная разница.

Уже Эверсманъ замѣтилъ, что въ Оренбургской губерніи степные волки, въ сравненіи съ горными, отличаются меньшимъ ростомъ и болѣе желтымъ цвѣтомъ [3]). Постоянно-ли эта разница въ цвѣтѣ идетъ рука объ руку съ разницею въ ростѣ, это еще вопросъ нерѣшенный, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что чѣмъ сѣвернѣе водятся волки, тѣмъ менѣе у нихъ примѣсь желтаго цвѣта. Уже близъ 60-го градуса широты въ верховьяхъ Лены красновато-желтый цвѣтъ волковъ [4]), встрѣчавшихся мнѣ на большой дорогѣ, рѣзко отличался отъ бѣлизны снѣговаго покрова, и я не припоминаю, чтобы даже въ Ливліандіи мнѣ попадались такого желтаго цвѣта волки. Даже волки Каспійскаго водоема едва ли могутъ быть краснѣе ихъ и тѣхъ волковъ, которыхъ я видѣлъ въ Барабинской степи [5]).

Горные волки, даже въ Байкальскомъ краѣ [6]), и волки глубокаго сѣвера, напротивъ того, повсюду сѣраго цвѣта, состоящаго изъ смѣси чернаго съ бѣлымъ. Чѣмъ безлѣснѣе глубоко-сѣверная мѣстность, тѣмъ больше, кажется, бѣлый цвѣтъ преобладаетъ надъ чернымъ [7]). Волки Таймырскаго края — извѣстные въ торговлѣ подъ названіемъ Туруханскихъ — отличаются величиною своею и бѣлизною. Но о послѣдней мы составимъ себѣ слишкомъ преувеличенное понятіе, если станемъ судить по шкурамъ, потому что волчьи шкуры, какъ я самъ видѣлъ, выбѣливаются солнцемъ на морозѣ. Ссылаюсь на то, что мною сказано объ этомъ выше на стр. 36.

---

[1]) Reise, III, p. 11.

[2]) Archiv für Naturgesch., Jahresbericht pro 1860, p. 244.

[3]) По этому я долженъ считать неточностію выраженія позднѣйшее замѣчаніе Эверсмана (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, 1855, T. X, p. 269), что въ югозападныхъ степяхъ Сибири встрѣчаются цѣлыя стада бѣлыхъ волковъ. Вѣроятно онъ хотѣлъ сказать свѣтлыхъ волковъ.

[4]) Его зовутъ тамъ бирюкомъ.

[5]) При этомъ случаѣ я не могу не напомнить о *Can. fulvus* сѣверной Америки.

[6]) Georgi, Reise, I, p. 158. Притомъ тамошніе волки меньше ростомъ.

[7]) Въ сѣверной лѣсной части Урала бѣлые волки встрѣчаются только въ видѣ исключенія. Стеллеръ (стр. 118) говоритъ, что въ Камчаткѣ рѣдко попадаются бѣлые какъ снѣгъ волки. — На Мельвилевомъ островѣ волки были почти бѣлаго цвѣта (Parry, First Voyage, p. 116 и Supplem. to the Appendix, p. 183).

Черные волки, напротивъ того, по-видимому оказываются болѣе случайною разновидностью. Мнѣ извѣстно нѣсколько примѣровъ черныхъ волковъ изъ Лифляндіи. Впрочемъ чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ чаще, кажется, попадается черная разновидность, хотя все-таки еще какъ рѣдкое исключеніе, напр. въ восточной Сибири. Чаще всего по-видимому она встрѣчается въ сѣверной Америкѣ. Въ Оренбургской губерніи и въ Киргизской степи, не смотря на южное ихъ положеніе, черные волки попадаются не рѣдко. Уже Палласъ [1]) видѣлъ черныхъ волковъ на восточной покатости Урала (на Камѣ), примѣрно подъ 62° с. ш., и говоритъ, что они тамъ нерѣдки и меньшаго роста, чѣмъ въ западной Россіи.

Помимо этихъ отличій въ величинѣ и цвѣтѣ, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на разнообразныя отличія въ привычкахъ. Степные волки, говорятъ, роютъ себѣ пещеры, въ которыхъ они укрываются. Во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ я прежде никогда не слыхалъ о подобной привычкѣ волковъ, пока наконецъ въ прошломъ году узналъ, что какъ разъ въ собственномъ моемъ имѣніи близь Дерпта, въ одномъ отдаленномъ холмистомъ участкѣ, сильно поросшемъ лѣсомъ, волчицы родятъ дѣтей своихъ только въ пещерахъ. Можетъ быть волки тоій мѣстности побуждены были къ этому съ одной стороны уничтоженіемъ болотныхъ кустарниковъ, а съ другой множествомъ барсучьихъ норъ.

Ричардсонъ разсказываетъ, что волки полукругомъ гнали передъ собою красную дичь, чтобы столкнуть ее въ пропасти. Однажды волки гнали его самого такимъ-же образомъ, среди тумана.

Какъ у насъ въ европейской Россіи, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ дебряхъ, волкъ не становится опаснымъ человѣку, а какъ трусливый хищникъ боится владыки міра, не пытаясь сопротивляться ему. Хотя, по словамъ Земана (Reise um die Welt, 1853, II, стр. 27), на сѣверо-западномъ берегу Америки, волки ежегодно и растерзываютъ нѣсколько человѣкъ, но разсказанный имъ случай какъ-разъ противурѣчитъ этому, а Ричардсонъ (Searching Expedition, II, стр. 87) и Кингъ (Journey to the shores of the arctic ocean, 1836, II, p. 118) приводятъ убѣдительные примѣры тому, что волкъ боится человѣка даже въ такихъ случаяхъ, когда голодъ гонитъ его въ кухни глубоко-сѣверныхъ зимнихъ жилищъ.

Если же при всемъ томъ въ нашихъ балтійскихъ береговыхъ мѣстностяхъ отъ времени до времени повторяются зимы, въ которыя волки хватаютъ или даже заѣдаютъ многихъ людей, то постоянно оказывается, что это бѣшеные волки, которые тѣмъ опаснѣе. И во время течки волкъ становится предпріимчивѣе противъ человѣка. Между тѣмъ въ безлюдныхъ мѣстахъ волкъ еще болѣе боится человѣка, чѣмъ у насъ.

Полярный предѣлъ волка совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ сѣвернаго оленя [2]); волкъ не забирается на ледъ такъ смѣло, какъ россомаха, хотя проводитъ зиму даже подъ 75° с. ш. Экваторіальный же предѣлъ его простирается гораздо дальше экваторіальнаго предѣла сѣвернаго оленя и достигаетъ, кажется, экваторіальный предѣлъ простаго оленя и козули.

---

[1]) Reise, II, p. 209.

[2]) И на Новой Землѣ водятся волки. Ихъ встрѣчали тамъ неоднократно. Срав. напр. Пахтусова въ Запискахъ Гидрографич. Департамента, I, стр. 152.

4) Горностай *(Must. ermínea)*. Какъ на глубоко-сѣверныхъ равнинахъ, такъ и на горныхъ хребтахъ южной Сибири онъ простирается за предѣлъ лѣсной растительности. На обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, среди разсѣлинъ скалъ, горностай чувствуетъ себя на просторѣ, потому что въ любое время можетъ спрятаться, уйти подъ каменья и снова вылезть на нѣкоторомъ разстояніи. Горностай такъ проворно умѣетъ отыскивать свои лазейки, что нерѣдко, когда онъ только-что успѣлъ скрыться и вы, прицѣливаясь, думаете подкараулить его, хитрый звѣрекъ вдругъ появится въ совершенно другомъ направленіи и не спускаетъ съ васъ своихъ смѣлыхъ глазъ. Прежде, чѣмъ вы опять успѣете прицѣлиться, бѣсенокъ уже снова скрылся и зарядъ вашъ отскакиваетъ отъ скалы.

Въ горныхъ расщелинахъ Становаго хребта горностай, кажется, преслѣдуетъ пищуху. На тундрѣ, до береговъ Ледовитаго моря [1]), онъ слѣдуетъ за леммингами, которые, подобно всей мышиной породѣ, служатъ главною его добычею. Такъ какъ по части этой охоты горностай является соревнователемъ песца, то до тѣхъ поръ, пока пища еще встрѣчается въ изобиліи, онъ, благодаря страшной своей злости, можетъ быть, и въ состояніи съ успѣхомъ отдѣлываться отъ своего соперника. Но зимою горностай дѣлается жертвою значительно превосходящаго его силою песца, коль скоро подъ-бокомъ нѣтъ спасительной лазейки. На Новой Землѣ до сихъ поръ еще не встрѣчали горностая. Нѣтъ его, кажется, и на Шпицбергенѣ, хотя одно старинное извѣстіе трудно объяснить иначе [2]).

Въ сѣверной Америкѣ онъ простирается по крайней мѣрѣ до 72° с. ш. [3]). Экваторіальный его предѣлъ повидимому почти совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ бураго медвѣдя и заходитъ далеко не только за европейскіе Альпы на югъ, но и еще къ югу отъ Кавказа въ Персію, на Гималай и въ Китай. За тѣмъ не удивительно, что онъ водится и по всей гористой сѣверной окраинѣ средне-азіятской плоской возвышенности. На Алеутскихъ островахъ, говорятъ, его нѣтъ, но онъ встрѣчается на Шантарскихъ и Курильскихъ островахъ и простирается также до южной оконечности Сахалина (46° с. ш. [4]).

5) Маленькая ластка *(Must. vulgaris)*. Предѣлы ея распространенія такіе-же какъ у горностая, но полярный ея предѣлъ вообще, кажется, прекращается нѣсколько южнѣе, хотя въ Сибири нѣкоторые экземпляры и доходятъ до берега Ледовитаго моря [5]).

На Новой Землѣ ее до сихъ поръ еще не встрѣчали [6]).

---

[1]) Въ Таймырскомъ краѣ я встрѣтилъ его еще подъ $73\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. — По словамъ Кибера (Сибир. Вѣстн. I, стр. 140) горностай встрѣчается у Нижнеколымска.

[2]) Pennant, Thiergeschichte der nördlichen Polarländer, 1787, I, p. 103. Тамъ идетъ рѣчь о маленькомъ животномъ, которое больше ластки, съ короткими ушами, длиннымъ хвостомъ, черными и бѣлыми пятнами.

[3]) Подъ этими широтами упоминаетъ о немъ Макъ-Клинтокъ (The Journal of the Dublin Society, 1860, p. 76).

[4]) Reisen und Forschungen, I, p. 40.

[5]) Напр. до Нижнеколымска, по словамъ Кибера (Сибир. Вѣстникъ I, стр. 140).

[6]) Бэръ полагалъ, что она тамъ существуетъ (Bullet. scientif. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, III, p. 349). Теперь мы не вправѣ болѣе сомнѣваться въ томъ, что животное, о которомъ онъ говоритъ, была песцовая копытная мышь въ зимнемъ нарядѣ.

Между кругоборейскими птицами мы также должны отличать

кругоборейских тундренских птиц

отъ прочихъ птицъ, хотя я при этомъ долженъ замѣтить, что въ томъ порядкѣ, въ какомъ тутъ рѣшаюсь представить ихъ, онѣ по значенію не вполнѣ соотвѣтствуютъ кругоборейскимъ тундренскимъ млекопитающимъ, а въ географическомъ отношеніи болѣе послѣднихъ сходны съ гиперборейскими животными. Птицы, которыхъ мы исчислимъ, большею частію не только выотъ гнѣзда свои за предѣломъ лѣсной растительности, но и въ большомъ количествѣ простираются до береговъ полярнаго бассейна и за 70-ый, даже за 74-ый градусъ широты по направленію къ полюсу. Во многихъ мѣстностяхъ Таймырскаго края я встрѣчалъ ихъ въ огромныхъ количествахъ.

Мы должны были отдѣлить ихъ отъ гиперборейскихъ птицъ, такъ какъ изъ наблюденій оказалось, что онѣ простираются къ полюсу не безпредѣльно, а нерѣдко внезапно прекращаются на глубокомъ сѣверѣ, хотя ближайшій къ нимъ видъ той-же породы, съ которымъ онѣ до того постоянно встрѣчались вмѣстѣ, водится и дальше къ полюсу.

Легко можетъ быть, что при ближайшемъ изслѣдованіи полярныхъ странъ, нѣкоторыхъ изъ этихъ птицъ можно будетъ причислить къ гиперборейскимъ. Между тѣмъ наблюденія, произведенныя мною въ Таймырскомъ краѣ, доказали мнѣ, что упомянутыя отличія не происходятъ отъ незнакомства нашего съ внутренними частями полярныхъ странъ. Внутри Таймырскаго края я встрѣтилъ только подтвержденіе того, что можно было заключить изъ наблюденій, произведенныхъ всѣми полярными путешественниками на морскихъ берегахъ глубокаго сѣвера: по непонятной доселѣ причинѣ нѣкоторые виды птицъ среди тундры вдругъ прекращаются подъ извѣстными широтами и далѣе къ полюсу уже болѣе не встрѣчаются.

Въ отношеніи дальняго прониканія къ полюсу онѣ имѣютъ одинаковое значеніе съ полярными птицами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Къ кругоборейскимъ тундренскимъ птицамъ принадлежатъ слѣдующія:

А. Водныя птицы.

1) *Charadrius morinellus* [1])
2) *Tringa subarquata*
3) *Cygnus Bewickii*
4) *Anser albifrons*
5) *Colymbus arcticus* [2])
6) » *septentrionalis*
7) *Uria Troilè* [3])
8) *Alca torda* [4])

---

[1]) Не только я видалъ его въ Таймырскомъ краѣ, но и искателямъ Франклина, онъ встрѣчался, хотя и рѣдко; напр. на островѣ Корнваллисѣ (Markham, Franklin's footsteps, p. 10).

[2]) Мнѣ не случалось находить извѣстій о томъ, что птицу эту до сихъ поръ встрѣчали въ американско-арктическомъ архипелагѣ. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы ея тамъ не было, потому что я встрѣчалъ ее какъ на Богаиидѣ, такъ и на рѣкѣ Таймырѣ.

[3]) На западномъ берегу Гренландіи, подъ $73\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., матросы Аустина въ нѣсколько часовъ на крутомъ прибрежьѣ, на горѣ, гдѣ были гнѣзда этихъ птицъ, добыли 260 птицъ и 20 дюжинъ яицъ ихъ.

[4]) Въ Баффиновомъ заливѣ она простирается, говорятъ, не дальше 72° с. ш. (Arctic Miscellanies, 1852, p. 186).

9) *Anser Temminckii*
10) » *leucopsis*
11) *Anas Stelleri*
12) *Colymbus glacialis*
13) *Phalacrocorax carbo*
14) *Lestris pomarina* [1])
15) *Larus argentatus*
16) *Sterna arctica* [2]).

B. Птицы суши.

1) *Таловка* (*Lagopus albus*) [3])
2) *Лапландскій тракилокъ* (*Plectrophanes lapponica*) [4])
3) *Студена пташка* (*Alauda alpestris*) [5])
4) *Береговая ласточка* (*Hir. riparia*)
5) *Морской орелъ* (*Aq. albicilla*) [6]).

b) Кругоборейскія лѣсныя животныя.

α) Кругоборейскія животныя криволѣсья.

Чувствуя себя одинаково привольными какъ среди криволѣсья, такъ и въ высокоствольномъ лѣсу, они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ заходятъ за предѣлъ лѣсной растительности, но уже чрезвычайно рѣдко выводятъ дѣтей своихъ за этимъ предѣломъ

[1]) Встрѣчается и въ Гренландіи (Isis, 1848, p. 252).

[2]) Даже въ Гренландіи ихъ очень много до 72° с. ш.; но дальше къ полюсу число ихъ быстро уменьшается (Arctic Miscellanies, 1852, p. 186).

[3]) Во время экспедиціи Аустина, подъ 75° с. ш. показалось множество альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ, да нѣсколько таловокъ, изъ которыхъ одну застрѣлили. Это заслуживаетъ вниманія, потому что Парри (Supplement to the Appendix, p. 197) прямо говоритъ, что таловка не простирается далѣе материковаго берега Ледовитаго моря, да изъ остальныхъ искателей Франклина никто не упоминаетъ о таловкѣ. Въ Таймырскомъ краѣ я ее не встрѣчалъ за $72^1/_2$° с. ш.

Хотя и на экваторіальномъ предѣлѣ своемъ таловка умѣетъ отыскивать свои обширныя тундры на плоскихъ возвышенныхъ болотахъ, но при всемъ томъ она встрѣчается даже болѣе чѣмъ на 15 градусовъ широты къ югу отъ предѣла лѣсной растительности.

Экваторіальный предѣлъ таловки въ Швеціи доходитъ, по Сундевалю, до 60° с. ш. (Giebel und Heintz, Zeitschrift für die gesammten Naturwissenschaften, 1857, August). Въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ онъ понижается въ Курляндіи до 54° с. ш., а въ Литвѣ вѣроятно еще градуса на два южнѣе, во внутреннихъ же частяхъ европейской Россіи направляется нѣсколько къ полюсу, такъ что уже при Палласѣ (Reise, I, p. 130) таловка не встрѣчалась болѣе на Волгѣ подъ 54° с. ш. (Симбирскъ), и попадалась снова далѣе къ югу, на восточномъ скатѣ Уральскаго хребта (Reise, II, p. 227). Въ южной Сибири, впредь до дальнѣйшихъ извѣстій, мы должны считать экваторіальнымъ предѣломъ этой птицы примѣрно 50° с. ш.

Впрочемъ уже при Палласѣ въ болѣе населенныхъ приволжскихъ мѣстностяхъ по-видимому дѣйствовало также истребленіе. Что и на Волгѣ нѣкогда таловка встрѣчалась къ югу отъ 52° с. ш., слѣдовательно подъ тѣми-же широтами какъ и въ Литвѣ, это видно изъ словъ Сам. Гмелина (Reise, p. 40), у котораго она является въ Воронежѣ, т. е. подъ 51 с. ш.

Въ сѣверной птицѣ Bargelak, упоминаемой у Марко-Поло (Bürk, p 226), я несомнѣнно признаю таловку, которую Башкиры называютъ «Bisgaeljak». Подъ именемъ Bargelak Томскіе Татары, правда, разумѣютъ дрозда, но это не должно смущать насъ, потому что примѣты, приведенныя у Марко Поло, едва-ли допускаютъ другое толкованіе.

[4]) Какъ въ прежнихъ, такъ и въ новѣйшихъ извѣстіяхъ не упоминается объ этой птицѣ въ американско-арктическомъ архипелагѣ, но Парри (First Voyage, p. 201) видѣлъ ее 9-го Іюня, слѣдовательно вѣроятно въ то время, когда она высиживала яйца, даже подъ $75^1/_2$° с. ш. Прежде извѣстно было, что она водится до 68° с. ш. на материкѣ сѣверной Америки (срав. отзывъ мой въ Baer und Helmersen's Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reiches, VIII, 1843, p. 200, табл.). Въ Гренландіи ее встрѣчали не далѣе 71° с. ш. (Hölböll, Isis, 1845). И въ горахъ она не заходитъ такъ высоко, какъ подорожникъ.

[5]) Однажды только застрѣлена подъ 72° с. ш. въ сѣверной Америкѣ (The Journal of the Dublin Society, 1860, p. 61).

[6]) Застрѣленъ подъ 73° с. ш. около Уппернавика (Notes on the Zoology of the last Arctic Expedition under Capitain Mac-Clintock въ Journal of the Royal Dublin Society, 1860, p. 61).

Изъ этихъ животныхъ

6) простая лисица *(Can. vulpes)* заходитъ въ тундру далѣе другихъ и является тамъ также менѣе опаснымъ грабителемъ ловушекъ, разставленныхъ для песцовъ.

Въ Таймырскомъ краѣ я встрѣтилъ отдѣльный слѣдъ лисицы еще въ области самыхъ послѣднихъ подземныхъ кривослыхъ лиственицъ, подъ $72\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., у рѣки Новой. Нѣсколько южнѣе одна лисица зимовала на Новой Землѣ [1]), во время Пахтусова. Онъ впрочемъ прямо говоритъ, что до того времени никогда не было слышно о томъ, чтобы на этомъ двойномъ островѣ встрѣчались лисицы. Какъ скоро лисица однажды дойдетъ до того, что проникнетъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ голодъ легко можетъ побудить ее забраться и дальше къ полюсу. Такимъ образомъ Врангель подъ 71° с. ш. встрѣтилъ простую лисицу въ 100 верстахъ отъ берега на льду [2]), конечно какъ необыкновенную рѣдкость.

Лисица чрезвычайно интересное животное въ томъ отношеніи, что цвѣтъ мѣха ея подверженъ значительнымъ измѣненіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она такъ распространена и извѣстна, что едва-ли найдется много видодробителей, которые и теперь еще рѣшатся считать эти разновидности различными животными. Приведеніемъ разныхъ видовъ лисицъ къ одному кругоборейскому виду, *Can. vulpes*, мы преимущественно обязаны А. Вагнеру [3]). По его мнѣнію, наша простая лисица не только распространена по всей сѣверной Азіи до южнаго ската Гималаи, но и заходитъ въ сѣверную Америку.

Сибирь можетъ представить цѣлый рядъ образчиковъ различныхъ видоизмѣненій простой лисицы. Лисицъ сѣверо-западной Сибири отчасти нельзя отличить отъ лисицъ сѣверной европейской Россіи, даже отъ тѣхъ, которыя въ Петербургѣ являются въ торговлѣ подъ названіемъ шведскихъ, но привозятся изъ западной части европейскаго сѣвѣра Россіи. Впрочемъ мы все-таки должны замѣтить, что даже при сохраненіи одного и того-же цвѣта тонкость и мягкость волосъ увеличиваются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше мы станемъ подвигаться къ востоку подъ одинаковыми широтами.

Далѣе можно принять за правило, что на безлѣсныхъ равнинахъ — будутъ-ли это глубоко-сѣверныя тундры или лежащія южнѣе степи — у лисицъ волоса всегда грубѣе и жестче, чѣмъ у лисицъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Это примѣняется даже къ безлѣснымъ Алеутскимъ островамъ.

Чѣмъ южнѣе мѣстность, гдѣ водятся лисицы, и чѣмъ она площе, тѣмъ мѣхъ ихъ не только грубѣе, но и свѣтлѣе, какъ будто бы полинялый [4]), а слѣдовательно и тѣмъ безцѣннѣе [5]).

Съ этимъ полинялымъ видомъ однакоже не должно смѣшивать свѣтлый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзкій желто-красный цвѣтъ, составляющій отличіе дорого-цѣнимыхъ, тонко-

[1]) Записки Гидрогр. Департ. I, стр. 82, и 218.

[2]) Путешествіе, II, стр. 159.

[3]) Schreber, Säugethiere, fortges. von A. Wagner, Supplementband, 1841, p. 405 и дал.

[4]) См. выше стр. 29 и слѣд.

[5]) Подъ 50° с. ш. даже горныя лисицы на Алтаѣ, говорятъ, даютъ только посредственный мѣхъ (Геблеръ въ Mém. de l'Acad. de St. Pétersbourg, par div. sav. 1837, p. 536).

и длиноволосыхъ огневокъ [1]). Этихъ огневокъ нужно считать Беринговою разновидностію (*var. Beringiana*) простой лисицы, потому что онѣ водятся какъ на восточныхъ, такъ и на западныхъ берегахъ Берингова пролива [2]). Въ первый разъ ихъ замѣтили на западѣ сѣверной Америки и, уже вслѣдствіе этого мѣстонахожденія, безъ дальнѣйшаго признали за особый видъ (*Can. fulvus*). Кромѣ цвѣта волосъ особымъ отличіемъ ихъ считали также болѣе короткія уши, но такія короткія уши я замѣтилъ и у простыхъ красныхъ лисицъ западной Сибири (срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 72). Огневки распространены также далеко за береговыми странами восточной Сибири, такъ какъ мѣхъ этотъ встрѣчается на лисицахъ не только въ Камчаткѣ, но и по всему берегу Охотскаго моря, до Сахалина, даже до Японіи [3]), гдѣ огневка водится рядомъ съ простой лисицей. Само собою разумѣется, что огневка водится и на Курильскихъ островахъ. Курильскій островъ Порамуширъ даже славится тѣмъ, что на немъ встрѣчаются самыя лучшія огневки [4]). На Алеутскихъ островахъ, лежащихъ ближе къ материку, при открытіи ихъ встрѣтили такое огромное количество огневокъ, что отъ нихъ острова эти получили названіе Лисьихъ. На другихъ, болѣе отдаленныхъ Алеутскихъ островахъ, кажется, нѣтъ огневокъ [5]), хотя онѣ и попадаются еще за 60-мъ градусомъ широты, среди Берингова пролива, на островѣ Св. Матвѣя.

Какъ у простой, такъ и Беринговой разновидности лисицы часто замѣтна какая-то особая способность мѣха принимать совершенно черный цвѣтъ. Чаще всего, какъ извѣстно, это происходитъ на брюшной сторонѣ животнаго, и странно, что лисицы самой южной Европы оказываются положительною разновидностью по черному цвѣту брюшнаго мѣха (*Can. melanogaster*). Я говорю странно, потому что вообще у южныхъ и западно-европейскихъ лисицъ бѣлое брюхо. Впрочемъ уже въ Лифляндіи часто встрѣчаются чернобрюхія лисицы [6]). Около Петербурга лисицы большею частію чернобрюхи, съ неправильнымъ бѣлымъ пятномъ на груди. Точно такихъ-же лисицъ я видѣлъ на Енисеѣ.

Съ верхней же стороны лисицы черный цвѣтъ является только, или по крайней мѣрѣ чаще всего, на глубокомъ сѣверѣ. Уже въ Скандинавіи встрѣчаются черныя лисицы,

---

[1]) У Палласа и Мюллера онѣ названы огнянками. Измѣнилось ли названіе въ теченіе времени, или оно различно въ разныхъ мѣстахъ?

[2]) Слѣдовательно огневку нельзя считать только глубоко-сѣверною разновидностію, какъ полагаетъ Вагнеръ (см. вышепривед. сочиненіе, стр. 417, примѣч.).

[3]) Siebold, Fauna Japonica, Mammalia, p 5.

[4]) Хвостовъ и Давыдовъ. Двукратное Путешествіе II. 165, 166. — Шелеховъ (I, стр. 92) говоритъ, что лисицы льдинами иногда заносятся до третьяго Курильскаго острова. Отсюда косвеннымъ образомъ можно бы было вывести заключеніе, что на другихъ Курильскихъ островахъ нѣтъ лисицъ. Но на стр. 111 онъ самъ говоритъ, что съ 15-го Курильскаго острова привезены были мѣха бѣлыхъ лисицъ. — На Шантарскихъ островахъ водятся лисицы.

[5]) На Алеутскихъ островахъ, лежащихъ все-таки нѣсколькими градусами южнѣе, мѣсто ихъ заступаетъ песецъ (Сарычевъ, Путеш. II, стр. 7). Это необыкновенно убѣдительный примѣръ зависимости предѣловъ распространенія животнаго отъ существованія удобныхъ путей распространенія.

[6]) *Vulpes hypomelas Wagner* встрѣчается напр. довольно часто въ верхней Баваріи (Schreber, Säugethiere, Supplementband, 1841, p. 407).

равно какъ на сѣверѣ европейской Россіи и всей Сибири [1]), гдѣ онѣ къ востоку начинаютъ попадаться чаще.

Замѣчательно, что даже въ береговыхъ странахъ Берингова пролива огневка, мѣхъ которой именно отличается отсутствіемъ примѣси черныхъ волосъ, какъ-то особенно часто вырождается въ настоящую черную лисицу.

Не только на Лисьихъ островахъ огневки встрѣчаются вмѣстѣ со множествомъ чернобурыхъ лисицъ [2]), но даже и на маленькомъ, уединенно лежащемъ, островѣ Св. Матвѣя [3]); Стеллеръ [4]) упоминаетъ о небольшомъ островѣ въ заливѣ Олутора, гдѣ водились одни только чернобурыя лисицы. — И на сѣверо-западномъ берегу Америки огневка не очень рѣдко является чернобурой лисицей [5]).

Около Якутска (въ Амгинской слободѣ) я видѣлъ мѣхъ рѣдкой разновидности чернобурой лисицы, которую тамъ называютъ чалой. Съ перваго взгляда она казалась сѣрой, потому что среди мало-преобладающаго чернаго мѣха выглядывало необыкновенно много бѣлыхъ, какъ плѣсень, волосъ. Снизу она была бѣлаго цвѣта, который заходилъ высоко до шеи, въ видѣ полуошейника, и даже до морды и до ногъ.

Въ отношеніи къ обыкновенной лисицѣ, черную разновидность (какъ я уже замѣтилъ, говоря о песцѣ) преимущественно можно бы было назвать прибрежно-климатическою [6]).

Ссылаюсь еще на 2-ой отдѣлъ втораго тома нѣмецкаго сочиненія, гдѣ мною показано, что и длина ушей, которую принимали въ соображеніе при опредѣленіи *Can. fulvus* сѣверной Америки, не можетъ служить видовымъ отличіемъ, и въ заключеніе считаю необходимымъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ это было написано (почти 20-ть лѣтъ тому назадъ), Шренкъ и Радде [7]) издали весьма хорошія извѣстія о сибирскихъ лисицахъ.

Къ случаямъ, сообщеннымъ сначала изъ Швеціи о томъ, что въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ встрѣчаются черныя и красныя лисицы, Гофманъ [8]) присоединилъ еще одинъ случай и кромѣ того привезъ живую черную лисицу въ Лифляндію, гдѣ она родила дѣтей, составляющихъ переходъ отъ чернаго мѣха къ красному.

Изъ сѣверной Америки также уже сообщаютъ свѣдѣнія объ ублюдкахъ (?), происшедшихъ отъ совокупленія *Vulpes decussatus* съ *Vulp. cinereo-argentatus* [9]).

---

[1]) Черный самецъ, привезенный съ сѣвернаго Урала, произвелъ съ простыми лифляндскими лисицами какъ крестоватокъ, такъ и простыхъ лисицъ, какъ я видѣлъ у г. Р. фонъ Анрепа.

[2]) По словамъ Палласа, равно какъ Хвостова и Давыдова (Двукр. Путеш. II, стр. 165).

[3]) Sauer, Voyage traduit par Castéra, II, p. 71.

[4]) Beschreibung vom Lande Kamtschatka, 1764, p. 16 и 124.

[5]) Хвостовъ и Давыдовъ (Двукр. Путеш. II, стр. 165) говорятъ, что самыя дорогія чернобурыя лисицы получаются изъ Кенайскаго залива.

[6]) Это вполнѣ подтверждается извѣстіемъ Радде, (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 63), который узналъ на Буреинскомъ хребтѣ, что тамъ никогда еще не была убита чернобурая лисица, родиною которой Тунгусы считаютъ мѣстность внизъ по рѣкѣ.

[7]) L. von Schrenck, Reisen und Forschungen, p. 51. — Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 63 и слѣд.

[8]) Das Uralgebirge, p. 37.

[9]) Explorations and Surveys for a railrood route from the Mississipi River to the Pacific, vol. XII, Part. II.

7) Обыкновенный бурый медвѣдь (*Urs. arctos*). Во второмъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія я показалъ, что помимо бѣлаго медвѣдя, простой бурый медвѣдь составляетъ единственный медвѣжій видъ, водящійся въ Сибири, и есть тоже самое животное, которое живетъ въ Европѣ и нѣкогда было распространено по всей этой части свѣта [1]).

Истребленіе медвѣдя началось съ юга на Аппенинахъ, съ запада на Великобританскихъ островахъ; съ тѣхъ поръ оно медленно,но непрерывно, подвигалось съ запада на востокъ, такъ что прежній владыка лѣсовъ съ трудомъ могъ удержаться доселѣ только въ лѣсистыхъ ущельяхъ малодоступныхъ горъ западной и южной Европы.

Западная Европа справедливо можетъ считать европейскую Россію страною медвѣдей. Въ густыхъ лѣсахъ Польши, Литвы и Лифляндіи водится еще вдоволь медвѣдей. Въ окрестностяхъ С. Петербурга, на разстояніи 10 и неболѣе 50 миль отъ него, въ послѣднее время ежегодно убивали среднимъ числомъ отъ 15 до 20 медвѣдей, которые прошли чрезъ руки препараторовъ зоологическаго музея Академіи. Мы вправѣ полагать, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ этомъ округѣ вообще убито ежегодно отъ 30 до 40 медвѣдей [2]). Но мы ошиблись бы, если бы захотѣли предположить, что это можетъ продолжаться такимъ-же порядкомъ. Количество медвѣдей уменьшается, а преслѣдованіе усиливается почти въ томъ-же размѣрѣ. Еще вѣкъ прогресса и медвѣдь будетъ принадлежать къ историческимъ животнымъ окрестностей нашей столицы, подобно тому, какъ съ 1057 года онъ сдѣлался историческимъ животнымъ Великобританскихъ лѣсовъ. Но какую аномалію составляютъ теперь медвѣжьи слѣды въ окрестностяхъ С. Петербурга, рядомъ съ цивилизаціею нашего времени, съ желѣзными дорогами и электрическими телеграфными линіями, какую аномалію, когда вспомнимъ о тѣхъ временахъ германскихъ охотниковъ на медвѣдей, которыя Тацитъ нѣкогда описалъ такими живыми красками. Но въ то время въ Германіи вѣроятно было еще больше медвѣдей, чѣмъ теперь около Петербурга. Если кто изъ нашихъ европейскихъ современниковъ желаетъ своими глазами взглянуть на то, что было тысячу лѣтъ тому назадъ, тотъ пусть станетъ подвигаться къ востоку все дальше и дальше, пока Великій Океанъ преградитъ ему дорогу. Каждая тысяча миль, которую онъ пройдетъ, отодвинетъ его въ исторіи Европы на тысячелѣтіе. Это вдвойнѣ справедливо, потому что я нашелъ, что черепа теперешнихъ европейскихъ медвѣдей нѣсколько отличаются отъ медвѣжьихъ череповъ древняго періода Европы, которые по временамъ выкапываются изъ торфяныхъ болотъ. Нерѣдко они на нѣсколько саженъ покрыты частію земляной коры, которая наслоилась на нихъ, съ тѣхъ медвѣжьихъ временъ, рядами разросшихся пнистыхъ растеній. Эти ископаемые черепа, поражающіе своей величиной, болѣе всего сходны съ черепами тѣхъ медвѣдей, которые и теперь еще водятся по берегамъ Берингова пролива, потому что они больше, массивнѣе плотнѣе и крѣпче, чѣмъ черепа медвѣдей, живущихъ нынѣ въ Европѣ.

---

[1]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 4 и слѣд.

[2]) По точнымъ распросамъ. Въ нѣм. изд. II, 2, стр. 9, мною говорено только о 8—10.

Достигали ли тогдашнія животныя спокойно глубокой старости, подобно нынѣшнимъ медвѣдямъ въ дебряхъ восточной Сибири? не сохранились ли въ сыромъ торфѣ до нашихъ временъ одинѣ только эти, очень старыя, и болѣе известковатыя кости, тогда какъ кости младшихъ животныхъ прежняго времени большею частію распались и уничтожились?

Въ пользу этого предположенія говоритъ громадный черепъ медвѣдя, погибшаго на Большомъ Шантарскомъ островѣ, вѣроятно отъ старости. Послѣ долгаго выжиданія мы наконецъ готовились пристать къ упомянутому острову и нѣкоторые изъ насъ выскочили на берегъ, чтобы осторожно принять нашу причаливавшую кожаную лодку. Въ ту же самую минуту мы однакоже и забыли о своемъ намѣреніи, потому что передъ нами въ высокой травѣ лежалъ огромный медвѣдь. Но струя зловоннаго воздуха, поразившая насъ, тотчасъ-же разсѣяла наши опасенія. Не торопясь мы сперва пристали къ берегу, а потомъ уже поворотили къ трупу неограниченнаго повелителя острова. Какъ будто предчувствуя, что на островъ его прибудетъ болѣе сильный владыка, человѣкъ, онъ вышелъ встрѣчать насъ, но преждевременно долженъ былъ кончить жизнь. Снаружи по-видимому онъ былъ еще невредимъ, но отъ Іюльскаго солнца внутренности начали быстро гнить, такъ что изъ-подъ треснувшей шкуры просочивалась вонючая жидкость. Но есть ли на свѣтѣ грязь, которой не смоютъ научное стремленіе и цѣлое море воды? Къ сожалѣнію мы впослѣдствіе потеряли костякъ этого огромнаго животнаго и мнѣ удалось только привести съ собой его черепъ. Въ немъ на цѣлую треть болѣе вѣса, чѣмъ въ другихъ медвѣжьихъ черепахъ [1]). Вся длина его составляетъ 418 миллиметровъ, тогда какъ у европейскаго медвѣдя вся длина черепа достигаетъ только 391 миллим. На немъ всѣ признаки, указанные выше какъ отличительныя свойства медвѣжьей разновидности Берингова пролива, а совершенно стертые, и отчасти уже вывалившіеся зубы его, да сросшіеся черепные швы ясно доказываютъ, что колоссальный ростъ его мы должны приписать глубокой старости, которой достигнулъ этотъ медвѣдь. На островѣ своемъ, не подвергаясь опасности отъ хищничества и честолюбія людскаго, онъ дожилъ до конца дней, которые составляютъ крайній предѣлъ этого вида. Впрочемъ изъ сравнительныхъ моихъ изслѣдованій оказалось, что на берегахъ Берингова пролива, медвѣди, независимо отъ большей старости, которой они въ состояніи достигнуть, вообще принадлежатъ къ большей породѣ, чѣмъ европейскіе медвѣди, а именно у нихъ черепъ больше, строеніе костей грубѣе, размѣры въ ширину сравнительно больше, скуловыя кости шире, и дуги ихъ выше, такъ что напоминаютъ монгольскую физіономію живущихъ съ ними народовъ; наконецъ у нихъ промежутки между зубами больше и нижнія челюсти выше.

Шренкъ подтвердилъ результаты моихъ изслѣдованій во всѣхъ отношеніяхъ [2]), и привезъ даже черепъ, который еще больше вышеупомянутой исполинской головы, черепъ въ 450 миллим. длины, который слѣдовательно только на $\frac{1}{12}$ короче самого громаднаго

---

[1]) 7 нашихъ фунтовъ, тогда какъ въ самомъ большомъ черепѣ европейскаго медвѣдя, взвѣшанномъ мною, было не болѣе $5\frac{1}{4}$ фунт.

[2]) Reisen und Forschungen 1858, I, p. 8.

ископаемаго черепа пещернаго медвѣдя и больше всѣхъ медвѣжьихъ череповъ, найденныхъ доселѣ въ торфяныхъ болотахъ.

За тѣмъ мы должны обратиться къ будущимъ изслѣдователямъ съ вопросомъ: можно ли опредѣлить яснѣе отличительные признаки (и какіе именно) между медвѣдемъ восточной Сибири и такъ называемымъ свирѣпымъ медвѣдемъ (*Urs. ferox Desm.*). При моихъ предварительныхъ изслѣдованіяхъ [1]) я остановился на томъ, что свирѣпый медвѣдь по длинѣ когтей своихъ (150 миллим.) конечно имѣетъ право на видовую самостоятельность, но все-таки я предпочелъ до поры до времени признать его за отборнѣйшую разновидность бураго медвѣдя, крайности которой отличаются не только длиною когтей, но и необыкновеннымъ ростомъ, большею частію отсутствіемъ добавочныхъ зубовъ и сѣробѣловатымъ цвѣтомъ копчиковъ волосъ на туловищѣ; съ другой же стороны она посредствомъ одной части своихъ индивидуумовъ по видимому совершенно совпадаетъ съ бурымъ медвѣдемъ западныхъ береговъ Берингова пролива [2]).

Между тѣмъ явилась статья двухъ авторовъ, которая, соглашаясь впрочемъ съ моими изслѣдованіями, признаетъ свирѣпаго медвѣдя за несомнѣнно самостоятельный видъ [3]). Но какъ этотъ трудъ все-таки основанъ на слишкомъ недостачномъ матеріалѣ, то я не могу считать вопросъ этогъ рѣшеннымъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ длины когтей, опять таки приняты за отличительный признакъ величина (съ чѣмъ я не могу согласиться по размѣрамъ, собраннымъ мною и Шренкомъ), за тѣмъ короткость ушей и цвѣтъ волосъ, тогда какъ то и другое требуетъ еще неоднократныхъ сравненій. Въ отношеніи добавочныхъ зубовъ авторы пришли къ тому-же результату, къ которому и я пришелъ. Черепъ *Urs. ferox*, по ихъ мнѣнію, продолговатѣе, съ болѣе слабымъ лобнымъ углубленіемъ, съ чѣмъ я не могу согласиться на основаніи принадлежащихъ мнѣ череповъ съ сѣверо-западнаго берега Америки, такъ что этотъ признакъ не составляетъ его постоянной особенности. Наконецъ, говорятъ они, у *Urs. ferox* оконечности сравнительно короче, чѣмъ у бураго медвѣдя, а заднія оконечности длиннѣе переднихъ.

Какъ уже прежде, такъ и теперь я не отвергаю возможности видоваго различія между тѣмъ и другимъ медвѣдемъ, но оно еще не доказано, и менѣе всего можетъ быть доказано слѣдующею паралелью: *Ursus spelaeus* = моська-медвѣдь (Mopsbär); *Ursus arctos* = бульдогъ-медвѣдь (Bullenbeisserbär); *Ursus ferox* = волкъ-медвѣдь (Wolfsbär); *Ursus maritimus* = выдра-медвѣдь (Otterbär).

Самое даже изобиліе медвѣдей на дальнемъ востокѣ я готовъ назвать допотопнымъ. О нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ говорится, что медвѣди даже заходили въ нихъ на улицы. Такъ напр. это неоднократно повторялось въ Березовѣ. Уже болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ медвѣдь бродилъ по улицамъ главнаго города восточной Си-

---

[1]) См. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 4.

[2]) Тамъ-же, стр. 61.

[3]) Ueber die Selbstständigkeit der Species *Urs. ferox Desm.* von Prinz Max von Wied, mit anatomischen Bemerkungen von Dr. C. Mayer, изъ Verhandl. der Kaiserl. Leopold.-Carol. Akademie der Naturforscher, Vol. XXVI, 1857, p. 37 и слѣд. Вмѣстѣ съ тѣмъ указываю на оставшееся мнѣ прежде неизвѣстнымъ изображеніе скелета *Urs. ferox* въ соч. Du-Petit-Thouars, Voyage autour du monde sur la frégatte Vénus, 1846, Mammifères, Pl. 5.

бири, Иркутска, пока опять вышелъ въ противуположныя ворота [1]). Правда, что въ то время съ уваженіемъ относились къ такой смѣлости; гуляку спокойно пропустили, потому что это не могъ быть никто иной, какъ «оборотень». Уединенно лежащіе сибирскіе города основывались среди страшныхъ дебрей, такъ что нельзя удивляться подобнымъ посѣщеніямъ заколдованныхъ принцевъ.

По европейскимъ понятіямъ количество медвѣдей, доселѣ еще встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ восточной Сибири, рѣшительно баснословно и повидимому даже едва-ли уменьшилось со времени перваго открытія Сибири козаками. Стеллеръ [2]) говоритъ; «Черныхъ медвѣдей по всей Камчаткѣ неописанное множество; они стадами бродятъ по полямъ», а по словамъ Сарычева [3]), также въ концѣ прошлаго столѣтія, медвѣди на берегахъ Охотскаго моря стадами ходили за водорослями.

Въ Камчаткѣ, говорятъ, и теперь еще происходитъ тоже самое, что было сто лѣтъ тому назадъ. Извѣстный путешественникъ нашъ, г. консерваторъ Вознесенскій, въ словахъ котораго мы не можемъ сомнѣваться, видѣлъ въ Камчаткѣ въ одинъ день болѣе 100 медвѣдей. Но на это и есть особая причина. Какъ скоро тамъ лососи начинаютъ подниматься вверхъ по рѣкамъ такими несмѣтными стадами, что даже вытѣсняютъ другъ друга изъ воды на берегъ, такъ медвѣди со всего горнаго хребта собираются на берегахъ рѣчекъ и рѣкъ. Если слѣдовательно въ это время вы будете плыть рѣкою по главнымъ путямъ недоступнаго для инаго путешествія края, то на каждомъ новомъ поворотѣ рѣки встрѣтите новую компанію этихъ косматыхъ рыбаковъ. Во время пребыванія г. Вознесенскаго въ Камчаткѣ жители одного только острога убили въ годъ болѣе 200 медвѣдей.

Я сослался тутъ на чужое показаніе. Но и у Охотскаго моря теперь повторяется едвали не тоже самое, что было во время Сарычева. Я только ожидалъ бо̀льшаго, потому что знакомыя съ краемъ лица въ Якутскѣ, услышавъ, что я намѣренъ посѣтить Шантарскіе острова, единогласно отзывались такимъ образомъ: «такъ это туда, гдѣ медвѣди ходятъ стадами, какъ овцы». Такой радости я правда не дождался, но этому главною виною были, кажется, время года и другія цѣли, которыя имѣла въ виду наша экспедиція. Поскогда мы встрѣчали отдѣльныхъ медвѣдей, но какъ на южномъ берегу, такъ и на островахъ Охотскаго моря, куда вы ни придете, въ лѣсной ли чащѣ или высоко на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, повсюду вы найдете глубоко-протоптанные пути, свидѣтели самой оживленной дѣятельности. Съ удивленіемъ вы отыскиваете населеніе края, но со всѣхъ сторонъ васъ окружаютъ необозримыя, безлюдныя мѣстности; нигдѣ нѣтъ ни человѣческаго жилья, ни человѣческой души. Пути эти — слѣды дикихъ звѣрей. Европейскій охотникъ легко бы замѣтилъ, въ чемъ дѣло, если бы они частью, а на Шантарскихъ островахъ почти всѣ, не состояли изъ извилистаго ряда слѣдующихъ другъ за другомъ углубленій (вмѣсто непрерывнаго желобка), похожихъ на человѣческіе слѣды въ снѣгу.

---

[1]) Въ 1732 году. См. Современникъ за 1850 г. II, стр. 15.

[2]) Въ вышеприведен. соч. стр. 113.

[3]) Путешествіе 1802, I, стр. 138.

Это медвѣжьи ходы. Такъ какъ слѣды переднихъ и заднихъ лапъ одной и той же стороны сливаются между собою, то они образуютъ въ землѣ перемѣнно слѣдующія одну за другою продолговатыя ямки. На материкѣ они превращаются въ желобки, тамъ гдѣ по нимъ ходятъ и олени. Безъ медвѣдей едва-ли можно бы было пробраться черезъ нѣкоторыя чащи этого края. Медвѣди являются тамъ проводниками культуры, пролагая человѣку дороги.

Медвѣжьи ходы идутъ или съ горнаго хребта къ морю, или преимущественно вдоль морскаго прибрежья, часто на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, по скаламъ, круто опускающимся въ волны морскія. Подобно таможенной стражѣ, медвѣди неутомимо бродятъ и крадутся тутъ то туда, то сюда, посматривая въ даль морскую. Если бы даже они могли послѣдовать примѣру человѣка, то зрительная труба все-таки принесла бы имъ мало пользы, потому что ихъ стихію составляютъ сумерки, для которыхъ они устроены лучше любаго человѣка. Тонкое ихъ обоняніе тотчасъ говоритъ имъ, когда волны выбросили на берегъ лакомый кусочекъ. Если это трупъ тюленя, дельфина или кита, то они цѣлыя недѣли сряду наслаждаются жиромъ береговой добычи своей. Они хорошо знаютъ время наступленія отлива, прокладывающаго имъ дорогу къ временному запасному магазину. Впрочемъ мнѣ случалось также видѣть, что медвѣдь очень скромно откапывалъ себѣ коренья [1]), или поѣдалъ траву на берегу моря. Если на кедрахъ много орѣховъ, то онъ любитъ ходить за ними, равно какъ и за ягодами [2]), на горныя высоты.

Почти можно бы было думать, что благодѣтельное вліяніе, которое общежитіе въ состояніи оказывать на нравы человѣка, распространяется и на медвѣжью натуру. Можетъ быть это есть слѣдствіе строгой дисциплины, которую самые сильные между ними соблюдаютъ въ отношеніи къ прочимъ, тогда какъ у живущихъ въ одиночку съ молодости развивается сознаніе, что они владыки лѣса. Притомъ животная пища дѣлаетъ звѣря свирѣпѣе. Мы вправѣ по крайней мѣрѣ сказать положительно, что медвѣди тѣмъ миролюбивѣе, и даже довольно трусливы, чѣмъ больше ихъ водится въ одной мѣстности. Будучи даже ранены, такіе медвѣди убѣгаютъ отъ человѣка. Уже Стеллеръ замѣтилъ, что въ Камчаткѣ все населеніе давнымъ-давно уже было бы истреблено, если тамошніе медвѣди не были бы такого кроткаго нрава. Вмѣсто того, чтобы нападать на людей, они тамъ и на Алтаѣ [3]) довольствуются тѣмъ, что у женщинъ и дѣтей отбираютъ собранныя ими ягоды.

Точно тоже самое встрѣтилъ и я. Такъ какъ у насъ и безъ того было много дѣла, и слѣдовательно мы не могли посвятить особенное вниманіе медвѣдямъ, а только при случаѣ хотѣли захватить того или другаго, то имъ удалось убраться во-время. Одинъ только

---

[1]) Въ особенности онъ любитъ луковицы слѣдующихъ растеній: *Lilium sarana, Fritillaria Kamtschatkensis, Polygonum viviparum, Allium victoriale, Claytonia virginica*, тогда какъ *Urs. ferox* въ сѣверной Америкѣ преимущественно откапываетъ корни *Psoralea esculenta*.

[2]) *Arctostaphylos uva ursi, empetrum nigrum* и также *rubus chamaemorus*.

[3]) Pallas, Reise, II, p. 557. — Геблеръ въ вышеприв. мѣстѣ, стр. 538.

сильный звѣрь по-видимому не хотѣлъ позволить мнѣ пристать къ берегу въ Мамгинскомъ заливѣ. Въ-четверомъ на маленькой лодкѣ мы стали подъѣзжать къ берегу. Ни у кого изъ насъ не было ружья, а потому мы наскоро привязали къ багру большой ножикъ, я и одинъ матросъ схватили по топору, и съ такимъ вооруженіемъ выскочили на берегъ. Медвѣдь сначала притворился, какъ будто ѣстъ траву и насъ не видитъ, потомъ всталъ на заднія лапы, какъ при встрѣчѣ охотника, но въ рѣшительную минуту громко заревѣлъ отъ страха, поворотился и ускакалъ въ горы.

На Енисеѣ я видѣлъ тоже самое. Между Нижнею и Подкаменною Тунгусками, гдѣ очень много медвѣдей, жители увѣряли меня, что ихъ черный звѣрь [1]) очень кротокъ и смиреѣ медвѣдей, встрѣчающихся около Красноярска. Кротость эту приписывали благодѣтельному вліянію чтимаго въ томъ краѣ св. Тихона, умершаго въ началѣ 16-го столѣтія въ Троицкомъ монастырѣ, при устьѣ Нижней Тунгуски. Тамошніе жители увѣряли меня, что ихъ способъ толкованія несомнѣнный фактъ, такъ какъ Святой имѣлъ на хищныхъ звѣрей такое вліяніе, что въ его время медвѣдь носилъ въ монастырь дрова и воду.

При всемъ томъ между двумя упомянутыми Тунгусками медвѣдь былъ страшнымъ бичемъ скотоводства, которое, какъ мы выше замѣтили, не подвергалось опасности со стороны волковъ. Къ югу отъ впаденія Подкаменной Тунгуски въ Енисей, въ поселеніи Осиновкѣ, жителямъ приходилось даже въ началѣ весны отсылать лошадей и рогатый скотъ на плоскій островъ въ Енисеѣ, или въ другое, удобнѣе расположенное селеніе (Ворогово): иначе нельзя было уберечь ихъ отъ медвѣдей.

Но такими хищниками медвѣди, кажется, являются только съ голода, въ началѣ зимы, когда имъ не удалось лѣтомъ накопить въ себѣ столько жиру, чтобы потомъ спокойно можно было отдыхать, а еще болѣе въ концѣ зимы, когда они угрюмыми и сонными голодягами встаютъ съ своего продолжительнаго постнаго ложа.

При такихъ только обстоятельствахъ медвѣдь въ Сибири становится очень смѣлымъ, но все-таки вѣроятно лишь изрѣдка случается, что медвѣди, какъ сообщаетъ Эрманъ [2]), «между Якутскомъ и Охотскомъ съѣдаютъ у путешественника всѣ съѣстные припасы, которые онъ оставляетъ передъ палаткою своею». Правда, впрочемъ, что съ голоду иногда они даже бросаются на человѣка, какъ это напр. случилось съ купцомъ [3]), который былъ покинутъ своими товарищами, но, благодаря хорошей своей шубѣ, отбоярвался отъ медвѣдя до тѣхъ поръ, пока вынулъ ножъ и распоролъ сопернику своему брюхо. Потомъ удалецъ этотъ догналъ своихъ трусовъ-спутниковъ и порядкомъ поколотилъ ихъ. На дорогѣ между Якутскомъ и Охотскомъ, гдѣ это случилось, указываютъ впрочемъ на Чехоново плачище, Вершины Юнакаця, Блудный хребетъ и Порожный бродъ какъ на такія мѣста, гдѣ болѣе всего медвѣдей.

---

[1]) Подъ именемъ «звѣря» тамъ разумѣютъ преимущественно всякое хищное животное.

[2]) Reise um die Erde, II, p. 362.

[3]) Давыдова и Хвостова, Двукр. Путеш. I, стр. 85 и 119.

Въ Сибири всѣ разсказы объ особенно-свирѣпыхъ медвѣдяхъ можно отнести къ разстройству желудочныхъ нервовъ простаго бураго медвѣдя. Поэтому мы не придаемъ особеннаго значенія словамъ Темминка и Шлегеля [1]), которые говорятъ, что на японскихъ островахъ Карафто и Іеззо водится особый видъ медвѣдей, такъ называемый свирѣпый медвѣдь сѣверной Америки (*Urs. ferox*): сказать это побудили ихъ вѣроятно величина мѣховъ и извѣстія о свирѣпости звѣря. Но извѣстія эти должны возбуждать наше сомнѣніе тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе они по происхожденію своему къ экваторіальному предѣлу бурыхъ медвѣдей, ибо онъ пересѣкаетъ полярный предѣлъ другихъ болѣе южныхъ видовъ медвѣдей, которые слабѣе и смирнѣе нашего простаго медвѣдя, такъ что послѣдній въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ неправильно обвиняется въ страшной свирѣпости. Въ Японіи и даже у южнаго изгиба Амура простой бурый медвѣдь сталкивается съ Тибетскимъ (*Urs. thibetanus*), а въ сѣверной Америкѣ съ американскимъ медвѣдемъ (*Urs. americanus*). Оба они меньше и добродушнѣе его [2]).

Въ монографіи своей [3]) я уже говорилъ о разнообразіи цвѣта медвѣжьяго мѣха и сообщилъ доводы свои о томъ, какъ мало значутъ эти отличія въ сравненіи съ видовымъ единствомъ бураго медвѣдя. Хотя я почерпалъ эти доводы изъ разсмотрѣнія множества медвѣдей, убитыхъ въ окрестностяхъ Петербурга, но они вполнѣ подтверждены и тѣмъ, что мнѣ привелось видѣть въ Сибири. Во всякомъ случаѣ Блэнвиль [4]) совершенно несправедливо увѣряетъ, что у медвѣдя волоса линяютъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе зимняя стужа его родины. Я напротивъ того показалъ, что у медвѣдей мѣхъ вообще тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ ближе они находятся къ экваторіальному предѣлу своего распространенія [5]), и чѣмъ явственнѣе климатъ, гдѣ они водятся, оказывается береговымъ климатомъ. Чѣмъ рѣзче климатическія противуположности различныхъ временъ года, тѣмъ темнѣе вообще бываетъ мѣхъ, тѣмъ длиннѣе верхніе [6]), тѣмъ гуще пушистые волоса. Даже глубокая

---

[1]) Siebold, Fauna Japonica, Mammalia, Decas 2, p. 29.

[2]) При всемъ томъ я долженъ замѣтить, что по словамъ Камчадаловъ въ горахъ ихъ края водятся необыкновенно свирѣпые медвѣди, на которыхъ не рѣшаются ходить тамошніе охотники. Медвѣди эти, говорятъ, отличаются повидимому болѣе длинными передними лапами. Въ монографіи своей «медвѣдь бурый» я показалъ, что подобныя извѣстія не заслуживаютъ вниманія, и считаю нелишнимъ замѣтить, что даже по мнѣнію Кювьѐ (Recherches sur les ossemens foss. p. 180] польскій бурый медвѣдь отличается тѣмъ, что онъ топѣе и выше

За тѣмъ, будущимъ изслѣдователямъ необходимо принять въ соображеніе извѣстіе Давыдова и Хвостова (Двукр. Путеш. II, стр. 161) о медвѣдяхъ въ русскихъ поселеніяхъ на сѣверо-западномъ берегу Америки, которые отличаются своими хвостами, дюймовъ въ 8 длины и, какъ говорятъ, не очень дики. По длинѣ хвоста, но не по характеру, это можетъ быть *Urs. americanus*, котораго они вѣроятно разумѣли.

Нѣсколько сѣвернѣе на прислугу Загоскина (Пѣшеход. Опись, II, стр. 108) напалъ медвѣдь, отъ котораго она успѣла спастись только тѣмъ, что стала грести противъ теченія.—Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Радде, что на Буреинскомъ хребтѣ медвѣди также смирны, тогда какъ дальше внизъ по Амуру они слывутъ свирѣпыми звѣрями.

[3]) Естественная исторія медвѣдя бураго; особый отпискъ изъ Русской фауны Симашки.

[4]) Ostéographie, Carnassiers, Partie générale, p. 55.

[5]) Напр. Пиренеи, Кавказъ, Сирія. Также и на сѣверо-западномъ берегу сѣверной Америки, гдѣ не слишкомъ рѣдко въ бывшихъ нашихъ колоніяхъ покупаютъ коричневыхъ медвѣлей. Недавно и Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 7) сообщилъ, что у медвѣдей, живущихъ на Саянскомъ хребтѣ, за предѣломъ древесной растительности, совершенно свѣтлый мѣхъ.

[6]) Напр. въ 120 миллим. длины у Камчатскихъ и только въ 57 миллиметровъ у Кавказскихъ.

старость не измѣняетъ цвѣта ихъ, какъ это, на перекоръ общепринятому мнѣнію, доказалъ мой престарѣлый медвѣдь на Шантарскомъ островѣ, который былъ темнобураго цвѣта. Шренкъ нашелъ, что медвѣжьи мѣха Амурскаго края отличаются прекраснымъ чернымъ цвѣтомъ.

Медвѣди съ бѣлымъ ошейникомъ встрѣчаются въ Сибири не чаще, чѣмъ у насъ [1]), а съ бѣлыми пятнами и бѣловатые медвѣди попадаются тамъ во всякомъ случаѣ въ видѣ исключенія, какъ случайныя видоизмѣненія [2]). На одномъ Тунгусѣ около Удскаго Острога я видѣлъ дождевой воротникъ изъ медвѣжьяго мѣха, имѣвшаго свѣтлосѣрый видъ, вслѣдствіе желтовато-бѣлаго цвѣта кончиковъ волосъ. Вѣроятно онъ былъ добытъ на одной изъ высочайшихъ горныхъ мѣстностей, возвышающихся надъ предѣломъ древесной растительности.

О медвѣдѣ, какъ символѣ храброй рыцарской отваги, какъ получеловѣкѣ и полубогѣ, какимъ его считаютъ дикари, я также говорилъ въ упомянутой монографіи.

О рыцарской честности его, единогласно подтверждаемой всѣми кочевниками, можно судить напр. по слѣдующему разсказу, который я забылъ сообщить въ своей монографіи. На Енисеѣ, подъ 69° с. ш., мнѣ разсказывали, что тамошній Тунгусъ въ лѣсу нечаянно наткнулся на 7 медвѣдей въ то время, когда подкрадывался къ одному изъ нихъ, котораго сначала одного только и замѣтилъ. Оробѣвъ передъ многочисленностію своихъ противниковъ, онъ закричалъ: «Ну, коли хотите играть, выходите по одиначкѣ! Неужели вы такъ безчестны, что нападете разомъ на меня одного»? — Взглянули на него черные рыцари, пробормотали между собою что-то непонятное для Тунгуса и спокойно побрели своею дорогою.

Что Долгане, родичи которыхъ при устьѣ Хатанги сталкиваются съ бѣлымъ медвѣдемъ, привѣшиваютъ клыки его къ косичкѣ своей въ качествѣ предохранительныхъ амулетовъ противъ нападеній бураго медвѣдя, объ этомъ мною было упомянуто выше, когда я говорилъ о бѣломъ медвѣдѣ. Они увѣряютъ, что мишукъ питаетъ глубочайшее уваженіе къ своему сильному бѣлому дядѣ. Тамъ медвѣдя боятся, такъ какъ онъ рѣже попадается; у Гиляковъ же на южномъ берегу Охотскаго моря его можно считать членомъ семьи, потому что рѣдко можно встрѣтить семейство, которое не воспитывало бы у себя по крайней мѣрѣ одного медвѣдя.

Удобная прирожденная привычка спать въ теченіе самаго суроваго времени года дѣлаетъ изъ медвѣдя настоящаго обитателя такого крайняго климата, каковъ сибирскій.

Время, когда медвѣдь оставляетъ свое зимнее ложе, зависитъ отъ климата. Онъ спитъ съ наступленія болѣе суровой зимы до перваго начала весны. На Пясинѣ онъ

---

[1]) Такимъ образомъ сибирскій *Urs. collaris* Фр. Кювье теряетъ свое значеніе.

[2]) Въ письменныхъ извѣстіяхъ упоминаются слѣдующіе примѣры: 1) Беніовскій въ Камчаткѣ (Forster, Magazin der Reisen, III, p. 49); 2) Палласъ у Бурятъ (Zoographia, I, p. 68); 3) онъ-же у Абаканска (Reise durch versch. Provinzen, II, p. 691); 4) Степановъ въ той-же мѣстности, на Енисеѣ (Енисейская губернія, 1835, I, стр. 103) и 5) Стеллеръ у Нарыма (Pallas, Reise въ вышепривед. мѣстѣ).

вылезаетъ изъ берлоги въ концѣ Апрѣля, и на замѣчательномъ рунпческомъ календарѣ глубоко-сѣверныхъ поселенцевъ день Св. Георгія (23-го Апрѣля стар. стиля) обозначается рѣзнымъ изображеніемъ медвѣдя. Двадцатью градусами широты южнѣе, на лѣвомъ берегу Амура, медвѣдь просыпается примѣрно 40 днями раньше [1]).

Интересно было бы узнать, дѣйствительно ли на сѣверо-западномъ берегу Америки медвѣди собираютъ зимніе запасы, напр. коренья и папоротники [2]).

Хотя удѣломъ медвѣдя по меньшей мѣрѣ бываетъ криворослый лѣсъ, но на самомъ глубокомъ сѣверѣ, равно какъ на горныхъ вершинахъ, онъ все-таки нѣсколько заходитъ и за предѣлъ древесной растительности, на тундру. Онъ отправляется туда, кажется, за линяющими водными птицами, за множествомъ тамошнихъ птичьихъ гнѣздъ, за полевыми и тундренными мышами и за морошкой, которую онъ очень любитъ [3]).

Такимъ образомъ на Таймырской тундрѣ бурый медвѣдь только изрѣдка заходитъ за 72-ой градусъ широты, а подъ 72-мъ градусомъ у Хатангскаго погоста бываетъ не слишкомъ рѣдко.

Поэтому въ остальной Сибири, сѣверные берега которой не простираются такъ непомѣрно далеко къ полюсу, какъ въ Таймырскомъ краѣ, онъ почти повсюду во время лѣтнихъ своихъ странствованій доходитъ до береговъ Ледовитаго моря [4]).

Обнаженныя вершины высочайшихъ горныхъ хребтовъ онъ посѣщаетъ такимъ-же образомъ только мимоходомъ. Единственными достовѣрными свѣдѣніями о предѣлѣ вертикальнаго его распространенія въ Сибири мы обязаны Геблеру, по мнѣнію котораго предѣлъ этотъ на ледникахъ Катунскаго хребта простирается до 6000′ [5]), и Радде, который говоритъ, что свѣтло-бурые медвѣди на Саянскомъ хребтѣ постоянно живутъ между 4000 и 7500′ [6]). На Кавказѣ, какъ извѣстно, онъ заходитъ чуть-ли не вдвое выше.

Этотъ-же характеръ медвѣдь сохраняетъ и близь экваторіальнаго предѣла своего; хотя онъ и избѣгаетъ совершенно ровныхъ степей, но все-таки нерѣдко встрѣчается въ малорослыхъ кустарникахъ Дзюнгарскихъ степей.

И въ сѣверной Америкѣ, гдѣ лѣсной предѣлъ опускается нѣсколько южнѣе, медвѣдь по той-же причинѣ заходитъ не многимъ дальше 61-го градуса широты по направленію къ полюсу, слѣдовательно примѣрно на 10 градусовъ меньше къ сѣверу, чѣмъ въ азіятской Сибири.

---

[1]) Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 10.

[2]) Давыдова и Хвостова, Двукр. Путеш. II, стр. 163.

[3]) *Rubus chamaemorus.*

[4]) Напр. къ востоку отъ Колымы, у Баранова Камня (Sauer, Voyage, I, p. 143; Сарычевъ, I, стр. 84; Врангель, Путеш. II, стр. 207). И въ сѣверной Америкѣ, гдѣ предѣлъ древесной растительности вообще находится на большемъ разстояніи отъ береговъ Ледовитаго моря, какъ я вижу изъ отзыва Rae (The Journal of the Royal Geogr. Society of London, 1852, Vol. 22, p. 80), который подъ 68° с. ш. при устьѣ рѣки Мекензи наткнулся на Barren-ground-медвѣдя. Ср. также Back, Reise, übers. von Andrée, 1836, Anhang, p. XVIII. — На сѣверо-западномъ берегу Америки, близь Коцебу-зунда его уже убиваютъ въ большомъ количествѣ (Seemann, Reise um die Welt, 1853, II, p. 25).

[5]) Mém. des sav. étrang. III, 1837, p. 538.

[6]) Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 7.

При обозрѣніи Алеутскихъ острововъ Лангсдорфъ [1]) сообщилъ, что на островѣ Кадьякѣ водятся медвѣди коричневаго и красноватаго цвѣта. Свѣдѣніе это неправильно было понято Ричардсономъ [2]), и потомъ совершенно ошибочно истолковано Вагнеромъ [3]), который полагаетъ, что бурый медвѣдь нѣкогда могъ переселиться изъ древняго міра въ новый черезъ Алеутскіе острова. Предположеніе это во всѣхъ отношеніяхъ ошибочно, а именно уже потому, что какъ на Алеутскихъ, такъ и на Курильскихъ островахъ вовсе нѣтъ медвѣдей. Говоря словами дикарей, мы должны сказать, что острова эти, выдвинувшіеся изъ моря въ сравнительно новѣйшее время, слишкомъ еще молоды для старика.

Между всѣми островами Алеутской гряды медвѣдь встрѣчается только на Уникакѣ, который ближе всѣхъ къ сѣверо-американскому полуострову Аляскѣ. Уникакъ повидимому былъ населенъ медвѣдями съ американскаго материка, чрезъ проливъ, имѣющій въ ширину около мили, если только медвѣдь не принадлежитъ къ первоначальнымъ туземнымъ обитателямъ его.

Такъ и 12-ый, т. е. предпослѣдній изъ Курильскихъ острововъ, Итурупъ, можно считать первымъ, на которомъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, водятся медвѣди. Мы и тутъ смѣло можемъ сказать, что медвѣди несомнѣнно встрѣчаются также на послѣднемъ Курильскомъ островѣ, Кунаширѣ, и что, если только они вообще переселялись, то перешли на Курильскіе острова съ Іеззо.

Шантарскіе острова, какъ мы уже замѣтили, очень богаты медвѣдями, и даже на маленькомъ островѣ Эге, который короче полумили и на половину своей длины лишь такъ широкъ, что съ гребня острова видѣнъ по обѣ стороны крутой скатъ къ морю, даже на островѣ Эге, говорю я, насъ встрѣтилъ медвѣдь, который преспокойно выкапывалъ изъ земли коренья и такъ хорошо съумѣлъ спрятаться между утесами, что мы тщетно искали его по всему острову. При всемъ томъ тамъ вѣроятно былъ не одинъ медвѣдь, потому что уже въ 1712 году люди, приставшіе къ этому острову, также были встрѣчены медвѣдемъ [4]).

На древнемъ материкѣ экваторіальный предѣлъ медвѣдя колеблется между 30° и 40° широты, такъ какъ вблизи экваторіальнаго предѣла своего медвѣдь въ сущности является горнымъ животнымъ и потому существованіе его тамъ зависитъ отъ орографическаго свойства страны. На крайнемъ востокѣ онъ простирается, говорятъ, на грядѣ Японскихъ острововъ до Іеззо ($41\frac{1}{2}$° с. ш.), а на островѣ Ниппонѣ уже вовсе не встрѣчается [5]).

Слѣдовательно медвѣдь повсюду заходитъ за южный предѣлъ Сибири, потому что простирается до Кореи (35° с. ш.), гдѣ, какъ на Амурѣ, онъ встрѣчается вмѣстѣ съ *Urs. collaris* (*thibetanus*).

---

[1]) Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, 1812, II, p. 66.

[2]) Fauna Boreali-Americana, 1829, p. 22.

[3]) Die Saugethiere von Schreber, Supplementband, 1841, p. 136.

[4]) Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 98.

[5]) Schrenck, Reisen und Forschungen, I, p. 15.

Подобнымъ-же образомъ экваторіальный предѣлъ его въ сѣверной Америкѣ пересѣкаетъ экваторіальный предѣлъ американскаго медвѣдя (*Urs. americanus*), который къ сѣверу, говорятъ, простирается до рѣки Кука и Принцъ Вилліамсъ-Зунда [1]).

Вдоль Скалистаго хребта, по восточному склону его, онъ простирается до 33° с. ш., слѣдов. почти до Мексиканскаго залива [2]).

Вообще, какъ я полагаю, можно сказать, что экваторіальный предѣлъ бураго медвѣдя почти совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ оленя.

8) Рѣчная выдра (*Lutra vulgaris*). Она слишкомъ почное и хитрое животное и мнѣ не удалось случайно добыть ее. На Становомъ хребтѣ зимою, правда, я напалъ на ея слѣдъ, который даже на самомъ тонкомъ слоѣ снѣга замѣтенъ по волокущемуся хвосту этого короткопогаго звѣря, а въ глубокомъ снѣгѣ похожъ на то, какъ будто волокли пень. У меня не было времени преслѣдовать выдру, хотя при подобныхъ обстоятельствахъ дикари дубинами убиваютъ цѣлыя семейства этихъ животныхъ. Нужно случайно напасть на ихъ слѣдъ именно въ то время, когда онѣ отправляются въ лѣсъ, для пріисканія такой рѣки, которая не покрыта льдомъ или богата рыбой.

Тунгусы, показывавшіе мнѣ разныя видоизмѣненія шкуры этого животнаго, восхваляли ловкость, съ какою рѣчная выдра, почуя близость утокъ, уже издали ныряетъ и потомъ, подъ водою, подплываетъ къ нимъ, чтобы внезапно напасть на нихъ. Въ Лифляндіи мнѣ самому привелось видѣть, какъ рѣчная выдра откусила уткѣ клювъ до самой головы.

Рѣчная выдра не страшится самыхъ сѣверныхъ широтъ и простирается отъ Лапландіи [3]), черезъ Азію въ сѣверную Америку до Ледовитаго моря. Но при этомъ обнаруживается тѣсная связь ея съ лѣсомъ, такъ какъ я замѣтилъ, что она никогда не встрѣчается на рѣкахъ, которыя берутъ начало свое внѣ предѣла лѣсной растительности, какъ напр. Новая и рѣка Таймыръ. Она не попадается даже у Хатангскаго погоста, гдѣ былъ криворослый лѣсъ [4]). Охотнѣе она спускается по степнымъ рѣкамъ, берущимъ начало въ горныхъ лѣсахъ, коль скоро берега ихъ покрыты густымъ кустарникомъ [5]). Встрѣчается она также въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ и Курильскихъ островахъ, потому что къ нимъ море пролагаетъ ей путь. Въ этомъ отношеніи замѣтна извѣстнаго рода противуположность медвѣдю, который легче заходитъ въ глубоко-сѣверную тундру, чѣмъ въ степь. Впрочемъ у рѣчной выдры и у медвѣдя почти одинаковыя области распространенія и почти одни и тѣже экваторіальные предѣлы. Подобно медвѣдю, рѣчная выдра охотно избираетъ свое мѣстопребываніе на вершинахъ Кавказскихъ [6]), Алтайскихъ и Манджурскихъ хребтовъ, вблизи водораздѣловъ.

---

[1]) Langsdorff, Reise, II, p. 61,

[2]) Petermann, Mittheilungen, 1855, p. 121.

[3]) Въ Тромзёскихъ схерахъ, по словамъ Мальмгрена (Archiv für Naturgesch. 1864, Jahrg. XXX, p. 64).

[4] И на предѣлѣ Самоѣдской тундры европейской Россіи она не покидаетъ лѣса (Лепехинъ, Путеш. IV, стр. 214).

[5]) Напр. въ Киргизской степи, по Шангину (Сибирскій Вѣстникъ, II, стр. 95.

[6]) Въ чемъ состоитъ упоминаемая возможность, что Абхазская рѣчная выдра можетъ составлять особый видъ (Demidoff, Voyage, III, p. 19)? Я полагаю, что это весьма невѣроятно, потому что сибирскіе мѣха очень сильно измѣняются.

β) Кругоборейскія животныя высокоствольнаго лѣса.

Они очень рѣдко заходятъ въ криволѣсье, но никогда не встрѣчаются на ровныхъ степяхъ или тундрахъ и никогда не выводятъ дѣтей своихъ внѣ предѣла высокоствольнаго лѣса.

Предѣлъ произрастанія высокоствольнаго лѣса есть вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ положительныхъ предѣловъ распространенія животныхъ, въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе его не только климатически, но и на основаніи особыхъ жизненныхъ условій, нѣкоторыя животныя удерживаются отъ дальнѣйшаго прониканія къ сѣверу, животныя, которыя очень удобно могли бы переносить суровый климатъ и за предѣломъ древесной растительности.

9) Рысь (*Felis lynx*). Въ Сибири она вообще встрѣчается рѣдко. Будучи неразлучна съ лѣсомъ, она, разумѣется, не водится на Алеутскихъ и Курильскихъ островахъ, и въ бездревесной Гренландіи; но мы ее напрасно стали бы искать и на лѣсистомъ полуостровѣ Камчаткѣ, потому что лѣса его со всѣхъ сторонъ моремъ и тундрами отрѣзаны отъ материковыхъ лѣсовъ. На югѣ европейской Россіи тоже самое повторяется въ Крыму, горные лѣса котораго также отдѣлены моремъ и степями, на подобіе острова.

Выше (стр. 8 и 9) я вообще показалъ, почему не соглашаюсь съ заключеніемъ, которое Шренкъ [1]) выводитъ изъ своего превосходнаго монографическаго изслѣдованія о рысяхъ, а принимаю рысь древняго и новаго материка за одинъ и тотъ-же видъ, который, впрочемъ, дѣйствительно дѣлится на двѣ различныя породы.

Еще въ прошедшую зиму, около Дерпта, я съ сыномъ своимъ застрѣлилъ двухъ рысей, жившихъ рядомъ; изъ нихъ бо́льшая, самка, была красная, а меньшая, самецъ, оленья рысь въ пятнахъ. Всѣ сибирскіе кочевники также признаютъ только одинъ видъ рыси.

При многостороннемъ и несомнѣнномъ сходствѣ фауны и флоры на обоихъ берегахъ Берингова пролива, было бы важно знать: водится ли на западныхъ, т. е. сибирскихъ берегахъ Берингова пролива разновидность *F. lynx* (древняго) или *F. rufa* (новаго материка)? Вѣроятно тамъ встрѣчается послѣдняя [2]).

Упомянутая уже выше монографія Шренка избавляетъ меня отъ труда входить подробнѣе въ частности географическаго распространенія рыси [3]). По противъ сомнѣній, возбужденныхъ Шренкомъ (стр. 43), я долженъ замѣтить, что какъ на Колымѣ, такъ и на Янѣ, хотя и рѣже, рысь не только встрѣчается, но и на столько приближается къ устью ея, на сколько это позволяетъ лѣсная растительность [4]).

---

[1]) L. Schrenck, Ueber die Luchsarten des Nordens, 1849.

[2]) Шренкъ совершенно справедливо предположилъ, что рыси нашихъ колоній на сѣверо-западномъ берегу сѣверной Америки и даже прилегающихъ къ нему острововъ принадлежатъ къ разновидности *Fel. rufa*. Это подтверждается калифорнскою рысью въ зимнемъ нарядѣ, изображенною на табл. 9 отдѣла млекопитающихъ въ Voyage de la frégatte Vénus.

[3]) Рысь, говорятъ, часто встрѣчается еще въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Черниговской (Кеслеръ, Животныя губерній Кіевск. Учебн. Округа, 1850, стр. 36). О томъ, что онъ водится въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, упоминаетъ Вельке въ Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1866, p. 492.

[4]) По словамъ Кибера (Сиб. Вѣст. I, стр. 138) рысь встрѣчается въ окрестностяхъ Омокòна; Фигуринъ (тамъ-же, стр. 223) упоминаетъ ее въ числѣ животныхъ, встрѣчающихся въ окрестностяхъ Устьянска.

Рысь составляетъ противуположность волку въ томъ отношеніи, что преимущественно встрѣчается въ самыхъ частыхъ лѣсахъ. Тунгусы разсказывали мнѣ, что она въ большомъ множествѣ водится также въ горахъ на правомъ берегу Амура, а именно какъ у верховьевъ, такъ и у низовьевъ Амура, на Хинганскомъ хребтѣ, потому что Тунгусы на лѣвомъ берегу Амура покупаютъ рысьи шкуры для своихъ нарядовъ у дикарей, охотящихся на Хинганѣ.

Экваторіальный предѣлъ рыси очевидно простирается къ югу дальше экваторіальнаго предѣла сѣвернаго оленя и повидимому совпадаетъ съ экваторіальнымъ предѣломъ бураго медвѣдя въ томъ отношеніи, что послѣдній не оставляетъ большихъ, въ особенности хвойныхъ, лѣсовъ.

Въ сѣверной Америкѣ, на восточномъ склонѣ Скалистаго хребта, полярный предѣлъ рыси спускается даже до 33° с. ш. [1]).

10) Лось (*Cerv. alces*). Хотя рыси вѣроятно рѣдко случается лакомиться лосинымъ мясомъ, но географическое распространеніе обоихъ животныхъ почти одно и тоже.

Этому обстоятельству я придаю особенное значеніе, потому что о полярномъ предѣлѣ лося неоднократно распространяли неправильныя свѣдѣнія, какъ я уже замѣтилъ выше, на стр. 92. Гумбольдтъ [2]) ссылается на лося, какъ на доказательство зависимости распространенія животныхъ отъ климата, говоря: «На Скандинавскомъ полуостровѣ лось водится почти 10-ю градусами сѣвернѣе, чѣмъ во внутреннихъ частяхъ Сибири, гдѣ линія одинаковой зимней теплоты такъ поразительно вогнута». На самомъ же дѣлѣ распространеніе лося вовсе не согласуется съ линіями одинаковой зимней теплоты.

Уже Палласъ [3]) прямо говорилъ, что въ Сибири лось встрѣчается при рѣкахъ Колыми и Анюѣ. Указаніе послѣдней рѣки опредѣляетъ слѣдовательно широту, о которой тутъ говорится, почти подъ 69° с. ш., т. е. тамъ, гдѣ подъ этимъ градусомъ Анюй впадаетъ въ Колыму.

Въ послѣднее время извѣстія эти не только вполнѣ подтверждены, но даже расширены Врангелемъ [4]), который говоритъ, что къ востоку отъ Колыми лось вмѣстѣ съ горной овцой заходитъ до Ледовитаго моря (мысъ Барановъ) и тамъ, слѣдовательно почти у 70° с. ш., составляетъ предметъ охоты. На Анюѣ, подъ $68\frac{2}{3}$° с. ш., лось служилъ прежде главною пищею мѣстныхъ жителей.

---

[1]) Petermann, Mittheilungen, 1855, стр. 121.

[2]) Kosmos, I, p. 376. Распространенію этой ошибки содѣйствовали извѣстныя Кемцовы «Vorlesungen über Meteorologie» (1840, стр. 209), гдѣ впрочемъ въ тоже время мы находимъ источникъ недоразумѣнія: Кемцъ положился на сообщенныя Риттеромъ извѣстія, что въ Сибири лось не заходитъ далѣе 55° с. ш.

Что въ такой ошибкѣ приходится обвинять не столько извѣстныхъ представителей нашей науки, сколько неблагонадежность русскихъ извѣстій, это подтверждаетъ

намъ, въ отношеніи настоящаго примѣра, новая монографія Кострова о сибирскомъ лосѣ (Москвитянинъ за 1853 годъ, Май, VII, стр. 38). Онъ говоритъ, что въ Енисейской губерніи лось водится отъ Китайской границы до Туруханской тундры. Сколько въ первомъ случаѣ было убавлено, столько въ послѣднемъ лишняго. Между тѣмъ Костровъ, добросовѣстный статистикъ, самъ ѣздилъ по Туруханскому краю.

[3]) Zoographia, I, p. 202.

[4]) Путешествіе I, стр. 257.

Подъ тѣми-же широтами лось водится во множествѣ и при рѣкѣ Янѣ; тамъ онъ также рѣдко доходитъ до 70° с. ш. [1]).

Въ западной же Сибири полярный предѣлъ лося дѣйствительно, кажется, понижается къ югу, но это вѣроятно отчасти происходитъ отъ сильнаго преслѣдованія и истребленія этого животнаго. На Енисеѣ лоси лишь изрѣдка встрѣчаются подъ полярнымъ кругомъ, который и далѣе на западъ по-видимому составляетъ крайній предѣлъ распространенія лося въ западной Сибири, такъ какъ Палласъ [2]) въ послѣдній разъ упоминаетъ о немъ у Березова, да и спутникъ мой Брантъ привезъ мнѣ извѣстіе, что на Уралѣ лось не простирается далѣе 65° с. ш. Чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ больше понижается полярный предѣлъ лося; въ Финляндіи, подъ полярнымъ кругомъ (Кусамо), меня увѣряли, что тамъ никогда не встрѣчается лося, и даже въ Куопіо (63° с. ш.) мнѣ разсказывали какъ про необыкновенное событіе, что тамъ за три года до моего пріѣзда убитъ былъ лось.

Согласно съ этими свѣдѣніями у Нильсона также сказано, что въ Скандинавіи 64-ый градусъ есть самая крайняя широта, до которой доходитъ лось.

И на сѣверо-западномъ берегу Америки лось изрѣдка только, кажется, простирается до полярнаго круга; тамъ это очевидно находится въ связи съ отодвинутымъ къ югу предѣломъ древесной растительности [3]). Но при рѣкѣ Мекензи, гдѣ лѣсъ тянется далѣе къ сѣверу, лось доходитъ почти до Ледовитаго моря (66° с. ш.). Впрочемъ на это можно смотрѣть только, какъ на исключеніе [4]).

Извѣстіе Палласа [5]), что лось встрѣчается у Пенжинской губы, требуетъ тщательнаго изслѣдованія на самомъ мѣстѣ, потому что въ этомъ случаѣ не совсѣмъ понятно, почему лось не перешелъ и въ прилегающіе къ ней Камчатскіе лѣса.

Экваторіальный предѣлъ лося большею частію переходитъ за южные предѣлы Сибири; въ чертѣ ихъ животное это заходитъ вверхъ въ горы на такую высоту, до которой только простирается лѣсная растительность, хотя впрочемъ оно очень любитъ болотистыя низменности.

Въ европейской Россіи лоси въ губерніяхъ Подольской, Кіевской и Черниговской, гдѣ я самъ охотился на нихъ, достигаютъ 50° с. ш., а на Кавказѣ и дальше къ востоку они заходятъ къ югу за 40° с. ш. [6]).

Въ сѣверной Америкѣ, на восточномъ склонѣ Скалистаго хребта, лось доходитъ даже до 33° с. ш. [7]).

---

[1]) Фигуринъ въ Сибир. Вѣсти. I, стр. 227. — И Гедештрэмъ (Отрывки, стр. 112) говорилъ уже, что лось тамъ не покидаетъ лѣсу.

[2]) Reise, III, p. 87.

[3]) Ср. напр. Загоскина, Пѣшеходная опись, 1847, I, стр. 135, 138, 146; II, стр. 53, и Врангеля (у рѣки Мѣдной) въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, I, 1839, стр. 99. Увѣряютъ впрочемъ, что въ послѣднее время въ сѣверной Америкѣ лось сталъ распространяться дальше на западъ (Baird, Catalogue of North-American mammals, 1857, p. 18).

[4]) Back's Reise, übers. von Andrée, 1836, Anhang p. XXX.

[5]) Zoographia, I, p. 202.

[6]) По видимому они не простираются до Гималайскаго хребта, какъ полагаютъ нѣкоторые, потому что Оджильби (Illustrations of the botany etc. of the Himalayan mountains, p. LVI) не упоминаетъ о лосѣ.

[7]) Petermann, Mittheilungen, 1855, p. 121.

11) Бобръ, который можетъ быть все же встрѣчается у Охотскаго моря [1]).

12) Черная крыса,

13) Пасюкъ и

14) Домовая мышь относятся также къ этой категоріи, но о нихъ подробно говорено уже выше, на стр. 107 и слѣд.

Лишь въ отношеніи млекопитающихъ животныхъ, изслѣдованныхъ подробнѣе, оказалось возможнымъ и полезнымъ подраздѣленіе кругоборейскихъ лѣсныхъ животныхъ на двѣ географическія части. Птицы этого отдѣленія, вслѣдствіе пока еще неудовлетворительныхъ о нихъ свѣдѣній, не позволяютъ примѣнять и къ нимъ эти подраздѣленія, а потому птицъ, которыя повидимому относятся сюда, мы исчислимъ безъ подраздѣленій.

Большая часть этихъ птицъ достигаетъ лѣснаго предѣла и посредствомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ выстиваютъ яйца свои, сталкиваются съ гнѣздилицами какъ кругоборейскихъ тундренскихъ, такъ даже и гиперборейскихъ птицъ; онѣ съ ними смѣшиваются, а нѣкоторыя изъ нихъ даже улетаютъ за предѣлъ лѣсной растительности, далеко на тундру. Въ бездревесной Гренландіи птицы эти наболѣе удаляются отъ предѣла лѣснаго произрастанія.

Все что можно было узнать о полярныхъ предѣлахъ этихъ птицъ по свѣдѣніямъ, доступнымъ до 1843 года, означено въ таблицахъ, приложенныхъ къ моему донесенію, которое напечатано въ сборникѣ Бэра и Гельмерсена: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, т. VIII, стр. 200.

---

[1]) Считаю необходимъ сообщить еще нѣкоторыя дополненія:

1) въ отношеніи бобра. Гмелинъ (Reise, I, p. 101) встрѣтилъ много бобровъ въ Уралѣ у Сарапульской слободы, а Лепехинъ (Путеш. II, стр. 5) у нижняго Урала. — Готвальдъ (Bemerkungen über den Biber, p. 5, Anm.) упоминаетъ о бобрѣ у Тобольска. Тоже самое говоритъ и Эрманъ (Berghaus, Annalen, 1829, Dec. Heft 1). — Уже въ Миллеровой Samml. Russ. Gesch. (III, стр. 527) говорится о томъ, что бобръ встрѣчается лишь по сю сторону Енисея, но что лучшіе и самые черные бобры получаются съ рѣки Таза чрезъ Мангазею (стр. 528). Слѣдовательно торговый путь тогда доставлялъ ихъ съ запада на востокъ и могъ породить ошибочныя свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія ихъ. — У Красноярска въ то время было еще много бобровъ (Pallas, Reise, III, p. 11) и въ 1819 году они еще продавались въ Енисейскѣ (Описаніе города Енисейска въ Сибир. Вѣстн. II, стр. 327). — Объ Алтайскомъ бобрѣ сообщаютъ всѣ, ѣздившіе по этому хребту, напр. Ледебуръ (Reise, II, p. 241) и др.

Замѣчанія заслуживаетъ извѣстіе Богородскаго (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1848 годъ, Октябрь, стр. 66), который при описаніи Гижигинскаго округа, лежащаго при Охотскомъ морѣ, говоритъ, что тамъ дѣйствительно встрѣчаются бобры.

На противуположномъ сѣверо-западномъ берегу Америки бобровые сооруженія простираются подъ 62° с. ш. до Берингова пролива (Загоскинъ, Пѣшеходная опись, II, стр. 97, 115).

Объ экваторіальномъ предѣлѣ распространенія бобра встрѣчается извѣстіе въ American Journal of Sciences and Arts, 1848, September, p. 297.

2) Къ сказанному на стр. 111 о домовой мыши я долженъ еще присовокупить, что животное это часто встрѣчается и въ Пустозерскѣ, слѣдовательно также далеко въ чертахъ полярнаго круга въ европейской Россіи. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить теперь о Камчаткѣ, гдѣ во время Палласа домовая мышь еще не была извѣстна (Zoographia, I, p. 166).

Какъ мышь скоро переселилась въ Амурскій край, такъ она и на Алтаѣ распространилась вслѣдъ за переселенцами (Геблеръ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ, стр. 535). Видѣлъ я также бѣлыхъ мышей съ Алтая. Но европейскимъ Альпамъ намъ извѣстно, что на альпійскихъ возвышенностяхъ рѣдко можно встрѣтить жилую избу, которую не посѣщала бы домовая мышь.

Кругоборейскія лѣсныя птицы.

A. Водныя птицы.

Anas fusca [1])
» *histrionica* [2])
» *boschas* [3])
» *acuta* [4])
» *strepera* [5])
» *penelope*
Anas crecca [6])
» *clypeata* [7])
Mergus merganser
» *serrator*
» *albellus*
Podiceps cornutus [8])

B. Материковыя птицы [9]).

Lagopus albus [10])
Fringilla linaria [11])
Loxia leucoptera [12])
» *curvirostra* [13])

---

[1]) Подъ 71½° и даже 72½° с. ш. Пахтусовъ видѣлъ утокъ, которыхъ я принимаю за *An. fusca* (Записки Гидрограф. Департ. I, стр. 130, 165, 148); можетъ быть, впрочемъ, это была *An. nigra*. Во всякомъ случаѣ на нихъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Въ Таймырскомъ краѣ я ихъ вовсе не встрѣчалъ; въ Финляндіи же, до полярнаго круга, на береговыхъ мѣстностяхъ, онѣ высиживали яйца, между тѣмъ какъ селезни стадами встрѣчались на озерахъ во внутреннихъ частяхъ края. Шрадеру попадалась *An. fusca* еще у 70° с. ш.

[2]) Во внутреннихъ частяхъ сѣверной Америки Ричардсонъ (Searching Expedition, 1851, I, p. 202; II. p. 254) встрѣчалъ ее до 65° с. ш., а въ Гренландіи видѣли ее Гольбель (Isis, 1845, p. 780) подъ тѣмъ-же градусомъ широты и экспедиція М. Клинтока (The Journ. of the R. Dublin Society, 1860, p. 61 и слѣд.) подъ 69° с. ш. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что она окажется и въ Сибири въ предѣлахъ полярнаго круга; хотя до сихъ поръ преимущественно она извѣстна только на горныхъ хребтахъ средней и южной Сибири, да еще въ Камчаткѣ (по Стеллеру, Палласу и Bulletin des Natur. de Moscou III, p. 279). — Въ Финляндіи ее встрѣчалъ Фалькъ (Léouzon le Duc, La Finlande, I, p. 227).

Но существованіе ея положительно связано съ быстрыми горными потоками.

[3]) Какъ въ Европѣ, такъ и въ Гренландіи, гдѣ она часто высиживаетъ яйца до 69° с. ш. (Holböll, Isis, 1845, p. 779).

[4]) Въ Гренландіи встрѣчалась поодиночкѣ даже до 71° с. ш. (Isis, 1845, p. 729 и 1848, p. 252). Въ Таймырскомъ краѣ.

[5]) Шрадеръ встрѣчалъ ее до 69° с. ш.

[6]) Въ Гренландіи попадается поодиночкѣ до 70° с. ш. (Isis, 1845, p. 779 и 1848, p. 252). Въ сѣверной Америкѣ по словамъ Бэрда (The birds of North-America, 1860).

[7]) Ср. напр. Одюбона, American Ornithological Biographie, IV, p. 241.

[8]) Во множествѣ, говорятъ, водится въ Исландіи; встрѣчалась въ Скандинавіи Нильсону, а еще раньше въ сѣверной Америкѣ до 68° с. ш., да въ Гренландіи (Isis, 1848, p. 252). Моя экспедиція привезла его изъ восточной Сибири.

Не этотъ ли видъ разумѣетъ Нилъ (United States Exploring Expedition, VIII, 1848, p. 255) подъ названіемъ *Pod. auritus*, причисляя ее къ птицамъ, водящимся на сѣверо-западныхъ берегахъ сѣверной Америки?

Такимъ образомъ *Pod. cornutus* какъ race à gros bec, propre à l'Amérique, неправильно противупоставляется *Pod. arctius* въ качествѣ grande race du nord de l'Europe et de Sibérie (Comptes rendus de l'Acad. de Paris, 1855, p. 249). Ср. также нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 238.

Pod. cornutus встрѣчался также въ Финляндіи; Шрадеръ добылъ его въ Лапландіи (Malmgrén, Botaniska resa въ Salsk. pro Fauna et Flora Fennica, Ny Serie, III, 1851, p. 107), а Шренкъ, Радде и я самъ привезли его изъ южной Сибири.

[9]) По Бэрду (The birds of North-America, 1860) слѣдовало бы включить сюда и *Crex pratensis*.

[10]) Въ сѣверной птицѣ *Bargelak*, упоминаемой у Марко Поло (Burck, p. 226) я несомнѣнно признаю бѣлую куропатку, которую Башкиры называютъ «*Bisgaeljak*». Подъ именемъ *Bargelak* Томскіе Татары, правда, разумѣютъ дрозда, но это не должно насъ смущать, потому что примѣты, приведенныя у Марко-Поло, почти не допускаютъ сомнѣнія.

[11]) Высиживаетъ яйца и на Шпицбергенѣ (Scoresby, An Account for the arctic regions, Edinburgh, 1820, I, p. 130).

[12]) Она встрѣчалась даже въ безлѣсной, а именно безхвойной Гренландіи, но очевидно завлечена туда случайно (Reinhardt, Isis, 1848, p. 251).

[13]) Принадлежитъ, кажется, къ кругополярнымъ птицамъ, потому что не только прежде, но и въ послѣднее время упоминается въ Америкѣ. Ср. напр. Peale въ United States Exploring Expedition, VIII, 1848, p. 122

Corythus enucleator [1])
Bombycilla garrula [2])
Pica caudata [3])
Hirundo rustica (rufula) [4])
Falco peregrinus [5])
Buteo lagopus [6])
Strix cinerea [7]) *brachyotos*
Strix funerea [8])

---

[1]) Такъ какъ я встрѣчалъ его въ Лапландіи до 67° с. ш., то показаніе Ричардсона, что въ сѣверной Америкѣ птица эта простирается до 60° с. ш., очевидно означаетъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что Загоскинъ (Шѣшеход. Опись, 1847, II, стр. 43 Прибавленія), привезъ эту птицу съ сѣверо-западнаго берега Америки, изъ подъ болѣе чѣмъ 64° с. ш.

[2]) Бонапарте первый замѣтилъ, что въ сѣверной Америкѣ *Bombyc. garrula* встрѣчается рядомъ съ *Bombyc. americana*. Де Ке (Zoology of New-York, II, p. 43) подтвердилъ это.

[3]) Привожу сороку въ числѣ кругополярныхъ птицъ потому, что по моему убѣжденію американскую сороку несправедливо отдѣляютъ отъ европейской. И на западныхъ берегахъ Берингова пролива сорока больше и ярче европейской. Въ Америкѣ, также какъ и въ Камчаткѣ, ее встрѣчали только до 58° с. ш. Въ Европѣ она простирается съ лѣсомъ до 70° с. ш., въ Сибири еще не доходитъ до полярнаго круга, вѣроятно вслѣдствіе рѣдкости человѣческаго жилья, съ которымъ она положительно связана. Около Обдорска она зимуетъ подъ полярнымъ кругомъ; Эрманъ (Reise, I p. 697 и III, p. 27) видѣлъ ее тамъ въ Декабрѣ.

[4]) Rae (Richardson, Searching Expedition, II, p. 224) встрѣтилъ эту птицу (*var. rufula*, Vieill.) еще подъ 67° с. ш. въ безлюдныхъ мѣстностяхъ у Мѣдной рѣки.

[5]) На древнемъ материкѣ повидимому онъ только въ исключительныхъ случаяхъ заходитъ за предѣлъ криволѣсья къ полюсу. Ни на берегу Лапландіи, ни на Богапидѣ, а тѣмъ менѣе у Таймырскаго озера, я не встрѣчалъ его. Самое сѣверное мѣстопребываніе его, доселѣ извѣстное, Березовъ (64° с. ш.), по словамъ Палласа, (Reise III, p. 20).

При всемъ томъ показаніе Ричардсона, что птица эта встрѣчается подъ 74° с. ш., нельзя считать за необыкновенно дальнее прониканіе ея, потому что она навѣрное встрѣчается и въ безлѣсной Гренландіи, какъ это подтверждаютъ Себинъ (66° с. ш.), Гольбэлль (Isis, 1845, p. 750 и 1848, p. 230), Де Ке (Zoology of New-York, II, p. 14) и въ особенности Макъ-Клинтокъ. Послѣдній (The Journal of the Royal Dublin Society, 1860, p. 61. — Notes on the last Arctic Expedition) застрѣлилъ ее подъ 72° с. ш. у Port Kennedy.

[6]) Простирается въ самое криволѣсье, въ особенности гдѣ скалистые берега представляютъ ему удобныя мѣста для устройства гнѣздъ. Распространенъ повсюду.

Какъ мышеловы (Circus) съ одной стороны, такъ конюкъ съ другой составляетъ, кажется, переходъ отъ сарычей къ ночнымъ хищнымъ птицамъ, совамъ, по своимъ мягкимъ перьямъ и по зависящему отъ нихъ едва слышному полету.

Хотя онъ уже, какъ сарычъ, преимущественно долженъ питаться мышами, а слѣдовательно на глубокомъ сѣверѣ леммингами, которые главнымъ образомъ вѣроятно и заманиваютъ его за предѣлъ древесной растительности, но я нашелъ, что желудокъ его былъ наполненъ перьями маленькихъ птицъ.

Въ сѣверной Америкѣ, гдѣ онъ положительно встрѣчается —даже рядомъ съ *Buteo St. Johannis* — онъ простирается также до крайняго предѣла лѣсной растительности.

[7]) Между тѣмъ какъ Бонапарте (Conspectus avium, p. 53), котораго на вѣрное никто не захочетъ обвинить въ особой страсти соединять американскіе виды птицъ съ подобными имъ европейскими, пересталъ считать *Str. cinerea* за самостоятельную видовую замѣняющую форму древне-материковой *Str. lapponica*, Тызенгаузъ недавно опять попытался (Archiv für Naturgesch. 1852, Heft, II, p. 18) раздѣлить ихъ на два вида. Я съ своей стороны остаюсь при соединеніи ихъ въ одинъ видъ. *Str. cinerea* простирается къ сѣверу на столько же, на сколько и лѣсная растительность. Ср. напр. Шрадера (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, p. 248), Книга (стр. 179 и т. д.

[8]) Въ отношеніи тождества *Str. brachyotos* и *Str. funerea* какъ древняго, такъ и новаго материка, различные взгляды также не разъяснены окончательно. Нѣкоторые еще дѣлаютъ видовое различіе между *Str. Richardsonii* и *Str. funerea* сѣверной Америки, говоря, что у послѣдней хвостъ длиннѣе. Загоскинъ (Шѣшеход. опись, Прибавленіе, стр. 42) привезъ ее съ сѣверо-западныхъ береговъ Америки изъ подъ 64° с. ш. Вѣроятно это былъ тотъ самый видъ, который у Лангсдорфа является обитателемъ Ситхи подъ именемъ *Str. passerina* Относительно недоразумѣнія Бэра (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, VIII, p. 203) я считаю необходимымъ замѣтить, что теперь я не сомнѣваюсь въ томъ, что *Str. brachyotos* болѣе сѣверная форма, чѣмъ *Str. funerea*. Первая встрѣчается еще въ криволѣсьѣ на Богапидѣ, подъ 71° с. ш., высидѣвъ яйца улетаетъ за предѣлъ древесной растительности и даже въ Лифляндіи выбираетъ себѣ мѣстопребываніе въ вязкихъ, поросшихъ камышемъ болотахъ; *Str. funerea* же положительно держится высокоствольнаго лѣса. При всемъ томъ, кажется

Фауна горныхъ возвышенностей въ сравненіи съ фауною глубокаго сѣвера.

Попытавшись точнѣе распредѣлить географическое распространеніе фауны глубокаго сѣвера и принявъ въ соображеніе чрезвычайно близкое сродство климатическихъ явленій и прочихъ условій органической жизни на альпійскихъ возвышенностяхъ съ жизненными условіями и жизненными проявленіями на глубокомъ сѣверѣ, мы считаемъ необходимымъ попытаться сравнить фауну сѣверныхъ широтъ съ фауною соотвѣтствующихъ имъ горныхъ возвышенностей. Вопросы, въ отношеніи которыхъ такое сравненіе мнѣ кажется необходимымъ, проистекаютъ отчасти изъ того, что̀ нами указано въ статьѣ о растительности Сибири (стр. 581), отчасти же изъ того, что сказано на предыдущихъ страницахъ о животныхъ глубокаго сѣвера.

Мы видѣли, что вообще особенности полярнаго климата совпадаютъ съ особенностями горнаго климата и что это сходство распространяется даже на частности до того, что напр. объемъ ежедневныхъ и ежегодныхъ колебаній температуръ уменьшается, а количество дождя и снѣгу увеличивается, какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и на альпійскихъ возвышенностяхъ, чѣмъ выше мы станемъ подниматься.

Слѣдовательно главное различіе все-таки зависитъ отъ разницы атмосфернческаго давленія, которое, съ увеличеніемъ высоты надъ морскимъ уровнемъ, не только уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и становится равномѣрнѣе, хотя на высотахъ разница между лѣтнимъ среднимъ состояніемъ барометровъ больше, чѣмъ въ глубинѣ.

Это значительное разжиженіе воздуха и уменьшающееся оттого на $\frac{1}{4}$, и болѣе, давленіе на поверхность тѣла, вслѣдствіе дѣйствія своего, уже сами по себѣ, не могутъ считаться маловажными, если мы вспомнимъ о вліяніи, которое уменьшенное давленіе въ различныхъ глубинахъ воды оказываетъ на морскихъ обитателей.

Но еще болѣе, чѣмъ уменьшенное на высотахъ давленіе, дѣйствуютъ на органическую жизнь два явленія, сопровождающія это обстоятельство, — количество кислорода, уменьшающееся въ той-же пропорціи, и влажность воздуха.

Въ противуположность тому, что̀ бываетъ вблизи отъ полюса, на высотахъ, гдѣ даже нѣтъ росы, органическія тѣла лишены влажности. Это дѣйствіе усиливается не столько отъ холода, сколько главнымъ образомъ отъ движенія воздуха. Не только вѣтеръ, но даже каждое легкое дуновеніе увеличиваетъ трудность восхожденія на Альпы [1]) до болѣзненнаго состоянія.

и эту птицу мыши при случаѣ могутъ замапить за лѣсной предѣлъ въ тундру (King, Journey to the shores of the arctic ocean, 1836, II, p. 79).

Str. brachyotos встрѣчали и въ Гренландіи (Isis. 1848, p. 250). Даже Гавайскую птицу Ниль (United States Explor. Exped. 1848, p. 75) не могъ признать за особый видъ.

[1]) Шлагинтвейтъ въ Wiegmann's Archiv für Naturgesch. 1862, p. 262.

Совершенно противуположное дѣйствіе производятъ холодъ и вѣтеръ въ полярныхъ странахъ. Какъ скоро первый бываетъ ниже точки замерзанія, такъ онъ, правда, сильно влечетъ за собою бо́льшую сухость воздуха; при вѣтрѣ же обыкновенно еще осаждается влажность, содержащаяся въ воздухѣ, иногда въ значительномъ количествѣ.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, почему на альпійскихъ возвышенностяхъ въ дождливую погоду гораздо меньше страдаешь, чѣмъ въ сухую; почему усталость и удушіе продолжаются цѣлыя недѣли, даже цѣлые мѣсяцы, пульсъ бьется чаще, является расположеніе къ приливамъ крови, въ особенности къ приливамъ въ благородные органы черепной и грудной полости, даже расположеніе къ воспаленіямъ и сильнымъ, опаснымъ кровотеченіямъ. Количество крѣпкихъ напитковъ, дѣйствовавшее на низменностяхъ, не производитъ опьяненія и т. д.

Читая внимательно извѣстія о горныхъ высотахъ въ отношеніи къ животнымъ, переносимымъ съ низменности на альпійскія возвышенности, мы находимъ, что спокойныя травоядныя животныя, лошади, мулы, рогатый скотъ, лучше переносятъ такія перемѣны воздуха, чѣмъ хищныя животныя; собаки на альпійскихъ возвышенностяхъ легко подвергаются судорогамъ. Въ южной Америкѣ, говорятъ, кошки не могутъ жить даже на высотѣ 13,000′, потому что подвергаются судорогамъ, которыя начинаются въ видѣ пляски св. Вита, потомъ усиливаются и обращаются въ высокіе скачки, и кончаются тѣмъ, что животное издыхаетъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Продолжительное, а еще болѣе постоянное пребываніе на значительнѣйшихъ альпійскихъ возвышенностяхъ кажется вредно и для большей части птицъ, между которыми, правда, хищныя птицы болѣе всего любятъ парить въ самыхъ высшихъ слояхъ воздуха, что̀ сдѣлалось общею фразою со времени путешествія Гумбольдта, выразившагося такъ о кондорѣ [1]). По крайней мѣрѣ курицы, говорятъ, скоро дохнутъ, а потому только съ осторожностію можно допустить правило, что насѣкомыя и птицы способны жить на горныхъ возвышенностяхъ особенно потому, что все ихъ тѣло пропикнуто воздушными полостями, которыя противудѣйствуютъ измѣненному давленію извнѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ отношеніи значительнѣйшихъ горныхъ возвышенностей дѣйствительно существуютъ нѣкоторыя климатическія обстоятельства, которыя могутъ объусловливать существенное различіе между гиперборейской фауной глубокаго сѣвера и соотвѣтствующей ей снѣжной фауной въ снѣжной области альпійскихъ возвышенностей.

При всемъ томъ, если начать изслѣдованіе наше съ сравненія флоры рѣки Таймыра съ одной стороны и вершины посѣщеннаго Радде [2]) Мунку-Сардыка (на Саянскомъ хребтѣ) съ другой, то мы все-таки встрѣтимъ множество старыхъ знакомыхъ съ Таймырскаго хребта, на высотѣ 9400 — 10,000′, какъ напр. (считая сверху внизъ) *Papaver*

---

[1]) И на Гималайскомъ хребтѣ Шлагинтвейтъ видѣлъ коршуновъ и орловъ, паривщихъ на высотѣ 23,000 футовъ.

[2]) Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, XXII, p. 110.

alpinum, *Chrysoplenium alternifolium*, *Saxifraga cernua*, *Saxifraga flagellaris*, *Senecio frigidus*, *Pedicularis versicolor*, *P. amoena*, *Dryas octopetala*, *Saussurea alpina*, *Betula nana*, *Rhododendron parvifolium* и т. д.

Рядомъ и вмѣстѣ съ ними встрѣчаются въ тоже время и такіе альпійскіе виды, которыхъ вовсе нѣтъ въ Таймырскомъ краѣ, какъ напр. на самыхъ высшихъ мѣстахъ Саяна (10,500′) *Draba ochroleuca*, а нѣсколько ниже *Cerastium lithospermifolium*, *Potentilla elegans*, *P. nivea*, *P. altaica*, *Arenaria formosa*, *Pedicularis flammea*, *Oxygraphis sp.*, *Viola biflora*, *Isopyrum grandiflorum* и т. д.

Такимъ образомъ флора сибирскихъ альпійскихъ возвышенностей вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ фаунѣ. На нихъ рядомъ живутъ гиперборейскіе и особые сибирско-альпійскіе виды.

Само собою разумѣется, что ни песцы, ни лемминги, для которыхъ область лѣсной растительности составляетъ непреодолимый предѣлъ, не могли перейти съ тундръ глубокаго сѣвера на тундры альпійскихъ возвышенностей южной Сибири. На послѣднихъ, напротивъ того, мы находимъ сходныхъ, особыхъ, сибирско-альпійскихъ обитателей тундры, какъ-то: сибирскаго (алтайскаго) каменнаго барана, аргали, сурка, пищуху (*Lagomys alpinus*) [1]), а между птицами бородастаго ягнятника, *Megaloperdix altaica* [2]), *Fringilla arctoa*, *Gebleri* и *altaica*, *Accentor altaicus*, *atrigularis* и т. д.

Гиперборейскія же птицы, которыя въ географическомъ отношеніи имѣютъ одинаковое значеніе съ песцомъ и песцовою копытною мышью, т. е. обитатели тундръ (стр. 188), всѣ безъ исключенія встрѣчаются на вершинахъ южно-сибирскаго окраинаго хребта, возвышающихся надъ предѣломъ лѣсной растительности.

Альпійская бѣлая куропатка вьетъ тамъ гнѣзда свои, равно какъ подорожникъ [3]), кречетъ и лунь [4]).

Что на альпійскихъ возвышенностяхъ болѣе южныхъ широтъ изъ числа гиперборейскихъ тундренныхъ животныхъ не встрѣчается рѣшительно ни одно млекопитающее, тогда какъ птицы всѣ водятся на нихъ — можетъ служить убѣдительнымъ доказатель-

---

[1]) Недавно подтверждено Радде (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 27, 67, 114) на высотѣ 10.000′, (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 225).

[2]) Она встрѣчается и на Саянскомъ хребтѣ (Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, II, p. 252, 304) и вѣроятно распространена дальше на средне-азіятскомъ горномъ центрѣ, такъ какъ Гималайская *Perdix chukar* безъ сомнѣнія совпадаетъ съ нею (Comptes rendus de l'Acad. de Paris, 1856, p. 509). Ср. Gould, Birds of Asia, Part. V.

[3]) Геблеръ (Mém. des Sav. étrang. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb. 1837, p. 527), правда, говоритъ, что на Алтайскомъ хребтѣ нѣтъ подорожниковъ, но я могу сослаться на свидѣтельство Палласа, который встрѣчалъ ихъ на высокихъ Алтайскихъ Альпахъ рядомъ съ снѣговымъ предѣломъ.

[4]) Лепехинъ (Путеш. II, стр. 294) и Палласъ (Reise I, p. 257) встрѣчали ее на Уральскомъ хребтѣ почти до самого Оренбурга (51° с. ш.). Геблеръ видѣлъ ее на Алтаѣ (Mem. des Sav. étrang. de l'Acad. de St.-Péterb. 1837, p. 528), Георги на безлѣсныхъ высотахъ Дауріи (Reise, p. 164), а Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, II, p. 124), также какъ Палласу, лунь очень часто попадалась въ Монголіи и у Байкала (по частному письму), равно какъ на Буренинскомъ хребтѣ при Амурѣ (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, p. 636). Хотя Радде и увѣряетъ, что лѣтомъ для выводки птенцовъ всѣ луни улетаютъ къ сѣверу, но вѣроятно со временемъ окажется, что нѣкоторыя изъ нихъ выютъ свои гнѣзда и въ горахъ. Во всякомъ случаѣ послѣднее тамъ вѣроятно случается очень рѣдко.

ствомъ, что исходною точкою видовъ животныхъ служатъ разные раскинутые по земному шару центры распространенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначальная родина птицъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, есть глубокій сѣверъ, но зимнія ихъ странствованія — только нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ (нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ и совъ) остаются на глубокомъ сѣверѣ и на зиму — простираются далеко до южныхъ широтъ. Вслѣдствіе этихъ странствованій онѣ залетаютъ на бездревесныя высоты, на тундры альпійскихъ возвышенностей, и постепенно, но очевидно при упорномъ, вѣками противудѣйствовавшемъ влеченіи къ мѣсту выспиванія яицъ, освоились и съ этими высотами, рядомъ съ первоначальными мѣстными альпійскими животными. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не удивляться, какъ эти гиперборейскія птицы ни въ отношеніи множества ни въ отношеніи распространенія еще не успѣли освоиться съ южными горными цѣпями до того, что намъ бы было трудно сказать положительно, откуда онѣ первоначально происходятъ.

На это, можетъ быть, мнѣ захотятъ возразить, что такія дальнія зимнія странствованія, какія я предполагаю, могутъ имѣть значеніе въ отношеніи къ подорожнику, кречету и луни, но не въ отношеніи альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ. И теперь еще въ нѣкоторыя зимы, даже на ровныхъ мѣстностяхъ и въ степяхъ, первые два вида простираются до тѣхъ-же самыхъ широтъ, подъ которыми лежатъ южно-сибирскіе окраинные хребты и европейскіе Альпы, и даже достигаютъ сѣвернаго склона Кавказа [1]). При благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при благопріятномъ направленіи горныхъ цѣпей, или когда послѣднія лежатъ такъ, что начинаются въ предѣлахъ полярнаго круга и идутъ по направленію меридіана, какъ напр. Уралъ и Скалистый хребетъ, тѣже самыя гиперборейскія птицы вьютъ гнѣзда свои почти подъ 50° с. ш., какъ напр. кречетъ въ землѣ Башкировъ и подорожникъ на Скалистомъ хребтѣ [2]). Если онѣ только въ нѣкоторые годы простираютъ свои зимнія странствованія столь далеко къ югу, а въ другіе годы не доходятъ даже до Лифляндіи, то это ничего не значитъ, а напротивъ того дастъ еще больше простору нашему предположенію, что подобнаго рода зимнія странствованія, въ нѣкоторые годы простирающіяся весьма далеко, приводятъ такихъ птицъ на горныя высоты южныхъ широтъ, гдѣ онѣ находятъ столь благопріятныя для себя жизненныя условія, что чувствуютъ себя какъ дома и остаются тамъ уже навсегда.

Лунь простираетъ свои странствованія въ Сибири до средне-азіятской плоской возвышенности, гдѣ она питается грызунами этой степи; въ европейской Россіи до Каспійскаго [3]) (46° с. ш.) и Чернаго морей, а въ западной Европѣ только до 60° с. ш., хотя она посѣщаетъ этотъ градусъ широты почти ежегодно; на Великобританскихъ островахъ [4]), въ Германіи и Лифляндіи [5]) она является цѣлыми стаями.

[1]) Срав. ниже, въ этомъ сочиненіи, главу о странствованіи птицъ. Мепетріе видѣлъ подорожника на Кавказѣ (Catalogue raisonné, p. 41). Это столько-же могутъ быть зимніе странствователи, сколько и экземпляры, выведенные тамъ-же на мѣстѣ на горныхъ возвышенностяхъ.

[2]) По словамъ Де-Ке. Зимою онѣ тамъ спускаются даже до 40° с. ш.

[3]) Около Астрахани ихъ встрѣчалъ уже Гмелинъ (Reise, II, p. 163).

[4]) Срав. напр. Annals and Magazin of Natur. History, 1839, III, p. 107.

[5]) Такъ напр. зимою 1865—1866, какъ мнѣ самому случилось видѣть.

Вопросъ нѣсколько усложняется, когда мы начинаемъ разсматривать альпійскую бѣлую куропатку, принадлежащую, подобно всѣмъ курамъ, къ осѣдлымъ птицамъ, которыя по всѣмъ наблюденіямъ развѣ только временно летаютъ по окрестностямъ своего роднаго мѣста. При всемъ томъ въ главѣ о странствованіи птицъ я докажу, что нѣкогда и это было иначе, и потому предположеніе, что горныя высоты южной Сибири, Альповъ и Пиренеевъ нѣкогда были заселены альпійскою бѣлою куропаткою съ глубокаго сѣвера, правдоподобно и по крайней мѣрѣ можетъ быть допущено.

Въ существованіи нѣкогда непосредственной связи между областями распространенія альпійскихъ животныхъ средней Азіи, Кавказа, Альповъ и Пиренеевъ, вообще нельзя сомнѣваться, и въ этомъ отношеніи тщательное сравнительное изученіе прежняго распространенія европейскихъ альпійскихъ животныхъ очень важно. Доказали же относящіяся сюда изслѣдованія самымъ несомнѣннымъ образомъ прежнюю непрерывную связь разрозненныхъ нынѣ и уменьшившихся мѣстъ нахожденія европейскаго козерога; можно же этимъ путемъ прослѣдить распространеніе серны прямо отъ Средне-азіятскаго горнаго центра, отъ Мало-азіятскихъ и Кавказскихъ хребтовъ вдоль горныхъ цѣпей южной Европы до Аппенинъ и Пиренеевъ. Возможность доказать прежнюю непосредственную связь между областями распространенія такихъ животныхъ пріобрѣтаетъ еще больше вѣроятности, если мы, соображаясь съ сказаннымъ мною выше (стр. 48 и слѣд.), вспомнимъ, что даже въ отношеніи альпійской серны въ Щвейцаріи, какъ сообщаетъ Чуди, дѣлается различіе между лѣсными и каменными животными. Это довольно ясно показываетъ, что первоначально, когда этихъ животныхъ было очень много, часть ихъ еще больше чѣмъ теперь, вслѣдствіе избытка своего, должна были бросить свои исключительно альпійскія жизненныя привычки, или что эти животныя съ самого начала чуждались горныхъ лѣсовъ меньше, чѣмъ они теперь ихъ чуждаются.

Во всякомъ случаѣ мы должны помнить, что кромѣ такихъ альпійскихъ животныхъ, которыя свойственны каждому изъ большихъ горныхъ центровъ, какъ напр. вышеупомянутыя (стр. 232) саянско-алтайскія горныя животныя; особые виды козероговъ, каменныхъ барановъ, *Megaloperdix caucasica* на кавказо-малоазійскихъ хребтахъ; козерогъ; снѣговая мышь (*Arvicola nivalis*).[1]), *Sorex alpinus*, *Tichodroma phoenicoptera*[2]) европейской альпійской цѣпи съ Аппенинами и Пиренеями — другія горныя животныя, особенно птицы, одновременно встрѣчаются или на всѣхъ этихъ горныхъ цѣпяхъ, или на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Къ первымъ принадлежатъ напр. бородастый ягнятникъ, каменная куропатка (*Perdix saxatilis*), *Pyrrhocorax alpinus*, *Fregilus graculus*[3]), *Turdus saxatilis*, *Accentor alpinus*, *Hirundo rupestris*, *Cypselus alpinus*.

---

[1]) Мартинсъ въ Annales des Sciences naturelles, 1847, Octobre, p. 193, гдѣ изложены и климатическія данныя, вслѣдствіе которыхъ животное это въ состояніи жить на такой высотѣ въ снѣговой области. Гуги (Hughi) встрѣтилъ эту мышь еще на высотѣ 12,000 футовъ.

[2]) Встрѣчается и на хребтѣ Татра.

[3]) По словамъ Радде встрѣчается на Саянскомъ хребтѣ, на высотѣ 9000′.

Въ числѣ животныхъ, которыя свойственны казказскимъ и европейскимъ Альпамъ (кавказско-европейскихъ альпійскихъ животныхъ), могутъ быть упомянуты: серна, альпійскій сурокъ [1]), *Fringilla nivalis*, *Turdus torquatus*.

На Алтаѣ и Кавказѣ до сихъ поръ также водятся исключительно общія имъ животныя (алтайско-кавказскія), какъ напр. *Pyrrhula caucasica*; но въ этомъ отношеніи ближайшее изслѣдованіе ихъ можетъ еще значительно измѣнить наши взгляды.

Къ животнымъ, составляющимъ общую принадлежность хребтовъ Становаго, Саянскаго и Алтайскаго, могутъ быть причислены альпійскій волкъ (*Can. alpinus*), округленныя уши котораго напоминаютъ песца, леопардъ-Ирбисъ, кошка-Манулъ [2]), алтайскій хорекъ, *Chtonoergus talpinus*, Эверсмановъ суслякъ [3]), и *Arvicola macrotis* [4]). Но это только субальпійскіе виды животныхъ, которые водятся не только на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, но и въ горныхъ лѣсахъ. Замѣчательно, что равная имъ по значенію кабарга, которая еще болѣе упомянутыхъ хищныхъ животныхъ привязана къ горнымъ высотамъ, гораздо дальше распространена къ сѣверу, чѣмъ эти хищныя животныя. Мнѣ удалось показать, что она встрѣчается до 67-го градуса широты [5]).

Всѣ эти альпійскія животныя до такой степени отличаются отъ гиперборейскихъ, что при всемъ климатическомъ сходствѣ между глубокимъ сѣверомъ и горными возвышенностями болѣе южныхъ широтъ, мы даже не въ состояніи противупоставить соотвѣтствующія другъ другу сходныя формы животныхъ глубокаго сѣвера съ одной стороны и горныхъ возвышенностей съ другой. Мы считаемъ впрочемъ нелишнимъ напомнить, что столь аномальному гиперборейскому мускусному быку (стр. 169) на значительнѣйшихъ высотахъ среднеазіятскихъ горъ соотвѣтствуетъ длинношерстый быкъ-якъ, который, по словамъ Шлагинтвейта, выше всѣхъ другихъ животныхъ заходитъ въ горы.

---

[1]) Въ отношеніи сибирскаго сурка слѣдуетъ замѣтить, что по описанію Георги (Reise, I, p. 161) въ Байкальскихъ мѣстностяхъ, а въ особенности у Баунтскаго озера, онъ оказывается чисто альпійскимъ животнымъ, тогда какъ байбакъ на Алтайскомъ хребтѣ, по словамъ Палласа, не заходитъ выше предгорій. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ предположенія Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 158).

[2]) Изрѣдка она, говорятъ, заходитъ въ степь (Ledebour, Reise, II, p. 470). — Западный ея предѣлъ кончается на южномъ Уралѣ.

[3]) Первоначально его открыли на Алтаѣ. Я нашелъ его въ Якутскѣ. Радде (стр. 482) встрѣтилъ его на Сохондѣ, на высотѣ болѣе чѣмъ 8000 футовъ.

[4]) Radde, Reisen, I, p. 196.

[5]) На Сыверминскомъ хребтѣ, на правомъ берегу Енисея (ср. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 118). Но и къ востоку отъ рѣки Лены, на Янѣ и Индигиркѣ, она доходитъ до полярнаго круга (Врангель, Путеш. II, стр. 353), а у Верхоянска и Зашиверска (Фигуринъ, въ Сиб. Вѣстн. I, стр. 225) встрѣчается очень часто. На Становомъ хребтѣ она вѣроятно прекращается у Пенжины. Она переходитъ даже на Сахалинъ (Schrenck, Reisen, p 163). На Шантарскихъ же островахъ, гдѣ ее можно бы было предположить, судя по одному извѣстію Гедештрэма (Bullet. des Natural de Moscou, II, p. 203), ея вовсе нѣтъ.

Кабарга напоминаетъ сѣвернаго оленя потому, что также питается лишайниками. Преимущественно же она ѣстъ древесный мохъ и потому встрѣчается около криволѣсья. Какъ сумеречное животное, придерживающееся горныхъ тропинокъ, она сходна съ зайцемъ. Мнѣ случалось видѣть, какъ она ходила по уступамъ, не шире $1^1/_2$ дюйма, среди круто обрывающихся утесовъ, и прыжки, которыя она дѣлала безъ малѣйшаго новидимому усилія, были длиною въ 8 футовъ. Движенія и прыжки этого животнаго кажутся еще легче, чѣмъ у серны, потому что тѣло, покрытое длинными и густыми волосами, имѣетъ нѣсколько неуклюжій видъ, тѣмъ болѣе, что оно покоится на очень тонкихъ ножкахъ, къ которымъ волоса плотно прилегаютъ.

*

Въ противуположность млекопитающимъ животнымъ, которыя признаны нами за гиперборейскихъ обитателей тундры, тѣ гиперборейскія млекопитающія, которыя водятся и въ лѣсу (далеко-распространенныя, стр. 170), и кругоборейскія млекопитающія, всѣ, за исключеніемъ одного только Обскаго леммінга, встрѣчаются какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и на горныхъ возвышенностяхъ болѣе южныхъ широтъ, какъ напр. перемѣнный (или альпійскій) заяцъ [1]), россомаха, волкъ, горностай, ластка, лисица, медвѣдь, рѣчная выдра, рысь, лось, бобръ и т. д. Сѣверный олень прежде также водился на европейскихъ Альпахъ. Упомянутыя животныя до того освоились и тутъ и тамъ, что иногда довольно трудно сказать, откуда первоначально они пришли: съ глубокаго ли сѣвера или съ горныхъ возвышенностей, тѣмъ болѣе, что въ Европѣ передъ нашими глазами въ культурныхъ промежуточныхъ мѣстностяхъ вытѣсняется и истребляется множество борейскихъ животныхъ. Вслѣдствіе этого область распространенія иного вида животныхъ дробится на два и болѣе отдѣльныхъ участка, сѣверный и болѣе южный альпійскій.

Примѣрами такихъ затруднительныхъ случаевъ, о какихъ мною было сказано, могутъ служить альпійскій заяцъ и горностай, которые встрѣчаются на высочайшихъ альпійскихъ возвышенностяхъ; равнымъ образомъ варакушка [*Sylvia* (*cyanecula-suecica*)], которая мнѣ попадалась за 70° с. ш., но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается положительно альпійскою птицею и на европейскихъ Альпахъ встрѣчается на высотѣ 11,000 футовъ.

Тоже самое должно замѣтить объ альпійскомъ жаворонкѣ. У рѣки Таймыра я его вовсе не встрѣтилъ, а на предѣлѣ лѣсной растительности онъ мнѣ попался лишь одинъ разъ, тогда какъ мы его находимъ на большей части европейскихъ и южно-сибирскихъ хребтовъ и на горныхъ вершинахъ Кавказа и Малой Азіи [2]); на европейскихъ же Альпахъ онъ не встрѣчается.

Къ какой фаунѣ птица эта принадлежала первоначально? Вопросъ этотъ, можетъ быть, нельзя болѣе разрѣшить съ достовѣрностію. Палласъ также, какъ недавно и Радде, встрѣтилъ въ гористыхъ частяхъ Дауріи птенцовыхъ птицъ, и полагалъ, что бѣлошейныя птицы этого вида могутъ быть приняты за альпійскія, а желтошейныя за сѣверныя. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи и существуютъ постоянныя отличія, но они еще не опредѣлены. Мнѣ желтая шейка преимущественно встрѣчалась какъ принадлежность зимняго, а поблекшая бѣловатая шейка какъ принадлежность лѣтняго наряда птицъ. Такъ какъ зимою этотъ видъ простирается до Чернаго моря (45° с. ш.), а въ западной Европѣ только до средней Германіи (50° с. ш.) и Голландіи, то, соображаясь съ природнымъ его характеромъ, я готовъ принять его за сѣверную птицу, которая связана съ гористою мѣстностію и при своихъ зимнихъ странствованіяхъ преспокойно остается тамъ, гдѣ встрѣчаетъ возвышенности. На Альпахъ, можетъ быть, ея нѣтъ

---

[1]) По всей вѣроятности *Lep. altaicus Gray* (List of specimens in the Collect. of the British Museum. 1843) также не что иное, какъ весьма распространенный перемѣнный заяцъ.

[2]) Уже Палласъ (Neue Nord. Beiträge, IV, p. 48) говоритъ, что она встрѣчается лѣтомъ (въ Іюлѣ) на Гиляпскихъ Альпахъ, около спѣговаго предѣла.

потому, что зимнія странствованія ея (въ западной Европѣ) не простираются столь далеко къ югу. При всемъ томъ однакоже (съ этимъ я согласенъ) можно также предположить, что первоначальною родиною альпійскаго жаворонка были Среднеазіятскія Альпы, съ которыхъ онъ распространился къ глубокому сѣверу, а на западъ даже до Скандинавскихъ Альповъ.

Въ сѣверной Америкѣ, по которой тянется горный хребетъ въ меридіанномъ направленіи, альпійскій жаворонокъ простирается вдоль этого хребта, подобно прочимъ борейскимъ животнымъ, по крайней мѣрѣ на 20 градусовъ широты южнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ, т. е. до 30-го градуса широты.

Чечетка, которую я считаю сѣверною птицею, въ отношеніи своего распространенія очень сходна съ альпійскимъ жаворонкомъ, но водится и на европейскихъ Альпахъ. Это совпадаетъ съ ея странствованіями, которыя простираются къ югу дальше странствованій альпійскаго жаворонка, и слѣдовательно говоритъ въ пользу высказанныхъ мною выше предположеній.

Чтобы назвать и болотную птицу, я въ заключеніе упомяну еще о краснобрюхой семендюхѣ. Мы причислили ее выше (стр. 208) къ кругоборейскимъ тундреннымъ птицамъ. Но зимою она отправляется дальше на югъ и даже доходитъ до южныхъ береговъ Средиземнаго моря [1]). Нельзя не замѣтить, что при этихъ странствованіяхъ у нея проявляется наклонность селиться на горныхъ вершинахъ, какъ напр. въ верхней Штиріи [2]), гдѣ она высиживала яйца, въ Исполиновыхъ горахъ, гдѣ ее встрѣтилъ Глогеръ и гдѣ она впослѣдствіи была истреблена, но по всей вѣроятности потомъ развелась снова; по крайней мѣрѣ иначе нельзя объяснить появленіе рѣдкихъ, очень небольшихъ стай этой птицы, пролетающихъ уже въ половинѣ Августа по верхней Лузаціи [3]). Вѣроятно того-же происхожденія недавно [4]) уже въ Сентябрѣ видѣли въ Познани 5 птицъ этого вида, въ томъ числѣ птенцовъ, покрытыхъ только пухомъ. На высотахъ среднеазіятскаго хребта краснобрюхая семендюха повидимому освоилась съ мѣстностью еще больше, потому что Радде нерѣдко встрѣчалъ ее на вершинахъ Саяна у снѣговаго предѣла [5]).

Существованіе такихъ животныхъ, которыя уже въ Сибири простираются до полярнаго круга и все-таки не встрѣчаются на глубоко-сѣверныхъ тундрахъ, мнѣ кажется; соотвѣтствуетъ, въ противоположномъ направленіи, водворенію гиперборейскихъ видовъ на болѣе южныхъ горныхъ возвышенностяхъ. Въ этомъ отношеніи пищуха заслуживаетъ полнаго вниманія, потому что она, говорятъ, простирается до 66-го градуса широты и, какъ извѣстно, встрѣчается даже въ Камчаткѣ. Какъ бы далеко на сѣверѣ вы ни встрѣтили

---

[1]) Такимъ образомъ она пролетаетъ чрезъ Мальту въ Октябрѣ и Ноябрѣ, но рѣдко встрѣчается тамъ весною (Isis, 1864, p. 141).

[2]) Verhandlungen des zoolog.-botan. Vereins zu Wien, IV, p. 620.

[3]) Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, p. 214.

[4]) Тамъ-же, 1864, p. 314.

[5]) Reisen im Süden von Ostsibirien, II, p. 323 и Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII, 1864, p. 28.

Неужели она дѣйствительно вьетъ гнѣзда и въ Крыму — слѣдовательно на горныхъ возвышенностяхъ полуострова, — какъ сообщаютъ въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1839, p. 258?

этого звѣрька, нигдѣ вамъ нельзя не признать въ немъ первоначальнаго горнаго обитателя, если вамъ хоть разъ только удалось подсмотрѣть его образъ жизни. Премило сгорбившись, сидятъ пищухи на вершинахъ скалъ и утесовъ и громко пересвистываются между собою. Никогда онѣ не бѣгутъ въ прямомъ направленіи, а исчезаютъ, гдѣ только есть возможность, между скалами, потомъ снова выскакиваютъ изъ какой-нибудь расщелины, прыгаютъ по камнямъ и т. д.

Въ связи съ этимъ дальнимъ распространеніемъ пищухи къ сѣверу, заслуживаетъ, кажется мнѣ, особаго вниманія извѣстіе туземцевъ (срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 124), что въ Сибири бородастый ягнятникъ также простирается до полярнаго круга, можетъ быть даже до 68° с. ш. Это довольно вѣроятно, потому что каменные бараны и кабарги, какъ мнѣ удалось доказать, также водятся на тѣхъ-же горныхъ возвышенностяхъ. Кромѣ того и въ климатическомъ отношеніи предположеніе это не встрѣчаетъ затрудненія, потому что, по словамъ Геблера, и на Алтайскомъ хребтѣ бородастый ягнятникъ, среди самой суровой зимы, не покидаетъ недоступныхъ скалистыхъ вершинъ и не спускается даже въ ближайшія деревни.

Эверсманова суслика (*Spermophilus Eversmanni*) я принимаю также за горное животное, которое, благодаря менѣе рѣзкимъ альпійскимъ жизненнымъ привычкамъ, въ теченіе времени распространился съ южно-сибирскихъ окраинныхъ хребтовъ далеко по восточной Сибири и, какъ я показалъ, даже за 62° с. ш. Радде встрѣтилъ этого суслика на Саянскомъ хребтѣ на высотѣ до 11,000 футовъ.

Полярныя и борейскія животныя Сибири.

Въ предыдущихъ главахъ мы подробно разсмотрѣли кругополярную фауну съ подраздѣленіями ея *a*) на гиперборейскихъ и *b*) на кругоборейскихъ животныхъ, и нашли, что преимущественно стихія, въ которой водятся животныя, дала намъ поводъ распредѣлить ихъ на группы морскихъ, льдистыхъ и материковыхъ животныхъ, а во-вторыхъ безлѣсность (тундра), въ сравненіи съ лѣсистыми мѣстностями, составляетъ рѣзкую пограничную черту, находящуюся въ тѣсной связи съ климатическими отличіями.

Хотя я вовсе не намѣренъ говорить съ такою-же подробностью и о менѣе глубоко-сѣверныхъ сибирскихъ животныхъ, но считаю обязанностію своею сообщить еще нѣсколько общихъ указаній относительно географическаго распространенія тѣхъ сибирскихъ животныхъ (доселѣ въ этомъ сочиненіи спеціально неразсмотрѣнныхъ), которыя служатъ какъ бы окаймляющею рамкою глубоко-сѣверныхъ группъ животныхъ.

Прежде всего является вопросъ, можно ли фактически доказать предложенное на стр. 135—140 различіе между полярными видами животныхъ.

Отвѣтъ мой на этотъ вопросъ долженъ ограничиться тѣмъ, что географическій отдѣлъ борейскихъ животныхъ я положительно отличаю отъ отдѣла кругоборейскихъ,

установленіе же точнаго различія между полярными и соотвѣтствующими имъ кругополярными животными предоставляю будущему времени, такъ какъ слишкомъ неудовлетворительныя свѣдѣнія наши о глубокомъ сѣверѣ не позволяютъ намъ уже въ настоящее время высказаться положительно по этому предмету. Морскіе моллюски, причисленные мною къ полярнымъ видамъ, могутъ отчасти принадлежать и къ борейскимъ видамъ, полярный предѣлъ которыхъ въ теченіе времени выдвинулся къ глубокому сѣверу. Къ этой категоріи принадлежитъ, можетъ быть, и *Physa hypnorum* [1]). Что касается ракообразныхъ животныхъ глубоко-сѣверныхъ прѣсныхъ водъ, то я уже выше (стр. 139 примѣч.) [2]) замѣтилъ, что *Branchipus Middendorffianus* вѣроятно тождественъ съ Гренландскимъ *Br. paludosus* и въ такомъ случаѣ принадлежитъ къ кругополярнымъ животнымъ. Что *Apus arcticus*, котораго я нашелъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ Таймырскаго края, также, можетъ быть, кругополярное животное, мною уже замѣчено на стр. 194 [3]). Эти указанія достаточно могутъ убѣдить каждаго, что въ настоящее время мы не въ состояніи сказать положительно о глубоко-сѣверныхъ ракообразныхъ животныхъ Таймырскаго края: *Branchipus claviger*, *Polyartemia forcipata*, *Cyclopsine borealis*, *Daphnia Middendorffii*, о разныхъ новыхъ кольчатыхъ червяхъ съ Боганиды и т. д., принадлежатъ ли они къ полярнымъ или кругополярнымъ видамъ.

Богаче была коллекція новыхъ, слѣдов. повидимому особыхъ насѣкомыхъ, привезенная мною изъ Таймырскаго края [4]), и догадка, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть полярными (слѣдов. древне-полярными) видами, усиливается еще тѣмъ, что въ свою очередь и на сѣверо-американскихъ берегахъ Ледовитаго моря было открыто множество новыхъ (слѣдов. можетъ быть ново-полярныхъ) видовъ насѣкомыхъ [5]).

Помимо многихъ видовъ лососей, свойственныхъ, повидимому, берегамъ Сибирскаго Ледовитаго моря [6]), я съ другой стороны могу указать въ сѣверо-американскомъ архипе-

---

[1]) Срав. стр. 193.

[2]) Срав. также Archiv für Naturgesch. 1860, p. 194.

[3]) Къ примѣч. 2-му на стр. 193 я долженъ добавить, что у Палласа, въ его Reise durch verschied. Provinz. des Russ. Reichs, 1776, III, p. 709, *Apus arcticus* описанъ точнѣе. Ричардсонъ (Searching Expedition, 1851, p. 275) встрѣчалъ въ сѣверной Америкѣ также разные виды *Apus* и *Lepidurus* (Lynceus).

[4]) *Lyperophorus costatus*, *Platysma borealis*, *Ichneumon Middendorffii*, *I. figulus* съ рѣки Таймыра, *Carab. Baerii*, *Lyperophorus cribellus*, *Lyp. intricatus*, *Leirus brevicornis*, *Musca Boganidae*, *Anthomyia ursula*, *Lispe frigida*. *Nephrotoma aquilonia*, *Hemerobius algidus* съ Боганиды, и *Gammarus pulex*, съ 70° с. ш., вѣроятно то самое ракообразное животное, которое Степановъ (Енисейская губ. I, стр. 89, прим.) упоминаетъ подъ названіемъ «шримсовъ», найденныхъ въ кишкахъ *Cottus*, пойманнаго у Туруханска.

Привезенная съ Новой Земли *Chrysomela* (*Chr. septentrionalis*) также оказалась новымъ видомъ, который еще нигдѣ не встрѣчался.

[5]) Какъ то: *Cicindela longilabris*, *Coccinella 5 punctata*, *Stenotrachelus Roulieri*, *Pteronarcys proteus*, *Sirex fluvicornis*, *Vespa marginata*, *Pontia casta*, *Antocharis sp.*, *Colias Boothii*, *Colias Chione*, *Vanessa progne*, *Hipparchia sp.*, *Hipp. Rossii*, *Polyomnatus Franklinii*, *Hadena Richardsonii* и т. д. (Срав. Richardson, Searching Expedition, 1851, II, p. 357).

[6]) Изъ нихъ въ особенности обращаю вниманіе на двѣ рыбы Таймырскаго края:

1) *морской муксунъ* или *Djintu-dänga*, Асіанскихъ Самоѣдовъ. Онъ чрезвычайно рѣдко водится въ устьѣ Енисея и въ рѣкѣ Таймырѣ.

2) *Дохчегоръ* (*Бокчегоръ*, *Мучугоръ*), сигъ съ небольшой головой и очень большимъ бугромъ на спинѣ. Въ Таймырскомъ краѣ водится по меньшей мѣрѣ до 72° с. ш. Ловятъ его, говорятъ, также въ Енисеѣ къ югу отъ 71° с. ш.

лагѣ на *Salmo aulopus*, который не только встрѣчался за 75° с. ш., но даже заходитъ тамъ въ рѣки такихъ небольшихъ островковъ, какъ напр. *Griffith-Island* [1]).

Такъ какъ изъ числа млекопитающихъ животныхъ, кромѣ мускуснаго быка, о которомъ необходимыя свѣдѣнія нами сообщены на стр. 169, мнѣ неизвѣстенъ другой полярный видъ, то въ настоящее время нѣкоторыя птицы должны служить намъ самыми главными подпорами нашей догадки о существованіи полярныхъ позвоночныхъ животныхъ, хотя мы не можемъ рѣшительно отвергнуть мысль о томъ, что они постепенно выдвинулись къ полюсу изъ прежней болѣе южной области распространенія.

Прежде всего мы должны назвать нашего простаго чогунка (*Saxicola oenanthe*), который въ Таймырскомъ краѣ попадался мнѣ до 75° с. ш. [2]), а на Шпицбергенѣ доходитъ даже до 80-го градуса широты, слѣдов. простирается къ полюсу до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ экспедиціи въ состояніи были пробраться сухимъ путемъ. Появленіемъ его и въ Гренландіи подтверждается извѣстное сходство южной оконечности Гренландіи съ Европою, въ отношеніи флоры и фауны. При этомъ мы не можемъ не вспомнить о томъ, что подобное распространеніе чогунка, даже вблизи самаго полюса, дѣлаетъ изъ этой птицы совершенную противуположность берингово-борейскимъ животнымъ, о которыхъ будетъ говорено ниже. Въ послѣднее время повидимому даже стало достовѣрнымъ, что тѣ самые чогунки, которые лѣтомъ плодились въ Гренландіи, зимою перелетаютъ черезъ Атлантическій океанъ, въ Европу [3]).

Тщетно вы станете искать эту птицу въ американско-арктическомъ архипелагѣ; даже порода *Saxicola* чужда сѣверной Америкѣ.

Распространенію чогунка соотвѣтствуетъ также *Numenius phaeopus* [4]). Слѣдуетъ тутъ упомянуть еще и о пигалицѣ (*Vanellus cristatus*), потому что географическое распространенія ея составляетъ какъ бы переходъ къ распространенію *Num. phaeopus*, который часто заходитъ въ Исландію, не высиживая тамъ яицъ, и такимъ-же образомъ однажды былъ видѣнъ въ Гренландіи [5]).

Считаю необходимымъ напомнить также о *Motacilla alba*, *Emberiza schoenicla var. minor* [6]), *Limosa rufa*, *Tringa Temminckii*, *Tringa minuta* и т. д.

---

[1]) Arctic Miscellanies, 1852, p. 275.

[2]) Впрочемъ экспедиція М. Клинтока встрѣчала чогунка не далѣе какъ до 70° с. ш. (The Journal of the R. Dublin Society, 1860, p. 61). На европейскихъ Альпахъ птица эта также водится главнымъ образомъ въ болотистыхъ и торфяныхъ мѣстностяхъ (Tschudi, p. 88).

[3]) Впрочемъ мы не должны упускать изъ виду, что сходство птичьей фауны Гренландіи съ фауной Европы отчасти было только мнимое, потому что впослѣдствіи бо̀льшая часть птицъ, общихъ той и другой странѣ, оказалась кругополярными птицами. Рейнгардтъ (Isis, 1848, p. 254) познакомилъ насъ со множествомъ американскихъ птицъ въ Гренландіи, какъ то: *Troglodytes palustris*, *Fringilla leucophrys*, *Hirundo americana* (т. е. *rustica rufula*), *Numenius hudsonius*, *Scolopax grisea*, *Rallus carolinus*, *Anas Barrowii*, *An. albeola*, *An. perspicillata*, изъ которыхъ послѣднія лишь случайно встрѣчались на европейскихъ берегахъ. Такимъ образомъ вѣроятно и въ этомъ отношеніи есть довольно большое различіе между западными и юговосточными берегами Гренландіи.

[4]) Въ Гренландіи онъ постоянно водится до 69° с. ш. (Isis, 1848, p. 254). Внутри Финляндіи я встрѣчалъ его высиживающимъ яйца до полярнаго круга. Въ это время онъ живетъ на деревьяхъ. Впрочемъ онъ высиживаетъ яйца даже въ Кіевской губерніи.

[5]) Isis, 1848, p. 253.

[6]) Та самая птица, воторую я счелъ себя обязаннымъ признать за особый видъ и назвалъ *Emb. polaris*. Срав. L. v. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, I, p. 284.

Кажется даже, что *Larus eburneus* и *Larus Rossii*, *Anas Barrowii* [1]), *Anas Fischeri* и т. д. принадлежатъ къ такимъ птицамъ, которыя исключительно свойственны сѣверной Америкѣ, простираются до окрестностей полюса и отчасти также своимъ экваторіальнымъ предѣломъ едва доходятъ до полярнаго круга. *Charadrius semipalmatus*, котораго уже Россъ встрѣтилъ на глубокомъ сѣверѣ [2]), недавно экспедиціею М. Клинтока найденъ у Порта Кеннеди, до 72° с. ш. [3]).

Какъ бы то ни было въ отношеніи полярныхъ видовъ, но во всякомъ случаѣ противуположность между борейскими животными новаго и древняго материка не подлежитъ сомнѣнію. Принаравливая предложенныя Склатеромъ [4]) названія древне-арктической и ново-арктической области къ моимъ подраздѣленіямъ, предлагаю на всякій случай названія древне-полярныхъ и ново-полярныхъ видовъ, и за тѣмъ перехожу къ

Борейскимъ видамъ.

Области распространенія этихъ видовъ заключаются въ предѣлахъ тѣхъ-же широтъ, которыя занимаетъ кругополярная фауна, а въ особенности кругоборейскіе виды ея, имѣющіе съ кругополярными видами одинаковое значеніе въ отношеніи занимаемыхъ ими географическихъ широтъ и почти общіе экваторіальные предѣлы. Вслѣдствіе этого при распредѣленіи борейской фауны на разные отдѣлы мы примемъ въ основаніе тоже главное соображеніе, которое заставило насъ придать особенное значеніе кругополярному и кругоборейскому распространенію, т. е. обратимъ вниманіе на продольное распространеніе.

Одна только часть борейскихъ видовъ можетъ быть древне- или ново-борейскою, т. е. распространена по всѣмъ долготамъ древняго или новаго материка, съ западныхъ до восточныхъ береговъ. Напротивъ того, немаловажная часть борейскихъ видовъ, по направленію градусовъ долготы, имѣетъ болѣе ограниченное распространеніе, вслѣдствіе чего мы по необходимости должны установить подраздѣленія борейской фауны.

Съ первыхъ изслѣдованій Сибири до новѣйшаго времени, Енисей считался положительно біологически-географическою пограничною чертою; самые первые наши академическіе путешественники [5]) были поражены этимъ и неоднократно говорили, что до

---

[1]) Впрочемъ птицу эту, которая водится также въ Исландіи и Гренландіи, Шрадеръ (Cabanis, Journ. für Ornithologie, 1853, p. 318) встрѣтилъ на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова, подъ 70° с. ш.

[2]) Wiegmann, Archiv für Naturgeschichte, 1836, I, p. 195.

[3]) Journal of the R. Dublin Soc. 1860.

[4]) Isis, 1861, p. 277 и Proceed. of Linn. Society. Zool. II, p. 130. Вполнѣ освоены Гюнтеромъ въ Record of Zoolog. Litterat. 1864, стр. 42 и слѣд.

[5]) Гмелинъ (Flora sibirica, p. XLIV), кажется, первый высказалъ это мнѣніе, которое, благодаря Пеннану, быстро распространилось между зоологами.

Въ новѣйшее время подтверждено старое наблюденіе Ледебуромъ въ отношеніи сибирскихъ растеній, а Брандтомъ (Tchichatchef, Voyage scientifique dans l'Altai oriental, p. 419; Considérations sur les vertèbrés de la Sibérie occidentale) въ отношеніи сибирскихъ животныхъ.

Енисея флора и фауна почти такая-же, какъ въ Европѣ, и что только съ переходомъ черезъ эту рѣку чувствуешь себя перенесеннымъ въ другой міръ, въ Азію. Всматриваясь ближе въ этотъ способъ воззрѣнія, мы находимъ, что дѣйствительно съ одной стороны онъ справедливъ и очевидно основанъ на томъ, что на востокъ отъ Енисея почва становится гористѣе. Съ другой же стороны этотъ взглядъ основанъ на ошибкѣ, происходившей оттого, что дорога, которою ѣхали наши первые путешественники и ихъ преемники, была или употребительная еще и до сихъ поръ столбовая дорога чрезъ Тобольскъ, или старинный водяной путь къ сѣверу отъ 60-го градуса широты. Такимъ образомъ путешественники оставались въ предѣлахъ кругополярной фауны, которая не измѣняется даже у самаго сѣвернаго изгиба южныхъ степныхъ странъ, въ Барабинской степи, и въ особенности тому кажется старой знакомкой, кто хорошо знаетъ юговосточныя степныя мѣстности европейской Россіи. Если бы политическія судьбы нашего государства сложились иначе, если бы путешественники наши отправлялись изъ Одессы, какъ столицы государства, и проникали въ Сибирь чрезъ Оренбургъ, то пограничною чертою они назвали бы не Енисей, а Иртышъ или даже Ишимъ, и переправившись чрезъ верховья Енисея, а не слѣдуя по немъ вверхъ, увѣряли бы, что и къ востоку отъ него продолжается одинъ и тотъ-же характеръ флоры и фауны.

Слѣдовательно въ такомъ особомъ видѣ представили Енисей нашимъ первымъ путешественникамъ — сѣверные отроги Алтая. Настоящее положеніе дѣла высказывается уже въ одномъ мѣстѣ путеваго описанія несравненнаго нашего Палласа [1]). «Признаюсь (говоритъ онъ), что во все мое сибирское путешествіе, начиная съ Уральскаго хребта, кото«рый можетъ считаться границею между Азіей и Европою, до Байкала, я не встрѣчалъ «столько новаго и замѣчательнаго по части животныхъ и растеній, сколько въ прилегаю«щей къ Монголіи полосѣ земли, окруженной съ сѣверной стороны Байкаломъ. Правда, «что и на Енисеѣ, въ верхнихъ его, южныхъ, частяхъ, по свойству своему довольно по«хожихъ на Даурскія, уже есть много естественныхъ достопримѣчательностей, въ осо«бенности по части растительнаго царства, которыя въ западной Сибири или вовсе не «встрѣчаются, или попадаются только на болѣе возвышенныхъ частяхъ Алтайскаго «хребта. Но нигдѣ эти произведенія не находятся въ такомъ множествѣ, въ такомъ со«вершенствѣ и какъ бы у себя дома, какъ въ Дауріи и во всѣхъ горахъ по ту сторону «Байкала.»

Слѣдовательно этимъ нападеніемъ на укоренившееся уже тогда мнѣніе, Палласъ въ сущности утвердилъ за Енисеемъ его права. Онъ хотѣлъ только главнымъ образомъ перенести пограничную черту въ настоящую область истока Енисея, т. е. на Селенгу, воды которой чрезъ Байкалъ и Ангару текутъ въ Енисей; слѣдовательно дальше къ востоку.

Въ сущности, безъ сомнѣнія, онъ былъ совершенно правъ, нашъ несравненный наблюдатель. Еще въ настоящее время, когда разныя новѣйшія изслѣдованія значительно

[1]) Reise durch versch. Provinz. des Russ. Reiches, III, p. 270.

расширили объемъ нашихъ тогдашнихъ познаній, мы все-таки опять возвращаемся къ окраинѣ средне-азіятской плоской возвышенности, какъ къ тому узлу земному, съ котораго своеобразныя физіономіи животныхъ въ видѣ лучей стали распространяться во всѣ стороны. Въ Дауріи же Палласъ тѣмъ сильнѣе былъ пораженъ «новымъ и замѣчательнымъ по части животныхъ и растеній», что, находясь въ полосѣ земли, «прилегающей къ Монголіи», странствовалъ по такой странѣ, въ которой лѣсныя животныя юго-восточной Сибири смѣшиваются, или по крайней мѣрѣ сталкиваются, ближе чѣмъ гдѣ-нибудь, съ животными центральныхъ азіятскихъ степей. Радде недавно удалось показать это чрезвычайно ясно.

Но подобно Енисею, въ то время и Уралу нѣкоторые, между прочимъ и Палласъ, оказывали слишкомъ много чести. Уралъ еще меньше, чѣмъ Енисей, въ состояніи остаться пограничною чертою между фаунами двухъ частей свѣта [1]). Напротивъ того, безхарактерность Уральскаго хребта, неудовлетворившаго многому, чего ожидали отъ перехода чрезъ него, въ свою очередь придала Енисею въ глазахъ изслѣдователей болѣе рѣзкій отпечатокъ, чѣмъ онъ заслуживаетъ.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время вопросъ этотъ разъяснился на столько, что какъ за Ураломъ, такъ и за Енисеемъ, можно признать только права второстепенныхъ пограничныхъ линій. Но тѣмъ болѣе теперь пора отбросить субъективный способъ воззрѣнія, который все еще проявляется кое-когда, даже въ трудахъ новѣйшаго времени, говоря о животныхъ европейской фауны и о прониканіи ихъ въ Сибирь, тогда какъ наоборотъ слѣдовало бы говорить о сибирскихъ животныхъ, проникавшихъ въ Европу. Если бы университеты, въ которыхъ мы получаемъ свое образованіе, и мѣста писанія книгъ находились въ Сибири, то мы уже давно отрѣшились бы отъ этой неясности понятій.

Разсматривая предметъ нашего изслѣдованія въ главныхъ его чертахъ, мы находимъ, что между полярнымъ степнымъ поясомъ тундры, и кругополярной его фауной съ одной стороны — да южнымъ полупоясомъ средне-азіятской степной равнины съ другой стороны, вдвинута борейская лѣсная область Сибири.

Опредѣлить центръ распространенія животныхъ упомянутой глубоко-сѣверной тундренной степи было нетрудно. Немногимъ труднѣе окажется опредѣленіе центровъ распространенія средне-азіятскихъ степныхъ животныхъ, хотя на самыхъ западныхъ продолженіяхъ этого необозримаго степнаго края уже замѣтно значительное расчлененіе, потому что кромѣ животныхъ, распространенныхъ по всей территоріи [2]) этой степи, другія въ свою очередь населяютъ только нѣкоторыя ея части.

[1]) Довольно интересно видѣть, какъ напр. Мочульскій (Bullet. des Natur de Moscou, 1845, II, p. 92) сначала называетъ Уралъ очень важною пограничною чертою, а потомъ (стр. 127) говоритъ только объ «Уральскомъ округѣ», или даже объ «округѣ Уральскаго хребта».

Съ растеніями повторялось тоже самое, но теперь уже не дѣлается.

[2]) Хотя незнакомство наше съ восточною Монголіею не позволяетъ намъ сказать съ достовѣрностью, до какихъ мѣстъ къ востоку простираются предѣлы распространенія средне-азіятскихъ степныхъ животныхъ, но *Emys caspica*, далматскіе экземпляры которой Дюмериль (Comptes-rendus de l'Acad. de Paris, 1852, II, p. 471) никакъ не могъ отличить отъ японскихъ, все-таки ясно свидѣтельствуетъ о распространеніи ихъ по всему степному краю древняго материка.

Къ южно-европейскимъ степнымъ животнымъ, которыя простираются до самыхъ западныхъ изгибовъ степной области — чрезъ южную Россію и придунайскія земли — и въ южной Россіи [1]) всѣ достигаютъ полярнаго предѣла среднимъ числомъ подъ 50° и не далѣе 53° с. ш. [2]) (въ Орловской губерніи), принадлежатъ примѣрно: земске-щеня [3]), одинъ видъ тушканчиковъ (*Dipus jaculus*), суслику, *Sminthus vagus* [4]), *Cricetus phaeus*, *Cr. arenarius* [5]), байбаку [6]) и, хотя въ болѣе ограниченномъ видѣ (срав. стр. 94), сайга [7]); между птицами же: *Haliaetos leucorypha*, *Falco laniarius*, *Buteo leucurus* [8]), *Alauda tartarica* [9]), *Al. calandra* [10]), *Al. leucoptera* [11]), *Al. pispoletta*, *Merops persica* [12]), *Glareola austriaca* [13]), *Merula rosea* [14]), *Vanellus gregarius* [15]), *Charadrius spinosus* [16]), *Grus virgo* [17]), *Pelecanus crispus* [18]), *Anas*

---

[1]) Что въ рѣчной области Днѣпра, къ югу отъ Десны, находится предѣлъ между лѣсными и степными животными, на это обратили вниманіе сперва Гюльденштедтъ (Reise, II, p. 409), и недавно Блазіусъ (Reise, II, p. 285).

[2]) Кеслеру (Bulletin des Natur. de Moscou, 1858, p. 569, 571) мы обязаны извѣстіемъ, что въ Орловской губерніи степныя животныя *Dipus jaculus*, *Spermophilus musicus*, *Sminthus vagus*, *Cricetus phaeus*, сталкиваются съ борейскимъ лѣснымъ животнымъ *Pteromys volans*. Впрочемъ, во время Палласа, суслики подъ меридіаномъ Нижняго Новгорода простирались до $55^1/_2{}^\circ$ с. ш. (Reise, I, p. 51). — Полярный предѣлъ *Spalax typhlus* достигаетъ едва 52° с. ш. въ самой сѣверной части Кіевской губерніи (Belke въ Bulletin des Natur de Moscou, 1866, I, p. 220). — Полярный предѣлъ *Dipus jaculus* — у Симбирска (Eversmann, въ Nouv. Mém. de la Soc. de Moscou, 1855, X, p. 272), слѣдовательно на Волгѣ даже подъ $54^1/_4{}^\circ$ с. ш.

[3]) *Spalax typhlus*, по словамъ Эверсмана (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, 1855, X, p. 273), встрѣчается и къ югу отъ Урала (на Устьюртѣ).

[4]) Не тѣсно связанъ со степью, потому что встрѣчается вплоть до Финляндіи и Швеціи.

[5]) Встрѣчался даже въ Крыму.

[6]) Впрочемъ байбакъ едва простирается до Днѣпра и, казалось, не заходитъ за него дальше къ западу. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи находятся говорятъ, самые западные форпосты его (Кеслеръ, Животныя губерній Кіевскаго Учебнаго округа, 1850, стр. 46). — Шауеръ же (Wiegmann's Archiv für Naturgesch. 1866, p. 105) недавно сообщилъ, что *Arctomys Bobak* встрѣчается на хребтѣ Татра. — По его словамъ и *Spermophilus guttatus* простирается къ западу дальше, чѣмъ намъ прежде было извѣстно.

[7]) Ср. то, что нами сказано о ней на стр. 94. Уже во время Палласа (Reise, II, p. 456) она едва простиралась до Оби, хотя въ Барабинской степи полярный предѣлъ ея выдвигался далѣе всего къ сѣверу, т. е. до 55° с. ш.

[8]) Встрѣчается и въ Австріи (Wiener zool.-botan. Verhandl. VII, p. 555 и сл.), подобно *Al. tartarica*.

[9]) Вмѣстѣ съ *Alauda calandra* въ Сибири къ сѣверу она едва-ли простирается дальше Индерска (Eversmann, Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, p. 284). Близъ Арарата Гюльденштедтъ (Reise, p. 258) нашелъ ее на гнѣздѣ. Я получилъ ее изъ Подольской губерніи и около Кіева. Она залетаетъ, говорятъ, даже въ Курляндію (Lichtenstein, въ Bulletin des Natur. de Moscou, I, p. 292).

[10]) Сколько мнѣ извѣстно, Ледебуръ (Reise, p. 385, 393) первый указалъ намъ на нее, какъ на сибирскую птицу. Мнѣ удалось прослѣдить ее въ Сибири до 55° с. ш.

[11]) Встрѣчается въ восточной Галиціи (Wodzicki, Naumannia, II, 2, p. 68).

[12]) Простирается до европейской Турціи и до Греціи.

[13]) На Волгѣ вьетъ гнѣзда до 49° с. ш. (Moeschler, Naumannia, 1853, III, p. 305).

[14]) Хотя въ европейской Россіи птица эта нелегко заходитъ за 52° с. ш. (Eversmann, Cabanis Journal für Ornithol., 1853, p. 291), но она встрѣчается въ Финляндіи (Nylander, Finska foglars finska namn, p. 287) и далѣе къ западу даже въ Даніи (Naumannia, 1850, III, p. 41) и на остр. Гелголандѣ (Cabanis, Journ. für Ornithol. 1853, p. 69). Впрочемъ ее встрѣтили уже и на Скандинавскомъ полуостровѣ, близъ Фалуна (Sundevall въ Zeitschr. für die gesammten Naturwissensch. 1857, Aug.) и въ Шоніи, подъ 56° с. ш. (Naumannia, 1852, 3, p. 9).

[15]) Встрѣчался и въ Провансѣ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1856, p. 227).

[16]) Впрочемъ это, можетъ быть, птица болѣе южныхъ широтъ, выдавшаяся къ сѣверу въ южно-русскія степи, подобно открытому въ южной Испаніи *Caprimulgus rufi-collis*, котораго Чернай (Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1863) добылъ около Харькова.

[17]) Случайно около Харькова и Кіева (Ср. Кеслера въ вышеприв. мѣстѣ, стр. 39 и Черная, О фаунѣ Харьков. губерніи 1850, стр. 36), и на островѣ Мальтѣ (Ibis, 1864, p. 142).

[18]) Убитъ однажды даже въ Финляндіи (Cabanis, Journal für Ornithol. 1864, p. 371).

moschata, *An. rufina* [1]) и т. д.; изъ числа амфибій: *Emys caspica*, *Eremias variabilis*, *Coluber trabalis*, *Rana cachinnans*. У насъ есть даже нѣсколько относящихся сюда видовъ, которые водятся только на находящемся къ западу отъ Волги изгибѣ огромнаго средне-азіятскаго степнаго края, какъ напр. слѣпышъ (*Spal. typhlus*), пестрый суслик, байбакъ, *Glareola melanoptera* и т. д.

Очевидно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ то время, какъ морскіе обитатели Арало-Каспійскаго водоема преимущественно изображаютъ только характеръ выродившейся фауны Средиземнаго моря, съ другой стороны Арало-Каспійская низменность составляетъ и составляла центръ распространенія множества своеобразныхъ, характеристичныхъ видовъ животныхъ суши. Нѣкоторые изъ этихъ видовъ, кажется, и въ настоящее время подвигаются на западъ. Такъ вѣроятно въ числѣ вышеупомянутыхъ птицъ замѣчено отсутствіе чрезвычайно характеристичныхъ степныхъ формъ *Saxicola saltatrix*, *Saxicola leucura*, *Otis tetrax*, *Otis tarda*, *Pterocles arenaria*, *Charadrius aegyptiacus*, о которыхъ я съ намѣреніемъ выше не упомянулъ, потому что онѣ простираются по всѣмъ удобнымъ мѣстностямъ на полуостровахъ сѣвернаго берега Средиземнаго моря, до испанскаго полуострова [2]) и даже до сѣвернаго берега Африки [3]). Какъ ни ясно, что настоящая родина этихъ видовъ — Арало-Каспійская низменность, но все-таки они распространились дальше и потому совершенно перемѣшались съ фауною водоема Средиземнаго моря. Примемъ за представителей послѣдней примѣрно: *Cervus dama*, извѣстные виды *Viverra* и *Herpestes*, шакала, *Hystrix cristata* [4]) и единственную европейскую обезьяну, *Inuus sylvanus*, а изъ птицъ *Falco Eleonorae*, *F. concolor*, *F. tinnunculoides*, *Parus pendulinus* [5]),

---

[1]) Вьетъ гнѣзда даже въ Даніи (Naumannia, 1850, II, p. 21 и III, p. 54).

[2]) О томъ, что вторая изъ этихъ птицъ встрѣчается въ Испаніи, ср. Naumannia, 1850, II, p. 7; что она водится и около Константинэ, упомянуто мимоходомъ въ одномъ путевомъ описаніи (Ausland, 1833, № 41, p. 979). Я нашелъ *Pterocles arenaria* между шкурками, привезенными А. Шренкомъ съ озера Балхаша. Птица эта простирается къ западу даже до Канарскихъ острововъ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1855, p. 173). — *Charadr. aegyptiacus* встрѣчался въ южной Испаніи (Cabanis, Journal für Ornithol. 1854, I, p. 70).

[3]) *Otis tetrax*, которая къ востоку не достигаетъ Дауріи (Pallas, Reise, III, p. 220), къ западу часто встрѣчалась на сѣверѣ, какъ напр. въ Курляндіи, въ Шоніи (Naumannia, 1852, p. 9), даже въ Ирландіи (Thompson, Report of the British Association, Tenth Meeting, 1841, p. 373). У Средиземнаго моря по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ Naumannia, 1850, II, p. 8, и Wiegmann's Archiv für Naturgesch. 1853, II, p. 31. — Встрѣчается и въ Провансѣ (Cabanis, Journ. für Ornithol. 1856, p. 227). — Что касается до *Otis tarda*, то эта птица выказала гораздо бо́льшую способность распространяться, потому что начиная на востокѣ съ Забайкалья, водится по всему западу и нѣкогда простиралась даже до Англіи, гдѣ она однакоже истреблена съ 1838 года (Cabanis, Journal für Ornithol. 1862, p. 147). Она, какъ извѣстно, встрѣчается еще на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря (напр. вьетъ гнѣзда около Штеттина; ср. Naumannia, 1857, p. 127) и даже залетала въ Финляндію (Oefversigt af Finska Vetenskaps Societ. Förhandlingar, II, 1853—1855, p. 72, и Nordmann въ Bulletin da la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 35).

[4]) Къ востоку дикобразъ простирается до рѣки Или (45° с. ш.), откуда А. Шренкъ привезъ иглы этого животнаго.

[5]) Замѣчательно одно мѣсто въ Путешествіи Сам. Гмелина (II, p. 194), гдѣ онъ говоритъ: „Лѣтомъ въ Астрахани исчезли всѣ синицы, за исключеніемъ ремеза. Радде (Reisen, II, p. 193) показалъ, что птица эта водится въ Амурскомъ краѣ.

Circus pallidus [1]), *Merops apiaster* [2]), *Columba aegyptiaca* [3]), *Perdix graeca* [4]), *Cursorius isabellinus* [5]), *Ibis falcinellus* [6]), *Recurvirostra avocetta*, *Hypsibates himantopus* [7]), *Ardea nycticorax*, *A. comata*, *Platalea leucorodia* [8]), *Phoenicopterus roseus* [9]), *Anas rutila* [10]) и т. д.

По новѣйшимъ извѣстіямъ сюда относится и *Anas mersa* [11]).

У большей же части средне-азіятскихъ степныхъ животныхъ центръ распространенія находится дальше къ востоку, такъ какъ постоянный западный предѣлъ простирается не дальше рѣчныхъ системъ Каспійскаго водоема. Напр. *Antilope gutturosa*, джиггетай, лисица-корсакъ [12]), *Mustela alpina*, кошка-Манулъ (буде она не относится къ альпійскимъ животнымъ; ср. стр. 235), ушастый, [13]) и чернобрюхій ежъ (*Er. hypomelas*), тушканчики (напр. *Dipus sagitta*), разные виды хомяковъ и *Gerbillus* (*Cricetus furunculus*, *songarus*, а можетъ быть и *Cric. nigricans*), *Siphneus Aspalax* [14]) и нѣкоторые изъ большаго числа сусликовъ, описанныхъ Лихтенштейномъ, Эверсманномъ и Брандтомъ. *Lepus Tolai* повидимому также относится сюда. Между птицами: *Alauda mongolica*, *isabellina*, *Otis*

---

[1]) И послѣдніе два вида встрѣчались въ Европѣ до 50° с. ш. (Naumannia, 1849, p. 7).

[2]) Въ европейской Россіи полярный предѣлъ его почти совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ степныхъ животныхъ, слѣдов. среднимъ числомъ доходитъ до 50° с. ш. Я встрѣтилъ его около Кіева; Чернай (Bulletin des Natur. de Moscou, 1850) около Харькова.

[3]) Въ Россіи встрѣчается до 50° с. ш. около Харькова по словамъ Черная (Bulletin des Natur. de Moscou, 1850, XXIII).

[4]) Простирается чрезъ Зюнгарію до южнаго Алтая (Eversmann, Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, p. 292). На Татрѣ зимуетъ близъ криворослаго лѣса (Cabanis, Journal für Ornithol. 1853, p. 431).

[5]) *Cursorius isabellinus* встрѣчается также въ сѣвер. Африкѣ, около Константины (Ausland, 1853, № 41, p. 979). Случайно залетѣлъ въ Мекленбургъ (Cabanis, Journal für Ornithol. p. 67). Не очень рѣдокъ и въ Провансѣ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1856, p. 227) и даже встрѣчается на Канарскихъ островахъ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1855, p. 173).

[6]) На Волгѣ до 49° с. ш. (Moeschler въ Naumannia, 1853, III, p. 305). Эверсманъ (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, 1855, X, p. 280) также говоритъ, что *Ibis falcinellus* залетаетъ даже до Казани, равно какъ *Platalea leucorodia* и *Pelecanus crispus*. Случайно въ Норвегіи (Naumannia, 1855, p. 133) и даже въ Исландіи. — Около Константины (Ausland, 1853, № 41, p. 979).

[7]) Подъ 49° с. ш. на Волгѣ высиживалъ яйца (Moeschler въ Naumannia, 1853, III, p. 305). Около Кіева встрѣчается уже какъ исключеніе (Кеслеръ въ вышеприв. соч. стр. 13 и 14).

[8]) Послѣднія три встрѣчаются около Харькова и Кіева (Кеслеръ въ вышеприв. соч. стр. 43, 47, 53; Чернай въ Bulletin des Natur. de Moscou. 1850, XXIII). — *Platalea leucorodia* случайно встрѣчалась близъ Норвегіи (Wallengren, Naumannia, 1855, p. 133).

[9]) Случайно встрѣчается въ Подольской губ. (Кеслеръ въ вышеприв. соч., стр. 64).

[10]) Простирается до Константины (Ausland, 1853, № 41, p. 979). Въ южной Россіи вьютъ гнѣзда въ байбачьихъ норахъ и такимъ образомъ достигаетъ до полярныхъ предѣловъ этого сурка, какъ напр. въ Харьковской губерніи (Чернай, О Фаунѣ Хярьков. губ. 1850, стр. 31).

Она водится въ Силезіи (Cabanis, Journal für Ornithol. 1853, p. 217), а случайно заходитъ даже въ Ирландію (The Zoologist, 1847, p. 1877) и Стокгольмъ (Naumannia, 1855, p. 133).

[11]) По словамъ Мальэрба (Archiv für Naturgeschichte 1848, II, p. 7) часто встрѣчается въ Алжирѣ.

Въ Сибири къ сѣверу простирается до Барабинской степи, гдѣ ее встрѣтилъ Палласъ. Вьетъ гнѣзда на Волгѣ подъ 49° с. ш. (Moeschler въ Naumannia, 1853 III, p. 306).

[12]) Встрѣчается еще къ западу отъ рѣки Урала, по направленію къ Самарѣ (Eversmann въ Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, 1855, T. X, p. 269).

[13]) На лѣвомъ берегу Волги находится западный предѣлъ ушастаго ежа, по Эверсману (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, 1855, T. X, p. 269). Къ югу онъ идетъ чрезъ восточные берега Чернаго моря (Démidoff, Voyage, III, p. 12) до Египта.

[14]) По словамъ Эверсмана (Nouv. Mém. de la Soc. des Natural. de Moscou, 1855, T. X, p. 272), *Siphneus aspalax* (*Chtonoergus talpinus*) на сѣверо-западъ простирается до Уфы; слѣдоват. на лѣвомъ берегу Волги почти до 55° с. ш.

Macquenii [1]), *Phasianus torquatus*, *Ph. mongolicus*, *Saxicola gutturalis* (*Sax. salina* по Эверсману, см. Cabanis, Journ. für Ornithologie, 1853, p. 287), *Salicaria Aralensis*, *Merops persica* [2]), *Glareola Nordmanni* [3]), *Pterocles alchata* [4]), *Syrrhaptes paradoxus* [5]), *Charadrius asiaticus*, *Vanellus Aralensis*, *Anser cygnoides*, *An. rufina* и т. д. Большое число амфибій: *Phrynocephalus auritus*, *Phr. helioscopus*, *Phr. caudivolvulus*, *Stenodactylus pipiens*, *Coluber Dione* [6]), *Vipera cornuta*, *Trigonocephalus halys*.

Между насѣкомыми встрѣчаются тѣ странные, тропическаго вида, жуки Арало-Каспійскаго водоема, которые къ востоку простираются только до озера Балхаша, и съ породами которыхъ мы впервые познакомились въ Египтѣ, какъ напр. *Ateuchus*, *Copris*, *Onitis*, *Oniticella*.

Другія животныя въ средне-азіятской степи встрѣчаются только въ восточной Монголіи, какъ напр. *Lagomys Ogotona* (замѣчательное животное, которое посредствомъ видовыхъ родичей своихъ принадлежитъ къ положительно-альпійской породѣ), Даурскій суслякъ, нѣкоторые виды *Arvicola* (напр. *Arv. Brandtii*, *Arv. mongolicus*).

Какъ настоящія тундренныя животныя принадлежатъ къ самымъ достовѣрнымъ типамъ зоологической географіи, такъ и настоящія степныя животныя. Даже между близко-сродственными видами одной и той-же породы — *Lagomys*, *Spermophilus* — одинъ видъ степное, другой лѣсное и горное животное. Впрочемъ нѣкоторыя степныя животныя выказываютъ менѣе исключительный характеръ и стремленіе распространяться за предѣлы степей, такъ что подобными особями сглаживается первоначально рѣзко выразившійся характеръ этихъ животныхъ [7]).

[1]) Недавно Дюбуа пытался доказать, что *Ot. Macquenii*, какъ азіятскій видъ, долженъ быть противупоставленъ *Ot. Houbara*, какъ африканскому виду (Cabanis, Journal für Ornithol. 1865, p. 301). За тѣмъ *Ot. Macquenii* считается тотъ видъ, который залетаетъ въ сѣверную Европу, гдѣ его напр. встрѣчали въ Шлезвигѣ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1857, p. 292); въ Бельгіи (Institut, 1846, Août, p. 278) и въ Швейцаріи (Verhandl. der Schweizer. Naturforsch. Gesellsch. 1848, p. 56). Въ такомъ случаѣ слѣдоват. дрохва, часто встрѣчающаяся въ Испаніи, Португаліи и Италіи, равно какъ въ Провансѣ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1856, p. 227), а въ особенности въ Камаргѣ и на Канарскихъ островахъ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1855, p. 173), должна быть настоящая *Ot. Houbara*

[2]) Впрочемъ *Merops persica* какъ исключеніе встрѣчалась и на западѣ южной Россіи (Démidoff, Voyage, III, p. 207).

[3]) Кесслеръ впрочемъ добылъ ее около Кіева. По словамъ Эверсмана (см. вышепривед. соч. стр. 279, 293) она замѣняетъ не встрѣчающуюся къ востоку отъ Каспійскаго моря *Gl. austriaca*, которую однакоже Радде (стр. 301) встрѣтилъ и въ Монголіи.

[4]) До Екатеринослава по Чернаю (см. выше). У озера Балхаша.

[5]) Что недавно произошло лишь очень необыкновенное нашествіе этого животнаго, видно уже изъ того, что еще незадолго передъ тѣмъ, по словамъ Эверсманна (Cabanis, Journal für Ornitholgie 1853, p. 292), птица эта встрѣчалась только къ востоку отъ Каспійскаго моря и на западномъ предѣлѣ своемъ къ сѣверу не простиралась далѣе 46° с. ш. Ньютонъ (Günther, Record of Zoolog. Litterat. 1864, p. 90) насчиталъ не меньше 700 птицъ, участвовавшихъ въ этомъ нашествіи. При всемъ томъ у него недостаетъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ изъ этихъ птицъ, нахлынувшихъ въ то время на Европу. Такъ напр. въ Лифляндіи показалось ихъ болѣе дюжины, которыя были замѣчены только потому, что нѣкоторыя изъ нихъ пробили себѣ черепъ о телеграфную проволоку.

Подъ 49° с. ш. они однажды показались на Волгѣ (Moeschler въ Naumannia, 1853, III, p. 305).

[6]) Академическому музею присланъ былъ также изъ Забайкалья.

[7]) И въ Суданѣ Брэмъ (Reise-Skizzen aus Nordost-Africa, III, p. 124) замѣтилъ, что степныя животныя часто встрѣчаются въ лѣсахъ, когда въ послѣднихъ есть вода, а настоящіе лѣсные обитатели въ свою очередь заходятъ далеко въ степь.

Въ отношеніи фауны этого степнаго пояса [1]), какъ уже можно было предположить при достаточномъ знакомствѣ нашемъ съ климатическими его условіями, не оказывается существеннаго различія, ни на западной его половинѣ, которая носитъ на себѣ всѣ признаки прежняго морскаго дна и отчасти даже находится гораздо ниже морскаго уровня, ни на восточной половинѣ, въ степи Гоби, лежащей высоко надъ поверхностію моря.

Борейскій лѣсной край, рѣзко ограниченный этими двумя степными полосами, занимаютъ, какъ мы уже пояснили выше (стр. 197), кругоборейскія лѣсныя животныя; къ нимъ присоединяется еще нѣсколько древне-борейскихъ видовъ, т. е. такихъ видовъ, которые исключительно свойственны борейскому поясу всего древняго материка, слѣдов. какъ Сибири, такъ и сѣверной и средней Европы, отъ Атлантическаго до Великаго океана. Кромѣ того, къ вышеупомянутымъ видамъ присоединятся еще разные виды борейскихъ животныхъ — въ одномъ мѣстѣ одни, въ другомъ другіе — имѣющіе меньшее продольное распространеніе и лучше всего видные изъ подраздѣленій, которымъ мы постараемся дать самыя подходящія названія. Въ сравненіи съ сѣверной Америкой Сибирь особенно поучительна по слѣдующему обстоятельству: сѣверная Америка, тянущаяся по направленію меридіановъ и какъ бы скучившаяся вдоль меридіаннаго горнаго хребта, представляетъ безкопечное однообразіе по направленію съ сѣвера на югъ, тогда какъ въ Сибири это однообразіе простирается болѣе всего по направленію съ востока на западъ.

Число сибирско-европейскихъ, слѣдовательно

древне-борейскихъ животныхъ

гораздо больше, чѣмъ бы можно было думать, прежде нежели приступишь къ точному ихъ распредѣленію; оно въ особенности стало достовѣрнѣе вслѣдствіе изслѣдованій Шренка, которому удалось указать несомнѣнное тождество нѣкоторыхъ, живущихъ въ Амурскомъ краѣ, видовъ съ европейскими.

Изъ числа млекопитающихъ животныхъ мы назовемъ тутъ слѣдующихъ: бѣлку, простую и малорослую буторку [2]), доходящую до береговъ Ледовитаго моря, тогда какъ водяная буторка (*Sor. fodiens* Pall.) простирается къ полюсу не столь далеко [3]), лѣсную

---

[1]) Рено (Reynaud) называлъ западную половину этого пояса *équateur de contraction* нашего земнаго шара, а Пюшеранъ — *équateur zoologique* (Guérin, Revue et Magazin de Zoologie, 1855, p. 205, 305).

[2]) Въ Европѣ *Sorex vulgaris* простирается до самого крайняго сѣвернаго предѣла (Malmgrén въ Archiv für Naturgesch. 1864, XXX, p. 65). На Хатангѣ эта буторка часто встрѣчалась еще подъ 72° с. ш. Оба вида доходятъ до Устьянска и Нижнеколымска (Сибир. Вѣсти. I, стр. 220, по словамъ Фигурина, и стр. 142, по словамъ Кибера). Я видѣлъ мѣха изъ Камчатки.

На европейскихъ Альпахъ она является не менѣе высоко-альпійскимъ животнымъ. Въ сѣверной Америкѣ нашей простой буторкѣ соотвѣтствуетъ *Sor. Forsteri*, которая, по словамъ Кинга (II, стр. 17), простирается тамъ до $67\frac{1}{2}$° с. ш.

Малорослая буторка во многихъ мѣстахъ вѣроятно еще вовсе не была замѣчена, но все болѣе начинаетъ появляться въ западной Европѣ. На нашихъ западныхъ границахъ она часто встрѣчается въ Бессарабіи (Démidoff, Voyage, III, p. 13).

[3]) Въ послѣднее время распространено ошибочное извѣстіе (Симашко, Русская фауна), что будто бы эта буторка не встрѣчается въ восточной Сибири; но уже Палласъ (Zoogr. I, p. 130) говоритъ, что она во множествѣ водится на Енисеѣ, и я встрѣчалъ ее до Охотскаго моря.

мышь (*mus sylvaticus*), водяную крысу (*Arv. amphibius*)[1]), *Arvicola arvalis*, по крайней мѣрѣ пять видовъ летучихъ мышей[2]), оленя, козулю, кабана, ежа[3]), барсука[4]), рѣчную выдру. Изъ птицъ сюда относятся: *Buteo vulgaris* (лишь въ области высокоствольныхъ деревъ), *Falco subbuteo*, *F. tinnunculus* [5]), *F. vespertinus F. aesalon*, *Aquila naevia*, *Aq. imperialis*, *Aq. chrysaëtos*, *Pandion haliaetus*, *Milvus niger*, *Circus cyaneus*, *C. rufus*, *Astur nisus*, *Astur palumbarius*, *Strix Bubo*, *Str. Otus*, *Str. noctua*, *Str. passerina*, *Caprimulgus europaeus* [6]) (?), *Cypselus apus*, *Cuculus canorus* [7]), *Jynx torquilla* [8]), *Picus martius*, *P. leuconotus*, *P. major*, *P. tridactylus* [9]),

---

[1]) Водяная крыса не только въ Европѣ (напр. въ Скандинавіи и на паносныхъ островахъ Сѣвер. Двины у Архангельска) простирается до Ледовитаго моря, но и на Енисеѣ доходитъ до 70° с. ш. До какихъ мѣстъ она простирается по рѣкѣ Ленѣ къ сѣверу, мнѣ неизвѣстно, но въ Якутскѣ она встрѣчается еще очень часто. Срав. стр. 112.

[2]) *Vesp. borealis*, *Daubentonii*, *mystacinus*, *Nattereri* и *Plecotus auritus*, которые указаны мною (нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 78), Шренкомъ (I, стр. 108) и Радде (I, стр. 127) на самомъ крайнемъ востокѣ Сибири. *Vesp. borealis* находится и въ Камчаткѣ.

Со временемъ сюда можно будетъ еще включить *V. pipistrellus* и *dasycnemus*, потому что Эверсманъ встрѣчалъ ихъ на Уралѣ (Bulletin des Natur. de Moscou, 1835, X, p. 269).

[3]) Изъ словъ Палласа (Zoogr. I, p. 137) можно бы было заключить, что по ту сторону Урала, слѣдов. въ Азіи, вовсе нѣтъ европейскаго ежа. Но это можно опровергнуть собственными замѣчаніями Палласа (Reise, II, p. 483), гдѣ онъ самъ прямо говоритъ, что европейскій ежъ встрѣчался у Ямышевской, хотя и рѣже ушастаго. Георги также нашелъ европейскаго ежа у Иртыша. Съ тѣхъ поръ, какъ Шренкъ (Reisen und Forschungen im Amur-Lande, I, p. 100) ясно доказалъ, что въ Амурскомъ краѣ европейскій ежъ преимущественно встрѣчается на правомъ берегу рѣки, съ тѣхъ поръ нельзя сомнѣваться въ правильности его заключенія, что европейскій ежъ распространенъ по всей средней Азіи. Догадку эту положительно подтвердилъ Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 117).

Если же при всемъ томъ въ большей части Сибири ежъ вовсе не водится и только мѣстами заходитъ въ южные ея предѣлы, то это, мнѣ кажется, должно быть приписано не мѣстнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, болотистымъ мѣстностямъ и т. д. (какъ полагаетъ Радде), а скорѣе зимней стужѣ и сопряженному съ нею холоду почвы. Ежъ зимою спитъ и коченѣетъ уже при небольшомъ морозѣ.

И въ Европѣ полярный предѣлъ ежа простирается недалеко къ полюсу. Въ Финляндіи я не находилъ его далѣе 62° с. ш. Отсюда этотъ предѣлъ, кажется, сильно понижается, въ западной Сибири совершенно выходитъ изъ Сибири, и лишь у южнаго изгиба Амура подходитъ къ лѣвому берегу этой рѣки, слѣдовательно снова вступаетъ въ Сибирь. Эверсманъ (Nouv. Mém. des Natur. de Moscou, X, p. 269) говоритъ, что европейскій ежъ еще часто встрѣчается на Уралѣ, а именно до Казани.

[4]) Барсукъ еще недавно могъ считаться образцомъ Ленско-европейскаго животнаго. Радде и Шренкъ доказали, что въ Амурскомъ краѣ онъ водится до Великаго океана. Въ рѣчной области Уди онъ уже встрѣчается рѣдко и не заходитъ дальше къ полюсу. Какъ его нѣтъ на крутыхъ альпійскихъ горахъ, напр. на главномъ кряжѣ Саянскаго хребта (по словамъ Радде) и на европейскихъ Альпахъ выше 6000′, такъ онъ положительно избѣгаетъ область ледяной почвы, подобно ежу. Оба зимою спятъ.

Въ Европѣ онъ простирается, кажется, едва ли за 63° с. ш. Подъ этого широтою, а можетъ быть и нѣсколько дальше къ полюсу, онъ встрѣчается на Печорѣ и на Уралѣ. Въ западной Сибири онъ доходитъ до 58° с. ш.

[5]) Какъ въ Сибири, такъ и въ Европѣ, почти до Ледовитаго моря (Naumannia, 1854, p. 67).

[6]) Еще не вполнѣ рѣшено (ср. Schrenck, Reisen und Forschungen, I, 2, p. 253).

[7]) Отъ Европы до Енисея полярный предѣлъ его мнѣ извѣстенъ до 67° с. ш. На Ленѣ онъ повидимому даже доходитъ до 70-го градуса широты, потому что, по словамъ Фигурина (Сибир. Вѣстн. I, стр. 231), встрѣчается около Булуна.

[8]) Встрѣчается и въ Камчаткѣ. Въ Финляндіи я видѣлъ его подъ 63° с. ш.

[9]) Американскій трехпалый дятелъ (*Picus hirsutus Veill.*), вполнѣ соотвѣтствующій ему по своему широтному распространенію, такъ сходенъ съ *P. tridactylus*, что обѣ птицы, пожалуй, могутъ быть приняты за одинъ общій кругополярный видъ.

P. minor [1]), *P. canus*, *Alcedo ispida*, *Upupa epops* [2]), *Alauda arvensis*, *Emberiza aureola* и др. (срав. стр. 275), *E. schoenielus*, *Accentor modularis* [3]), *Pyrrhula vulgaris*, *Fringilla spinus*, *Fr. montifringuilla*, *Fr. petronia*, *Fr. coelebs*, *Passer domesticus*, *P. montanus*, *Coccothraustes vulgaris* [4]), *Loxia curvirostra*, *Parus caudatus*, *P. cyanus*, *P. major*, *P. caeruleus*, *P. ater*, *P. palustris* [5]), *Corv. corone* [6]), *Corvus frugilegus* [7]), *Corv. monedula*, *Pica cyana*, *Nucifraga caryocatactes*, *Certhia familiaris*, *Cinclus aquaticus*, *Anthus arboreus*, *A. pratensis*, *A. rufogularis*, *Motac. alba* [8]), *Mot. sulphurea*, *Mot. flava*, *Turdus musicus*, *T. iliacus*, *T. pilaris*, *Saxicola rubicola*, *Regulus cristatus*, *Sylvia turdoides*, *S. suecica*, *S. phoenicurus*, *S. trochilus*, *S. curruca*, *S. rufa*, *S. sibilatrix* [9]), *Lanius excubitor*, *Hirundo urbica*, *Columba turtur* [10]), *Col. livia*, *Tetrao urogallus* [11]), *T. tetrix*, *T. bonasia*, *Perdrix cinerea* [12]), *Coturnix dactylisona* [13]),

---

[1]) Загоскинъ (Пѣшеходная Опись, стр. 42) говоритъ, что онъ встрѣтилъ эту птицу на сѣверо-западномъ берегу Америки. По ближайшемъ разсмотрѣніи этого экземпляра, я нашелъ, что это *Pic. pubescens*.

[2]) Въ Волжской системѣ полярный предѣлъ удота простирается едва до 56° с. ш. (Казани), по Эверсману (Cabanis, Journal für Ornithol. 1853, p. 291). Хотя онъ чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ нашемъ Остзейскомъ краѣ, но все-же его убивали около Абова въ Финляндіи и даже (Шрадеръ) въ Лапландіи.

Въ Норвегіи попадается какъ исключеніе, но на Эландѣ его очень много (Wallengrén въ Naumannia, 1855, стр. 132). Въ видѣ рѣдкаго гостя встрѣчался до Улеоборга въ Финляндіи. Шрадеръ въ Сентябрѣ застрѣлилъ даже стараго самца въ Лапландіи — слѣдовательно въ чертѣ полярнаго круга (Nordmann, въ Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 13).

[3]) По словамъ Шрадера встрѣчался въ Лапландіи, подъ 69° с. ш.

[4]) Еще часто встрѣчается въ Финляндіи (Nylander, Finska foglars, Finska namn, p. 290, и Malmgrén въ Sällsk. pro Fauna et Flora Fennica, Ny Serie, III, 1861, p. 103).

[5]) Можетъ быть тожественъ съ *P. atricapillus;* въ такомъ случаѣ это кругополярная птица.

[6]) На сѣверо-западѣ *Corv. corone* встрѣчался у Ладожскаго озера (Naumannia, 1852, p. 103), въ Финляндіи (Bulletin des Natur. de Moscou, 1860, p. 22) и около Упсалы (Naumannia, 1854, p. 120).

[7]) Въ Финляндіи (Wright, Helsingfors Traktens Fogel-Fauna, 1847, p. 40, и Nordmann въ Bulletin des Natur. de Moscou, 1860, p. 22); около Архангельска ($64^1/_2$°) я находилъ его (Baer und Helmersen, Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, VIII, p. 233) и Лилѣборгъ подтверждаетъ, что птица эта встрѣчается тамъ (Kon. Vet. Akad. Handling. 1850, II, p. 289).

[8]) Такъ какъ въ Таймырскомъ краѣ трясогузка еще часто попадалась мнѣ подъ 71° с. ш. (Фигуринъ видѣлъ ее также близъ Устьянска), да и въ Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ встрѣчается часто, то довольно странно, что она никогда не посѣщаетъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки. Такимъ-же образомъ она никогда не залетаетъ въ Гренландію, хотя живетъ въ Исландіи.

[9]) Послѣдніе три вида Шрадеръ видѣлъ въ Лапландіи.

[10]) Въ Эстляндіи очень рѣдко доходитъ до 59° с. ш.; въ шведской же Лапландіи простирается за полярный кругъ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1863). Встрѣчалась около Вологды, подъ 59° с. ш.

[11]) Должно быть, истребленъ во многихъ мѣстахъ Европы; напр. въ Лифляндіи область его распространенія съуживается съ каждымъ годомъ и ограничивается только большими лѣсами, тогда какъ въ Финляндіи онъ мнѣ встрѣчался въ чертѣ полярнаго круга, не рѣдко на гнѣздѣ на ровныхъ мшистыхъ болотахъ, и встрѣчался еще гораздо чаще тетерекъ. По этому онъ еще попадается въ нѣкоторыхъ горахъ южной Европы, какъ напр. верхней Италіи, Анатоліи (Mühle, Beiträge zur Ornithologie Griechenlands, 1844, p. 84) и въ испанскихъ Пиренеяхъ (Isis, 1837, p. 472). Около Штеттина его берегутъ (Naumannia, 1857, p. 122). Можетъ быть это Лесно-атлантическая птица.

[12]) Въ Финляндіи я встрѣтилъ эту птицу подъ 62° с. ш. у Ладожскаго озера, гдѣ она, какъ говорятъ, разведена искусственно. Впрочемъ куропатка убита еще подъ $64^1/_4$° с. ш., правда въ западной Финляндіи, гдѣ болѣе занимаются земледѣліемъ (Malmgrén, Sällskapets pro Fauna et Flora Fennica. Ny Serie, III, 1861, p. 104). Нордманъ увѣряетъ, что она часто встрѣчается въ южной и средней Финляндіи (Bulletin des Natur. de Moscou, 1860, p. 34). На Уралѣ сѣрая куропатка простирается по крайней мѣрѣ до Екатеринбурга ($56^3/_4$° с. ш.).

[13]) Въ Норвегіи встрѣчается на гнѣздѣ только до 59° с. ш. (Wallengrén, Naumannia, 1825, p. 133), что довольно странно, потому что дальше на востокъ она простирается на нѣсколько градусовъ широты сѣвернѣе. Въ гористой и болотистой Финляндіи отыскана мною

Grus cinerea [1]), *Ardea cinerea*, *A. alba*, *A. stellaris*, *Ciconia alba*, *Ciconia nigra* [2]), *Rallus aquaticus*, *R. minutus*, *Scolopax rusticola*, *Sc. major*, [3]), *Sc. gallinago*. *Tot. glottis*, *Tot. stagnatilis*, *Tot. glareola*, *Tot. ochropus*, *Act. hypoleucos*, *Limosa aegocephala*, *Tringa pugnax*, *Tr. Temminckii*, *Tr. minuta* [4]), *Limicola pygmaea*, *Vanellus cristatus*, *Charadrius cantianus*, *Char. curonicus*, *Numenius arquata*, *Haematopus ostralegus*, *Fulica atra*, *Anser segetum*, *Ans. cinereus*, *Anas crecca*, *An. querquedula*, *An. penelope*, *An. clangula*, *An. fuligula*, *An.* (*Fulig.*) *cristata*, *An. marila*, *An. nigra*, *Larus canus*, *Larus ridibundus*, *Sterna leucoptera*, *St. minuta*, *Carbo cormoranus*, *Podiceps auritus*, *P. subcristatus* и т. д.

Ягнятникъ *Gypaëtos barbatus* также могъ бы считаться древне-борейскою птицею, если бы не былъ исключительно альпійскою, и уже показанъ нами въ числѣ альпійскихъ птицъ.

Выше (стр. 190) мы уже упомянули, что къ гиперборейской фаунѣ не принадлежитъ ни одно пресмыкающееся, ни одна амфибія. Но я не знаю также ни одного кругополярнаго или кругоборейскаго животнаго этихъ отдѣловъ.

Такъ какъ животныя эти, вслѣдствіе живучести своей и чрезвычайно глубокаго зимняго сна своего, вѣроятно въ состояніи переносить самую сильную зимнюю стужу, но во всякомъ случаѣ, для преуспѣянія своего, нуждаются въ тепломъ лѣтѣ, то изъ этого

близь Куопіо (63° с. ш), и являлась тамъ, говорятъ, даже подъ 65° с. ш. (Wright въ Vetensk. Soc. p. 305 Strödde Anteckningar).

Встрѣчается въ Енисейскомъ округѣ; по словамъ Кривошапкина (Енисейск. Округъ, стр. 17).

[1]) Птица эта простирается очень далеко къ полюсу. Такъ какъ подъ болѣе южными широтами она преимущественно выбираетъ для устройства гнѣздъ ровныя болота, то довольно странно, что она не отправляется охотнѣе всего на полярную тундру. А. Шренкъ встрѣтилъ ее подъ $65^1/_2{}^\circ$, у Бѣлаго моря (Reise, I, p. 137)); мой спутникъ Брандтъ видѣлъ ее на Уралѣ подъ $68^1/_2{}^\circ$ с. ш.; Врангель (Путеш. II, стр. 213) видѣлъ двухъ журавлей у Ледовитаго моря, а Фигуринъ (Сибир. Вѣсти. I, стр. 331) говоритъ, что журавли залетаютъ даже на «острова». Хотя подъ этимъ названіемъ ближе всего разумѣть «Ново сибирскіе острова», но, можетъ быть, онъ разумѣлъ и наносные острова при устьѣ Яны. Въ новѣйшее время свѣдѣнія эти были подтверждены и дополнены. Не только простой журавль, но и другой видъ журавлей, по всей вѣроятности *Grus leucogeranus* (по русски стерхъ), достигаютъ въ восточной Сибири до Ледовитаго моря (Записки Сибир. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1857, III, стр. 83). И въ западной Сибири его встрѣчали у Обскаго залива. Въ Петермановыхъ Geogr. Mittheilungen (1857, III, стр. 119) изъ этого по ошибкѣ сдѣлался «бѣлый аистъ», полярный предѣлъ котораго остается далеко къ югу. Можетъ быть это была такая-же птица, какую Гейне (Expedition, III, 1859, p. 170) видѣлъ въ Беринговомъ проливѣ на островѣ Св. Лаврентія. Между ними были журавли, поражавшіе своей величиной.

Соотвѣтствующая нашему журавлю птица въ сѣверной Америкѣ, *Grus canadensis*, простирается тамъ также до прибрежья Ледовитаго моря у р. Мекензи (Wiegmann, Archiv für Naturgesch. 1852, Bericht für 1851, p. 33) и достигаетъ 69-го градуса широты близь Иглулика (Appendix to Parry's second voyage). Макъ-Клинтокъ встрѣтилъ такого журавля близь Ponds-Bay даже подъ 72° с. ш. (The Journal of the Dublin Society, 1860, p. 61). *Grus americana*, напротивъ того, достигаетъ полярнаго предѣла своего уже подъ 62° с. ш. (Richardson, Searching Expedition, I, p. 170).

[2]) Встрѣчалась въ Финляндіи (Nylander, Finska foglar Finska namn, p. 291; Wright, Helsingfors Trakters Fogel-Fauna, 1847, p. 35; Nordmann въ Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 42). Вьетъ впрочемъ гнѣзда и въ Даніи (Naumannia, 1850, III, p. 48).

И *Ciconia alba* показывалась въ Финляндіи, разъ около Борго, и разъ близь Торнео (Nordmann, въ Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 42).

[3]) Встрѣчается еще на Уралѣ, подъ 67° с. ш.

[4]) Обѣ, кажется, имѣютъ большое право назваться кругополярными птицами. Китлицъ (Denkwürdigk. I, p. 254) показалъ, что какъ *Tr. minuta*, такъ и *Tr. Temminckii*, водятся на сѣверо-западномъ берегу Америки около Ситхи.

*

можно заключить, что въ холодномъ поясѣ они легче должны переносить континентальный климатъ, чѣмъ береговой. Пресмыкаясь по землѣ, они съ трудомъ могутъ находить свое пропитаніе въ области ледяной почвы; по этому въ Сибири такихъ мѣстностей вѣроятно очень мало, гдѣ они переходятъ за полярный кругъ [1]). Они простираются тамъ не дальше предѣла высокоствольнаго лѣса, вѣроятно вслѣдствіе связи его съ ледяною почвою, пограничная черта которой почти должна совпадать съ полярнымъ предѣломъ этихъ животныхъ.

Нашу простую водяную лягушку (*Rana temporaria*) я встрѣтилъ въ Европѣ еще близъ Нордкапа [2]). Въ западной Сибири, также какъ и въ восточной, она простирается до полярнаго круга [3]). Подъ 70° с. ш. поселенцы на Боганидѣ уже не имѣли понятія о томъ, что такое лягушка. Сѣверо-американскій видъ лягушки на сѣверо-западномъ берегу Америки также простирается до полярнаго круга [4]), а у рѣки Мекензи заходитъ еще дальше, въ полярный кругъ. Если бы положительно оказалось, что этотъ сѣверо-американскій видъ тождественъ съ нашей *Rana temporaria*, то послѣднюю пришлось бы причислить къ кругополярнымъ животнымъ [5]).

О столь сходномъ съ простою лягушкою видѣ, который я встрѣтилъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря и предварительно принялъ за Палласову *Rana cruenta*, мы упомянемъ тутъ только мимоходомъ, чтобы обратить вниманіе на то, что вѣроятно она весьма далеко распространена подъ менѣе высокими широтами [6]). Не только что не умѣю отличить одну изъ лягушекъ, привезенныхъ Вознесенскимъ изъ Кенайскаго залива съ сѣверо-западнаго берега Америки (60° с. ш.), отъ лягушки, которая водится на южномъ берегу Охотскаго моря, не только что Палласъ нашелъ свои экземпляры *Rana cruenta* въ европейской части средней Россіи, но по новѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что эта кровавая лягушка къ западу простирается даже до Подольской губерніи [7]). Во всякомъ случаѣ видъ этотъ заслуживаетъ ближайшаго изслѣдованія.

---

[1]) Въ Таймырскомъ краѣ про амфибій ничего не было ни видно, ни слышно.

[2]) На полуостровѣ Рыбачьемъ, у Нокуева. То была *Rana temporaria platyrhina*, какъ въ видѣ головастиковъ, такъ и недавно преобразившимися лягушечками. Этимъ исправляется замѣчаніе Бэра (Bulletin scientif. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, III, p. 142) объ отсутствіи лягушекъ въ Лапландіи.

[3]) Около Березова заходитъ за 64° с. ш. (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1854, кн. V, стр. 83). Около Туруханска онъ встрѣчается часто (см. нѣм. изд. этого соч. II, 2, позвоночн. животныя, стр. 247). На Янѣ послѣднія лягушки встрѣчаются, говорятъ, у Верхоянска (Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 235). Въ Чукотской землѣ, въ Чаунскомъ погостѣ лягушекъ считали, говорятъ, рѣдкостію (Записки Сиб. Отд. И. Р. Географ. Общ. 1857, кн. III, стр. 83). Съ этимъ извѣстіемъ согласуется показаніе Фигурина въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 235.

[4]) Загоскинъ говоритъ, что у Портонскаго залива, подъ 65° с. ш., лягушка проснулась лишь 11-го Мая (Пѣшех. Опись, I, стр. 122; II, стр. 86). На Кускоквимѣ онъ также встрѣтилъ лягушекъ (Библ. для Чтенія, 1847, Ноябрь, II, стр. 45).

[5]) По Ричардсону (Search. Expedit. I, p. 202, 204) впрочемъ одинъ видъ жабы (*Bufo americanus*) въ сѣверной Америкѣ простирается дальше другихъ къ полюсу, а именно до 68° с. ш. Гюнтеръ (Annals and Magaz. of Natural History, 1859, T. III, p. 211) говоритъ, что *Rana temporaria* распространена по всей умѣренной части сѣверной Америки.

[6]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, позвоночн. животн., стр. 250, примѣч.

[7]) Bulletin des Natur. de Moscou, 1859, p. 33. Тамъ говорится о разновидности *Rana temporaria* съ красными пятнами на нижней сторонѣ тѣла.

Даже древесная лягушка, которая повидимому сходится довольно близко съ предѣломъ произрастанія бука, и встрѣчается только на югѣ Россіи да въ южной Сибири, по новѣйшему извѣстію, простирается въ Скандинавіи до 71° с. ш. [1]). Вѣроятно это только мѣстное явленіе, ограничивающееся западнымъ берегомъ и находящееся въ связи съ Альтенскими соснами, получившими классическую извѣстность. И на сѣверо-западномъ берегу Америки древесная лягушка — вѣроятно отличающаяся отъ европейскаго вида — простирается за 60° с. ш. [2]).

Въ Лапландіи ящерицы и змѣи слѣдуютъ довольно близко за лягушками [3]); въ Сибири же змѣи едва-ли простираются дальше 60° с. ш. [4]).

Какъ неблагопріятно сѣверъ дѣйствуетъ на жизнь пресмыкающихся и амфибій и какъ встрѣчающіяся тамъ животныя этихъ отдѣловъ положительно должны считаться случайно зашедшими туда форпостами, видно уже изъ того, что, коль скоро мы оставимъ въ сторонѣ южную окраину Сибири, то по всему огромному пространству земли, которое занимаетъ сѣверная Сибирь, и даже по всей южной европейской Россіи, равно какъ и по Лапландіи, распространены только все одни и тѣже три вида животныхъ, какъ-то лягушка (*Rana temporaria*), ящерица (*Lac. vivipara*) и гадюкъ (*Vipera berus*). Отъ 60-го градуса широты къ полюсу, и еще южнѣе, мы встрѣчаемъ во внутреннихъ частяхъ европейской Россіи лишь тотъ-же видъ ящерицы, тотъ-же видъ ядовитой змѣи [5]). Это совершенно согласуется съ распространеніемъ тѣхъ-же животныхъ на Гималайскомъ хребтѣ, на которомъ, по словамъ Шлагинтвейта, на большей высотѣ хотя и уменьшается число змѣиныхъ и лягушечьихъ видовъ, но въ отношеніи ящерицъ почти не замѣтно разницы между 1000 и 15,000 фут. высоты. Туже самую ящерицу, которая въ Сибири доходитъ до полярнаго круга, на Гималайскомъ хребтѣ встрѣчали почти на высотѣ 10,000 футовъ.

Противъ всякаго ожиданія на глубокомъ сѣверѣ, на которомъ вообще, какъ извѣстно, нѣтъ ядовитыхъ животныхъ, встрѣчается ядовитая и не безвредная змѣя. Это обстоятельство получаетъ еще особенное значеніе оттого, что, по словамъ Ричардсона (Search. Exped. I, p. 204, 98), самая сѣверная змѣя въ сѣверной Америкѣ (*Tropidonotus sirtalis*) простирается только до 56° с. ш., что дѣйствительно соотвѣтствуетъ предѣлу не-

---

[1]) Cabanis, Journal für Ornithologie, 1856, p. 134.

[2]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 250, примѣч.

[3]) Такъ напр. водится много змѣй въ Соданкилѣ (Castrèn, Reiseerinnerungen, p. 66). Въ Финляндіи я встрѣтилъ послѣднюю змѣю (*Vip. berus*) близъ полярнаго круга. Она грѣлась на солнцѣ на лежавшемъ выше древеснаго роста скатѣ, покрытомъ валунами, въ виду рѣки Кеми. Скіёльдебрандъ (Reise, übers. von Ehrmann, 1805, p. 177) также говоритъ, что послѣднія змѣи встрѣчаются подъ тою-же широтою, къ сѣверу отъ Торнео. Отсюда слѣдуетъ, что Гюнтеръ въ превосходной статьѣ своей о географическомъ распространеніи амфибій (Annals and Magaz. of the Natur Hist. 1859, T. III, p. 226) отвелъ змѣямъ слишкомъ тѣсные предѣлы, говоря, что къ сѣверу отъ 62° с. ш. досель еще не встрѣчались змѣи.

[4]) Редовскій въ рукописномъ дневникѣ своемъ (1806) упоминаетъ о змѣяхъ близъ Охотска. Я встрѣтилъ одного гадюка на Алданскомъ хребтѣ, а другаго на большомъ Шантарскомъ островѣ. Слѣдовательно извѣстіе, что у Охоткаго моря, на Ульѣ, нѣтъ змѣй (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1853, VII, Отд. VIII, стр. 11), не заслуживаетъ вниманія.

[5]) Близъ Вологды, подъ 60° с. ш., водятся, говорятъ, еще два вида, слѣд. всего 5 видовъ пресмыкающихся и амфибій (Межаковъ, въ Bulletin des Natur. de Moscou, 1857, p. 581).

ядовитыхъ змѣй въ Сибири, такъ что на болѣе глубокомъ сѣверѣ Америки нѣтъ ни древне-борейской ядовитой, ни вообще какой-либо змѣи.

Лишь на южныхъ склонахъ средне-азіятскихъ сѣверныхъ окраинныхъ хребтовъ, появляются, быстро усиливаясь къ югу, другіе виды ящерицъ и змѣй. Въ долинахъ Байкала и Амура къ вышеупомянутымъ тремъ единственнымъ сѣвернымъ видамъ присоединяется еще неядовитая въ сажень длины змѣя [1]). Но у южнаго изгиба Амура уже встрѣчаются замѣчательные новые виды рѣчныхъ черепахъ.

На основаніи вышесказаннаго я полагаю, что по всей вѣроятности амфибіи простираются къ полюсу дальше пресмыкающихся. Въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ вершинахъ альпійскихъ горъ Европы встрѣчали водяную лягушку, а Чуди и зеленую жабу, равно какъ Шлагинтвейтъ на Гималаѣ саламандру, — близь снѣговаго предѣла.

Если же Шлагинтвейтъ все-таки говоритъ, что на Гималаѣ змѣи и ящерицы заходятъ выше лягушечныхъ животныхъ, и если первые тамъ встрѣчались на необыкновенной высотѣ 15,200 футовъ, то это, мнѣ кажется, доказываетъ, что и здѣсь, вблизи полярнаго предѣла животныхъ, мѣстное положеніе имѣетъ также весьма важное значеніе, какъ это намъ удалось убѣдительно доказать на растеніяхъ.

Сказанное нами на стр. 193 о жизни животныхъ въ прѣсныхъ водахъ глубокаго сѣвера соотвѣтствуетъ нашимъ соображеніямъ о климатѣ, которыя привели насъ къ тому заключенію, что воды глубокаго сѣвера должны считаться хранилищами тепла.

Само собою разумѣется, что ни амфибіи ни рыбы не могутъ водиться въ тѣхъ глубоко-сѣверныхъ и въ особенности альпійскихъ водахъ, которыя цѣлое лѣто питаются одними тающими массами льда и снѣга, мало доступны солнечному освѣщенію, и температура которыхъ можетъ быть лишь немногимъ выше точки замерзанія. Но это все-таки еще не значитъ, чтобы вблизи отъ такихъ водъ не могли находиться другія, въ особенности неглубокія, воды, которыя значительно нагрѣваются солнцемъ. Въ Альпахъ даже маленькія форели доходятъ только до 7000 футовъ высоты, тогда какъ при помощи континентальнаго лѣтняго тепла на Гималайскомъ хребтѣ встрѣчаются еще за 15,000′ высоты [2]).

---

[1]) Еще о Катунскихъ горахъ на Алтаѣ Гебле́ръ (Mém. des Sav. étrang. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, 1837, p. 525) замѣтилъ слѣдующее: здѣсь не услышишь кваканія лягушки; только нѣсколько гадюковъ и ящерицъ я встрѣтилъ на южной сторонѣ.

Уже въ Палласовыхъ Neue Nord. Beiträge (I, p. 166, 168) сообщалось о томъ, что кромѣ многихъ гадюковъ, которые нерѣдко жалятъ рогатый скотъ, на правомъ берегу Аргуни водятся также большія змѣи, даже сажени три въ длину, но безвредныя. Радде (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXXIII, p. 202) встрѣтилъ у Байкальскаго озера огромную мѣдянку. И на Буренинскомъ хребтѣ, слѣдоват. на лѣвомъ берегу Амура, Радде (тамъ-же, стр. 596) видѣлъ весьма обыкновенную въ тѣхъ мѣстахъ мѣдянку въ сажень длины. Страсть хвататься за неслыханныя, чудовищныя вещи, уже нѣсколько лѣтъ раньше превратила ее въ исполинскую змѣю, изъ которой здѣшній естествоиспытатель слѣлалъ пифона (*Python*); извѣстіе объ этомъ распространилось и за границей (Ausland, 1848, № 69, p. 275). Замѣчательно, что на безлѣсной степи Дауріи нѣтъ, говорятъ, ни змѣй, ни ящерицъ (Pallas, Reise, III, p. 434), тогда какъ тамъ около гористыхъ мѣстъ водится страшное множество змѣй (Georgi, Reise, p. 43). Отчего происходитъ этотъ контрастъ съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей въ степи?

Тунгусы на водораздѣльномъ хребтѣ разсказывали мнѣ, что живущіе на Амурѣ Буралы охотно ѣдятъ особый родъ большихъ лягушекъ.

[2]) Schlagintweit, Neue Untersuchugen über physik. Geographie, 1854.

Такимъ образомъ мы не только не вправѣ ожидать ни амфибій, ни рыбъ въ лежащемъ на высотѣ 11,000′ ледниковомъ озерѣ Мунку-Сардыка на Саянскомъ хребтѣ, которое въ теченіе всего года покрыто льдомъ, но вѣроятно и въ Илчирскомъ озерѣ, въ области истока Иркута, лежащемъ на 4000′ ниже перваго, найдется лишь нечначительное количество амфибій, потому что, по словамъ Радде, озеро это еще въ концѣ Іюня отчасти было покрыто толстымъ въ 2 фута льдомъ, хотя въ году, говорятъ, среднимъ числомъ оно мѣсяца на четыре все-таки освобождается ото льда.

Изъ числа рыбъ, мнѣ кажется, къ древне-борейскимъ видамъ могутъ быть причислены: *Ammocoetos lumbricalis*, *Cobitis barbatula*, *Cob. taenia*, *Gasterosteus aculeatus* и *pungitius*, *Cyprinus carassius*, *Perca fluviatilis* [1]), *Acerina fluviatilis*, *Esox lucius* [2]), *Thymallus vexillifer*, *Salmo Lavaretus*, *S. albula*, *Ammodytes tobianus*, одинъ изъ видовъ *Cottus* и, можетъ быть, также одинъ видъ осетровъ [3]) и т. п.

Въ доказательство того, что количество древне-борейскихъ безпозвоночныхъ животныхъ, въ особенности насѣкомыхъ, должно быть велико, мы приведемъ только замѣчаніе Грубе [4]), что изъ всѣхъ (135 видовъ) паукообразныхъ насѣкомыхъ, собранныхъ до того времени въ восточной Сибири, а именно на Становомъ хребтѣ, почти $\frac{3}{4}$ встрѣчаются и въ Европѣ, такъ что цѣлые стаканы пауковъ, добытые во время Амурской экспедиціи и разсмотрѣнные Грубе, столь-же удобно можно бы было привести и изъ Остзейскаго края.

Между животными, распространеніе которыхъ нѣсколько ограниченнѣе по направленію градусовъ долготы, особеннаго вниманія заслуживаютъ

а) Берингo-борейскія животныя.

Совершенно согласно съ изложеннымъ въ 1-ой части, на стр. 658, относительно растеній, и съ тѣмъ, что сказано выше на стр. 137 на основаніи изслѣдованій моихъ о морскихъ моллюскахъ, оказывается несомнѣнное сходство фауны западныхъ и восточныхъ береговъ Берингова рукава Полярнаго моря, и притомъ въ отношеніи не только морскихъ, но и материковыхъ животныхъ.

Относительно моллюсковъ я долженъ отослать своихъ читателей къ подлежащему тому этого сочиненія (на нѣмецкомъ языкѣ) и упомянуть о значительномъ расширеніи

---

[1]) Въ Таймырскомъ краѣ до 72° с. ш., но еще рѣже щуки. Подъ 69°, въ Пясинскихъ озерахъ встрѣчается очень часто.

На Алданскомъ хребтѣ окунь встрѣчается вмѣстѣ съ ершомъ. Въ Амурской рѣчной системѣ его, кажется, нѣтъ.

[2]) Въ Таймырскомъ краѣ попадается еще подъ 72° с. ш., но уже рѣдко, тогда какъ въ озерѣ Пясинѣ (69° с. ш.) составляетъ существенный предметъ Тунгусской ѣды. Я встрѣтилъ его также въ рѣчной системѣ Амура (Быса, Нимиленъ).

[3]) Подъ 72° с. ш. въ Хатангѣ во все лѣто поймано было только 1 или 2 осетра; стерляди же тамъ никогда не встрѣчались.

[4]) Mélanges biologiques, tirés du Bullet. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, T. IV, 1861.

нашихъ познаній, какое мы вправѣ ожидать отъ печатающагося тома путешествія Л. Шренка. Кромѣ того считаю необходимымъ напомнить, что въ пластѣ микроскопическихъ кремнеземно-черепныхъ животныхъ съ Орегона Эренбергъ [1]) нашелъ только такія формы, которыя до того времени встрѣчались въ одной лишь Сибири, и что въ недавно открытыхъ нисшихъ морскихъ животныхъ *Actinia St. Laurentii*, *Aeginopsis horensis*, въ *Lobularia rubiformis* Pall., въ *Asterias alboverrucosa*, *Holothuria discolor*, *Beroë octoptera*, *Beroë glandiformis*, *Hippocrene Bougainvillii*, въ дюжинѣ разныхъ, описанныхъ Брандтомъ [2]), видовъ породъ *Cyanea*, *Aurelia*, *Circe*, въ *Nereis vexillosa*, въ длинномъ ряду ракообразныхъ животныхъ, на своемъ мѣстѣ описанныхъ Брандтомъ въ этомъ сочиненіи — я уже теперь могу признать бо́льшую часть Берингo-борейскими животными. За тѣмъ я долженъ мимоходомъ упомянуть и о множествѣ разныхъ видовъ рыбъ, которыя по нашимъ теперешнимъ, весьма неудовлетворительнымъ свѣдѣніямъ, могутъ считаться Берингo-борейскими животными, какъ напр. *Salmo proteus* [3]), *S. orientalis* [4]), *S. lycaodon* [5]), *S. callaris* [6]), *Gadus Wachnja* [7]), нѣсколько *Gunelli*, рыба которую въ томъ морѣ называютъ морскимъ окунемъ, и т. п.

И такъ не только морскіе бобры, поѣдающіе моллюсковъ и водоросли, но и моржи и котики, питающіеся рыбою, какъ на азіятскихъ, такъ и на американскихъ берегахъ Берингова пролива, не смотря на огромное разстояніе, и тутъ и тамъ находятъ для пищи своей тѣже самые виды животныхъ, а не вынуждены прибѣгать къ употребленію другихъ, замѣняющихъ ихъ формъ. А что эти млекопитающія въ полной мѣрѣ могутъ считаться представителями Берингo-борейской фауны, объ этомъ нами уже выше (стр. 61 и 102) говорено подробно, при чемъ мы также должны были допустить, что по всей вѣроятности и Стеллерова морская корова нѣкогда была Берингo-борейскимъ животнымъ. Такимъ-же образомъ довольно вѣроятно, что изъ числа свойственныхъ Охотскому морю видовъ перпъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые также могутъ быть Берингo-борейскими животными, а именно недавно подробнѣе описанная Шренкомъ *Phoca equestris* Pall., которая, говорятъ, преимущественно встрѣчается въ сообществѣ молодыхъ котиковъ, *Ph. Largha* и, можетъ быть, небольшая *P. Ochotensis* [8]). Послѣднею изъ нихъ преимущественно питается и

---

[1]) Bericht über die zur Bekanntmachung geeigneten Verhandlungen der Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1849, p. 76.

[2]) Mém. de l'Acad. de St.-Pétersb. VIe série, Sc. natur. T, II, 1838, p. 334.

[3]) На Шантарскомъ островѣ онъ встрѣчается очень часто; говорятъ (Шемелинъ, стр. 173), что онъ простирается даже до южной оконечности Сахалина.

[4]) Загоскинъ (Пѣшеход. опись, I, стр. 33) говоритъ, въ опроверженіе Стеллеру, что *S. orientalis*, заходя на сибирскихъ берегахъ только до 54° с. ш., на берегахъ сѣверной Америки простирается до 63° с. ш.

[5]) Говорятъ, что онъ часто заходитъ даже въ Новосибирскія рѣки (Pallas, Neue Nord. Beiträge, VII, p. 130).

[6]) По словамъ Загоскина (см. вышеприв соч. I, стр. 23, примѣч.), встрѣчается и на сѣверо-западномъ берегу Америки.

[7]) Гиляки на южномъ берегу Охотскаго моря называли его Kāngi. Небольшую, пойманную вмѣстѣ съ нимъ, камбалу, они называли Lók.

[8]) Береговые Тунгусы у Охотскаго моря называли ее Kumatschán, т. е. морскою собачкой.

Беринговъ орелъ (*Aq. pelagica*).

Громадная его величина особенно бросается въ глаза, если взглянешь на клювъ его, который изображенъ тутъ въ натуральной величинѣ и рѣзкимъ желтымъ цвѣтомъ своимъ еще сильнѣе выдается на открытомъ воздухѣ [1]).

Голова Берингова орла (*Aq. pelagica*) въ натуральной величинѣ.

Беринговъ орелъ, который преимущественно, кажется, водится на азіятскомъ берегу [2]), раздѣляетъ свое пребываніе въ Беринговомъ проливѣ съ двумя родичами своими,

[1]) Яйцо же этой птицы сравнительно очень мало: оно не больше средняго куринаго яйца (66 миллим. длины и 46,5 миллим. наибольшей ширины). На грязно-желтоватомъ полѣ кое-гдѣ видны неправильныя буроватыя пятна, принимающія вокругъ тупаго конца чернобурый цвѣтъ и образующія кольцо, въ срединѣ котораго желтый цвѣтъ является почти безъ пятенъ.

Молодая птица была однообразнаго темнобураго цвѣта; только на рулевыхъ перьяхъ замѣтны были признаки будущаго бѣлаго цвѣта, который у старой птицы, какъ извѣстно, преобладаетъ до того, что хвостъ, всѣ штаны, изгибъ крыла и верхняя третья часть крыльевъ становятся совершенно бѣлыми.

На Шантарскомъ островѣ Эге я застрѣлилъ лисицу, которая нахально глядѣла на меня съ крутаго утеса. Прежде, чѣмъ я могъ отыскать мѣсто, чтобы пробраться къ моей добычѣ, Берингoвъ орелъ уже сталъ убирать ее.

Замѣчательно, что въ первыхъ извѣстіяхъ объ Амурѣ ничего не говорится объ этомъ исполинскомъ орлѣ, а упоминается только о небольшомъ орлиномъ видѣ, который мы, просмотрѣвъ описанія Шренка, должны признать за *Aq. naevia*. Витсенъ (II, стр. 29) говоритъ: Omtrent den mont van de rivier d'Amur in zee, vint men groote menigte vogelen die by de inlanders Orelmaloy genaemt werden.

[2]) Неужели въ этомъ отношеніи уже произошло замѣтное передвиженіе области распространенія этой птицы? Врядъ-ли. Впрочемъ по словамъ Палласа, Берингoвъ орелъ встрѣчается очень часто между Камчаткой и сѣверной Америкой, въ особенности на Беринговомъ островѣ, но чрезвычайно рѣдко въ Камчаткѣ. Относительно Берингова острова и Камчатки г. Вознесенскій увѣряетъ противное; дѣйствительно, на южныхъ берегахъ Охотскаго моря я встрѣчалъ эту птицу очень часто.

съ нашимъ европейско-кругополярнымъ морскимъ орломъ (*Aq. albicilla*) и бѣлоголовымъ американскимъ орломъ (*Aq. leucocephala*) [1]).

Вмѣстѣ съ Беринговымъ орломъ въ тѣхъ-же водахъ рыбалятъ еще много разныхъ видовъ замѣчательныхъ морскихъ птицъ, бо́льшую часть которыхъ я также долженъ признать Берингo-борейскими животными, какъ напр. *Mormon cirrhatum* [2]) и *corniculatum* [3]), *Phaleris tetracula*, *Alca (Phaleris) cristatella*, *Ombria psittacula*, *Chimaerina cornuta*, *Oriturus Wrangeli*, *Uria antiqua*, *Uria carbo*, *Phalacrocorax perspicillatus*, *Ph. violaceus*, *Ph. bicristatus*, *Thalassidroma orientalis*, *Puffinus curilicus*, *Anser pictus* [4]) и т. п. Можетъ быть сюда относятся также *Anas (Lampronetta) Fischeri* Brandt и *Somateria nigra* [5]), если онѣ не ново-полярныя птицы. По всей вѣроятности и нѣкоторыя изъ чаекъ, свойственныхъ Берингову морю, также могутъ быть причислены къ Берингo-борейскимъ животнымъ [6]).

---

[1]) Если этого послѣдняго орла считать новоборейской птицей (по словамъ Ричардсона, Fauna boreali-americana, p. 15 и Де Кея, Zool. of New-York, II, p. 6, онъ неохотно переходитъ за 62° с. ш.), то нельзя не замѣтить, что онъ намѣренъ распространиться дальше къ западу. Впрочемъ еще во время Вознесенскаго, какъ мнѣ извѣстно изъ словеснаго сообщенія, онъ водился на Алеутскихъ островахъ только до Уналашки. Еще дальше къ западу онъ составлялъ уже такую рѣдкость, что когда въ теченіе 5-ти лѣтняго пребыванія Вознесенскаго въ тѣхъ моряхъ, однажды въ Камчаткѣ показался американскій орелъ (*Aq. leucocephala*), то этотъ необыкновенный случай сдѣлался предметомъ всеобщаго разговора въ Камчаткѣ. Это согласно также съ извѣстіями Палласа (Zoogr. I, p. 347), Давыдова и Хвостова (Двукр. путеш. II, стр. 204) и Лангсдорфа (Reise, II, p. 92).

И такъ *Aq. leucocephala* является новоборейскимъ представителемъ *Aq. albicilla* нашего древняго материка; но послѣдній одаренъ болѣе полярною натурою и изъ древне-полярной птицы, вѣроятно постепенно, сдѣлался кругополярною птицею, которая не страшится самыхъ дальнихъ широтъ. Подъ 75° с. ш. я встрѣчалъ ее въ Таймырскомъ краѣ.

Замѣчательно, мнѣ кажется, что *Aq. albicilla*, подобно *Sax. oenanthe*, водится въ Гренландіи, но почти не упоминается дальше къ западу, въ американско-арктическомъ архипелагѣ, и что по словамъ Вознесенскаго, орелъ этотъ встрѣчается гораздо чаще на западныхъ, чѣмъ на восточныхъ берегахъ Камчатки.

Случаи же, когда *Ah. leucocephala* будто-бы показывалась въ Европѣ, требуютъ еще дальнѣйшаго подтвержденія, въ особенности тотъ, о которомъ упоминаетъ Нордманъ относительно Чернаго моря и которому Дегландъ (Ornithol. Europ. I, p. 48) кажется придаетъ слишкомъ большое значеніе.

[2]) Такъ какъ птица эта, говорятъ, встрѣчалась и въ Гренландіи, то спрашивается, занесена ли она туда или была первоначально новоборейской птицей, которая распространилась и за Беринговъ проливъ.

[3]) Экваторіальнымъ предѣломъ ея полосы высиживанія яицъ считаютъ на сѣверо-западномъ берегу Америки Strawberry-Bay, положеніе которой мнѣ неизвѣстно (United States Explor. Exedition, VIII, 1848, p. 256).

[4]) Этотъ гусь вьетъ гнѣзда свои на самомъ глубокомъ сѣверѣ и проводитъ зиму на Алеутскихъ островахъ. Г. Вознесенскій привезъ намъ одинъ экземпляръ изъ Камчатки.

[5]) Оба водятся въ Коцебу-Зундѣ (Proceed. of Zool. Soc 1855, p. 212, Pl. 107). Такъ какъ *An. Fischeri* легко могла быть принята за *An. spectabilis*, то я считаю необходимымъ замѣтить, что если стан King-duck, показавшіяся однажды во множествѣ къ востоку отъ Берингова пролива, были, можетъ быть, не *An spectabilis*, а *An. Fischeri*, то въ такомъ случаѣ и *An. spectabilis* не кругополярная, а древнеборейская птица.

[6]) Напр. *Larus leucophaeus*, котораго Блазіусъ (Naumannia, 1858, p. 320) призналъ въ моемъ *Lar. argentatus;* или *Lar. Brachyrynchus* съ острова Св. Павла, который, говорятъ, тожественъ съ *Lar. Warneckii*, и *Lar. citrirostris* (Bericht über die Leistungen in der Naturgesch. der Vögel für das Jahr 1850. p. 173); или *Lar. cachinnans*, совпадающій, говорятъ, съ *Lar. borealis* (Kittlitz, Denkwürdigkeiten, II, p. 235); или *Lar. niveus*, который будтобы совпадаетъ съ *Lar. Kamtschaticus* и встрѣчается около Перми (Revue de Zoologie, 1857, p. 55).

Однакоже часть чаекъ Берингова моря, можетъ быть, кругополярна. Какъ *Lar. niveus* встрѣчается около Перми, такъ и *Lar. cachinnans*, говорятъ, попадается на Камѣ (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, X, 1855, p. 281).

Изъ материковыхъ птицъ мы уже теперь можемъ отнести къ этой категоріи, сверхъ *Aq. pelagica*, еще *Emberiza hyperborea* [1]), *Fring. arctoa* Pall., *Cinclus Pallasii* и *Hirundo rufa*, которая впрочемъ уже стала распространяться дальше; а изъ лѣсныхъ птицъ *Himantopus niger* и *Totanus pulverulentus*.

Чтобы доказать сходство фауны на обоихъ берегахъ Берингова пролива, я въ заключеніе считаю нелишнимъ перечислить даже нѣсколько такихъ птицъ, которыя противниками моего взгляда могли бы быть приведены какъ опроверженіе.

Многимъ не понравилось, что описанный мною въ-первыя видъ лѣсныхъ куръ, водящійся въ восточныхъ береговыхъ мѣстностяхъ Сибири, я отождествилъ съ видомъ *Tetrao canadensis*, подъ названіемъ *var. Francklinii Richards.*, но еще болѣе имъ не понравилось то, что мысль эту и Шренкъ и Радде безъ дальнѣйшаго признали правильною [2]). Этого не случилось бы, если бы уже самая идея, что одинъ и тотъ-же борейскій (слѣдов. неполярный) видъ животныхъ водится на обоихъ берегахъ Великаго Океана, въ то время не была камнемъ преткновенія. Надѣюсь, что послѣ вышеприведенныхъ мною доводовъ преткновеніе это должно было исчезнуть и даже принять противуположное направленіе. Держась этой мысли, мы уже будемъ считать предметомъ второстепенной важности вопросъ, составляетъ ли американскій *Tetrao Francklinii* одну только разновидность *Tetrao canadensis*, или особый видъ; мы даже станемъ считать весьма маловажнымъ вопросъ о томъ, тожественна ли сибирская птица съ американской, или это отдѣльный, своеобразный видъ, *Tetr. falcipennis* Hartl. Впрочемъ я самъ положительно стою за послѣднее предположеніе съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ представился случай сравнить экземпляръ американской птицы [3]).

---

[1]) Палласъ описалъ экземпляръ изъ Чукотской земли; я нашелъ ее въ числѣ птицъ, привезенныхъ Загоскинымъ (Нѣшех. Опись, 1847, прибавл. стр. 43) съ сѣверозападнаго берега Америки. На Квихпакѣ ее, говорятъ, называютъ Lägajuli.

[2]) 16-го Марта 1861 г. Глогеръ писалъ мнѣ по этому случаю слѣдующее: «Замѣтили ли Вы странный шумъ, поднятый Гартлаубомъ и поддержанный Блазіусомъ, по случаю полученной нами два года тому назадъ парочки Вашей птицы. Я нахожу, что узкая форма маховыхъ перьевъ даже у самца вовсе не такъ сильно развита, какъ увѣрялъ Гартлаубъ, а у самки развита еще гораздо слабѣе. У послѣдней она мало отличается отъ формы первыхъ маховыхъ перьевъ *Perd. saxatilis*, которыя однакоже въ этомъ отношеніи также бываютъ различны, смотря по лѣтамъ, роду или индивидууму. Поэтому я пока еще не придаю особаго, или никакого значенія этой новой породѣ, а полагаю, что тутъ скрывается кое-что, но весьма интересное, по части измѣненій, какъ у описаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кабанисовомъ журналѣ Банкивскаго пѣтуха съ совершенно особыми шейными и другими маленькими перьями, котораго однакоже Гартлаубъ при всемъ томъ считалъ только разновидностью.»

Въ отношеніи этого предмета указываю на случаи *Urogallus maculatus Brehm* и быстраго роста хвостовыхъ перьевъ у глухаря, описанные въ Кабанисовомъ Journ. für Ornithologie, 1860, стр. 392 и 398.

[3]) Все, что мнѣ извѣстно объ установленіи вида *T. falcipennis*, основано на свѣдѣніи, сообщенномъ во 2-мъ примѣчаніи этой страницы, на стр. 39 Кабанисова журнала за 1856 годъ, на стр. 56 годоваго отчета за 1861 годъ въ Archiv für Naturgeschichte, и на замѣткѣ въ Natural History Review, London, 1861, Januar, p. 18. И въ журналѣ Naumannia за 1857 годъ, стр. 275, явилась относящаяся сюда убѣдительная статья о постоянно стянутыхъ большихъ маховыхъ перьяхъ. Не смотря на совершенное сходство цвѣта, стянутыя маховыя перья у *Tetr. falcipennis* составляютъ весьма убѣдительное отличіе. Кромѣ того у *Tetr. falcipennis* самыя длинныя маховыя перья 4-е и 5-е, или 5-е и 6-ое, а у *Tetr. canadensis* 3-ье и 4-е.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно и довольно важно то, что между формами животныхъ на обоихъ берегахъ Берингова пролива есть большое сходство, вслѣдствіе котораго формы эти на обоихъ берегахъ кажутся почти или совершенно тожественными. Сходство это такъ значительно, что, правильно или неправильно, но американскій *Circus uliginosus* отысканъ и въ Японіи; водящаяся на азіятскихъ берегахъ Великаго океана разновидность семендюхи, *Charadrius pluvialis orientalis* ближе къ *Char. americanus*, чѣмъ къ западной разновидности нашей семендюхи [1]); сорока, встрѣчающаяся на азіятскихъ берегахъ Великаго океана (*Pica caudata*), отличается необыкновенно сильнымъ металлическимъ блескомъ и величиною [2]), а потому походитъ на американскую *Pica hudsonica*, и т. п.

Не вполнѣ ли согласуется со всѣмъ этимъ и то, что туже самую разновидность простой лисицы, огневокъ, или огнянокъ, составляющихъ отличительную черту Камчатки, мы находимъ и на противуположномъ берегу сѣверной Америки (*Vulpes fulvus*), что одна и таже разновидность бураго медвѣдя (*Var. Beringiana*) встрѣчается, какъ я показалъ, на обоихъ берегахъ Берингова пролива? О нѣкоторыхъ видахъ сибирскихъ млекопитающихъ, которые я признаю Берингo-борейскими, мы въ заключеніе сообщимъ еще нѣкоторыя замѣчанія.

Горная овца (*Ovis* [*Aegoceros*] *montana* или *Aeg. nivicola* Eschsch.), которая намъ въ первый разъ стала извѣстна на американскомъ Скалистомъ хребтѣ и простирается тамъ отъ Ледовитаго моря до сѣверной Калифорніи [3]), также, какъ мною показано во второмъ томѣ нѣм. изданія этого сочиненія (II, 2, стр. 116), распространена по всѣмъ горнымъ частямъ сибирскихъ береговъ Берингова пролива. Рáдде [4]) могъ только подтвердить мои указанія, и потому животное это мы должны считать отличнымъ представителемъ Берингo-

---

Но въ этомъ отношеніи очень интересно, что у Гренландскаго *Char. pluvialis* крылья замѣтно длиннѣе, да и между маховыми перьями иное отношеніе, чѣмъ у *Char. pluvialis* южныхъ широтъ.

На сѣверо-западномъ берегу Америки *Tetr. Franklinii* часто встрѣчается подъ 62° с. ш., да и зимуетъ тамъ въ сообществѣ *Tetr. umbellus* (Загоскинъ, Нѣшех. Опись, II, стр. 6). Подъ 65° с. ш. онъ встрѣчается рѣже (тамъ-же, стр. 155). Впрочемъ у рѣки Мекензи онъ достигаетъ даже до 67½° (Richardson, Search. Exped. I, p. 179), а можетъ быть и до 68° с. ш. (Back, Reise, übers. von Andrée. 1836, p. XXXIX); слѣдов. птица эта попадается вездѣ, куда только простирается лѣсная растительность.

Къ югу онъ часто встрѣчается еще у 60° при Кенайскомъ заливѣ, но не попадается на островѣ Ситхѣ (57°).

По словамъ Шренка (I, 2, стр. 399), *Tetr. falcipennis* водится при устьѣ Амура до залива де-Кастри и на Сахалинѣ; по Радде (II, стр. 301) не встрѣчается на Буреинскомъ хребтѣ, на лѣвомъ берегу Амура.

Мнѣніе мое, что материковая *Pin. sylvestris* и эта береговая птица исключаютъ одна другую, подтверждается изслѣдованіями Шренка.

Такъ какъ я въ концѣ Августа находилъ самцовъ этого вида, отдѣлившихся отъ общей вереницы, то въ этомъ отношеніи они сходны съ тетеревами. Птенцы свищутъ подобно молодымъ тетеревамъ. Въ искусствѣ укрываться посредствомъ совершенно спокойнаго сидѣнія въ верхушкахъ хвойныхъ деревьевъ. и притомъ близко отъ древеснаго ствола, они похожи на рябовъ.

Сѣверо-американская птица повилиму отлетная (Bonaparte, III, p. 48).

[1]) Срав. соч. Шренка, I, 1, стр. 410.

[2]) Schrenck, I, 1, p. 322. Онъ приводитъ даже доводы (стр. 324) въ пользу того, что сорока перешла въ Камчатку, можетъ быть. изъ Китая.

[3]) Explorations and Survey for a rail-rood from Missisipi River to the Pacific Ocean, vol. XII, 2, p. 127. До Ледовитаго моря горная овца доходитъ у рѣки Мекензи (Richardson, (Search. Exped. I, p. 178).

[4]) Reisen, I, p. 242, 243.

борейской фауны [1]). Въ восточной Сибири распространеніе ея очень сходно съ распространеніемъ кустарнаго кедра (срав. ч. I, стр. 526).

Парріевъ суслик (*Spermophilus Parryi*) также Берингo-борейское или, пожалуй, Берингo-полярное животное, которое подъ именемъ еврашки хорошо извѣстно въ русскихъ колоніяхъ на сѣверо-западномъ берегу Америки [2]). Видѣвъ камчатскія суслячьи шкурки, я вполнѣ убѣжденъ въ тожествѣ американскаго суслика съ камчатскимъ [3]). Глубокополярное животное это придерживается бездревесной тундры, питается растущими на ней ягодами [4]) и, кажется, подобно горной овцѣ, на западъ простирается до Индигирки [5]).

Наконецъ мы упомянемъ тутъ, впрочемъ съ оговоркой, и Берингова сурка (*Arct. monax* L.), такъ какъ мною уже прежде (нѣм. изд. II, 2, стр. 85) объяснено, почему я полагаю, что Камчаткій сурокъ тожественъ съ этимъ Сѣвероамериканцемъ. Что сѣвероамериканскій сурокъ дѣйствительно простирается до западнаго берега и ближайшихъ къ этому берегу острововъ, это можетъ быть доказано по нашимъ отечественнымъ источникамъ [6]). Подобно предыдущимъ животнымъ, онъ повидимому простирается до Колыми, Индигирки и Яны, и подъ именемъ сурка или тарбагана достигаетъ берега Ледовитаго моря [7]). Экваторіальный предѣлъ этого животнаго къ югу, кажется, заходитъ немногимъ дальше полярнаго круга.

[1]) Кажется, что мѣстность близъ Удскаго острога гдѣ я его встрѣтилъ, самое южное мѣстопребываніе его въ Сибири. Оттуда къ сѣверу на Становомъ хребтѣ животное это нигдѣ не рѣдко и прежде очевидно встрѣчалось еще чаще. Спутники Эрмана (Reise um die Erde, I, 2, p. 351 и Verzeichniss von Thieren und Pflanzen, 1833, p. 22, подъ названіемъ *Aegoc. Argali*) у истоковъ Ульи съ успѣхомъ охотились на это животное. Уже въ 1866 году Редовскій, какъ я вижу изъ рукописнаго дневника его, почти на томъ-же мѣстѣ видѣлъ 13 штукъ и говоритъ, что у Ямска (60° с. ш.) это животное часто встрѣчается въ горахъ.

Оно заходило не только до южной оконечности Камчатки, но (?) и на Курильскіе острова и даже на Сахалинъ. Ср. Steller, p. 127; Langsdorff, Reise, I, p. 179; II, p. 233 и Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, III, p. 100.

Къ западу отъ Камчатки этотъ дикій баранъ встрѣчается почти до Колыми, гдѣ мысъ Барановъ (сдѣлавшійся извѣстнымъ со времени Врангеля) получилъ отъ него свое названіе. Ср. Hedenström въ Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, II, p. 205, и Врангеля Путеш. I, стр. 196, 257; II, стр. 196.

Что касается до множества горныхъ барановъ, которые водятся еще дальше на западъ у истоковъ Индигирки (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 61 и 110; Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 229), и которые мною отысканы у нижней Тунгуски, то разрѣшеніе вопроса, принадлежатъ ли они къ породѣ горныхъ барановъ, или аргали, должно быть предоставлено будущему времени.

[2]) Къ сѣверу отъ Кадьяка одинъ островъ называется Еврашевъ, по множеству находящихся на немъ еврашковъ.

[3]) Переходъ этого животнаго изъ Америки въ Азію можно прослѣдить на лежащемъ на азіятской сторонѣ Берингова пролива островѣ Аркамчичи, на которомъ видѣли это животное (Baird, Catalogue of North-American mammals, 1857, p. 12); это впрочемъ уже замѣтилъ Стеллеръ, говоря, что оно простирается вверхъ по Пенжинскому заливу.

[4]) Richardson, (Appendix to Parry's second Voyage, p. 379). Онъ простирается впрочемъ до Гудзонова залива (King, I. стр. 280).

[5]) Зауеръ (Voyage de Billings, trad. par Castéra, 1802, I, p. 143) упоминаетъ о «*marmottes sifflantes*» у Баранова мыса, къ востоку отъ Колыми. Кого разумѣлъ онъ подъ этимъ названіемъ: пищухъ ли, сурковъ или сусликовъ? Можетъ быть сусликовъ, которые, по словамъ Стеллера, въ Камчаткѣ называются пищугами. У Нижнеколымска (Сибир. Вѣст. I, стр. 141, по Киберу) и къ югу отъ Зашиверска (Фигуринъ, тамъ-же, стр. 212) встрѣчается, говорятъ, множество сусликовъ.

[6]) У Кенайскаго залива, по словамъ Хвостова и Давыдова (Двукр. Путеш. II, стр. 136). На Кадьякѣ по Лангсдорфу (Reise, II, p. 66). У Atnä или Мѣдной рѣки по Врангелю (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, I, p. 99).

[7]) Ср. Фигурина въ Сибир. Вѣст. стр. 222; Богородскаго въ Журн. Министерства Внутр. Дѣлъ за 1853 годъ, Октябрь, стр. 66.

Перебирая еще разъ все вышеизложенное, нельзя не замѣтить, что если бы даже то или другое изъ предположеній моихъ было слишкомъ смѣло и слѣдовательно будетъ опровергнуто результатами будущихъ изслѣдованій, то все-таки нельзя отрицать яснаго сходства между фаунами обоихъ береговъ Берингова пролива. Сходство это существуетъ, не смотря на то, что разсматриваемыя нами животныя обоихъ материковъ на экваторіальномъ предѣлѣ своего распространенія отдѣлены другъ отъ друга, чуть ли не на 800 геогр. миль, однимъ изъ величайшихъ океановъ. Но, если оставить въ сторонѣ эту раздѣляющую ихъ пропасть, то дѣйствительно занимаемая ими область распространенія оказывается сравнительно лишь узкой каймой, т. е. другими словами, по характеру своего распространенія это большею частію только береговыя животныя. Даже находящіяся въ числѣ ихъ материковыя животныя не заходятъ далеко внутрь материка. Въ общемъ цѣломъ пограничными чертами ихъ оказываются Становой хребетъ въ Сибири и Скалистой хребетъ въ сѣверной Америкѣ. Такъ какъ Берингo-борейскія животныя присоединяются къ водящимся въ тѣхъ-же прибрежныхъ странахъ кругополярнымъ и борейскимъ животнымъ, то именно это-то присоединеніе и придаетъ фаунѣ тѣхъ странъ совершенно особое разнообразіе. Такъ напр. рядомъ съ Берингo-борейскимъ Беринговымъ орломъ встрѣчается кругополярный простой и сѣверо-американскій бѣлоголовый орелъ; рядомъ съ европейскимъ глухаремъ и *Tetr. urogalloides;* рядомъ съ тетеркой и рябчикомъ, *Tetr. falcipennis;* рядомъ со множествомъ мѣстныхъ видовъ перпъ еще сивучи, котики и (прежде) морская корова; на сѣверо-американскомъ берегу рядомъ съ Берингo-борейскими животными встрѣчаются туземныя *Hystrix (Erethizon) epixanthus*, *Fiber zibethicus*, енотъ и т. п.

Разрѣшеніе вопроса, существуютъ ли, кромѣ Берингo-борейскихъ животныхъ, еще другія животныя, которыя въ тоже время являются береговыми животными въ Сибири на прибрежьяхъ Великаго океана, но не встрѣчаются на противуположныхъ сѣверо-западныхъ берегахъ Америки, слѣдов. существуетъ ли, или нѣтъ, особый отдѣлъ b) Ленско-океанійскихъ животныхъ, — разрѣшеніе этого вопроса мы должны предоставить будущему времени. Съ одной стороны несомнѣнно, что относящіяся къ этой категоріи, упомянутыя Палласомъ *Tamias Uthensis* и *Viverra aterrima*, не составляютъ особыхъ видовъ животныхъ; съ другой стороны мы слишкомъ мало знакомы съ предѣлами распространенія *Tetrao falcipennis*, *Tetrao urogalloides*, *Tr. subminuta* [1]), *Sterna longipennis* и др. Притомъ новѣйшій случай съ *Lagomys hyperboreus* показываетъ, что въ этомъ отношеніи нельзя быть довольно осторожнымъ. Палласу это красивое животное извѣстно было только изъ Чукотскаго края; по изслѣдованіямъ же Шренка [2]) оказалось сразу, что оно водится по всему Ста-

---

[1]) Впрочемъ Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, II, p. 333) встрѣтилъ его также у Тарей-Нора, въ сѣверной Монголіи.

[2]) Reisen und Forschungen, I, p. 147. Привезенный изъ Удскаго острога экземпляръ этого животнаго не упомянутъ въ моемъ сочиненіи потому, что былъ добытъ уже послѣ моей бытности въ тѣхъ мѣстахъ, оставленнымъ тамъ препараторомъ Фурманомъ, и прибылъ въ Петербургъ позже другихъ коллекцій.

повому береговому хребту и на западѣ простирается даже за рѣчную область Лены до Оленека [1]).

При чрезвычайно недостаточномъ знакомствѣ нашемъ съ средне-азіятскою фауною, а въ особенности съ фауною восточнаго склона средней Азіи, мы должны предположить, что каждый новый видъ животныхъ, который мы встрѣчаемъ въ Амурскомъ краѣ, или въ рѣчной области Уди, принадлежитъ къ мѣстной фаунѣ на югѣ или юго-западѣ этихъ странъ. Уже первая рекогносцировка Амурскаго края наводнила фауну Россіи массою новыхъ видовъ, которые должны считаться отпрысками фауны, сосредоточенной на средне-азіятской плоской возвышенности, какъ-то: *Ursus tibethanus*, *Mustela flavigula*, *Canis procyonoides*, *Felis undata*, *Talpa Wogura*, *Arvicula amurensis*, *Arv. russatus*, *Arv. Maximowiczii*, *Arv. mongolica*, *Arv. macrotis*, *Arv. Brandtii*, *Lepus mandshuricus*, *Antilope crispa;* изъ птицъ: *Acanthylis caudacuta*, *Caprimulgus Jotaca*, *Cuculus sparverioides*, *Cuc. optatus*, *Picus Mitchellii*, *Eurystomus orientalis*, *Emberiza elegans*, *E. cioides*, *E. spodocephala*, *E. personata*, *Pyrrhula sibirica*, *P. rubicilla*, *P. rosea*, *P. pusilla*, *Fr. Kawarahiba*, *Bombycilla phoenicoptera*, *Corvus japonensis*, *Sturnus cineraceus*, *Pastor sturninus*, *Oriolus cochinchinensis*, *Turdus varius*, *T. daulias*, *T. chrysolaus*, *T. fuscatus*, *T. obscurus*, *Lusciola cyane*, *Sylvia sibirica*, *S. Schwarzi*, *S. coronata*, *S. Aedon*, *S. Maackii*, *S. certhiola*, *S. locustella*, *Zosterops chloronotus*, *Muscicapa sibirica*, *M. cinereoalba*, *M. narcissina*, *M. hylocharis*, *Pericrocotus cinereus*, *Lanius phoenicurus*, *Lan. mollis*, *Columba humilis*, *Crex erythrothorax*, *Grus leucauchen*, *Gr. Monachus*, *Gr. Antigone*, *Charadrius mongolicus*, *Totanus pulverulentus*, *Tr. crassirostris*, *Scolop. stenura*, *Numenius australis*, *Ibis Nippon*, *Ardea virescens*, *Ard. cinnamomea*, *Anas galericulata*, *An. poecilorhyncha*, *Larus (Gelastes) Lambruschini* (= *Lar. Columbinus*, Journ. f. Ornithol. 1857, p. 23 и Compte rendu de l'Acad. de Paris, 1856, p. 644) и т. п.

Если бы мы захотѣли предположить существованіе с) **Енисейско-океанійскихъ** животныхъ, слѣдов. борейскихъ видовъ животныхъ, встрѣчающихся въ одной только восточной Сибири, то это было бы правдоподобнѣе, потому что доселѣ въ пользу этого, повидимому, говорятъ не только *Lagomys hyperboreus*, но и *Anser grandis An. glocitans*, *Tetrao urogalloides* (Китлицъ, Denkwürdigkeiten, p. 353, охарактеризовалъ эту птицу подъ названіемъ *Tetrao Kamtschaticus*), *Muscicapa luteola*, *Lusciola Kamtschatkensis*, *Lusc. cyanura*, *S. aurorea*, и т. д., а въ особенности нѣкоторые виды рыбъ, какъ напр. *Salmo microstomus* [2]), *S. coregonoides* [3]), *S. Tugun* [4]), *S. cyprinoides* [5]), *S. clupeoides* [6]), *Cyprinus perenurus* [7]), *Cypr. rostratus*.

[1]) Радде (I, стр. 232) упоминаетъ объ этомъ животномъ и на Буреинскомъ хребтѣ.

[2]) Хотя по словамъ Палласа, онъ встрѣчается только въ водахъ, текущихъ къ востоку отъ Лены, но у меня онъ былъ въ рукахъ на Яснинѣ, Хатангѣ, Богандѣ и Таймырѣ. Въ Енисеѣ онъ заходитъ даже выше пороговъ нижней Тунгуски и, вслѣдствіе круглаго тѣла своего, называется тамъ круглой рыбой или валькомъ.

[3]) Противъ всякаго ожиданія я встрѣтилъ его не только въ Уди, но и въ притокахъ Амура (Кебели, Быса).

[4]) Не та ли самая это рыба, которую Хвостовъ и Давыдовъ (Двукр. путеш. I, стр. 106) встрѣтили между Якутскомъ и Охотскомъ, подъ именемъ джерги?

[5]) Эту Ленскую рыбу я встрѣтилъ и въ Хетѣ, впадающей въ Хатангу. Тунгусы тамошніе называли ее «*Мундуткань*». Не попадается ли она и у пороговъ нижней Тунгуски, гдѣ, говорятъ, ловятъ рыбу «*Майгуцянъ*»?

[6]) Въ Хатангѣ хорошо извѣстенъ Тунгусамъ, подъ названіемъ «*Селдеткань*». Кромѣ того, какъ извѣстно, встрѣчается въ Колыми, Алазеи, Индигиркѣ.

[7]) Водится въ Илѣ, съ чрезвычайно слабыми чешуями. Въ рѣчной области Лены называется мундушка, но и

d) **Иртышско-океанійскими** животными оказываются въ настоящее время сибирскій хорекъ [1]), *Arv. obscurus*, *Sylvia cyanura*, *S. erythronota*, *Lanius phoenicurus*, *Fringilla orientalis*, *Emberiza cioides*, *Columba fusca*, *Col. rupicola*, *Turdus varius*, *Turdus sibiricus*, *Turd. fuscatus*, *Cinclus leucogaster*, *Grus leucogeranos* [2]), *Scolopax solitaria*, *Anas falcata*.

Не смотря на то, что Уралъ не составляетъ въ сущности пограничной черты между фаунами, у насъ есть наконецъ нѣсколько животныхъ, которыя по своему распространенію должны считаться e) **Урало-океанійскими**. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ соболю [3]), западный предѣлъ котораго намъ хорошо извѣстенъ, а восточный предѣлъ, можетъ быть, заходитъ на сѣверо-западный берегъ сѣверной Америки, въ случаѣ если водящееся тамъ животное дѣйствительно тожественно съ сибирскимъ соболемъ, какъ видно изъ изслѣдованій Брандта [4]). Сюда-же могли бы быть отнесены также *Arvicola oeconomus*, равно какъ, можетъ быть, *Grus leucogeranos*, *Parus sibiricus*, *Saxicola leucomela*, *Sylvia caligata* Licht., *Charadrius mongolicus*, *Anser ruficollis* и др.

Бѣлорыбица (*нельма*, *Salmo leucichtys*) по-видимому, въ отношеніи распространенія своего, очень сходна съ соболемъ, потому что къ западу простирается, кажется, до Печоры, а къ востоку до сѣверо-западнаго берега Америки [5]).

Наконецъ мы встрѣчаемъ еще однимъ интересный отдѣлъ животныхъ, который должны назвать f) **Скандинаво-океанійскимъ.**

ельцы (иначе также *Cypr. leuciscus*). По словамъ Зауера (см. вышепривед. соч. I, стр. 158) водится около Колымы, гдѣ называется солуро. Зауеръ (стр. 157) называетъ еще нѣсколько рыбъ въ Колымѣ: Nesnaki, Nerpiski, Irongka, Timiratta, которыя намъ ближе еще неизвѣстны.

[1]) Это положительно форма, замѣняющая нашего простаго хорька, который сталкивается съ сибирскимъ хорькомъ на Алтаѣ. По своему образу жизни сибирскій хорекъ, кажется, занимаетъ средину между европейскимъ хорькомъ и норкою. Черта, общая между нимъ и родичами его, заключается въ зломъ характерѣ, который на простонародномъ языкѣ очень удачно названъ «ядовитымъ». Фыркая, какъ кошка, онъ бросается на людей и на животныхъ; голосъ его, слышный при этомъ, похожъ на звукъ деревянной трещетки.

[2]) Не встрѣчается на Волгѣ, по словамъ Мешлера (Naumannia, 1853, III, p. 306). Выше (стр. 251, примѣч. 1-е) уже сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о его распространеніи.

[3]) Къ тому, что уже на стр. 80-й сказано было о западномъ предѣлѣ распространенія соболя, я считаю необходимымъ присовокупить, что по моимъ собственнымъ распросамъ около самого Екатеринбурга нѣтъ соболей, но что они встрѣчаются въ 20 миляхъ отъ него. Около Богословска они не очень рѣдки. Въ мѣстности, лежащей между Обью и Вышерою, хорошій охотникъ и теперь еще, говорятъ, при удачѣ могъ-бы добыть до 10 соболей въ одну зиму. Подъ 55° с. ш., около Челябинска, въ 1770 году уже во время Палласа соболь былъ убитъ, какъ необыкновенная диковинка (Reise, II, p. 389). — И при истокахъ Уфы (56° с. ш.) соболи въ то время составляли большую рѣдкость (Pallas, Reise, II, p. 20; III, p. 470. Лепехинъ, Путешествіе, стр. 470.

Въ мое время, подъ $67^1/_2{}^\circ$ с. ш., уже не знали соболя на Енисеѣ, ни осѣдлымъ, ни случайно забревшимъ животнымъ. Но подъ $69^1/_2{}^\circ$ одинъ старикъ все-таки разсказывалъ мнѣ про соболя, убитаго тамъ, какъ неслыханная рѣдкость.

На чемъ основано извѣстіе, что въ Гижигинскомъ округѣ, лежащемъ у Охотскаго моря, кромѣ соболя, встрѣчается также лѣсная куница (Богородскій въ Журн. Министр. Внутрен. Дѣлъ за 1853 годъ, Октябрь стр. 66)?

[4]) Загоскинъ (Пѣшеход. Опись, I, стр. 159) упоминаетъ о соболяхъ сѣверной Америки. Срав. также Записки Р. Географ. Общ. II, стр. 153, 165. По словамъ Земана (Reise um die Welt, 1853, II, p. 23) у Коцебу Зунда соболи простираются до предѣла лѣсной растительности.

[5]) По крайней мѣрѣ по словамъ Загоскина она тамъ встрѣчается (ср. Записки Гидрограф. Депат. IV, стр. 96). Уже Де Брюнинъ въ своемъ путевомъ описаніи (стр. 16) упоминаетъ о нельмѣ подъ искаженнымъ названіемъ Meelma. А. Шренкъ (Reise, I, p. 187) нашелъ ее у Печоры. — Извѣстно, что въ Волгѣ она встрѣчается до самого Каспійскаго моря.

Изъ новѣйшихъ изслѣдованій, произведенныхъ на сѣверѣ Скандинавіи и европейской Россіи, оказалось, что значительное число сибирскихъ борейскихъ животныхъ ограничено съ запада не столько Ураломъ, сколько соединительною полосою земли, лежащею между сѣверомъ европейской Россіи и Скандинавіей, слѣдов. Бѣлымъ моремъ, Ботническимъ заливомъ, и отчасти вѣроятно также Скандинавскимъ продольнымъ хребтомъ.

Общее свойство этихъ Скандинаво-океанійскихъ животныхъ состоитъ въ томъ, что экваторіальный ихъ предѣлъ, начинаясь у Великаго океана, съ гористыхъ южныхъ границъ Сибири постепенно поднимается къ сѣверозападу; въ особенности онъ поднимается круто по переходѣ чрезъ Уралъ и за тѣмъ большею частію подъ 58—60° с. ш., слѣдов. подъ широтами Финскаго залива, принимаетъ западное направленіе. Однимъ словомъ, мы находимъ, что распространеніе разсматриваемыхъ нами животныхъ держится почти тѣхъ-же самыхъ предѣловъ, которые мы нашли для сибирской лиственицы, сибирской ели, пихты, кедра (ч. I, стр. 492 съ слѣд. и стр. 739—740), и которые въ общемъ цѣломъ совпадаютъ съ изохименами [1]).

Между млекопитающими животными полосатый бурундукъ (*Tamias striatus*) [2]) яв-

---

[1]) Равно какъ и полярный предѣлъ средиземныхъ моллюсковъ, по Мартенсу (Malakozool. Blätter, 1856, p. 116).

[2]) Это премилый звѣрекъ, который по части краснаго вида превосходитъ нашу простую бѣлку своею пестрою спиною, покрытою черными и бѣлыми полосками.

Охотнѣе всего онъ водится въ дуплахъ, особенно свалившихся старыхъ деревьевъ первобытнаго лѣса, да въ норкахъ и ходахъ, подъ корнями такихъ старыхъ древесныхъ стволовъ. Будучи преслѣдуемъ, въ особенности собаками, бурундукъ быстро уходитъ на самыя верхушки деревьевъ, но существенно отличается отъ простой бѣлки тѣмъ, что на верху не въ состояніи прыгать съ дерева на дерево или даже на землю. Когда мы сухими сучками или камнями стучали о стволъ дерева, на верхушкѣ котораго находился бурундукъ, то онъ, недолго думая, со страхомъ начиналъ спускаться внизъ; это происходило очень легко, даже если стволъ былъ гладокъ и фута два въ поперечникѣ. Иногда достаточно было поскоблить или поскрести стволъ, чтобы навести на бурундука видимый страхъ и заставить его быстро спуститься. При этомъ бѣгствѣ внизъ они забываютъ всякую опасность, такъ что ихъ въ это время можно ловить и убивать. Однажды, когда я только-что хотѣлъ схватить бурундука, онъ самъ вскочилъ ко мнѣ въ рукавъ. Такой страхъ на бурундуковъ вѣроятно навелъ соболь.

Вообще они очень довѣрчивы и Палласъ несомнѣнно ошибся, сказавъ, что ихъ нельзя сдѣлать ручными. Между собою они ведутъ, кажется, кровавые споры, потому что нерѣдко мы ловили бурундуковъ, у которыхъ отчасти были отъѣдены хвосты, или распороты уши.

Они наполняютъ свои защечные мѣшечки разными сѣменами и ягодами, какъ напр. черникой, брусникой и *Arbutus alpina*. Нерѣдко они уходили на дерево съ набитыми защечными мѣшками и опорожнивали ихъ только тогда, когда, спускаясь внизъ, добирались саженъ на двѣ до земли и тутъ пріостановливались, видя что дерево со всѣхъ сторонъ окружено преслѣдователями.

Гнѣздо, которое я вынулъ изъ дупла, было устлано мягкими, бѣлыми липнянками.

Хотя Палласъ (Reise, II, p. 210) западнымъ предѣломъ бурундука считаетъ Каму, но я нашелъ, что уже въ то время животное это встрѣчалось въ Архангельской губерніи, слѣдов. глубже въ европейской Россіи. Это упущенное изъ виду свидѣтельство, сопровождаемое рисункомъ (De Bruins, Reise, p. 467, Taf. 254), подтверждается новѣйшими свѣдѣніями; такъ напр. по словамъ Блазіуса (Wiegmann, Archiv für Naturgesch., 1843, II, p. 43) бурундукъ встрѣчается у сѣверной Двины, Вычегды и Сыссолы. Лилѣборгъ подтверждаетъ это (Vetensk. Akad. Handlingar, 1850, II, p. 262, 266); говорятъ, что звѣрекъ этотъ даже однажды появился въ Скандинавіи. По словамъ Брандта (St. Petersb. Zeitung 1842, № 207 и Bullet. de l'Acad. de St.-Pétersb. X, p. 350) бурундукъ былъ пойманъ около Мезени.

Самый южный, извѣстный мнѣ, пунктъ на Уралѣ, тотъ, на который указываетъ Лепехинъ (Путеш. III. стр. 73), говоря о бурундукѣ.

ляется представителемъ этой группы животныхъ; очевидно онъ и послѣдовалъ за вышеупомянутыми древесными видами, съ которыми связанъ его образъ жизни.

Кромѣ полосатаго бурундука, къ Скандинаво-океанійскимъ животнымъ принадлежатъ, кажется, еще шиферный цвѣта леммингъ (*Myodes schisticolor*) [1]), *Arv. rufocanus* [2]), *Arv. rutilus*, *Arv. medius* (= *Hypud. ratticeps*) [3]) и *Mus betulinus* [4]).

Сюда-же относится и летучая бѣлка (летяга, *Pterom. volans*) [5]), хотя въ сѣверной Россіи она къ югу простирается дальше названныхъ выше животныхъ.

Въ случаѣ, если упомянутая уже выше (стр. 248) малорослая буторка (*Sorex pygmaeus*) не принадлежитъ къ древне-борейскимъ животнымъ и доселѣ не замѣчена на западѣ лишь вслѣдствіе крошечнаго своего роста и ночнаго образа жизни, то она также должна быть причислена къ этой категоріи [6]).

Изъ птицъ сюда могутъ быть отнесены: *Milvus ater*, *Falco vespertinus* [7]), *Strix Ura-*

Что касается до полярнаго предѣла бурундука, то животное это не водится въ Камчаткѣ (Steller, p. 127), хотя Палласъ (Zoogr. I, стр. 187) увѣряетъ, что оно находится на берегахъ Анадыра. Фигуринъ (Сибир. Вѣсти. I, стр. 220) увѣряетъ, что по направленію къ полюсу бурундукъ не заходитъ дальше округовъ Верхоянскаго, Зашиверскаго и Гижигинскаго, слѣдов. полярный предѣлъ его кончается у полярнаго круга. Но Киберу же (Сибир. Вѣсти. I, стр. 141) бурундукъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижнеколымскаго округа. Очевидно, что онъ прекращается на предѣлѣ лѣсной растительности.

[1]) Въ первый разъ былъ открытъ въ Норвегіи; годъ спустя найденъ мною у Охотскаго моря, а потомъ и въ Финляндіи, примѣрно подъ 64° с. ш.

[2]) Въ Академическомъ музеѣ есть экземпляръ изъ Камчатки. Я встрѣчалъ это животное до 71° с. ш. у Богаиды. Къ западу оно, подобно *Myod. schisticolor*, заходитъ въ Скандинавію дальше, чѣмъ *Tam. striatus*.

[3]) Двухъ послѣднихъ я встрѣтилъ въ Русской Лапландіи лѣтомъ 1840 года; попадаются они и на Скандинавскомъ полуостровѣ. *Arv. rutilus* въ первый разъ указанъ былъ Блазіусомъ (Reise, I, p. 263, и Amtlicher Bericht der Versammlung der Naturforscher zu Braunschweig, 1842, p. 87) въ европейской Россіи. На Янѣ полярный его предѣлъ простирается до 70° с. ш.

[4]) Палласу *Mus betulinus* былъ извѣстенъ только между Ураломъ и Енисеемъ; я встрѣтилъ его около Кіева, а Кеслеръ еще дальше въ западной Россіи (Животныя губерній Кіевскаго Учебн. Округа, 1850, стр. 66). На стр. 273 еще будетъ говорено подробнѣе о распространеніи этого животнаго.

[5]) Летучую бѣлку рѣдко можно видѣть днемъ; говорятъ, что пока свѣтло она спитъ въ дуплахъ. Притомъ шарообразно-выступающія глаза съ перваго разу ясно показываютъ, что она сумеречное животное. Такимъ особымъ отношеніемъ къ старымъ лѣсамъ, въ дуплахъ которыхъ онѣ могутъ находить себѣ убѣжище, объясняется, почему эти животныя, еще болѣе простой бѣлки, придерживаются высокоствольнаго лѣса; такимъ образомъ 68° с. ш. можетъ быть принятъ за крайній полярный предѣлъ летучей бѣлки. Большею частію она едва переходитъ за полярный кругъ. На Колыми она встрѣчается еще часто у Верхне-Колымска (60° с. ш.) и доходитъ почти до Алазеи (67° с. ш.). См. Сибир. Вѣсти. I, стр. 141. — На востокѣ полярный предѣлъ понижается до 63° с. ш. на берегу Охотскаго моря (Фигуринъ въ Сибир. Вѣсти. I, стр. 220, и Стеллеръ, стр. 127). Въ Камчаткѣ летучая бѣлка не встрѣчается.

Достовѣрно, что на правомъ берегу Амура она заходитъ далеко въ Китайскія области, потому что я несомнѣнно узнаю ее подъ названіемъ «летучей крысы», которое ей дали іезуиты (Klemm, Allgem. Kulturgesch. der Menschheit, 1847, VI, p. 455). Нельзя также не замѣтить особаго отношенія этого животнаго къ березѣ и лиственицѣ (по Палласу и Радде).

Въ Финляндіи я встрѣтилъ летучую бѣлку подъ полярнымъ кругомъ (Кусамо); она попадается также около Петербурга и въ Остзейскомъ краѣ.

По словамъ Кеслера (Bulletin des Natur. de Moscou 1858, p. 569), она встрѣчается не только въ Вологодской, но и въ Орловской губерніи. Въ Литовскихъ лѣсахъ, какъ извѣстно, она попадается часто

[6]) Какъ извѣстно, ее уже неоднократно встрѣчали въ Германіи. Въ европейской Россіи она заходитъ въ самый Крымъ. По словамъ Кеслера (Животн. губ. Кіев. Учебн. Округа, 1850, стр. 16) попадается около Кіева.

[7]) Недавно гнѣзда его, въ видѣ исключенія, найдены въ Даніи (Naumannia, 1850, III, p. 39). На перелетѣ замѣченъ даже во Франціи.

lensis [1]), *Emberiza pusilla* [2]), *Emb. aureola* [3]), *Emb. rustica* [4]), *Emb. esclavonica* [5]), *Garrulus infaustus* [6]), *Garrulus glandarius var. Brandtii* [7]), *Columba gelastes* [8]), *Pyrrhula erythrina* [9]), *Parus borealis* [10]), *Sylvia locustella* [11]), *Sylvia magnirostris* [12]), *Muscicapa parva* [13]),

---

[1]) Палласъ говоритъ, что ея нѣтъ въ восточ. Сибири, но мы съ Шренкомъ нашли, что она встрѣчается тамъ часто. Геблеръ (Bulletin des Natur. de Moscou, I, p. 53) первый замѣтилъ, что она водится на Алтаѣ. На западъ она простирается въ нѣмецкую часть Польши. Довольно часто она встрѣчается въ Литвѣ, около Минска и т. д. (Eichwald. Zool. sp. p. 269). Попадается даже на хребтѣ Татра (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, p. 431) и случайно въ Даніи (Naumannia, 1850, III, стр. 40).

[2]) Водится у Ладожскаго озера (Lilieborg, loc. cit. p. 243, 249 и дал.) и у Мезени (Bulletin de l'Acad. de St.-Pétersbourg, X, p. 350). Пролетомъ на островѣ Гелголандѣ (Cabanis, Journal für Ornithologie. 1853, p. 67) и въ Шоненѣ (Gadamar, въ Naumannia, 1852, III, p. 9). Встрѣчалась даже около Брайтона (Günther, Record of zool. Litter. p. 85) и пролетомъ въ Провансѣ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1856, p. 219).

[3]) Подорожника этого, котораго прежде считали исключительно сибирскою птицею, Блазіусъ (Reise, I, p. 238) первый нашелъ въ европейской Россіи. На сѣверномъ Уралѣ онъ встрѣчается очень часто. Лилиеборгъ (см. вышеприв. соч. стр. 248) замѣтилъ, что онъ попадается около Онеги. По временамъ является въ Провансѣ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1863, p. 219).

[4]) Подобно *Emb. aureola*, прежде считалась исключительно сибирскою птицею, такъ какъ Палласу она извѣстна была только по Дауріи и Камчаткѣ. Въ послѣднее время неоднократно оказывалась въ Европѣ; напр. въ Лапландіи найдена на гнѣздѣ Шрадеромъ (Cabanis, Journ. für Ornithol. 1853, p. 256), въ Финляндіи Ниландеромъ (Finska foglars Finska namn, p. 290, и Nordmann, Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860. p. 15). Встрѣчалась даже около Генуи (Durazzo въ Archiv für Naturgesch., 1848, II, p. 6) и ежегодно въ Октябрѣ является въ Провансѣ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1856. p. 219).

[5]) Уже Палласу она извѣстна была съ Урала. Въ послѣднее лишь время неоднократно замѣчена въ западной Европѣ. Эрманъ встрѣтилъ ее на востокѣ (см. вышепр. соч. № 81, Taf. VII, Fig. 1, 2). Геблеръ нашелъ ее около Уймонска.

[6]) Въ Финляндіи встрѣчалась на яйцахъ, по словесному сообщенію Фалька. Блазіусъ (Reise, I, p. 259) совершенно справедливо замѣтилъ, что во многомъ она похожа на синицу. Движенія ея, клеваніе ея на деревьяхъ, рѣшительно напоминаютъ синицъ.

[7]) На Уралѣ встрѣчалась до 62° с. ш., но вѣроятно простирается еще гораздо дальше.

[8]) По Сундевалю, встрѣчалась въ сѣверной Швеціи, около 63½° с. ш. (Cabanis, Journal für Ornithologie. 1854, I, p. 65). Впрочемъ *Col. turtur.* попадается тамъ еще сѣвернѣе. *Col. gelastes* упомянута Нордманомъ также въ числѣ Финляндскихъ птицъ (Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 31).

[9]) Къ югу я находилъ эту птицу около Кіева на гнѣздѣ. Тоже самое говоритъ и Кеслеръ (см вышеприв. соч. стр. 111). Въ Финляндіи встрѣчается по словамъ Ниландера (см. вышеприв. соч. стр. 290). Въ одиночку попадается дальше на западѣ въ Германіи и даже на островѣ Сильтѣ.

[10]) Встрѣчается даже въ Ирландіи. Лилиеборгъ (Kon. Vetensk. Handlingar, 1850, II, p. 288) показалъ, что тотъ видъ, который я видѣлъ, но не добылъ въ Лапландіи и принялъ за *Par. palustris*, былъ, должно быть, *Par. borealis*. Впрочемъ Шренкъ (Reise, p. 307) и Радде (Reisen, p. 197) согласны со мною въ томъ, что считаютъ *Par. borealis* только за видоизмѣненіе *Par. palustris*.

Судя по замѣчаніямъ Мальмгрена, что *Par. sibiricus* Gm. совершенно другая птица, нежели встрѣчающійся въ Финляндіи *P. lapponicus (P. borealis)* (Botanisk resa till Sattakunta och södra Oesterbotten, 1859, p. 102, въ Sällskab pro Fauna et Flora Fennica, Ny Serie, III, 1861), кажется, пока еще не слѣдуетъ принимать убитую у Куопіо птицу за *Par. sibiricus* (Oefversigt of Finska Vetenskaps Societetens Förhandlingar, 1853—1855, p. 72).

[11]) Въ Даніи (Naumannia, 1850, III. p. 43). По словамъ Бальдамуса (тамъ-же, 1852, I, стр. 103), даже ежегодно высиживаетъ яйца въ средней Германіи.

[12]) Птица эта, описанная и изображенная Лилиеборгомъ (Bidrag till Norra Ryslands och Norriges Fauna, въ Kon. Vet. Handl. 1850, II. p. 274, Tab. XIX), вѣроятно также относится сюда, хотя о существованіи ея въ Сибири намъ пока еще ничего не извѣстно. Подъ 64° с. ш. она открыта въ европейской Россіи. Въ какомъ отношеніи она находится къ *S. palustris* и *S. scita*, еще не разъяснено. Нордманъ (Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 27) упоминаетъ ее въ числѣ Финляндскихъ птицъ.

[13]) Встрѣчается около Петербурга, около Кіева (Кеслеръ, стр. 30) и даже въ Венгріи (Baldamus, Naumannia, 1849, p. 41).

*

Muscicapa albicollis, *Limosa cinerea* [1]), *Anas tadorna* [2]), *Larus minutus* [3]) и *Sterna caspia* [4]).

Даже нѣкоторыя рыбы, можетъ быть уже теперь, могутъ быть причислены къ Скандинаво-океанійской фаунѣ, какъ напр. *Salmo leucomaenis*, *S. Pelet* [5]), (слѣдов. вѣроятно и интересный, описанный въ этомъ сочиненіи, паразитъ — вооруженная крючечками піявка *Acanthobdella Peledina*), *S. Omul* [6]), *S. nasutus* [7]), *S. fluviatilis* (*Taimen*) [8]).

Вмѣстѣ съ кругополярными животными, и животныя, принадлежащія къ Уралоокеанійской и Скандинаво-океанійской фаунамъ, придаютъ Уральскому хребту чисто азіятскій отпечатокъ. Во всякомъ случаѣ трудно назвать животныя, которыя, живя на Уралѣ и вѣроятно также въ большей части Европы, въ тоже время не водились бы и на сѣверо-западной окраинѣ средне-азіятской возвышенности, слѣдов. не могли бы считаться выходцами этой возвышенности, какъ первоначальной ихъ родины.

Азіятская природа Уральскаго хребта особенно бросается въ глаза, если мы его станемъ сравнивать съ Кавказомъ, который, хотя и находится въ непосредственной орогра-

---

[1]) Отыскана, какъ извѣстно, мною въ-первыя близъ Архангельска, а потомъ указана Лилѣборгомъ въ той-же губерніи. Недавно появилась случайно въ Швейцаріи (Verhandlungen der Naturforsch. Gesellsch. zu Solothurn, 1848, p. 56). Вьетъ гнѣзда около Казани (Eversmann, въ Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, X, 280).

[2]) Очень часто встрѣчается въ Норвегіи (Wallengrén, Naumannia, 1855, p. 133); по словамъ Шрадера, попадалась даже подъ 70° с. ш. въ Лапландіи. Я видѣлъ ее въ Гельсингфорскомъ музеѣ. Дѣйствительно часто вьетъ гнѣзда въ Даніи (Naumannia, 1850, III, p. 53). Встрѣчалась въ Подоліи, Литвѣ, Курляндіи и около Ревеля.

[3]) Я встрѣтилъ ее около Улеоборга ($64\frac{1}{2}$° с. ш.), у береговъ Ботническаго залива. Потомъ нашелъ ее Лилѣборгъ у Ладожскаго озера, подъ 61° с. ш. (Kon. Vetensk. Akad. Handl. 1850, II, p. 241). Встрѣчается, говорятъ, нерѣдко и на балтійскихъ берегахъ Германіи (Naumannia, 1850. III, p. 50). — Явилась на Эландѣ съ тѣхъ поръ, какъ исчезла съ Готланда (Wallengrén, Naumannia, 1855, p. 133. 151).

[4]) Я нашелъ ее около Улеоборга, у Ботническаго залива, подъ $64\frac{1}{2}$° с. ш., на гнѣздѣ. Она высиживаетъ яйца и на островѣ Сильтѣ (Naumannia, III, p. 49).

[5]) Къ западу онъ простирается до Канинскаго полуострова (Лепехина, Путеш. IV, стр. 235, 240, 243, 246, 278. 280, 283). А. Шренкъ (Reise, I, p. 187) нашелъ его въ Печорѣ. Къ югу встрѣчается въ Енисеѣ, лишь до $65\frac{1}{2}$° с. ш. (Мироѣдинское), къ востоку въ Янѣ (Фигуринъ, Сибир. Вѣстн. I, стр. 238) и въ Колыми (Сибир. Вѣстн. I, стр. 30, и Sauer, Voyage, I, p. 157).

[6]) Лепехинъ сообщилъ, что рыба эта встрѣчается у Новой Земли и Колгуева (Путеш. IV, стр. 119, 140, 172, 193, 240, 260, 278). Срав. также Pallas, Reise, III, p. 32, и A. Schrenck, Reise, I, p. 367, 648.

Странно, что рыба эта заходитъ въ большія рѣки къ западу и востоку отъ Оби, а въ самой Оби до сихъ поръ не встрѣчалась.

[7]) Уже Витсенъ замѣтилъ, что рыба эта, вмѣстѣ съ пелетью, встрѣчается въ Печорѣ (2-е изд. стр. 594). Это оставлено безъ вниманія Палласомъ, но подтверждается Лепехинымъ (Путеш. IV, стр. 240, 246, 278, 280, 283) и А. Шренкомъ (Reise, I, p. 137, 496, 648, 652). Самое западное мѣсто нахожденія его, упоминаемое Шренкомъ, есть озеро Урдюга въ области рѣки Пидеги.

Къ востоку она простирается до Колыми (Sauer, Voyage, I, p. 156, и Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 237). — По словамъ Палласа, въ Камчаткѣ ея нѣтъ.

[8]) Къ западу эта рыба простирается, кажется, до Вестеръ-Ботніи, какъ я вижу изъ путешествія Скіельдебранда (перев. Эрмана, 1805, стр. 40). Дѣйствительно я встрѣтилъ ее въ Финляндіи — въ рѣкѣ Кеми.

На востокъ она доходитъ до Яны (Сибир. Вѣстн. I, стр. 5) и, говорятъ, уже не встрѣчается болѣе въ Индигиркѣ (тамъ-же, стр. 237). Въ рукописи Козьмина говорится, что рыба эта заходитъ въ рѣку Уль, а одинъ Якутъ увѣрялъ меня, что она встрѣчается въ Кебели, принадлежащей къ Амурской рѣчной системѣ.

Это въ одно и тоже время морская и горная рыба, потому что, сколько доселѣ можно судить объ этомъ, она заходитъ также на Алтайскій и Саянскій хребты.

Палласъ (Zoographia) говоритъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія она перешла въ Каму; но Лепехинъ (Путеш. I, стр. 189) встрѣтилъ таймена уже въ Симбирскомъ краѣ.

фической связи съ средне-азіятскою возвышенностію, все-таки въ зоолого-географическомъ отношеніи долженъ быть соединенъ съ Европою.

Дѣло въ томъ, что встрѣчаются также формы животныхъ

исключительно европейскія

въ особенности южно-европейскія. На Кавказѣ многія изъ нихъ сталкиваются съ средне-азіятскими. Въ этомъ отношеніи интересными примѣрами являются: каменная куница, норка [1]) (срав. стр. 47, 106), зубръ [2]), европейскій заяцъ, *Arvicola glareola*, хомякъ [3]) и сони [4]), а между птицами: *Milvus regalis*, *Picus viridis*, *P. medius*, *Turdus viscivorus* [5]), *Sylvia philomela* [6]), *S. arundinacea*, *S. phragmitis*, *S. cinerea*, S. *nisoria*, *Troglodytes parvulus*, *Muscicapa grisola* [7]), *Lanius minor*, *Parus barbatus*, *Tichodroma muraria*, *Loxia pyliopsittacus*, *Emberiza miliaria*, *Alauda cristata* [8]), *Turdus merula*, *Porphyrio antiquorum*, *Phalacrocorax pygmaeus*. *Anas leucophtalmos*, *Anas angustitrostris* и т. д.

Все это такія животныя, какихъ въ Сибири нѣтъ, но какихъ нѣтъ и на Уралѣ, такъ что въ этомъ отношеніи у Урала нельзя отнять значенія страдательной пограничной черты. Кромѣ того, у южнаго Урала есть свой особый представитель, *Lagomys pusillus*, который въ высшей степени обращаетъ на себя вниманіе по тѣсному кругу своего распространенія — между Волгою и Обью, и не далѣе 50° с. ш. [9]).

---

[1]) О существованіи норки въ Голштиніи въ послѣднее время появилось нѣсколько статей (Troschel, Bericht über die Leistungen, in der Naturgesch. der Säugeth. 1864, p. 42. Der zool. Garten, 1866, p. 37).

Въ Финляндіи она встрѣчается (Falck, Anteckningar om *Mustela lutreola*, 1842). Очень интересно было бы знать, простирается ли она тамъ за столь ограниченный предѣлъ распространенія рѣчнаго рака. Впрочемъ только къ востоку распространеніе ея совпадаетъ съ распространеніемъ рѣчнаго рака (срав. стр. 47), тогда какъ къ западу и югу (въ Россіи, особенно въ Крыму нѣтъ норки) предѣлы распространенія ея несравненно ограниченнѣе, чѣмъ у рака.

[2]) Въ самое послѣднее время (Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1866, I, p. 252) Брандтъ снова доказалъ оспориваемое тождество кавказскаго зубра (бизона) съ литовскимъ.

Что на Лабѣ и теперь еще зубры цѣлыми стадами рыскаютъ въ горныхъ лѣсахъ, это мнѣ сообщено благонадежнымъ свидѣтелемъ, генераломъ Кесслеромъ.

[3]) Какъ извѣстно, онъ находится въ особомъ, случайномъ отношеніи къ распространенію человѣка германскаго племени, и простирается къ востоку до Оби. Хотя Фишеръ и говоритъ, что хомякъ встрѣчается въ Лифляндіи, но мнѣ кажется, что это еще подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ Курляндіи его, говорятъ, нѣтъ (Büttner въ Lüdde's Zeitschr. für Erdkunde, 1847; VI, p. 168).

[4]) *Myoxus glis* и *M. dryas* простираются изъ западной Европы въ самый Кавказъ, а къ сѣверу отъ него, въ средней Россіи, до Волги. *M. avellanarius*, котораго Палласъ вовсе не замѣтилъ, простирается, говорятъ, до Лифляндіи, что весьма вѣроятно, такъ какъ онъ заходитъ до Швеціи (Isis, 1848, V, p. 311 и Hornschuch, Archiv skandinav. Beiträge II, p. 177). Самая восточная мѣстность, гдѣ онъ доселѣ встрѣчался, сколько мнѣ извѣстно, есть Кіевская губернія (Кесслеръ, Животныя губ. Кіевскаго Учебн. Округа, 1850, стр. 52). *Myoxus dryas* добытъ мною самимъ у Западной Двины (въ Кокенгузенѣ) и около Дерпта (въ Гелленормѣ), гдѣ можетъ быть находится полярный предѣлъ его.

[5]) Распространеніе его по видимому дѣйствительно соотвѣтствуетъ его названію и, кажется, связано съ распространеніемъ дуба, а вмѣстѣ съ нимъ и кизильника.

[6]) А. Шренкъ (Reise, I, p. 68) полагаетъ, что онъ видѣлъ его подъ 64° с. ш. около Архангельска. Такъ-ли это?

[7]) По словамъ Шрадера доходитъ въ Лапландіи до 69° с. ш.

[8]) Эверсманъ (Cabanis, Journ. für Ornithologie, 1853, p. 285) говоритъ, что она не встрѣчается къ востоку отъ Урала и даже простирается только до праваго берега Волги.

[9]) Эверсманъ (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou, 1855, p. 274) могъ только подтвердить извѣстія Палласа.

Мы нисколько не думаемъ входить здѣсь въ ближайшее изслѣдованіе европейскихъ животныхъ, но не можемъ не обратить вниманіе на весьма ограниченное распространеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ означенныхъ выше (стр. 235) альпійскихъ животныхъ: каменнаго барана, альпійскаго сурка снѣговой мыши (*arvicola nivalis*), кромѣ указанныхъ выше (стр. 244—266) степныхъ животныхъ: европейскаго суслика, слѣпыша, *Ellobius talpinus*, мы должны упомянуть еще о пиренейской выхухоли, кроликѣ, Боккамельласткѣ, которыя не встрѣчаются даже въ европейской Россіи и потому заслуживаютъ названіе западно-европейскхъ животныхъ, въ противуположность сѣверо-европейско-скандинавскому леммингу и восточно-европейскимъ животнымъ, встрѣчающимся въ одной только европейской Россіи, т. е. странно испещренному сарматскому хорьку [1]) и выхухоли, которая еще несравненно болѣе ограничена въ своемъ распространеніи (она встрѣчается только въ рѣчной области Волги) и потому тѣмъ загадочнѣе [2]).

Положимъ, что относительно сарматскаго хорька мы вправѣ предположить, что онъ все-таки, можетъ быть, средне-азіятское животное, зашедшее чрезъ Малую Азію и Кавказъ въ степныя мѣстности южной Россіи и ихъ окрестности, тогда какъ главная часть области его распространенія намъ доселѣ еще осталась неизвѣстною. Но все-же чрезвычайно тѣсный кругъ распространенія выхухоли не позволяетъ намъ уразумѣть причину такого ограниченія. Не было ли животное это прежде болѣе распространено, но истреблено вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя намъ остались неизвѣстными? Это предположеніе, кажется, не безосновательно, такъ какъ въ прежнія времена выхухоль очевидно, подобно кабаргѣ и бобру, была въ большомъ ходу, какъ ароматическое средство, и къ тому въ зимнее время готова была селиться въ человѣческихъ жилищахъ.

Если вышеизложенныя соображенія привели насъ къ тому убѣжденію, что несравненно бо́льшая часть видовъ животныхъ, водящихся въ Сибири, можно прослѣдить до средне-азіятской возвышенности, а слѣдовательно и считать выходцами ея, если далѣе оказывается, что всѣ эти животныя вмѣстѣ встрѣчаются на восточномъ склонѣ азіятской плоской возвышенности къ берегамъ Великаго океана и отъ этого общаго сборнаго пункта идутъ въ западномъ и сѣверо-западномъ направленіи радіусами, выдвигающимися все далѣе и далѣе въ Европу, то невольно рождается вопросъ, не пришли ли бы мы къ подобному-же результату, если бы подобнымъ-же образомъ, но въ противуположномъ направленіи, стали подвигаться отъ европейскихъ береговъ Атлантическаго океана все дальше и дальше къ востоку.

---

[1]) Простирается отъ западной границы Россіи до восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ Бэръ его встрѣтилъ на полуостровѣ Мангышлакѣ. Палласъ считалъ Волгу (у Царицына) восточнымъ его предѣломъ (Reise, III, p. 649). Въ Крыму и на восточномъ берегу Чернаго моря извѣстенъ со временъ Палласа. Нордманъ (Démidoff, Voyage, III, p. 17) встрѣтилъ его около Одессы. Эйхвальдъ (Fauna Caspico-Caucasica, p. 31) и Калениченко (Bulletin des Natur. de Moscou, 1839, p. 205) говорятъ, что онъ встрѣчается на Кавказѣ.

[2]) Къ сѣверу она заходитъ за Москву (Bulletin des Natur. de Moscou, 1838, p. 560; 1840, p. 382; 1868, p. 251, 271.

Не переходитъ даже на притоки Днѣпра.

Правда, что еще при разсмотрѣніи степной полосы, ограничивающей борейскую фауну съ юга, мы убѣдились въ необходимости (стр. 244 и слѣд.) отличать чисто южноевропейскія степныя животныя, равно какъ и круго-средиземную фауну, окружающую Средиземное море, а за тѣмъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ нашли (стр. 269), что есть исключительно европейскія животныя. Но эти послѣднія преимущественно водятся въ южной Европѣ.

Если же по направленію къ полосу мы зайдемъ въ область борейской фауны, то дѣло принимаетъ совершенно другой видъ. Еще недавно казалось, что рѣчная область Лены составляетъ чрезвычайно рѣзкую пограничную черту между животными. Множество млекопитающихъ животныхъ, а еще больше птицъ, должны бы были тогда получить названіе Ленско-атлантическихъ, какъ напр. барсукъ, олень, козуля, водяная крыса, *Falco aesalon, Milvus niger, Picus canus, Fringilla spinus, Coccothraustes vulgaris, Perdix cinerea, Coturnix doctylisona, Ciconia nigra, Ciconia alba,* и т. д. Со времени моей поѣздки и путешествій Шренка и Радде все это приняло совершенно другой видъ и вслѣдствіе включенія всѣхъ такихъ мнимыхъ Ленско-атлантическихъ животныхъ въ древне-борейскую фауну установилась непрерывная связь съ Японіей, которая до того времени, казалось, заключала въ себѣ, какимъ-то непонятнымъ образомъ, отдѣльную колонію европейскихъ видовъ.

Этимъ мы никакъ не хотимъ сказать, что теперь уже устранены всѣ сомнѣнія, но во всякомъ случаѣ ближайшее знакомство съ Амурскимъ краемъ вдругъ разъяснило дѣло на столько, что въ отношеніи меньшаго числа остальныхъ, пока еще загадочныхъ видовъ, наше слишкомъ неудовлетворительное знакомство съ Амурскимъ краемъ въ особенности, и съ среднею Азіею вообще, можетъ быть названо недостаточнымъ для разъясненія такихъ сомнѣній.

Изъ числа всѣхъ мнимо Ленско-атлантическихъ млекопитающихъ животныхъ Европы намъ остались только, если не ошибаюсь, кротъ [1]), который, какъ мнѣ кажется, избѣгаетъ

[1]) Радде (Reise, I, p. 115) недавно подтвердилъ, что кротъ простирается до Иркутска, что далѣе его повидимому нѣтъ и что лишь по близости отъ Великаго океана его замѣняетъ другой видъ.

Впрочемъ еще нельзя сказать положительно, тождественъ ли сибирскій кротъ съ европейскимъ, хотя при непосредственномъ сличеніи съ спиртовымъ экземпляромъ, кротъ Силгета и Ассама оказался весьма похожимъ на европейскаго крота (Archiv für Naturgesch. 1839, II, p. 427).

Значительно бо́льшій ростъ сибирскаго крота, постоянно бросавшійся въ глаза, начинается впрочемъ не съ Урала (Pallas, Reise, II, p. 210; у Благодати), а замѣченъ уже около Одессы (Démidoff, Voyage, p. 11).

Открытую мною (см. нѣм. изд. этого соч. II, 2, p. 77) разницу значительно меньшихъ зубовъ у сибирскаго крота подтвердилъ и Радде (Reise, I, p. 115).

Очевидно въ связи съ болѣе сильною земною теплотою Европы, онъ доходитъ до 65° с. ш., напр. въ Финляндіи (см. Creplin въ Archiv für Naturgesch. 1833, I, p. 24), а на Альпахъ заходитъ далеко за предѣлъ древеснаго произрастанія, равно какъ на Кавказѣ въ область рододендроновъ (Démidoff, Voyage, III, p. 14).

Хотя Мессершмидтъ (Neue Nord. Beiträge, III, p. 108 и рукописный дневникъ его отъ 9-го Іюля 1723 года) и встрѣтилъ въ Сибири «die ersten Talpa's» у нижней Тунгуски, но онъ могъ принять за крота водяную крысу тѣмъ болѣе, что этотъ грызунъ въ Сибири называется кротомъ.

По словамъ Эверсмана (Nouv. Mém. de la Soc. des Natur. de Moscou. T. X. 1855, p. 270), кротъ на южномъ Уралѣ встрѣчается рѣдко, а на Алтаѣ довольно часто.

близости ледяной почвы, и хорекъ [1]), а изъ всѣхъ относящихся сюда птицъ осталось не болѣе двѣнадцати видовъ, распредѣленію которыхъ вѣроятно предстоитъ такое-же исправленіе, какое постигло уже бо́льшую часть ихъ [2]).

Енисейско-атлантическимъ млекопитающимъ пока можно считать одинъ только видъ — лѣсную куницу. Она несомнѣнно принадлежитъ къ борейской фаунѣ, потому что, кажется, прекращается только на полярномъ предѣлѣ произрастанія высокоствольнаго лѣса [3]).

Еще труднѣе рѣшить вопросъ, существуютъ ли Енисейско-атлантическія птицы. Считаю нелишнимъ напомнить, что въ этомъ отношеніи должны быть приняты во вниманіе *Emberiza hortulana*, *E. citrinella*, *Coracias garrula* [4]), *Columba oenas*, *Col. palumbus*, *Perdix rubra* и нѣкоторыя другія.

Измѣненія областей распространенія животныхъ.

Какъ бы то ни было, но при разсмотрѣніи зоо-географическихъ вопросовъ постоянно приходится возвращаться къ историческому моменту, и потому-то мы тутъ снова должны вернуться къ предмету, котораго коснулись уже на стр. 122 и слѣд. Предложенныя мною выше области распространенія фауны неоднократно будутъ обмѣниваться разными видами животныхъ не потому только, что свѣдѣнія наши о степени распространенія того или другаго животнаго доселѣ были неудовлетворительны и постепенно пополняются, но очевидно и потому, что распространеніе животныхъ дѣйствительно постоянно измѣняется. Пока въ одномъ мѣстѣ, вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ причинъ, одинъ какой-нибудь

---

[1]) Въ Европѣ хорекъ можетъ простираться за 62° с. ш., но на Уралѣ онъ не доходитъ сѣвернѣе 58° с. ш., хотя въ Екатеринбургѣ, какъ говорили мнѣ, встрѣчается довольно часто.

Свѣтлая, сибирская разновидность (var. *Eversmanni*), которую подробно описалъ Радде, начинается впрочемъ, подобно сибирскому кроту, уже близъ Одессы, откуда я имѣлъ случай видѣть эту разновидность. Черпай встрѣчалъ ее около Харькова (Bulletin de la Soc. des Natur de Moscou, 1863, p. 60).

[2]) Какъ то: *Fring. coelebs*, *Sturnus vulgaris*, *Oriolus galbula*, *Saxicola oenanthe*, *Lanius collurio*, *Crex pratensis*. *Totanus fuscus*, *T. calidris*, *Scolopax gallinula*, *Cygnus olor*, *Anser cygnoides*.

[3]) Встрѣчается часто на Уралѣ, подъ полярнымъ кругомъ, при Усѣ (Ленехинъ, Путеш. IV, стр. 214 и словесное сообщеніе прежняго моего спутника Брандта). О куницахъ въ Березовскомъ краѣ говорится уже въ 3-мъ томѣ Samml. Russ. Gesch. стр. 515.

О лѣсной куницѣ на Алтаѣ говорятъ Палласъ (Spicil p. 56; Zoogr. I, p. 83; Reise, II, p. 570) и Спасскій (въ Сибир. Вѣсти. III, стр. 7). Куницу же, встрѣчающуюся на Катунскихъ горахъ Алтайскаго хребта, Геблеръ (Mém. de l'Acad. Imp. St.-Pétersb. par. div. sav. 1837, p. 537) принимаетъ за каменную куницу. Фигуринъ (Сибир. Вѣсти. I, стр. 222) говоритъ даже, что кромѣ соболя встрѣчается и куница на западной сторонѣ нижняго теченія Лены. Хотя и есть поводъ думать, что извѣстіе это основано на недоразумѣніи, но все-таки оно заслуживаетъ вниманія, потому что и Киберъ (Сиб. Вѣсти. I, стр. 146) говоритъ о двухъ видахъ соболей, водящихся на нижней Колымѣ, изъ которыхъ у одного сѣрая, у другаго желтая шейка; кромѣ того Богородскій упоминаетъ о куницахъ въ Гижигинскомъ округѣ, лежащемъ у Охотскаго моря (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1853, Октябрь, стр. 66). Ср. впрочемъ и Шренка (Reisen und Forsch. I, p. 36).

[4]) Полярнымъ предѣломъ своимъ она простирается до Финляндіи, но только въ качествѣ гостьи (Nordmann, Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 13).

видъ отодвигается назадъ, въ другомъ мѣстѣ этотъ-же видъ, либо другой, выдвигается впередъ. Хотя это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, но все-таки при этомъ должно поступать чрезвычайно осторожно, иначе менѣе поразительныя животныя, которыя водились въ краѣ уже прежде, но остались незамѣченными, — могутъ быть приняты нами за внезапно-появившихся переселенцевъ. Если напр. Нордманъ [1]) говоритъ, что лѣтъ 30 тому назадъ въ Финляндіи еще не было *Pyrrhula erythrina*, то я готовъ принять это за дѣйствительный фактъ, тѣмъ болѣе, что *P. erythrina* очень бросается въ глаза, да и въ Лифляндіи хотя была открыта уже въ 1803 году, но до сихъ поръ остается въ ней необыкновенною птицею (срав. стр. 121, примѣч. 3). При всемъ томъ нельзя доказать положительно, что свидѣтельство Нордмана не можетъ быть истолковано иначе. Если же подобныя указанія будутъ приведены съ различныхъ сторонъ (изъ нихъ нѣкоторыя упомянуты уже на стр. 120 и 121), то въ фактѣ вообще нельзя будетъ сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что въ пользу его и такъ уже говоритъ очень многое. Сообщивъ доселѣ почти исключительно свѣдѣнія о постепенномъ проникапіи разныхъ видовъ птицъ на полярномъ предѣлѣ ихъ распространенія, мы сообщимъ теперь свидѣтельство о подобномъ-же передвиженіи на югѣ. Шатиловъ [2]) говоритъ, что въ Крыму недавно появились нѣкоторыя поименованныя имъ птицы (въ томъ числѣ *Jynx torquilla, Picus major, Sylvia luscinia, Coccothraustes vulgaris* и т. д.), которыхъ тамъ прежде вовсе не было, или что онѣ ежегодно высиживаютъ тамъ яйца, тогда какъ прежде являлись туда только перелетными птицами.

Ни объ одной странѣ различіе путей, по которымъ въ нее переселялись животныя, не возвѣщено такъ положительно, какъ о Скандинавіи.

Соображаясь съ существовавшею нѣкогда непосредственною связью между южною оконечностію Скандинавіи и материкомъ Европы, Нильсонъ [3]) и Стенструпъ [4]) распредѣлили скандинавскія млекопитающія животныя на два отдѣла, а именно: на животныя, зашедшія туда изъ Сибири, и на животныя германскаго происхожденія, перебравшіяся въ Скандинавію изъ южной Европы. Въ прекрасной статьѣ своей «о поясахъ высиживанія птицами яицъ въ чертѣ Скандинавіи» [5]) Валленгренъ въ такомъ-же родѣ, но несравненно подробнѣе, разсмотрѣлъ также птичью фауну Скандинавіи и, помѣстивъ эту статью въ нѣмецкомъ журналѣ, сдѣлалъ ее достояніемъ ученаго міра.

Начнемъ съ млекопитающихъ. Къ животнымъ сибирскаго происхожденія скандинавскіе естествоиспытатели причисляютъ: россомаху, песца, полярнаго зайца, — слѣдовательно рядъ кругополярныхъ животныхъ, которыя, какъ мы видѣли, могли пробраться въ Скандинавію либо съ востока, либо съ юга; кромѣ того *Pteromys volans*, (*Lemmus*) *Arvi-*

---

[1]) Bulletin de la Soc. des Natur de Moscou, 1860, p. 16.

[2]) Bulletin de la Soc. des Natur. de Moscou, 1860, p. 514.

[3]) Skandinavisk. Fauna, 1847.

[4]) Oersted, Oversigt over det Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Forhandlingar, 1848, p. 4. Ср. также A. v. Nordmann, Bidrag til kännedom om insekternas geografiska utbredning i norden, Akademisk Afhandling, Helsingfors, 1853.

[5]) Naumannia, 1855, p. 129, 429.

cola medius, *rufocanus*, *rutilus*, *schisticolor* и *Mus betulinus* — животныя, которыя пріурочены нами къ числу Скандинаво-океанійскихъ и противъ вторженія которыхъ изъ Сибири я ничего не могу сказать, потому что въ настоящее время онѣ распространены непрерывною цѣпью и исключительно по сѣверной Россіи вплоть до Скандинавіи. Наконецъ скандинавскіе естествоиспытатели причисляютъ къ этой категоріи норку и Норвежскаго лемминга. Но мы видѣли, что норки въ Сибири вовсе нѣтъ и что она положительно восточноевропейское животное. Встрѣчая ее однакоже на сѣверѣ европейской Россіи вплоть до полярнаго круга, мы вправѣ предположить, что она зашла въ Скандинавію тѣмъже путемъ, какъ и вышеупомянутыя животныя, тѣмъ болѣе, что появленіе ея въ Голштиніи недавно сочтено за необыкновенное событіе (см. выше стр. 269, прим. 1-е). Норвежскій же леммингъ составляетъ прямо принадлежность Скандинавскаго полуострова (со включеніемъ Русской Лапландіи), и почти исключительно ограничивается Скандинавіей, въ которой и находится центръ его распространенія.

Къ животнымъ германскаго происхожденія скандинавскіе естествоиспытатели причисляютъ медвѣдя, волка, хорька, барсука, ежа, крота, кабана, лося, козулю, оленя, бобра, ящура, домовую и лѣсную мышь. Изъ нихъ медвѣдь, волкъ, бобръ, лось и домовая мышь принадлежатъ къ кругополярнымъ животнымъ, такъ что они, равно какъ и хорекъ, водящійся на сѣверѣ европейской Россіи, могли зайти въ Скандинавію и чрезъ Россію. Тоже самое должно сказать и о лѣсной мыши. Что же касается до барсука, ежа, крота, кабана, козули и оленя, равно какъ до нѣкоторыхъ моллюсковъ [1]) и насѣкомыхъ, то они, кажется, дѣйствительно проникли въ Скандинавію не иначе, какъ съ юга.

Въ отношеніи птицъ, ежегодно предпринимающихъ правильныя странствованія, точное изслѣдованіе путей, по которымъ происходятъ эти странствованія, позволило бы намъ опредѣлить, съ какой стороны онѣ залетѣли въ край. Здѣсь мы замѣтимъ только, что по словамъ Валленгрена болѣе 130 видовъ скандинавскихъ птицъ происходятъ съ запада средней Европы [2]); слѣдующій выпускъ нашего труда, въ которомъ будетъ говорено о перелетахъ сибирскихъ птицъ, сообщитъ нѣсколько указаній для правильнаго обсужденія этого предмета [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны появленіе по временамъ разныхъ сибирскихъ птицъ въ западной Европѣ лишь съ осторожностію можно приписать прилету ихъ въ новѣйшее время, а не тому, что прежде на нихъ не было обращено вниманія, то съ другой стороны съ каждымъ днемъ увеличивается число птицъ, свидѣтельствующихъ о постепенномъ передвиженіи ихъ на западъ. Такими переселенцами Лиліеборгъ [4]) справедливо считаетъ множество птицъ, какъ напр. *Turdus variis*, *T. fuscatus*,

---

[1]) Ближайшія свѣдѣнія о средиземныхъ моллюскахъ можно найти у Мартенса въ Malako-Zool. Blätter, 1856, p. 69 и III, p. 108; Archiv für Naturgesch. 1858, I, p. 116.

[2]) Naumannia, 1855, p. 148.

[3]) Здѣсь мы пока ограничимся замѣчаніемъ, что птицы, которыхъ Валленгренъ (l. c. p. 152, 154) причисляетъ къ русско-европейской и азіатско-европейской фаунѣ, по нашему мнѣнію, отчасти должны быть распредѣлены иначе, какъ это видно изъ предыдущаго. — Притомъ Валленгренъ положительно ошибается, называя (стр. 158) *Str. nyctea* сѣверо-западной птицей.

[4]) Cabanis, Journal für Ornithologie, 1852, p. 89, 92.

T. pallens, *T. ruficollis*, *T. sibiricus*, *Emb. chrysophrys*, *E. fuscata*, *E. aureola*, *E. pusilla*, *Lim. vinerea*, *Sylvia magnirostris*, *Loxia leucoptera*, *Caryocatactes guttatus*, *Falco vespertinus*. Мы съ своей стороны присоединимъ къ нимъ еще *Str. Uralensis*, *Str. Bubo* var. *sibirica* [1]), *Emb. pithyornus*, *E. rustica*, *Pyrrhula rosea* [2]), *Motac. citreola* [3]), *Picus leuconotus*, *Picus tridactylus* [4]), *Parus cyanus*, *Sitta eur.* var. *uralensis*, *Corv. monedula* var. *dahurica*, *Motac. sulphurea*, *Accentor montanellus*, *Lusc. suecica* var. *coerulecula*, *Lusc. kamtschatkensis*, *Phyllopneuste (Phyllobasileus) superciliosa*, *Sylvia locustella* [5]), *S. certhiola* [6]), *S. icterina*, *Lanius phoenicurus*, *Anas rutila*, *Sterna caspia*.

Въ числѣ ихъ, какъ мы видимъ, находятся не только птицы скандинавской фауны, но и нѣсколько такихъ видовъ, которые доселѣ замѣчены были лишь въ средней Европѣ и за тѣмъ залетѣли въ западную Европу главнымъ образомъ, кажется, чрезъ Польшу, Венгрію и Далмацію.

По недостатку удовлетворительныхъ наблюденій мы не въ состояніи установить болѣе точныя распредѣленія. При всемъ томъ фактъ остается непзмѣннымъ, какъ бы ни измѣнялись наши взгляды на разные отдѣльные случаи. Такъ напр. Блазіусъ [7]) во всякомъ случаѣ первый замѣтилъ это передвиженіе на западъ, но онъ истолковалъ его иначе, признавъ сѣв. Двину за зоологическій рубежъ между Сибирью и сѣверомъ европейской Россіи. Если же Лиліеборгъ [8]), въ опроверженіе Блазіуса, снова перемѣщаетъ этотъ рубежъ на Уралъ, то я съ своей стороны, какъ уже замѣтилъ на стр. 243 и 269, никакъ не могу согласиться съ нимъ. Во всякомъ случаѣ въ пользу Блазіуса говорятъ указанные мною на стр. 265 предѣлы древеснаго произрастанія, если только онъ согласится вмѣсто «рѣки» Двины сказать «рѣчная область» Двины. Съ этими предѣлами древеснаго произрастанія, безспорно, тѣсно связанъ предѣлъ всей флоры и фауны того края. На стр. 102 мы видѣли, что даже обитатель прѣсныхъ водъ, восточно-европейская разновидность рѣчнаго рака, недавно также припаровился къ этимъ предѣламъ. Притомъ не должно забывать, что для правильнаго уразумѣнія скандинаво-океаніискихъ животныхъ, мы, во вниманіе къ нѣкоторымъ другимъ ракообразнымъ обитателямъ прѣсныхъ водъ, должны обратиться мысленно къ давнопрошедшему времени.

---

[1]) *Str. Bubo* var. *sibirica* встрѣчалась не только на Волгѣ (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1855, p. 367), но и на Альпахъ (Naumannia, 1856, p. 387).

[2]) Встрѣчалась въ Австріи (Wiener Zoolog.-Botan. Verhandl. VII, p. 555 и слѣд.).

[3]) *Motac. citreola*, пока еще весьма загадочная птица, чрезвычайно интересна. Такъ какъ эта очевидно среднеазіятская птица (ср. Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, II, p. 228), по Малэрбу (Archiv für Naturgesch. 1848, II, p. 7), очень часто встрѣчается въ Алжирѣ, то я немедля готовъ причислить ее къ средиземной фаунѣ, если бы не добылъ ее на Богандѣ подъ 71° с. ш. Суля по крайнимъ пунктамъ извѣстнаго доселѣ ея распространенія, ее можно бы было причислить къ ленско-атлантическимъ птицамъ. На остальномъ сѣверѣ впрочемъ ея нѣтъ.

[4]) *Pic. tridactylus* встрѣчается также на европейскихъ Альпахъ, хотя и рѣдко; *P. leuconotus* же еще не встрѣчалась тамъ, хотя и попадается въ Корсикѣ.

[5]) *Sylvia locustella* встрѣчается въ Даніи (Naumannia, 1850, III, p. 43) и постоянно выводитъ дѣтей своихъ въ средней Германіи (Baldamus, въ Naumannia, 1852, II, p. 103).

[6]) Встрѣчалась въ Баваріи (Naumannia, 1856, p. 49).

[7]) Reise, p. 266.

[8]) Въ вышеприведенномъ сочин. стр. 89.

Извѣстное предположеніе, что Балтійское море было нѣкогда заливомъ Ледовитаго Океана и находилось въ непосредственной связи съ Бѣлымъ моремъ, удалось подтвердить скандинавскимъ естествоиспытателямъ, въ особенности Ловену, тѣмъ, что въ большихъ средиземныхъ озерахъ Швеціи они нашли *Idotea Entomon* и другія небольшія ракообразныя животныя, водящіяся въ Ледовитомъ океанѣ. Кеслеръ надѣется доказать тоже самое въ отношеніи нашихъ большихъ озеръ, Ладожскаго и Онежскаго. Если такимъ образомъ упомянутое предположеніе постепенно станетъ несомнѣннымъ фактомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что животныя, переселившіяся изъ средней Европы въ Скандинавію, чрезъ тогдашній перешеекъ Данію, должны быть признаны за несравненно старшее населеніе Скандинавіи, чѣмъ перебравшіяся туда чрезъ сѣверную Россію, безперыя материковыя животныя, переселенію которыхъ должно было предшествовать возникновеніе теперешней соединительной полосы земли между Скандинавіею и Россіею.

Я съ своей стороны (какъ уже замѣтилъ выше), готовъ предѣлы существованія животныхъ на упомянутой соединительной полосѣ земли считать выраженіемъ распространенія, продолжающагося еще въ настоящее время. При этомъ вопросы въ родѣ тѣхъ, составляетъ ли упомянутая Лиліеборгомъ *Loxia leucoptera* кругоборейскую форму, какъ я полагаю, или нѣтъ, переселилась ли паша кедровка *(N. caryocatactes)* въ Скандинавію въ сѣверо-восточномъ направленіи или съ юга и т. п., имѣютъ уже второстепенное значеніе. Мнѣ кажется, что подобно *Nucifr. caryocatactes*, и другія птицы (какъ напр. *S. proregulus*, *Picus leuconotus* и др.) зашли въ западную Европу обоими вышеупомянутыми путями [1]). Въ Сибири кедровка до того привязана къ кедру, что невольно приходится предполагать, что и въ Европѣ она преимущественно послѣдовала за нимъ, и лишь впослѣд-

---

[1]) Наша *Nuc. caryocatactes* (чрезвычайно похожая на *Nuc. columbiana*) уже въ Сибири преимущественно оказывается горною птицею и потому находится въ непосредственной связи съ кедромъ, шишками котораго она главнымъ образомъ питается. Въ восточной Сибири она слѣдуетъ за кустарнымъ кедромъ на всѣ горныя возвышенности. Птица эта простирается до прибрежья Великаго океана и до Камчатки, равно какъ почти до самого Ледовитаго моря (за 67° с. ш. на Ленѣ и Янѣ, по словамъ Фигурина, Сиб Вѣстн. I, стр. 229, 231).

Вѣрная этому горному характеру, она простирается не только по западной Сибири, но и чрезъ Карпаты (Cabanis, Journal für Ornithologie, 1853, p. 431) до Альповъ, гдѣ она не только встрѣчается во множествѣ, но и постоянно высиживаетъ яйца свои, посѣщая зимою равнины и, за недостаткомъ кедровъ, яицъ и молодыхъ птицъ, питается буковыми и простыми орѣхами, да желудями Она встрѣчается даже въ Шварцвальдѣ (Naumannia, 1850, II, p. 71 и III, p. 67). Слѣдовательно она водится на южно-германскихъ хребтахъ. Что она и теперь еще продолжаетъ передвигаться туда, это намъ сообщаетъ Кеслеръ (l. c. p. 99), который въ 1844 году видѣлъ несмѣтныя ихъ стаи, перелетавшія чрезъ Кіевъ.

Съ другой стороны кедровки иногда являются перелетной птицей въ Лифляндіи, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ также высиживаютъ яйца. Появляется она и въ Финляндіи и, что весьма замѣчательно, оказалась тамъ въ томъ-же самомъ 1844-мъ году, какъ въ Кіевѣ, въ значительномъ количествѣ (Wright, Helsingfors Traktens Fogel-Fauna, 1847, p. 38). Въ Финляндіи она простирается до полярнаго круга, но въ обыкновенные годы, когда не бываетъ передвиженія, является тамъ лишь изрѣдка (Malmgrén, въ Botanisk resa till Satakunta och södra Österbotten, 1859; въ Sällsk. pro Fauna et Flora Fennica, Ny serie, III, 1861, p. 100).

Въ связи съ ними повидимому находятся экземпляры, встрѣчавшіеся въ южной Норвегіи и на островѣ Борнгольмѣ, гдѣ они даже высиживали яйца (Journal für Ornithologie, 1866, p. 4 и Günther, Record of Zoolog. Litterat. p. 64).

О томъ, что *Sylv. (Phyllobasileus superciliosus) proregulus* встрѣчается и въ Европѣ, срав. прекрасную монографію Кабаниса (Journal für Ornithol., 1853, p. 81).

ствіе распространилась дальше. Уже говоря о кедрахъ, я упомянулъ, что кедровка очень много содѣйствуетъ ихъ распространенію. Она способна на это тѣмъ болѣе, что любитъ разъѣдать шишки на самыхъ неприступныхъ скалахъ; кромѣ того у нея не только зобъ, но и настоящіе защечные мѣшечки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между извѣстными животными и извѣстными растеніями существуютъ ближайшія соотношенія, но эти послѣднія принадлежатъ къ числу самыхъ неуловимыхъ предметовъ естествовѣдѣнія.

Въ явной связи съ этими скандинаво-океанійскими птицами и съ путями, по которымъ онѣ слѣдуютъ, находится сдѣланное въ новѣйшее время замѣчательное наблюденіе, что во время перелета птицъ на о. Гельголандѣ является цѣлый рядъ такъ называемыхъ «сибирскихъ» птицъ. Встрѣчаются не только такъ называемые сибирскіе дрозды, но и *Sylvia certhiola*, *S. Eversmanni*, *S. proregulus* и др., которыя въ соединеніи съ глубокосѣверными (напр. *Larus Rossii*), а съ другой стороны съ южными степными формами (напр. *Merula rosea*, *Grus virgo* и т. п.) придаютъ фаунѣ этого острова замѣчательно пестрый видъ [1]).

Столь-же ясно, и даже яснѣе, чѣмъ скандинавская фауна, свидѣтельствуетъ также и фауна Ирландіи въ пользу постепеннаго распространенія животныхъ и прониканія ихъ въ болѣе отдаленные края, изъ извѣстныхъ центровъ распространенія. Изъ числа тѣхъ млекопитающихъ, которыя встрѣчаются въ Англіи, по словамъ Томпсона [2]), недостаютъ Ирландіи: кротъ, хорекъ, дикая кошка, бѣлка, ящуръ, европейскій заяцъ, козуля, водяная крыса и другія полевки.

Въ чертѣ самой Россіи также находятся островъ и два полуострова, явно доказывающіе, что животныя распространяются посредствомъ странствованія. Я разумѣю Сахалинъ, Крымъ и Камчатку. Шренкъ показалъ намъ [3]), что Сахалинская фауна млекопитающихъ тѣсно примыкаетъ къ фаунѣ сѣвернаго Амурскаго края и вообще не такъ бѣдна, какъ этого можно было ожидать отъ острова; тѣмъ болѣе, если мы станемъ сравнивать его съ Камчаткой, которая отчасти лежитъ подъ тѣми-же широтами.

Изъ числа тѣхъ видовъ млекопитающихъ, которые водятся при устьѣ Амура, въ сѣверной части Сахалина недостаетъ только барсука, сибирскаго хорька и лося. При этомъ Шренкъ справедливо указываетъ на то, что столь значительное сходство фауны этого острова съ фауною материка происходитъ оттого, что во-первыхъ сѣверная часть Сахалина находится гораздо ближе къ материку, а во-вторыхъ между ними каждую зиму образуется сообщеніе по льду.

Противуположнымъ обстоятельствамъ Шренкъ приписываетъ также сравнительно бо̀льшую бѣдность фауны южнаго Сахалина, на которомъ сверхъ упомянутыхъ трехъ видовъ животныхъ нѣтъ еще *Canis procyonoides*, оленя, козули, кабана и по-видимому

---

[1]) Срав. Cabanis, Journal für Ornithologie, 1854, p. 69, 70; 1855, p. 69. Naumannia, 1857, p. 311, 312, 419, 421.

[2]) Repor tof the tenth Meeting of the British Association, 1841, p. 353.

[3]) Reisen und Forschungen im Amur-Lande, I, p. 200.

еще многихъ другихъ меньшихъ млекопитающихъ, полярные предѣлы конхъ, начинаясь съ внутреннихъ частей материка, вдругъ въ виду средняго Сахалина, прекращаются на морскомъ прибрежьѣ материка [1]). Кромѣ того Шренкъ возбуждаетъ вопросъ, не зашли ли къ Гилякамъ барсукъ, лось и козуля лишь въ новѣйшее время, потому что Гиляки называютъ ихъ только тунгусскими именами. Въ мое время лось до того освоился въ низовьяхъ Амура и встрѣчался тамъ столь неслыханно-огромными стадами, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ Шренка, а скорѣе готовъ думать, что, можетъ быть, Гиляки забрались въ область распространенія этихъ животныхъ.

Общаго между двумя полуостровами Крымскимъ и Камчатскимъ то, что они соединены съ материкомъ лишь посредствомъ степныхъ полосъ, такъ что нѣкоторыя животныя, болѣе привязанныя къ лѣсу, не могли перебраться на нихъ. Хорошимъ доказательствомъ этому съ другой стороны служитъ то, что основанія этихъ двухъ полуострововъ находятся въ совершенно различныхъ климатахъ. На обоихъ полуостровахъ нѣтъ напр. ни простой, ни летучей бѣлки, хотя онѣ приближаются къ нимъ на столько, на сколько это позволяютъ лѣса [2]).

Въ Камчаткѣ нѣтъ также рыси и полосатаго бурундука, хотя на материкѣ то и другое животное простираются далеко къ полюсу. Дѣйствительно, оба по-видимому привязаны къ лѣсу почти еще болѣе, чѣмъ простая бѣлка, которая на сѣверѣ, напр. на Уральскомъ хребтѣ, лѣтомъ уходитъ на голыя вершины, надъ предѣломъ древесной растительности, ища и находя себѣ пріютъ въ расщелинахъ скалъ, тогда какъ полосатый бурундукъ едва-ли когда покидаетъ лѣсъ.

Далѣе въ Камчаткѣ недостаетъ лося, кабарги, сибирскаго хорька, хотя они простираются до входа къ этому полуострову. Равнымъ образомъ въ Камчаткѣ нѣтъ чернаго дятла, *Corv. infaustus*, воробья, змѣй, лягушекъ, жабъ, столь распространенной щуки, водящейся и въ рѣчной системѣ Амура, *Cobitis barbatula* и т. д. Между амфибіями быстроногая ящерица единственное животное, которому удалось перебраться въ Камчатку.

---

[1]) Что животныя эти, а именно олень, козуля, кабанъ, равно какъ волкъ, тигръ и барсъ (irbis?), часто встрѣчаются еще подъ 42° с. ш. (слѣдов. около 10 градусовъ широты южнѣе средины Сахалина, о которой тутъ идетъ рѣчь), это намъ сообщаетъ миссіонеръ Гюкъ (Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine, I, 1850, p. 25).

[2]) Бѣлка, хотя и положительно связана съ лѣсомъ, но въ видѣ исключенія, заходитъ также въ область кривороslаго лѣса. При Альтенѣ полярный предѣлъ ея, правда подъ 70° с. ш., простирается до предѣла распространенія высокоствольнаго лѣса (Cap. Brooke, A Winter in Lappland, 162, 167). Но уже въ западной Сибири полярный предѣлъ бѣлки спускается, вмѣстѣ съ полярнымъ предѣломъ высокоствольнаго лѣса, въ полярный кругъ (Сибир. Вѣстн. стр. 280). На Енисеѣ бѣлка встрѣчалась еще довольно часто подъ 68° с. ш. и забѣгала до $69\frac{1}{2}$° с. ш.; на Боганидѣ же, подъ тою-же широтою, ея уже не было, чему вѣроятно содѣйствуетъ кривороslый лѣсъ вторгающихся тамъ тундръ. На Янѣ она рѣдко заходитъ за 67° с. ш. (Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 220). На Колыми бѣлки еще подъ полярнымъ кругомъ снабжаютъ мѣховую торговлю превосходными мѣхами (Сиб. Вѣстн. I, стр. 141). Далѣе къ востоку, около 64° с. ш., ихъ нѣтъ, кажется, по недостатку лѣсовъ.

Уже Стеллеръ замѣтилъ (стр. 127), что «голые большіе торфяники, лежащіе между Камчаткою и азіятскимъ материкомъ», отдѣляютъ бѣлку отъ Камчатки.

При этомъ не слѣдуетъ забыть еще одно обстоятельство, на которое необходимо обратить особенное вниманіе изслѣдователей древнихъ актовъ, относящихся къ средней Россіи.

Распространеніе столь обыкновенныхъ животныхъ, каковы олень, козуля и кабанъ, страннымъ образомъ подвержено въ средней Россіи перерыву, подавшему, можетъ быть, поводъ установить между сибирскими животными этихъ видовъ и европейскими различіе въ видовомъ отношеніи [1]). Отчего происходитъ этотъ перерывъ? Если мы прослѣдимъ изъ западной Европы полярный предѣлъ оленя [2]), то мы найдемъ, что онъ круто понижается отъ Скандинавскаго полуострова къ Крыму въ юго-восточномъ направленіи. Ясно, что климатъ въ этомъ не виноватъ: стоитъ только принять въ соображеніе суровыя зимы, которыя эти животныя переносятъ въ гористой восточной Сибири. Притомъ еще въ началѣ этого столѣтія около Москвы находился оленій садъ, въ которомъ отлично водились сотни этихъ животныхъ [3]).

Но и на Уралѣ олень встрѣчается цѣлымъ градусомъ широты сѣвернѣе, чѣмъ въ Москвѣ, а именно около Екатеринбурга [4]).

Такимъ образомъ полярный предѣлъ оленя въ Сибири, на восточной покатости Урала, начинается съ 57° с. ш., спускается въ отрогахъ Алтайскаго хребта не далѣе 55° с. ш., а у южной оконечности Байкала уже до 52° с. ш, и оттуда въ восточномъ напра-

---

[1]) Сибирскій олень оказывается, какъ извѣстно, болѣе сильною континентально-климатическою разновидностію оленя, съ болѣе тяжелыми рогами, и въ болѣе свѣтломъ сѣроватомъ зимнемъ нарядѣ. Во всякомъ случаѣ разница между сибирскимъ и западно-европейскимъ оленемъ не больше, чѣмъ разница между сѣверо-европейскимъ и корсиканскимъ. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ олени средней Европы были такого-же роста и вѣса, да съ такими-же рогами, какъ теперешній Сибирскій олень. Но они не голодали, спокойно поѣдали лучшіе луга и достигали бо́льшаго числа лѣтъ. Въ оленѣ, убитомъ въ 1613 году въ Пруссіи, было 7 центнеровъ 25 фунтовъ вѣсу, тогда какъ теперь сильный олень вѣситъ едва ли не вдвое-меньше (Blasius, Fauna der Wirbelthiere Deutschlands, p. 453).

Замѣчательно, что континентально-климатическая (сибирская) разновидность оленя не только водится въ непомѣрно-суровыхъ по климату береговыхъ полосахъ Великаго океана, но и къ западу простирается до прибрежій Кавказа и Крыма, хотя, правда, послѣдняя Крымская война достаточно ознакомила всѣхъ съ чрезмѣрно суровымъ климатомъ, особенно въ горахъ, гдѣ водятся олени. Уже Палласъ (Südl. Statthalterschaften, II, p. 31). и Ратке (Beiträge zur Fauna der Krymm, p. 296) говорятъ, что въ Крыму встрѣчаются олени, а описаніе, помѣщенное въ Edinburgh Review, 1860, Jan., p. 165, вполнѣ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что въ Крыму у оленя тотъ-же самый цвѣтъ, какимъ отличается Сибирскій олень.

[2]) Теперешній полярный предѣлъ оленя начинается на Скандинавскомъ полуостровѣ съ 60°, а мѣстами даже съ 65° с. ш. (Nilson, Skandinavisk Fauna, 1847, p. 576 и Sundeval, Archiv für Naturgesch. 1836, I, p. 73). За тѣмъ полярный предѣлъ, перескочивъ черезъ Балтійское море понижается къ югу на 5—10 градусовъ широты, къ сѣверо-восточному углу Пруссіи, слѣдуетъ почти по тому-же меридіану къ югу еще градусовъ на 10 и наконецъ, подъ 45° широты, переходитъ въ Крымъ и на Кавказъ. Мы вправѣ предположить, что съ Кавказа, чрезъ Персію и оттуда къ сѣверо-востоку, европейская область распространенія оленя находится въ непосредственной связи съ главною областію распространенія этого животнаго въ сѣверной Азіи.

[3]) По словамъ Реннера (стр. 177) въ этомъ зоологическомъ саду, лежавшемъ въ 4 миляхъ отъ Москвы (въ Измайловѣ), находилось 700 оленей и ланей. Они размножались тамъ такъ хорошо, что охотники имѣли право охотиться въ этомъ саду, платя за первый выстрѣлъ 2 руб. сер., а за слѣдующіе только по 1 рублю, и могли уносить съ собою то, что имъ удавалось застрѣлить.

[4]) Въ Екатеринбургѣ, у главнаго лѣсничаго Шульца, я видѣлъ оленьи рога, добытые въ окрестностяхъ. Въ то время олени, правда, встрѣчались тамъ довольно рѣдко, но во всякомъ случаѣ оказывались мѣстными, а не случайно зашедшими туда животными.

вленіи на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ (съ гребнемъ котораго онъ почти сходится, нигдѣ однакоже не переходя за него) снова поднимается примѣрно до 55° с. ш., и за тѣмъ, параллельно прибрежью Великаго океана, круто понижается, потому что здѣсь олень доходитъ до моря лишь подъ 51° с. ш. [1]).

На островъ Сахалинъ олень не переходитъ и полярный предѣлъ его пересѣкаетъ Амуръ гораздо выше, чѣмъ полярный предѣлъ козули, а именно выше Маріинска.

Не только въ средней европейской Россіи, но и между Ураломъ да Кавказомъ съ одной стороны и Ураломъ да Алтаемъ съ другой, сплошное распространеніе оленя прерывается. Водясь, какъ извѣстно, въ Кашмирѣ и Непалѣ, олень вѣроятно окаймляетъ большую часть средне-азіятской плоской возвышенности и такимъ образомъ непосредственно переходитъ на Кавказъ. Съ этого хребта онъ врядъ-ли перебрался на Уралъ, такъ какъ между ними простираются огромныя безлѣсныя степи. Я скорѣе готовъ думать, что Уральскій олень вышелъ изъ Алтая, тѣмъ болѣе, что на это указываютъ и теперь еще нѣкоторыя данныя [2]).

Поэтому я полагаю, что и въ средней европейской Россіи причиною замѣчательнаго перерыва въ сплошномъ распространеніи оленя должно считать постепенное истребленіе этого животнаго, происходившее нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Истребленіе это могло послѣдовать тутъ весьма легко, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны — съ юга — оказывается стѣсняющее вліяніе степей, а съ другой — съ сѣвера — особыя мѣстныя обстоятельства, выражающіяся въ томъ, что еще лѣтъ сто тому назадъ сѣверный олень простирался до самой Твери. Между этими двумя препятствіями распространеніе оленя было какъ бы втиснуто. Впрочемъ уже выше (стр. 179) мы говорили подробно о томъ, въ какомъ отношеніи распространеніе простаго оленя находится къ распространенію сѣвернаго оленя.

Во всякомъ случаѣ, кажется, можно будетъ доказать, что въ теченіе историческаго времени на западной границѣ Россіи человѣкъ оттѣснилъ оленя назадъ [3]).

---

[1]) Шренкъ (Reisen und Forschungen, I, p. 170 съ картою) и Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 284 съ теро-географическою картою) пытались точнѣе опредѣлить этотъ полярный предѣлъ оленя, такъ что при свѣдѣніяхъ, заключающихся въ нѣмецкомъ изданіи моего сочиненія (Bd. II, Th. 2, p. 121), предметъ этотъ не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія. Считаю однакоже нелишнимъ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей Амурскаго края на то, что близъ горной вершины Мунака́, лежащей у изгиба рѣки Тугура, находится другая горная вершина Кумукн. Спрашивается, не находится ли это названіе въ связи съ именемъ Кумаха, которымъ тамъ обыкновенно называютъ оленя? Это выдвинуло бы тамъ полярный предѣлъ его къ сѣверу.

[2]) Странно, что мы не можемъ съ точностію опредѣлить предѣлы распространенія оленя на южномъ Уралѣ. Эверсманъ (Bullet. des Natur. de Moscou, 1848, p. 198) не высказывается ясно объ этомъ предметѣ. Подъ 55° с. ш., близъ Уфы, уже по словамъ Палласа (Reise, III, p. 470), простой олень встрѣчается вмѣстѣ съ сѣвернымъ. На Премелѣ и теперь бываютъ олени. О прежней связи распространенія оленя на Алтаѣ и на Уралѣ свидѣтельствуетъ одно мѣсто въ путешествіи Палласа (II, p. 401). При озерѣ Кончи, между Ишимомъ и Тоболью, водилось множество оленей и лосей. Кромѣ того мнѣ на мѣстѣ разсказывали, что болѣе 25 лѣтъ тому назадъ олени иногда посѣщали Барабинскую степь.

[3]) Около Варшавы уже въ 1730 году не было оленей (Erndtel, Warsowia, p. 59). При Герберштейнѣ (p. CCX) въ Литвѣ встрѣчалось еще множество оленей: въ настоящее время они тамъ исчезли (Eichwald, Naturhist. Skizzen, p. 240). Гюльденштедтъ (Reise, II, p. 193. 263, 324) встрѣчалъ оленей, хотя, какъ онъ говоритъ, и рѣдко, на самомъ берегу Днѣпра, у Елисаветграда

При ближайшемъ разсмотрѣніи козули мы еще болѣе убѣдимся въ вѣроятности того, что восточные олени оторваны и отодвинуты отъ западныхъ — человѣкомъ.

Точно тоже, что мы сказали объ оленѣ, относится и къ сибирской козули (*Cerv. capreolus* var. *pygarga*): она плотнѣе и рослѣе европейской; у нее рога длиннѣе, толще, шереховатѣе и сучковатѣе, да и зимній нарядъ болѣе сѣрый, чѣмъ у европейской козули. Но какъ относительно оленя, такъ и тутъ я не могу согласиться съ неоднократно предложеннымъ распредѣленіемъ этихъ двухъ разновидностей на два особыхъ вида. Это изложено было въ моемъ сочиненіи уже прежде [1]) и единогласно подтверждено преемниками моими Шренкомъ и Радде. Подобно европейской, и сибирская козуля во время течки присвистывается охотниками, а потому у нея нѣтъ ничего общаго съ ланью, съ которою ее пытались сближать.

Въ Скандинавіи полярный предѣлъ козули совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ оленя, а въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ доходитъ до южныхъ береговъ Финскаго залива; въ окрестностяхъ Петербурга онъ простирается до Ладожскаго озера, т. е. до 60-го градуса широты [2]).

Отсюда этотъ полярный предѣлъ, подобно полярному предѣлу оленя, спускается вдоль меридіана къ югу, такъ что и тутъ козуля заходитъ дальше, т. е. больше къ востоку, чѣмъ олень. Напр. въ рѣчной области Днѣпра она простирается даже почти до Орла [3]) и до Харьковской губерніи [4]).

Такъ какъ козули, встрѣчающіяся, подобно оленю, также въ Крыму и на Кавказѣ, а

на Міусѣ, и въ Лубнахъ на Сулѣ, въ Полтавской губерніи.

Уже Рубруквисъ (Bergeron, Voyages I, p. 14) сообщалъ, что въ его время въ юго-восточной Россіи не было оленей.

[1]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2. p. 118.

Козули западной Европы также не похожи одна на другую. Напр. въ Люнебургѣ встрѣчается постоянная разновидность, которая не только рослѣе и плотнѣе обыкновенной козули, но и отличается чернымъ цвѣтомъ (Götting. gelehrte Anzeigen, 1850, Nachrichten).

Могу привести нѣсколько примѣровъ тому, что и европейская козуля достигала, да иногда и теперь еще достигаетъ, величины сибирской. Въ Европѣ козуля нѣкогда была очень сходна съ теперешней сибирской козулей (Rütimayer, Die Fauna der Pfahlbauten, p. 61). Козульи рога (изъ Баваріи), смѣренные мною были длиною въ 310 миллим., до основанія глазныхъ отростковъ имѣли 130 миллим. длины, до конца ихъ — 184 миллим., а разстояніе одного ствола отъ другаго составляло 72 миллим. Кромѣ того они были столь-же сучковаты, и шереховаты, какъ сибирскіе рога. Козульи рога изъ Кроаціи и восточной Пруссіи, смѣренные Блазіусомъ (Fauna der Wirbelthiere Deutschlands, стр. 459—463), были такой-же величины, какъ сибирскіе. Чуди (Alpenwelt, p. 368) говоритъ о самцѣ козули, въ которомъ было 125 фунтовъ вѣсу; слѣдовательно (не оставляя безъ вниманія разницы въ тяжести гирь въ двухъ упомянутыхъ государствахъ), въ немъ было больше вѣсу, чѣмъ въ козули, которую взвѣшивалъ Палласъ.

[2]) Въ Курляндіи козуля встрѣчается часто, но она попадается все рѣже и рѣже, чѣмъ дальше вы станете подвигаться въ Лифляндію или даже Эстляндію. Зимою 1840—1842 годовъ я видѣлъ въ Петербургѣ козуль, которыя привезены были на рынокъ изъ окрестностей южныхъ береговъ Ладожскаго озера Срав. стр. 121, прим. 6-е.

[3]) По собственнымъ распросамъ.

[4]) Уже Гюльденштедтъ (Reise, II, p. 359) сообщилъ, что козуля встрѣчалась до Батурина и Глухова. Въ окрестностяхъ Кіева въ мое время водилось множество козуль на лѣвомъ берегу Днѣпра. По словамъ Черная, козуля встрѣчается и въ Харьковской губерніи (О фаунѣ Харьковской губерніи, 1850, стр. 26).

съ запада простирающіяся къ Крыму гораздо дальше оленя [1]), прежде водились въ Воронежской губерніи, но тамъ истреблены [2]), и на Самарѣ доходили также до береговъ Волги [3]), — то мы въ состояніи доказать этимъ непосредственную связь между областью распространенія европейской и сибирской козули. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вправѣ предположить, что Крымская козуля окажется переходомъ отъ европейской къ сибирской разновидности и будетъ болѣе приближаться къ послѣдней. Ссылаюсь на то, что въ этомъ отношеніи мною сказано было выше объ оленѣ, и придаю этому замѣчанію особенное значеніе, показавъ, что съ Одессы также уже начинается сибирская разновидность хорька и крота.

На Уралѣ козуля заходитъ къ сѣверу еще дальше оленя, т. е. до 58° с. ш. [4]). Далѣе къ востоку, въ Барабинской степи, этотъ полярный предѣлъ сибирской козули спускается нѣсколько къ югу, но на Енисеѣ заходитъ за 58° с. ш., а еще дальше къ востоку совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ оленя, и мѣстами, какъ напр. въ долинѣ рѣки Уди, переходитъ за него нѣсколько къ полюсу.

Къ устью Амура козуля подходитъ также ближе оленя, пересѣкая рѣку эту выше Николаевска, и достигая моря у залива де-Кастри (51° с. ш.). Подобно оленю, она также не переходитъ на островъ Сахалинъ. По словамъ Радде, козуля заходитъ на горы до высоты 8000′, съ другой стороны она въ нагорной степи по временамъ соприкасается съ антилопами.

Въ отношеніи распространенія своего козуля примыкаетъ не только къ оленю, но и къ кабану, который однакоже, какъ истый любитель грязей, преимущественно водится въ болотистыхъ низменностяхъ и не въ состояніи слѣдовать за козулей на горныя высоты.

Въ Скандинавіи, какъ извѣстно, уже нѣтъ болѣе кабана. Нильсонъ доказалъ, что онъ постепенно истребленъ тамъ. Такимъ образомъ полярный предѣлъ кабана въ настоящее время переходитъ съ южныхъ береговъ Балтійскаго моря на среднее теченіе и истоки западной Двины [5]) и на истоки Днѣпра. За тѣмъ полярный его предѣлъ тянется вдоль меридіановъ по лѣвому берегу Днѣпра, подобно полярному предѣлу козули, и, за исключеніемъ непригоднаго для кабана Крымскаго полуострова, сталкивается лишь въ приволжскихъ низменностяхъ съ самыми западными вѣтвями азіятскихъ камышевыхъ обла-

---

[1]) Козуля встрѣчается въ Молдавіи и Волыни, гдѣ олень уже истребленъ, равно какъ между Бугомъ и Днѣпромъ (Güldenstädt, Reise, II, p. 193), у Елисаветграда и на Міусѣ. Попадается она даже въ Полтавской губерніи (Кесслеръ, Животныя губерній Кіевскаго Учеб. Округа, 1850 стр. 86).

[2]) Сѣверцовъ, Періодическія явленія Воронежской губерніи, 1853, стр. 16.

[3]) Pallas, Reise, I, p 97, 198. Она посѣщала нагорный берегъ Волги тѣ такихъ мѣстахъ, гдѣ вѣтеръ сметалъ снѣгъ.

[4]) У меня есть рога, которые добыты въ Нижне-Тагильскѣ и дѣйствительно носятъ на себѣ положительные признаки сибирской разновидности.

[5]) Въ Лифляндіи, гдѣ прежде было много кабановъ (Fischer, Naturgesch. Livlands, p. 161), теперь ихъ вовсе нѣтъ. Въ 1836 году, на границѣ Псковской губерніи (въ Любани) убитъ былъ случайно забѣжавшій тула кабанъ, котораго повсюду разсматривали, какъ небывалую рѣдкость. На литовской границѣ Курляндіи кабанъ также является только изрѣдка и случайно (Büttner, въ Lüdde's Zeitschrift für Erdkunde, VI, p. 1847, p. 168).

стей распространенія этого животнаго. Далеко оставаясь позади козули, кабанъ достигаетъ, говорятъ, полярнаго предѣла своего на предгоріяхъ Урала уже подъ 53° с. ш. [1]).

Въ Сибири кабанъ также остается довольно далеко позади полярнаго предѣла козули, въ низменностяхъ Барабинской степи заходитъ немногимъ дальше 55° с. ш. и на возвышенностяхъ Алтайскаго, Саянскаго, Байкальскаго и водораздѣльнаго Становаго хребтовъ держится южныхъ склоновъ, отдаляясь отъ сѣверныхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше подвигается къ востоку. На лѣвомъ берегу Амура кабанъ доходитъ уже едва до 54° с. ш. и водится преимущественно въ луговой низменности Дзеи. На восточномъ ея концѣ полярный предѣлъ кабана понижается до 52° с. ш., пересѣкаетъ нижнее теченіе Амура (по Шренку) между Николаевскомъ и Маріинскомъ и доходитъ до Восточнаго океана при заливѣ де-Кастри. На островѣ Сахалинѣ нѣтъ кабана. Въ горахъ южной Сибири онъ, по словамъ Радде, заходитъ на высоту 4000′.

Ясно, что всѣ три животныхъ, олень, козуля и кабанъ, въ отношеніи своего распространенія имѣютъ одинаковое значеніе; тѣмъ положительнѣе можно теперь утверждать, что первоначально всѣ они принадлежали къ одной области распространенія, которая лишь въ теченіе времени раздѣлилась на два отдѣла. Содѣйствовала ли этому раздвоенію загадочная еще доселѣ исторія образованія степей черноземной полосы южной Россіи, объ этомъ пока еще ничего нельзя сказать, но мы можемъ утверждать съ достовѣрностію, что этого раздвоенія не было бы, если бы югъ европейской Россіи покрывали не упомянутыя степи, а такіе лѣса, какіе мы видимъ въ польско-литовскомъ краѣ.

Тамъ, гдѣ олень и кабанъ являются на равнинѣ, человѣкъ истребляетъ ихъ почти одновременно. Только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются болота и камыши, кабанъ удерживается нѣсколько долѣе; впрочемъ въ иныя зимы, когда выпадаетъ глубокій и мягкій снѣгъ, легко истребляется и кабанъ. Олень же въ горахъ въ состояніи легче укрываться отъ преслѣдованія. Это обстоятельство подтверждается на всѣхъ предѣлахъ распространенія обоихъ животныхъ.

Козуля, какъ меньшее и болѣе легковѣсное животное, повсюду проникаетъ дальше обоихъ вышеупомянутыхъ животныхъ. Ограниченію предѣловъ ея распространенія много содѣйствуютъ не только человѣкъ, но и волки, какъ это явно видно въ Лифляндіи, гдѣ мы живемъ на полярномъ предѣлѣ этого животнаго.

Даже политическія событія оказываютъ вліяніе на лѣсныя животныя. Вліяніе это отзывалось при каждой войнѣ и каждомъ возстаніи въ Польшѣ, потому что волки, потревоженные въ своихъ убѣжищахъ, во множествѣ вторгались въ Лифляндію даже въ такія мѣста, гдѣ уже почти совершенно не было волковъ. Съ прониканіемъ впередъ области распространенія волковъ связано отступленіе полярнаго предѣла козули, потому что форпосты ея не въ состояніи противиться соединеннымъ нападеніямъ волковъ и людей, усердіе которыхъ въ преслѣдованіи волковъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе обращается и на козуль.

[1]) Eversmann, Nouv. Mémoires de la Soc. des Natural de Moscou, 1835, p. 268.

Наконецъ я долженъ упомянуть еще объ одномъ животномъ, которое можно или даже должно бы было привести уже на стр. 230 и слѣд., если бы только не показалось страннымъ, что мы помѣщаемъ тюленя среди альпійскихъ животныхъ. При всемъ томъ мы знаемъ, что въ величайшемъ въ свѣтѣ альпійскомъ озерѣ, Байкальскомъ, тюлень водится на высотѣ $12\frac{1}{2}$ сотъ футовъ надъ поверхностію моря.

Вопросъ, тождественъ ли этотъ тюлень съ *Ph. annellata* Балтійскаго моря, да съ *Ph. foetida* Ледовитаго океана и также съ Каспійскимъ тюленемъ [1]), или нѣтъ, вопросъ этотъ къ сожалѣнію остается вовсе нерѣшеннымъ, хотя это очень важный предметъ и подробное изслѣдованіе его систематическимъ зоологомъ была бы немалая заслуга. При томъ положеніи, въ какомъ теперь находится это дѣло, мы должны ограничиваться одними догадками, которыя однакоже нельзя оставить безъ вниманія по важности этого предмета въ зоологическо-географическомъ отношеніи.

Происхожденіе этого Байкальскаго тюленя можно объяснить только тремя гипотезами. Во-первыхъ можно предположить, что онъ былъ сотворенъ какъ отдѣльный видъ для этого водоема; въ такомъ случаѣ получаетъ особенное значеніе то обстоятельство, что кромѣ Байкала, и въ небольшомъ Ороскомъ озерѣ, которое отстоитъ отъ Байкала по прямой линіи по крайней мѣрѣ на 80 геогр. миль, отдѣлено отъ него громадными горными хребтами и принадлежитъ къ совершенно другой рѣчной системѣ, — также водятся тюлени, вѣроятно того-же самого вида. Притомъ намъ должно казаться страннымъ, что въ Баунтскомъ озерѣ, которое по направленію Орона ближе къ Байкалу и, по всѣмъ извѣстіямъ, больше Орона, вовсе нѣтъ тюленей.

Противъ этого предположенія можно возразить, что во всемъ мірѣ нѣтъ другаго примѣра, чтобы въ большихъ изолированныхъ, среднемныхъ прѣсноводныхъ озерахъ, въ особенности альпійскихъ, водились тюлени и что Байкальскій тюлень вовсе не принадлежитъ къ особому поразительному типу, а чрезвычайно похожъ на *Ph. annellata*. Слѣдовательно объ особой формѣ прѣсноводныхъ тюленей, свойственной этому величайшему въ мірѣ альпійскому озеру, тутъ не можетъ быть рѣчи въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. съ одной стороны Байкалу свойственны *Callionymus Baikalensis* и нѣсколько другихъ прѣсноводныхъ животныхъ, или съ другой стороны въ верховьяхъ Амазонской рѣки водятся различные виды особыхъ прѣсноводныхъ дельфиновъ.

Во-вторыхъ мы можемъ предположить съ Гумбольдтомъ [2]), что Байкальскій тюлень долженъ находиться въ связи со слѣдами прежняго существованія большаго горьководнаго моря на сѣверѣ Азіи. Это предположеніе въ тоже время сближаетъ насъ съ тюленями Арало-Каспійскаго водоема, который нѣкогда къ сѣверу вѣроятно соединялся съ Ледовитымъ океаномъ.

---

[1]) Срав. Radde, Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 296.

[2]) Asie centrale, II, p. 270.

Наконецъ мы можемъ слѣдовать Палласу [1]), который, правда, оставляетъ вопросъ этотъ нерѣшеннымъ, но все-таки допускаетъ возможность перехода этихъ тюленей изъ Ледовитаго океана посредствомъ протоковъ, направляющихся въ него изъ упомянутыхъ озеръ.

Если бы даже доказано было видовое тождество Байкальскихъ и Оронскихъ тюленей съ тюленями Ледовитаго океана [2]), то все-же нельзя предположить, что Байкальскій тюлень просто пробрался вверхъ по Енисею и Ангарѣ, а Оронскій тюлень — по Ленѣ и Витиму, потому что предположеніе это повело бы къ непреодолимымъ затрудненіямъ. Необходимо призвать на помощь гипотезу, что до наступленія теперешней геологической эпохи эти соединительные пути находились въ болѣе благопріятномъ положеніи.

Въ заключеніе считаемъ еще нелишнимъ замѣтить, что пройти въ лѣто 300 геогр. миль, чтобы преслѣдовать лососей, пробирающихся изъ моря вверхъ по рѣкѣ, — не составляло бы для тюленя невозможнаго дѣла, въ особенности если принять въ соображеніе, что въ Байкалѣ водятся также омули Ледовитаго моря. Правда, что уже предположеніе о прежнемъ существованіи хотя бы одного только этапнаго озера на этомъ пути, — чрезвычайно облегчило бы разрѣшеніе вопроса о томъ, что Байкальскій тюлень вышелъ изъ Ледовитаго моря. Кромѣ того нельзя упускать изъ виду, что въ первобытныя времена морскія животныя, какъ то дельфины и тюлени, поднимались вверхъ по рѣкамъ въ совершенно другомъ размѣрѣ. Нѣкоторыя ближайшія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ будутъ сообщены въ слѣдующемъ выпускѣ нашего сочиненія, разсматривающемъ странствованія сибирскихъ животныхъ.

Наконецъ я долженъ присоединиться къ предложенію Бабинѐ [3]), мнѣнія котораго о Сибири мнѣ по большей части пришлось отвергнуть въ началѣ этого сочиненія. Онъ говоритъ, что Байкальскаго тюленя, равно какъ омуля и Байкальскую губку, слѣдовало бы развести въ бассейнахъ Булонскаго лѣса. Стоило бы дѣйствительно Байкальскаго тюленя и другихъ отличительныхъ обитателей этого озера развести въ другихъ большихъ средиземныхъ озерахъ міра, хотя отъ этого и нельзя ожидать особой пользы въ экономическомъ отношеніи.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы представить изображеніе двухъ экземпляровъ Байкальской губки (*Spongia Baikalensis*).

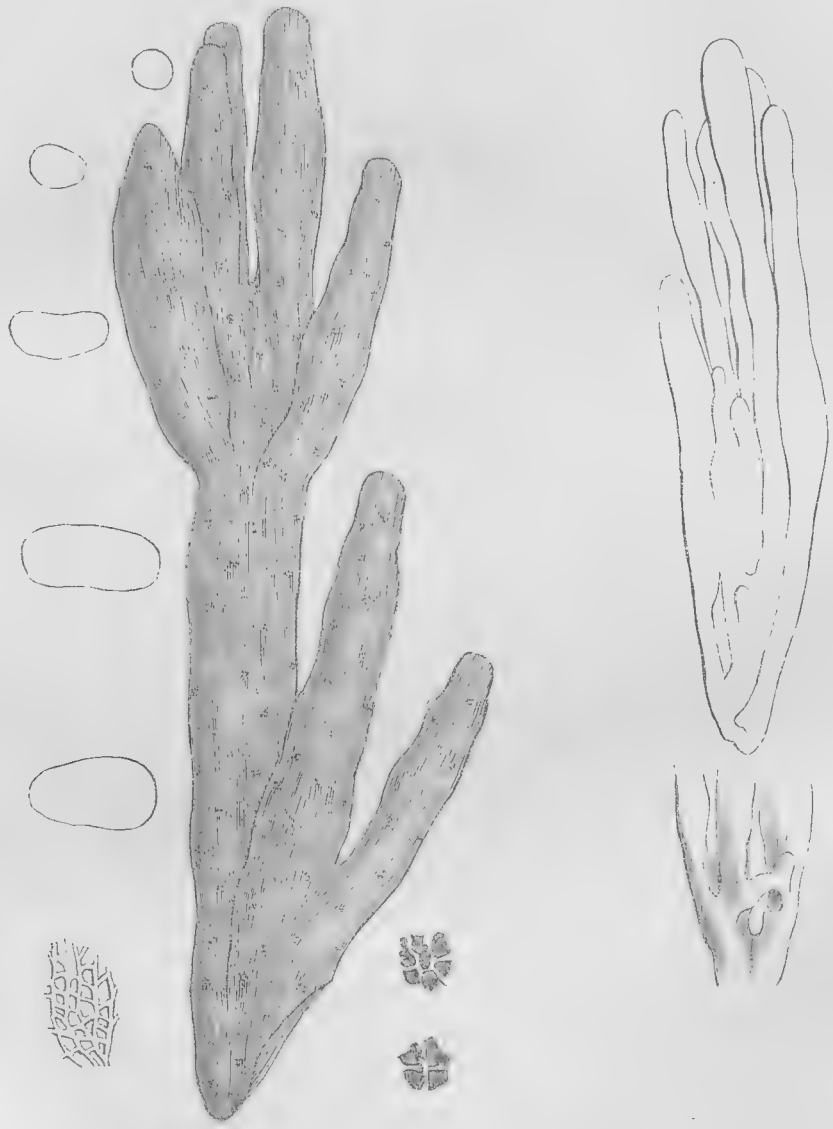
---

[1]) Reise, III, p. 290.

[2]) Тождество это принимается съ самаго начала до сихъ поръ: Стеллеромъ (Beschr. v. d. Lande Kamtschatka, 1774, p. 108), Палласомъ (Reise, I, p. 430 и Zoographia, I, p. 115), Георги, (Reise I, p. 156) и недавно, какъ мы замѣтили, Радде.

[3]) Comptes Rendus, 1861, p. 266.

Къ рисунку, сдѣланному въ натуральную величину, прибавлены поперечные разрѣзы различныхъ частей губки и увеличенный видъ сѣткообразной ткани и звѣздообразныхъ отверстій.



Spongia Baikalensis.

Общій обзоръ.

Живя теперь вдали отъ литературныхъ источниковъ и Петербургскихъ коллекцій, я никакъ не могъ помышлять о представленіи округленнаго цѣлаго; кромѣ того при выполненіи предлежащаго труда обнаружилось столько пробѣловъ въ свѣдѣніяхъ нашихъ по части распространенія сибирскихъ животныхъ, что предлагаемый въ этомъ выпускѣ опытъ иному можетъ показаться преждевременнымъ и не совсѣмъ умѣстнымъ. Но если мы подумаемъ, что на окончательное распредѣленіе сибирскихъ видовъ вѣроятно понадобится еще болѣе столѣтія и что лишь послѣ такого окончательнаго распредѣленія съ достовѣрностію можно будетъ подвинуть впередъ зоографическіе вопросы, то нельзя не согласиться, что вслѣдствіе важнаго вліянія каждой новой зоо-географической точки зрѣнія на способъ толкованія видоваго понятія, зоологической географіи необходимо по временамъ забѣгать впередъ для развѣдки новыхъ путей.

Вѣдь доказалъ же Блазіусъ по части столь подробно изслѣдованныхъ европейскихъ птицъ [1]), что число видовъ европейской Ornis простирается отъ 470 до 1800 видовъ (правда, по Брему!), вѣдь, сводя свои логически-скептическія изслѣдованія, онъ долженъ былъ ограничиться замѣчаніемъ, что въ Европѣ водится 425 видовъ птицъ-насѣдокъ, и что къ нимъ еще должно прибавить 60 разновидностей, которыя многими опытными орнитологами принимаются за особые виды. Такимъ образомъ мнѣніе этого основательнаго изслѣдователя и его приверженцевъ, что полсотня этихъ разновидностей навѣрное должна быть пріурочена къ упомянутымъ видамъ — до поры до времени все-таки остается субъективнымъ ихъ взглядомъ. Не читали ли мы также въ новѣйшее время, что будто бы у сѣверной Америки и Европы нѣтъ никакихъ общихъ животныхъ [2]). Или, наконецъ, не утверждалъ-ли недавно Грей [3]), что особые роды медвѣдя, *Myrmarctos* (муравейникъ), и *Helarctos*, [*Melursus*] имѣютъ одинаковое значеніе съ родомъ *Thalassarctos*, вопреки всѣмъ, произведеннымъ мною [4]), измѣреніямъ череповъ и сдѣланнымъ за тѣмъ выводамъ,

---

[1]) Isis, 1861, p. 292.

[2]) Troschel, Archiv für Naturgeschichte, 1860, p. 327.

[3]) Troschel, Bericht über die Leistungen in der Naturgeschichte der Säugethiere, 1864, p. 41.

[4]) Нѣм. изд. II, 2. p. 4.

которые повторены Сѣверцовымъ [1]), да дополнены и во всѣхъ отношеніяхъ подтверждены Шренкомъ и Радде. Не смотря на то, что съ другой стороны точное измѣреніе черепа домашнихъ животныхъ [2]) привело къ тѣмъ-же результатамъ, къ какимъ привели измѣренія мною череповъ дикихъ животныхъ, — такой ученый, какъ Грей, спокойно можетъ оставить все это безъ вниманія, не рискуя потерять свой авторитетъ. Дѣло въ томъ, что на все нужно время, но это не должно мѣшать намъ подаваться впередъ, не дожидаясь прикрытія.

Какъ въ отношеніи спеціальной фауны Сибири, такъ и въ отношеніи болѣе общихъ вопросовъ зоологической географіи мнѣ казалось нелишнимъ представить на судъ изслѣдователей и любителей природы то, что изложено мною въ этомъ сочиненіи.

Что касается спеціяльно Сибири, то мы все еще встрѣчаемъ въ печати самыя нелѣпыя извѣстія, такъ что образованные читатели очень нуждаются въ мѣрилѣ, какое мы представляемъ въ этомъ выпускѣ. Словцовъ [3]) говоритъ, что на сѣверѣ Сибири нѣтъ ни зайцевъ, ни сурковъ. Другой свидѣтель, Огородниковъ, довольно долго жившій въ Якутскѣ, увѣряетъ [4]), что на Ленѣ и на другихъ рѣкахъ столь суровой зимою Якутской области встрѣчаются еноты, которые между тѣмъ находятъ жизненныя условія свои только въ другой части свѣта и подъ болѣе южною широтою столь теплыхъ зимою сѣверо-западныхъ береговъ Америки [5]), да и то лишь на морскомъ прибрежьѣ, тогда какъ во внутреннихъ частяхъ материка полярный предѣлъ этого животнаго понижается еще болѣе къ югу. Прямымъ послѣдствіемъ такой нелѣпости является предложеніе Бютнера [6]), усердно заняться въ Сибири разведеніемъ не только бобровъ, но и енотовъ.

Въ одномъ случаѣ, сообщая разныя свѣдѣнія о Сибири, кто-то смѣло заявилъ, [7]), что нашъ соловей, завлеченный благопріятнымъ лѣтомъ, простеръ область своего распространенія до Даурін [8]). Въ другомъ случаѣ даже нашъ лучшій географическій журналъ [9]) говоритъ, что въ Жиганскѣ, подъ $66\frac{3}{4}^\circ$ с. ш., водятся «разные виды удота и коршуна», или [10]), что «въ Колымь заходятъ сельди», тогда какъ рыба, извѣстная у Сибиряковъ подъ названіемъ сельди, ничто иное какъ родъ небольшаго сига (*Coregomus albula*); настоящія же сельди тамъ вовсе неизвѣстны, и тѣмъ менѣе могутъ подниматься вверхъ по рѣкамъ [11]).

---

[1]) Revue de Zoologie, 1858, p. 3.

[2]) H. v. Nathusius, Vorstudien für Geschichte und Zucht der Hausthiere, zunächst am Schweineschädel, 1864.

[3]) Историческое Обозрѣніе Сибири, I, стр. 533.

[4]) Современникъ, 1847, № VII, Замѣчанія о Якутской области.

[5]) Сколько мнѣ извѣстно, самый сѣверный предѣлъ бѣлаго медвѣдя слѣдуетъ искать у Якутатскаго залива (60° с. ш.); срав Шелеховъ, II, стр. 51; Диксонъ и Портлокъ въ Ричардсоновой Fauna Boreali-Americana, стр. 36.

[6]) Mittheilungen der Oekonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg, 1851, p. 122.

[7]) Das Ausland, 1847, № 111, p. 440.

[8]) Можетъ быть это была *Kalliope Kamtschatkensis*.

[9]) Petermann, Geogr. Mittheilungen, 1857, III, p. 119.

[10]) Тамъ-же, стр. 17.

[11]) О такъ называемыхъ Енисейскихъ сельдяхъ срав. Кривошапкина, Енисейскій Округъ, 1865, II, стр. 166. Впрочемъ смѣшеніе этаго снжка съ сельдемъ тѣмъ простительнѣе, что корегопы не могутъ быть названы типичными салмонидами, такъ какъ большія

Но и въ общемъ интересѣ зоологической географіи мнѣ казалось небезполезнымъ издать этотъ выпускъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ мною обработанъ. Въ спеціальныхъ зоологическихъ сочиненіяхъ все еще часто говорится о «европейскихъ видахъ, простирающихся по Сибири, или также о Сибирской фаунѣ, отдѣляемой отъ Европы Уральскимъ хребтомъ». Если съ одной стороны эти два общія изреченія просто неправильны, то съ другой стороны я не могу не признать неудовлетворительною и ту форму, по которой напр. послѣдній изслѣдователь, нашъ заслуженный путешественникъ Радде, въ своихъ «окончательныхъ обще-терологическихъ выводахъ» [1]), принимаетъ южно-сибирскую, монгольскую и сѣверо-манджурскую фауны. Это такія подраздѣленія, которыя только немногимъ лучше отдѣловъ, установляемыхъ политическими границами, потому что въ сущности они основаны на топографическихъ соображеніяхъ.

Самою естественною изъ нихъ кажется монгольская фауна, но все-таки ее можно считать только существенною частію азіятско-европейской степной полосы и чрезвычайно характеристическія черты ея совершенно исчезаютъ, коль скоро въ числѣ главныхъ составныхъ частей ея являются волкъ, барсукъ, лисица, домовая мышь и т. п.

Манджурская фауна, какъ мы теперь знаемъ, оказывается пестрою смѣсью животныхъ, которыя вышли изъ подъ разныхъ градусовъ долготы и широты и настоящее отечество которыхъ отчасти на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, отчасти на югѣ. Дѣло въ томъ, что Амурскій край положительно представляетъ область столкновенія и перехода разныхъ животныхъ, подобно этнографическимъ пограничнымъ областямъ, въ которыхъ сталкиваются между собою различныя народныя племена, и порывы сліянія которыхъ причиняютъ столько заботъ нашимъ политикамъ тѣмъ, что тутъ не могутъ умѣститься ни идея, ни осуществленіе единства.

Ярче всего высказывается несостоятельность области южно-сибирской фауны, потому что она уже извѣстна лучше другихъ.

Не вдаваясь въ подробности, мы замѣтимъ только, что оленя, это космополитическое кругополярное животное, Радде [2]) называетъ представителемъ южно-сибирской фауны въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, придя даже къ тому результату, что нѣтъ ни одного вида животныхъ, который исключительно принадлежалъ бы къ этой области фауны.

Мнѣ кажется, что по части зоологической географіи намъ слѣдуетъ уже теперь стараться достигнуть по крайней мѣрѣ того, чего достигла палеонтологія при помощи своихъ «руководныхъ раковинъ» и другихъ руководныхъ животныхъ. Труды наши, полагаю, должны быть устремлены на дознаніе зоогеографическаго значенія каждаго вида живот-

---

чешуи, форма рта, маленькіе зубы, и болѣе всего ихъ совокупная жизнь, сближаютъ ихъ съ сельдями (по словамъ Жардина, въ соч. Геккеля и Кнера, Süsswasserfische der Oesterreichischen Monarchie, 1858, p. 233).

Замѣчательно, что принадлежащій къ той-же породѣ (*Coregonus*) и близко сродственный сигъ въ сѣверной Америкѣ также подаетъ поводъ къ смѣшиванію именъ, такъ какъ у Чиппевейскихъ Индѣйцевъ рыба эта носитъ одинаковое названіе съ сѣвернымъ оленемъ (Richardson, Searching Expedition, II, p. 31).

[1]) Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 305.

[2]) Стр. 305, 310.

ныхъ,съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ изъ разысканій настоящаго времени добыть основы для изслѣдованій по части палеонтологическаго прошлаго.

Въ этомъ отношеніи, кажется мнѣ, предложенные мною отдѣлы принесутъ свою долю пользы и упрочатся, если бы даже постоянно продолжающіяся изслѣдованія стали измѣнять указанное мною значеніе менѣе извѣстныхъ видовъ и многіе изъ этихъ видовъ въ посвященныхъ имъ спеціальныхъ трудахъ будутъ пріурочены иначе, чѣмъ я ихъ распредѣлилъ. Дѣйствительно, я полагаю, что предложенные мною главные зоологическіе отдѣлы едва-ли будутъ потрясены не только измѣненіемъ взгляда на нѣкоторые и даже многіе видовые предѣлы, но и измѣненіемъ понятій о распространеніи того или другаго вида. Какъ только мы твердо убѣдимся въ существованіи такихъ видовъ животныхъ, которые встрѣчаются на сѣверѣ древняго и на сѣверѣ новаго материка, такъ для насъ уже становится неважнымъ вопросъ, тождественъ ли американскій соболь съ сибирскимъ, или нѣтъ; самостоятельные ли виды, или только разновидности *Hir.* (*rustica*) *rufula*, *Corv.* (*cornix*) *corone*, *Milvus* (*niger*) *melanotis*, *Alcedo* (*hispida*) *bengalensis*, *Anthus* (*pratensis*) *japonicus*, *Emberiza* (*schoeniclus*) *minor*, *Sylvia* (*suecica*) *coerulecula*, *S.* (*trochilus*) *Eversmanni*, *Parus* (*palustris*) *borealis*, *Glareola* (*pratincola*) *Nordmanni* и другіе подобные виды. Сущность вопроса все-таки заключается въ томъ: замѣняющія ли это формы и освоились ли эти измѣненныя формы съ извѣстными мѣстностями на столько, что, гдѣ бы мы ни встрѣтили ихъ въ подобныхъ нарядахъ, мы тотчасъ-же могли бы указать настоящую первоначальную ихъ родину. И въ этомъ отношеніи уже теперь оказывается все болѣе и болѣе затрудненій, чѣмъ глубже мы вникаемъ въ предметъ; по большей части должно радоваться, что отказываясь и въ зоологіи отъ абсолютныхъ порядковъ добраго стараго времени, мы вправѣ положительно говорить о большемъ и меньшемъ [1]). Вѣдь какъ великолѣпно въ свое время казалось открытіе, что *Sitta europaea* — западная, *Sitta* (*europaea*) *uralensis* — восточная, и *Sitta* (*europaea*) *caesia* — южно-европейская форма. Въ настоящее время мы должны довольствоваться тѣмъ, что на крайнемъ востокѣ Сибири *S. uralensis* хотя и преобладающая, но не единственная форма [2]).

Дѣло въ томъ, что географическія разновидности съ каждымъ днемъ исчезаютъ. Не слѣдуетъ ли, можетъ быть, вывести отсюда заключеніе, что климатъ не имѣетъ особеннаго вліянія на измѣненіе животныхъ? Никакъ нѣтъ. Но самою отличительною чертою зоологической географіи все болѣе и болѣе оказывается постоянно, хотя и медленно, совершающееся измѣненіе.

---

[1]) Какъ въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ духа времени, должна была уступить великая такъ называемая «mihi»-зараза! Еще въ то время, когда я отправлялся въ Сибирь, извѣстный ученый счелъ нужнымъ форму животнаго, причисленную прежнимъ изслѣдователемъ къ «разновидностямъ» неудовлетворительно описанную и съ тѣхъ поръ не встрѣчавшуюся ни одному зоологу, на случай, если бы она могла оказаться особымъ видомъ, обозначить извѣстнымъ родовымъ именемъ, съ прибавленіемъ своего «mihi», тогда какъ настоящее разрѣшеніе вопроса уже имѣлось въ виду, потому что молодой путешественникъ-спеціалистъ былъ на пути въ страну, гдѣ вопросъ могъ быть рѣшенъ личнымъ наблюденіемъ.

[2]) Naumannia, 1856, p. 438, 439.

Стараніе по возможности указать эту измѣняемость и постоянное измѣненіе животныхъ въ области зоологической географіи, составляетъ основную черту предлежащаго выпуска моего сочиненія.

Важное участіе, которое человѣкъ принималъ въ этихъ измѣненіяхъ, невольно бросается въ глаза и подробно указано уже въ первой части этого выпуска. Положимъ, что измѣненія произведены не однимъ только человѣкомъ, но онъ съумѣлъ устроить переходы, какіе безъ него едва-ли могли состояться въ природѣ другимъ путемъ. Припомнимъ только, что безъ него въ Америкѣ не было бы ни лошадей, ословъ, свиней, верблюдовъ, рогатаго скота, козъ, овецъ и кошекъ, ни такихъ домашнихъ птицъ, какъ напр. куры, голуби, гуси и т. д.

Если послѣ всего, изложеннаго въ этомъ выпускѣ, можно бы было сомнѣваться въ томъ, что разные виды животныхъ вышли изъ извѣстныхъ центровъ распространенія и что бо́льшая часть лишь постепенно расширила области своего распространенія до такого объема, въ какомъ они теперь являются предъ нами, то въ этомъ могло бы убѣдить насъ одно уже поразительное совпаденіе размѣровъ области распространенія каждаго животнаго съ одной стороны съ степенью способности его приспособляться къ различнымъ жизненнымъ условіямъ, а съ другой — съ прирожденной каждому животному подвижностію. Чѣмъ легче удовлетворить животное, чѣмъ оно всеядніе и подвижніе, тѣмъ далѣе оно распространено, и на оборотъ — чѣмъ недоступніе, чѣмъ изолированніе страна новѣйшаго происхожденія, тѣмъ бѣднѣе ея фауна [1]).

Мнѣ кажется, что въ числѣ столь затрудненныхъ въ передвиженіи пресмыкающихся, между которыми нѣтъ ни одного кругополярнаго или кругобореискаго вида (стр. 251), едва ли можетъ быть указанъ такой видъ, который встрѣчался бы въ двухъ разъединенныхъ между собою областяхъ распространенія. Рыбы средиземныхъ водъ Сибири и раки болѣе всѣхъ обречены на отдѣльныя рѣчныя системы и на самыя тѣсныя границы. Съ другой стороны, новѣйшіе труды по части распространенія мотыльковъ, играющихъ между насѣкомыми роль птицъ, доказываютъ, что, подобно птицамъ, и мотыльки распространены чрезвычайно далеко. По словамъ Менетріе [2]), при истокахъ и при устьѣ Амура встрѣчаются европейскіе мотыльки, а тѣ виды, которые въ Европѣ заходятъ далеко на сѣверъ, въ Сибири также залетаютъ дальше другихъ на востокъ, хотя на среднемъ Амурѣ промежъ нихъ выдвигаются китайскія, японскія и даже полутропическія формы. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія, какъ разъ на оборотъ, эти первоначально сибирскія формы простираются и въ Европу.

Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательны новѣйшіе труды Коха [3]), которые еще

---

[1]) Стоитъ сравнить напр. бѣдность Каролинскихъ, Маріанскихъ, Бонинскихъ острововъ, не смотря на благодатный ихъ климатъ; напр. по Китлицу, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, VIe série, 1830, p. 23.

[2]) Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, Bd. II, Lepidopteren, p. 4, 9.

[3]) Die geographische Verbreitung der europäischen Schmetterlinge in anderen Welttheilen, 1864; и die Indo Australische Lepidopteren-Fauna in ihrem Zusammenhange mit der Europäischen, 1865.

очевиднѣе разъясняютъ большое сходство въ распространеніи птицъ и мотыльковъ. Кохъ также убѣдился въ томъ, что фауна водоема Средиземнаго моря сходна съ средне-азіятскою фауною. Онъ указываетъ на свойственное мотылькамъ влеченіе къ перелетамъ и на очевидныя странствованія нашей капустницы, находитъ, что почти всѣ европейскіе виды сумеречныхъ бабочекъ распространены далѣе поворотнаго круга рака, а нѣкоторые даже до Гвинеи и до мыса Доброй Надежды, и говоритъ, что сфинксиды, какъ лучшія летуньи, распространены дальше другихъ, тогда какъ въ сѣверной Африкѣ въ числѣ 380 видовъ неповоротливыхъ бомбицидъ, между которыми самки наиболѣе неуклюжи, можно найти только 15 европейскихъ видовъ. Наконецъ Кохъ на бабочкахъ, гусеницахъ и куколкахъ превосходно подтверждаетъ указанную нами разницу въ ростѣ и цвѣтѣ нѣкоторыхъ сѣверныхъ животныхъ, которую мы въ началѣ этого выпуска приписали разницѣ въ питаніи.

Впрочемъ разсматриваемое нами расширеніе области распространенія видовъ животныхъ происходило бы гораздо медленнѣе, если бы натура каждаго животнаго, помимо значительной пассивной способности его подчиняться внѣшнимъ вліяніямъ, кромѣ того въ сильной степени не дѣйствовала самостоятельно. Трудъ отыскать это самостоятельное развитіе животныхъ и среди болѣе первобытныхъ условій природы мы должны предоставить будущему времени. Это такое поле, на которомъ все подлежитъ еще разработкѣ, но которое вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ весьма усиленной работы со стороны наблюдательныхъ и критическихъ способностей изслѣдователя [1]).

На стр. 120—128 мы привели нѣсколько случаевъ, какъ дикія животныя съумѣли приноровиться къ культурнымъ стремленіямъ человѣка. Мы обратили вниманіе на то, что даже волкъ боится овецъ, прежде нежели успѣетъ ближе познакомиться съ ними [2]). Объяснимъ здѣсь еще естественную боязнь, которую животныя питаютъ къ человѣку. Прямая походка человѣка, придающая ему, въ сравненіи съ четвероногими животными равными ему по вѣсу ихъ тѣла, гораздо бо́льшій видъ, вѣроятно не мало возбуждаетъ вниманіе животныхъ. Но мы знаемъ также, что высокій ростъ, самъ по себѣ, еще не внушаетъ животнымъ страха: къ этому должно присоединяться сознаніе его опасности; на этомъ-то обстоятельствѣ основано напр. употребленіе такъ называемой стрѣлковой лошади (Schiesspferd), которая служитъ подвижнымъ прикрытіемъ охотника и, спокойно пасясь, подводитъ спрятавшагося за нею человѣка къ дичи, нестрашащейся мирнаго травоѣда.

---

[1]) Что при подобныхъ изслѣдованіяхъ легко сбиться съ пути и попасть въ едва-устраненную въ зоологіи область охотничьихъ разсказовъ, это намъ доказываютъ промахи Радде. Въ своихъ Reisen im Süden von Ostsibirien, (I, p. 11, 141, 142, 145 и т. д.) онъ приписываетъ медвѣдю возможныя, но невѣроятныя, а бѣлкѣ совершенно несбыточныя вещи. По его разсказамъ бѣлки высылаютъ впередъ топографовъ, для развѣдки путей, тогда какъ извѣстное дѣло, что и лѣтомъ нѣкоторыя изъ нихъ рыщутъ безпокойнѣе другихъ. Мы даже не знаемъ, всегда ли это бываютъ самцы. Приписывать же бѣлкамъ общественное самопожертвованіе при устройствѣ запасовъ грибовъ, заботливость о странствующихъ голодальцахъ и т. п., во всякомъ случаѣ ничто иное, какъ побасенки.

[2]) Онъ боится также лошадей и коровъ тамъ, гдѣ онѣ разведены въ послѣднее время.

Еще яснѣе высказывается роль, сопряженная съ этимъ сознаніемъ, когда мы видимъ, что, желая обмануть пугливыхъ животныхъ, стоитъ только приблизиться къ нимъ на повозкѣ, либо въ крестьянской одеждѣ.

Во всякомъ случаѣ весьма важно замѣчаніе Сѣверцова [1]), что осторожность птицъ находится въ прямомъ отношеніи къ ихъ собственному росту. Подтвержденіе этого обстоятельства мы ежедневно видимъ вокругъ себя; но какъ объяснить его? Я полагаю, что кромѣ усиливающейся съ меньшимъ ростомъ каждаго животнаго возможности немедленно укрываться въ надежной лазейкѣ отъ всѣхъ преслѣдованій, еще важно и то обстоятельство, что вообще жадность человѣка (въ особенности первобытнаго) добыть себѣ животное, пропорціональна росту, т. е. вѣсу мяса добычи. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ анстовъ, лосей, оленей и т. д. не преслѣдуютъ, тамъ они, не смотря на свою величину, вскорѣ становятся довѣрчивыми.

Нужно впрочемъ отличать глупость отъ довѣрчивости, равно какъ дѣйствительную довѣрчивость отъ мнимой. Всѣ тѣ животныя, которыя, ища спасенія, не убѣгаютъ, а скрываются, кажутся довѣрчивѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ бываютъ. По этому-то очевидно глупый *Tetr. falcipennis*, который въ хвойныхъ деревьяхъ умѣетъ скрываться едва-ли не лучше лѣсной куропатки, почти вовсе не зналъ страха. Встрѣтивъ весною на Алданскомъ хребтѣ въ первый разъ птицу этого вида, я засталъ ее токующей на землѣ среди небольшой лѣсной прогалины. Не болѣе какъ въ 15 шагахъ отъ меня, на открытой полянѣ, влюбленный самецъ выдѣлывалъ всѣ свои уморительныя штуки: важно выступая, какъ индюкъ, онъ распускалъ и волочилъ по землѣ хвостъ свой, моргалъ побраговѣвшими глазами, щелкалъ и по временамъ даже фыркалъ. За тѣмъ настала пауза, въ продолженіе которой самцы другихъ куриныхъ породъ обыкновенно бываютъ очень осторожны. Слѣзши съ лошади, я быстро пробрался между деревьевъ, чтобы имѣть возможность свободно выстрѣлить по птицѣ, прежде нежели она укроется въ чащѣ. Но самецъ спокойно глядѣлъ на меня и подпустилъ меня на нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ вспорхнулъ. Лѣтомъ, на морскомъ прибрежьѣ, я совершенно потерялъ изъ виду эту замѣчательную птицу, пока наконецъ въ Августѣ наткнулся на цѣлю выводку, которая состояла изъ 8 штукъ и вылетѣла изъ кустарника, покрывавшаго болотистую горную рѣчку. Въ первомъ порывѣ радости я застрѣлилъ двѣ штуки на лету, но потомъ положилъ ружье въ сторону, отрѣзалъ съ края ремня, на которомъ висѣлъ мой ягдташъ, длинную ниткообразную полоску и привязалъ ее къ пруту. При помощи этой петли я стащилъ съ деревъ всѣхъ остальныхъ, но замѣтьте, что первая изъ нихъ два раза ушла отъ меня, прежде нежели мнѣ удалось захватить ее. Ремешекъ былъ слишкомъ эластиченъ; какъ скоро стащенная съ дерева птица лежала на землѣ, петля расходилась и мой *Tetrao falcipennis*, шея котораго опять освобождалась, снова взлеталъ на дерево, но не слишкомъ скрывался. Въ томъ первобытномъ состояніи птицы, въ которомъ я засталъ ее, она была не только неопытна, но и коло-

---

[1]) Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи, 1853, стр. 102.

жительно глупа. За нѣсколько лѣтъ до меня, отрядъ козаковъ и Якутовъ, на возвратномъ пути изъ Удскаго Острога, встрѣтилъ большую стаю *Tetr. falcipennis* (которые зимою, говорятъ, собираются въ кучку, какъ тетерева) и, слѣдуя извѣстному правилу, сталъ изъ мелкопульной винтовки стрѣлять въ нихъ снизу вверхъ. Хотя понемногу перепадало на землю 76 штукъ, но остальныя спокойно глядѣли на перепалку до тѣхъ поръ, пока очередь дошла и до нихъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ, птицы эти совершенно сходны съ канадскими курами, которыхъ туземцы нѣкогда стаскивали съ деревьевъ петлями [1]). Если въ сѣверной Америкѣ теперь это уже и не случается болѣе, то все-таки Одюбонъ [2]) несправедливо сомнѣвается въ томъ, что это случалось прежде. Дѣло въ томъ, что животныя постепенно развиваются, подобно человѣку, и теперешніе порядки не позволяютъ дѣлать заключеніе, что животныя постоянно находились въ такомъ положеніи.

Чтобы получить правильный масштабъ для оцѣнки первобытныхъ порядковъ, необходимо собрать всѣ достовѣрныя свѣдѣнія о первомъ столкновеніи человѣка съ животными различныхъ странъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна исторія перваго открытія непаселенныхъ острововъ. На Азорскихъ островахъ и Галлопагосахъ, птицы ни передъ кѣмъ не улетали, такъ что ихъ можно было ловить руками [3]). Когда Джемсъ Россъ въ первый разъ подъѣзжалъ къ антарктическому полюсу, то большіе пингвины вовсе не боялись человѣка: матросы хватали ихъ и, какъ это весьма забавно изображено на рисункѣ, уводили подъ руку на корабль. Это служитъ намъ правильнымъ указаніемъ легкости, съ какою нѣкоторыя животныя совершенно могли быть истреблены.

Примѣры безстрашія передъ человѣкомъ еще чаще можно встрѣтить между млекопитающими, такъ какъ они меньше странствуютъ и рѣже видятъ свѣтъ. 31 годъ спустя послѣ того, какъ Парри открылъ Мельвилевъ островъ, матросы Аустина, снова посѣтившіе этотъ островъ, могли почти дотрогиваться руками до встрѣченнаго ими зайца [4]). Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Беринговомъ морѣ, близъ острова Св. Лаврентія, моржи выползали изъ моря на ближайшія льдины, чтобы поглазѣть на корабль; нѣкоторые изъ нихъ, скребя стѣнки корабля, пытались даже вскарабкаться на верхъ [5]), хотя при нихъ были новорожденные моржи и въ такой періодъ животныя обыкновенно бываютъ осторожнѣе, чѣмъ въ другое время. Когда въ Аральскомъ морѣ Бутаковъ открылъ островъ Николай I, то столь боязливыя въ иныхъ случаяхъ сайги довѣрчиво шли къ нему на встрѣчу. Прежній кормчій нашъ въ европейскомъ Ледовитомъ океанѣ разсказывалъ мнѣ, что зимуя однажды въ весьма рѣдко посѣщаемомъ заливѣ острова Шпицбергена,

---

[1]) Pennant, Thiergeschichte der nördlichen Polarländer. 1787, II, p. 288 и Nuttal, p. 668. Столь-же глупъ и *Tetrao cupido* (Zoolog. Garten, 1864, p. 92).

[2]) II, стр. 440.

[3]) Petermann, Geogr. Mittheilungen, 1858, X, p. 429, по словамъ Мартина Беганма, и Zoolog. Garten, 1863, p. 27, по Дарвину.

[4]) Arctic Miscellanies, 1852, p. 309.

[5]) Загоскинъ, Пѣшеходная Опись 1847, I, p. 16. Точно также поступили морскія птицы въ Беринговомъ морѣ (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 160).

онъ встрѣтилъ цѣлое стадо искавшихъ мохъ сѣверныхъ оленей, которые спокойно позволили ему подойти къ нимъ. Выбравъ себѣ самого жирнаго изъ нихъ и выстрѣливъ по немъ, онъ сталъ снова заряжать ружье. Правда, что выстрѣлъ нѣсколько озадачилъ и смутилъ ихъ, но вскорѣ они опять начали спокойно пастись, такъ что ему удалось застрѣлить еще нѣсколько самыхъ жирныхъ оленей. Это даетъ намъ возможность понять, какимъ образомъ извѣстные матросы, потерпѣвшіе крушеніе у Шпицбергена, нѣсколько лѣтъ могли отыскивать себѣ пищу, не имѣя при себѣ огнестрѣльнаго оружія.

Забавно и ужасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ поучительно, и едва-ли не удачнѣе всякаго другаго описанія, извѣстіе Стеллера о продѣлкахъ песцовъ на Беринговомъ островѣ при первомъ его открытіи. Не могу не сообщить буквально этого классическаго извѣстія, тѣмъ болѣе, что оно заключается въ мало доступномъ сочиненіи [1]). Изъ четвероногихъ животныхъ суши (говоритъ Стеллеръ) на Беринговомъ островѣ встрѣчаются только песцы, которые безъ сомнѣнія занесены туда пловучими льдинами и, питаясь морскими звѣрями, размножились въ необыкновенномъ количествѣ. Въ теченіе нашего несчастнаго пребыванія на этомъ островѣ мнѣ болѣе, чѣмъ точно, удалось познакомиться съ характеромъ этихъ животныхъ, которыя по части нахальства, пронырства и лукавства далеко превосходятъ простую лисицу. Исторія безчисленныхъ ихъ проказъ съ нами смѣло можетъ идти въ сравненіе съ исторіею обезьянъ Альберта Юліуса на островѣ Саксенбургѣ. Они врывались въ наши хаты днемъ и ночью, и крали все, что только могли уносить съ собою, даже такія вещи, отъ которыхъ имъ не могло быть никакого проку, какъ напр. ножи, палки, мѣшки, башмаки, чулки, шапки и т. д. Они съ такимъ непостижимымъ искусствомъ выкрадывали мясо изъ нашихъ провіантскихъ бочекъ, стаскивая съ нихъ тяжести въ нѣсколько пудъ, что сначала мы едва рѣшались приписывать эту продѣлку песцамъ. Снимая шкуру съ животнаго, мы нерѣдко закалывали ножами двухъ или трехъ песцовъ, потому что они старались вырывать у насъ мясо изъ рукъ. Какъ мы ни закапывали иныя вещи, сколько мы ни клали камней сверху: песцы не только отыскивали зарытое, но, какъ люди, плечами сталкивали камни и, лежа подъ ними, помогали другъ другу изо всѣхъ силъ. Когда мы припрятывали вещи на столбѣ, на открытомъ воздухѣ, то они подкапывали столбикъ до тѣхъ поръ, пока онъ опрокидывался, или одинъ изъ песцовъ, какъ обезьяна или кошка, карабкался вверхъ и сбрасывалъ спрятанное на столбикѣ съ необыкновенною ловкостью и хитростью. Они слѣдили за всѣмъ, что мы дѣлали, и провожали насъ повсюду, куда бы мы ни шли. Если море выбрасывало какое-нибудь животное, то они къ величайшему нашему горю пожирали его, прежде нежели къ нему подоспѣвали мы сами, а не успѣвши съѣсть все сразу, остатки кусками уносили въ горы, зарывали ихъ передъ нами подъ камни и бѣгали взадъ и впередъ, пока на берегу еще оставалось что-нибудь. При этомъ другіе стояли на сторожкѣ и слѣдили за нашимъ приходомъ. Какъ скоро они замѣчали кого-нибудь вдали, такъ

---

[1]) Pallas, Neue Nordische Beiträge, 1781, II, p. 274.

вся компанія соединялась и сообща принималась разрывать песокъ до тѣхъ поръ, пока бобръ или котикъ былъ запрятанъ такъ хорошо, что нельзя было замѣтить ни малѣйшаго слѣда. Ночью, когда мы спали, они таскали у насъ съ головы и изъ-подъ головы колпаки и перчатки, а съ тѣла бобровыя одѣяла и шкуры. Когда, для устраненія покражи убитыхъ нами бобровъ, мы ложились на нихъ, то песцы изъ-подъ насъ выѣдали у нихъ мясо и кишки. По этому мы спали постоянно съ дубинами въ рукахъ, чтобы отгонять и отражать песцовъ, когда они насъ будили. На дорогѣ, гдѣ бы мы ни остановились, они уже поджидали насъ и передъ нашими глазами выдѣлывали всевозможныя штуки, съ каждымъ днемъ становились нахальнѣе и, пока мы сидѣли, подходили къ намъ такъ близко, что обгрызали ремни нашихъ новомодныхъ самодѣльныхъ башмаковъ и даже самые башмаки. Ляжешь бывало, притворяясь, что спишь: тотчасъ-же являются песцы и обнюхиваютъ васъ около носа, чтобы убѣдиться живы ли вы или мертвы; а задержишь дыханіе, такъ они даже щупаютъ васъ за носъ и уже готовы отвѣдать ваше мясо. При первомъ нашемъ появленіи они успѣли отгрызть носъ и пальцы на рукахъ и ногахъ нашихъ покойниковъ, пока рыли могилу; они нападали даже на слабыхъ и больныхъ людей, такъ что отъ нихъ едва можно было отбиться. Матроса, который ночью, на колѣнахъ, хотѣлъ помочиться изъ двери избы, песецъ схватилъ за обнаженную часть и, несмотря на крикъ матроса, не хотѣлъ выпустить ея изъ зубовъ. Никто не могъ испражняться безъ палки въ рукѣ, а самое испражненіе песцы жадно пожирали, какъ свиньи или голодныя собаки. Каждое утро нахалы эти рыскали посреди лежавшихъ на берегу сивучей и котиковъ, обнюхивая спящихъ, нѣтъ ли между ними дохлаго, и найдя такого, тотчасъ-же начинали терзать его и всѣ принимались растаскивать его по кускамъ. Такъ какъ сивучи ночью во время сна нерѣдко задушаютъ своихъ дѣтей, то песцы, какъ будто зная это обстоятельство, каждое утро осматривали ихъ стада штуку за штукой, и задохшихся дѣтей, какъ живодеры, уносили съ собой.

Не давая намъ покоя ни днемъ, ни ночью, они до того ожесточили насъ, что мы убивали и молодыхъ и старыхъ, причиняя имъ и съ своей стороны всевозможное горе, и, гдѣ только могли, мучили ихъ жесточайшимъ образомъ. Утромъ, когда мы просыпались, у ногъ нашихъ обыкновенно лежало два или три песца, убитые ночью. Во все пребываніе на островѣ я на свою долю смѣло могу считать болѣе 200 убитыхъ песцовъ. На третій день послѣ прибытія на островъ, я въ теченіе 3-хъ часовъ убилъ топоромъ болѣе 70 штукъ, изъ шкуръ которыхъ устроена была крыша надъ нашей избой. На ѣду они такъ падки, что одною рукою можно было предлагать имъ кусокъ мяса, а въ другой держать топоръ или дубину, чтобы убивать ихъ. Мы положили на землю тюленя, встали отъ него всего шага на два съ дубиной въ рукахъ и закрыли глаза, какъ будто не видимъ песцовъ. Вскорѣ они стали появляться, начали ѣсть тюленя и были убиваемы, но это нисколько не устрашало и не удерживало другихъ. Иногда мы вырывали яму или могилу, бросали въ нее мясо или убитыхъ песцовъ; не успѣешь оглянуться, какъ вся яма уже биткомъ набита песцами, которыхъ мы за тѣмъ убивали дубинами. Хотя мы и не обра-

щали вниманія на прекрасныя ихъ шкуры, между которыми чуть-ли не болѣе трети принадлежало къ голубому виду, и даже не снимали съ нихъ шкуръ, — мы все-таки постоянно воевали съ песцами, какъ съ заклятыми врагами. Каждое утро мы заживо поïманныхъ воровъ таскали за хвосты для экзекуціи на мѣсто казни передъ казармой, гдѣ нѣкорымъ рубили голову, другимъ ломали ноги, а иным отрубали ногу и хвостъ. Нѣкоторымъ выкалывали глаза; другихъ живыми вѣшали за ноги попарно, такъ что они должны были заѣдать другъ друга до смерти. Иныхъ жгли, другихъ драли кошками. Смѣшнѣе всего было, когда ихъ сначала держишь за хвостъ, такъ что они тянутъ изо всѣхъ силъ, а потомъ отрубишь имъ хвостъ: отскочивъ на нѣсколько шаговъ, они разъ двадцать вертятся въ кругу, не находя своего хвоста. При всемъ томъ это не пугало ихъ и не удерживало отъ нашихъ хатъ. Подъ конецъ на островѣ шаталось безчисленное ихъ множество безъ хвостовъ и на двухъ или на трехъ ногахъ.

Когда эти хлопотливыя животныя ничего не могли сдѣлать съ какою-нибудь вещью, напр. съ одеждою, которую мы иногда снимали, то они мочились на нее, и рѣдко бывало пройдетъ песецъ, который не сдѣлаетъ этого. Изъ всего видно было, что они, должно быть, тутъ никогда не видали человѣка и что страхъ передъ человѣкомъ не врожденъ животнымъ, а по всей вѣроятности основанъ на продолжительномъ опытѣ».

Далѣе мы находимъ въ статьѣ Стеллера извѣстіе, что морская корова была, да и потомъ оставалась, столь-же безстрашной, какъ песецъ, что морской бобръ (*Enhydris*) сначала былъ не менѣе безстрашенъ, но вскорѣ сталъ чрезвычайно остороженъ, подобно тюленямъ, которые уже съ самого начала были осторожны. Это показываетъ, правда, съ одной стороны, что, можетъ быть, эти морскіе бобры и тюлени посѣщали также иныя прибрежья, населенныя людьми, а съ другой, что у такихъ животныхъ различный характеръ, вслѣдствіе чего однимъ нужны болѣе тяжкія испытанія, чѣмъ другимъ.

Неслыханное нахальство песцовъ на Беринговомъ островѣ очевидно происходило отъ чрезмѣрнаго ихъ количества и ненасытнаго голода. Тамъ не было ни волковъ, ни россомахъ, такъ что песцы оказывались разбойниками-повелителями всего острова, которые никого не боялись, развѣ только Берингова орла, яростно низвергавшагося на нихъ, какъ бы изъ неземнаго міра, чему Стеллеръ самъ былъ свидѣтелемъ.

Подъ вліяніемъ такого голода россомаха, которая среди бѣлаго дня забралась на одинъ изъ замерзшихъ кораблей Франклино-искателей, усердно лакомясь, не замѣтила, что ей на голову накинули петлю; такимъ-же образомъ бѣлые медвѣди вздумали насильно ворваться въ жилища зимовавшихъ полярныхъ путешественниковъ. Такую-же жадность, какъ упомянутые песцы, выказываетъ и буревѣстникъ Ледовитаго моря, который, чуть только пойманъ китъ, является несмѣтными стаями, нахально проталкивается между ножами китолововъ и, не смотря на то, что его хватаютъ и отбрасываютъ въ сторону, тотчасъ-же опять возвращается на старое мѣсто [1]). Замѣтьте впрочемъ, что тутъ въ тоже

[1]) Goodsir, An arctic Voyage, 1850, p. 5.

время дѣйствуетъ и одуряющее свойство, которое шумъ и крикъ, наперерывъ производимый необузданной толпой, оказываетъ на отдѣльныхъ членовъ этой толпы, будутъ ли это животныя или люди.

Отчего, вправѣ мы теперь спросить, иногда путешественники, пріѣзжавшіе въ безлюдныя мѣстности, находили, что животныя въ этихъ пустыняхъ чрезвычайно боязливы? Это мнѣ случилось видѣть въ Таймырскомъ краѣ, гдѣ сѣверные олени убѣгали, почуявъ насъ за нѣсколько верстъ, гдѣ не смотря на всѣ слѣды, я не встрѣтилъ ни одного волка, ни одной россомахи, гдѣ песцы вмѣстѣ съ норами своими покидали своихъ дѣтей, и т. д. Тоже самое Парри замѣтилъ на необитаемомъ Мельвилевомъ островѣ [1]), когда онъ его открылъ. Тамошніе волки до того были боязливы, что въ теченіе всей зимы экипажу его не удалось поймать ни одного изъ нихъ.

Эта боязнь несомнѣнно служитъ положительнымъ доказательствомъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ путешественники имѣли дѣло съ переселившимся туда животными. Если Санниковъ, открывъ Новосибирскій островъ Котельный [2]), нашелъ, что тамошніе сѣверные олени были еще боязливѣе материковыхъ, и изъ этого вывелъ ошибочное заключеніе, что островъ этотъ населенъ, то онъ упустилъ изъ виду, что животныя эти, гонимыя особымъ страхомъ, могли перебраться туда съ материка.

Напротивъ того, изъ особой довѣрчивости гребенухъ (*An. spectabilis*) въ Таймырскомъ краѣ я позволяю себѣ вывести заключеніе, что на зиму онѣ улетаютъ изъ глубокосѣвернаго Таймырскаго края вовсе не на югъ, а на востокъ и на западъ, къ открытымъ мѣстамъ Ледовитаго моря. Въ слѣдующемъ выпускѣ мы представимъ на это еще другое доказательство. Несомнѣнно то, что въ Таймырскомъ краѣ, гдѣ и птицы оказались чрезъ мѣру боязливыми, первый встрѣченный мною самецъ гребенухи, сидѣвшій на краю пруда, спокойно позволилъ мнѣ подойти къ нему. Увидя лодку нашу въ Таймырскомъ краѣ, самки, не смотря на шумъ отъ веселъ, съ любопытствомъ стали слетаться и, громко крякая, спускались рядомъ съ нами на воду. Ясно замѣтны были любопытство и удивленіе, которое въ нихъ возбуждали лодка и сидѣвшія въ ней лица. Это очевидно была таже самая пассивная безбоязненность, вслѣдствіе которой альпійскія бѣлыя куропатки, зимою прилетающія изъ безлюднаго глубокаго сѣвера въ зимовья Самоѣдовъ, дозволяютъ послѣднимъ загонять ихъ, подобно домашнимъ птицамъ, въ небольшую разставленную предъ ними сѣть; вслѣдствіе того-же птицы эти послѣ каждаго выстрѣла, правда, вспархиваютъ, но вслѣдъ за тѣмъ опять садятся рядомъ съ прежнимъ мѣстомъ [3]); вслѣдствіе того-же прилетающихъ на зиму бѣлыхъ гусей (*Ans. hyperboreus*) въ Калифорніи ловятъ при помощи лассо [4]), а неопытныхъ снигирей и свиристелей, прилетающихъ на берега Финскаго залива, ловятъ въ простой петлѣ прикрѣпленной къ шесту.

---

[1]) First Voyage, p. 116, 158.

[2]) Сибирск. Вѣсти. I, стр. 30 и Врангель, Путеш. I, стр. 131.

[3]) Мнѣ самому привелось видѣть это; тоже самое видѣлъ въ Гудзоновомъ заливѣ Баллантинъ (Revue britannique, 1848, XIV, p. 289.

[4]) United States Expedition, VIII, 1848, p. 249.

Очевидно, что отъ этого пассивнаго безстрашія недалеко до той сознательной довѣрчивости, съ какою въ Исландіи гаги даютъ себя ощупывать, какъ будто зная всю строгость охранительныхъ законовъ, изданныхъ въ ихъ пользу. Подъ такою охраною и на Борнгольмѣ дикіе гуси, какъ мы замѣтили выше (стр. 124) — эти обыкновенно столь боязливыя и осторожныя птицы — стали довѣрчивы къ человѣку.

Въ старину прирученіе дикихъ животныхъ было несравненно легче, чѣмъ теперь. Во-первыхъ старики поучаютъ молодыхъ, а во-вторыхъ (въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія) отъ боязливыхъ птицъ страхъ передъ человѣкомъ переходитъ на ихъ потомство посредствомъ яйца.

Дополненія.

Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Der immerfort an schalem Zeuge klebt,
Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet.

Такъ какъ путевому описанію предлежащаго рода врядъ-ли суждено дожить до втораго «исправленнаго» изданія, то я считаю нелишнимъ вслѣдъ за нимъ помѣстить разныя дополненія, оказавшіяся въ теченіе продолжительнаго его печатанія.

Къ ч. I, стр. 276. Акад. Брандтъ въ одной изъ новѣйшихъ своихъ статей о мамонтѣ (Mittheilungen über die Gestalt und Unterscheidungsmerkmale des Mammuth, въ Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, T. X, стр. 103, примѣч. 3 и 4) счелъ необходимымъ возразить мнѣ на два пункта. Постараюсь доказать, что я съ своей стороны не подавалъ къ этому повода.

Во-первыхъ статья академика Брандта заставляетъ предполагать, будто бы я г. Бэра обвиняю въ томъ, что «извѣстная непонятная фраза au milieu de glaçons, вставленная Адамсомъ, побудила Бэра предположить, что мамонтъ вѣроятно былъ окруженъ страшною массою выброшеннаго на берегъ морскаго льда». Дѣйствительно я выразился такимъ образомъ.

Доказательствомъ противъ обвиненія акад. Брандта можетъ служить слѣдующая буквальная цитата изъ «Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien, von K. E. v. Baer». На стр. 432 этихъ Materialien сказано: «Самое уже употребленіе (Адамсомъ) слова «glaçons», имѣющаго только значеніе льдинъ или ледяныхъ глыбъ, должно возбудить вопросъ, не были ли тутъ моремъ навалены такія глыбы?...

Слѣдовательно море выбрасываетъ здѣсь; этимъ подтверждается догадка, что упомянутые glaçons были пловучія льдины. . . . Стр. 434: И что же означаетъ слово glaçons, употребленное въ разсказѣ Тунгуса въ самомъ началѣ? Не должно ли думать, что животное лежало среди большой кучи ледяныхъ глыбъ? Такая куча полупрозрачна. . . . Стр. 436: Не знаю, на какомъ основаніи можно бы было отрицать, что по этому разсказу мамонтъ найденъ среди льда, пока нѣтъ повода признать самый разсказъ за басню. Разсказъ этотъ впрочемъ сообщенъ Тунгусомъ, который не могъ думать о томъ, сообщаетъ ли онъ о геологически- важномъ фактѣ, но которому хорошо извѣстны были кучи наваленныхъ ледяныхъ глыбъ, торосы Русскихъ. . . . Стр. 441: Торосы въ 70 футовъ вышины Врангель изобразилъ состоящими изъ однихъ обломковъ ледяныхъ полей. Слѣдовательно волненіе моря безъ сомнѣнія подбрасываетъ лёдъ на такую вышину. Достаточно половины этой высоты, чтобы болѣе чѣмъ совсѣмъ засыпать мамонта. . . . Стр. 442: Но если море имѣетъ хотя небольшую глубину, то легко могло случиться, что сюда прибило цѣлую массу торосовъ».

Я буквально передалъ слова Бэра; изъ нихъ ясно слѣдуетъ, что въ то время, когда я путешествовалъ въ Таймырскомъ краѣ, Бэръ съ непоколебимою послѣдовательностію заключилъ (и долженъ былъ заключить) изъ донесенія Адамса, что мамонтъ 1) лежалъ во льду, и притомъ 2) въ морскомъ льду. Слѣдовательно ни то, ни другое не «вымышлено» мною. Это и требовалось доказать.

Само собою разумѣется, что теперь, вслѣдствіе измѣнившагося положенія дѣла, Бэръ совершенно другаго мнѣнія объ этомъ предметѣ; впрочемъ онъ ясно высказался объ этомъ (ср. Mélanges biologiques, T. V, p. 700, 705). Что же касается вопроса, былъ ли это тогда морской или рѣчной ледъ, то я считаю нелишнимъ замѣтить, что мѣсто находки Адамсова мамонта — какъ бы далеко оно ни находилось теперь отъ нынѣшняго морскаго берега — во время существованія мамонтовъ все-таки легко могло быть омываемо самимъ моремъ. По крайней мѣрѣ я успѣлъ, кажется, доказать довольно ясно, что Сибирскій берегъ Ледовитаго моря становится выше и что нѣкогда мѣста нахожденія многихъ мамонтовъ были морскими бухтами, въ виду образовавшихся дельтъ.

Другой пунктъ, на который акад. Брандтъ счелъ нужнымъ возражать мнѣ (см. тамъ-же, стр. 103, прим. 4) относится къ длинѣ шерсти, которая «никогда не достигала $1\frac{1}{2}$ фута длины, какъ сказано у Миддендорфа».

Я говорилъ о шерсти въ $1\frac{1}{2}$ фута длины, потому что, не помню хорошенько гдѣ, въ Сибири или Москвѣ, мѣрилъ волоса длиною въ $1\frac{1}{2}$ фута, принадлежавшіе къ Адамсову мамонту, и вслѣдствіе ихъ мягковатаго, волнистаго свойства, принялъ ихъ за шерсть, а не за волоса.

Но такъ какъ акад. Брандтъ (l. c. p. 105) самъ полагаетъ, что, можетъ быть, у мамонта не только была грива на шеѣ и на затылкѣ, но и длинные волосы, какъ у бизона, на переднихъ ногахъ, на груди и на ребрахъ, то мое наблюденіе совпадаетъ также съ его предположеніями, которымъ показанія миссіонера Хитрова (ср. Mélanges

biologiques de l'Acad. de St. Pétersbourg V, p. 641), сообщенныя намъ Брандтомъ, придаютъ еще болѣе вѣроятія.

Но я обращаю именно вниманіе на длинные пучки волосъ, которые украшаютъ зимній нарядъ сѣвернаго оленя на поясничной сторонѣ и на подгрудкѣ (вплоть до грудной кости) и у сравнительно столь малаго животнаго достигаютъ длины цѣлаго фута. Бэръ справедливо напомнилъ о мускусномъ быкѣ (Mélanges biolog. V, p. 698). Такимъ образомъ слѣдовало бы только окончательно рѣшить, должно ли эту шерсть на туловищѣ или на нижней части тѣла также считать гривными волосами.

Впредь необходимо установить болѣе точное различіе между гривными волосами на шеѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, и остальными гривоподобными волосами передней части тѣла. Въ языкѣ не дѣлается различія между гривою лошади и гривою бизона да льва, у которыхъ вся передняя половина тѣла покрыта довольно длинными волосами.

Послѣ недавней статьи Бэра (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb., X, p. 258; срав. также Petermann, Geogr. Mittheil. 1866, Heft IX, p. 325), подновившей и пополнившей сообщенный мною (во 2-мъ выпускѣ этого сочиненія) перечень случаевъ появленія мамонтовъ съ болѣе или менѣе сохранившимися мягкими частями тѣла, считаю умѣстнымъ упомянуть о замѣчательнѣйшемъ случаѣ такого рода, на который оба мы доселѣ не обратили вниманія. Открытіе необыкновенно хорошо сохранившагося животнаго, которое, въ угоду предположеніямъ Брандта, появилось на свѣтъ Божій стоя, и въ желудкѣ котораго, по тщательномъ изслѣдованіи, оказались «главнымъ образомъ побѣги сосенъ и молодыхъ елей», равно какъ «множество молодыхъ еловыхъ шишекъ, хотя и примѣшанное къ массѣ въ разжеванномъ состояніи», открытіе это, говорю я, очевидно безслѣдно погибло для насъ, ученыхъ, потому что мамонтъ этотъ — увы! — унесенъ былъ волнами и уже не появлялся болѣе. Какое счастіе, что онъ сохранился для насъ въ чрезвычайно живомъ очеркѣ.

Такъ какъ намъ извѣстенъ даже день рожденія предпріимчиваго соотчича моего, которому мы обязаны этимъ необычайнымъ открытіемъ, и такъ какъ передъ нами раскрыта вся его біографія и вся исторія его экспедиціи до послѣднихъ мелочей, то за границею нельзя было сомнѣваться въ его чудесной находкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ вами такое наглое сплетеніе истины и вымысла, что оно смѣло можетъ стать на ряду съ Де-ла-Мартиньеровымъ описаніемъ Новой Земли, извѣстной мистификаціей, которая такъ долго играла роль свою.

Но не хочу лишать читателей моихъ удовольствія, которое каждому долженъ доставить этотъ документъ, столь смѣло разрѣшающій множество научныхъ вопросовъ.

Около 1862 г. въ Нюрнбергѣ Филипъ Кёрберъ издалъ сочиненіе, подъ названіемъ «Kosmos für die Jugend. Blicke in die Schöpfung der Welt und in die Kulturgeschichte der Menschheit, vom Anfang bis zur Gegenwart». Съ 50-й страницы этого сочиненія начинается слѣдующее повѣствованіе:

«Сообщаемъ разсказъ, относящійся къ новѣйшему времени.

«Русское правительство уже лѣтъ десять серьезно занято изслѣдованіемъ наиболѣе судоходныхъ Сибирскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море, съ тѣмъ чтобы сокровища Сибирскихъ лѣсовъ привозить на европейскіе рынки по болѣе удобнымъ, водянымъ путямъ. Съ этою цѣлью по Ледовитому морю вдоль берега плаваютъ легкія суда, которыя самымъ тщательнымъ образомъ занимаются промѣрами, изслѣдованіемъ теченій, съемкою бухтъ, заливовъ и устьевъ рѣкъ, а въ самыя рѣки посылаются опытные лоцмана, обязанные тщательно сондировать ихъ теченіе, ширину и фарватеръ. Къ сожалѣнію работы эти подвигаются очень медленно; тамошнее лѣто продолжается всего не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, слѣдовательно что-же можетъ быть сдѣлано въ такой короткій срокъ.

Бенкендорфъ, инженеръ, образованный и дѣятельный молодой человѣкъ, род. 23 Февраля 1821 года на островѣ Эзелѣ въ Балтійскомъ морѣ, сынъ тамошняго учителя, сталъ въ Рижской городской школѣ преимущественно изучать математическія науки, не пренебрегая однакоже при этомъ остальнымъ своимъ образованіемъ. Каждому молодому человѣку не мѣшало бы послѣдовать этому примѣру, и не довольствоваться (какъ многіе это дѣлаютъ) изученіемъ лишь того, что необходимо со временемъ для куска насущнаго хлѣба. Нужно учиться всему, чему представляется возможность научиться, если бы даже въ то время нельзя было предвидѣть пользы отъ этого ученія.

Такъ поступилъ и Бенкендорфъ. Достигнувъ 20-ти лѣтняго возраста, онъ былъ назначенъ въ рекруты и сдѣлался солдатомъ. Но вскорѣ обнаружились его познанія: онъ былъ прикомандированъ къ рабочей командѣ и вскорѣ назначенъ смотрителемъ надъ рабочими. Тогда онъ выразилъ начальству своему желаніе поступить во флотъ. Такъ какъ онъ во время гарнизонной своей службы прилежно занимался астрономіей, то онъ отлично выдержалъ экзаменъ на званіе морскаго кадета и потому тотчасъ получилъ мѣсто при топографической экспедиціи къ сѣвернымъ берегамъ Сибири. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ онъ постоянно трудился въ императорскомъ топографическомъ институтѣ въ Петербургѣ, а въ Маѣ на кораблѣ, назначенномъ въ его распоряженіе, отправился въ Ледовитое море, продолжать свои изслѣдованія, сообща съ другими людьми его званія. У автора этого сочиненія находится нѣсколько весьма замѣчательныхъ писемъ, которыя Бенкендорфъ писалъ одному изъ своихъ родственниковъ въ Германіи о пребываніи своемъ въ Ледовитомъ морѣ и Сибирскихъ рѣкахъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ сказано слѣдующее:

«Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я къ сожалѣнію не могъ сообщить вамъ подробнѣе объ интересномъ предметѣ, о которомъ вы желали получить свѣдѣнія, потому что все мое время поглощали извѣстныя вамъ обстоятельства. Хорошо впрочемъ и въ другомъ отношеніи, что я тогда не успѣлъ сдѣлать это, потому что мнѣ пришлось бы сообщить вамъ лишь общеизвѣстныя вещи, которыя гораздо лучше описаны въ сочиненіяхъ Гумбольдта, Эренберга, Розе и др. Но при послѣдней экспедиціи я самъ побывалъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ откапываютъ кости и клыки, если только это позволяетъ погода. Нужно вамъ знать, что прежде всего это послѣднее условіе должно быть исполнено,

иначе всѣ хлопоты будутъ безполезны. Дѣло въ томъ, что Сибирь презамѣчательная страна: въ климатическомъ отношеніи тутъ совершенная противуположность тому, что бываетъ въ вашемъ отечествѣ. Если бы у васъ зима продолжалась даже полгода, то все-таки морозъ проникъ бы въ землю не глубже 8—9 футовъ. Вѣдь на вашей памяти уже бывали необычайные морозы. Такъ напр. въ 1829—30 году въ Германіи зима длилась отъ Ноября до Апрѣля и въ Штутгартѣ, говорятъ, средняя температура, по термометру Реомюра, доходила до 30 градусовъ ниже нуля. Вотъ вамъ приблизительно образчикъ Сибирскаго холода отъ Ноября до Мая. Рѣдко ртуть падаетъ ниже, но никогда въ Сибири морозъ не бываетъ меньше 20 градусовъ. Теперь замѣтьте: у васъ почва никогда не замерзаетъ глубже 8 футовъ, потому что въ теченіе вашего лѣта теплота, продолжающаяся гораздо долѣе, проникаетъ глубоко въ землю, такъ что у васъ даже послѣ самой строгой и продолжительной зимы земля до конца Мая совершенно оттаиваетъ. Въ Сибири же бываетъ совершенно противное: зима дѣйствуетъ продолжительнѣе, чѣмъ короткое, хотя и очень жаркое, лѣто. Вслѣдствіе этого почва, замерзающая на неизмѣримую глубину, обыкновенно оттаиваетъ только фута на 3 или на 4; ниже все остается на вѣки въ оцѣпенѣніи и во льду. Но иногда наступаетъ необыкновенная погода; тогда (вслѣдствіе продолжительнаго, теплаго дождя и сильной жары) случается, что можно проникнуть въ почву глубже. Такъ это случилось въ 1811, 1818, 1825, 1834 и 1846 годахъ. Въ этомъ послѣднемъ году въ сѣверной Сибири стояла необыкновенно теплая погода. Уже въ Маѣ на эти обширныя болотистыя мѣстности полились страшные дожди; грозы потрясали землю и не только потоки быстро унесли весь ледъ въ море, но и послѣдовавшія за ними теплыя массы воды, постоянно питаемыя южными дождями, на цѣлыя недѣли превратили огромныя пространства въ озера. Такое состояніе края, въ которомъ намъ приходилось работать, не благопріятствовало нашему намѣренію. Весь Май и Іюнь корабль простоялъ въ заливѣ у острова Ляховскаго, близь Святаго Носа. Мѣстность эта пустынна и страшна; море наполнено огромными массами льда, постоянно угрожающими кораблю и чрезвычайно увеличиваются льдинами въ 8—12 футовъ толщины, которыя Индигирка и другія рѣки извергаютъ въ море. Прилегающій материкъ представляетъ пустынную степь; тамъ рыскаетъ только бѣлый медвѣдь, да бродятъ пугливые сѣверные олени; ни одного человѣка не увидишь въ этихъ страшныхъ пустыняхъ и кому нечего дѣлать, да хочется весело проводить жизнь, тотъ вытерпитъ здѣсь не долго. Когда погода позволяла, мы производили разнаго рода наблюденія, потому что приготовительныя работы наши уже были совершенно окончены во время путешествія. Наконецъ однакоже мы и этимъ устали заниматься; небо, постоянно покрытое туманомъ и густыми тучами, которыя низвергали на насъ цѣлые потопы дождя, повидимому рѣшилось уморить насъ скукою. Но вотъ погода прояснилась; сильный юго-восточный вѣтеръ очистилъ море отъ плававшихъ по немъ льдинъ и весело мы отравились въ путь. Черезъ два дня мы бросили якорь въ заливѣ Индигирки и стали приготовлять свои катера къ поѣздкѣ во внутрь края. Я знаю, что вамъ хотѣлось бы знать кое-что объ устройствѣ этихъ маленькихъ судовъ. Такъ знайте-же, что

это небольшіе, похожіе на Неккарскія лодки, желѣзные пароходы, которыхъ два везетъ съ собою фрегатъ. Эти катера сидятъ въ водѣ не глубже двухъ футовъ, снабжены углемъ на 6 недѣль и берутъ съ собою столько провизіи, сколько экипажу нужно на это время. На каждомъ катерѣ находятся помощникъ корабельнаго доктора; кромѣ того два истопника и машинистъ, унтеръ-офицеръ и десять черноморскихъ стрѣлковъ. Главнымъ начальникомъ этого небольшаго военнаго судна былъ назначенъ я, а младшими — мои два техническихъ помощника

Въ первый-же благопріятный день мы поплыли вверхъ по Индигиркѣ, но тутъ нечего было и думать о материкѣ: мы находились на огромномъ озерѣ, наполненномъ грязно-бурою водою, и узнавали рѣку только по дико-крутящемуся, глухо-ревущему теченію. На встрѣчу намъ неслись по водѣ деревья, мохъ, цѣлыя массы торфа, такъ что мы подвигались лишь съ трудомъ и среди разныхъ опасностей. На другой день мы успѣли пройти верстъ 40 вверхъ по рѣкѣ, но постоянно кому-нибудь изъ насъ приходилось держать въ рукахъ багоръ для сондировки, и по временамъ судно получало такіе толчки, что дрожало до самого киля. Деревянное судно разлетѣлось бы въ дребезги. Вокругъ насъ видна была лишь затопленная земля. Восемь дней сряду, при одинаковыхъ затрудненіяхъ, мы пробирались вверхъ по рѣкѣ, пока наконецъ доплыли до мѣста, гдѣ насъ должны были ожидать наши Якуты. Далѣе кверху лежитъ мѣстечко Уяндина, изъ котораго намъ должны были выслать людей на встрѣчу; но ихъ не было, вѣроятно помѣшало наводненіе. Побывавъ здѣсь уже въ прошломъ году, мы знали мѣстность. Но какъ она измѣнилась! Протекавшая здѣсь Индигирка, версты въ три ширины, изорвала почву и прорыла себѣ новыя ложа. Когда вода наконецъ сбыла, то мы увидѣли, что старинное большое русло превратилось въ жалкій притокъ. Это заставило меня подумать, что почва размягчилась очень глубоко и мы тотчасъ-же принялись измѣрять и наносить на карту новое главное русло. Оно проникло въ почву въ западномъ направленіи. Впослѣдствіе мы пристали къ новому берегу и слѣдили за подмываніемъ бушевавшей воды, которая съ удивительной быстротой отрывала и уносила цѣлыя глыбы, даже десятины, размягчившейся болотистой и глинистой почвы. Тутъ-то мы сдѣлали замѣчательное открытіе.

Земля, на которую мы взобрались, была болото, состоявшее изъ жирной почвы, покрытой густою сѣтью молодыхъ растеній. Разные красивые цвѣтки услаждали зрѣніе подъ теплымъ лучемъ свѣтящаго 22 часа сряду, почти вовсе не заходящаго солнца. Рѣка бушевала и уносила эту мягкую, промокшую почву, какъ солому, такъ что опасно было подходить слишкомъ близко къ краю. Притаясь, мы слышали подъ ногами своими глухое клокотаніе и бурленіе, которыя свидѣтельствовали о дѣйствіи разрушительныхъ водъ. Вдругъ стрѣлки наши, бродившіе повсюду, громко вскрикнули, указывая на странный и безобразный предметъ, который отъ дѣйствія воды то поднимался, то опять опускался. Я уже замѣтилъ его, но принялъ за плывущій лѣсъ и не обратилъ на него дальнѣйшаго вниманія. Теперь мы всѣ кинулись къ берегу, приказали подъѣхать лодкѣ и ждали, пока опять покажется этотъ таинственный предметъ. Для нашего нетерпѣнія это продолжа-

лось довольно долго; наконецъ изъ мутной влаги показалось что-то черное, страшное, исполинское и что же — изъ воды всплыла на верхъ огромная слоновая голова, вооруженная огромными клыками. Вслѣдствіе волненія воды длинный хоботъ покачивался то туда, то сюда, въ родѣ привидѣнія, какъ будто животное отыскивало въ ней что-то потерянное. Притаивъ дыханіе и съ удивленіемъ я глядѣлъ на чудовище, находившееся отъ меня не болѣе какъ въ 12 шагахъ; въ полуоткрытыхъ глазахъ его, совершенно сохранившихся, виднѣлся еще бѣлокъ. «Мамонтъ, мамонтъ!» завопили черноморцы, а я закричалъ: «скорѣе подавайте цѣпи, канаты!»

Я не стану говорить о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ нами для того, чтобы овладѣть исполинскимъ животнымъ, тѣло котораго угрожали отнять у насъ бушующія воды. Такъ какъ оно снова исчезло, то матросы, находившіеся въ лодкѣ, выжидали только случая накинуть ему канатъ на шею. Это удалось лишь послѣ нѣсколькихъ попытокъ. Намъ впрочемъ нечего было бояться, потому что ближайшее изслѣдованіе почвы убѣдило меня, что задними ногами мамонтъ торчалъ еще въ землѣ и что вода вымывала изъ нея его гигантское тѣло. И такъ, мы укрѣпили вокругъ шеи его канатъ, прицѣпили къ большимъ въ 8 фут. длины клыкамъ его цѣпь, вбили шагахъ въ 20 отъ берега здоровый колъ и привязали къ нему цѣпь и канатъ. День прошелъ скорѣе, чѣмъ я думалъ, но я не могъ дождаться времени, когда мнѣ удастся вполнѣ овладѣть животнымъ, потому что лишь черезъ 24 часа рѣка совершенно высвободила его. Интересно было для меня положеніе животнаго: оно стояло въ землѣ, а не лежало, какъ издохшія животныя, на боку или на спинѣ. Изъ этого обстоятельства я вывелъ заключеніе о томъ, какимъ образомъ животное погибло. Мягкая болотистая почва, на которую оно вступило нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, подалась подъ тяжестію исполина: онъ завязъ въ ней ногами, и не будучи въ состояніи выбраться оттуда, погибъ въ этой странной могилѣ, а потомъ вслѣдствіе сильнаго мороза оледенѣлъ вмѣстѣ съ поглотившимъ его болотомъ. Послѣднее же продолжало расти и цвѣсти, измѣняясь каждое лѣто. Можетъ быть, при наводненіи рѣка нѣкогда накопила здѣсь массы песку и остатковъ растеній, или, Богъ вѣдаетъ, что содѣйствовало сохраненію этого тѣла? Но теперь рѣка еще разъ вызвала его на свѣтъ Божій, и я, — относительно жизненнаго срока эфемера въ сравненіи съ этимъ допотопнымъ исполиномъ — какъ разъ во время посланъ сюда небомъ, чтобы встрѣтить его. Не удивляйтесь, что я прыгалъ отъ радости.

Пока мы ужинали, караульный постъ увѣдомилъ насъ о появленіи какихъ-то людей. На быстрыхъ мохнатыхъ лошадяхъ подъѣхала къ намъ толпа Якутовъ — это были назначенные къ намъ люди, которые, увидя насъ, очень обрадовались. Прибытіе ихъ увеличило нашъ составъ до 58 человѣкъ. Когда мы имъ показали необыкновенную добычу свою, они поспѣшили къ рѣкѣ; смѣшно было слушать, какъ они тороторя и болтая сообщали другъ другу свои взгляды и побасенки. Сегодня я уже не тревожилъ ихъ, но на слѣдующій день, когда канатъ и цѣпь сильно рванулись, свидѣтельствуя этимъ, что мамонтъ совер-

шенно высвободился изъ земли, — я приказалъ имъ вытащить огромное животное это на берегъ, при чемъ мы, на сколько могли, хотѣли помочь имъ.

Послѣ большихъ трудовъ, при которыхъ лошади оказали значительную помощь, намъ удалось наконецъ вытащить животное на сушу и оттащить его шаговъ на 12 отъ берега. Къ сожалѣнію теплый воздухъ уже сталъ разлагать древнюю огромную мясистую массу исполинскаго животнаго, на которое всѣ мы глядѣли съ какимъ-то почтительнымъ удивленіемъ.

Представьте себѣ слона въ 13 футовъ вышины и почти 15 футовъ длины, по всему тѣлу покрытаго толстымъ мѣхомъ, вооруженнаго длинными футовъ въ 8 клыками (которые сильно загнуты кверху и обращены концами наружу), съ огромнымъ въ 6 футовъ длины хоботомъ, въ обхватъ дерева въ основаніи, на колосальныхъ ногахъ въ $1\frac{1}{2}$ фута толщины и съ голымъ хвостомъ, у котораго только на концѣ большой клочекъ волосъ. Животное было жирно и дородно; смерть настигла его въ избыткѣ его силъ. Голыя уши его, величиною въ телячью кожу, страшно вздернутыя, лежали на головѣ, а на плечахъ и на спинѣ у него были очень крѣпкіе, въ футъ длины волосы, похожіе на гриву. Болѣе длинные волосы были темно-бураго цвѣта и курчавы; на головѣ они были до того перепутаны и такъ пропитаны смолой, что походили на кору стараго дуба; по бокамъ же они были чище и подъ верхними волосами повсюду виднѣлась блѣдно-бурая, очень мягкая, теплая и густая шерсть. Слѣдовательно исполинъ былъ хорошо защищенъ отъ мороза.

Вся наружность животнаго была страшна, чрезвычайно странна и дика. Она не имѣла формы теперешняго слона; голова его, въ сравненіи съ головою индѣйскаго слона, была груба, черепъ узокъ, низокъ и малъ, хоботъ же и ротъ гораздо больше, зубы страшныхъ размѣровъ. Нашъ слонъ неповоротливое животное, но къ этому мамонту онъ относится какъ прекрасный арабскій конь къ безобразной и неуклюжей извощичьей клячѣ. Я невольно вздрогнулъ, когда подошелъ къ головѣ; потускнѣвшіе, но раскрытые глаза придавали мамонту такой видъ, какъ будто онъ еще живъ; мнѣ казалось, что вотъ еще минута, и онъ встанетъ и съ ревомъ уничтожитъ всѣхъ насъ.

Но въ тоже время предо мною носились другія картины. Къ какому времени относится это животное? Сколько тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ оно погребено было въ этомъ ледяномъ болотѣ Сибири? Гдѣ и какъ жило оно? Куда дѣлись другія животныя этой породы? Вслѣдствіе какого переворота нашей земной поверхности страны эти, въ которыхъ нѣкогда водились такіе исполины, измѣнились до того, что теперь стали такими страшными пустынями? И что же было съ человѣкомъ? Существовали ли люди уже въ то время, когда тутъ бродили мамонты? Жили ли здѣсь люди? На какой степени образованія находились они?

Вы видите, что находка эта подаетъ поводъ къ очень важнымъ вопросамъ. Къ сожалѣнію я менѣе всякаго другаго въ состояніи рѣшить ихъ. Попытайтесь сами вмѣсто меня разрѣшить эти загадки или предложить разгадку другимъ. У вашего мыслящаго и пытливаго народа наука восходитъ вѣдь до самого періода творчества. Можетъ быть,

мамонтъ созданъ лишь долго послѣ того періода; слѣдовательно до его времени мыслителю предстоитъ не слишкомъ долгій путь.

Я не зналъ, съ чего начать. Отвратительный запахъ тѣла показывалъ, что пора спасать, что можно будетъ спасти; кромѣ того бушующая рѣка заставляла торопиться. Прежде всего я приказалъ отбить клыки и свезти ихъ на катеръ; за тѣмъ люди мои стали сдирать кожу съ животнаго. Но это была хлопотливая работа, которая при всемъ добромъ желаніи подвигалась лишь медленно. Когда разрѣзали пузо животнаго, — изъ него выкатились кишки и вонь сдѣлалась до того невыносимой, что я не могъ одолѣть отвращенія и отошелъ въ сторону. Но я велѣлъ вырѣзать желудокъ, отнести его въ сторону и вскрыть. Онъ былъ биткомъ набитъ и содержаніе его было чрезвычайно поучительно и превосходно сохранено. Оно состояло преимущественно изъ побѣговъ сосенъ и молодыхъ елей; кромѣ того къ этимъ массамъ примѣшано было множество молодыхъ еловыхъ шишекъ, хотя и въ разжеванномъ видѣ.

Такимъ образомъ вамъ представляется случай вывести изъ этого разныя заключенія о климатѣ, господствовавшемъ въ мѣстонахожденіи животнаго, и объ образѣ его жизни. Но во всякомъ случаѣ вы поступили бы осторожнѣе автора этого письма. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда животное стали потрошить, я пренебрегъ всѣми мѣрами предосторожности; я былъ такъ-же беззаботенъ и неразуменъ, какъ мои Якуты, не замѣтившіе, что подъ ногами ихъ земля постепенно опускалась, пока наконецъ страшный крикъ убѣдилъ меня, — ковырявшаго еще въ желудкѣ животнаго, — что должно быть случилось несчастіе. Испуганный, я вскочилъ и увидѣлъ, что земля, на которой лежало съ трудомъ спасенное нами животное, вмѣстѣ съ нимъ и съ 5 Якутами исчезла въ волнахъ рѣки. Къ счастію наша лодка находилась вблизи отъ насъ; бѣдные работники наши всплыли на верхъ и были спасены, но мамонтъ былъ унесенъ волнами и — увы! — уже не всплылъ болѣе!»

На этомъ письмо и оканчивается. Можно надѣяться, что со временемъ авторъ его самъ напечатаетъ этотъ эпизодъ и многіе другіе замѣчательные случаи, испытанные и видѣнные имъ во время его пребыванія въ Сибири. Но мы рады, что изъ богатаго его запаса до насъ дошла и могла быть сообщена нашимъ читателямъ по крайней мѣрѣ эта небольшая крупица.

Къ ч. I, стр. 284. Я чрезвычайно радъ, что дружескому расположенію сотрудника моего по первой части этого сочиненія, графа А. Кейзерлинга, обязанъ нижеслѣдующею пояснительною замѣткою. Графъ Кейзерлингъ сообщаетъ мнѣ въ письмѣ своемъ:

«Вы упомянули, что по мнѣнію Буха, *Ceratites Hedenströmi* совпадаетъ съ однимъ изъ прежде извѣстныхъ видовъ, но что Вамъ не удалось справиться объ этомъ въ соч. Буха. Считаю нелишнимъ замѣтить, что въ изданныхъ въ 1850 году Abhandl. der Königl. Akademie der Wissensch. zu Berlin, aus dem Jahre 1848, Бухъ по случаю добытой въ Люневиллѣ раковистой извести и найденной также во многихъ мѣстахъ нѣмецкой раковистой извести *Ammonites semipartitus* Montf., выражается (на стр. 12) слѣдующимъ образомъ:

«Нисколько не сомнѣваюсь, что сюда слѣдуетъ также причислить *Ammonites Hedenströmi*, съ Ледовитаго моря, который намъ отлично извѣстенъ изъ сочиненія графа Кейзерлинга. Прекрасные рисунки и прекрасное описаніе не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ. Г. Эйхвальдъ первый описалъ его. Графъ Кейзерлингъ опредѣляетъ его еще точнѣе. Но онъ самъ полагаетъ, что глубокій второстепенный Lobus въ хребетномъ сѣдлѣ, встрѣчающійся не на большемъ, а на меньшемъ изъ изображенныхъ кусковъ, не должно считать существеннымъ признакомъ. Остальные Lobus такъ похожи на Lobus Люневильскаго аммонита, что во швѣ вы встрѣчаете даже два маленькихъ, очень зубчатыхъ дополнительныхъ Lobus».

«Такъ какъ (продолжаетъ за тѣмъ графъ Кейзерлингъ) весьма важно на глубочайшемъ сѣверѣ найти руководную раковину типической раковистой извести, то весьма желательно самое тщательное сравненіе признаковъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ новаго вида не счелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго корифея науки. Предположеніе Буха, что замѣчательное развитіе средняго спиннаго сѣдла у *C. Hedenströmi* не считалось существеннымъ признакомъ, — ничто иное, какъ недоразумѣніе. Пока у *C. semipartitus* не замѣчено ничего подобнаго, до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи о сходствѣ Lobus'овъ въ обоихъ видахъ. Но и помимо этого, *Cerat. nodosus* и *Cerat. semipartitus* въ отношеніи Lobus гораздо ближе другъ къ другу, потому что у обоихъ широкія сѣдла, а не такія, какъ у *C. Hedenströmi*, т. е. болѣе высокія, чѣмъ широкія; кромѣ того у нихъ 4 вспомогательныя сѣдла, тогда какъ у *C. Hedenströmi* не болѣе двухъ. Но нѣтъ уже никакой надобности вдаваться въ такіе мелочные признаки, коли дѣло идетъ о томъ, чтобы отличать столь несходные между собою виды, какъ *C. Hedenströmi* и *C. semipartitus*. О *C. semipartitus* Бухъ говоритъ: «Эту спину Шлотгеймъ назвалъ бы обстроганной; она совершенно гладка и по сторонамъ разграничена острыми краями, которые округляются только на большихъ кускахъ вслѣдствіе тренія». Напротивъ того, у *C. Hedenströmi* спинка по сторонамъ вовсе не отдѣлена, широко ло она округлена, какъ у малыхъ экземпляровъ, или оканчивается тупымъ угломъ, какъ на большихъ кускахъ, безъ всякаго слѣда краевъ по обѣимъ сторонамъ. Далѣе говорится о *C. semipartitus*: «Едва восьмая часть предыдущей извилины видна», но это уже гораздо болѣе, чѣмъ у *C. Hedenströmi*, гдѣ пупъ такъ узокъ, что въ немъ вовсе не видно внутреннихъ извилинъ.

Такимъ образомъ *C. Hedenströmi* до того отличается отъ *C. semipartitus* во всѣхъ главныхъ пунктахъ, т. е. въ величинѣ спины, формѣ пупа и направленіи Lobus, и кромѣ того до такой степени оказывается отсутствіе всѣхъ переходныхъ формъ, что Бухъ безъ сомнѣнія призналъ бы самостоятельность новаго вида, если бы ему представился случай встрѣтить въ природѣ относящіяся сюда формы».

Къ ч. I, стр. 532. Борщовъ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1865, VII, прил. I-е, стр. 163) нашелъ, что въ южной Башкиріи *Betula alba* подъ 52° с. ш. встрѣчалась еще сплошными рощами, а подъ $49\frac{1}{2}$° с. ш. по одиночкѣ въ котловинѣ.

Къ ч. I, стр. 538, примѣч. 5. Борщовъ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1865, VII, прил. I-е, стр. 71) помѣщаетъ южный предѣлъ липы въ Оренбургской губерніи подъ $51\frac{3}{4}°$, гдѣ она, говорятъ, встрѣчается уже въ очень плачевномъ видѣ. По ту сторону Урала тамъ уже нѣтъ ни одного дерева.

Къ ч. I, стр. 580, примѣч. 2. Борщовъ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1865, VII, прил. I-е, стр. 168) встрѣтилъ *Pinus sylvestris* въ Арало-Каспійскомъ водоемѣ еще у $51\frac{1}{2}°$ с. ш.

Къ Прибавл. IV-му предыдущаго выпуска, стр. XXV. Маръ, это чисто-якутское слово намъ пришлось встрѣтить опять въ Европѣ! По видимому оно находится даже въ самой тѣсной связи съ французскимъ «marais». Кромѣ того я гдѣ-то прочелъ, что имя Померанія до сихъ поръ ошибочно производилось отъ славянскаго «по-море», и что его слѣдуетъ производить отъ словъ «по-маръ». И теперь еще говорятъ, тамъ, дѣлаютъ различіе между «Heu-Mar, Weide-Mar и Wald-Mar. Такимъ-же образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять и названія мѣстностей Horstmar, Calmar, Amar, Weimar».

Къ ч. II, стр. 17, строка 20 снизу. Къ поименованнымъ тамъ животнымъ слѣдуетъ еще прибавить волковъ и горностаевъ.